

ФРИТЭФЪ

НАКСЕНЪ

ИЗДАНИЕ
А.Ф. ДЕРЖИНА.
СПБ.

Библиотека
для служащих
Госуд. Банка

Изданія А. Ф. ДЕВРІЕНА:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. Остр., Румянцевская площ., соб. домъ.

Путешествіе братьевъ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайла въ Западный Китай.

Обработано по подлиннымъ сочиненіямъ путешествен. **М. А. Лялиной.**
Съ 49 рис., 2-мя портр. и картою. ЦѢНА 2 руб. 50 коп., въ пер. 3 руб.

Натуралистъ въ Ла-Платѣ.

Картины изъ жизни животныхъ въ Ла-Платѣ. **У. Г. ХЕДСОНА.**
Переводъ съ англ. **Д. Д. Струнина.** Съ иллюстраціями въ текстѣ.
Въ иллюстр. перепл. ЦѢНА 2 руб., въ папкѣ 2 руб. 25 коп.

Изданіе это рекомендовано Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ средняго и старшаго возрастовъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ лѣсу и въ полѣ.

Очерки изъ жизни животныхъ и растений. **П. Вольногорскаго.**

Съ 137 рисун. и отдѣльной раскрашенной таблицей.

ЦѢНА въ обложкѣ 2 р. 75 к., въ роскошн. коленкор. перепл. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Чуженды. — Пернатые архитекторы. — Оружіе растений. — Страничка изъ жизни лѣса. — Маскарады насѣкомыхъ и пауковъ. — Восьминогіе хищники. — Лѣтнею ночью. — Листопадъ. — Бабье лѣто. — Паутина. — Исчезающіе животныя. — Зимняя прогулка. — Подземные жители. — Подъ снѣгомъ.

Книга эта одобрена Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ средняго и старшаго возрастовъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Рекомендовано Главн. Управл. Военно-Учебн. завед. для ротн. библ. кадетскихъ корпусовъ.

Старинныя сказанія чешскаго народа.

Составилъ **А. Ирсекъ.** Переводъ съ чешскаго **М. А. Лялиной.**

Съ 93 иллюстраціями *Венцеслава Чернаго.*

ЦѢНА въ обложкѣ 3 руб. 50 коп., въ коленк. перепл. 4 руб. 25 коп.

Одобрено для ученич. библиотекъ средняго и старшаго возраст. среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

Допущено въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

ПИТЕРЪ МАРИЦЪ,

молодой буръ изъ Трансваала. Историческій разсказъ **А. НИМАНА.**

Переводъ съ разрѣшенія автора съ 6-го нѣмецкаго изданія **А. и П. Ганзенъ.**

Съ 67 рисунками. ЦѢНА 3 р. 50 к., въ иллюстр. перепл. 4 р. 25 к.

Одобрено какъ для ученич. средняго и младшаго возрастовъ, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв., такъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

СЕВАСТОПОЛЬ

и его славное прошлое. Соч. **А. П. Валуевой** (Мунтъ).

Съ 30 полиптиками въ текстѣ и 4-мя отдѣльными рисунками въ краскахъ по оригиналамъ художника **Н. С. Самокиша.**

ЦѢНА въ обложкѣ 2 р. 75 к., въ коленкор. перепл. 3 р. 50 к.

Учен. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ допущено въ ученич. библ. духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученич. библ. всѣхъ вообще среди. заведеній и допущено въ бесплатныя читальни.

Учебн. Комит. Вѣдомства Императрицы Маріи рекомендовано для ученич. библиотекъ среди. и старш. возр. среди. учебн. заведеній.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

2-го августа 1896 года весь цивилизованный міръ узналъ о счастливомъ возвращеніи на родину знаменитаго норвежскаго путешественника Фритъофа Нансена, отплывшаго въ крайнія полярныя области еще лѣтомъ 1893 года. Цѣлыя три года о смѣломъ путешественникѣ не было никакихъ извѣстій, и это обстоятельство еще болѣе усиливало напряженность, съ которою ожидали исхода грандіозной экспедиціи Нансена, а также общій интересъ къ его личности и судьбѣ.

Желаніе удовлетворить этотъ интересъ и побудило „Сѣверную издательскую фирму“ въ Копенгагенѣ предпринять весною 1896 г. предложенную нами тогда же въ русскомъ переводѣ книгу: „Фритъофъ Нансенъ“, цѣлью которой было выяснить условія, при которыхъ развилась столь мощная, крупная личность, а также дать возможно яркую характеристику Нансена, не только какъ путешественника, но и какъ человѣка и какъ ученаго.

До тѣхъ поръ Нансенъ былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, даже у себя на родинѣ, какъ смѣлый путешественникъ и талантливый писатель, авторъ двухъ интересныхъ трудовъ: „На лыжахъ черезъ Грѣнландію“ и „Жизнь эскимосовъ“; о самой же его жизни и развитіи, какъ человѣка и ученаго, было извѣстно очень мало. Между тѣмъ, развитіе такой выдающейся личности, какъ Нансенъ, совершившій еще въ молодые годы поразительную по своей смѣлости и научному значенію экспедицію — переходъ черезъ материковый ледъ Грѣнландіи — и затѣмъ предпринявшій еще болѣе грандіозную экспедицію въ область полюса, безспорно представляетъ чрезвычайный интересъ.

Составленіе упомянутой книги было поручено проф. Брѣггеру и Нордалю Рольфсену, которые въ сотрудиществѣ съ другими выдающимися учеными и выполнили свою задачу весьма успѣшно:

книга о Нансенѣ явилась настоящей героической сагой, повѣствующей о юности, трудахъ, служеніи наукъ и подвигахъ современнаго викинга.

Во время печатанія русскаго перевода книги, заканчивавшейся грустнымъ вопросомъ одного изъ друзей Нансена о судьбѣ послѣдняго, весь міръ облетѣла радостная вѣсть о благополучномъ возвращеніи сначала самого Нансена съ однимъ товарищемъ, а затѣмъ и всѣхъ остальныхъ участниковъ знаменитой экспедиціи. Мы и воспользовались случаемъ дополнить русское изданіе особой главой, посвященной описанію возвращенія членовъ экспедиціи и изложенію вкратцѣ научныхъ результатовъ послѣдней. Приступая же ко второму изданію книги, мы сочли нужнымъ включить въ нее и описаніе самой экспедиціи, составленное по выпедшему за этотъ промежутокъ времени новому литературно-научному труду Нансена: „На „Фрамъ“ черезъ полярное море“.

Успѣхъ, которымъ пользовалась книга въ первомъ изданіи, нашедшемъ, благодаря одобренію Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, широкое распространеніе среди русскаго юношества, позволяетъ намъ надѣяться, что и второе изданіе будетъ встрѣчено такъ же сочувственно, тѣмъ болѣе, что книгѣ приданы еще большій интересъ и цѣнность. Взамѣнъ нѣкоторыхъ, менѣе интересныхъ для русскихъ читателей главъ, выпущенныхъ дабы избѣжать чрезмѣрнаго увеличенія объема книги, включено, какъ уже упомянуто, описаніе главной экспедиціи Фритъофа Нансена въ сокращенномъ изложеніи А. и П. Ганзенъ.

Издатель.

Сентябрь 1901 г.

Фритьофу Нансену.

Стихотвореніе Бьёрнстjerne-Бьёрнсона.

Шель отъ извѣстнаго къ невѣдомому онъ,
Какъ мысль, предчувствіемъ однимъ руководимый.
Разгадки тайна ждетъ тамъ съ-испоконъ временъ,
Куда съ собой унесъ онъ флагъ страны родимой.

Тотъ славный флагъ имъ въ путь недаромъ взять
съ собой:

Будить нормановъ духъ геройскій въ немъ онъ станетъ.
Когда-же снова ихъ увидитъ край родной,
И къ берегамъ норвежскимъ викингъ вновь пристанетъ?

На «Фрамъ» вмѣстѣ съ нимъ — сдается намъ — плывстъ
И счастье юное Норвегіи родимой!

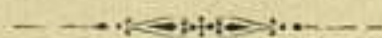
Сдается — солнца блескъ полнощный принесетъ
На нашемъ флагѣ онъ — герой неустрашимый!

Сдается — ринулся ^{на (!)} онъ встрѣчу духамъ злымъ,
Чтобъ помѣшать раздоръ имъ сѣять между нами!
Вѣдь, подвигъ — что огонь; расплавленные имъ
Сольемся мы въ одинъ побѣдный мечъ сердцами!

Перев. **Анны Ганзенъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	V
Фритьофу Нансену. Стихотвореніе Вьёрнстьерне-Вьёрнсона	VII
Предки и дѣтство Фритьофа Нансена	1
Нормаркенъ	17
Въ Ледовитомъ океанѣ (по путевому дневнику Нансена)	25
Въ Бергенѣ	42
Въ Неаполѣ	60
Нансенъ-біологъ (статья Густава Реціуса)	69
Грѣнландія	78
Ледниковый періодъ	90
Подготовленія къ Грѣнландской экспедиціи	110
На лыжахъ черезъ Грѣнландію	127
Научное значеніе Грѣнландской экспедиціи	147
Дома и на чужбинѣ	155
Ева Нансенъ. Неудавшееся интервью (Нордаля Рольфсена)	188
Историческій обзоръ полярныхъ экспедицій (Акселя Арсталя)	208
Норвежская полярная экспедиція 1893 — 96 г. въ сокращен. изложеніи А. и П. Ганзенъ	235

[illegible]

1

1

10

10

1

1

Предки и дѣтство Фритъофа Нансена.

Родоначальникомъ фамиліи Нансенъ былъ человѣкъ, поистинѣ замѣчательный — датчанинъ Гансъ Нансенъ, жившій около середины семнадцатаго столѣтія и съ юности проявлявшій настойчивость и твердость характера, жажду дѣятельности и знанія и большія способности. 16 лѣтъ отъ роду онъ совершилъ по тѣмъ временамъ поистинѣ сказочное путешествіе на кораблѣ отъ г. Фленсборга въ Бѣлое море, выучился по русски, пѣшкомъ прошелъ по Россіи отъ Колы до г. „Куванца“ (предп. Ковно) и оттуда уже отплылъ въ Копенгагенъ.

21 года отъ роду Гансъ Нансенъ былъ назначенъ начальникомъ датской промышленной экспедиціи, посланной королемъ датскимъ Христіаномъ IV въ богатая пушнымъ звѣремъ земли на Печорѣ. Во время зимовки у Колы Гансъ Нансенъ по порученію русскаго царя изслѣдовалъ нѣкоторыя побережья Бѣлаго моря.

Затѣмъ онъ десять лѣтъ подъ рядъ плавалъ съ судами Исландской компаніи, а въ часы досуга составилъ книгу „Compendium cosmographicum“, въ которой были собраны всевозможныя свѣдѣнія по астрономіи, физикѣ, космографіи, географіи и исторіи, указанія объ измѣреніи высоты небесныхъ свѣтилъ, морскія курсовыя таблицы, таблицы приливовъ и отливовъ, заката солнца и звѣздъ и пр. и пр.

Современнаго читателя, далеко ушедшаго впередъ въ научномъ отношеніи, многія изъ свѣдѣній, даваемыхъ Гансомъ Нансеномъ, могутъ лишь повергнуть въ изумленіе или позабавить, но для того времени книга являлась въ высшей степени полезною и стала прямо таки настольною для народа, особенно для моряковъ и простыхъ горожанъ.

Около 40 лѣтъ отъ роду Гансъ Нансенъ смѣнилъ званіе кормчаго на званіе градоправителя; въ 1654 г. онъ былъ избранъ первымъ бургомистромъ Копенгагена. Умный, находчивый, краснорѣчивый, съ твердой, непреклонной волей и громадной энергіей онъ былъ какъ-бы созданъ стоять во главѣ гражданъ въ наступившія затѣмъ критическія времена: сначала во время войны Даніи съ Швеціей, когда Копенгагенъ геройски выдержалъ тяже-

Гансъ Нансенъ.

лую осаду и штурмъ, и затѣмъ въ то смутное время, когда Данія изъ страны съ выборнымъ (дворянами) королемъ готовилась стать страною престолонаслѣдія. И въ первомъ и во второмъ случаѣ Гансъ Нансенъ съ предводительствуемыми имъ гражданами сыгралъ рѣшающую роль, проявивъ свои характерныя качества, заставляющія невольно вспомнить его потомка, Фритъофа Нансена, о которомъ пойдетъ рѣчь въ этой книгѣ. Качества эти, передаваясь въ длинномъ рядѣ восходя-

щаго потомства, перешли и къ послѣднему, и онъ самъ сознаетъ въ себѣ эти наслѣдственные черты. Такъ въ одномъ письмѣ къ отцу онъ прямо упоминаетъ о „Нансеновской гордости и непреклонности“, перешедшей у него въ несокрушимое упорство въ достиженіи цѣли.

Данныя черты не являются, однако, въ Фритъофѣ Нансенѣ единственно наслѣдіемъ съ отцовской стороны. Съ материнской въ жилахъ его течетъ кровь дворянскаго рода Веделей, даващаго Даніи

нѣсколькихъ замѣчательныхъ военныхъ и политическихъ дѣятелей, отличавшихся храбростью, энергіей, даровитостью и честностью.

Пропустивъ всѣхъ остальныхъ предковъ знаменитаго путешественника, мы посвятимъ лишь нѣсколько словъ ближайшимъ: дѣду и бабу съ отцовской стороны.

Дѣдъ Фритьофа Нансена, областной судья Гансъ Сейердаль Нансенъ, праправнукъ знаменитаго Ганса Нансена и сынъ Анхера Антонія Нансена, переселившагося въ Норвегію и положившаго основаніе норвежской вѣтви рода Нансеновъ, былъ человекомъ весьма даровитымъ, артистической и поэтической натурой и пламеннымъ, почти необузданнымъ патриотомъ. Жена его, Венделія Христіана Луиза, датчанка родомъ, была натурой, рѣдко одаренной, съ острымъ, гибкимъ умомъ, очень образована и начитана и отличалась замѣчательнымъ знаніемъ языковъ, а также литературными дарованіями. Возможно, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ характерныхъ чертъ дѣда и бабушки перешли къ Фритьофу Нансену нѣсколько видоизмѣненными, — и онъ проявляетъ пылкость, нѣкоторую необузданность нрава и поэтическія наклонности — хотя и въ иныхъ формахъ. Свѣтъ знаетъ его, главнымъ образомъ, какъ неутомимаго страстнаго дѣятеля науки и путешественника, но — какъ увидимъ — онъ является также истиннымъ любителемъ литературы и искусствъ, а также даровитымъ и общедоступнымъ писателемъ.

Бальдуръ Нансенъ съ Фритьофомъ.

Что-бы тамъ, однако, ни говорили о роли наслѣдственности, воспитаніе и обстановка дѣтства играютъ все-таки еще болѣе важную и несомнѣнную роль; къ этому-то мы и перейдемъ теперь.

Самъ Нансенъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1885 г.): „Да, не удивительно-ли, право! Если кому вообще можно было-

бы вообразить себя подъ покровительствомъ особаго генія судьбы—такъ это мнѣ: часто именно въ самые критическіе моменты моей жизни со мною случалось нѣчто такое, что какъ бы прямо указывало мнѣ путь“. — Справедливость этихъ словъ подтвердится ниже всей вообще біографіей Нансена, но уже и здѣсь можно утверждать, что геній судьбы принялъ его подъ свою руку съ самой колыбели, давъ ему именно ту семейную обстановку, окру-

Бальдуръ Фритьофъ Нансенъ.

живъ его именно тою природою, которыя были ему нужны, могли создать изъ него отважнаго путешественника, стремящагося къ великимъ цѣлямъ.

Отецъ Фритьофа, Бальдуръ Фритьофъ Нансенъ, въ студенческіе годы былъ, что называется, примѣрнымъ юношей, — прилежнымъ, честнымъ, добросовѣстнымъ и въ высшей степени благовоспитаннымъ. Не обладая особенными способностями, онъ благодаря тщательному домашнему воспитанію, вліянію строгой и умной матери, а также собственному трудолюбію, прекрасно сдалъ

всѣ университетскіе экзамены и отлично окончилъ юридическій факультетъ. Занимая должность секретаря суда, онъ занимался еще частными дѣлами, и главною его дѣятельностью было посредничество при совершеніи различныхъ коммерческихъ сдѣлокъ; въ этой сферѣ онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ своихъ согражданъ.

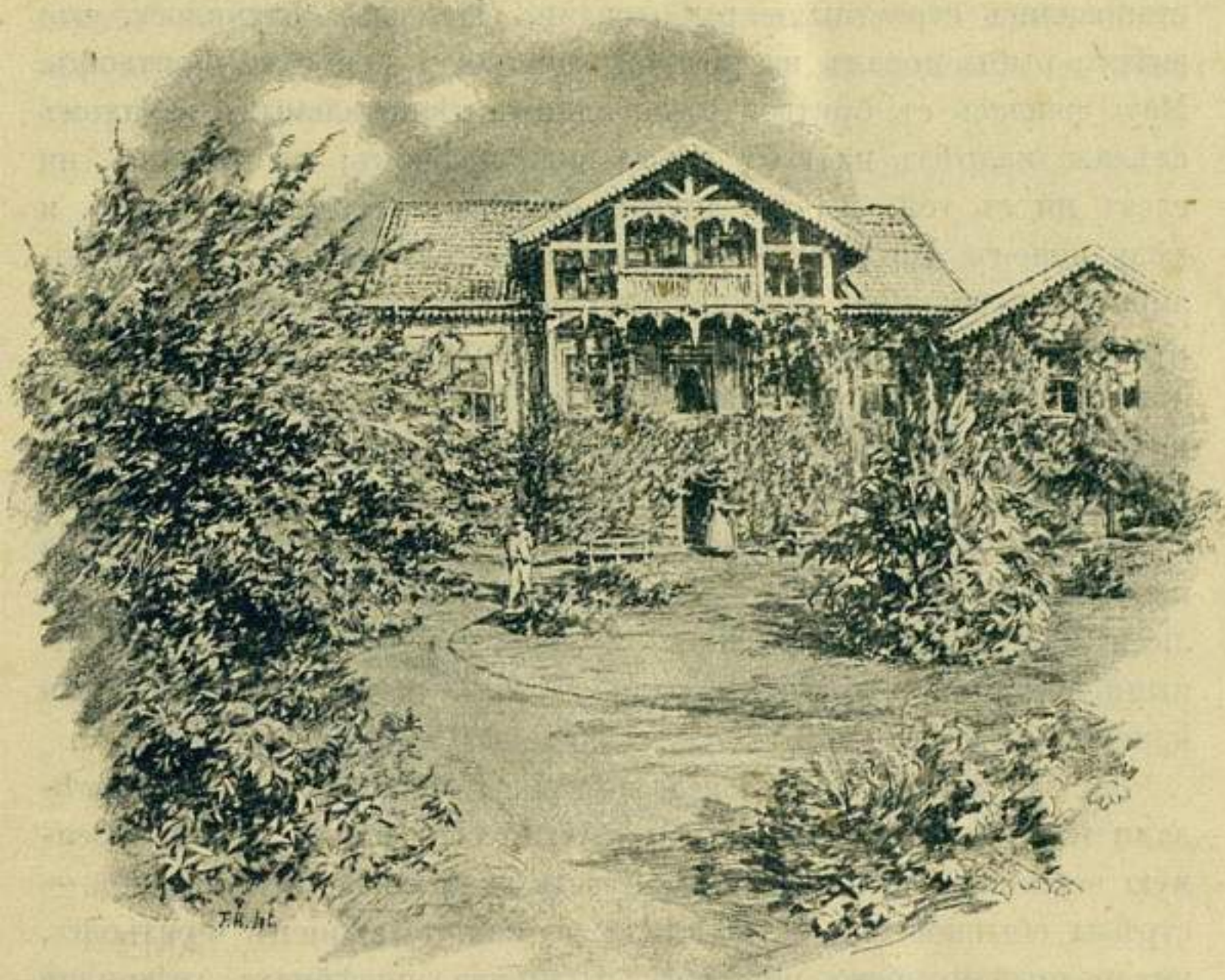
Аделаида Юганна Нансенъ.

При поверхностномъ взглядѣ на этого тѣдешнаго, невысокаго, во всемъ осторожнаго человѣка, никогда не вкушавшаго отъ радостей спорта, казалось бы, что отецъ и сынъ являлись полнѣйшими противоположностями и по характеру и по наружности; но тотъ, кто всмотрѣлся бы въ ихъ характеры внимательнѣе, нашелъ бы и существенное сходство. Фритьофу Нансену никогда бы не привести своихъ геніальныхъ плановъ въ исполненіе, если бы онъ съ ранняго дѣтства не развилъ въ себѣ над-

лежащихъ чертъ характера, перешедшихъ къ нему отъ отца — сообразительности, сознанія долга, обдуманности, склонности вникать въ мельчайшія детали дѣла, положительности и умѣнія твердо рассчитывать на себя самого и свои силы. Но кромѣ всѣхъ этихъ качествъ Нансенъ-отецъ отличался еще однимъ, превосходящимъ всѣ остальные: онъ былъ отцомъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Правда, онъ держался старыхъ взглядовъ и стоялъ за строгость съ дѣтьми, правда, онъ пускалъ въ дѣло и трость — по старинѣ — но онъ въ то же время проявлялъ удивительно тонкую душевную чуткость и прозорливость, когда дѣло шло о будущемъ дѣтей. Никогда его воля не становилась поперекъ дороги ихъ развитію, и, напротивъ, онъ часто жертвовалъ собственными желаніями, чтобы только дать дѣтямъ выбиться на дорогу.

Мать Фритъофа Аделаида-Иоганна-Изидора, рожденная баронесса Ведель-Ярлсбергъ, была высокая, статная женщина, отличавшаяся умомъ, чисто мужской волей, энергіей и трудолюбіемъ. Еще молодой дѣвушкой она смѣло пренебрегала всякими условными понятіями и шла въ разрѣзъ съ мнѣніемъ свѣта, слѣдуя склонности своей натуры къ спорту, въ особенности къ бѣгу на лыжахъ, считавшемуся тогда для женщины прямо непозволительнымъ, неприличнымъ. Чуждая всякихъ аристократическихъ предразсудковъ она вышла въ первый разъ (почти противъ воли родителей) замужъ за „сына булочника“ — лейтенанта Боллинга, а во второй — за Бальдура Нансена. Хозяйка изъ нея вышла образцовая; она не боялась никакого труда, не брезговала никакой работой, и если случалось, что у служанки во время стирки начинали болѣть руки, госпожа Нансенъ собственноручно полокала и выжимала бѣлье. Сама же работала она въ саду и въ огородѣ, сама обшивала своихъ дѣтей и въ то же время находила досугъ для пополненія разныхъ пробѣловъ въ своемъ образованіи. Отъ нея-то унаслѣдовалъ сынъ силу воли, жажду дѣятельности, безстрашіе, присутствіе духа, рѣшительность и практичность. Съ самой свадьбы родители Фритъофа жили въ принадлежавшемъ госпожѣ Нансенъ подстоличномъ имѣніи Сторе-Фрэнъ, — геній судьбы Фритъофа выбралъ для него наиболѣе подходящее мѣстожителство. Здѣсь Фритъофъ выросъ среди привольной сельской жизни, въ тѣсномъ общеніи съ природою;

окружавшіе имѣніе холмы представляли зимою раздолье для бѣга на лыжахъ, невдалекѣ находились густые лѣса, и всего въ 3 километрахъ — превосходная школа, одна изъ первыхъ въ Христіаніи. Три километра въ семьѣ Нансенъ не считались ни во что, и мальчики лѣтомъ благополучно дѣлали ихъ по четыре раза въ день: утромъ въ школу и обратно обѣдать, а послѣ обѣда въ крѣпость (христіанійскую) учиться плаванью въ морѣ; итого зна-

Домъ въ усадьбѣ Сторе-Фрэнъ.

читъ, они дѣлали каждый день 12 километровъ, не считая бѣготни туда да сюда; затѣмъ каждый же день ихъ ждала на пути драка съ мальчиками, — словомъ, систематическая тренировка съ ранняго дѣтства!

Первыя экскурсіи Фритъофа ограничивались райономъ двора имѣнія, но онъ уже и тутъ съ 2—3-лѣтняго возраста показывалъ себя отважнымъ и предприимчивымъ путешественникомъ, не

разъ рисковавшимъ жизнью. Передъ самымъ домомъ протекала горная рѣчка, гдѣ Фритъофъ съ младшимъ братомъ купались вечерами въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, и младшій братишка чуть не замерзалъ при этомъ. На этой же рѣкѣ зимою оба брата провалились разъ подъ ледъ, но когда прибѣжала мать, Фритъофъ уже вытаскивалъ брата на ледъ. Въ другой разъ самъ Фритъофъ чуть было не распростился съ жизнью въ этой рѣкѣ.

Лѣтомъ та-же рѣчка манила ихъ обиліемъ рыбы, и мальчики становились страстными рыболовами. Но разъ случилось, что вмѣсто рыбы попалъ на крючокъ нижнею губою самъ Фритъофъ. Мать явилась съ бритвой отца, однимъ рѣшительнымъ взмахомъ сдѣлала надрѣзъ на губѣ и выдавила крючокъ; ни криковъ, ни слезъ ни съ той, ни съ другой стороны, все тихо, смирно, и дѣлу конецъ. На рѣкѣ-же Фритъофъ получилъ за первую полярную экспедицію по льду свою первую медаль—шрамъ, которую носить и до сихъ поръ: онъ поскользнулся на льду, и раскроилъ себѣ лобъ такъ, что, когда явился домой, все лицо у него было залито кровью; но онъ не плакалъ,—лишь бы его не бранили.

Любили мальчики и военные и охотничьи приключенья, на которыя выходили во всеоружіи со щитами, деревянными саблями, копьями, самострѣлами и особаго рода снарядами—длинными стеблями растеній (полыми внутри), начиненными мелкими камешками и пескомъ.

За бѣлками въ лѣсу юные немвроды гонялись съ самострѣлами и съ собакою. Но пудель только испугивалъ бѣлку на самую вершину дерева, гдѣ она чувствовала себя недосыгаемой,—стрѣлы обыкновенно не долетали до нея. Наконецъ Фритъофъ, умудренный чтеніемъ романовъ о дикихъ индѣйцахъ, рѣшился на адскій маневръ: намазалъ стрѣлы сокомъ мухомора, чтобы онѣ поражали на смерть! Но стрѣлы продолжали недолетать до цѣли, хотя Фритъофъ снабдилъ ихъ еще оловянными шариками ради урегулированія ихъ полета. Пришлось взяться за измышленіе новаго орудія—„пушекъ“, которыя начинялись порохомъ; порохъ, однако, не хотѣлъ загораться, а когда былъ, наконецъ, усердными стараніями Фритъофа доведенъ до воспламененія, то взвился фейерверкомъ прямо въ лицо изобрѣтателю, и самая пушка разлетѣлась въ куски. Опять матери пришлось явиться

хирургомъ,—она отвела сына въ сторону и повытаскала изъ его лица крупинки пороха.

О первыхъ лыжахъ и первомъ прыжкѣ Фритъофа Нансена предоставимъ рассказывать ему самому.

„Я подразумѣваю здѣсь не самыя первыя мои лыжи; тѣ были ужь очень скромны, передѣланы изъ старыхъ лыжъ моихъ старшихъ сестеръ, и вышли даже не одинаковой величины. Но вотъ, типографщикъ Фабриціусъ сжалился надо мной: „Я тебѣ дамъ лыжи!“ сказалъ онъ мнѣ. Затѣмъ, настала весна и лѣто, когда при всемъ добромъ желаніи нельзя бѣгать на лыжахъ, но слова

Дворъ въ усадьбѣ Сторе-Фрэнъ.

Фабриціуса все такъ и звенѣли у меня въ ушахъ, и едва оеень наступила, поля по утрамъ стали замерзать, я выбѣжалъ на проѣзжую дорогу караулить Фабриціуса и, завидѣвъ его, закричалъ: „Что же лыжи-то, а?“—„Получишь, получишь!“—отвѣтилъ онъ, смѣясь. Но я день за днемъ продолжалъ являться на то же мѣсто съ тѣмъ же вопросомъ: „Что же лыжи-то?“ Пришла наконецъ зима. Я еще и теперь вижу, какъ сестра вошла въ комнату съ большимъ-большимъ пакетомъ, который, по ея словамъ, былъ присланъ мнѣ. Кажется, она прибавила еще, что пакетъ изъ Парижа. Но оказалось, что это Фабриціусъ при-

слалъ мнѣ лыжи—изъ ясеневаго дерева, красныя съ черными полосами, лакированныя; къ нимъ была приложена длинная лакированная же палка съ голубой блестящей головкой. Эти лыжи служили мнѣ десять лѣтъ. На нихъ-то я и сдѣлалъ свой первый большой прыжокъ съ холма Хусебю. На немъ въ прежнее время происходили большія состязанія на призы, и намъ съ братомъ было запрещено бѣгать тамъ. Но холмъ былъ виденъ изъ нашего имѣнія и искушалъ насъ такъ долго, что мы наконецъ не выдержали. Сначала я сбѣгалъ съ середины высоты

Фритъофъ Нансенъ-мальчикъ.

холма, и дѣло шло отлично, но потомъ я увидалъ, какъ то тотъ, то другой изъ мальчиковъ летитъ съ размаху съ самой вершины холма. Надо и мнѣ! Я разбѣжался и сдѣлалъ прыжокъ съ края — долго летѣлъ я по воздуху и затѣмъ врѣзался лыжами въ сугробъ; лыжи въ тѣ времена не привязывались къ ногамъ, и вотъ, онѣ остались въ снѣгу, а я еще описалъ въ воздухѣ дугу головой впередъ и воткнулся въ снѣгъ по поясъ. На холмѣ воцарилась тишина; мальчики думали, что я сломалъ шею; но когда они увидѣли, что я начинаю барахтаться въ снѣгу, стараясь выкарабкаться на свѣтъ Божій, поднялся всеобщій хохотъ.

Потомъ я участвовалъ въ состязаніи на томъ же холмѣ и получилъ призъ. Но я не принесъ его домой. Я былъ сконфуженъ. Дѣло въ томъ, что на этомъ состязаніи я впервые увидалъ лыжебѣжцевъ изъ Телемаркена и понялъ, что я никуда не гоюсь въ сравненіи съ ними. Они не пользовались палками и съ разбѣга прыгали съ края обрыва, не имѣя другой опоры, кромѣ той, которую предлагали имъ ихъ сильные мускулы и гибкое тѣло; мнѣ казалось, что это былъ единственный вѣрный способъ, и я знать не хотѣлъ ни о какомъ призѣ, пока не научусь тому же.

* * *

Характерною чертою Фритъофа съ ранняго дѣтства былъ его широкій взглядъ на вещи; онъ никогда не былъ ни мелочнымъ, ни злопамятнымъ: что прошло, то и прошло, какъ будто никогда и не бывало. Объ этихъ чертахъ упоминаетъ другъ его съ дѣтскихъ лѣтъ, рассказывая о происхожденіи ихъ дружбы. Фритъофъ не былъ уже новичкомъ въ школѣ, когда Карлъ—будущій другъ его—только поступилъ туда и тоже во второй классъ. Фритъофъ и тогда уже смотрѣлъ нѣсколько сурово, какъ здѣсь на картинкѣ, былъ самымъ сильнымъ и игралъ среди сотоварищей роль царька. Но Карлъ также отличался силою. Вотъ они и косились другъ на друга. Однажды въ рекреацію Карлъ началъ пятнать школьниковъ мячикомъ. „Не смѣй!“—повелительно сказалъ ему Фритъофъ. „Не смѣй?“ отвѣтилъ тотъ и напалъ на него самого. Началась драка, такъ что только ключья полетѣли. Явился учитель, ухватилъ пѣтушковъ за крылышки и стащилъ въ пустой классъ: „Сидите тутъ, глядите другъ на друга и стыдитесь!“. Это былъ довольно смѣлый опытъ, но онъ удался. Мальчики глядѣли другъ на друга, конечно не устыдились, но начали болтать между собою, и, когда учитель вошелъ, они сидѣли обнявшись и читали вмѣстѣ. Съ той поры Карлъ и Фритъофъ стали закадычными друзьями на всю жизнь.

Нансенъ-подростокъ.

* * *

Каждый день по дорогѣ изъ школы братья Нансенъ подвергались нападенію со стороны мальчиковъ изъ Балькебю *). и у нихъ завязывалась драка. Фритъофъ велъ себя въ такихъ

*) Кварталь Христіаніи, заселенный тогда самыми бѣдными жителями

случаяхъ спокойно, не горячился, но, когда было надо, бросался въ рукопашную, не боясь за свою шкуру. Балькебюскіе мальчики были не особенно разборчивы въ средствахъ нападенія и однажды хватили младшаго брата Фритъофа сзади камнемъ по головѣ. Фритъофъ, завидѣвъ кровь, пришелъ въ ярость и разогналъ одинъ всю толпу сорванцовъ.

* * *

Домашнее воспитаніе мальчиковъ было, какъ упомянуто, спартанскимъ. Вернувшись изъ школы домой, они еще должны были по очереди прислуживать за столомъ. Даже почти юношами они получали отъ отца на мелкіе расходы не болѣе 50 эре (25 коп.) въ мѣсяцъ, да и въ тѣхъ должны были отдавать строгій отчетъ. Но такой методъ воспитанія какъ разъ и соответствовалъ натурѣ Фритъофа. Ему было не болѣе 7—8 лѣтъ, когда его съ братомъ отпустили въ первый разъ однихъ на ярмарку. Тамъ были акробаты, и фокусники, и балаганы съ игрушками, и палатки, биткомъ набитыя медовыми коврижками — словомъ, ярмарочное торжище было для дѣтей обѣтѣванной землей, и самая ярмарка однимъ изъ важнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ, такъ что, когда одинъ священникъ въ Христіаніи спросилъ какого-то конфирманта о годовыхъ праздникахъ, послѣдній могъ назвать только два: елку да ярмарку. Мальчиковъ на этотъ разъ сравнительно щедро снабдили деньгами: отецъ съ матерью дали по 12 скилинговъ (12 коп.), каждому, да бабушка съ тетуской по маркѣ (16 коп.), но юные богачи какъ истые аскеты прошли мимо всѣхъ театровъ и балагановъ съ игрушками и сладостями и вернулись домой, истративъ всѣ деньги на покупку различныхъ орудій и ремесленныхъ инструментовъ. Это произвело на домашнихъ такое впечатлѣніе, что малышей вновь снабдили такимъ же капиталомъ. Снова прошагали они 3 километра на ярмарку и пополнили свой запасъ инструментовъ. Осталось всего 4 скиллинга, и на нихъ дѣти на обратномъ пути купили ржанныхъ лепешекъ. Можно сказать, что никогда не одинъ христіанійскій мальчикъ не стоялъ во время ярмарки ближе къ Спартѣ!

Фритъофъ былъ вообще склоненъ задумываться, и даже надѣванье чулокъ всегда происходило у него съ значитель-

ными перерывами. Тогда сестры кричали: „Глядите на соню! И куда ты будешь годиться — такой увалень!“

А ему нужно было всегда и во всемъ добираться до сути. И онъ могъ прямо довести до отчаянья своими вѣчными вопросами: почему и отчего? Когда въ домѣ появилась первая швейная машина, „почему“ и „отчего“ такъ и посыпались. Мальчику непременно надо было узнать досконально, что это

за „звѣрь“, и вотъ однажды мать, вернувшись откуда-то, нашла машину разобранной на части. Если вѣрить преданію, Фритьофъ не успокоился, пока самолично не собралъ ее вновь. Въ начальной школѣ Фритьофъ учился прилежно; въ годы же ученья въ реальномъ училищѣ — спортъ и многочисленныя частныя „почему“ и „отчего“, вѣроятно, иногда черезчуръ отвлекали Фритьофа въ сторону. По крайней мѣрѣ, въ полугодовомъ училищномъ отчетѣ объ успѣхахъ учениковъ за 1879 г., можно видѣть сердечное сожалѣніе учителей Фритьофа о томъ, что онъ „непостояненъ и по многимъ предметамъ не дѣлаетъ тѣхъ успѣховъ, какихъ можно

Нансенъ-юноша.

было бы ожидать отъ него“. А ожиданій-то на мальчика, изумлявшаго учителя математики геометрическими рѣшеніями ариѳметическихъ задачъ, возлагалось, какъ можно себѣ представить, не мало.

Но чтожъ, если у Фритьофа всегда было на очереди столько постороннихъ „отчего“ и „почему“! Любознательность его все росла съ годами, принимая все новыя и новыя формы. Скоро не оставалось ничего ни на небѣ, ни на землѣ, до чего онъ не

желалъ бы добраться, чего не хотѣлъ бы разъяснить себѣ. А разъ ему удавалось рѣшить какую нибудь задачу, она какъ бы переставала существовать для него, и онъ брался за новую. Особенно любилъ онъ естественныя науки и ужь, разумѣется, ему вѣчно надо было провѣрить все на опытѣ. Однажды онъ и другъ его Карлъ, когда имъ обоимъ было лѣтъ по 15—16, достали цѣлый ящикъ горючихъ фейерверочныхъ веществъ и фарфоровую ступку. Ступку имъ одолжили съ условіемъ, что они будутъ обходиться съ нею возможно бережнѣе. Вотъ они и наложили въ нее массу снадобій, сущность которыхъ имъ необходимо было выяснить, и принялись за эксперименты, да заронили въ ступку искру. Изъ ступки мигомъ взвился столбъ пламени къ потолку Карловой komórки на чердачкѣ деревяннаго дома. Мальчишки, не долго думая, хватъ ступку и — за окно ее. Разумѣется, она разбилась въ дребезги. Сѣра текла по стѣнѣ дома, а мальчишки лежали на полу съ вымазанными лицами, въ ожиданіи, когда войдетъ къ нимъ братъ Фритъофа Александръ, — пусть-де сочтетъ ихъ пострадавшими при взрывѣ.

* * *

А вотъ какую картинку изъ дѣтства, дающую надлежащее понятіе о пресловутомъ „спартанскомъ“ образѣ воспитанія дѣтей въ домѣ Нансена, который, видно, былъ спартанскимъ не больше, чѣмъ слѣдовало, рисуетъ самъ Фритъофъ въ письмѣ къ отцу отъ 20 декабря 1883 г.

„Дорогой мой старичокъ!

„Да, близокъ уже, близокъ первый сочельникъ, котораго мнѣ не суждено провести дома, близки веселыя, чудесныя святки, которыя въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ рисуются верхомъ радости и блаженства, о какомъ развѣ только вообще мечтаютъ, представляя себѣ загробное блаженство. Святки рисуются въ розовомъ свѣтѣ и внутреннему взору юноши, — картина лишь чуть измѣняется, пожалуй, становится только болѣе яркою.

Мысли тихо несутся на своихъ мягкихъ, какъ пухъ, полныхъ грустнаго стремленія крыльяхъ, назадъ въ родимый, несказанно дорогой домъ, окруженный ореоломъ свѣтлыхъ радостныхъ вос-

доминантій дѣтства. Сколько проведено тамъ веселыхъ рождественскихъ праздниковъ! Какъ они были торжественно-мирны, какимъ чистымъ, тихимъ, бѣлымъ являлось Рождество, окутанное снѣгомъ! Хлопья, большія, легкія, тихо, коротко опускались на землю и сѣяли серьезныя мысли въ дѣтскую душу, трепетавшую отъ радости. Наконецъ, наступалъ великій день, сочельникъ, и нетерпѣніе достигало высшей точки напряженія. Нельзя было ни минуты посидѣть спокойно, непременно надо было заняться чѣмъ нибудь, чтобы скоротать время и отвлечь мысли. И, если, бывало, не заглядываешь во всѣ замочныя скважины или не ревизуешь мѣшки съ изюмомъ, миндалемъ и финиками, прежде чѣмъ ихъ унесутъ въ спальню, гдѣ снаряжали елку, то убѣгаешь на дворъ, кататься на салазкахъ, или, если погода позволяла бѣгъ на лыжахъ, бѣгаешь до самаго вечера. Иногда же выпадало и такое счастье, что Эйнару (сводный братъ Фритъофа) или кому другому надо было смахать еще разъ въ городъ; вотъ то раздолье было прицѣпиться гдѣ-нибудь на кончикѣ саней и мчаться по чудному, гладкому пути въ городъ за какими нибудь покупками, а потомъ обратно. Бубенчики такъ и заливались, а на темномъ небѣ выплывали звѣзды. Но вотъ приближалась и торжественная минута; ты входилъ въ комнату, чтобы зажечь елку; у насъ сердца такъ и прыгали; Ида сидѣла въ уголку въ креслѣ и гадала, что ей подарить тотъ-то и тотъ-то, другіе заранѣе улыбались при мысли о томъ или другомъ сюрпризѣ, о которыхъ знали, а намъ, малышамъ, обыкновенно говорилось, что мы получимъ длинный пукъ розокъ съ ленточкой, и вдругъ — дверь растворялась, и намъ на встрѣчу сіяли ослѣпительные огоньки елки — какое зрѣлище! Мы заикались отъ радостнаго волненія, почти нѣмѣли отъ восторга въ первыя минуты, чтобы затѣмъ шумѣть и бѣсноваться отъ радости тѣмъ неудержимѣе.

Да, никогда, никогда въ жизни не забыть мнѣ васъ, веселые рождественскіе праздники!“

Да, письмо это является не маловажнымъ документомъ, доказывающимъ, что въ семьѣ и въ воспитаніи Фритъофа спартанскій характеръ преобладалъ лишь настолько, насколько это было полезно для развитія а будущаго самаго Фритъофа; въ немъ воспитывали будущаго мужа, но не насиловали ребенка,

его закаляли, но не уничтожали въ немъ нѣжныхъ душевныхъ свойствъ. Обѣ столь противоположныя стороны его натуры — нѣжная, дѣтская душа и непреклонная воля мужа имѣли возможность свободно развиваться съ самаго ранняго его дѣтства, и съ годами сочетаніе ихъ образовало личность, столь оригинальную и не похожую на тѣхъ знаменитыхъ піонеровъ и путешественниковъ, что, поборовъ и преодолевъ въ себѣ все, стали какими-то локомотивами, согрѣваемыми лишь двигающимъ ихъ паромъ.

Нормаркенъ.

Если, стоя на башнѣ Трювандскаго холма *) и уставъ любоваться нѣжною прелестью Христіанійской долины, бросишь взглядъ на сѣверъ, то увидишь необозримое пространство синѣющихъ лѣсовъ; горный скатъ за горнымъ скатомъ, гдѣ сплошь покрытые лѣсомъ, заполняютъ весь горизонтъ. Это и есть Нормаркенъ, лѣсная полоса Норвегіи, тянущаяся непрерывно на 10 географическихъ квадр. миль, страна лѣсного уединенія, изобилующая узкими горными долинами, отвѣсными скатами, бурливыми горными рѣчками и укромными уголками.

Фритъофъ Нансенъ былъ однимъ изъ первыхъ, отдѣльныхъ счастливцевъ-піонеровъ въ этой мѣстности. Онъ въ дѣйствительности могъ вволю наслаждаться жизнью Робинзона Крузоэ, которую другіе бѣдные мальчики могутъ лишь переживать въ воображеніи. Пусть же онъ рассказываетъ самъ о своихъ первыхъ шагахъ въ этой обѣтованной землѣ.

„Въ первый разъ я отважился проникнуть только въ долину Сѣрке. Было мнѣ тогда лѣтъ 10—11; въ Сѣрке жили кое-кто изъ нашихъ школьныхъ товарищей, и они приглашали насъ побывать у нихъ. Однажды, въ іюнѣ мѣсяцѣ, сидѣли мы на крылечкѣ дома, и вдругъ намъ вспало на умъ, что надо же, наконецъ, воспользоваться приглашеніемъ. Намъ сдавалось, что слѣдуетъ спросить позволенія, но въ то же время сдавалось навѣрняка, что отецъ съ матерью не дадутъ его. Къ тому же они легли спать послѣ обѣда и разбудить ихъ мы не смѣли, а ждать

*) Близъ горной площади Фрогне, что лежитъ въ 8 километрахъ отъ Христіаніи.

ихъ пробужденія значило бы упустить время. И вотъ, мы улизнули безъ спросу. Дорогу мы немножко знали, и до Богстада добрались отлично. Потомъ пошло ужъ не такъ гладко, но мы спрашивали то тутъ, то тамъ о дорогѣ и такъ пробирались дальше да дальше, сначала добрались до церкви въ Сёрке, а потомъ и до двора товарищей. Пришли мы туда только въ 7 часовъ вечера. Ну, теперь слѣдовало поиграть съ товарищами, затѣмъ пойти въ овины, а потомъ еще поудить рыбу. Но все что-то не клеилось; дурная совѣсть не дала намъ покою и на полчаса. Нѣтъ, надо идти домой! Сердца у насъ такъ упали, что обратный путь показался куда тяжелѣе. Скоро младшій братишка стеръ себѣ ноги, и только въ 11 ч. вечера плачевное наше шествіе достигло родныхъ предѣловъ. Еще издалека завидѣли мы, что всѣ у насъ на ногахъ, — вѣрно, насъ ищутъ! Мужество наше совсѣмъ упало. Завернувъ за уголъ, мы наткнулись на мать. „Вы-ли это, дѣти?“ „Ну, теперь достанется намъ!“ подумали мы. „Гдѣ вы были?“ спросила мать — „Да вотъ... въ Сёрке!“ Теперь-то зададутъ! Но мать только какъ-то странно промолвила: „Вотъ удивительныя дѣти!“ И мы увидѣли, что у нея слезы на глазахъ. Но подумайте, ни одного упрека?! Такъ-таки мы и легли спать со стертymi ногами, но безъ брани! А всего удивительнѣе было то, что черезъ нѣсколько дней намъ позволили опять пойти въ Сёрке. Ужъ не догадались-ли отецъ съ матерью, что держали насъ какъ будто черезчуръ строго?

Былъ у насъ и еще знакомецъ въ Сёрке; звали его Ола Кнубъ; онъ былъ женатъ на женщинѣ, которая обыкновенно поставляла намъ ягоды. Намъ позволили навѣстить Олу и половить рыбу въ Нормаркенѣ. То-то было ликованье, когда мы пустились въ путь, снабженные кофейникомъ и удочками, заранѣе предвкушая прелести переселенческой жизни въ лѣсу. Я такъ и вижу передъ собою бревенчатую хижину у озера, съ голымъ, каменистымъ скатомъ на заднемъ планѣ. Тамъ ждала насъ свобода, жизнь настоящихъ дикарей. Ни отца, ни матери, которые заставляли бы насъ ложиться во время спать, звали къ обѣду и ужину! Мы были сами себѣ господами, ночи были свѣтлыя и долгія, а нашъ сонъ короткимъ.

Только около полуночи забирались мы въ хижину и про-

водили нѣсколько часовъ, лежа на лавкѣ, а уже задолго до восхода солнца опять ловили форелей въ рѣчкѣ, шлепая по водѣ, перепрыгивая съ камня на камень, причемъ не разъ случалось и растянуться и побывать подъ водой. Когда же я подросъ еще, мнѣ случалось по недѣлямъ проводить въ лѣсу одному. Я не обременялъ себя дорожными припасами и довольствовался коркой хлѣба да пойманной рыбой, которую пекъ на угляхъ. Мнѣ нравилось вести въ Нормаркенѣ жизнь Робинзона“.

Но часто онъ бывалъ тамъ и съ братомъ и еще съ однимъ родственникомъ постарше, страстнымъ охотникомъ и рыболовомъ. И, благодаря такимъ экскурсіямъ, мальчики съ 12-лѣтняго вѣзраста пріучались къ выносливости, укрѣпляли и развивали свои мускулы. Экскурсіи съ теченіемъ времени становились все продолжительнѣе и продолжительнѣе, юные путешественники забирались вглубь Нормаркена все дальше и дальше.

* * *

„Когда листва на дубѣ становится съ мышиное ухо — форель клюетъ на муху“.—Эту пословицу мальчики знали твердо, знали они и то, что дня два-три спустя послѣ окончанія сплава по рѣкѣ лѣса, рыба клюетъ лучше всего. Во время сплава слишкомъ много пищи въ водѣ, — теченіе размываетъ верхніе пласты береговъ и захватываетъ землю, а въ ней масса личинокъ и червей. Когда-же рѣка входитъ въ обычную колею, и рыба успѣетъ проголодаться, она клюетъ и на муху. Въ эту то пору, такъ въ концѣ мая, наши трое молодцовъ и отправлялись на рыбную ловлю; какъ только, бывало, проглотятъ послѣдній кусокъ субботняго обѣда, такъ и маршъ изъ дому, взявъ съ собою продовольствіе — немножко хлѣба, масла, колбасы и кофе. И послѣ пятичасовой ходьбы — не въ хижину, не во дворъ на отдыхъ, а прямо къ рѣкѣ, и первымъ долгомъ не за ѣду, а за удочки. Удили же пока было свѣтло. Затѣмъ двухъ-трехчасовой отдыхъ. Варился кофе, жарилась на угляхъ рыба. Ночевать они могли и въ угольномъ шалашѣ и подъ кустомъ. А съ разсвѣтомъ опять за дѣло; въ полдень короткій отдыхъ и снова за то-же, причемъ часто увлекались до того, что простаивали по

поясъ въ водѣ часы, ловя рыбу до поздняго вечера, и только ночью пускались въ обратный путь въ вымокшихъ и набитыхъ пескомъ сапогахъ. Домой являлись утромъ въ понедѣльникъ, смертельно усталые, и говорили сами себѣ, что просто бессмысленно такъ мучить себя ради удовольствія. Но стоило имъ выспаться—всѣ мытарства забывались, блестящая форель, лежавшая на кухонномъ столѣ, являлась самымъ пріятнымъ искушающимъ воспоминаніемъ, и въ слѣдующую субботу часа въ три походъ повторялся.

Еще труднѣе были экскурсіи позднею осенью, когда ночи становились холодными, и еще больше выносливости должны были проявлять мальчики, когда они подросли на столько, что имъ позволяли участвовать въ травлѣ зайцевъ. Тутъ приходилось по сутки, по двое проводить безъ отдыха, а часто и безъ пищи. Зато и пробиралъ же охотниковъ голодъ, такъ что если имъ случалось попадать на Сандвикскую желѣзно-дорожную станцію, они въ одинъ мигъ очищали весь буфетъ отъ всего съѣдобнаго. Да, будущему другу эскимосовъ, описавшему ихъ быть, рано довелось по опыту извѣдать, что такое голодовка и что такое прожорливость. И неопрятное хозяйство и вся обстановка самоѣдовъ не могли ужаснуть того, кто самъ при ночныхъ трапезахъ въ лѣсу много разъ бралъ щепку прямо изъ грязи, чтобы помѣщать свой кофе, и кто, случалось, поѣдалъ съ удовольствіемъ полусырую или попорченную форель.

Лѣса Нормаркена представляли полное раздолье для лыжебѣжца, избѣгавшаго проторенныхъ путей. Лѣса эти могли развить въ душѣ любовь къ природѣ, впечатлительность и пониманіе красоты ея и въ зимнемъ и въ лѣтнемъ уборѣ. А сколько бѣдныхъ мальчиковъ лишены возможности развить въ себѣ эти чувства! Въ этихъ лѣсахъ могло во время зимнихъ экскурсій и охотъ окрѣпнуть и закалиться тѣло Фритъофа, такъ чтобы впоследствии быть въ состояніи перенести полярный холодъ. Однажды ему съ братомъ случилось провести на охотѣ за зайцами тринадцать дней; подъ конецъ они питались однѣми картофельными лепешками, и чуть не умирали съ голоду вмѣстѣ съ своей собакой. Но вотъ, на одномъ дворѣ закололи свинью, и братья до отвалу наѣлись кровяной колбасы. Зато, Фритъофъ вернулся съ охоты съ 7-ю зайцами за спиною.

Его неприхотливость и неразборчивость въ ѣдѣ доходили до того, что часто даже сердили его товарищей лыжебѣжцевъ. Бывало такъ, что они стоятъ всѣ вмѣстѣ на Трювандской башнѣ и смотрятъ на долину Студъ, находящуюся въ 30 километрахъ,

Нансенъ студентъ.

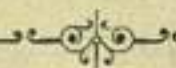
и вдругъ Фритъофъ пускается туда, въ чемъ есть, не взявъ съ собою ровно никакихъ припасовъ. Зато, попавъ наконецъ въ какое нибудь жилище, онъ просто изумлялъ хозяевъ своимъ аппетитомъ, надолго доставляя имъ этимъ тему для разговоровъ.

Разъ также предпринялъ онъ съ товарищами экскурсію на лыжахъ, и всѣ, кромѣ него, запаслись мѣшечками съ съѣдобнымъ, но на первомъ же привалѣ Фритъофъ разстегнулъ куртку и вытащилъ изъ грудного кармана, далеко изъ-за подкладки, нѣсколько штукъ блинчиковъ, которые такъ согрѣлись во время его бѣга, что отъ нихъ такъ и валилъ паръ, точно ихъ только что сняли со сковороды. Фритъофъ поднялъ ихъ высоко кверху и сказалъ: „Кто хочетъ блинчиковъ?“—Какъ ни мало брезгливы были его товарищи, отъ такихъ блинчиковъ и они отказались. „Вотъ глупые-то! Вѣдь, они съ вареньемъ!“ сказалъ Фритъофъ и съѣлъ блинчики самъ. Вообще онъ многимъ напоминалъ молодежь поселенцевъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, отличался пренебреженіемъ къ условіямъ и привычкамъ культурной жизни, смѣлостью, доходившею временами почти до дерзости, систематической закаленностью и склонностью къ безыскусственному образу жизни среди природы. Его девизомъ было: „Довольствуйся возможно меньшимъ“—и онъ любилъ дразнить общественное мнѣніе, проводя этотъ девизъ въ жизнь, вполне убѣжденный въ томъ, что правъ онъ, а всѣ другіе неправы. Между прочимъ Фритъофъ Нансенъ, кажется, одинъ изъ первыхъ въ Христіаніи началъ одѣваться съ ногъ до головы во все шерстяное; въ послѣдствіи же онъ съ гордостью сообщалъ въ письмѣ изъ Бергена, что это вошло мало по малу въ обычай. При этомъ онъ привелъ исторію, вообще ставшую для него просто поговоркой: „Въ Лондонской больницѣ для умалишенныхъ сидѣлъ одинъ человѣкъ, который обыкновенно говорилъ: „Я утверждалъ, что безуменъ свѣтъ, но свѣтъ сказалъ, что безуменъ я, и вотъ меня засадили сюда“. При Фритъофѣ Нансенѣ слѣдовало также вообще остерегаться говорить о чемъ-либо, какъ о невозможномъ,—онъ въ такомъ случаѣ непременно бы исполнилъ это. Его юношеская смѣлость часто и приводила его чуть не на край гибели. Въ 1870 г., на примѣръ, онъ предпринялъ съ братомъ экскурсію пѣшкомъ, и имъ надо было перебраться изъ одной мѣстности въ другую; предстояло или сдѣлать обходъ или прямо подняться на отвѣсную скалу, и затѣмъ спуститься съ нея. Фритъофъ, конечно, пошелъ напрямикъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ переходѣ братъ Фритъофа. „Подъ скалой находился обледенѣлый снѣжный холмъ, и за нимъ шелъ крутой

обрывъ прямо въ долину. У меня закружилась голова, и мнѣ пришлось воспользоваться палкой Фритъофа, а онъ вмѣсто того, чтобы идти осторожно, шагъ за шагомъ, сразмаху соскочилъ на глетчеръ, поскользнулся и покатился внизъ. Я видѣлъ, какъ онъ поблѣднѣлъ. Еще нѣсколько минутъ, и онъ бы очутился внизу разбитымъ. Но онъ напрягъ всѣ силы, уперся ногами и руками и удержался въ самую послѣднюю минуту на краю обрыва. Я никогда не забуду ни этого зрѣлища, ни того, какъ онъ, явившись въ хижину для туристовъ, исчезъ въ панталонахъ, которыя одолжилъ ему толстый секретарь кружка туристовъ. Существенная часть собственныхъ панталонъ Фритъофа сильно пострадала отъ катанья по глетчеру“.

Юношескія экскурсіи Фритъофа способствовали развитію въ немъ, помимо всѣхъ уже упомянутыхъ качествъ, любви и интереса къ животнымъ, желанія наблюдать за ихъ жизнью, а это привело его къ выбору того именно жизненнаго поприща, по которому онъ пошелъ. Въ 1880 г. онъ съ успѣхомъ окончилъ реальное училище (внѣшкольныя увлеченія не окончательно мѣшали его научнымъ занятіямъ) и сначала, было, колебался въ выборѣ дальнѣйшаго пути, записался въ кадеты военнаго училища, но затѣмъ отказался отъ этой карьеры и рѣшилъ продолжать научныя занятія. Проходя курсъ гражданскихъ наукъ, чтобы подготовиться къ государственной службѣ, онъ въ то же время занялся медициной. Но скоро зоологія, выбранная имъ изъ числа необязательныхъ предметовъ, стала интересоваться его все болѣе и болѣе и, наконецъ, сдѣлалась его спеціальностью. Въ январѣ 1882 г. Фритъофъ Нансенъ обратился черезъ одного родственника за совѣтомъ къ профессору Коллетъ. Послѣдній, припомнивъ предложеніе, которое онъ недавно получилъ отъ тюлене-промышленной компаніи — совершить на одномъ изъ ея судовъ поѣздку въ Ледовитый океанъ, рѣшилъ предложить такую поѣздку Нансену: онъ такой любитель спорта и страстный охотникъ, — пусть ѣдетъ съ тюлене-промышленниками, дѣлаетъ въ пути научныя наблюденія, заноситъ ихъ въ книжку и, такимъ образомъ, подготовится къ дѣятельности естествоиспытателя. Нансену предложеніе пришлось по душѣ, и черезъ недѣлю онъ явился къ профессору сообщить ему, что онъ уже условился съ капитаномъ Крефтингомъ, командиромъ „Викинга“.

13 января отецъ Нансена телеграфировалъ въ Арендаль одному другу, прося его похлопотать о разрѣшеніи со стороны компаніи; другъ отрекомендовалъ Нансена рослымъ, сильнымъ, выносливымъ и дѣятельнымъ молодцомъ, который будетъ небезполезнымъ членомъ экспедиціи, и скоро могъ телеграфировать отцу Фритъофа о согласіи компаніи. Остававшійся короткій срокъ времени Нансенъ посвятилъ изученію анатоміи тюленей, и 11 марта отплылъ на „Викингъ“ изъ Арендальской гавани. Такъ незамѣтно совершился переворотъ въ его жизни, такъ послѣдовательна была связь между различными моментами его юности, которая для посторонняго человѣка можетъ показаться рядомъ неожиданныхъ скачковъ—отъ нормаркенскаго охотника къ охотнику за тюленями, отъ густыхъ лѣсовъ къ полярнымъ льдамъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ, подъ покровительствомъ генія судьбы, просто и постепенно, безъ всякихъ болѣзненныхъ потрясеній, почти незамѣтно, шелъ по пути къ великой цѣли, откуда имя его прогремѣло по всему свѣту.

Въ Ледовитомъ океанѣ.

(По путевому дневнику Нансена).

Самъ Нансенъ видѣлъ счастливое предзнаменованіе въ яркомъ солнышкѣ, озарявшемъ въ тотъ мартовскій день море и шхеры. Онъ нетерпѣливо рвался къ вѣчнымъ льдамъ, хотя и чувствовалъ, что покидаетъ весну, горы и лѣса для такихъ мѣстъ, гдѣ рѣдко удастся увидѣть и камень, не то что деревцо или веселую лужайку. Въ первый разъ въ жизни предстояло ему весною не бродить по лѣсамъ, не вдыхать въ себя весеннихъ вѣтерковъ и аромата и вмѣстѣ съ ними весенней радости, жизни и надежды, не плескаться между шхеръ и островковъ и не встрѣчать взоромъ перелетныхъ птицъ, приносящихъ съ собою новую жизнь, новыя надежды.

Скоро океанъ привѣтствовалъ его сначала обломкомъ разбитого судна, затѣмъ страшнымъ штормомъ. Гротъ - мачта сломалась, волны перекатывались черезъ палубу. Вечеромъ море горѣло фосфорическими огоньками. Въ дневникѣ то и дѣло отмѣчалось появленіе буревѣстниковъ всѣхъ видовъ. 18 марта судно вступило въ область льдовъ. Вотъ какъ вкратцѣ описалъ свое первое впечатлѣніе отъ Ледовитаго океана Нансенъ незадолго до того, какъ отправился въ свою великую полярную экспедицію.

„Ледовитый океанъ—нѣчто особенное, не похожее ни на что другое и меньше всего на то, чѣмъ обыкновенно его представляютъ себѣ. Я прочелъ о немъ не мало прежде, чѣмъ самъ попалъ туда въ первый разъ, и рисовалъ его себѣ заранѣе въ видѣ царства мощныхъ ледяныхъ горъ всѣхъ видовъ и формъ, великолѣпныхъ, блестящихъ, переливающихся всѣми цвѣтами радуги ледяныхъ башенъ со шпицами и необозримыхъ сплошныхъ

ледяныхъ равнинъ. Ничего такого. Пловучія плоскія, бѣлыя льдины, зеленовато-голубая вода, туманъ, солнце, буря и штиль — вотъ что встрѣтило меня.

Много воспоминаній выступаетъ передо мною, когда я, закрывъ глаза, сосредоточусь мыслями на этомъ плаваніи; приведу здѣсь нѣсколько болѣе яркихъ изъ нихъ.

Сильнѣе всего врѣзалось мнѣ въ память первое впечатлѣніе. Было это въ мартѣ мѣсяцѣ. Цѣлую недѣлю въ бурю и непогоду

Въ Ледовитомъ океанѣ. I.

неслись мы на сѣверъ отъ Норвегіи; волны такъ и бушевали, гротъ-мачта сломалась, но и это не помѣшало, — мы отправились бить тюленей и мѣшкать не приходилось.

Первымъ признакомъ близости Ледовитаго океана была зеленая чайка или буревѣстникъ. Мы встрѣтили ее почти около полярнаго круга; она парила на своихъ распростертыхъ крыльяхъ надъ безконечными голубыми гребнями волнъ. Птица эта держится тутъ въ сотняхъ миль отъ берега, словно сторожить входъ въ Ледовитый океанъ, куда никто и не проскользнетъ безъ нея

сопутствія. Она слѣдовала за нами уже два дня, когда море начало зеленѣть, — мы подходили къ островамъ Янъ Майенъ. И вотъ, на седьмой день нашего плаванія, раздался окрикъ: „Ледъ впереди!“ Я выскочилъ на палубу и вперилъ глаза въ пространство — передо мною чернѣлъ одинъ мракъ ночи. Но вдругъ въ этомъ мракѣ выдѣлилось что-то большое, бѣлое, стало приближаться, расти и бѣлѣть, выдѣляясь на черномъ фонѣ моря. Это была первая ледяная глыба, которую мы встрѣтили. Потомъ стало ихъ попадаться много; онѣ плыли, то ныряя, то подымаясь вверхъ, скользили мимо съ шумомъ и шипѣньемъ. Это были еще отдѣльныя льдины-вѣстники; но вотъ я увидѣлъ на сѣверномъ краю неба удивительное сіяніе, распространявшееся, блѣднѣя, и къ зениту, похожее на зарево сильнаго, но очень отдаленнаго пожара, который случился въ царствѣ духовъ, — сіяніе было призрачно-бѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ я услышалъ глухой шумъ и шипѣнье, доносившіеся также съ сѣвера, и похожіе на шумъ прибоя. Причиною всего оказались сплошныя массы пловучаго льда. Свѣтъ являлся отраженіемъ, которое онѣ бросали на туманное или облачное небо, а шумъ производили волны, перекатывавшіяся черезъ нихъ и ударявшія льдины другъ о друга; въ тихія ночи этотъ шумъ былъ слышенъ далеко, далеко. Какъ диковинно было стоять на палубѣ, смотрѣть и слушать, въ то время, какъ мы плыли въ этотъ новый, неизвѣстный міръ льдовъ. Шумъ все усиливался и доносился уже со всѣхъ сторонъ; все чаще и чаще стали окружать насъ ледяныя глыбы. Иногда судно наталкивалось на нихъ, съ трескомъ подымало ихъ носомъ и отшвыривало въ сторону“.

На слѣдующее утро Нансенъ былъ среди льдовъ. Кругомъ — все бѣлая, ослѣпительно бѣлая льдины, ни единого чернаго пятнышка. Полярныя чайки садились на льдины близъ самаго корабля; снѣжные воробьи прыгали, суну носики въ снѣгъ и опять подымая головки — точь въ точь какъ воробьи у насъ на улицахъ. На слѣдующій день поднялась буря; пароходъ врѣзался въ ледъ; буря усиливалась. (Въ дневникѣ сила вѣтра отмѣчена 6 баллами). Судно дрожало какъ листъ и трещало по всѣмъ швамъ. Слѣдующіе дни прошли въ напряженномъ ожиданіи: предстояло рѣшить, гдѣ искать тюленей, идутъ ли они нынѣшній годъ съ востока или съ запада? На суднѣ всѣ въ одинъ голосъ говорили,

что дѣло плохо, если не удастся во время увидѣть тюленей еще въ водѣ. Можно было полагать, что они идутъ съ запада, ну, а вдругъ окажется, что съ востока, и судно напрасно прогуляется на западъ, или наоборотъ, и опоздаетъ захватить тюленей? Тутъ дѣло шло не о томъ, чтобы застрѣлить однимъ зайцемъ больше или меньше, не о благородномъ честолюбіи спортсменовъ, но о громадныхъ убыткахъ или барышахъ торговой компаніи. Хуже всего было то, что даже неизвѣстно было, гдѣ собственно находится судно, — нельзя было произвести надлежащихъ наблюденій. Когда безпокойство достигло высшаго напряженія, съ подвѣтренной стороны показались два судна. Прибавили паровъ и парусовъ, чтобы приблизиться къ нимъ. Наконецъ „Викингъ“ бокъ-о-бокъ съ однимъ. Это „Вега“, носившая Норденшѣльда черезъ Беринговъ проливъ. Судно покачивалось при лунномъ свѣтѣ, словно гордясь своею стройною оснасткой. Нансенъ смотрѣлъ на знаменитое судно съ благоговѣніемъ, а экипажъ „Викинга“ перебрасывался между собою замѣчаніями: „Да, длинную прогулку сдѣлало это судно, парень!“ — „Праздникъ-то имъ задали!“ — „И я побывалъ бы на томъ праздникѣ въ Неаполѣ!“

Капитаны судовъ держали совѣтъ до утра. На другой день оба судна отправились на сѣверъ, а за ними еще третье „Новая Земля“ изъ Дёнди. Порѣшили двигаться еще къ сѣверу, хотя и были на $74^{\circ} 50'$ сѣв. шир. Тутъ ихъ начала трепать буря, потомъ задержалъ туманъ. Новыя совѣщанія; колебанія усилились. Лучшее всего, казалось, было бы идти прямо на западъ! 28-го къ вечеру съ юга показались пять судовъ. Когда послѣднія приблизились, поднялись новыя совѣщанія. Приближалось уже 1-ое апрѣля, а 3-го обыкновенно начинаютъ бить молодыхъ тюленей! Надежды на то, что удастся пробиться сквозь ледъ и двинуться впередъ, было немного. Но попытаться все-таки слѣдовало. Послали просить помощи у другихъ судовъ, чтобы переброситься черезъ ледъ. Скоро на палубѣ „Викинга“ весело затопталось сто слишкомъ человѣкъ матросовъ со всѣхъ судовъ; сначала дѣло шло отлично; судно скользило между льдинами по свободной ото льда водѣ; вдругъ остановка. Дали задній ходъ и затѣмъ усиленный передній; всѣ матросы перебѣжали на корму и навалились на борта — носъ судна поднялся надо льдомъ; потомъ весь народъ перебѣжалъ на носъ, который сталъ надавли-

вать на ледъ, ломать его или просто погружать въ воду, и судно продолжало подвигаться. Винтъ ударялся о льдины, такъ что весь корпусъ судна дрожалъ, напоминая о рискѣ подобнаго перехода, но судно все таки двигалось впередъ.

Къ вечеру „Викингъ“ выбрался изъ затора и опять пустился въ путь между голубыми пловучими льдинами.

Была ясная, лунная ночь. Лучи луны такъ и играли въ водѣ и на льду. На сѣверо-западѣ небо рдѣло пурпуромъ, остальная часть неба отливала золотистымъ блескомъ вслѣдствіе отраженія лунныхъ лучей далекими ледяными равнинами.

Расположеніе духа на „Викингѣ“ было, однако, не важное: наступилъ уже вечеръ 2-го апрѣля, и въ 12 часовъ ночи слѣдовало бы начать бить молодыхъ тюленей — тѣмъ, кому удалось напасть на нихъ... 8-го апрѣля поднялась буря. Свободное ото льда пространство стало увеличиваться — точно двери темницы разверзались средь грохота бури. Вся масса пловучаго льда шла на востокъ. На слѣдующій день измѣрили долготу и съ ужасомъ увидѣли, что находятся на $13\frac{1}{2}$ град. в. д. Неслыханно, чтобъ на такой долготѣ былъ ледъ; должно быть они очутились среди теченій Гольфштрема. Встрѣтились опять два судна. По счету капитана вышло, что цѣлыхъ двѣнадцать судовъ не напали на тюленей, — все таки легче сердцу. Но дни шли, а „Викингъ“ все плавалъ безъ толку; ужъ не лучше ли было бы плыть на востокъ, къ Грѣнландіи, а не гоняться больше за молодыми тюленями? За вѣтромъ показались сначала три судна, а потомъ еще нѣсколько. Новое совѣщаніе, новые расчеты, и выводъ тотъ, что ни одно судно не напало на тюленей, развѣ „Каппела“. Ура! Вновь на поиски! А пока они продолжались, природа Ледовитаго океана все глубже и глубже врѣзывалась въ душу молодого человѣка, способнаго постигать красоту природы во всѣхъ ея проявленіяхъ. Его острый взоръ находилъ разнообразіе оттѣнковъ и среди этого однообразія ледяныхъ полей и моря и радовался имъ: „Небо играетъ разными цвѣтами; то оно покрывается бѣлымъ отблескомъ снѣговъ, то темнѣетъ, отражая море, то загорается пурпуромъ отъ солнца, то золотится, когда этотъ пурпуръ смѣшивается съ бѣлымъ отблескомъ ото льдовъ. А самые льды! То они отливаютъ зеленымъ блескомъ, то скорѣе голубымъ, въ гротахъ же почти ультрамариновымъ. Большинству

людей скоро бы прискучило это безмолвное спокойствіе природы вокругъ, эти необозримыя равнины льда. Они бы почувствовали себя здѣсь черезчуръ одинокими, безпомощными, имъ бы не доставало жизни, улыбающихся полей и луговъ, пасущихся коровъ, дымка изъ трубъ хижинъ, гдѣ варится къ ужину каша... Здѣсь ничего такого нѣтъ; здѣсь всякій слѣдъ человѣческихъ трудовъ исчезаетъ съ такой-же быстротой, съ какой исчезаетъ за нами въ водѣ слѣдъ нашего судна. Но тотъ, кто ищетъ въ природѣ

Въ Ледовитомъ океанѣ. II.

мира, постоянства и свободы — найдетъ ихъ здѣсь!“ Духовная жажда Нансена, увлекавшая его въ пустыя лѣса Нормаркена, была утолена здѣсь среди простора Ледовитаго океана. Онъ былъ воспитанъ для уединенія и чувствовалъ себя среди него какъ дома, самъ наполняя его жизнью и содержаніемъ.

Зато „Викингу“ эти 5 недѣль тщетныхъ поисковъ были не сладки; всѣ понимали, что самая выгодная пора ловли миновала для нихъ. 25-го апрѣля начали показываться молодые тюлени на льду. Паль густой туманъ, не настолько, однако, густой, чтобы

нельзя было различить впереди судна съ закрѣпленными парусами; потомъ увидѣли вдали еще нѣсколько. Направили курсъ на ближайшее: это „Нордъ-Капъ“!.. Что же оно стоитъ съ закрѣпленными парусами? Нагрузилось уже? Сидитъ на видъ глубоко. Или оно напало на тюленей и ждетъ, пока уляжется волненіе?

Все лихорадочно возбуждены. Наконецъ, подошли къ судну такъ что можно перекликаться; капитанъ „Нордъ-Капа“ кричитъ въ рупоръ: „Да гдѣ-же это вы пропадали, капитанъ Крефтингъ?“ Всѣхъ словно молнія пронизываетъ, взорамъ открывается судно за судномъ. „Новая Земля“ уже перегружена, „Вега“ нагружена, „Капелла“ почти нагрузилась, на „Альбертъ“ 14000, на „Гекль“ 10—12000, даже на „Нордъ-Капъ“ 6000. Оказалось, что ловля была въ 4 миляхъ на западъ-сѣверо-западъ отъ того мѣста, гдѣ „Викингъ“ и другіе суда тогда застряли; не будь тогда тумана, было бы видно тюленей.

2-го мая завидѣли издали Шпицбергенъ. Нансену не терпѣлось увидеть стада сѣверныхъ оленей и мѣста, гдѣ собираютъ гагачій пухъ. Но курсъ держался на западъ.

25-го прошли подъ Грѣнландіей. Глетчеры такъ и горѣли въ лучахъ заходящаго солнца, а темныя очертанія вулкановъ угрожающе поднимались на фонѣ пурпурнаго горизонта. Тутъ Нансену удалось не на долго почувствовать подъ ногами твердую почву. Въ большомъ гротѣ скалистаго берега оказалась отличная гавань для лодки, и люди вышли на берегъ. Всюду, куда только хваталъ взоръ — простиралась черная лава. Путники зашли къ сторожу маяка, въ его низенькую хижину. Неподалеку отъ того мѣста земля дымилась, словно тутъ только что выжгли лѣсъ подъ пашню. Паръ поднимался отъ горячихъ источниковъ; надо, конечно, было посѣтить ихъ. Надѣли деревянные башмаки и отправились по острымъ глыбамъ лавы нюхать сѣрные пары, затѣмъ вернулись опять къ хижинѣ. Тамъ и сямъ чахлая поросли можжевельника и вереска, былинка тутъ, былинка тамъ — вотъ и весь кормъ для овецъ. Вдобавокъ горная лиса душитъ овецъ, и воронъ таскаетъ ягнятъ.

Снова вышли въ море, и у Нансена отмѣченъ въ дневникѣ всякій разъ, когда спускали лодки за тюленями; особенной удачи въ этомъ отношеніи „Викингу“ не было. Вечеромъ, 16-го іюня

пришлось выдержать изрядную схватку съ льдинами; однѣ наваливались на корабль, другія съ разбѣга ударялись о его бока, грозя проломить ихъ; корабль то поднимался, то опускался, треща по всѣмъ швамъ и дрожа, какъ листъ. Экипажъ уже сталъ волноваться, но къ счастью все обошлось благополучно. Ночью выбрались изъ льда и опять поплыли по чистому морю. На утро капитанъ за завтракомъ сказалъ: „Я увѣренъ, что сегодня будемъ бить тюленей,—въ послѣдній разъ, когда насъ также обласкало льдомъ, мы наткнулись на стадо и убили больше 900 штукъ“.

Капитанъ былъ правъ. Къ вечеру спустили всѣ десять лодокъ. Пошли веселье, шутки, началась настоящая битва, которая продолжалась цѣлыхъ три дня. Когда дѣло кипитъ, тюленепромышленникамъ не до сна, не до отдыха. А другимъ судамъ пришлось въ это время смотрѣть да облизываться: между ними и мѣстомъ ловли была непроходимая преграда изъ льдовъ.—Но и пора было „Викингу“ поживиться; въ эти дни счастье его достигло своего апогея; въ концѣ же іюня судно было затерто льдами у восточныхъ береговъ Грѣнландіи на 66° 50' сѣвер. шир., и тутъ имъ пришлось простоять цѣлый мѣсяцъ, сложа руки, въ самое горячее время. Для „Викинга“ это было потерянное время, для Нансена-же во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе важный и интересный періодъ за всю экспедицію. Прежде всего онъ въ то время не разъ имѣлъ случай удовлетворить своему завѣтному желанію—поохотиться на бѣлыхъ медвѣдей. До сихъ поръ онъ дѣйствовалъ на ряду съ другими въ качествѣ охотника на тюленей, а также работалъ въ качествѣ добросовѣстнѣйшаго наблюдателя-натуралиста, строго слѣдуя инструкціямъ профессора Мона, лежавшимъ въ его дневникѣ. Нансенъ отмѣчалъ и изучалъ всѣ явленія природы и въ морѣ и въ воздухѣ, привыкалъ смотрѣть на все глазами ученаго. Но страстный охотникъ въ душѣ, онъ все горѣлъ желаніемъ встрѣтиться съ четвероногимъ властителемъ Ледовитаго океана, и вотъ, тутъ-то, гдѣ „Викингу“ предстояло стоять безъ дѣла, и ждала Нансена настоящая охота на медвѣдей. Въ дневникѣ Нансена есть удивительно интересныя, живыя описанія схватокъ его съ медвѣдями. Во все это время охотничья лихорадка не покидала молодого ученаго; онъ не зналъ покоя; то и дѣло раздавались крики съ обсерваціоннаго пункта—

бочки, что тамъ-то видѣнъ медвѣдь. Эти сообщенія подымали Нансена съ постели ни свѣтъ ни заря, вызывали его изъ за стола, отрывали отъ научныхъ работъ — словомъ, не давали ни отдыха, ни срока. 6-го іюля, когда расположеніе духа экипажа упало почти до нуля, такъ какъ люди стали ужъ думать, что не выйдутъ живыми изъ этихъ льдовъ, но или будутъ раздавлены ими или перемерутъ здѣсь отъ голода, капитанъ и Нансенъ отправились къ нимъ въ ихъ помѣщеніе, чтобы поднять въ нихъ духъ. Людямъ было обѣщано, что ихъ прокормятъ медвѣжьимъ мясомъ, а, если судно будетъ раздавлено, то всѣ они выйдутъ на берегъ и оснуютъ на Грѣнландіи новую колонію, гдѣ недостатка въ пищѣ не окажется; тамъ вдоволь: оленей, мускусныхъ быковъ, бѣлыхъ медвѣдей, мху, и другихъ лакомствъ. Но все это мало помогало. Вдругъ изъ бочки раздался возгласъ: „Три медвѣдя подъ вѣтромъ!“ Это была самка съ двумя медвѣжатами; застрѣлили всѣхъ трехъ, и людей долго угощали медвѣжьимъ жаркимъ. Изъ стараго же мяса сдѣлали на льду костеръ, который начинили саломъ и поддерживали нѣсколько дней. Запахъ оказался хорошей приманкой, и въ эти дни съ бочки было замѣчено до 20 медвѣдей“. Вотъ выдержка изъ дневника Нансена, помѣченная 12-го іюля.

„Вечеромъ я занялъ постъ въ бочкѣ, чтобы срисовать берегъ Грѣнландіи. Прежде всего я внимательно оглядѣлъ кругомъ ледъ, чтобы удостовѣриться въ отсутствіи медвѣдей, и затѣмъ спокойно принялся за дѣло. Люди всѣ ушли на покой, и на палубѣ было тихо; только матросъ „Баллонъ“, стоявшій на вахтѣ, шагаль взадъ и впередъ. Я такъ углубился въ работу, что почти забылъ, гдѣ я, какъ вдругъ слышу крикъ Баллона, который взошелъ на помостъ: „Да, вѣдь, тутъ медвѣдь!“ Я мгновенно вскочилъ, смотрю — медвѣдь внизу у самага носа корабля. Карандашъ и альбомъ въ сторону, живо маршъ-маршъ внизъ на палубу, затѣмъ въ каюту за ружьемъ и патронами. Но медвѣдь испугался и удралъ вмѣстѣ съ товарищемъ, который оказался тутъ же по близости“.

Нансенъ, одѣтый въ шерстяную куртку и обутый въ легкіе парусиновые башмаки, пустился было за ними въ погоню, но они удирали съ неимоверной быстротою, и вскорѣ на „Викингъ“ былъ выкинутъ флагъ, призывавшій Нансена воротиться; пришлось повиноваться. Разумѣется, капитанъ не упустилъ случая

подразнить его за удивительное умѣнье караулить медвѣдей „Да! да! Славнаго молодца посадили въ бочку: не видитъ медвѣдей даже, когда они подъ носомъ!“—Но Нансенъ свое взялъ: 14-го іюля онъ охотился на бѣлыхъ медвѣдей въ послѣдній разъ и тутъ получилъ полное удовлетвореніе въ бѣгѣ взапуски съ ними. Показался большой медвѣдь и вдали еще два, но всѣ трое пустились въ бѣгство. „Мѣшкать было нельзя; медвѣдь удиралъ со всѣхъ ногъ. Мы*) пустились за нимъ, стараясь при этомъ держаться подъ прикрытіемъ ледяныхъ глыбъ. Въ попыткахъ, однако, часто забываешь объ осторожности, и я забылъ о томъ, что льдины бываютъ обманчивы на видъ: кажутся твердыми, плотными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ вода настолько размыла ихъ снизу, что онѣ представляютъ лишь весьма тонкіе, хрупкіе, ненадежные помосты. Мы подбѣжали къ широкой полыньѣ, черезъ которую предстояло перепрыгнуть; я приготовился къ заправскому прыжку, да на бѣду оказалось, что край льдины былъ какъ разъ хрупкимъ, и я вмѣсто того, чтобы перепрыгнуть, очутился съ головой въ водѣ. Немножко холодно, но главное надо спасти ружье; перебросилъ было его на слѣдующую льдину, но опять бѣда: край ея былъ высокъ, и ружье не попало на мѣсто, а скатилось въ воду. Нырнулъ за нимъ, поймалъ. Потомъ подплылъ, отыскалъ мѣсто, гдѣ можно было выкарабкаться, и поднялъ ружье. Одинъ мигъ на осмотръ дула и замка и—снова во весь духъ впередъ. Патроны не пострадали,—у меня были непромокаемые, ремингтоновскіе. Капитанъ между тѣмъ очутился немного впереди; увидѣвъ, что я провалился, онъ перепрыгнулъ на другую льдину и продолжалъ погоню. Къ счастью, я въ тотъ день былъ одѣтъ легко: парусиновые башмаки и шерстяная куртка, такъ что воды набралось немного, и она быстро стекла. Такимъ образомъ я скоро наверсталъ упущенное и, увидавъ, что медвѣдь скрылся за высокой ледяной глыбой, пошелъ ему на перерѣзъ. Только что обогнулъ глыбу—столкнулся лицомъ къ лицу съ Мишкой. Ружье къ щекѣ—но онъ быстрѣе меня: моментально бултыхъ въ воду, и пуля попала только въ задъ ему. Подбѣгаю къ краю льдины, чтобы дать выстрѣлъ по Мишкѣ въ водѣ, но его не видать. Куда онъ

*) Нансенъ, капитанъ и одинъ изъ матросовъ.

дѣвался? Вижу, въ глубинѣ бѣлѣетъ что-то, ага, вотъ въ чемъ дѣло! Полынья была длинная, надо было перебраться на другой край ея, чтобы принять Мишку тамъ. Въ срединѣ полыни плавали двѣ небольшія льдины. Прыжокъ предстоялъ большой, но я рѣшился и удачно перепрыгнулъ на первую льдину. Она едва-едва могла сдержать меня. Стараюсь удержать равновѣсіе и вдругъ вижу голову медвѣдя у другой льдины. Съ ревомъ бросается онъ на нее, еще минута, и—бросится на меня. Къ несчастью для него, я предупреждаю его; нахожу точку опоры и влѣпляю ему пулю въ грудь почти въ упоръ, такъ что шерсть вокругъ почернѣла отъ пороха. Мишка закачался и издохъ — чуть не сказалъ: на моихъ рукахъ. Въ сущности я поддерживалъ его за уши, такъ какъ онъ выказалъ поползновеніе погрузиться въ воду, что собственно было въ высшей степени удивительно, — ему бы въ это время года слѣдовало какъ разъ всплыть на верхъ, столько въ немъ было жира. Спутники мои скоро подоспѣли мнѣ на подмогу. Пришлось вытащить медвѣдя съ помощью моего кожаного пояса; другого ничего подъ рукой не было, а онъ былъ коротковатъ. Затянули его вокругъ шеи медвѣдя и втянули тушу въ узкую выемку на льду. Теперь нечего было опасаться, что онъ потонетъ, и мы могли мало-по-малу общими усиліями вытянуть его на ледъ. Онъ оказался огромнымъ, самымъ большимъ изъ всѣхъ убитыхъ нами. Шкура его лежитъ теперь подъ моимъ письменнымъ столомъ, и я въ буквальномъ смыслѣ могу сказать, что „попираю пятою голову своего врага“. Отъ судна мы отбѣжали далеко, и прошло порядочно времени, пока къ намъ подоспѣли оттуда на помощь люди; мы тѣмъ временемъ занялись потрошеніемъ Мишки. Мнѣ-то впрочемъ не пришлось отдаться этому занятію; капитанъ сказалъ, что я промокъ и прозябъ, а потому не угодно ли-де мнѣ отправиться на судно. Какъ ни казалось мнѣ неосновательнымъ такое предложеніе, я все-таки покорился и отправился къ судну. Я вообще привыкъ соглашаться съ капитаномъ во всемъ и на этотъ разъ мнѣ тоже не пришлось раскаиваться въ моемъ послушаніи. Подходя къ судну, я увидѣлъ вдали трехъ матросовъ, изъ которыхъ двое, повидимому, были съ ружьями. Когда я спросилъ о нихъ на суднѣ, мнѣ сказали, что они отправились на медвѣдя, но что мнѣ нечего надѣяться

принять участіе въ охотѣ, такъ какъ они уже на выстрѣлъ отъ медвѣдя. Ну, чтожъ, подумалъ я, съ меня довольно на сегодня, пусть себѣ охотятся. Но вдругъ я узнаю, что медвѣдей не одинъ, а цѣлыхъ три. Этого ужъ больно много на ихъ долю! Одного-то я бы имъ уступилъ, но изъ трехъ-то одинъ могъ бы придтись и на мою долю! И я опять пустился бѣгомъ, насколько позволяли ноги. Я ужъ успѣлъ промокнуть, такъ измокнуть немножко больше, немножко меньше, не играло никакой роли, и мнѣ по крайней мѣрѣ не надо было обходить полыньи. Скоро я настигъ людей; они легли стеречь медвѣдя, который шелъ на нихъ. Я остановился на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы не помѣшать имъ, но они, боясь, какъ видно, что я предупрежу ихъ, поторопились выстрѣлить и только поранили звѣря, который съ ревомъ бросился прочь отъ нихъ.

Тогда пришла моя очередь. Я пустилъ ему пулю¹ прямо въ грудь. Онъ упалъ, но затѣмъ поднялся опять и продолжалъ путь. Я побѣжалъ за нимъ, и когда онъ обернулся и пошелъ на меня, прострѣлилъ ему голову. Тутъ онъ издохъ. Очередь была за слѣдующимъ. Съ корабля дали намъ знакъ, мы отправились по указанному направленію, и немедленно открыли звѣря, который уплеталъ остатки тюленя. Онъ былъ такъ занятъ, что мы незамѣченными подошли къ нему на хорошій выстрѣлъ. Не надѣясь на другихъ, я рѣшилъ выстрѣлить и свистнулъ, чтобы привлечь вниманіе звѣря, — хоть бы что! Я еще разъ — тотъ же результатъ. Я свистнулъ изо всѣхъ силъ — онъ поднялъ голову. Я прицѣлился въ спину и выстрѣлилъ, и въ то же время выстрѣлили и двое другихъ. Медвѣдь заревѣлъ и шарахнулся задомъ въ воду. Я бросился къ краю полыньи и спокойно остановился тамъ, полагая, что медвѣдю уже досталось, какъ слѣдуетъ, и что я dokonчу его выстрѣломъ, когда онъ переплыветъ полынью и вылѣзетъ на ледъ по ту сторону ея, чѣмъ избавить насъ отъ труда вытаскивать его тушу. Но я ошибся въ расчетѣ; медвѣдь изловчился выйти подъ прикрытіемъ глыбы, легко какъ кошка вскарабкался на ледъ и пустился удирать. У меня и лицо вытянулось; я послалъ ему въ догонку пулю, но даромъ, а затѣмъ началась гоньба, вполне вознаградившая меня за испытанное разочарованіе. Олуфъ (матросъ) безъ ружья, съ однимъ ломомъ и веревкой въ рукахъ, послѣдовалъ за мной, но отсталъ у первой

же широкой полыни, черезъ которую нельзя было перепрыгнуть. Я же, не желая дѣлать кругъ, пустился прямо вплавъ и услышалъ позади себя взрывъ хохота. Это хохоталъ Олуфъ надъ новымъ, еще невиданнымъ имъ, способомъ переправы черезъ полыни. Онъ хотѣлъ распорядиться похитрѣе, ломомъ сдвинуть въ середину полыни льдину и прыгнуть на нее, чтобы съ нея перескочить дальше. Но тутъ настала моя очередь хохотать: онъ очутился по поясъ въ водѣ и достигъ противоположнаго края

Въ Ледовитомъ океанѣ. III.

полыни весь мокрый, набравъ полные сапоги воды. Ему пришлось заняться выливаніемъ ея; я въ своихъ низкихъ парусиновыхъ башмакахъ не нуждался въ этомъ и не сталъ дожидаться окончанія этой процедуры. Такимъ образомъ состязаніе продолжалось между мной и медвѣдемъ, и мы оба, повидимому, рѣшились постоять за себя. Для него дѣло шло о головѣ, для меня о чести, — было бы изъ рукъ вонъ упустить медвѣдя изъ подъ носу. Моя пуля угодила ему въ спину, но, по ошибкѣ, я взялъ патронъ съ пустой пулей, которая только слегка поранила звѣря.

Кровь изъ его раны, однако, такъ и струилась, и мнѣ нетрудно было гнаться за нимъ по этимъ слѣдамъ. Пули же двухъ моихъ спутниковъ не попали въ него. И вотъ, мы летѣли по льду, какъ только несли ноги; то я почти настигалъ медвѣдя, то онъ вновь далеко опережалъ меня. Мы оставляли позади себя одну лыню за другой; если они оказывались слишкомъ широкими для прыжка, я переплывалъ ихъ,—обходить было некогда. Сначала медвѣдь какъ будто не обнаруживалъ усталости, но когда мы пробѣжали съ милю, онъ началъ дѣлать извороты, я же продолжалъ бѣжать напрямикъ, что не мало помогало мнѣ. Я понялъ, что Мишка началъ уставать и немножко убавилъ ходу, но вдругъ онъ скрылся за глыбой. Пользуясь тѣмъ, что и онъ меня не видѣлъ изъ за глыбы, я припустился на всѣхъ парахъ, чтобы подбѣжать къ нему на выстрѣлъ. Но нѣтъ, онъ пронюхалъ мою уловку и тоже прибавилъ рыси. Опять пролетѣли нѣкоторое разстояніе, и опять медвѣдь пошелъ тише. Наконецъ, я настигъ его и пустилъ ему пулю, которая прошла грудь. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько прыжковъ и упалъ; пуля въ ухо покончила съ нимъ совсѣмъ. И вотъ, я очутился одинъ съ убитымъ медвѣдемъ. Единственнымъ оружіемъ моимъ были ружье безъ патроновъ, да перочинный ножикъ, такъ какъ капитанъ взялъ мой охотничій ножъ, когда мы начали потрошить перваго медвѣдя. Прежде всего надо было подать знакъ на судно, чтобы мнѣ прислали подмогу, но отъ судна были видны однѣ мачты. Пришлось вскарабкаться на самую высокую глыбу и оттуда махать шапкой, надѣтой на дуло ружья. Потомъ я принялся снимать перочиннымъ ножикомъ съ медвѣдя шкуру, чтобы по крайней мѣрѣ унести съ собой ее. Трудненько было выполнить эту работу, — приходилось, вѣдь, отрѣзывать голову и лапы, чтобы не испортить шкуры. Но съ терпѣніемъ и стараніемъ все-таки оказалось возможнымъ справиться съ дѣломъ. Я уже почти кончалъ его, какъ услышавъ вдали чей-то голосъ. Я взлѣзъ на глыбу, чтобы посмотреть. Это былъ Олуфъ, который наконецъ добрался по слѣдамъ. Какъ онъ былъ радъ, что попалъ на меня, а то онъ бѣжалъ, замирая отъ страха, что наткнется на медвѣдя; вооруженъ же онъ былъ однимъ ломомъ да пачкой патроновъ. Мы сняли съ Мишки шкуру и поволокли ее къ судну,—трудъ не легкій! Шкура вмѣстѣ съ прилегавшимъ

къ ней слоюмъ жира вѣсила больше тонны. Намъ, впрочемъ, не долго пришлось тащить ее, — насъ встрѣтили высланные намъ на помощь люди. Мы съ радостью отдали имъ и шкуру и мое ружье и патроны, а то бѣдняки, идя безъ ружья, все время трусили встрѣчи съ медвѣдемъ.

Полагая, что мы сдѣлали свое, я и Олуфъ отправились себѣ домой на судно. По дорогѣ Олуфъ все интересовался моимъ способомъ переправляться черезъ полыньи; очевидно, онъ не могъ забыть своей остановки съ непромокаемыми сапогами, изъ которыхъ пришлось выливать воду.

На пути мы встрѣтили посольство отъ капитана, выславшаго намъ пиво и кое-чего съѣстнаго для подкрѣпленія силъ. Я былъ почти тронутъ такой заботливостью, и могу увѣрить, что и мнѣ и Олуфу присланное пришлось какъ-нельзя болѣе по вкусу. На суднѣ я узналъ, что и третій медвѣдь былъ неподалеку, но теперь уже скрылся. Надо было-бы и его прибрать къ рукамъ для ровнаго счета; а то мы убили за это время всего 19 медвѣдей, ну да и этого было довольно.

Тѣмъ и окончилась наша охота на медвѣдей. Нѣсколько дней спустя, ледъ разошелся, и судно вышло. Время охоты на тюленей уже было упущено, и намъ не оставалось ничего другого, какъ повернуть домой. Весело запрыгалъ по волнамъ нашъ „Викингъ“, несясь на всѣхъ парахъ и парусахъ, и какъ мы всѣ обрадовались, когда вдали вынырнули изъ волнъ вершины горъ милой, родимой Норвегіи!

Нансенъ заканчиваетъ описаніе своей поѣздки выраженіемъ признательности капитану „Викинга“ г. Крефтингу, за тѣ пріятные часы, которые они провели вмѣстѣ въ полярномъ царствѣ. Крефтингъ былъ типомъ здороваго, коренастаго, отважнаго моряка, и можно сказать навѣрно, что Нансенъ и онъ встрѣтили другъ въ другѣ родственныя натуры и что личность Крефтинга имѣла значительное вліяніе на развитіе многихъ прирожденныхъ качествъ Нансена. Они очень привязались другъ къ другу, да и весь экипажъ „Викинга“ видно считалъ поѣздку съ Нансеномъ одной изъ лучшихъ въ длинномъ рядѣ своихъ полярныхъ поѣздокъ. Привѣтливый и мужественный, онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, и, конечно, общество такого образованнаго человѣка не могло быть лишнимъ тѣмъ отчаяннымъ молодцамъ,

какіе были между матросами, тѣмъ болѣе, что онъ былъ такой обходительный, могъ по цѣлымъ ночамъ просиживать съ ними въ каютѣ за бесѣдой и зналъ ихъ всѣхъ по имени и по прозвищу. Еще и теперь у многихъ изъ команды виситъ на стѣнѣ фотографія всего экипажа: передъ тушей убитаго бѣлаго медвѣдя стоятъ 72 человекъ; стрѣлки съ ружьями, другіе съ ломами и топорами. Но гдѣ-же самъ Нансенъ? А онъ фотографировалъ ихъ. Вообще онъ своими затѣями какъ будто вносилъ въ эти ледяныя пустыни смягчающее вѣяніе цивилизаціи. Онъ былъ такой предприимчивый, любознательный, ему до всего было дѣло вплоть до мельчайшей козявки. Вдоль боковъ судна спускались въ море его сѣти, въ которыя онъ ловилъ разныхъ мелкихъ обитателей моря. А разъ, такъ онъ поймалъ маленькаго тюленя и нянчился съ нимъ цѣлую недѣлю! „Но снять съ него фотографію такъ и не удалось!“ — говорятъ, вспоминая этотъ эпизодъ, матросы: „Тюленчики-то къ этому дѣлу непривычны! Ихъ вѣдь не спрашиваютъ, передъ тѣмъ какъ убить ихъ, хотя-ли они сниматься! Каждый день его вытаскивали, укладывали на люкъ, и все шло хорошо, до тѣхъ поръ пока надо было снять его,—тутъ-то его бывало всегда и дернетъ пошевелиться, ну, и выходило одно пятно!“

„Охотникомъ Нансенъ былъ горячимъ и забубенной головой, когда дѣло шло о томъ, чтобы побережъся“, — рассказываетъ одинъ изъ экипажа. — „Я помню разъ, мы были на льду, вдругъ слышимъ — кричатъ о помощи. Капитанъ и Нансенъ были на суднѣ; штурманъ сидѣлъ на реяхъ съ зрительной трубой. Мы были очень близко и слышали, какъ онъ сказалъ, что нѣсколько нашихъ молодцовъ на льдинѣ и что на нихъ идетъ медвѣдь, который повидимому намѣревается переплыть полынью, чтобы добраться до нихъ, а у нихъ нѣтъ съ собой ружья. Я пустился къ мѣсту со всѣхъ ногъ; капитанъ и Нансенъ тоже, но я опередилъ ихъ. Когда я увидалъ медвѣдя, онъ былъ уже въ парѣ шаговъ отъ полыни, мнѣ же оставалось пробѣжать еще порядочно, чтобы очутиться на выстрѣлъ отъ него, а я ужъ запыхался. Но и упускать время я не посмѣлъ; дай я медвѣдю выйти на льдину, нельзя было бы стрѣлять, — я могъ попасть въ людей. Какъ только я выстрѣлилъ, я услышалъ окрикъ Нансена: „Упалъ онъ?“ И когда онъ узналъ, что дѣло уже кончено, онъ

пошелъ, какъ въ воду опущенный. Да, молодецъ онъ былъ охотиться на медвѣдей. Медвѣдь и онъ точно изъ одного тѣста были вылѣплены, когда бѣжали въ запуски: медвѣдь перепрыгнетъ и Нансенъ перепрыгнетъ, медвѣдь въ воду, и Нансенъ въ воду. Я говорилъ ему, что онъ этакъ испортитъ себя, но онъ только показалъ на свою шерстяную одежду и сказалъ: „Я не мерзну!“

Этой стоянкѣ у восточнаго берега Грѣнландіи суждено было имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу Нансена. Онъ не могъ забыть картины, которая открывалась передъ нимъ тамъ и которую онъ рисуетъ такъ: „Днемъ вершины и глетчеры блестѣли вдали за массаами пловучаго льда, но вечеромъ и ночью, когда солнце зажигало воздухъ и облака, ихъ дикая красота выступала еще ярче“.

И онъ неустойчиво набрасывалъ планы попасть на этотъ манившій его издали берегъ, который тщетно искали столько людей. По его мнѣнію можно было пробраться туда, если только взять съ собой лодку, и онъ намѣревался было немедленно попытаться выполнить свой планъ, но капитанъ Крефтингъ не разрѣшилъ. Замыслы проникнуть во внутрь Грѣнландіи начали зарождаться въ немъ тогда-же, а прошло не больше года послѣ возвращенія его въ Норвегію, и онъ уже крѣпко ухватился за мысль совершить по Грѣнландіи экспедицію на лыжахъ. Связь между первымъ его знакомствомъ съ Грѣнландіей и вторичнымъ посѣщеніемъ ея, такимъ образомъ ясна. Да, не даромъ добрый геній Фритъофа Нансена держалъ его близъ этого берега около мѣсяца,—тамъ, въ то время, какъ другіе были объаты страхомъ, въ его душѣ загорѣлось желаніе проникнуть въ эту сказочную страну, пробудилось благородное честолюбіе, заставлявшее его потомъ намѣчать себѣ все болѣе и болѣе высокія цѣли.

Въ Бергенѣ.

Въ то время, какъ Фритъофъ Нансенъ переплывалъ полыньи въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, гоняясь за бѣлыми медвѣдями, директоръ Бергенскаго музея и главный врачъ Лунгегорскаго госпиталя Даніельсенъ *) искалъ для своего музея новаго консерватора, — старый ушелъ. И профессоръ Коллетъ, еще до прибытія Фритъофа Нансена въ Христіанію, получилъ отъ Даніельсена по телеграфу просьбу о совѣтѣ. Коллетъ тотчасъ же подумалъ о Нансенѣ и, едва послѣдній ступилъ ногой на родную почву, профессоръ предложилъ ему занять мѣсто консерватора при Бергенскомъ музеѣ. Нансенъ, конечно, былъ согласенъ. Ему не было еще 21 года, онъ не успѣлъ еще представить никакой научной работы, такъ что предложеніе являлось въ высшей степени заманчивымъ. Но прежде онъ хотѣлъ навѣстить сестру въ Даніи. Объ этомъ было телеграфировано Даніельсену. Знающіе характеръ старика легко могутъ представить себѣ, какую воркотню онъ поднялъ, расхаживая по музею: „Слыхано-ли это? Его, молокососа, зовутъ въ консерваторы Бергенскаго музея, а ему, видите-ли, надо навѣстить сестру! Неслыханное сантиментальничанье“. И онъ телеграфировалъ: „Нансенъ долженъ явиться немедленно!“ Это было первымъ привѣтствіемъ Нансену, характеризующимъ того человѣка, съ которымъ молодому ученому предстояло работать рука объ руку въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Даніель Корнелиусъ Даніельсенъ — сынъ часовыхъ дѣлъ мастера, докторъ медицины, авторъ солидныхъ трудовъ о проказѣ,

*) Родился въ Бергенѣ 4 Іюля 1815 г. † 13 Іюля 1894 г.

выдающійся зоологъ, почетный членъ Лундскаго и Копенгагенскаго университетовъ, былъ однимъ изъ интереснѣйшихъ явленій въ ученой и общественной средѣ Норвегіи. Не знающее границъ трудолюбіе, такая-же энергія и увлеченіе сочетались въ немъ съ неутомимостью и выдержкою. Въмѣсто того, чтобы, какъ многіе другіе талантливые люди, опуститься духовно въ такомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ не съ кѣмъ состязаться и гдѣ сама окружающая атмосфера мѣшаетъ духовному

росту человѣка, или же бѣжать оттуда, Даніельсенъ рѣшилъ пересоздать этотъ городокъ по своему образцу. Въмѣсто того, чтобы, въ виду своего изолированнаго положенія, махнуть рукою на все, онъ вступилъ въ долготѣнную, упорную борьбу съ стортингомъ и городскимъ управленіемъ Бергена, заставляя ихъ защищать такіе интересы, которые, хотя и были пока только его личными, но должны бы были быть общественными. Бергенскій музей — созданіе Даніельсена — является и

Д. К. Даніельсенъ.

его памятникомъ. Даніельсенъ какъ бы выбралъ девизомъ своей жизни знаменитое изреченіе изъ Гавамола: „Богатство минетъ, родные умрутъ, самъ умрешь, одно знаю я, никогда не умреть — посмертный судъ надъ человѣкомъ“.

И этотъ судъ долженъ былъ, по его мнѣнію, основываться на оставленныхъ человѣкомъ трудахъ.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, что не старѣютъ съ го-

дами, очень любилъ молодежь, но и былъ къ ней очень требователенъ. „Онъ полагалъ“ — пишетъ одинъ изъ его многолѣтнихъ сотрудниковъ — „что молодежь можетъ справиться со всѣмъ“. Онъ былъ веселъ и ласковъ, когда дѣло спорилось, и бранился чуть что шло не такъ, какъ ему хотѣлось. По отношенію къ человѣку, дѣйствительно интересующемуся дѣломъ, человѣку интеллигентному и трудолюбивому, пріемъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе кстати. А Нансенъ какъ разъ и былъ такимъ человѣкомъ. Намъ неизвѣстно, вліялъ-ли Даніельсенъ въ прямомъ смыслѣ на занятія Нансена въ бытность послѣдняго консерваторомъ Бергенскаго музея, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что личность маститаго профессора сама по себѣ являлась уже достаточнымъ импульсомъ. Каждый день въ 10 ч. утра 67-лѣтній старикъ являлся въ музей и садился за свой рабочій столъ, уже сдѣлавъ передъ тѣмъ обычный утренній обходъ въ Люнгегорскомъ военномъ госпиталѣ. Молодой человѣкъ, начавшій свою дѣятельность подъ руководствомъ профессора, скоро, однако, убѣдился на опытѣ, что если наука и неумолима въ своихъ требованіяхъ, то все же не требуетъ затворничества или аскетизма: ветерану ея Даніельсену ничто человѣческое не было чуждо. Онъ былъ и членомъ стортинга, принималъ живѣйшее участіе въ политической жизни страны, былъ и членомъ-основателемъ театра въ Бергенѣ, принималъ участіе и въ устройствѣ городской картинной галлерей и въ основаніи Бергенскаго Литературнаго Общества, затѣмъ былъ предсѣдателемъ „Общества взаимной пользы“ и членомъ муниципалитета Бергена и постоянно слѣдилъ и лично и по газетамъ за дѣятельностью всѣхъ поименованныхъ учреждений и обществъ. А когда онъ въ своей маленькой столовой въ зданіи госпиталя, окруженный согражданами, дѣятелями науки и искусства и, главнымъ образомъ, молодежью, подымалъ стаканъ съ виномъ изъ своего превосходнаго погреба, то на лицѣ его такъ и сіяла радость бытія; жизнерадостность олицетворялась всей его фигурой, играла въ его глазахъ, несмотря на то, что имъ изъ года въ годъ приходилось видѣть смерть то того, то другого изъ самыхъ близкихъ, дорогихъ людей *).

*) Даніельсенъ схоронилъ въ 1868 г. единственнаго 25 лѣтн. сына, въ 1869—1873 г.г. — трехъ дочерей и въ 1875 г. — жену.

Итакъ, Нансенъ снова наткнулся на личность, въ которой его собственная могла найти нужную для ея развитія опору. О томъ же, какія отношенія установились между ними, свидѣлствуютъ письма, которыми они обмѣнивались и изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь два. Первое отъ Даніельсена Нансену, помѣчено 30 января 1893 г., т. е. написано старикомъ за полтора года до его смерти.

„Дорогой мой Нансенъ!

Приближается время Вашего отъѣзда въ далекій путь, но насколько я тревожился за исходъ Вашей Грѣнландской экспедиціи, настолько же я спокоенъ за исходъ этой полярной. Я съ живѣйшимъ интересомъ прослѣдилъ всѣ ваши доказательства и доводы, а также познакомился со всѣми сыпавшимися съ разныхъ концовъ возраженіями, отрицающими возможность удачи, и пришелъ къ непоколебимой увѣренности, что Ваша экспедиція увѣнчается успѣхомъ. Увы, мой дорогой Нансенъ, мало вѣроятія, что я доживу до этого и приму участіе въ томъ гулѣ привѣтствій, которымъ встрѣтитъ вся земля Фритъофа Нансена, возвратившагося съ сѣвернаго полюса обогащеннымъ всевозможными открытіями, поэтому-то я и тороплюсь заранѣе послать Вамъ свой привѣтъ, который послѣ Евина *) будетъ самымъ сердечнымъ и горячимъ изъ всѣхъ ожидающихъ Васъ. Насколько мнѣ извѣстно, Вы поплывете черезъ Карское море къ Ново-Сибирскимъ островамъ; если это такъ, я надѣюсь, что вы заглянете на пути въ Бергенъ; нечего и говорить, что Вы этимъ доставите большую радость всѣмъ бергенцамъ, а главнымъ образомъ Вашему старому другу и почитателю.

Фритъофъ Нансенъ счастливо вернется съ сѣвернаго полюса! Это такъ-же вѣрно, какъ то, что я пишу эти строки, — настолько-то я старикъ могу быть пророкомъ. Кланяйтесь отъ меня Вашей милой супругѣ и всему Сарскому семейству **) и примите сердечный поцѣлуй и привѣтъ отъ любящаго Васъ и преданнаго Вамъ Д. К. Даніельсена“.

*) Жена Нансена.

**) Мать и сестра г-жи Нансенъ.

Вскорѣ послѣ отплытія Фритъофа Нансена отъ береговъ Норвегіи онъ отправилъ изъ Келлефьорда 16 іюля 1893 г. своему учителю послѣдній привѣтъ, который оканчивался такъ:

„Дорогой Даніельсенъ! Не стану говорить Вамъ всего, что я хотѣлъ, а только еще разъ поблагодарю Васъ за то, чѣмъ Вы были для меня, дорогой другъ-отецъ; судьба развела насъ по разнымъ дорогамъ, такъ что намъ больше не придется трудиться вмѣстѣ. Но близъ-ли Васъ, далеко-ли отъ Васъ, я сохранию къ Вамъ всю мою привязанность и глубочайшее уваженіе. День Вашей жизни склоняется къ вечеру, но этотъ вечеръ такъ хорошъ, а, оглядываясь назадъ, Вы видите прекрасно проведенный день. Для меня наступилъ только еще полдень, и, вѣроятно, мнѣ остается еще время поработать, но Вы всегда будете стоять передо мною живымъ, свѣтлымъ примѣромъ, и, если я устану, ослабѣю, Ваша сила воли, Ваша неутомимая дѣятельность послужатъ путеводной звѣздой и мнѣ, какъ многимъ другимъ. Тысячу разъ прощайте и до свиданія!

Вашъ преданный и вѣрный

Фритъофъ Нансенъ“.

Мало что такъ характеризуетъ Фритъофа Нансена, какъ его переходъ отъ рысканья за бѣлыми медвѣдями къ усидчивымъ занятіямъ при Бергенскомъ музеѣ. „Я сталъ заправскимъ домашнимъ поросенкомъ“ — пишетъ онъ отцу 17 октября 1882 г. — „и въ сущности продолжаю носить прозвище Исава не по праву“. И вотъ ему, спортсмену и охотнику *par excellence*, приходится „успокаивать“ своего отца сообщеніемъ, что онъ все таки состоитъ членомъ двухъ гимнастическихъ обществъ. Нансенъ съ такою же страстностью отдался наукѣ, съ какой прежде кидался въ приключенія, съ тою же настойчивостью выслѣживалъ подъ микроскопомъ движенія инфузорій, съ какой преслѣдовалъ на ледяныхъ равнинахъ бѣлыхъ медвѣдей. На святкахъ онъ позволилъ себѣ немножко провѣтриться въ горахъ, во время бури и снѣжной выюги. А въ январѣ онъ ужъ опять сидѣлъ, какъ пригвожденный къ мѣсту, за новымъ микроскопомъ въ 700 кронъ (350 рублей), подареннымъ ему отцомъ. Этотъ отецъ, такой бережливый, экономный хозяинъ, не зналъ границъ щедрости, когда дѣло шло о пользѣ и будущемъ сына. И сынъ

такъ увлекался подаркомъ, что кажется, „рушья вокругъ весь свѣтъ, онъ не замѣтилъ бы“. Время отъ времени, когда онъ чувствовалъ, что ужъ слишкомъ засидѣлся, онъ пускался въ горы, любовался солнечнымъ закатомъ на берегу моря, подставлялъ лицо снѣжнымъ вихрямъ и скатывался съ обрывовъ прямо въ сапогахъ. Въ этомъ же году осенью въ его головѣ впервые зародился планъ проникнуть въ Грѣнландію. „Разъ я сидѣлъ вечеромъ и равнодушно прислушивался къ чтенію газеты“ — рассказываетъ Нансенъ — „какъ вдругъ мое вниманіе было приковано телеграммой, извѣщавшей, что Норденшѣльдъ благополучно возвратился изъ экспедиціи во внутрь Грѣнландіи, что онъ не нашелъ тамъ никакихъ оазисовъ, но только безконечную снѣжную пустыню, по которой онъ въ сопутствіи своихъ двухъ лапландцевъ дѣлалъ большіе переходы въ самое короткое время, такъ какъ тамъ былъ отличный путь для лыжъ. Во мнѣ какъ молніей сверкнула мысль: «на лыжахъ можно изрѣзать Грѣнландію вдоль и поперекъ». Планъ сложился и былъ въ точности выполненъ впоследствии.

Какъ извѣстно, до его выполненія протекло 4^{1/2} года. 4 октября 1883 г., вскорѣ послѣ того, какъ дошло до Нансена вышеприведенное газетное сообщеніе о Норденшѣльдѣ, Нансенъ писалъ отцу: „Меня такъ и подмываетъ пуститься въ путь всякій разъ, какъ мнѣ приходится слышать что-нибудь подобное *); во мнѣ просыпаются тоска и желаніе вновь испытать что нибудь новое, желаніе путешествовать. И какъ оно волнуетъ меня, какъ его трудно подавить и сколько оно успѣваетъ надѣлать мнѣ хлопотъ, прежде чѣмъ, наконецъ, уляжется! Лучшимъ лекарствомъ противъ такихъ приступовъ является работа; я и примѣняю ее, и чаще всего съ успѣхомъ“.

Почти около того же времени слышалъ онъ манящій призывъ и другого рода. Одинъ англійскій ученый зоологъ, посѣтившій предыдущимъ лѣтомъ Бергенскій музей и проводившій много времени въ обществѣ Нансена, спросилъ его въ письмѣ, не захочетъ-ли онъ занять мѣсто въ Америкѣ: профессоръ Маршъ, знаменитый палеонтологъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ дѣятелей Америки, желалъ увеличить число

*) Намекъ на счастливую охоту, въ которой участвовалъ его братъ.

своихъ молодыхъ помощниковъ, и англичанинъ указалъ ему на Нансена. Послѣдній отвѣтилъ, что ему нужно узнать положительныя условія отъ самого Марша, прежде чѣмъ онъ вообще можетъ вступить въ переговоры. „Главное, я долженъ узнать навѣрное — будетъ-ли у меня досугъ для самостоятельныхъ работъ“. Предварительный запросъ былъ сдѣланъ въ октябрѣ, но не отъ самаго Марша, и въ перепискѣ Нансена съ отцомъ больше не упоминается объ этомъ дѣлѣ. Самая мысль отправиться въ Америку была, между тѣмъ, очень заманчива. Нансену представился бы случай осмотрѣться въ Божьемъ мірѣ и, вѣроятно, ежегодно представлялись бы также случаи дѣлать экскурсіи на западъ Америки. Но, конечно, тяжело было разстаться съ музеемъ. „Мнѣ предстоитъ еще много дѣла здѣсь, и я предпочелъ бы сначала покончить съ нимъ“ — писалъ онъ между прочимъ отцу. Весьма возможно, что подобныя же соображенія удерживали Нансена и отъ осуществленія плана грѣнландской экспедиціи. Голова у него была достаточно свѣтлая, чтобы понимать, что такая поѣздка сопряжена съ опасностью для жизни, и, желая показать, что поставленная въ такомъ случаѣ на карту жизнь не совсѣмъ лишена значенія, онъ прежде, чѣмъ совершить прыжокъ въ область невѣдомаго, хотѣлъ оставить по себѣ кое-какіе научные труды. А, можетъ быть, онъ отложилъ этотъ прыжокъ и изъ вниманія къ отцу, жалѣя старика и не желая подвергнуть его такому страшному безпокойству. Переписка отца и сына за періодъ времени съ осени 1882 г. по весну 1885 г. весьма характерна. Она рисуется намъ разсвѣтъ кипучей дѣятельности молодого человѣка и сумерки дѣятельности старика. (Послѣдній умеръ 2 апрѣля 1885 г., въ то время, какъ сынъ находился на пути къ нему). Переписка эта служила главнымъ источникомъ утѣшенія для старика въ его тихой, уединенной жизни. Почти каждое письмо сына начинается съ извиненія, что онъ не писалъ такъ долго. Часто письма эти были безсодержательными или отличались чисто дѣтскимъ характеромъ, — Фритъофъ Нансенъ никогда вообще не былъ любителемъ писать письма — но встрѣчаются между ними и письма содержательныя, полныя горячаго чувства. Стоило Фритъофу найти свободное время, чтобы имѣть возможность сосредоточиться на чемъ либо другомъ, кромѣ своихъ многочисленныхъ

научныхъ работъ, и — онъ посылаетъ отцу книги, подробно бесѣдуетъ съ нимъ въ письмахъ о литературѣ и т. п.

Одинъ изъ бергенскихъ друзей Нансена, др. Л. Грѣйгъ, выражается о немъ въ письмѣ къ составителямъ этой книги между прочимъ такъ: „Особенно симпатична мнѣ послѣдовательность, съ которой онъ проводитъ свои взгляды и убѣжденія, отказываясь отъ всякихъ компромиссовъ. Ему и въ голову не приходитъ видѣть въ окружающей средѣ извѣстнаго фактора, съ которымъ нужно считаться въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ; разъ ему западетъ что-нибудь въ голову, онъ развиваетъ свою идею до ея крайнихъ предѣловъ, не поступаясь ею ни на йоту. Противорѣчіемъ его трудно взять, добротой же и сердечностью можно довести до всего. Чисто дѣтскія стороны его натуры часто проявляютъ себя, и мнѣ не разъ приходилось восклицать: „Вотъ дитя-то!“ Въ такія минуты онъ бываетъ, впрочемъ, чрезвычайно милъ. Большой любитель музыки и пѣнія, онъ охотно слушаетъ романсы Шумана и Шуберта, но больше всего любитъ все таки родныхъ композиторовъ и поэтовъ, изъ твореній которыхъ часто декламируетъ отрывки; извѣстную большую поэму Ибсена „На горныхъ вершинахъ“ (Paa Vidderne) онъ знаетъ наизусть, такъ же какъ и поэму Тегнера „Фритъофъ“. Съ особеннымъ восторгомъ приводитъ онъ изъ нея всегда „Плачъ Ингеборги“ и бесѣду между Фритъофомъ и Бьёрномъ и отъ души хохочетъ, доходя до строфы:

„Фритъофъ, дивлюсь твоему ослѣпленію.
Стоитъ ли женщина вздоховъ такихъ?
Эта измѣнить — есть сотни другихъ;
Счету имъ нѣтъ на землѣ, къ сожалѣнію!
Хочешь ли ты, чтобъ тебѣ я привезъ
Цѣлую клажу красавицъ изъ юга
Тише овечекъ, румянце розъ?
Мы въ дѣлежъ не обидимъ другъ друга!“ *)

Смѣхъ Нансена можно, пожалуй, объяснить чувствомъ собственного превосходства, сознанія своихъ побѣдъ надъ сердечными слабостями, которымъ и онъ время отъ времени бывалъ подверженъ, какъ всѣ вообще молодые люди.

*) Переводъ И. Грота.

Фритъофъ Нансенъ. 2-е изд.

Доставленные намъ другомъ Нансена свѣдѣнія о немъ заканчиваются такъ: „Рѣдко можно найти въ человѣкѣ его лѣтъ такую любовь и стремленіе ко всему хорошему и возвышенному, такое упорство въ преслѣдованіи своей цѣли до крайнихъ ея предѣловъ. Онъ всегда вообще страстно отдавался научнымъ изслѣдованіямъ, и высшимъ наслажденіемъ для него всегда было довести начатое дѣло — и большое и малое — до конца“.

Рай Магомета, населенный гуріями, не могъ бы увлечь Фритъофа Нансена въ этотъ періодъ его жизни; ни женщины, ни *dolce far niente* не привлекали его. Любимымъ чтеніемъ его были произведенія Бьёрнстьерне Бьёрнсона: „Перчатка“ и „Сигурдъ Слембе“. Проблески другого лучшаго міра онъ видѣлъ въ Іотунгеймѣ среди зубчатыхъ вершинъ и глетчеровъ. „Отраженіе въ глубокомъ темномъ небѣ дивныхъ очертаній этой величавой природы — вотъ проблескъ потеряннаго рая!“ (Изъ письма къ отцу).

И онъ бросался во время каникулъ въ объѣзды этой полной дикой красоты природы, расправляя спину, согнутую отъ сидѣнья надъ микроскопомъ, и махнувъ рукой на все, какъ заправскій удалецъ-норвежецъ.

Однажды вечеромъ, въ концѣ января 1884 г., онъ шелъ по улицамъ Бергена подъ сильнѣйшимъ ливнемъ, гадая — проглянетъ ли снова солнышко до наступленія Пасхи или, говоря словами Перъ Гинта *); „останется только плюнуть, да надѣяться на силу привычки!“ По пути онъ зашелъ въ почтовую контору, взялъ номеръ выписываемаго имъ „Вѣстника Спорта“ и, добравшись до дому, заглянулъ въ газету, прежде нежели взяться за работу.

Въ газетѣ было напечатано: „4 февраля состоится призовый бѣгъ на лыжахъ съ холма Хусебю“. Передъ Нансеномъ сразу всталъ въ памяти сосновый лѣсъ, манящій своей бѣлизной, селенія и скаты, хребты и скалы, сіяющіе на солнцѣ... Онъ уже ощутилъ на своихъ щекахъ дыханіе трескучаго мороза, осыпавшаго инеемъ волоса, почувствовалъ давленіе прикрѣпленныхъ къ ногамъ лыжъ, почувствовалъ, какъ кровь переливается по жиламъ и какъ вѣтеръ шумитъ въ ушахъ во время

*) Драма Ибсена.

бѣга. Сейчасъ же заглянулъ въ газеты; оказалось, что метеорологическіе бюллетени показывали тепло по всей странѣ. На другой день утромъ онъ уже сидѣлъ въ купѣ со своими лыжами и отпускомъ отъ директора музея, а дождь такъ и хлесталъ въ окно купѣ. Люди скажутъ: „Сумасшедшая выдумка“. — „Лыжи тянуть!“ — говоритъ Нансенъ.

И вотъ, онъ среди мощной природы горъ; надъ головой его синее зимнее небо, и онъ несется по извилинамъ горнаго хребта, скользитъ по краямъ обрывовъ. „По дорогѣ“ — пишетъ онъ, „промелькнуло испуганное лицо крестьянина; онъ отъ ужаса прижался къ самой стѣнѣ скалы“.

Вотъ Нансенъ въ долину Нэре, гдѣ то и дѣло происходятъ обвалы. Сотрясеніе воздуха бываетъ при этомъ настолько сильное, что, если вѣрить слухамъ, людей переноситъ съ одного берега на другой. На Гудвангенѣ же лежитъ большой камень, который при одномъ изъ обваловъ шарахнулся съ самой вершины хребта внизъ, пронизавъ, точно пушечное ядро, обѣ стѣны перваго дома, попавшагося на пути, пробивъ крышу и стѣну слѣдующаго и убивъ при томъ одну старуху и изувѣчивъ другую. Но всѣ эти примѣры, повидимому, нисколько не страшили Нансена. Въ Лердалѣ онъ преспокойно расположился завтракать. Внизу, съ одной стороны дороги шумѣла и пѣнилась Лердальская рѣчка, съ другой стороны высилась отвѣсная скала, образующая на верху нѣсколько большихъ, отдѣльныхъ круглыхъ вершинъ; сверху до низу скала была разсѣчена глубокимъ, крутымъ ущельемъ; повсюду виднѣлись свѣжіе слѣды огромнаго обвала. А Нансенъ усѣлся себѣ и подъ шумъ водопада замечтался, вспоминая о своемъ рыболовствѣ въ этомъ краю лѣтомъ: тутъ много славныхъ мѣстъ, гдѣ форель клюетъ на муху! Вдругъ его пробудилъ изъ задумчивости рѣзкій окрикъ: „Усѣлся тутъ прямо передъ обваломъ! Худшаго-то мѣста отыскать не могъ?“ — „Ничего, услышу, небось, какъ начнется!“ — „Начнется! Грянетъ сразу, что твой выстрѣлъ изъ пушки, вотъ и все!“ И проѣзжій помчался дальше. А Нансенъ продолжалъ завтракать. Опять проѣхалъ кто-то во весь духъ съ крикомъ: „Кому еще не надоѣла жизнь — тутъ не мѣсто!“ И слѣдъ его простылъ. А тому, кто сидѣлъ тутъ и завтракалъ, видно на этотъ разъ казалось, что ѣда дороже жизни. И Нансенъ таки наѣлся до сыта,

затѣмъ завязалъ свой ранецъ, надѣлъ лыжи и отправился по долину. Впослѣдствіи онъ узналъ, что горное ущелье это называется „Сауекиленъ“ и что нѣтъ другого такого сквернаго мѣста во всемъ Лердалѣ. Все дно долины было устлано камнями отъ обвала, и это былъ только первый, что очищаетъ дорогу для слѣдующаго, котораго какъ разъ тогда и ожидали. А Нансенъ-то еще сдѣлалъ эскизъ „замѣчательнаго мѣста“ и тогда только направился дальше. Наступила ночь, когда ему предстояло перебраться черезъ гору. Звѣздное небо ярко сіяло и освѣщало неровнымъ свѣтомъ горныя вершины. „Среди безмолвной тишины величественной природы не слышно было ни звука, кромѣ моихъ шаговъ по снѣгу. Какое-то странное чувство овладѣваетъ тобою, когда шагаешь такъ одинъ-одинешенекъ въ звѣздную ночь по горной равнинѣ, далеко отъ жилищъ, высоко надъ обыденной человѣческой жизнью! Чувствуешь, что тутъ ты одинъ, лицомъ къ лицу съ природою и Богомъ; укрыться тутъ негдѣ, приходится идти впередъ во что бы то ни стало; на оголенныхъ равнинахъ нѣтъ убѣжища“.

Наконецъ ему засвѣтились на встрѣчу окна пастушьей хижины на одномъ изъ горныхъ пастбищъ—Брейстѣленѣ. Онъ вошелъ туда. „Господи! Кто это бродить тутъ поздней ночью? Ахъ, это ты! Поздненько же ты собрался въ путь!“

Но настоящая опасность была еще впереди; на обратномъ пути въ Бергенъ Нансенъ не разъ рисковалъ жизнью. „Сперва пришлось ѣхать на саняхъ высоко по горамъ, по узкой дорожкѣ между отвѣсной скалою съ одной стороны и крутой пропастью съ другой. Внизу шумѣла быстрая горная рѣчка. Дорога была поката и скользка, какъ никогда прежде, и мнѣ приходилось таскать санки чуть-ли не чаще, чѣмъ имъ меня“. Проѣхавъ изрядный конецъ, онъ задумался. „Тутъ что-ли проѣзжалъ изъ Восса король Сверре?“ Въ это время санки скатываются къ обрыву, зацѣпляются за камень, мальчишка-возница подпрыгиваетъ на сидѣннѣ и готовъ свалиться въ водопадъ. Но сильная рука Нансена хватается его за шиворотъ, другая рука схватываетъ санки, и—оба направились на вѣрный путь. Въ Гудбрансгаренѣ Нансенъ, наконецъ, нашелъ пріютъ въ одномъ изъ расположенныхъ на высотѣ дворовъ. Стѣны и крыша дома были черны, какъ уголь, отъ старости и дыма; но тутъ-то ему какъ

разъ и по душѣ было. Около 3 часовъ утра ласковые хозяева распрощались съ нимъ съ просьбой—перебираться черезъ горы поосторожнѣе. Узнавъ, что онъ намѣренъ добратся до Воссъ черезъ Галлингкей и Воссескауль, они высказали свои опасенія по поводу такого перехода въ зимнее время, прибавивъ, что во всей деревнѣ не найдется парня, который рѣшился бы сопровождать его черезъ горы, развѣ только одинъ, что живетъ въ Мюрстелѣ и гоняется за куропатками и за оленями. Значить, Нансену прежде всего приходилось направить свой путь въ Мюрстель. Хозяева еще разъ напомнили ему, что хоть онъ и молодъ и смѣлъ, а всетаки можетъ погибнуть, какъ погибъ уже не одинъ бравый парень, и — онъ отправился.

Путь пришлось держать на лыжахъ при лунномъ свѣтѣ, сначала черезъ лѣсъ, затѣмъ по гладкой широкой равнинѣ. Потомъ опять пошла узкая дорога съ густой порослью по обѣимъ сторонамъ, и вдругъ онъ чуть не ткнулся головой въ скалу. Но мало по малу долина разширилась, деревья и кусты исчезли, и впереди виднѣлся только снѣгъ, бѣлый, сверкающій снѣгъ. Когда путникъ приблизился къ Мюрстелю, день уже давалъ знать о своемъ наступленіи: горные хребты на востокѣ краснѣли все больше и больше, а скоро занялась пожаромъ и вся мѣстность, бросая зарево на небо.

Мюрстельскаго охотника не оказалось дома; онъ ушелъ на другую сторону рѣки съ табуномъ оленей, — было время ихъ мѣтить. Женщины просто испугались, узнавъ, какой дорогой Нансенъ намѣревается отправиться далѣе. Среди нихъ нашлась одна бойкая дѣвушка; онъ попросилъ у нея коробочку спичекъ, и она была готова дать ее ему, „но съ условіемъ, что онъ не станетъ переправляться черезъ гору“.

Онъ пообѣщалъ ей быть осторожнымъ. Ему слѣдовало бы прибавить еще, какъ крестьянинъ, которому предлагали записаться въ члены „Общества воздержанія“: „Да обѣщать-то можно, а вотъ сдержать то нельзя“.

Скоро онъ очутился на перепутьѣ. Надо было рѣшиться: идти ли черезъ Аурландъ или черезъ гору Воссъ. Прямо передъ нимъ разстилалась огромная равнина, обѣщавшая легкій, бойкій путь внизъ къ Согне, но онъ повернулся въ другую сторону, и передъ нимъ встали горные хребты, вершина надъ вершиной.

точно лагерь изъ бѣлыхъ палатокъ, уходящихъ въ край неба, свѣтлозеленаго и яснаго; какъ тутъ было устоять? Случалось же ему переходить горы и въ туманъ, и въ ливень, и въ непогоду,—какъ тутъ не пробраться въ ясную погоду по гладкому лыжному пути. Не удастся перебраться за-свѣтло, можно, вѣдь, и переночевать въ пастушьихъ шалашахъ на Галлингкейфъ или Грендалфъ; во всякомъ случаѣ сухой, мягкій снѣгъ куда теплѣе для ночлега, нежели твердая каменная плита осенью, когда промокнешь до костей.

Итакъ, онъ выбралъ путь черезъ горы, путь оленей. На снѣгу виднѣлись свѣжіе слѣды цѣлаго табуна оленей. Путь былъ превосходный, да еще дулъ попутный вѣтеръ. Вонъ опять слѣды! То слѣды волка, то рыси и росомахи, -- видно гнались за оленями. Онъ направилъ свой путь къ пастушьимъ шалашамъ на Галлингкейфъ и Грендалфъ. Тамъ ему нужно было свернуть и спуститься черезъ горы. Рѣчка за рѣчкой, а шалашей все нѣтъ, какъ нѣтъ. Это не можетъ быть Грендалъ? Послѣдній разъ, какъ Нансенъ былъ здѣсь, шелъ дождь, всѣ скалы вокругъ стояли голыми, и только горы Воссъ вздымали свой главный мощный бѣлый хребетъ, исчезающій въ туманъ. Теперь все бѣлѣло — и рѣчки, и скаты, и вершины; ему и въ голову не приходило искать здѣсь главнаго хребта. Надо было попасть только на пастушьи шалаши, но вмѣсто того онъ словно попалъ въ заколдованный кругъ. Терпѣніе его лопнуло, и онъ понесся на лыжахъ по извилистымъ долинамъ вдоль длинной рѣчки, дальше, дальше, и вдругъ — передъ нимъ крутой обрывъ. Глядѣть внизъ — голова кружится; въ узкомъ ущельѣ шумитъ водопадъ, съ обѣихъ сторонъ отвѣсныя крутизны. Бывалъ ли онъ здѣсь прежде? Что-то-не помнится. Но, вѣроятно, онъ все-таки на вѣрной дорогѣ; ему, вѣдь, было сказано держаться теченія рѣчки. Наконецъ, онъ нашелъ какой-то спускъ. Спускъ былъ крутой; пришлось крѣпко опираться на палку. Вотъ онъ и у рѣчки. Но тутъ скатъ сталъ до такой степени крутъ, что путникъ ежеминутно рисковалъ свалиться въ бурлящую воду. И онъ всякій разъ, какъ чувствовалъ, что почва уходитъ у него изъ подъ ногъ, вонзалъ въ крѣпкій снѣгъ свою палку по рукоятку и почти повисалъ на ней. Оставалась еще скала, черезъ которую нужно было перебраться. Тутъ онъ медленно двинулся впе-

редъ ползкомъ и такъ доползъ до вершины, послѣ чего осталось уже только перевалиться черезъ гребень самому и перетащить затѣмъ собаку. Но вотъ, на пути опять обрывъ съ водопадомъ хуже перваго, и опять рѣчка. Туда ли онъ попалъ? За рѣчкой большой лѣсъ, а дальше, далеко внизу, узкая долина, обросшая по бокамъ березками. Нансенъ сообразилъ, что попалъ въ мѣстность, сосѣдную съ Согне, и, конечно, находился недалеко отъ Корской долины. Но ему, вѣдь, нужно было перебраться черезъ Воссъ! И онъ круто повернулъ назадъ. Снова вверхъ и внизъ по ущельямъ. Разъ онъ пробрался сюда, какъ не пробраться обратно, и онъ продолжалъ нестись, нестись... Уже стемнѣло, когда онъ сталъ переползать черезъ послѣднюю скалу. Снѣгъ сталъ крѣпокъ, внизу шумѣла рѣка, а съ вершины нависла надъ нею огромная глыба снѣга. „Я таки добрался до вершины, крѣпко вонзилъ и палку и лыжи въ снѣгъ, съ минуту провисѣлъ надъ пропастью, затѣмъ мнѣ удалось опереться колѣномъ о край, я живо перебрался и былъ спасенъ“. Но тутъ стало уже совсѣмъ темно. Звѣздное небо бросало на снѣжныя равнины только слабый отблескъ; кругомъ снѣгъ да снѣгъ, вода да вода, а пастушьего шалаша все нѣтъ, какъ ни бывало,—словно колдовство какое. Часы, на сколько можно было разсмотрѣть, показывали уже половину десятаго. Пора бы и спать, особенно ему, рыскавшему съ трехъ часовъ утра! Но дулъ такой пронизывающій вѣтеръ, что надо было сначала какъ-нибудь укрыться отъ него. Попался огромный камень, занесенный съ завѣтренной стороны снѣгомъ. Нансенъ протискался между камнемъ и сугробомъ, разгребъ себѣ мѣстечко, надѣлъ на себя шерстяную фуфайку — единственную смѣну, взятую съ собою въ дорогу — обвилъ рукой голову прикурнувшей рядомъ собаки, подложилъ себѣ подъ голову ранецъ и заснулъ.

Когда онъ проснулся и выглянулъ изъ своей норки, надъ снѣжной равниной сіялъ мѣсяцъ. Три часа; пора надѣть лыжи! Кругомъ все были одинокія вершины, спокойно, гордо озиравшіяся далеко по сторонамъ. Да, вотъ бы увидѣть теперь то, что видно имъ съ ихъ высоты! Нансену стало ясно, что онъ вчера сбился съ пути въ боковую долину. Теперь онъ и отправился назадъ по собственнымъ слѣдамъ, но пастушій шалашъ словно въ воду канулъ. Пустился было по другой долині, но

скоро увидѣлъ, что и тутъ попадешь не туда, куда надо. А! Надо взобраться вонъ на ту вершину, чтобъ хорошенько ориентироваться!

Съ вершины Нансену открылось столь дивное зрѣлище, что „если вообще отдать жизнь за зрѣлище, то именно за такое!“ Передъ нимъ разстилалось огромное, уходящее изъ глазъ въ туманную даль пространство—словно застывшее море съ бѣлыми, какъ кипѣнь волнами, изъ которыхъ однѣ поднялись въ грозномъ размахѣ кверху, другія опустились, третьи образовали широкія равнины, четвертыя высокіе хребты и пики. А на это застывшее море лились потоки мягкаго, луннаго свѣта, играя серебромъ на вершинахъ, сверкая брилліантами на снѣжныхъ равнинахъ, въ то время, какъ углубленія были окутаны черными, зловѣщими тѣнями. Невдалекѣ отсюда, на востокѣ, вздымались мощные кряжи Галлингскарвена, далеко на югъ сіялъ и сверкалъ рѣзко очерченный глетчеръ Гардангеръ, а на западѣ точно упиралась въ самое небо грозная скала. Вотъ она, должно-быть, гора Воссъ! Но лунный свѣтъ обманчивъ, лучше дожждаться зари. Нансенъ опять выгребъ себѣ яму въ снѣгу и легъ спать. Когда же онъ черезъ нѣсколько часовъ вновь проснулся, вершины горъ уже слегка золотились брезжущимся свѣтомъ дня. Теперь онъ ясно увидалъ гору Воссъ, но рѣшилъ всетаки дожждаться здѣсь восхода солнца,—надо видѣть его именно отсюда. Наконецъ, въ пространство брызнулъ новый, яркій лучъ, скользнулъ по равнинамъ и поцѣловалъ горныя вершины, а за нимъ хлынуло цѣлое море лучей и наводнило пламенными волнами всю окрестность. Вершины загорѣлись, снѣжные покровы скатовъ также, а долины окутались прохладными тѣнями. „Видѣть подобное зрѣлище—значить слиться съ природою, почерпнуть новыя силы, возвыситься къ невѣдомымъ мірамъ, увидѣть отблескъ вѣчности!“ И Нансенъ отправился къ Воссъ; повсюду опасность, повсюду снѣжныя скалы, но все шло благополучно. Добравшись почти до самой вершины горы, Нансену захотѣлось вознаградить себя за трудъ: онъ досталъ послѣдній апельсинъ и началъ ѣсть его. Апельсинъ замерзъ и былъ твердъ, что твой кокосовый орѣхъ, но тѣмъ лучше, точно фруктовое мороженое!

Наконецъ, Нансенъ счастливо выбрался изъ тѣхъ горъ, гдѣ

когда-то заблудился король Сверре и такимъ образомъ благополучно совершилъ одинъ изъ труднѣйшихъ переходовъ черезъ горы со времени названнаго короля. А не будь Нансенъ первокласснымъ спортсменомъ и, главное, не обладай онъ истиннымъ мужествомъ, онъ бы остался тамъ подъ снѣжными сугробами, и не видать бы ему полей внутренней Грѣнландіи.

Въ письмѣ къ отцу Нансену, однако, пришлось жаловаться на то, что эту его экскурсію обзываютъ непозволительной. Что-жъ, или онъ ужъ такъ глупъ, или другіе черезчуръ умны! Развѣ онъ учинилъ ужъ такое ужасное преступленіе противъ прописной морали, предписывающей осторожность! Нѣтъ, еслибъ онъ понялъ — съ чего обязательно *ему* жизнь должна претить больше чѣмъ другимъ, онъ бы сдался.

А ему-то жизнь какъ разъ нисколько и не претила; наоборотъ, онъ придавалъ ей большую цѣну. И чѣмъ больше изучалъ онъ ее, чѣмъ больше дѣлалъ наблюденій, тѣмъ становился самоувѣреннѣе.

Одно изъ послѣднихъ его писемъ къ отцу отъ 29 марта 1885 г. проникнуто истиннымъ сыновнимъ чувствомъ, но также и сознаніемъ собственной силы. Видно, что онъ задумалъ оставить музей, и что матеріальный вопросъ его нисколько не озабочивалъ: у него имѣлись въ виду кое-какіе доходы. „Да если и придется туго, то я съ величайшимъ терпѣніемъ сумѣю примириться съ самой скромной обстановкой, разъ дѣло идетъ о дорогой мнѣ наукѣ, въ которой я вижу свое счастье и ради которой мнѣ ничего не стоитъ пожертвовать такъ называемыми удобствами жизни. Живетъ же лаборантъ нашего музея на 1000 кронъ въ годъ съ женою и взрослыми дѣтьми! И развѣ онъ не здоровъ, не бодръ, развѣ не живетъ ему на видъ хорошо, даромъ что онъ служитъ за это жалованье уже 15 лѣтъ? Нуждаться въ маломъ—лучшій капиталъ, нежели зарабатывать много. Потребность въ большомъ заработкѣ порождаетъ людей зависимыхъ, связанныхъ; способность же ограничивать свои нужды малымъ создаетъ свободныхъ людей. Человѣку, нуждающемуся въ маломъ, легче стремиться къ цѣли, да и жизнь его вообще будетъ куда полнѣе, богаче содержаніемъ, нежели жизнь того, кто нуждается во многомъ“. Думая путешествовать ради научныхъ цѣлей, онъ написалъ отцу и объ имѣвшейся въ виду

поѣздкѣ въ Америку. „По моему, если представляется случай, надо имъ пользоваться,—ничто такъ не развиваетъ, какъ путешествіе, возможность увидѣть другія страны, цивилизацію иныхъ расъ, а не возиться вѣчно съ наскучившими европейцами“.

До поры, до времени онъ, однако, никуда не отправился. Въ то же утро, когда онъ отослалъ только что приведенное въ отрывкахъ письмо, Даніельсенъ самымъ предупредительнымъ образомъ предложилъ ему отпускъ. На счетъ поѣздки въ Америку ему предоставлялось устроиться, какъ только ему угодно. Нансенъ рѣшился подождать еще лѣто, а тамъ—видно будетъ. Пока онъ остановился на мысли, что, пожалуй, поѣдетъ. И какъ извѣстно, онъ оставилъ за собой свое мѣсто при Бергенскомъ музеѣ еще на нѣсколько лѣтъ, и только по возвращеніи его изъ Грѣнландской экспедиціи его замѣнили другимъ консерваторомъ. Очевидно, энергичный старикъ Даніельсенъ до послѣдней минуты старался сохранить эту молодую силу за учрежденіемъ, которому онъ вообще всегда желалъ всего лучшаго. Это видно также изъ переписки Даніельсена съ Нансеномъ. За-то намъ неизвѣстно, повліялъ ли первый какимъ либо образомъ на переговоры, начавшіеся въ 1887 г. между Нансеномъ и профессоромъ университета въ Индіанѣ Давидомъ Старъ-Йорданомъ.

Въ началѣ 1887 г. Йорданъ сдѣлалъ запросъ профессору Коллету: нѣтъ ли среди его учениковъ или учениковъ профессора Сарса молодого человѣка, который бы пожелалъ попытать счастья въ Америкѣ. Первоначальное жалованье пожелавшему отправиться туда полагалось 1000 долларовъ въ годъ, а затѣмъ по мѣрѣ увеличенія дѣла, должны были послѣдовать ежегодныя прибавки. При этомъ Йорданъ упомянулъ имя Нансена.

Затѣмъ, Нансенъ лично вступилъ въ переговоры съ Йорданомъ, которому Коллетъ горячо рекомендовалъ его, и, если переговоры окончились ничѣмъ, то вѣроятно, или потому, что Нансенъ не могъ вообще рѣшиться на этотъ шагъ или потому, что мысль побывать въ Грѣнландіи стала уже выступать на первый планъ.

Научныя работы Нансена, надъ которыми онъ трудился въ бытность свою консерваторомъ Бергенскаго музея послужать предметомъ для особой статьи. Но прежде чѣмъ перейти къ ней, мы считаемъ нужнымъ остановить вниманіе читателя на эпохѣ,

хоть и не продолжительной, но весьма важной въ жизни Нансена. Цѣль его стремленій въ эту эпоху не приходится искать на ледяныхъ равнинахъ Грѣнландіи, въ Индіанѣ и т. п.; ему пришлось таки прежде всего прокатиться по наскучившей ему Европѣ, но зато въ одно изъ наиболѣе сносныхъ ея мѣстечекъ— въ Неаполь.

Въ Неаполѣ.

Занимаясь наблюденіями надъ нервной системой, Нансенъ познакомился съ открытымъ итальянскимъ профессоромъ Гольджи способомъ окрашивать нервные волокна.

Желая пообстоятельнѣе изучить этотъ способъ, столь важный для занимавшихъ его въ теченіи многихъ лѣтъ работъ, Нансенъ рѣшился весною 1886 года съѣздить въ Италію. Занятіями подъ руководствомъ самого Гольджи въ Павіи и самостоятельными на зоологической станціи въ Неаполѣ онъ надѣялся подвинуть свои научныя изслѣдованія куда больше, чѣмъ оставаясь при однихъ старыхъ методахъ. За годъ передъ тѣмъ, ему присудили за его трудъ о мизостомахъ большую золотую медаль; онъ согласился получить ее въ бронзѣ, съ тѣмъ, чтобы ему была выплачена разниа въ цѣнѣ, и на эти деньги поѣхалъ въ Италію. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Павіи, гдѣ онъ пользовался совѣтами профессора Гольджи и доктора Фузари, Нансенъ отправился дальше въ Неаполь и тамъ занимался на знаменитой зоологической станціи съ апрѣля по іюль.

У прекрасной бухты Spiaggio di Chiajo между старымъ фортомъ Castello dell'ovo и „La mergellina“ тянется великолѣпная „Via Caracciolo“ — неаполитанское „Corso“, но не узкое, прямое, сжатое старыми мрачными дворцами, какъ римское корсо; нѣтъ, это красивая, широкая, извилистая, открытая набережная съ видомъ на голубое море, на Капри и на Cap Misenum.

За этою, единственною въ своемъ родѣ, набережной, гдѣ во время „сезона“ по вечерамъ движутся нескончаемою цѣпью элегантные экипажи и изящные всадники, раскинулся чудеснѣйшій паркъ Неаполя, прелестная „Villa nazionale“ съ ея аллеями изъ

акацій и дубовъ, съ купами качающихся пальмъ и бѣлѣющими среди роскошной растительности мраморными статуями — не скучными статуями политическихъ дѣятелей и генераловъ, но копіями различныхъ шедевровъ античной скульптуры. А среди этого знаменитаго своей красотой парка, гдѣ невольно начинаешь грезить, переносясь воображеніемъ за нѣсколько тысячелѣтій назадъ, находится одинъ изъ новѣйшихъ и смѣлѣйшихъ храмовъ современной науки, знаменитая „зоологическая станція“, или, какъ называютъ ее неаполитанцы, „il aquario“. И самое возникновеніе этого храма науки на данномъ мѣстѣ отзывается чѣмъ-то сказочнымъ; онъ воздвигнутъ геніальной мыслью и несокрушимой энергіей одного человѣка, да притомъ же иностранца.

Въ 1870 г. изъ Іены выѣхалъ въ Неаполь 30-ти лѣтній приватъ-доцентъ университета докторъ Антонъ Дорнъ съ цѣлью послужить зоологіи устройствомъ зоологической станціи на берегу Средиземнаго моря, превосходящаго всѣ другія моря богатствомъ и разнообразіемъ животной жизни. Въ настоящее время весь образованный міръ знаетъ или имѣетъ нѣкоторое представленіе о томъ, что такое зоологическая станція, тогда же самая идея подобной станціи была абсолютно нова, принадлежала одному Дорну.

До того времени, какъ Дорнъ пришелъ имъ на помощь, зоологи могли вообще изучать богатѣйшую морскую фауну лишь по мертвымъ заспиртованнымъ экземплярамъ, часто сведеннымъ предсмертной судорогой, во многихъ отношеніяхъ измѣнившимся и часто довольно небрежно хранимымъ въ музеяхъ; изучать же морскіе организмы живыми въ ихъ родной стихіи удавалось лишь весьма и весьма немногимъ. И вотъ, Дорнъ задался грандіозной цѣлью помочь наукѣ, доставивъ ученымъ широкую возможность изучать жизнь во всѣхъ формахъ и жизненные процессы во всѣхъ проявленіяхъ. И онъ неуклонно — прямо пошелъ къ своей цѣли. Выбравъ лучшій пунктъ во всемъ мірѣ, онъ обратился въ 1870 г. къ неаполитанскому муниципалитету съ просьбой отвести ему въ „Villa nazionale“ участокъ земли, для возведенія зоологической станціи — на средства, которые брался доставить самъ.

Послѣ многихъ проволочекъ мѣсто было отведено, постройка начата. Полный несокрушимой вѣры въ торжество своей идеи

Дорнъ положилъ на это дѣло всѣ свои личныя средства, но, какъ и часто бываетъ, оказалось, что этихъ средствъ далеко не хватить. Тогда Дорнъ отправился въ Берлинъ просить правительственной субсидіи. Министръ сначала отклонилъ его ходатайство, но затѣмъ, послѣ великолѣпной сцены между нимъ и молодымъ ученымъ, пообѣщавъ принять дѣло къ свѣдѣнію, если проектъ Дорна получитъ одобреніе Академіи Наукъ.

Не сомнѣваясь въ томъ, что одобреніе это послѣдуетъ, Дорнъ вернулся въ Неаполь, гдѣ оставалось только подвести зданіе подъ крышу до наступленія дождливаго времени. Но что же его ожидало тамъ? Архитекторъ, уже раньше не ладившій съ Дорномъ, воспользовался отсутствіемъ послѣдняго и донесъ муниципалитету о совершенныхъ въ постройкѣ — имъ же самимъ — отступленіяхъ отъ плана, и муниципалитетъ, поддавшись вспыхнувшему въ городѣ враждебному настроенію противъ иностранца, вздумавшаго строиться среди чудеснаго парка Неаполя, запретилъ продолжать постройку. Неаполитанцы все подозрѣвали Дорна въ какихъ-то заднихъ мысляхъ; нельзя же въ самомъ дѣлѣ было, по ихъ мнѣнію, изъ одной любви къ наукѣ, бросать свои средства такъ, какъ это дѣлалъ Дорнъ!

Съ трудомъ добился Дорнъ разрѣшенія подвести зданіе подъ крышу, но черезъ мѣсяцъ опять послѣдовало новое запрещеніе продолжать работы. Дорнъ испробовалъ всѣ средства, но тщетно, а въ сочельникъ 1873 г. получилъ вдобавокъ письмо изъ Берлина съ извѣстіемъ, что Академія отказала ему въ одобреніи и что такимъ образомъ надежды на субсидію отъ правительства нѣтъ.

Большинство людей опустило бы руки при такомъ отчаянномъ стеченіи обстоятельствъ, но Дорнъ напрягъ всю свою энергію и въ тотъ же вечеръ вторично махнулъ въ Берлинъ. „Бывали у меня болѣе пріятные сочельники!“ замѣчаетъ онъ по этому поводу въ своемъ интересномъ сообщеніи объ основаніи имъ зоологической станціи — и это вполне понятно. Надежды его лично повліять на академиковъ въ Берлинѣ сбылись, и субсидія была обезпечена, но это было еще не все: въ Неаполѣ дѣла обстояли такъ плохо, что Дорну только и оставалось надѣяться на дипломатическое вмѣшательство. Къ счастью, ему удалось заинтересовать своимъ дѣломъ германскаго кронпринца,

и въ скоромъ времени, когда вопросъ о зоологической станціи былъ снова поднятъ въ неаполитанскомъ муниципалитетѣ, Дорнъ съумѣлъ добиться того, что его сторонники одержали верхъ, и устройство станціи было разрѣшено. Наконецъ, послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ и борьбы, зоологическая станція была открыта, и можно было по всей справедливости сказать, что значеніе вновь созданной мастерской для научныхъ изслѣдованій отзовется на всѣхъ послѣдующихъ временахъ. Теперь Неаполитанская зоологическая станція, благодаря своимъ знаменитымъ акваріямъ, считается одной изъ первыхъ достопримѣчательностей Неаполя, которую не обойдетъ ни одинъ путешественникъ. Въ верхнихъ этажахъ зданія есть еще особые акваріумы и кабинеты, устроенные по послѣднему слову науки и служащіе для работъ ученымъ всѣхъ странъ и національностей. Съ зоологической станціи Неаполя опубликовано множество цѣнныхъ результатовъ научныхъ изслѣдованій, а еще больше пользы принесла она, косвенно вліяя на біологическія изслѣдованія во всѣхъ странахъ. Геніальная идея Дорна, какъ онъ и предсказывалъ, нашла многочисленныхъ послѣдователей и подражателей. Дорнъ предсказывалъ, что „черезъ одно, много черезъ два столѣтія земля покроется цѣлою сѣтью подобныхъ же зоологическихъ станцій“. Въ тѣ времена такое предсказаніе однако считалось просто бредомъ, и подобное отношеніе еще больше затрудняло первые шаги геніальнаго основателя первой зоологической станціи. Теперь, какъ сказано, подобныхъ станцій въ Европѣ много, по крайней мѣрѣ съ полсотни, но неаполитанская всетаки занимаетъ между ними первое мѣсто и по величинѣ и по совершенству устройства и по научному значенію.

Само собою разумѣется, что занятія въ такомъ храмѣ науки не могли не имѣть самыхъ плодотворныхъ результатовъ для Нансена, и не только непосредственно потому, что здѣсь онъ имѣлъ подъ рукой все необходимое для его специальныхъ работъ по изученію нервной системы, но и вслѣдствіе другихъ причинъ.

Самъ Дорнъ находился во время пребыванія Нансена въ Неаполѣ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и энергіи. Оба его сына были опасно больны, жена совершенно измучена уходомъ за ними, а онъ всетаки неуклонно продолжалъ свою ки-

пучую дѣятельность, и, конечно, ежедневныя сношенія съ такимъ выдающимся человѣкомъ должны были оставить слѣдъ въ душѣ Нансена. Почти тотчасъ же по возвращеніи на родину, Нансенъ помѣстилъ въ журналѣ „Природа“ (1887 г.) небольшую статейку о неаполитанской зоологической станціи, и каждая строка этой статьи такъ и дышетъ восторженнымъ преклоненіемъ молодого ученаго передъ Дорномъ—главнымъ образомъ за его несокрушимую энергію. Приведемъ изъ этой статейки краткое описаніе станціи:

„Все подвальное помѣщеніе огромнаго зданія отведено подъ акваріумъ, который открытъ для большой публики и подобный которому, конечно, трудно сыскать. Это огромное сооруженіе съ множествомъ бассейновъ отличается трезвымъ простымъ стилемъ, чуждымъ всякой вычурности или кричащихъ эффектовъ, и привлекаетъ вниманіе не только обыкновенныхъ путешественниковъ, но и людей науки. Естествоиспытатель можетъ провести здѣсь цѣлые часы лицомъ къ лицу съ рѣдчайшими явленіями морской фауны, наблюдая жизнь въ самыхъ рѣдкихъ ея формахъ, и можетъ за это время научиться куда большему, чѣмъ прочитавъ массу толстыхъ, мудреныхъ книжищъ и перерывъ мертвыя сокровища всѣхъ музеевъ. Здѣсь онъ можетъ навѣкнуть пользоваться своими глазами, изодрать свою наблюдательность и выучиться смотрѣть на живую природу, какъ на главный предметъ изученія. Большинство путешественниковъ и ограничиваются знакомствомъ съ этимъ отдѣленіемъ зоологической станціи. Въ научномъ же отношеніи куда важнѣе тѣ кабинеты, что расположены въ верхнихъ этажахъ зданія. Здѣсь работаютъ естествоиспытатели всѣхъ европейскихъ національностей, имѣя подъ рукою все, что имъ нужно для работъ. Каждый изъ нихъ можетъ явиться на станцію, сѣсть за указанный ему рабочій столъ, заявить консерватору станціи Сальватору Ло-Біанко какіе организмы ему нужны для наблюденія и работъ—и эти организмы приносятся ему живыми, въ ихъ родной стихіи. Такимъ образомъ естествоиспытателю вообще буквально не приходится дѣлать изъ рабочаго кабинета и шагу—развѣ только затѣмъ, чтобы подкрѣпиться пищей или сномъ,—у него здѣсь подъ рукою все: и инструменты, и маленькіе акваріумы, и превосходная бібліотека. Въ этомъ-то и заключается огром-

ное значеніе учрежденія. Когда же ученый устанетъ отъ кабинетной жизни—къ его услугамъ морскія суда станціи, и онъ можетъ отправиться въ море наблюдать за собираніемъ матеріаловъ. Станція имѣетъ нѣсколько лодокъ, два парохода, своихъ водолазовъ и всякія приспособленія для ловли обитателей моря“.

Но какъ-бы горячо ни отдавался Нансенъ своимъ научнымъ занятіямъ, онъ всетаки, какъ легко пойметъ всякій знающій его натуру, не оставался равнодушнымъ и къ чудесной неаполитанской природѣ и къ пестрой народной жизни, бьющей ключомъ въ этомъ веселомъ городѣ. „Er war der Freuden des Lebens nicht abhold und ein flotter Tänzer“ (онъ не сторонился отъ радостей жизни и былъ прекраснымъ танцоромъ), пишетъ о немъ проф. Дорнъ въ одномъ письмѣ къ издателямъ этой книги. Письма другихъ лицъ, сдружившихся съ Нансеномъ за время его пребыванія въ Неаполѣ, такъ и пестрятъ воспоминаніями то о прогулкахъ при лунномъ свѣтѣ въ Санъ-Себастіано, то о морскихъ поѣздкахъ на Капри, въ Сорренто и т. п. „Нансенъ былъ душой общества“ — пишетъ намъ одинъ изъ этихъ друзей, венгерскій ученый: „Большинство ученыхъ, работавшихъ на станціи, собирались тогда въ Vosta finey Corso Vittoria Emmanuele. Каждый вечеръ здѣсь устраивалась маленькая пирушка, съ музыкой, съ дружескими рѣчами. Нансенъ много способствовалъ общему оживленію, и случалось, что мы, серьезные ученые, такъ бывало разойдемся отъ музыки и вина, что начнемъ отплясывать кадрили, причемъ дирижеромъ всегда бывалъ Нансенъ.

„Разъ мы ѣхали въ Сорренто черезъ Кастелламаре въ экипажѣ. По пути насъ нагналъ другой экипажъ съ двумя дамами. Обѣ дамы ради забавы обогнали насъ, громко смѣясь при этомъ. Тогда Нансенъ выпрыгнулъ изъ экипажа, догналъ экипажъ дамъ и пробѣжалъ рядомъ съ ними изрядный конецъ. Мы также прибавили ходу и такимъ образомъ обогнали дамъ ко всеобщему шумному восторгу. Въ Сорренто Нансенъ встрѣтилъ двухъ дамъ изъ Норвегіи. Я усталъ отъ прогулки и пошелъ спать, но норвежскимъ дамамъ хотѣлось потанцевать, и такъ какъ кавалеровъ было мало—понадобилось и мое содѣйствіе. Нансенъ не отсталъ отъ меня, пока я не всталъ съ постели и не одѣлся; затѣмъ онъ взялъ меня подъ руку и ввелъ въ салонъ, гдѣ мы

удостоились восторженнаго пріема дамъ, посвященныхъ въ суть дѣла. Въ другія минуты онъ бывалъ тихъ и несообщителенъ, могъ по цѣлымъ часамъ не говорить ни слова. Я какъ сейчасъ вижу его у подножія Везувія между развалинами Санъ Себастіано и печальными пространствами, залитыми лавою. Санъ Себастіано разрушенъ изверженіемъ въ 1872 г.; уцѣлѣла одна церковь. Такъ у этой-то церкви Нансенъ и сидѣлъ на глыбѣ лавы нѣсколько часовъ кряду, не шевелясь и вперивъ взоръ въ пространство. Сколько разъ мы старались вывести его изъ задумчивости, звали его—онъ не двигался. И даже на обратномъ пути, идя со мною подъ руку, онъ, не смотря на всѣ мои подходы, остался такимъ-же“.

Въ то время въ душѣ Нансена какъ бы происходила борьба юной жизнерадостности натуры съ сознаніемъ задачъ зрѣлаго мужа, и онъ вдвойнѣ наслаждался танцами подъ сѣнью апельсинныхъ и миртовыхъ деревьевъ, такъ какъ впереди, вдалекѣ уже мерещилась ему первая трудная поѣздка въ ледяную Грѣнландію. Два года спустя, онъ уже и находился среди ея льдовъ и, сидя у своей палатки, баловался кексомъ со снѣгомъ, лимоннымъ сокомъ и сахаромъ; лунный свѣтъ игралъ на пустынномъ, безконечномъ морѣ снѣговъ, и мысли путешественника переносились къ тому времени, когда онъ въ послѣдній разъ ѣлъ „granita“, къ лунной теплой лѣтней ночи на берегу неаполитанскаго залива, когда лучи играли на темныхъ волнахъ Средиземнаго моря.

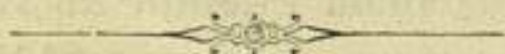
Неаполитанская зоологическая станція занимаетъ совершенно особое положеніе; это въ нѣкоторомъ родѣ цѣлое автономное государство, государство въ государствѣ. Оно существуетъ само по себѣ, но связано контрактами по крайней мѣрѣ съ 24 европейскими государствами. Вообще неаполитанская станція является, какъ охарактеризовалъ ее Нансенъ, „центральнымъ органомъ зоологіи“. Она стала чѣмъ-то вродѣ интернаціональной научной биржи, гдѣ встрѣчаются и братаются представители различныхъ націй, гдѣ изслѣдованія ведутся съ величайшимъ усердіемъ и гдѣ жгучіе научные вопросы дня трактуются и рѣшаются такимъ именно образомъ, что пребываніе на этой станціи становится особенно плодотворнымъ.

Организація станціи также до нѣкоторой степени интерна-

ціональная; она получаетъ ежегодныя субсидіи отъ разныхъ европейскихъ государствъ, имѣющихъ за то право на одно или нѣсколько мѣстъ при станціи для своихъ ученыхъ. За каждое мѣсто платится обыкновенно 1,500 марокъ въ годъ. Вотъ какія государства и города имѣютъ при станціи подобныя мѣста: Пруссія, Баденъ, Саксонія, Баварія, Гессенъ, Вюртембергъ, Гамбургъ, Австро-Венгрія, Россія, Голландія, Бельгія, Италия, Испанія, Швейцарія, кромѣ того университеты Оксфорда, Кэмбриджа, Страсбурга, Берлинская академія и одинъ американскій богачъ. Скандинавскія государства не обезпечили для своихъ ученыхъ мѣстъ при станціи, такъ что Нансенъ былъ принятъ на станцію, какъ „гость“, лишь благодаря особой любезности Дорна. И не онъ одинъ нашелъ подобное гостепріимство въ этомъ громадномъ центрѣ біологическихъ наукъ, такъ же какъ не однимъ этимъ ученымъ приходилось желать, чтобы отношенія Скандинавскихъ странъ къ станціи измѣнились хотя бы такимъ образомъ, что всѣ три государства сообща обезпечили бы за собой одно мѣсто. Нансенъ, по возвращеніи на родину, не преминулъ, конечно, пустить въ ходъ плодотворную идею Дорна и сталъ хлопотать въ пользу устройства біологической станціи въ Норвегіи, на берегу Сѣвернаго моря, богатая фауна котораго представляетъ такой интересъ; небольшая статья Нансена въ „Природѣ“ о неаполитанской станціи и оканчивалась поэтому призывомъ къ устройству подобной станціи въ Норвегіи. Затѣмъ, онъ обратился съ предложеніемъ и планомъ устройства станціи въ Бергенѣ къ профессору Даніельсену, но послѣдній не рѣшился взяться за это новое дѣло. Такимъ образомъ Нансенъ былъ первымъ въ Норвегіи, выступившимъ публично съ предложеніемъ объ устройствѣ біологическихъ станцій. Грѣнландская экспедиція на время помѣщала ему осуществить эти планы, впослѣдствіи же, одновременно съ тѣмъ, какъ мысль Нансена объ основаніи біологической станціи въ Бергенѣ нашла энергичнѣйшаго сторонника и дѣятеля въ лицѣ доктора І. Брунхорста, самъ Нансенъ вмѣстѣ съ докторами Г. А. Гульдбергомъ, Н. Вилле и др. привелъ въ исполненіе мысль объ устройствѣ біологической станціи въ Дребакѣ, близъ Христіаніи; въ 1894 г. станція была уже открыта. Итакъ, пребываніе Нансена въ Неаполѣ принесло богатые плоды не только тѣмъ вліяніемъ, кото-

рое оно имѣло на его собственныя научныя работы, но и тѣмъ, что послужило къ проведенію имъ идеи Дорна и въ своемъ отечествѣ.

Прежде чѣмъ закончить данный очеркъ, отмѣтимъ еще вліяніе того-же пребыванія на самую личность Нансена. Несомнѣнно, что коллосальное сооруженіе Дорна, равно какъ и его энергичная, даровитая личность должны были произвести глубокое впечатлѣніе на натуру, подобную Нансену, воплотиться для него въ яркій, живой примѣръ того, что можетъ создать человѣкъ съ идеальными стремленіями и сильной волей, поставившій себѣ дѣломъ жизни высокую цѣль. И несомнѣнно также, что дѣло жизни Нансена—рѣшеніе загадокъ полярныхъ странъ, выросло изъ сѣмянъ, зароненныхъ въ его душу пребываніемъ подъ голубымъ небомъ Неаполя, весною 1886 г., и ежедневными сношеніями съ Дорномъ, и не подозрѣвавшимъ тогда, что скрывается въ молодомъ сѣверянинѣ, на котораго онъ самъ въ то время оказывалъ такое рѣшающее вліяніе.

Нансенъ — біологъ.

(Статья Густава Рейцуса).

Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе обрисовать въ краткихъ чертахъ дѣятельность Нансена въ области біологіи, какъ гистолога и зоолога. Взялъ же я на себя эту задачу не изъ предположенія, что среди земляковъ Нансена не найдется людей, способныхъ выполнить ее такъ же хорошо, какъ я, но на основаніи того, что собственная моя дѣятельность заставила меня работать въ томъ же направленіи, какъ и Нансена, и это дало мнѣ случай основательно познакомиться — и по его печатнымъ трудамъ и благодаря непосредственному сближенію съ нимъ — съ воодушевляющимъ его священнымъ огнемъ и съ его дарованіями, какъ научнаго изслѣдователя. Не смотря на сравнительную кратко-

временность дѣятельности Нансена на поприщѣ чистой біологіи, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе ученыхъ прекрасной разработкой нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ.

Первый его значительный трудъ вышелъ въ 1885 году подъ заглавіемъ „Матеріалы по анатоміи и гистологіи мизостомъ“ (изданіе in folio въ 80 страницъ, снабжено 9-ью таблицами, исполненными по его собственнымъ рисункамъ).

Мизостомы составляетъ небольшую, описанную впервые въ 1827 г. нѣмецкимъ зоологомъ Ф. С. Лейкартомъ, группу червей — паразитовъ, живущихъ на нѣкоторыхъ лучистыхъ животныхъ (Crinoida) и производящихъ повидимому значительныя измѣненія въ органическомъ строеніи послѣднихъ. Нѣкоторые выдающіеся изслѣдователи, какъ Свенъ Ловэнъ (1840), Семперъ (1858), фонъ Граффъ, Мечниковъ (1866), Бэрдъ (1884), изслѣдовали строеніе этихъ червей и отчасти ихъ развитіе, а также пытались опредѣлить, отъ какихъ самостоятельныхъ коренныхъ видовъ они могли бы происходить.

Самъ я не специалистъ по этому вопросу и потому обратился къ профессору Г. Винеру, который обязательно доставилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія. Такъ называемый „техническій способъ разрѣзовъ“ былъ въ то время уже въ ходу, и съ помощью его Нансенъ производилъ подробныя изслѣдованія тончайшаго строенія мизостомъ, причемъ ему во многихъ отношеніяхъ посчастливилось исправить и расширить открытія своихъ предшественниковъ. На сколько же вѣрны его объясненія функцій нѣкоторыхъ органовъ,—удастся, вѣроятно, установить лишь будущими изслѣдованіями. Во всякомъ случаѣ упомянутый трудъ несомнѣнно доказываетъ, что авторъ его не только былъ вполне освоенъ со всѣми вспомогательными средствами тогдашней техники, но и проявилъ при этомъ замѣчательную настойчивость и большую личную инициативу.

Мизостомы обнаруживаютъ — не въ общемъ строеніи тѣла, но во многихъ важныхъ частяхъ организма—значительное сходство съ многочисленной группой морскихъ червей, Chaetopoda annelida, изъ которыхъ нѣкоторые живутъ паразитами на или внутри другихъ морскихъ животныхъ, проявляя, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, значительныя измѣненія, особенно въ наружномъ видѣ. Въ настоящее время и на мизо-

стоны принято смотрѣть какъ на Chaetopoda или какъ на весьма родственные имъ формы, хотя они и подверглись измѣненіямъ вслѣдствіи своего образа жизни. По другимъ предположеніямъ они являются родственниками нѣкоторыхъ паукообразныхъ. Трудъ Нансена, повидимому — хотя и косвеннымъ путемъ — подтверждаетъ первое предположеніе, особенно если принять во вниманіе даваемая въ немъ описанія окологлоточной нервной системы. Самъ же авторъ — впрочемъ въ видѣ гипотезы — склоняется къ тому предположенію, что они могутъ происходить и отъ первобытнаго вида, родственнаго съ первобытными видами аннелидовъ и паукообразныхъ.

Въ годовомъ отчетѣ Бергенскаго музея за 1886 г., изданномъ въ 1887 г., былъ напечатанъ новый значительный трудъ Нансена.

Одновременно съ тѣмъ, какъ Нансенъ сосредоточилъ свои изслѣдованія на большой спеціальной системѣ органовъ, онъ значительно расширилъ ихъ въ области фауны. Главнымъ предметомъ страстнаго увлеченія молодого ученаго явилось тончайшее строеніе центральной нервной системы, и въ описываемую эпоху изслѣдованія его касались не только червей, но и раковъ и мягкотѣлыхъ; онъ включалъ въ число предметовъ изученія даже самые низшіе разряды позвоночныхъ, каковы, напр., ланцетникъ (*Amphioxus*) и миксина (*Muxine*).

Въ этой обширной и трудно изучаемой области біологіи господствовалъ въ то время полнѣйшій хаосъ. Не мало изслѣдователей пытались разрѣшить крайне сложныя ея проблемы, и не было недостатка въ предположеніяхъ и теоріяхъ относительно внутренней связи нервныхъ клѣтокъ, нервныхъ узловъ и нервныхъ волоконъ. При изученіи поименованнаго прибѣгали, главнымъ образомъ, къ методу разрѣзовъ и къ окрашиванію, чѣмъ усердно пользовался и Нансенъ. Скоро, однако, убѣдившись въ томъ, что одними этими методами не дойти до цѣли, онъ сталъ искать новыхъ путей. Итальянскій гистологъ Гольджи за нѣсколько лѣтъ до того изобрѣлъ способъ примѣнять къ дѣлу хромокислый кали и затѣмъ растворъ лаписа для окрашиванія нервныхъ узловъ и ихъ развѣтвленій въ черный цвѣтъ, благодаря чему форма, расположеніе и развѣтвленія ихъ рѣзко выступаютъ на вообще свѣтломъ фонѣ. Гольджи примѣнялъ этотъ

свой методъ при изслѣдованіяхъ головного и спинного мозга человека, нѣкоторыхъ млекопитающихъ и птицъ, а отчеты о результатахъ своихъ изслѣдованій опубликовалъ отчасти въ мелкихъ статьяхъ въ итальянскихъ журналахъ, отчасти въ большомъ трудѣ, изданномъ въ 1885 г. Результаты эти, повидимому, показали большинству гистологовъ на столько странными, что ихъ встрѣтили недоумѣніемъ и даже недружелюбной критикой. Нансенъ же вполне понялъ ихъ значеніе. Онъ прямо отправился въ Италію и, ознакомившись на мѣстѣ съ новымъ способомъ, сталъ пользоваться имъ въ обширныхъ размѣрахъ. На сколько мнѣ удалось прослѣдить, Нансенъ впервые сталъ примѣнять хромо-серебряный методъ Гольджи при изученіи нервной системы безпозвоночныхъ животныхъ. Фузари, ученикъ Гольджи, примѣнялъ тотъ-же методъ еще до Нансена по отношенію къ рыбамъ, но не къ низшимъ разрядамъ позвоночныхъ (*Amphioxus* и *Muxine*).

Съ помощью, какъ этого новаго метода, такъ и вышеупомянутаго метода разрѣзовъ въ соединеніи съ окрашиваніемъ обыкновенными красками (*hematoxylin*, *anilin*), Нансену удалось проникнуть въ таинственное строеніе центральной нервной системы нѣсколько глубже, нежели его предшественникамъ. Обширная, изданная на англійскомъ языкѣ, статья его: *The structure and combination of the histological elements of the central nervous system* („Построеніе и связь гистологическихъ элементовъ центральной нервной системы,“ см. „Годовой отчетъ Бергенскаго музея за 1886 г.“) всегда, поэтому, будетъ занимать почетное мѣсто въ научной литературѣ по данной специальности. Что же касается тончайшей связи нервныхъ узловъ и волоконъ, Нансенъ снова пустилъ въ ходъ основной взглядъ, высказанный раньше извѣстнымъ нѣмецкимъ гистологомъ Лейдигомъ. Я лично не примкнулъ къ этому взгляду, разъясненіе котораго заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста, но считаю нужнымъ указать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вопросами, на которые нельзя пока отвѣтить съ увѣренностью и что, конечно, еще никто не сказалъ относительно ихъ послѣдняго слова.

Нансену удалось прослѣдить въ центральной нервной системѣ безпозвоночныхъ животныхъ конечные отростки нервныхъ

клѣтокъ на большемъ или меньшемъ разстояніи и во многихъ случаяхъ наблюдать восходящія отъ нихъ мелкія боковыя развѣтвленія, отчасти образующія такъ называемую точечную субстанцію. Если бы Нансену представился побудительный поводъ продолжать свои изслѣдованія по методу Гольджи и если бы ему случилось еще заняться другимъ, изобрѣтеннымъ почти одновременно съ появленіемъ его труда методомъ нѣмецкаго ученаго Эрлиха (окрашиваніе нервныхъ элементовъ еще живого животнаго посредствомъ метилиновой синьки), то ему несомнѣнно удалось бы еще болѣе содѣйствовать тому разъясненію тонкаго строенія нервной системы животныхъ низшихъ разрядовъ, которымъ занимались въ послѣднее десятилѣтіе ученые спеціалисты. Но Нансена, какъ видно, уже сильно тянуло тогда къ арктическимъ изслѣдованіямъ, а научныя занятія требуютъ полного сосредоточенія на каждой отдѣльной области. Особенно много времени и труда поглощаютъ работы съ микроскопомъ; какую бы энергію ни проявлялъ человѣкъ, мудрено одновременно совершить еще что-нибудь выдающееся въ другихъ областяхъ. И какъ ни достойно сожалѣнія, что Нансену не было дано продолжать своихъ столь прекрасно и по такому широкому плану начатыхъ изслѣдованій построенія тончайшихъ развѣтвленій центральной нервной системы, надо всетаки согласиться, что въ этой области и безъ него нашлись вполне сосредоточившіеся на ней выдающіеся труженики, тогда какъ въ области полярныхъ изслѣдованій Фритъофъ Нансенъ вполне исключительное явленіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и его Грѣнландская экспедиція, и грандіозная экспедиція къ сѣверному полюсу.

Во время изслѣдованій построенія тончайшихъ частей спинного мозга у *Amphioxus* и *Muxine*, Нансенъ сдѣлалъ открытія, изъ которыхъ считаю нужнымъ назвать нѣкоторыя, представляющія болѣе общій интересъ. Въ спинномъ мозгѣ *Amphioxus* онъ не нашелъ неврогліи — т. е. изолирующей ткани, которою вообще бываютъ окутаны настоящіе нервныя элементы—но онъ описалъ открытыя имъ въ области центрального канала выходящія наружу эпителиальныя клѣточки (*ependyma*), въ которыхъ онъ усмотрѣлъ клѣточки *neurogliae* и утверждалъ, что онѣ представляютъ наиболѣе низшую стадію у позвоночныхъ. У *Muxine*

онъ, конечно, также находилъ такія клѣточки-эпендимы, но также и дѣйствительныя клѣточки — *neurogliae*, хотя и своеобразнаго характера; изъ этого онъ заключаетъ, что клѣтки *neurogliae* происходятъ отъ наружнаго зародышеваго листка, отъ котораго происходитъ также настоящая нервная ткань, и отъ эпителиальныхъ клѣточекъ центральнаго канала (*ependyma*). Такой взглядъ Нансена подтвержденъ въ послѣдствіи многочисленными наблюденіями и одобряется теперь всѣми. Дальше онъ открылъ у *Muxine*, что нервныя волокна, составляющія задніе или чувствительныя нервные корешки, по входѣ въ спинной мозгъ раздѣляются на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна идетъ подъ прямымъ угломъ назадъ, другая-же впередъ и вверхъ въ спинной мозгъ. Открытіе это въ послѣдствіи подтверждено испанскимъ неврогистологомъ Ramon у Cajal и нѣкоторыми другими изслѣдователями и признано важнымъ и общимъ закономъ для позвоночныхъ. Такимъ образомъ развѣтвленію чувствительныхъ заднихъ нервныхъ корней должно по настоящему быть присвоено названіе „Нансенскаго“.

Скоро затѣмъ молодой норвежскій ученый взялся за разрѣшеніе другой проблемы, долго не поддававшейся трудамъ ученыхъ. На этотъ разъ дѣло шло о развитіи вышеупомянутой *Muxine glutinosa*. Своеобразное это животное, одно изъ низшихъ видовъ позвоночныхъ, водится въ массѣ въ сѣверныхъ моряхъ, у береговъ всей Норвегіи и западнаго берега Швеціи. Ходъ его размноженія и развитія представлялъ по разнымъ причинамъ большой интересъ для науки. Англійскій зоологъ, G. R. Cunningham, одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые особенно занимались рѣшеніемъ этой проблемы, высказалъ въ своей первой статьѣ (1886) взглядъ, что большинство изъ этихъ животныхъ гермафродиты, особенно въ періодъ неполнаго развитія. Взглядъ этотъ онъ основалъ на томъ обстоятельстве, что задняя часть *mesovarium*'а образуетъ *mesorchium*, которое заключаетъ въ своихъ пузыряхъ сперматическое вещество въ различныхъ степеняхъ развитія; онъ описалъ при этомъ также нѣкоторые виды клѣточекъ, принимаемыхъ имъ за сперматозоиды. И вотъ Фритъофъ Нансенъ взялся за разъясненіе этого вопроса. Результаты, достигнутые имъ послѣ упорныхъ изслѣдованій, въ общемъ сходны съ выводами Cunningham'а. Въ изданномъ

въ Бергенѣ (Годовой отчетъ музея за 1887, изд. 1888 г.) трудѣ „A protandric hermaphrodite (*myxine glutinosa* L.) amongst the Vertebrates“ Нансенъ высказалъ взглядъ, что *Myxine* на болѣ раннихъ стадіяхъ своего развитія является животнымъ мужскаго пола, переходящимъ въ большинствѣ случаевъ во время своего дальнѣйшаго развитія въ самку. Онъ описалъ при этомъ развитіе пузырей *mesorchium* и видъ сперматозоидовъ при различныхъ степеняхъ развитія. Справедливость его изложенія подтверждается многимъ, и хотя, не смотря на многочисленные, энергичные и обширные опыты, ни Нансену, ни кому другому не удалось до сихъ поръ вполне выяснитъ ходъ развитія этого своеобразнаго животного, можно всетаки, съ увѣренностью сказать, что труды Cunningham'a и Нансена значительно подвинули впередъ рѣшеніе этого вопроса.

Была и еще одна важная біологическая проблема, сильно интересовавшая Нансена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ — ходъ развитія китовъ. Слѣдя за развитіемъ этихъ замѣчательныхъ морскихъ млекопитающихъ, которыя очевидно происходятъ отъ животныхъ, обитавшихъ на сушѣ, по мнѣнію Нансена можно было бы напасть на черты, выясняющія такое именно происхожденіе. И не смотря на то, что въ данномъ случаѣ требовался крайне трудно добываемый матеріалъ, Нансенъ не отступилъ передъ интересовавшей его задачей. Взявшись за нее съ свойственной ему энергіей, онъ въ значительной степени расширилъ въ Бергенскомъ музеѣ коллекцію китовъ-эмбрионовъ, а по возвращеніи изъ Грѣнландской экспедиціи рѣшилъ углубиться въ изслѣдованіе этихъ интересныхъ эмбрионовъ.

Всю зиму 1891—1892 гг. онъ работалъ въ анатомическомъ музеѣ вмѣстѣ со своимъ другомъ, профессоромъ Гульдбергомъ, уже извѣстнымъ тогда своими первоклассными трудами по анатоміи китовъ. Затѣмъ, приготовленія къ большой полярной экспедиціи стали до такой степени поглощать все время Нансена, что ему пришлось сначала ограничиться случайными сообщеніями по интересовавшему его вопросу, а затѣмъ и всецѣло предоставить дальнѣйшую работу одному Гульдбергу.

Въ теченіе второго полугодія 1894 г. начала выходить въ свѣтъ первая часть общаго труда Нансена и Гульдберга напечатаннаго in folio, подъ заглавіемъ: „On the development and

structure of the Whale. Part. I. On the development of the Delphin by Gustav Guldberg and Fridtjof Nansen. Bergens Museum⁴.

Вслѣдствіе указанныхъ уже причинъ я не имѣю возможности указать, что именно изъ этого большого, снабженнаго 7 таблицами, труда принадлежитъ лично Нансену; но во всякомъ случаѣ онъ принималъ существенное участіе въ собираніи матеріаловъ и въ составленіи плана труда, а также и въ первоначальныхъ изслѣдованіяхъ.

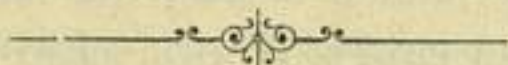
Изъ выше приведенныхъ краткихъ данныхъ неоспоримо вытекаетъ, что Фритъофъ Нансенъ въ теченіе какихъ нибудь пяти лѣтъ (срокъ довольно незначительный, гдѣ дѣло идетъ о крупныхъ біологическихъ изслѣдованіяхъ) успѣлъ заявить себя въ области біологіи весьма значительными трудами. Видно, также, что онъ, вѣрный своей широкой натурѣ, всегда брался за крупные и трудныя проблемы и сразу направлялъ вниманіе на самую суть дѣла. Словомъ, для всѣхъ тѣхъ, кому случилось ближе познакомиться съ личностью Нансена и его трудами, ясно, что если-бы неудержимое стремленіе къ великой цѣли — къ изслѣдованіямъ на сѣверномъ полюсѣ не отвлекли его отъ занятій біологіей, и онъ со свойственной ему энергіей и упорствомъ продолжалъ бы свои столь талантливо и счастливо начатыя изслѣдованія, то навѣрное обогатилъ бы науку еще многими серьезными и цѣнными трудами.

Ревнителі біологіи не перестаютъ поэтому питать надежду, что Нансенъ, по счастливомъ возвращеніи изъ льдовъ сѣвернаго полюса, снова всецѣло отдастся прежнимъ своимъ занятіямъ въ любимой области, въ которой ему несомнѣнно предстоитъ рѣшить не мало серьезныхъ вопросовъ, совершить важныхъ открытій и разрѣшить трудныхъ проблемъ.

Для огромнаго большинства людей Фритъофъ Нансенъ является, вѣроятно, только знаменитымъ и отважнымъ путешественникомъ, предпринявшимъ экспедицію въ невѣдомыя ледяныя пространства сѣвернаго полюса, и я потому счелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы мнѣ удалось своимъ небольшимъ очеркомъ нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ и выяснить — главнымъ образомъ народамъ сѣвера, что Нансенъ въ то же время и первоклассный дѣятель въ совершенно другой области, кото-

рая хоть и не удостоивается вообще такого же вниманія, является, пожалуй, областью не меньшей важности и значенія.

Экспедиціи, предпринимаемыя изслѣдователями въ тишинѣ своихъ рабочихъ и физическихъ кабинетовъ, въ мірѣ видимомъ лишь въ микроскопъ, и въ сокровенныхъ мастерскихъ природы, представляютъ также великое значеніе для просвѣщенія человѣчества и прогресса культуры. Подобныя-то экспедиціи предпринималъ и Фритьофъ Нансенъ уже въ самые молодые годы, проявляя чрезвычайно плодотворную дѣятельность. Будемъ же надѣяться, что ему назначено судьбою вновь поднять перерѣзанныя его полярной экспедиціей нити и продолжать свои экспедиціи по обширной, до сихъ поръ еще мало изслѣдованной, области біологіи, за которой открываются еще болѣе и болѣе обширныя неизвѣстныя области.

Грѣнландія.

Теперь мы дошли до той эпохи въ жизни Нансена, когда онъ серьезно сталъ подготавливаться къ экспедиціи въ Грѣнландію. Предыдущая глава, вѣроятно, достаточно выяснила многимъ то недоразумѣніе, что Нансенъ будто бы только выдающійся спортсмѣнъ; двѣ слѣдующія за нею главы имѣютъ цѣлью выясненіе внутренней связи между его подвигами и наукой. Здѣсь будетъ также данъ и краткій географическій обзоръ страны, которую Нансенъ первый прошелъ съ востока на западъ, а также описаніе того періода нашей земли, на который этотъ подвигъ Нансена пролилъ новый свѣтъ. Итакъ, дѣло пойдетъ о Грѣнландіи и о ледниковомъ періодѣ земли.

Эрикъ Рыжій, возвратившись лѣтомъ 985 г. въ Исландію, откуда за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ долженъ былъ бѣжать, такъ какъ совершилъ убійство, рассказывалъ о вновь открытой имъ большой странѣ, находившейся въ океанѣ къ сѣверо-западу отъ Исландіи и названной имъ Грѣнландіей (Зеленой страной). Такое названіе онъ далъ ей, чтобы заманить имъ людей, и, дѣйствительно, многіе увлеклись „хорошимъ именемъ“, какъ рассказываетъ сага; еще въ то же самое лѣто изъ Брейдафьорда и Боргафьорда (въ Исландіи) отплыло въ Грѣнландію 25 кораблей; достигли ея, однако, всего 14; остальные вернулись обратно или погибли. Эрикъ Рыжій, давая новой странѣ имя „Грѣнландіи“, позволилъ себѣ — выражаясь мягко — уклониться отъ истины; ему слѣдовало назвать новую страну „Ледяной страной“, — въ „Зеленой странѣ“ не много зеленыхъ мѣстечекъ, зато мало другихъ уголковъ на земномъ шарѣ, гдѣ было бы столько льда, какъ на ней.

Да, Грѣнландія—удивительная страна; и всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы знали о ней немного больше, чѣмъ наши предки 900 лѣтъ тому назадъ. Сѣверянамъ дѣлаетъ большую честь, что большинствомъ новыхъ свѣдѣній о ней міръ обязанъ именно изслѣдователямъ датчанамъ, норвежцамъ и шведамъ.

Грѣнландія — какъ можно теперь утверждать съ достовѣрностью — островъ, притомъ величайшій въ свѣтѣ, занимающій пространство въ $1\frac{1}{3}$ — 2 милл. кв. километровъ, т. е. въ два съ половиной раза больше Новой Гвиней и Борнео, въ три раза больше Мадагаскара. Съ юга отъ мыса Фарвель (Кар Farvel), лежащаго почти на широтѣ Христіаніи, до сѣверной оконечности, достигнутой Локвудомъ въ 1882 году и видѣнной Пири и Аструпомъ въ 1892 г., островъ этотъ захватываетъ почти 23 градуса широты, (приблизительно 2500 километр.). Для уясненія величины Грѣнландіи можно еще прибавить, что она почти въ два съ половиной раза больше Швеціи и Норвегіи вмѣстѣ, или, чтобы взять примѣръ болѣе близкій намъ, равняется $\frac{2}{5}$ Европейской Россіи. Число же жителей на этомъ огромномъ пространствѣ равняется всего 10.000 чел., т. е. на каждые 200 киллом. приходится 1 житель; даже Сахара и Гоби едва-ли населены такъ рѣдко. Итакъ, „Грѣнландія“, „страна зелени“, несмотря на свое привлекательное названіе, одно изъ безплоднѣйшихъ пространствъ на землѣ, безотрадная пустыня, гдѣ ничего не подѣлаешь ни артезіанскими колодцами, ни другимъ искусственными мѣрами, эта сѣверная Сахара — ледяная.

Какъ уже сказано, еще сравнительно недавно о ней имѣлось очень мало положительныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. Знали только изъ превосходныхъ трудовъ датскаго начальника колоній Ринка (1857 г.), что берега Грѣнландіи представляютъ узкую скалистую полосу, изрѣзанную заливами, что дно этихъ заливовъ, а также составляющія ихъ продолженіе долины загромождены громадными массами льдовъ, доходящими въ иныхъ мѣстахъ до самаго моря, и что, если попытаться проникнуть изъ упомянутыхъ долинъ во внутрь страны, то прежде всего наткнешься на сплошную ледяную стѣну, а если, съ невѣроятнымъ трудомъ взберешься на эту, усѣянную трещинами и провалами ледяную стѣну, то взору представится безбрежная ледяная пустыня.

Ринкъ былъ первымъ, познакомившимъ, на основаніи личныхъ

многолѣтнихъ наблюденій, цивилизованный міръ со страною, покрытою чуть ли не сплошь толстою ледяною корою, или такъ называемымъ „материковымъ ледянымъ покровомъ“. И свѣдѣнія, данныя Ринкомъ, прилились какъ нельзя больше ко времени: какъ разъ тогда, т. е. въ серединѣ нашего столѣтія наукой было выяснено, что и сѣверная Европа и Сѣверная Америка были въ недавнемъ — по геологическому счисленію — прошломъ покрыты льдомъ, который и оставилъ на ихъ поверхности многочисленные слѣды.

На основаніи этого, Грѣнландія, какъ по нынѣ существующій первообразъ сѣверной Европы въ ея ледниковомъ періодѣ, приобрѣла огромный интересъ для науки. Изученіе материкового ледяного покрова Грѣнландіи имѣетъ крайне важное значеніе не только для геолога, но и для біолога, и для метеоролога, и для географа, выясняя цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ наивысшій интересъ, не говоря уже о томъ, что таковое изученіе прежде всего удовлетворяетъ естественной любознательности человѣчества, не терпящей на всемірной картѣ такихъ огромныхъ *terrae incognitae*.

Въ настоящее время, благодаря главнымъ образомъ самопожертвованію и трудамъ датчанъ, съ приблизительною точностью занесена на карту и изучена въ геологическомъ отношеніи большая часть береговой полосы Грѣнландіи — сначала западный берегъ отъ мыса Фарвель къ сѣверу, а затѣмъ и восточный, какъ извѣстно, наиболѣе недоступный, по причинѣ плывучихъ полярныхъ льдовъ. Въ 1875 г. профессоръ Іонструпъ возбудилъ вопросъ о систематическомъ геологическомъ и географическомъ изученіи Грѣнландіи, и съ 1876 г. появился цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ датскихъ ученыхъ, прекрасно изданныхъ подъ заглавіемъ, „*Meddelelser om Grönland*“. (Грѣнландскія извѣстія). Изъ этихъ ученыхъ особенно заслуживаютъ быть названными: геологъ К. Стенструпъ, затѣмъ І. Іенсенъ, Р. Гаммеръ, Х. Рюдеръ, Г. Гольмъ, В. Гарде, А. Корнерупъ и мн. др. Датчане систематически изучили и по большей части занесли на карту весь западный берегъ вплоть до самыхъ сѣверныхъ датскихъ колоній Упернивика и Тессіусака (почти на 73° сѣв. широты). Берегъ же дальше къ сѣверу вдоль бухты Мельвилля, пролива Смита, бассейна Кэна, канала Кэннеди и канала Робезона, из-

слѣдованъ главнымъ образомъ англійскими и американскими полярными экспедиціями, изъ которыхъ двѣ — именно англійская экспедиція Нерса (1875 — 76 г.) и печальной памяти американская экспедиція Грили (1881 — 1884 г.) достигли здѣсь самыхъ сѣверныхъ пунктовъ земного шара, которыхъ до тѣхъ поръ достигалъ цивилизованный человѣкъ. Первая экспедиція добралась до $83^{\circ} 22'$, а вторая, по утвержденію лейтенанта Локвуда, до $83^{\circ} 24'$ сѣв. широты. Въ послѣдніе годы систематически изучался датчанами и восточный берегъ, именно экспедиціей на лодкахъ Гольма (1883 — 1885 г.). Но вообще этотъ мало доступный вслѣдствіе пловучихъ полярныхъ льдовъ берегъ изученъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ главнымъ образомъ экспедиціями Савине, Скоресбю и Кольдевейса, нѣмецкой экспедиціей „Ганза“ (по имени корабля) и шведской экспедиціей „Софія“; объ остальныхъ же большихъ пространствахъ извѣстно очень мало; между мысомъ Бисмарка (приблиз. на 77° сѣв. шир.) и бухтой Независимости (приблиз. $81\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир.) видѣли землю только въ двухъ мѣстахъ, да и то болѣе ста лѣтъ тому назадъ (1770 и 1775 г.).

Итакъ, берега этой замѣчательной страны извѣстны теперь въ общихъ чертахъ; они не во всѣхъ мѣстахъ одинаково негостепріимны, но во всякомъ случаѣ должны быть признаны такой частью земного шара, гдѣ лишь самая неприхотливая изъ человѣческихъ расъ можетъ, напрягая всѣ свои силы, влачить жизнь безъ помощи извнѣ. Узкая, дикая, голая, скалистая береговая полоса опоясываетъ всю Грѣнландію; ширина всей страны больше 1200 километровъ, ширина же непокрытой ледяной корою береговой полосы рѣдко достигаетъ и 150 килом. (у Гольстейнборга), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ льды занимаютъ весь берегъ сплошь до самаго моря. Флора крайняго побережья — травы, лишай и мхи; дальше вглубь, по берегамъ глубоко вдающихся заливовъ, изрѣзывающихъ южную часть западнаго берега, встрѣчаются кусты и кустарники ивъ, березки-карлицы и осоки; въ колоніяхъ взращиваютъ капусту, редиску, морковь и петрушку, а въ самыя жаркія лѣта удается вырастить и немножко зеленого стручковаго гороху. Но ужъ не встрѣтишь на этомъ берегу ни лѣсочка, ни колоса ржи.

Въ жалкихъ каменныхъ домишкахъ или землянкахъ влачатъ тутъ жизнь тысячъ десять грѣнландскихъ эскимосовъ въ жестокой

борьбѣ за существованіе, источниками котораго служатъ охота на тюленей, китовъ и рыболовство. Это умный, славный народъ, который, какъ и всѣ первобытные народы, беспощадно обреченъ благами неподходящей для него культуры на вымираніе. Всѣ путешественники въ одинъ голосъ говорятъ, что грѣнландцы любятъ свою бѣдную бесплодную родину и не стараются искать лучшихъ мѣстъ для поселенія. По своему Грѣнландія даже красивая страна съ гордой и дико-прекрасной природой, подобной которой поискать. Скалы съ острыми вершинами и отроги горъ, глубоко-врѣзывающіеся заливы можно, впрочемъ, встрѣтить и въ Норвегіи, вообще много напоминающей, особенно дикими скалистыми мѣстностями Нордландіи вдоль Западнаго Фіорда—берега Грѣнландіи. Но въ Грѣнландіи скалы выше и голѣе, а въ ея заливахъ плаваютъ не только киты да тюлени, но также масса ледяныхъ горъ, высланныхъ движущимися ледниками. А самые-то ледники! И въ Норвегіи есть ледники, но что они передъ грѣнландскими—ручейки передъ Амазонской рѣкой или Ниломъ. Норвежскіе ледники Фольгефоннъ, Юстедальсъ или Свартисъ—карлики передъ грѣнландскими ледниками: ледникомъ Якобсхаунъ и въ особенности передъ ледникомъ Гумбольда, который спускается широкой дугой въ 110 километр. и заканчивается стѣною въ 90 метровъ высоты.

День и ночь, лѣто и зиму, годъ за годомъ ползутъ эти безчисленные ледники, образующіе какъ бы стоки для материковаго льда Грѣнландіи, и ползутъ таки не тихо. Сексе опредѣляетъ суточную быстроту движенія ледника Буаръ приблизительно въ $\frac{1}{10}$ метра, а Гелландъ суточную быстроту грѣнландскихъ ледниковъ Якобсхаунъ въ 20 метровъ, (т. е. они движутся въ 200 разъ быстрѣе). Рюдеръ же опредѣляетъ скорость движенія ледниковъ у Аугпадлартока приблизительно въ 21 метръ. Словомъ, какъ въ Норвегіи рѣки образуютъ стоки для внутреннихъ озеръ, такъ въ Грѣнландіи безчисленные колоссальные ледники или рѣки льда образуютъ стоки для внутреннихъ ея льдовъ. И эти рѣки-ледники ежегодно уносятъ въ море не малые количества льда. Ринкъ опредѣлялъ это количество въ 300 милліоновъ кубич. метровъ слишкомъ, но и это, пожалуй, черезчуръ малая цифра; надо, можетъ быть, увеличить ее разъ въ 10, чтобы ближе подойти къ истинѣ. Во времена Ринка сложилось убѣжденіе, что

главные ледники—стоки для внутренняго льда, находятся на западномъ берегу; экспедиція Гольма (1883 — 85 г.), изслѣдовавшая восточный берегъ, доказала, однако, скорѣе противоположное.

Воздухъ у береговъ Грѣнландіи холоденъ, сыръ и рѣзокъ; окружающее ихъ море круглый годъ полно льдами: частью извергаемыми ледниками, частью пловучими льдами изъ Ледовитаго океана, приносимыми полярнымъ теченіемъ, которое огибаетъ Грѣнландію. И годовая температура въ Грѣнландіи гораздо ниже, чѣмъ это обыкновенно бываетъ на данной широтѣ,—Грѣнландія—островъ, окруженный не только водой, но льдомъ; это — страна великихъ льдовъ, покрытая величайшими изъ извѣстныхъ намъ пока ледниковъ сѣвернаго полушарія, занимающими въ общемъ площадь свыше 1½ милліона кв. километровъ. Казалось-бы, что сами грѣнландцы первые должны были стараться изслѣдовать или хоть при случаѣ узнать колоссальные внутренніе источники льдовъ, извергающихся ежегодно въ долины и заливы всей береговой полосы. Но нѣтъ, грѣнландцы питаютъ суевѣрный ужасъ къ внутреннимъ льдамъ, тамъ обитаютъ всѣ злые духи грѣнландцевъ, ихъ покойники, привидѣнія, разныя сверхъестественныя чудовища, ледяные великаны, превосходящіе ростъ обыкновеннаго человѣка вдвое, и проч. и проч. Да къ тому же чего искать грѣнландцамъ въ этихъ льдахъ! Ихъ жизнь непрерывная борьба за хлѣбъ насущный, а на внутреннихъ льдахъ не водится ни китовъ, ни тюленей, ни оленей, ни бѣлыхъ куропатокъ, вообще ничего съѣдобнаго; тамъ безжизненная пустыня. Такъ нечего и удивляться, что не грѣнландцы ближе ознакомили міръ съ внутреннимъ ледянымъ плато Грѣнландіи; сравнительно недавно о послѣднемъ и не зналъ ничего достовѣрнаго ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. Предки наши, впрочемъ, имѣли о странѣ довольно точныя свѣдѣнія; еще въ „Зерцалѣ Королей“ можно прочесть: „А если согласишься—свободна-ли отъ льда страна или покрыта имъ, какъ и море, то вѣдай, что лишь малая часть страны свободна ото льда, а остальная вся покрыта льдомъ“. Но эти свѣдѣнія о внутреннемъ пространствѣ страны какъ-то утратили для насъ съ теченіемъ времени свою достовѣрность, уступивъ мѣсто самымъ сказочнымъ представленіямъ, меньше всего основаннымъ на фактическихъ данныхъ. Первая извѣстная намъ попытка взойти на внутреннее ледяное плато Грѣнландіи была сдѣлана датскимъ

купцомъ Ларсомъ Далагеромъ, (попытка майора Ганса Эневольда Порса въ 1728 году не удалась), обитавшимъ въ колоніи Фредериксхобъ, на югѣ Грѣнландіи. Онъ въ сентябрѣ 1752 г. поднялся въ сопровожденіи одного грѣнландца, его дочери и трехъ молодыхъ эскимосовъ на окраину плато. Последнюю ночь въ пути они страшно мерзли, и затѣмъ должны были вернуться обратно за недостаткомъ провіанта и вслѣдствіе того, что обувь ихъ совершенно разорвалась отъ ходьбы. Далагеръ взлѣзъ на высокую, торчащую изъ льда скалу (такъ назыв. „нунатакъ“) чтобы оттуда взглянуть на внутреннія пространства Грѣнландіи, и увидѣлъ ровное снѣжно-ледяное поле, уходящее изъ глазъ. И ему показалось несбыточнымъ дѣломъ для человѣка перейти черезъ это поле къ восточному берегу, отчасти потому, что для такого перехода потребовалось бы чересмѣрное количество провіанта, отчасти потому, что можно было замерзнуть, проводя много ночей на льду въ такой холодъ. Его утвержденія относительно нестерпимаго ночного холода на ледяномъ плато довольно замѣчательны и подтвердились самымъ неожиданнымъ образомъ во время экспедиціи Нансена. Затѣмъ прошло болѣе ста лѣтъ прежде, чѣмъ вновь была сдѣлана серьезная попытка американскимъ путешественникомъ по полярнымъ странамъ Гейсомъ (J. J. Hayes). Онъ первый отважился взобраться по леднику Брата Джонса на плато и пройти по нему около 100 километровъ. Экспедиція состояла изъ него и пятерыхъ его товарищей (между ними былъ и датчанинъ С. Петерсенъ); исходнымъ пунктомъ послужилъ портъ Фулькъ (на $78\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш.); восхожденіе началось 23 октября 1860 г., и въ три дня путешественники достигли по собственнымъ указаніямъ приблизительно 1520 метровъ абсолютной высоты надъ уровнемъ моря, когда страшная буря принудила ихъ повернуть обратно. Температура въ этотъ день была для того времени года очень низка, именно -37° С. Есть однако большія основанія сомнѣваться въ томъ, что Гейсу удалось сдѣлать такой большой переходъ по такой страшно неровной, разрытой, изломанной ледяной поверхности, какъ онъ ее самъ описываетъ. Другая, но совершенно неудачная попытка пробраться во внутрь ледянаго плато была сдѣлана въ томъ же году англичаниномъ Джономъ Рей.

Въ 1867 г. англійскіе альпинисты Вимперъ и Броунъ пред-

приняли съ денежной помощью знаменитаго англійскаго ученаго общества „Royal society“ новую неудачную попытку, избравъ исходнымъ пунктомъ Якобсхаунъ. Время года (26 Іюля) было выбрано неудачно, такъ какъ по причинѣ теплой погоды весь снѣгъ вдоль границъ ледянаго плато растаялъ, обнаруживъ ледъ, весь покрытый глубокими трещинами и расщелинами. Путникамъ и пришлось послѣ напрасныхъ усилій и трудовъ вернуться, не осуществивъ своего намѣренія. Въ экспедиціи участвовало также нѣсколько грѣнландцевъ, которые, однако, струсилы еще до начала похода, — одному изъ нихъ почудились на льду три человека, которыхъ грѣнландцы и приняли за привидѣнія; такимъ образомъ на этихъ спутниковъ была бы плохая надежда въ дорогѣ. Честь-же первой попытки, приведшей къ болѣе серьезнымъ и значительнымъ научнымъ результатамъ, принадлежитъ профессору барону Норденшѣльду и доктору Бергрёну. Исходнымъ пунктомъ для ихъ экспедиціи (1870 г.) послужилъ южный рукавъ Фьорда Алайтсивикъ (на $68^1/4^0$ сѣв. шир.; южнѣе колоніи Христіансхобъ); въ путь отважные ученые пустились 19 Іюля, безъ палатки, лишь съ мѣховыми мѣшками для спанья и санками для провизіи и другихъ необходимыхъ вещей. Санки, впрочемъ, скоро пришлось оставить, такъ какъ безчисленныя трещины и бугры на льду черезчуръ затрудняли движеніе, и путешественники взяли съ собой изъ припасовъ лишь-то, что могли унести на себѣ. Двое грѣнландцевъ сопровождали ихъ до утра 22 Іюля, но дальше идти отказались; Норденшѣльдъ съ Бергрёномъ шли одни еще два дня и достигли приблизительно 700 метр. высоты надъ уровнемъ моря, пройдя отъ границы ледянаго плато въ глубь послѣдняго свыше 50 километр., и тогда только повернули обратно. Съ поворотнаго пункта имъ открылся видъ на безграничное ровное пространство льда. 26 Іюля, ночью, послѣ двухдневнаго, утомительнаго, быстрого перехода они опять достигли мѣста своего отправленія.

Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ до новой попытки, предпринятой на этотъ разъ датскою экспедиціей, снаряженной правительствомъ; въ ней, кромѣ начальника экспедиціи лейтенанта датскаго флота І. Іенсена, участвовали: молодой талантливый датскій геологъ А. Корнерупъ, архитекторъ Гротъ и грѣнландецъ Хабакукъ.

Экспедиція велась съ большою энергіею и достигла въ научномъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ пространство, пройденное экспедиціею по ледяному плато, далеко, однако, не соответствовало затраченнымъ путешественниками трудамъ и времени. Особенно помѣшала погода, — экспедиціи все время пришлось бороться съ страшными и продолжительными буранами и туманомъ; затѣмъ сильно затруднялъ движеніе изрѣзанный, растрескавшійся ледъ; наконецъ, по имѣющимся въ настоящее время даннымъ, можно съ увѣренностью сказать, что былъ неудачно выбранъ самый исходный пунктъ, что и не позволило экспедиціи значительно углубиться въ ледяное плато: экспедиціи пришлось идти какъ разъ вдоль оси одного изъ наиболѣе выдающихся изъ плато ледниковъ, доходящаго до Фредериксхоба (приблизительно на $62\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир., между колоніями Фискернессетъ и Фредериксхобъ). Экспедиція должна была бы заранѣе предвидѣть, что ледяная поверхность на этомъ длинномъ мысѣ-ледникѣ окажется въ высшей степени неровной, растресканной и опасной для ходьбы. Такимъ-то образомъ путешественники, выйдя въ путь 4 іюля послѣ 10-ти дневнаго невѣроятно труднаго, утомительнаго пути, углубились въ область ледяного плато всего на 40 километровъ. У цѣпи голыхъ торчащихъ изъ льда скалъ, получившихъ имя начальника экспедиціи („нунатаки“ Іенсена), путешественники на цѣлую недѣлю были задержаны бураномъ, не позволившимъ имъ выходить изъ палатокъ. Наихудшимъ результатомъ этой задержки было то, что обнаружился недостатокъ въ провіантѣ, вслѣдствіе чего пришлось уменьшить суточную порцію въ пять разъ противъ обыкновенной, необходимой при такомъ трудномъ путешествіи; въ довершеніе же всего испортился походный аппаратъ для приготовленія теплой пищи, и изорвалась обувь. Положеніе экспедиціи было такимъ образомъ не изъ веселыхъ. Наконецъ, на 7-ой день погода прояснилась, и Іенсену открылся съ высоты 1550 метровъ видъ на страну. Внизу подъ его ногами разстилось во всѣ стороны безконечное ровное ледяное пространство, на востокѣ переходившее въ возвышенность, сливавшуюся на горизонтѣ съ небомъ. Обратный путь былъ также до крайности тяжелымъ и опаснымъ. Только три недѣли спустя послѣ выступленія экспедиціи въ путь, вернулись путешественники назадъ

на мѣсто выступленія, гдѣ ожидали ихъ грѣнландцы, давно уже потерявшіе надежду когда-либо увидѣть ихъ вновь.

По грѣнландскимъ преданіямъ внутренняя часть страны должна быть свободной отъ льда. Желаніе убѣдиться въ этомъ и служило одной изъ побудительныхъ причинъ снаряженія нѣкоторыхъ экспедицій (напр., экспедиціи Вимпера и Броуна въ 1867 г.) во внутрь Грѣнландіи.

Знаменитый піонеръ систематическаго изслѣдованія сѣверныхъ полярныхъ странъ, баронъ А. Е. Норденшѣльдъ, который послѣ перваго своего путешествія во внутрь Грѣнландіи (1870 г.) предпринялъ цѣлый рядъ арктическихъ экспедицій, поддерживалъ вмѣстѣ съ профессоромъ физическихъ наукъ Эдлундомъ гипотезу о свободныхъ ото льда пространствахъ внутри Грѣнландіи. И эта гипотеза послужила отчасти поводомъ къ снаряженію въ Грѣнландію большой Шведской экспедиціи „Софія“. Начальникомъ ея былъ Норденшѣльдъ, который такимъ образомъ вторично предпринялъ путешествіе въ область ледяного плато, на этотъ разъ лучше вооруженный и подготовленный къ предстоявшимъ трудностямъ пути, почему и добился большихъ результатовъ *).

Норденшѣльдъ и въ этотъ разъ избралъ исходнымъ пунктомъ мѣстность къ югу отъ Христіансхоба, именно долину сѣвернаго рукава Фьорда Аилайтсивика (приблизительно на $68\frac{1}{2}^0$ сѣв. широты). Собственно въ странствіи по льдамъ принимали участіе, кромѣ самого Норденшѣльда, 9 человекъ—между ними два лапландца Ларсъ Туорда и Андерсъ Россе. Двинулись въ путь они 7-го іюля, въ наиболѣе теплое время года, съ цѣлью избѣжать чрезмѣрнаго пониженія температуры, столь обыкновеннаго въ области ледяного плато въ болѣе позднее время года. Но зато съ другой стороны теплая погода затрудняла передвиженіе съ санями. Черезъ 2 недѣли оказалось положительно невозможнымъ пробираться дальше съ санями, — люди на каждомъ шагу увязали въ глубокомъ рыхломъ снѣгу. Отъ границы ледяного плато было, однако, пройдено къ востоку всего около 117 километр.,

*) Упомянутая экспедиція была по счету седьмою полярною экспедиціею, всецѣло снаряженной шведскимъ богачемъ барономъ Оскаромъ Диксономъ; въ ея распоряженіи находился собственный пароходъ «Софія» и вообще она была снаряжена во всѣхъ отношеніяхъ превосходно.

и Норденшѣльдъ послалъ 22 іюля впередъ однихъ лапландцевъ на лыжахъ; остальные участники остались дожидаться ихъ. Черезъ 57 часовъ лапландцы вернулись, говоря, что побывали приблизительно за 230 километр. къ востоку отъ стоянки и достигли 1950 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Нансенъ впоследствии доказалъ, что врядъ ли они удалялись болѣе чѣмъ на 70 километр. къ востоку отъ стоянки, такъ что все пройденное въ этотъ разъ по ледяному плато шведской экспедиціей пространство равнялось приблизительно 200 километрамъ. На поворотномъ пунктѣ лапландцы видѣли передъ собою лишь ровное ледяное поле, покрытое тонкимъ рыхлымъ снѣгомъ. Обратный путь совершился безъ особенныхъ затрудненій, и 3-го августа экспедиція вернулась къ мѣсту отправленія, проведя на льду 4 недѣли.

Научные результаты этой экспедиціи, проникшей въ область ледяного плато Грѣнландіи дальше, чѣмъ какая либо изъ предыдущихъ, были очень значительны. Никакихъ оазисовъ въ этой ледяной пустынѣ найдено не было, но довольно яснымъ образомъ установлено, что страшно истресканный ледяной покровъ, по которому пришлось идти всѣмъ экспедиціямъ, долженъ былъ указывать на поясъ, окружающій самое ледяное плато. Экспедиція Норденшѣльда въ 1883 году была такимъ образомъ въ сущности единственною перевалившею черезъ упомянутый поясъ въ область плато и потому давшей сколько нибудь вѣрное представленіе о поверхности послѣдняго.

Затѣмъ, до экспедиціи Нансена была сдѣлана еще одна серьезная попытка проникнуть вглубь ледяного плато; это была экспедиція на лодкахъ, предпринятая въ 1886 г. впоследствии столь знаменитымъ арктическимъ путешественникомъ Робертомъ Пири, гражданскимъ инженеромъ американскаго флота, и датчаниномъ Хр. Майгоромъ, ассистентомъ королевскаго Датско-Грѣнландскаго Общества торговли. Пири рассчитывалъ было воспользоваться для экспедиціи грѣнландскими собаками, впряженными въ санки, но въ самую послѣднюю минуту нанятые грѣнландцы отказались сопровождать его со своими собаками и санями. Оставалось пуститься въ путь пѣшкомъ и однимъ, везя собственноручно пару легкихъ санокъ съ провіантомъ и проч., что Пири и сдѣлалъ. Чтобы облегчить себѣ возню съ санками, путешественники не взяли палатки, а только брезентъ, подъ которымъ они и спали

въ пути, защищая себя отъ вѣтра санями; случалось также, что они устраивали себѣ убѣжище и изъ снѣгу. Путешественники выступили въ походъ 28 іюня и шли, преодолевая тысячи трудностей, вызываемыхъ непогодой, до 19 іюля, пройдя за это время приблизительно 160 километровъ, и достигли 2400 метр, высоты надъ уровнемъ моря. Взятые ими съ собой лыжи и коньки очень пригодились имъ во время пути, такъ какъ ледяная поверхность, за исключеніемъ ближайшаго отъ границы ледяного плато пространства, была ровна и покрыта твердымъ, сухимъ снѣгомъ,—температура по ночамъ (они шли именно ночью, а днемъ отдыхали) большей частью держалась ниже нуля. На обратномъ пути путешественники связали санки вмѣстѣ, поставили брезентъ вмѣсто паруса, и неслись такимъ образомъ по вѣтру трое первыхъ сутокъ, сдѣлавъ около 25 географическихъ миль. Вернулись же они на мѣсто отправленія 24 іюля утромъ послѣ 23 дневнаго путешествія по льду.

Ни одна изъ предшествовавшихъ экспедицій не была снаряжена такъ скромно, не обошлась такъ дешево и сообразно съ своимъ снаряженіемъ и стоимостью не оправдала себя больше, чѣмъ эта первая экспедиція Пири, въ высшей степени заслуживающая уваженія, какъ по своему плану, такъ и по выполненію.

Ледниковый періодъ.

Крестьянамъ, обитателямъ сѣвера, приходится во время полевыхъ работъ бороться съ обиліемъ камней на пахотной землѣ, достигающихъ иной разъ такой величины, что ихъ и убрать нельзя; попадаются, напримѣръ, глыбы величиной съ домъ,—приходится обходить ихъ плугомъ. Если присмотрѣться къ этимъ глыбамъ внимательнѣе, то во многихъ случаяхъ окажется, что онѣ сильно рознятся отъ мѣстныхъ породъ, хотя зачастую находятся на самой почвѣ мѣстныхъ скалъ.

Изъ этого можно заключить, что эти камни — иноземные гости, которые и слывутъ съ давнихъ поръ, когда еще не было извѣстно ихъ происхожденіе, странствующими глыбами.

Изученіе движенія странствующихъ глыбъ вело мало по малу также къ изученію движенія крупныхъ песковъ и рыхлыхъ земляныхъ слоевъ вообще, и, благодаря такому изученію, установлено, что низменности сѣверной Россіи, особенно Остзейскій край, усѣяны массами глыбъ финскихъ горныхъ породъ; датскіе острова и низменности сѣверной Германіи — массами шведскихъ горныхъ породъ и сѣверная часть Ютландіи, сѣверо-западная часть Германіи, Голландія и даже восточный берегъ Англіи — массами норвежскихъ горныхъ породъ.

Можно пойти еще дальше и сказать, что вся низменность сѣверо-европейской равнины, со всѣми ея различными породами песковъ и глинистыхъ слоевъ, на самомъ дѣлѣ построена по большей части на фундаментѣ изъ породъ, когда-то перемѣщенныхъ туда изъ Финляндіи и со Скандинавскаго полуострова; плодородная датская почва является слѣдовательно дѣтищемъ шведско-норвежской, и преданіе о дѣвѣ Гефіонѣ, перенесшей

Зеландію съ того мѣста, гдѣ теперь находится озеро Веннернъ, такимъ образомъ, несовсѣмъ лишено смысла.

Какая же сила перемѣстила всѣ эти массы камней и песковъ и разсѣяла ихъ по низменнымъ равнинамъ?

Народная фантазія представляла себѣ эту силу въ видѣ троллей и великановъ, забавлявшихся перебрасываніемъ подобныхъ глыбъ; въ наше время извѣстно, что троллями и великанами этими была въ данномъ случаѣ сама природа.

Въ то время, какъ наука только что начала заниматься разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, сложилось предположеніе, что силой, перемѣщавшей въ низменности тяжелыя странствующія глыбы, огромныя массы песку, камней и земли, должна была быть вода, страшный всемірный потопъ, разлившійся по горамъ и долинамъ и унесшій съ горъ эти массы камней и песку. Согласно данному предположенію, сами геологи дали подобнаго рода поч-

веннымъ наслоеніямъ названіе „Diluvium“ (отъ латинскаго слова, означ.—потопъ), часто примѣняемое и понынѣ.

Затѣмъ, стали связывать происхожденіе песчаныхъ и землистыхъ наслоеній низменностей съ доказаннымъ наукой фактомъ, что Скандинавскій полуостровъ былъ когда-то покрытъ

льдомъ на подобіе теперешней Грѣнландіи, и утверждать, что странствующія глыбы и слои песку были перенесены изъ Скандинавіи въ низменности Европы посредствомъ пловучаго льда и ледяныхъ горъ, скатившихся въ норвежскіе и шведскіе фьорды. Нагруженные камнями и пескомъ ледяныя поля и горы носились-де затѣмъ надъ низменными частями сѣверной Европы, которая въ то время, какъ предполагалось, находилась подъ водой, и мало-по-малу тая, отлагали песокъ и камни на дно, подобно тому, какъ нынѣ пловучія ледяныя скалы, сползающія съ ледяного плато Грѣнландіи, отлагаютъ свои пески и камни на дно моря между Грѣнландіей и отмелями Ньюфундлендскихъ острововъ.

Теперь извѣстно, что и это разъясненіе, раздѣляемое многими до сихъ поръ, служитъ лишь крайне неудовлетворительнымъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи почвы низменностей сѣверной Европы, и что единственнымъ правдоподобнымъ объясненіемъ этого вопроса можетъ послужить предположеніе, что странствующія глыбы перемѣщены посредствомъ ледниковаго льда. Самое мѣстонахожденіе такихъ глыбъ въ настоящее время вполне ясно доказываетъ, что поверхность Европы была нѣкогда покрыта ледниковымъ льдомъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь нѣтъ и помину о ледникахъ.

Уже въ концѣ 50-хъ годовъ, геологи неопровержимо доказали, что и скалистая почва Скандинавскаго полуострова была нѣкогда покрыта сплошнымъ ледянымъ покровомъ, материковымъ льдомъ, и это вполне подтвердилось новѣйшими изслѣдованіями Грѣнландіи. Повсюду въ Норвегіи, Швеціи и Финляндіи встрѣчаются такія же истертыя льдомъ скалы (*roches moutonnées*), какія есть въ низменной части береговой полосы Грѣнландіи. Геологическое изученіе норвежскихъ долинъ и скалъ, скандинавскихъ фьордовъ и шхеръ также мало по малу открыло намъ условія, совершенно аналогичныя съ грѣнландскими, и во всякомъ случаѣ разъяснимыя лишь предположеніемъ, что вся Скандинавія была нѣкогда покрыта огромною толщей такого-же материковаго льда, какимъ покрыта въ настоящее время Грѣнландія.

Съ данной точки зрѣнія почвенныя условія сѣверной Европы и Грѣнландіи казались тождественными, но съ начала 80-хъ го-

довъ (или вѣрнѣе еще въ 70-хъ) изслѣдованія неопровержимо доказали, что нельзя остановиться и на такомъ взглядѣ. Благодаря трудамъ шведскихъ геологовъ, особенно-же проф. Торелля, доказано, что европейскій материковый ледъ не ограничивался подобно грѣнландскому, окруженному свободною ото льда береговою полосою, территоріей скалистаго Скандинавскаго полуострова. Напротивъ, на основаніи изслѣдованій послѣднихъ 25 лѣтъ, можно считать вполне несомнѣннымъ, что огромные песчаные слои, покрывающіе нынѣ всѣ сѣверо-европейскія низменности и отчасти скрывающіе твердую скалистую почву ихъ, отложены сплошной ледяной корою, облакавшею нѣкогда всю сѣверную Европу.

Здѣсь мы встрѣчаемся, слѣдовательно, съ условіями, куда болѣе грандіозными, нежели наблюдаемыя нынѣ въ Грѣнландіи, и если теперь искать, съ чѣмъ сравнить исчезнувшія геологическія условія сѣверной Европы, то вѣрнѣе всего, пожалуй, будетъ обратить взоръ на южный полюсъ—если только вѣрна гипотеза Муррея, что тамъ, гдѣ прежде предполагалось море, скорѣе всего высится огромный щитъ льда, покрывающій материкъ пространствомъ отъ 10 до 12 милліоновъ кв. километровъ.

Такимъ-же щитомъ покрывалъ нѣкогда въ періодъ своего могущества материковый ледъ всю сѣверную Европу; предположительно толщина его надъ Скандинавіей равнялась по меньшей мѣрѣ тысячѣ или, пожалуй, вѣрнѣе двумъ тысячамъ метровъ; отсюда ледяная кора шла на западъ, на югъ и на востокъ, покрывая сплошь главнымъ образомъ Нѣмецкое море, Шотландію, большую часть Англіи и Ирландіи, уходила далеко въ Атлантическій океанъ, затѣмъ распространялась надъ Голландіей, Сѣверной Германіей и Даніей, Балтійскимъ моремъ, Ботническимъ заливомъ и Остзейскими провинціями, уходя далеко въ степныя области Россіи. Толщина ледяной коры, уменьшаясь по направленію къ югу, должна была, все-таки, на широтѣ нынѣшняго Берлина достигать приблизительно 400 метровъ.

Граница мощной ледяной коры пересѣкала южную часть Англіи, сѣверную часть Бельгіи, Гарцъ, сѣверную часть Рудныхъ горъ и Карпатъ, затѣмъ шла на сѣверъ отъ Лемберга въ Галицію, проходила южнѣе Кіева, значительно южнѣе западнаго берега Волги, и шла ломаной линіей на западъ отъ рѣки Камы

и оттуда на сѣверъ къ Ледовитому океану. Отдѣльная область льда въ Тиманскихъ горахъ и въ сѣверной части Урала находилась, можетъ быть, въ связи съ этой ледяной корой.

Пространство-же, охваченное послѣднею, приходится, вѣроятно, опредѣлить, по меньшей мѣрѣ, въ 5 милліоновъ кв. километровъ.

Кромѣ того, въ сѣверной Европѣ находились и обширныя мѣстныя пространства ледяной коры: на Исполиновыхъ горахъ, Юрѣ, Вогезахъ, Шварцвальдѣ, Кавказѣ, Пиринеяхъ и др.

Но еще болѣе величественнымъ, нежели въ Европѣ, представлялось по Шамберлену пространство материковаго льда въ Сѣверной Америкѣ. Лаврентьевскій материковый ледъ покрывалъ здѣсь $\frac{5}{6}$ восточной части Канады, затѣмъ почти сплошь 16 изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ штатовъ, спускаясь на востокъ южнѣе Нью-Йорка, а въ срединѣ материка и еще южнѣе (въ Иллинойсѣ вплоть до $37^{\circ} 35'$ с. ш.).

Другое отдѣльное пространство, покрытое сплошной ледяной корой, тянулось на западъ отъ Лаврентьевскаго плато черезъ обширныя пространства Сѣверо-американскихъ Кордильеръ, почти отъ 48° с. ш., и на сѣверъ къ Ледовитому океану, сливаясь здѣсь, какъ предполагаютъ, съ материковымъ льдомъ Лаврентьевскаго плато.

Существуетъ любопытное и довольно распространенное предположеніе, будто Аляска не была покрыта материковымъ льдомъ.

Кромѣ двухъ обширныхъ областей материковаго льда—Лаврентьевской и Кордильерской, раздѣленныхъ, какъ предполагается, на югѣ свободной ото льда полосой, въ сѣверной Америкѣ, какъ и въ Европѣ, находились также большія мѣстныя области ледниковъ, особенно-же въ горныхъ странахъ, на югѣ отъ материковаго льда Кордильеръ. Общая площадь покрытыхъ въ тѣ времена материковымъ льдомъ пространствъ Сѣверной Америки равнялась слишкомъ 10 милліонамъ кв. километровъ, т. е. почти соотвѣтствовала нынѣшней ледяной пустынѣ (по расчетамъ Муррея) южнаго полюса.

Въ сѣверной Азіи прежде не находили достовѣрныхъ остатковъ значительнаго распространенія ледяного покрова; въ послѣдніе-же годы баронъ ф. Толь нашелъ у Анабарскаго залива

и на Ново-Сибирскихъ островахъ слѣды, доказывающіе вѣроятное существованіе здѣсь довольно обширнаго по пространству, хотя и не особенно мощнаго, материковаго льда. Баронъ Толь предполагаетъ, что полярныя страны въ тѣ времена занимали болѣе возвышенное положеніе надъ уровнемъ моря—достаточно возвышенное для наслоенія обширнаго ледяного покрова; послѣ же ледниковаго періода страны эти по большей части опустились въ море, и рядъ острововъ, расположенныхъ нынѣ на сѣверѣ отъ азіатскаго материка (Ново-Сибирскіе острова и пр.), является такимъ образомъ лишь остатками погрузившагося въ море полярнаго материка.

Въ морѣ между Европой и Америкой находились мѣстныя пространства ледяной коры надъ Фарѣрскими островами и Исландіей. Грѣнландія, сохраняющая и теперь свой материковый ледъ, который занимаетъ приблизительно площадь въ $1\frac{1}{2}$ милліона км., была тогда покрыта льдомъ въ значительно бѣльшей степени, если не сплошь. Предполагаютъ, что грѣнландскій материковый ледъ находился посредствомъ Эллесмеровою и Гринеллевою земель въ связи съ Лаврентьевскимъ материковымъ льдомъ, но это мало вѣроятно. Если, какъ предполагаетъ баронъ Толь, въ ту эпоху существовалъ полярный материкъ съ материковымъ льдомъ, тянувшимся черезъ сѣверную Сибирь, то можно допустить, что этотъ полярный материковый ледъ доходилъ и до сѣверной Грѣнландіи, непосредственно примыкая къ материковому льду этой страны. За неимѣніемъ данныхъ, нельзя, однако, составить себѣ объ этомъ опредѣленнаго мнѣнія.

Да, удивительную картину долженъ былъ представлять въ тѣ времена сѣверъ Европы и Америки. Вообще принято полагать, что Скандинавія и обширныя области сѣверной Америки были въ ту эпоху во всякомъ случаѣ значительно болѣе приподняты надъ уровнемъ моря, нежели теперь, что и способствовало образованію огромныхъ ледяныхъ покрововъ. Безусловно же вѣрно то, что въ тѣ времена по всей сѣверной части Атлантическаго океана уже отъ широты Нью-Йорка, или со стороны Европы—отъ южныхъ береговъ Англіи, или отъ моря—на западъ отъ Ирландіи и къ сѣверу, тянулась сплошная въ сто метровъ высоты, или еще того выше, ледяная стѣна, отъ которой безпрестанно отрывались огромныя ледяныя горы, уносившіяся оттуда

къ морю, точь точь какъ теперь отъ ледника Гумбольдта, въ Грѣнландіи. Ледяная стѣна эта должна была тянуться безъ перерыва вплоть до Ледовитаго океана, гдѣ сливалась съ краемъ материковаго льда полярныхъ странъ.

Внутри-же ледяной оградѣ высилось похожее на выпуклый щитъ безконечное, безжизненное ледяное и снѣжное поле, тянувшееся отъ Ирландіи къ Уралу и, можетъ быть, еще дальше на востокъ, и отъ Ледовитаго океана до подножія Карпатскихъ горъ.

Климатъ внѣ этой ледяной пустыни соотвѣтствовалъ нынѣшнему климату Шпицбергена. Во Франціи, средней Европѣ и Венгріи водились тогда сѣверный олень, полярная лисица, мускусый быкъ и другіе виды арктической фауны, вмѣстѣ съ покрытымъ шерстью носорогомъ (*Rhinoceros thichorhinus*) и мамонтомъ — слономъ ледниковаго періода (*Elephas primigenius*), значительно превышающимъ ростомъ теперешніе виды слоновъ и также покрытымъ толстой длинношерстной шкурой, которая защищала его отъ морозовъ. Растительность этихъ странъ, принадлежащихъ теперь по климату къ умѣренному и теплomu поясу, изобилующихъ виноградомъ и грецкимъ орѣхомъ, ограничивалась тогда тѣми-же низкорослыми кустами, березками-карлицами и прочими арктическими растеніями, встрѣчающимися и теперь по берегамъ Ледовитаго океана.

Даже въ такихъ южныхъ странахъ, какъ Италія, господствовалъ, какъ это видно изъ сохранившихся тамъ остатковъ фауны и флоры, рѣзкій холодный климатъ, а въ Средиземномъ морѣ обиталъ цѣлый рядъ животныхъ, которыхъ теперь находятъ только гораздо ближе къ сѣверу.

Въ юго-восточной части Европы находилось во времена господства материковаго льда обширное Арало-Каспійское море, простиравшееся одной губой вплоть до Казани, а другой далеко вглубь Азіи, и соединенное съ Азовскимъ и Чернымъ морями. Теперешніе Каспійское море и Аральское озеро являются остатками этого обширнаго моря и заключаетъ еще и понынѣ виды фауны того времени, когда огромное Арало-Каспійское море содержало соленую воду.

Внутри Азіи, даже далеко на югѣ, климатъ былъ и дождливымъ и сырымъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь пустыня Гоби и

бассейнъ Тарима, находилось огромное внутреннее море, почти такой-же величины, какъ Средиземное, а вершины Гималайскихъ и другихъ азіатскихъ горъ стояли покрытыя льдомъ.

И даже въ такой южной странѣ, какъ Африка, климатъ по всей вѣроятности былъ сырымъ и дождливымъ, и большія пространства теперешней Сахары и ея окрестностей также были заняты въ ту эпоху обширнымъ внутреннимъ моремъ.

Тоже самое, что въ Европѣ, было и въ Америкѣ. И тамъ внѣ области льдовъ господствовалъ тотъ-же сырой и холодный климатъ, и тамъ — во всякомъ случаѣ въ извѣстное время этой эпохи — находился цѣлый рядъ озеръ, напр., озеро Бонневиль (около 600 км. въ длину), послѣднимъ остаткомъ котораго можно считать Большое соленое озеро въ Ютахѣ, Лагонтанъ въ сѣверо-восточной Невадѣ и др.

На основаніи изслѣдованій послѣднихъ десятилѣтій можно почти съ увѣренностью заключить, что кромѣ *одного* извѣстнаго ледниковаго періода между третичной эпохой и нашими временами было еще нѣсколько, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, даже цѣлый рядъ такихъ ледниковыхъ періодовъ.

Безусловно-же вѣрно то, что послѣ періода упомянутаго господства материковаго льда въ сѣверныхъ частяхъ Европы, Америки, Азіи и въ полярныхъ странахъ, наступилъ періодъ болѣе умѣренныхъ климатическихъ условій, когда ледяные покровы мало по малу растаяли, и область льдовъ отступила къ сѣверу — на сколько не извѣстно, но во всякомъ случаѣ установлено, что вся сѣверо-европейская низменность была свободна ото льда; кромѣ того, многіе держатся мнѣнія, что ледяная кора совершенно исчезла въ Скандинавіи, между тѣмъ какъ другіе полагаютъ, что она исчезла только въ южной ея части. Довольно вѣроятно, однако, что почва Скандинавіи вмѣстѣ съ этими измѣненіями нѣсколько опустилась. Найденныя въ средней Европѣ геологическія отложенія того времени ясно доказываютъ, что климатъ въ ней по исчезновеніи ледяной коры сталъ совершенно мягкимъ и теплымъ, что сопровождалось появленіемъ всевозможныхъ видовъ южной флоры и фауны въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде ледяная кора исключала всякую жизнь. Земля покрылась лѣсами растущихъ и по нынѣ въ Англіи и средней и южной Европѣ лиственныхъ деревьевъ; съ юга стали переселяться

сюда бегемоты, носороги, слоны (*Elephas antiquus*). Африка была въ то время, по всей вѣроятности, соединена черезъ Пантеларію и Сицилію съ Европой перешейкомъ, по которому эти виды южной фауны и нашли себѣ дорогу на европейскій материкъ, а также по перешейку черезъ Па-де-Калэ въ Англію. Среди этихъ видовъ южной фауны находились исполинскій олень, дикій зубръ и другіе теперь вымершіе животные. Все свидѣтельствуешь о томъ, что климатъ Европы былъ тогда очень теплымъ, можетъ быть, даже теплѣе нежели теперь. Такія-же климатическія условія господствовали и въ Америкѣ; но затѣмъ климатъ снова измѣнился, становясь все холоднѣе и холоднѣе, и вотъ, со скандинавскихъ скалъ снова сталъ надвигаться огромный ледяной покровъ на все Нѣмецкое и Балтійское моря и на всю сѣверную Европу. Это было вторичнымъ періодомъ господства материковаго льда, но на этотъ разъ ледяной покровъ не распространялся такъ далеко на югъ, какъ въ первый. Границы ледяной коры въ этотъ второй періодъ не вполне точно опредѣлены, но вообще предполагаютъ, что на этотъ разъ почти вся Англія находилась внѣ области материковаго льда, границы котораго протянулись по Европѣ дугою отъ Гамбурга, нѣсколько южнѣе Берлина и дальше къ Варшавѣ, восточнѣе Петербурга и западнѣе Архангельска до самаго Бѣлаго моря.

Распространеніе ледяного покрова сопровождалось, конечно, сильнымъ пониженіемъ температуры въ средней Европѣ и увеличеніемъ влажности воздуха, и по ея равнинамъ снова стали бродить сѣверный олень и другія сѣверныя породы животныхъ, снова исчезли высокіе густые лѣса и на мѣстѣ ихъ остались только береза-карлица да низкорослый ивнякъ.

То-же явленіе наблюдалось во вторичный періодъ господства материковаго льда и въ Америкѣ: и здѣсь, какъ въ Европѣ, область льдовъ не такъ далеко простиралась на югъ, какъ въ первый періодъ.

Итакъ, въ Европѣ и Америкѣ доказано теперь существованіе двухъ ледниковыхъ періодовъ, а для средней Европы также промежуточнаго теплаго.

Каждый изъ этихъ ледниковыхъ періодовъ и промежуточный теплый продолжался, безъ сомнѣнія, тысячелѣтія, если не десятки тысячелѣтій. Сопровождающія смѣну періодовъ измѣне-

нія климатическихъ условій сопровождались, какъ уже упомянуто, соответственными измѣненіями фауны и флоры, которыя должны были происходить постепенно и незамѣтно въ теченіи этихъ тысячелѣтій. Благодаря разрѣзамъ глинистыхъ и песчаныхъ слоевъ, обнаженныхъ или вліяніемъ воды (рѣками и водопадами), или во время работъ по проложенію дорогъ, геологамъ удалось съ годами собрать такой богатый матеріалъ, по которому можно прочесть, какъ по книгѣ, всю исторію нашей земли въ различные періоды. Пласты эти служатъ для геологовъ какъ-бы пергаментами и папирусными свитками съ письменами, по которымъ геологи истолковываютъ, между прочимъ, и исторію ледниковыхъ періодовъ.

Подобно тому, какъ странствующія глыбы сами часто говорятъ о своемъ происхожденіи, такъ и песчаные пласты въ средней Европѣ часто объявляютъ себя моренами — частью конечными моренами, т. е. навалами, образовавшимися у краевъ ледника или материковаго льда, отчасти поддонными моренами, т. е. такими пластами, которые, какъ показываетъ опытъ, могли образоваться лишь подъ давленіемъ мощной ледяной коры.

На основаніи того, что въ средней Европѣ среди песковъ поддонныхъ моренъ часто встрѣчаются слои, заключающіе кости полярныхъ лисицъ, сѣверныхъ оленей, мускусныхъ быковъ, россомахъ, горностаевъ, полярныхъ зайцевъ, снѣжныхъ филиновъ, и другихъ животныхъ, которыя встрѣчаются нынѣ массами въ лѣтніе мѣсяцы въ сибирскихъ тундрахъ, а въ конечныхъ моренахъ — остатки флоры, встрѣчаемой нынѣ въ сѣверныхъ окраинахъ Сибири или у Ледовитаго океана, можно заключить, что почва, послѣ того, какъ материковый ледъ, отложивъ морены, мало по малу удалился изъ средней Европы на Сѣверъ, постепенно превратилась въ тундру. Но затѣмъ оказывается, что въ другихъ слояхъ, образовавшихся *надъ* только что упомянутыми моренами, находятся остатки богатой, чисто степной фауны, какъ-то, прыгуновъ, хомяковъ, сайгъ, антилопъ, дикихъ степныхъ лошадей, львовъ, различныхъ грызуновъ, степныхъ куръ, дрохвъ и т. д. и вмѣстѣ съ ними остатки мамонтовъ. На основаніи этого, и согласно изслѣдованіямъ Неринга, можно съ увѣренностью сказать, что за періодомъ (климатическимъ) тундры послѣдовалъ въ средней Европѣ періодъ, когда почва представ-

ляла весной покрывавшуюся травой степь, лѣтомъ сухую песчаную равнину, гдѣ свирѣствовали смерчи, а зимой снѣжную пустыню, гдѣ свирѣствовали бураны, словомъ, подобіе нынѣшнихъ азіатскихъ степей съ ихъ флорой и фауной.

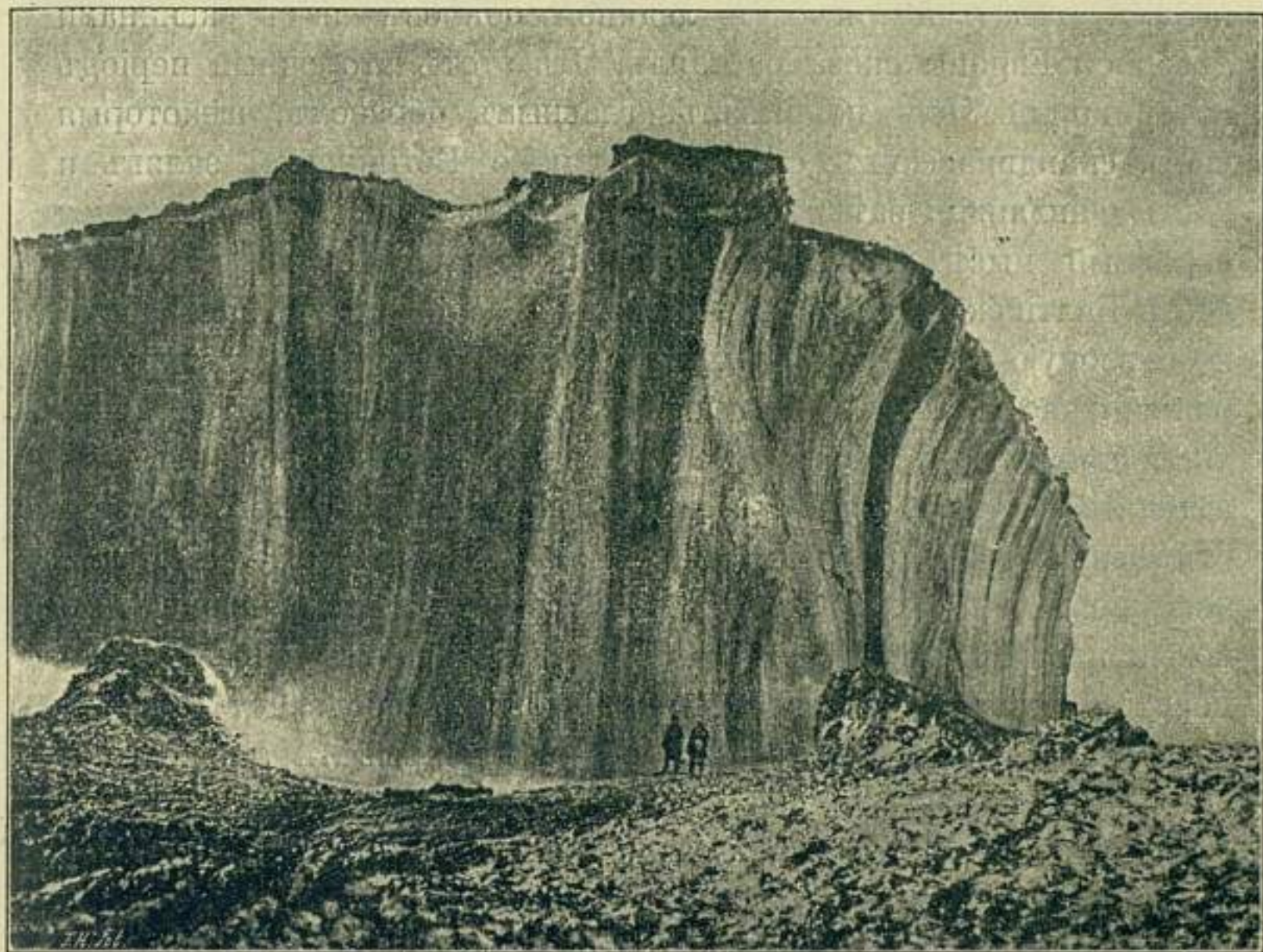
И только послѣ этого періода, климатъ началъ дѣлаться все мягче и мягче, а земля покрываться богатой лѣсной растительностью, что сопровождалось и удаленіемъ степныхъ животныхъ въглубь Азіи и появленіемъ на ихъ мѣстѣ лѣсныхъ. Такимъ образомъ земные пласты сами показываютъ своими составными частями и остатками флоры и фауны весь ходъ геологическихъ и климатическихъ измѣненій земного шара.

Изъ остатковъ исчезнувшей фауны наибольшій интересъ представляютъ остатки знаменитыхъ сибирскихъ мамонтовъ. Въ сѣверной Сибири уже неоднократно находили цѣлые трупы этого слона ледниковаго періода, трупы съ вполне сохранившейся кожей, съ мозгомъ въ большихъ мозговыхъ костяхъ, съ остатками пищи (еловыя шишки) въ желудкѣ. Трудами различныхъ снаряженныхъ С.-Петербургской Академіей Наукъ экспедицій, подъ начальствомъ ф. Бэра, ф. Шмидта и въ послѣднее время ф. Толя, собранъ богатый матеріалъ для освѣщенія тѣхъ условій, при которыхъ водился мамонтъ. Баронъ Толь нашелъ въ различныхъ мѣстахъ на берегахъ Сибири у Ледовитаго океана, особенно-же на Ново-Сибирскихъ островахъ, обширные слои мертваго каменнаго льда, которые, по его мнѣнію, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ остатками материковаго льда, простиравшагося надъ частью сѣверной Азіи и далѣе къ полюсу, считая при этомъ Ново Сибирскіе и др. острова остатками обширнаго связаннаго нѣкогда съ Азіею полярнаго материка. На крутыхъ обрывахъ этого каменнаго льда, достигающаго, напр., на одномъ изъ Ляховскихъ острововъ высоты въ 23 метра, находятся слои замерзшаго песку, ила и торфа съ многочисленными остатками растительности — ивы и ольхи. Если, слѣдовательно, мнѣніе барона Толя, относительно образованія каменнаго льда, справедливо, то на берегахъ Ледовитаго океана, на широтѣ 74°, ледниковый періодъ смѣнился такимъ, во время котораго мѣстности эти были покрыты материковымъ льдомъ лишь отчасти и климатъ былъ настолько теплымъ, что на тонкомъ земляномъ слоѣ, покрывшемъ каменный ледъ, могли произрастать ольха и ива,

но съ другой стороны не на столько теплымъ, чтобы ледъ растаялъ весь. Въ настоящее время сѣверная граница этой растительности пролегаетъ въ упомянутой мѣстности на 4° (около 450 км.) южнѣе.

Такъ вотъ среди какой растительности жили нѣкогда мамонтъ, косматый носорогъ, мускусный быкъ и многіе другіе виды животныхъ, свойственные полярнымъ странамъ; погибшія такъ

Каменный ледъ.

или иначе въ то время животныя — настигнутые бураномъ или упавшія въ расщелины каменнаго льда, наполнявшіяся затѣмъ снѣгомъ или льдомъ, сохранились до нашихъ дней, благодаря сильнымъ холодамъ, заморозившимъ ихъ.

Мамонтъ заходилъ и на сѣверъ Скандинавіи, о чемъ свидѣтельствуется, напримѣръ, найденный въ долинѣ Гульдбрандъ небольшой мамонтовый зубъ. Теперь и мамонтъ и косматый носорогъ вымерли, между тѣмъ, какъ ихъ современникъ, мускусный

быкъ, влачить еще, точно привидѣніе ледниковаго періода, жалкое существованіе въ самыхъ недоступныхъ мѣстностяхъ сѣверной Грѣнландіи, Гриннелевой земли и пр.

Упомянутое выше вторичное обширное распространеніе материковаго льда оставило слѣды въ видѣ моренныхъ холмовъ, придающихъ — напримѣръ, части Бранденбурга — особый отпечатокъ.

Послѣ этого вторичнаго періода холодовъ климатъ снова началъ дѣлаться мягче, и ледяной покровъ надъ равнинами сѣверной Европы снова растаялъ. Въ этотъ вторичный періодъ материковый ледъ покрывалъ, главнымъ образомъ, нѣкоторыя части скандинавскихъ странъ, а также Ботническій заливъ и часть Финляндіи; затѣмъ на югъ отъ этихъ странъ выдавался огромный мысъ материковаго льда, который заполнялъ всю часть Балтійскаго моря, омывающую теперь южную часть Даніи и сѣверную часть Германіи, покрывалъ низменность Скониі (южная часть Швеціи), датскіе острова, восточную часть Ютландіи и сѣверную Германію, останавливаясь къ сѣверу отъ нынѣшняго Берлина. Въ Норвегіи, границы этого ледяного покрова отмѣчены рядомъ мощныхъ моренъ, извѣстныхъ подъ мѣстнымъ названіемъ „Raer“. Оказывается, что въ этотъ вторичный ледниковый періодъ (изученный въ Швеціи, главнымъ образомъ де-Геромъ) большая часть Скандинавіи была свободна отъ материковаго льда, такъ какъ въ Швеціи онъ покрывалъ только Сконию, въ Норвегіи-же вся береговая полоса за моренами въ Ярлсбергѣ, на Листерѣ и Едернѣ была свободна отъ льда.

По всему видно, что уровень Скандинавіи надъ моремъ въ тѣ времена былъ на нѣсколько сотъ метровъ ниже, нежели въ наше время. Это, между прочимъ, видно изъ того, что морены оказываются надъ моремъ. Море, во время медленнаго таянія материковаго льда и постепеннаго удаленія границъ ледяного покрова на сѣверъ, заходило далеко въ нынѣшнія долины, а тогдашніе фьорды, и тутъ отлагало слои глины съ раковинами, (напр. небольшія раковины *Yoldia arctica*), которыя теперь находятъ только въ такихъ мѣстахъ Ледовитаго океана, гдѣ температура колеблется между 0° и -2° (Torell). Одновременно съ этой древнѣйшей ледниковой глиной, являющейся самымъ нижнимъ изъ сохранившихся въ Норвегіи и Швеціи слоевъ, отло-

женныхъ въ соленой водѣ, были отложены также вдоль тогдашнихъ береговъ мели изъ раковинъ, и изъ раковинныхъ скорлупъ, выброшенныхъ соленымъ моремъ, что говоритъ объ арктическомъ климатѣ. Теперь, какъ эти глинистые слои, такъ и арктическія мели изъ раковинъ подняты, вслѣдствіе упомянутаго уже поднятія почвы страны, на нѣсколько метровъ выше нынѣшняго уровня моря. По мѣрѣ того, какъ границы материковаго покрова удалялись все дальше и дальше на сѣверъ, и климатъ становился все мягче, и самая почва Скандинавіи подымалась изъ моря все больше и больше.

Распределеніе суши и воды въ Сѣверной Европѣ также было совсѣмъ инымъ, нежели теперь. Такъ, напр., въ послѣдовавшее за вторичнымъ ледниковымъ періодомъ время Швеція, по всей вѣроятности, была соединена съ Германіей посредствомъ Сконіи, Зеландіи и другихъ острововъ, между тѣмъ, какъ Сѣверное море было соединено съ озерами Венерномъ, Веттерномъ и дальше черезъ Нерике съ Балтійскимъ моремъ, которое, въ свою очередь, было, пожалуй, соединено черезъ Ладожское и Онежское озера, съ Бѣлымъ моремъ. По крайней мѣрѣ, озера Веттернъ, Венернъ, Мьесенъ и другія до сихъ поръ отличаются фауной соленыхъ водъ, свыкшейся мало по малу съ прѣсной водой (виды, указанные С. Ловеномъ, Г. Сарсомъ и друг.). Тюлень, водящійся въ Балтійскомъ морѣ, также является, пожалуй, однимъ изъ такихъ видовъ, остатковъ съ тѣхъ древнихъ временъ, когда Балтійское море было соединено съ Бѣлымъ моремъ.

По мѣрѣ того, какъ материковый ледъ отступалъ на сѣверъ, почва, освобожденная отъ ледяной коры, покрывалась растительностью. Въ началѣ климатъ былъ настолько холоднымъ, что могли произрастать только чисто арктическіе виды флоры, какъ *Salix polaris*, видъ крошечной ивы, и красивый *Dryas octopetala*, которыя оба вмѣстѣ съ другими арктическими растеніями найдены въ глинистыхъ слояхъ, сперва (1870 г.) въ Сконіи и на датскихъ островахъ, затѣмъ въ массахъ, въ странахъ, идущихъ къ югу отъ Балтійскаго моря (вплоть до Саксоніи). По мѣрѣ поднятія почвы, климатъ южной части Скандинавіи становился все мягче и мягче. Арктическую растительность „*salix polaris*, *dryas*“, бывшую, какъ указываетъ датскій ученый I. Стенstrupъ,

первымъ растительнымъ покровомъ Даніи на рубежѣ между ледниковымъ періодомъ и смѣнившимъ его, вытѣснили съ теченіемъ времени низкіе кустарники, лѣсныя болота съ осиною и другими растеніями, указывающими на болѣе мягкій климатъ, а эти, въ свою очередь, уступили мѣсто видамъ флоры, свойственной еще болѣе мягкому климату *). За флорой слѣдовала и фауна, нѣкоторыя виды которой совершенно исчезли теперь въ Даніи и Сконіи. (Такъ въ торфяныхъ болотахъ Сконіи находятъ остатки зубра, мускуснаго быка, черепахи и т. п. животныхъ того времени).

Въ южной части Скандинавіи почва поднялась даже гораздо выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ находится теперь. По предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, часть сѣверной Европы поднялась тогда настолько, что большая часть Сѣвернаго моря высохла, и возникло сухопутное сообщеніе между Норвегіей и Англіей съ одной стороны, и Англіей и Франціей съ другой. Безусловно-же вѣрно то, (на что настоятельно и указываетъ шведскій геологъ Г. Мунте), что вслѣдъ за растаяніемъ ледяной коры, покрывавшей Балтійское море, послѣдовало время, когда послѣднее было огромнымъ сплошнымъ прѣсноводнымъ озеромъ (съ *Ancylus*), уровень котораго превышалъ теперешній его уровень приблизительно на 85 метровъ (наивысшая точка Готланда—Фальдингбо находится теперь на высотѣ 77 метровъ надъ уровнемъ моря), и границы котораго заходили далеко на западъ за Веттернъ и на востокъ за Ладожское озеро. Вдоль береговъ этого огромнаго прѣсноводнаго озера водилось множество прѣсноводныхъ раковинъ (*Ancylus fluviatilis*, *Limnea ovata* и проч.), остатки которыхъ находятъ во многихъ мѣстахъ въ слояхъ прѣсноводной глины по всѣмъ побережьямъ Балтійскаго моря, находящимся теперь выше уровня воды. Балтійское море, вѣроятно, спускало тогда свои воды черезъ рѣку, которая—во всякомъ случаѣ нѣкоторое время этого періода—протекала черезъ Зундъ въ Каттегатъ.

*) Стенструпъ отмѣчаетъ въ Даніи съ окончанія ледяного періода до настоящаго времени слѣдующія три степени развитія флоры: 1) горную флору, переходящую въ мелкіе кустарники и затѣмъ въ растительность лѣсныхъ болотъ и въ осинникъ, 2) сосновую и 3) дубовую и (нынѣшнюю) буковую.

Періодъ этотъ и называется періодомъ анцилусоваго озера.

Но затѣмъ почва опять стала понижаться, по крайней мѣрѣ по южнымъ побережьямъ Балтійскаго моря и вокругъ Каттегата, Балтійское море снова стало соленоводнымъ моремъ, болѣе соленымъ, чѣмъ теперь (что доказывается находеніемъ въ немъ морскихъ раковинъ *Littorina* и другихъ животныхъ, живущихъ въ болѣе соленой водѣ). Ладожское озеро являлось заливомъ этого моря, носившаго имя литориноваго. Климатъ Скандинавіи въ это время былъ, по всей вѣроятности, значительно мягче, нежели теперь, что доказывается, напр., находеніемъ орѣховъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь орѣшникъ произрастать не можетъ, а также такихъ раковинъ, въ глинистыхъ слояхъ и меляхъ, которыя теперь водятся лишь въ болѣе теплыхъ моряхъ (напр., *Tapes decussata*).

Съ того времени почва Скандинавіи непрерывно поднимается; но климатъ тѣмъ не менѣе сталъ холоднѣе (что показываютъ также изслѣдованія А. Блитти и др., высоколежащія норвежскія торфяныя болота съ сосновыми стволами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не растетъ больше сосна), чѣмъ въ то время, когда около побережій Балтійскаго моря водились упомянутыя морскія раковины.

Какъ ни интересно было-бы прослѣдить весь рядъ климатическихъ и почвенныхъ измѣненій Европы вплоть до новѣйшаго времени, приходится отказаться отъ этой мысли, такъ какъ размѣры данной статьи не позволяютъ вдаваться въ такія подробности. Многіе стоятъ за то, что климатъ становился арктическимъ дважды послѣ періода Балтійскаго ледяного теченія, причемъ каждый разъ высоколежащія мѣста Скандинавіи покрывались льдомъ, а также, что два эти періода мѣстнаго распространенія льда раздѣлялъ болѣе теплый періодъ. Но эти позднѣйшія измѣненія климата не признаны всѣми вообще геологами, и нельзя считать ихъ вполне доказанными. Можно также привести здѣсь предположеніе многихъ ученыхъ, что періоду наибольшаго распространенія ледяного покрова въ сѣверной Европѣ и Америкѣ предшествовалъ менѣе продолжительный ледниковый періодъ, отдѣленный отъ перваго промежуточнымъ умѣреннымъ періодомъ.

Нѣкоторые писатели (напр., James Geikie) насчитываютъ

между третичною и новѣйшею эпохою не менѣе шести ледниковыхъ и пяти умѣренныхъ періодовъ, но послѣдовательность этой серіи неполнѣ доказана. Другіе ученые не допускаютъ между ледниковыми и сравнительно болѣе умѣренными періодами значительнаго климатическаго различія, утверждая, что различіе между этими періодами выражалось только передвиженіемъ границъ ледяного покрова, то выдвигавшагося на югъ, то отступавшаго дальше на сѣверъ. По мнѣнію этихъ ученыхъ, можно отмѣтить по отношенію къ такимъ сѣвернымъ странамъ, какъ Скандинавія, только одинъ великій ледниковый періодъ (между третичною и новѣйшею эпохами, безъ всякихъ интерваловъ *).

Съ увѣренностью можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что въ средней Европѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ нынѣ климатъ умѣренный, почва была покрыта растительностью, свидѣтельствующей объ умѣренномъ климатѣ въ данныхъ мѣстностяхъ въ періодъ, слѣдовавшій за ледниковымъ (во время котораго почва была покрыта материковымъ льдомъ) и смѣнившійся затѣмъ новымъ ледниковымъ періодомъ. Вообще нельзя отрицать, что предположеніе ученыхъ, полагающихъ между третичною и новѣйшею эпохами цѣлый рядъ смѣнявшихъ одинъ другой ледниковыхъ періодовъ съ интервалами между ними, имѣетъ за собой много вѣроятнаго.

Признаніе того факта, что сѣверная Европа до самыхъ Карпатскихъ горъ была нѣкогда покрыта громадною толстою корою материковаго льда, въ сравненіи съ которою ничтожна даже кора грѣнландскаго материковаго льда, встрѣтило въ началѣ долгое и упорное сопротивленіе. Теперь это сопротивленіе почти побѣждено, равно какъ признанъ почти всѣми и однородный фактъ относительно Америки. Если-же въ наше время вообще и возникаютъ еще по этому поводу споры, то уже не столько о самомъ существованіи великаго ледниковаго періода, сколько о разныхъ частностяхъ въ томъ рядѣ климатическихъ перемѣнъ, который принято подразумѣвать подъ этимъ опредѣленіемъ.

*) Вотъ главныя эпохи въ исторіи образованія земли:

1) самая древняя — палеозойская, 2) мезозойская, 3) кенозойская или третичная, 4) новѣйшая — послѣтретичная, въ которой различаются два періода: болѣе ранній диллювіальный или плейстоценовый и второй — диллювіальный или постпліоценовый.

Изученіемъ ледниковаго періода занимается множество ученыхъ; по этому вопросу возникла обширнѣйшая литература, и различныя спеціальныя изданія изо дня въ день продолжаютъ вносить въ науку новые вклады, способствующие уразумѣнію этого замѣчательнаго и столь близкаго (по счисленію геологовъ) къ намъ періода въ исторіи образованія нашей земли, о которомъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ не имѣли еще и представленія.

Благодаря упомянутымъ трудамъ, съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе громадное значеніе великаго ледниковаго періода, который и считается теперь однимъ изъ важнѣйшихъ критическихъ періодовъ и въ исторіи образованія нашей земли и въ исторіи развитія на ней органической жизни.

Всѣ эти фьорды и озера, составляющіе красу Норвегіи, дикія и живописныя альпійскія возвышенности, долины и пр., словомъ, весь рельефъ сѣверной и средней Европы обязанъ своимъ окончательнымъ построеніемъ ледникамъ упомянутаго періода и вліянію сопровождавшихъ его климатическихъ условій. Почва всей низменности сѣверной Европы—отъ датскихъ острововъ до подножія Рудныхъ, Исполиновыхъ и Карпатскихъ горъ состоитъ главнымъ образомъ изъ массъ, передвинутыхъ льдомъ изъ скалистыхъ странъ сѣверо-восточной Европы. Гелландъ высчиталъ, что съ поверхности Скандинавіи снесено и стерто льдами среднимъ числомъ столько, что она понизилась на 25 метровъ противъ той высоты, которую имѣла при началѣ великаго ледниковаго періода, другими словами, страна потеряла 25 метровъ верхнихъ слоевъ, которые въ видѣ песку, лёса, ила снесены и отложены въ Балтійскомъ морѣ и на сѣверно-европейской низменности. Если теперь представить себѣ, что эти огромныя массы были какъ-бы сцарапаны движущимися ледниками, которые такимъ образомъ дѣлали на своемъ пути огромныя углубленія (нынѣшнія долины и фьорды въ горахъ), то станетъ яснымъ утвержденіе многихъ ученыхъ, что происхожденіе всѣхъ вообще долинъ, фьордовъ и озеръ слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать ледникамъ великаго ледниковаго періода. Теперь намъ извѣстно, что до ледниковаго періода въ третичную эпоху климатъ даже на Шницбергенѣ и въ Грѣнландіи былъ умѣреннымъ на столько, что подходилъ къ нынѣшнему климату средней Европы и сѣвер-

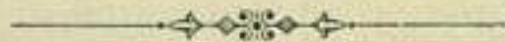
ной Италіи. Затѣмъ, насталь ледниковый періодъ, и поверхность покрылась безконечною ледяною корою, положившею конецъ всякой жизни. Послѣдующія перемѣны состояли въ томъ, что ледниковые періоды чередовались съ болѣе умѣренными, что сопровождалось и соотвѣтственными измѣненіями въ климатъ; смѣны эти происходили на безконечно огромномъ съ человѣческой точки зрѣнія пространствѣ времени. По окончаніи же его Европа, Сѣверная Америка и сѣверная Азія существенно измѣнили и свой наружный видъ и свою фауну и свою флору. До ледниковаго періода въ Европѣ, Сѣверной Америкѣ и сѣверной Азіи водились многочисленныя виды исполинскихъ млекопитающихъ, теперь вымершихъ, какъ напр., мастодонтъ, мамонтъ и другіе исполинскіе виды слоновъ, вымершіе виды гиппопотамовъ и носороговъ, „*Elasmotherium*“ — огромное, родственное носорогу животное, исполинскій олень, пещерныя исполинскіе львы и медвѣди „*Machairodus*“ — страшное хищное животное съ кинжалообразными клыками, въ сравненіи съ которымъ приходится считать довольно безопасными животными даже тигровъ и львовъ. Въ южной Америкѣ водились крупныя броненосцы (*Glyptodont*), исполинскіе тихоходы (*Megatherium*) и множество другихъ животныхъ, изъ которыхъ ни одно не пережило ледниковаго періода. „Мы живемъ въ такое время“, говоритъ Wallace, „когда самыя исполинскіе и замѣчательныя виды животныхъ исчезли съ лица земли“.

Но *человѣкъ* пережилъ ледниковый періодъ и сталъ властителемъ всей остальной живой природы. Тѣ самыя суровыя условія жизни, борясь съ которыми погибли конкуренты человѣка въ борьбѣ за существованіе, развили и довели до совершенства особыя качества человѣка, давшія ему затѣмъ возможность приспособиться къ этому ряду климатическихъ перемѣнъ, отъ котораго погибли исполинскія животныя третичной эпохи.

Съ геологической точки зрѣнія, мы находимся, пожалуй, только при началѣ новой эпохи въ существованіи земли, а именно—человѣческаго вѣка, эпохи психозаической, и дальнѣйшее развитіе ея скрыто отъ нашихъ глазъ. Зато первые ея фазисы мы уже изучили, по крайней мѣрѣ—въ главныхъ чертахъ. Для человѣчества нѣтъ ничего естественнѣе, какъ желать вникнуть во всѣ подробности этой эпохи, которая видѣла первые шаги

человѣка по пути подчиненія имъ себѣ природы, видѣла великій ледниковый періодъ, переходное время отъ вѣка исполинскихъ животныхъ въ вѣку человѣка, т. е. важнѣйшій и интереснѣйшій моментъ въ исторіи земного шара. Намъ недовольно знать, что ледниковый періодъ дѣйствительно былъ; насъ манитъ проникнуть въ сущность и причину загадочнаго образованія этого чудовищнаго покрова материковаго льда, убившаго всякую жизнь всюду, куда только простирается его бѣлый саванъ. И въ настоящее время едва-ли представляется естествоиспытателю, біологу и геологу задача, болѣе близкая или болѣе настоятельно вызывающая къ крайнему напряженію пытливаго человѣческаго ума.

Разрѣшеніе-же этой задачи требуетъ прежде всего основательнаго изученія тѣхъ мѣстностей, гдѣ и теперь еще господствуютъ условія, аналогичныя съ условіями ледниковаго періода въ Европѣ, Сѣверной Америкѣ и сѣверной Азіи. Ледяной покровъ Грѣнландіи является ближайшимъ образцомъ, по которому можно судить о положеніи Скандинавіи въ началѣ ледниковаго періода. Изслѣдованія-же неизвѣстныхъ намъ мѣстностей около сѣвернаго полюса, обѣщаютъ обогатить насъ цѣлымъ рядомъ новыхъ свѣдѣній, необходимыхъ для рѣшенія упомянутой великой задачи. Отсюда ясно, какое значеніе имѣютъ такіе подвиги, какъ прохожденіе Нансеномъ на лыжахъ черезъ материковый ледъ Грѣнландіи и его экспедиція къ сѣверному полюсу. Дѣятели, подобные Нансену, снабжаютъ насъ документальными данными для уразумѣнія одного изъ важнѣйшихъ періодовъ въ исторіи земного шара, того именно періода, благодаря которому человѣкъ сталъ властелиномъ земли.

Подготовленія къ Грѣнландской экспедиціи.

Однажды вечеромъ, зимой 1887 г.—пишетъ докторъ Грѣйгъ—
„сѣжу я въ своей коморкѣ за работой. Вдругъ дверь отворяется настежь, и входитъ Нансенъ со своей длинношерстой, плохо дрессированной собакой Дженной. Не выдавая себя за спеціалиста по этой части, я всетаки могу сказать, что Нансенъ слишкомъ разсѣянъ, чтобы хорошо дрессировать охотничьихъ собакъ. Вечеръ былъ такой холодный, что даже Нансенъ накинулъ себѣ на плечи плэдъ. Онъ усѣлся противъ меня на диванѣ. Съ виду онъ былъ спокоенъ, тщательно взвѣшивалъ въ разговорѣ каждое слово, но я не могъ не замѣтить, что онъ былъ чѣмъ-то очень занятъ. — Хочу попытаться перейти черезъ грѣнландское плато, — сказалъ онъ и затѣмъ выяснилъ мнѣ свой планъ съ помощью моей старой географической карты, ставшей съ того вечера достопримѣчательной. По рѣчамъ его видно было, что онъ далеко не льстилъ себя надеждой на легкій успѣхъ и, напротивъ, напрашивался на возраженія. Я старался удовлетворить его желанію, насколько могъ.— Легче всего, — говорилъ онъ — перейти Грѣнландію ближе къ югу (гдѣ плато уже), но именно очень важно было-бы показать свѣту, что плато можно перейти и гораздо сѣвернѣе.—И Нансенъ показалъ мнѣ по картѣ предполагаемый маршрутъ. Тогда ему и въ голову не приходило, что береговая полоса, по которой онъ въ тотъ вечеръ такъ свободно „проходилъ“ пальцемъ, представить ему впослѣдствіи столь серьезныя препятствія. Узнавъ, что онъ собирается сейчасъ ѣхать въ Стокгольмъ я спросилъ: Зачѣмъ? — Отыскать Норденшѣльда и попросить его рассмотреть мой планъ. Затѣмъ, я сначала сдамъ экзаменъ на

доктора, и потомъ уже отправлюсь въ Грѣнландію. Весна предстоитъ хлопотливая, ну, да ничего, справимся!

Въ это время зашелъ еще товарищъ, и мы всѣ трое отправились гулять. Я и товарищъ мой, по обыкновенію будничныхъ людей, продолжали, хоть и слабо, оспаривать возможность подобнаго подвига, а Нансенъ все больше и больше горячился, подстрекаемый твердымъ убѣжденіемъ въ правильности своихъ предположеній. — Да, онъ рѣшился поставить жизнь на карту, и вотъ, увидятъ, что дѣло пойдетъ, какъ по маслу!—Въ тѣ дни процвѣтанія христіанійской богемы подобная готовность отдать жизнь за осуществленіе своей идеи явилась для меня какимъ-то откровеніемъ, и бесѣда этого вечера глубоко залегла мнѣ въ душу.“

И Нансенъ дѣйствительно немедленно отправился въ Стокгольмъ. Нужно припомнить, что какъ разъ за годъ до того (въ 1886 г.) путешественники Пири и Майгоръ совершили свой удачный переходъ по ледяному плато Грѣнландіи, обладая самыми скромными средствами. Ихъ экспедиція была, однако, — что Пири особенно и выставилъ на видъ въ своемъ краткомъ отчетѣ — лишь предварительной рекогносцировкой, и Нансену казалось, что пора уже было взяться за дѣло серьезно. Для него самого какъ разъ открывалось самое удобное время: его зоологическіе и анатомическіе труды были пока окончены, большая диссертация о гистологическихъ элементахъ центральной нервной системы написана, и ему оставалось только представить ее для полученія степени доктора.

„Въ четвергъ 3 ноября, когда я пришелъ въ свой рабочій кабинетъ въ Стокгольмскомъ минералогическомъ институтѣ“ — рассказываетъ профессоръ Брѣггеръ — „смотритель сказалъ мнѣ, что меня спрашивалъ какой-то норвежецъ. Оказалось, что онъ не оставилъ визитной карточки и не сказалъ, кто онъ. Такихъ земляковъ ко мнѣ заходило много. „Вѣрно, опять одинъ изъ тѣхъ, кого нужно выручить изъ временнаго затрудненія!“ подумалъ я. — А каковъ онъ былъ на видъ? — Долговязый, бѣлокурый! — отвѣтилъ смотритель.

— Одѣтъ порядочно?

— Безъ пальто! — сказалъ смотритель, ухмыляясь: — Видно, морякъ, или что нибудь въ этомъ родѣ.

Значитъ, морякъ безъ пальто! Пожалуй, мнѣ и предстоитъ снабдить его пальто. Не впервые!

Немного погодя, заходитъ ко мнѣ Вилле *) съ вопросомъ: — Засталъ тебя Нансенъ?

— Нансенъ? Такъ этотъ морякъ былъ Нансенъ? Безъ зимняго пальто?

— Какъ безъ зимняго пальто? Онъ собирается перейти ледяное плато Грѣнландіи!

И Вилле и слѣдъ простылъ. Спустя часъ, заходитъ другой изъ моихъ товарищей, профессоръ зоологіи Лекке и спрашиваетъ:—Ты видѣлся съ Нансеномъ? Вотъ молодецъ-то! Онъ мнѣ разсказалъ объ интереснѣйшемъ открытіи, — о дѣтородныхъ органахъ у Мухіне. А его изслѣдованія нервной системы! Прелесть, что такое!

Послѣ такихъ предварительныхъ извѣщеній зашелъ самъ Нансенъ. Высокій, стройный, широкоплечій силачъ, такъ и дышащій здоровьемъ, молодостью! Дѣйствительно, долговязый и бѣлокурый, какъ описалъ его смотритель. Волосы откинута назадъ съ широкаго лба; одежда порядочно потертая. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и, протягивая мнѣ руку съ какой-то своеобразной привѣтливой улыбкой, самъ представилъ себя.

— Вы собираетесь перейти Грѣнландію?—сказалъ я.

— Полагаю.

Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза: невыразимо увѣренный и внушающій довѣріе взглядъ и добрая улыбка на рѣзко очерченномъ мужественномъ лицѣ. По мѣрѣ-же того, какъ онъ говорилъ, онъ — не смотря на то, что обращеніе его оставалось такимъ же простымъ и, пожалуй, даже показывало, что онъ нѣсколько стѣсняется — какъ-бы вырасталъ на моихъ глазахъ. Самый планъ его — пройти на лыжахъ отъ восточнаго берега Грѣнландіи до западнаго, показавшійся мнѣ сначала ни съ чѣмъ несообразной выдумкой, сталъ во время бесѣды казаться мнѣ естественнѣйшею вещью въ свѣтѣ. Мало того: я вдругъ проникся непоколебимой увѣренностью: да, конечно, онъ перейдетъ! Это такъ-же вѣрно, какъ то, что мы сейчасъ сидимъ и бесѣдуемъ съ нимъ.

*) Тогда профессоръ ботаники въ Стокгольмскомъ университетѣ, теперь-же въ Христіанійскомъ.

Человѣкъ, совершенно незнакомый мнѣ всего за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, сдѣлался въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ минутъ, точно такъ этому и слѣдовало быть, столь близкимъ мнѣ, какъ будто я зналъ его годы, и я почувствовалъ, что счелъ-бы себя гордымъ и счастливымъ, ставъ его другомъ на всю жизнь.

— Отправимся сейчасъ-же въ академію къ Норденшѣльдъ!— предложилъ я. И мы отправились. Оригинальный костюмъ Нансена—плотно обтягивавшая станъ темная триковая блуза или куртка—не преминулъ привлечь на моего спутника нѣкоторое вниманіе со стороны прохожихъ въ то время, какъ мы съ нимъ шли по Drottninggatan (Королевина улица). По этому же костюму Густавъ Ретціусъ принялъ Нансена съ перваго взгляда за акробата или канатнаго плясуна.

Норденшѣльдъ находился въ этотъ часъ по обыкновенію въ своемъ физическомъ кабинетѣ. На встрѣчу намъ попался консерваторъ музея Биндстрёмъ, несшій въ рукахъ реторты и разныя вещи.

— Старикъ тамъ, но очень занятъ!—шепнулъ онъ мнѣ мимоходомъ.

Войдя въ физическій кабинетъ, мы увидѣли, что „старикъ Нордъ“ возится со своими минералами. При видѣ его широкой мускулистой спины невольно вспоминается одно приключеніе изъ его Енисейской экспедиціи (1875 г.). По рѣкѣ ходили большія волны, ежеминутно угрожавшія потопить лодку, въ которой плыли путешественники. Норденшѣльдъ, не долго думая, взялъ да усѣлся на самый бортъ кормы и предоставилъ холоднымъ, какъ ледъ, волнамъ разбиваться о его широкую спину; и такъ сидѣлъ онъ по цѣлымъ часамъ, изображая устой противъ волнъ. Вотъ изъ людей подобнаго-то закала и создаются изслѣдователи полярныхъ странъ!

Поздоровавшись съ Норденшѣльдомъ, я представилъ ему своего спутника: — Консерваторъ Бергенскаго музея, Нансенъ. Онъ рѣшилъ совершить переходъ черезъ материковый ледъ Грѣнландіи.

— Вотъ какъ!

— Но прежде ему хотѣлось-бы побесѣдовать немножко съ тобой.

— Милости просимъ! Итакъ, господинъ Нансенъ рѣшилъ перейти Грѣнландію?

Передъ Норденшѣльдомъ какъ будто взорвало бомбу. Первоначальное ласковое, но нѣсколько разсѣянное выраженіе исчезло съ его лица, онъ весь превратился въ слухъ и вниманіе и словно мѣрилъ молодого гостя глазами, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ за человѣкъ. Затѣмъ, онъ вдругъ вымолвилъ весело:

— Могу подарить господину Нансену пару прекрасныхъ сапоговъ. Да, я нисколько не шучу. Въ такихъ случаяхъ крайне важно обезпечить себя обувью первѣйшаго сорта.

Ледъ былъ сломанъ. Нансенъ началъ развивать свой планъ, Норденшѣльдъ слушалъ, время отъ времени скептически кивая головой и ставя какой-нибудь вопросъ. Въ общемъ планъ Нансена представился ему—насколько я понялъ—хотя и очень смѣлымъ, но не безусловно невыполнимымъ. Видно было, что самая личность Нансена съ перваго-же взгляда произвела на него сильное впечатлѣніе, и старикъ тутъ-же изъявилъ свою полную готовность содѣйствовать молодому смѣльчаку совѣтами и своею опытностью.

Предстояло еще разобраться въ массѣ подробностей плана и рѣшить множество вопросовъ, касающихся практической стороны экспедиціи, но старикъ былъ очень занятъ, и потому мы условились, что Нансенъ зайдетъ къ нему побесѣдовать въ другой разъ. Пока-же мы расстались съ тѣмъ, чтобы свидѣться въ тотъ-же вечеръ въ Геологическомъ обществѣ. Передъ уходомъ я шепнулъ Норденшѣльду на ухо:—Ну, а какъ по твоему? Я съ своей стороны увѣренъ въ томъ, что онъ перейдетъ.

— Можетъ быть, ты окажешься правымъ! — отвѣтилъ Норденшѣльдъ. Но выраженіе его лица вновь приняло скептическій оттѣнокъ.

Послѣ засѣданія въ Геологическомъ обществѣ Нансенъ зашелъ ко мнѣ. Было уже довольно поздно. Вдругъ, во время нашей бесѣды, которую я велъ съ большою горячностью, а Нансенъ съ спокойной увѣренностью, раздался звонокъ, и явился Норденшѣльдъ. Теперь я понялъ, что онъ серьезно заинтересованъ.

И вотъ мы сидѣли далеко за полночь, толкуя, какъ о проектируемой Грѣнландской экспедиціи въ частности, такъ и о

другихъ арктическихъ и антарктическихъ (въ области южнаго полюса) экспедиціяхъ вообще. Тогда минуло, вѣдь, всего четыре года со времени послѣдней Грѣнландской экспедиціи самого Норденшѣльда, а въ данное время онъ—если не ошибаюсь—принималъ живѣйшее участіе въ подготовленіи плана большой австралійско-шведской антарктической экспедиціи, въ которой между прочими долженъ былъ принять участіе и его даровитый, безвременно умершій сынъ *) Г. Норденшѣльдъ, предпринявшій, три года спустя, экспедицію на Шпицбергенъ.

Мнѣ на другой день предстояло отправиться къ норвежскому министру Рихтеру, чтобы принять участіе въ обычномъ празднествѣ 4 ноября, и я спросилъ Нансена: не желаетъ-ли и онъ получить приглашеніе? Оказалось, что ему неудобно явиться на торжество: у него только и было съ собой платья, что на себѣ.

— Ну, а ко мнѣ господинъ Нансенъ можетъ придти обѣдать, въ чемъ есть!—предложилъ Норденшѣльдъ со своей обычной сердечной простотой. На томъ мы и порѣшили.

Нѣсколько дней спустя, Нансенъ уѣхалъ въ Христіанію. Увезъ-ли онъ съ собою обѣщанную Норденшѣльдомъ пару сапоговъ, мнѣ неизвѣстно; знаю лишь, что Норденшѣльдъ послалъ ему потомъ пару снѣжныхъ очковъ. Зато Нансенъ, безъ сомнѣнія, увезъ съ собой не мало важныхъ указаній и убѣжденіе въ полномъ пониманіи и сочувствіи со стороны знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ. Снова увидѣться другъ съ другомъ имъ пришлось не ранѣе, какъ черезъ два года, когда смѣлый планъ Нансена былъ уже выполненъ, и переходъ черезъ ледяное внутреннее плато Грѣнландіи являлся совершившимся фактомъ.

11 ноября 1887 г. Нансенъ обратился къ шведской академіи наукъ съ просьбой о правительственной субсидіи для проектированной имъ экспедиціи. Начало прошенія особенно характерно: „Имѣю намѣреніе предпринять наступающимъ лѣтомъ переходъ черезъ материковый ледъ Грѣнландіи съ восточнаго берега на западный“. Испрашиваемая имъ сумма равнялась 5000 кронъ (около 2,500 руб.). Цифра эта въ сравненіи съ ве-

*) Въ 1894 г.

личиною и значеніемъ самого подвига такъ безконечно мала, что невольно вызываѣтъ теперь улыбку.

Но тогда подвигъ оставался еще въ области намѣреній, не былъ совершенъ, и самъ Нансенъ являлся человѣкомъ неиспытаннымъ, такъ что правительство, несмотря на горячую рекомендацію академіи, не одобрило плана Нансена. Одна изъ газетъ правительственной партіи заявила даже, что рѣшительно не видитъ причины—съ какой стати норвежскому народу расходовать такую значительную сумму, чтобы доставить частному лицу возможность совершить увеселительную поѣздку въ Грѣнландію! И эта газета, безъ сомнѣнія, явилась въ данномъ случаѣ выразительницей мнѣнія значительной части норвежскаго народа. Тутъ пришли въ столкновеніе двѣ крайне различныя типичныя черты народнаго характера. Нансенъ являлся представителемъ жажды сказочныхъ приключеній, свойственной норманнамъ, а газета — представительницей трезваго неторопливаго отношенія къ вещамъ, свойственнаго норвежскому крестьянину.

Такимъ образомъ тотъ фактъ, что нужныя 5000 кронъ явились изъ за-границы, не былъ простой случайностью. Въ тѣснаго круга научно образованныхъ лицъ — притомъ изъ молодежи — вообще относились къ плану Нансена, какъ къ затѣѣ сумасшедшаго, хотя дѣло и не дошло до того, чтобы его, какъ того человѣка, о которомъ онъ самъ такъ любилъ повторять, засадили въ домъ сумасшедшихъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ бергенскихъ юмористическихъ листковъ появилось въ февралѣ 1888 года слѣдующее „объявленіе“.

„Въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года имѣетъ быть дано консерваторомъ Нансеномъ представленіе — бѣгъ на лыжахъ со скачками на материковомъ льду Грѣнландіи. Мѣста для публики въ трещинахъ. Обратныхъ билетовъ можно не брать“.

Съ такой юмористической точки зрѣнія смотрѣло на дѣло большинство; большая-же часть смотрѣвшаго на дѣло съ серьезной точки зрѣнія меньшинства, кричала о грѣхѣ содѣйствовать намѣренному самоубійцѣ.

Не надо думать, что такъ относились къ предполагаемой экспедиціи одни профаны. Даже лица, побывавшія въ Грѣнландіи, которыя, казалось, должны были быть знакомыми со всѣми условіями данной страны объявляли планъ Нансена рѣшительно не-

выполнимымъ. Приведемъ для примѣра помѣщенный Нансеномъ въ описаніи его поѣздки отрывокъ изъ публичной лекціи, читанной въ Копенгагенѣ однимъ молодымъ датскимъ ученымъ-исслѣдователемъ Грѣнландіи: „Для тѣхъ немногихъ лицъ, которыя знакомы и съ климатическими и съ географическими условіями датской восточной Грѣнландіи, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Нансенъ—если корабль не подойдетъ къ берегу и не будетъ готовъ принять его обратно, когда онъ окажется вынужденнымъ отказаться отъ своего предпріятія—или погубить безъ всякой пользы собственную жизнь и, можетъ быть, еще жизнь другихъ, или-же будетъ подобранъ эскимосами и доставленъ въ одну изъ датскихъ станцій на западномъ берегу. Но вовлекать, такимъ образомъ, жителей восточной Грѣнландіи въ продолжительную и во многихъ отношеніяхъ опасную для нихъ поѣзду—никто не имѣетъ права“.

Не смотря на такой отзывъ, предложеніе денежной субсидіи для экспедиціи явилось какъ разъ изъ Даніи. Профессоръ Амундъ Гелландъ, который самъ побывалъ въ Грѣнландіи и рѣшительно высказался въ датской газетѣ, „Dagbladet“ (24 ноября 1887 г.) *) за планъ Нансена, могъ уже 12 января 1888 г. сообщить Стокгольмской академіи наукъ, что копенгагенскій коммерсантъ Августинъ Гамэль представляетъ въ распоряженіе Нансена означенную сумму — 5000 кронъ.

Нансенъ принялъ предложеніе датскаго мецената. Впослѣдствіи, когда экспедиція счастливо закончилась, его стали осуждать за это. Ему, видите-ли, слѣдовало смирно дожидаться, пока подобное предложеніе сдѣлалъ-бы ему кто нибудь изъ земляковъ. Ясно, что такіе критики крѣпки заднимъ умомъ, но слабы разсудкомъ. Фритъюфъ Нансенъ занималъ въ то время не такое положеніе, какъ теперь. Тогда онъ почти уже примирился съ мыслью, что ему придется покрыть всѣ расходы по

*) „Основываясь на изслѣдованіяхъ материковаго льда Грѣнландіи, какъ другихъ лицъ, такъ и моихъ личныхъ, я долженъ сказать, что не вижу основанія—почему его нельзя было-бы перейти молодымъ и смѣлымъ лыжебѣжцамъ, особенно подъ руководствомъ осторожнаго и знающаго вожака, и при соотвѣтствующемъ своеобразнымъ мѣстнымъ условіямъ снаряженіи экспедиціи. — Тщательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я долженъ заявить, что *всѣ шансы за счастливый исходъ этой экспедиціи*“.

экспедиціи изъ собственныхъ небольшихъ средствъ *), — такъ неужели-же ему слѣдовало оттолкнуть такъ неожиданно явившуюся помощь, только потому, что она явилась изъ за-границы, и ждать неимѣвшей даже въ виду помощи отъ земляковъ? Нѣтъ, въ данномъ случаѣ ему было не до того, чтобы смотрѣть на задачу исключительно съ точки зрѣнія норвежскаго патріота. Иное дѣло, по отношенію къ его экспедиціи на сѣверный полюсъ, которую онъ предпринялъ пять лѣтъ спустя. Тогда онъ былъ уже всемірноизвѣстнымъ путешественникомъ, тогда было дѣломъ первостатейной важности, чтобы деньги и флагъ были норвежскими. Критика, вызванная датской субсидіей для грѣнландской экспедиціи Нансена, была еще тѣмъ болѣе лишена основанія, что экспедиція эта, какъ извѣстно, обошлась не въ 5000 кронъ, а слишкомъ въ три раза дороже, и что Нансенъ готовился покрыть остальные расходы изъ собственныхъ средствъ. Онъ и сдѣлалъ-бы это, если-бы общество норвежскихъ студентовъ не устроило въ пользу экспедиціи по счастливомъ ея возвращеніи, подписки, давшей 10,000 кр.

Весна, какъ это и предвидѣлъ Нансенъ, дѣйствительно оказалась „хлопотливой“. Первое полугодіе 1888 г. прошло въ какой-то лихорадочно-кипучей дѣятельности. Въ началѣ декабря 1887 г. Нансенъ вернулся въ Бергенъ. Въ концѣ января 1888 г. онъ слеталъ на лыжахъ отъ Эйдфьорда въ Гардангеръ, затѣмъ черезъ долину Нуме въ Конгсбергъ и оттуда въ Христіанію. Въ мартѣ онъ былъ снова въ Бергенѣ; днемъ читалъ публичныя лекціи о природѣ и народной жизни Грѣнландіи, а ночи проводилъ на вершинѣ скалы „Blaamanden“ около Бергена, испытывая свой спальный мѣшокъ, приготовленный для экспедиціи. Недѣлю спустя, онъ уже стоялъ на кафедрѣ въ Христіанійскомъ университетѣ и читалъ свою первую пробную докторскую лекцію „о построеніи органовъ дѣторожденія у Мухіне“, 28 апрѣля защитилъ свою докторскую диссертацию: „Нервные элементы, ихъ построеніе и связь съ центральной нервной системой“, а 26 мая уже уѣхалъ въ Копенгагенъ, чтобы отправиться затѣмъ въ Грѣнландію. „Я скорѣе примирился-бы съ плохимъ докторскимъ аттестатомъ, нежели съ плохимъ снаря-

*) См. „На лыжахъ черезъ Гренландію“.

женіемъ нашей экспедиціи!“ — говорилъ онъ въ тѣ хлопотливые дни доктору Грѣйгу. Ему, однако, удалось добиться наилучшихъ результатовъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, но конечно, при крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ. Съ одной стороны, ему надо было постоять за свою репутацію научнаго дѣятеля, съ другой — обезпечить елико возможно, какъ свою собственную жизнь, такъ и жизнь пятерыхъ смѣльчаковъ, отправлявшихся съ нимъ въ экспедицію. Нансенъ не скрывалъ отъ себя, что изъ всѣхъ безчисленныхъ могущихъ имъ встрѣтиться опасностей, самая главная грозила-бы имъ вслѣдствіе невольнаго совершеннаго снаряженія экспедиціи. Отъ снаряженія экспедиціи болѣе, нежели отъ чего либо другого, зависѣло — увѣнчается-ли экспедиція успѣхомъ или окончится бѣдою, вернутся-ли участники благополучно домой или погибнуть.

Въ январьскомъ выпускѣ 1888 г. журнала „Природа“, Нансенъ въ первый разъ помѣстилъ полный планъ экспедиціи. Онъ предполагалъ высадиться съ корабля на восточный берегъ Грѣнландіи. Имъ, слѣдовательно, предстояло-бы перерѣзать ледяное плато только разъ, такъ какъ на западномъ берегу были колоніи, откуда они могли отплыть домой. Правда, такимъ образомъ они почти отрѣзывали себѣ отступленіе, — „мало гостепріимный“ восточный берегъ, обитаемый лишь нѣсколькими племенами эскимосовъ-язычниковъ, представлялся крайне незавиднымъ мѣстомъ для зимовки въ томъ случаѣ, если-бы непредвидѣнные затрудненія заставили путешественниковъ вернуться обратно. Зато съ другой стороны, такое положеніе вещей служило бы еще лучшимъ побужденіемъ къ тому, чтобы они приложили всѣ усилія для достиженія западнаго берега. Такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ девизовъ экспедиціи явился девизъ: „ломай за собой всѣ мосты“. Вотъ въ чемъ и кроется побѣдная самоувѣренность генія. То, что для людей мало-мальски осторожныхъ представлялось бы первѣйшею необходимостью — обезпеченіе себѣ на случай нужды отступленія, является для генія скорѣй препятствіемъ, тогда какъ отсутствіе возможности вернуться обратно принимается еще за преимущество. „Setzet Ihr nicht das Leben ein, nie wird auch das Leben gewonnen sein“. (Кто не ставитъ жизни на карту, тотъ и не обрѣтаетъ жизни).

Мы не станемъ подробно излагать здѣсь плана экспедиціи, —

въ главныхъ чертахъ онъ былъ выполненъ въ точности; оказавшіяся-же въ послѣдствіи необходимыми нѣкоторыя отступленія отмѣчены въ самомъ описаніи экспедиціи. Упомянемъ здѣсь только о снесеніи членовъ экспедиціи льдами назадъ къ югу и о страшно-тяжеломъ плаваніи ихъ по направленію къ сѣверу, а также о томъ, что переходъ начался не отъ пункта нѣсколько сѣвернѣе мыса Дана (Kar Dan), какъ первоначально предполагалось, но значительно южнѣе, и что закончился онъ не на западномъ берегу, у фьорда Сермиликъ близъ Христіансхоба, какъ рассчитывали, а у фьорда Амераликъ, близъ Готхоба (Godthaab—Добрая Надежда). Развивъ самый планъ экспедиціи, Нансенъ въ упомянутой статьѣ поставилъ на видъ тѣ научныя задачи, которыя могли быть разрѣшены вполнѣ или хотя-бы приблизительно, благодаря такому переходу черезъ материковый ледъ. Въ заключеніе-же онъ привелъ слова Норденшѣльда изъ вступленія къ его книгѣ: „Вторая Диксоновская экспедиція въ Грѣнландію“:

„Разъясненіе климатическихъ условій, существующихъ во внутренней части этой страны, представляетъ такое обширное научное значеніе, что въ настоящее время едва-ли можно ставить полярнымъ экспедиціямъ болѣе важную цѣль“.

Самъ Нансенъ вполнѣ сознавалъ все научное значеніе предстоявшей экспедиціи. Послѣдняя требовала, впрочемъ, замѣчательной смѣси различныхъ качествъ въ начальникѣ: сказочно-смѣлую фантазію, необходимую, чтобы создать планъ, отвагу викинга, чтобы осуществить его, необыкновенное физическое развитіе и выносливость, необходимыя, чтобы перенести всѣ трудности экспедиціи, и самоотверженность научнаго дѣятеля, чтобы придать ей надлежащее значеніе. Затѣмъ требовалось еще нѣчто не менѣе существенное. Молодому человѣку, слава котораго зиждилась пока только на созданномъ имъ планѣ, предстояло выполнить его во главѣ небольшого кружка храбрецовъ, которые наравнѣ съ нимъ ставили свою жизнь на карту и среди которыхъ находились люди, привыкшіе сами стоять во главѣ. Участники экспедиціи не представляли собой военного отряда, которому стоило только приказывать; отъ начальника ея требовалось много такта и особаго рода чутье для того, чтобы вести себя „primus inter pares“, т. е. первымъ среди равныхъ. И

Нансенъ, при всей своей самоувѣренности и гордости, обладалъ и этими качествами, въ связи съ какой-то особенной кротостью характера и въ то-же время съ особеннымъ умѣньемъ дѣлать въ рѣшительныя минуты именно то, что нужно. Широкія задачи, занимавшія его съ самой ранней его молодости, отвлекли его отъ общества и помѣшали ему стать, что называется, „заправскимъ товарищемъ“. „Онъ скорѣе солистъ,“ — пишетъ о немъ одинъ изъ его друзей — „искренно преданный тѣмъ, съ кѣмъ сходится, но такихъ немного“. Нансенъ вообще былъ слишкомъ занятъ, чтобы быть привѣтливымъ въ томъ смыслѣ, какъ можетъ быть человѣкъ съ природной потребностью завоевывать себѣ друзей; но, въ серьезномъ дѣлѣ, вродѣ даннаго, сердечность и простота его натуры проявлялись сами собою по отношенію къ тѣмъ, у кого хватало мужества и способностей слѣдовать за нимъ. Будь на его мѣстѣ другой, легко могло-бы случиться, что все предпріятіе рушилось-бы, имѣло-бы самые роковые результаты. Если бы все дѣло держалось исключительно на такъ называемой дисциплинѣ, невыразимыя трудности перехода легко могли-бы подорвать эту дисциплину, и разразилось-бы возмущеніе. Въ данномъ случаѣ всѣ участники добровольно согласились на то, что одному изъ нихъ предоставлялось рѣшительное слово, тогда какъ пренія вообще были вполне свободными. Зато этотъ „одинъ“ не имѣлъ никакихъ привилегій тамъ, гдѣ дѣло шло о трудѣ или о лишеніяхъ. И это полнѣйшее равенство участниковъ экспедиціи служило сильнѣйшимъ связующимъ звеномъ между ними. Ходило не мало рассказовъ о взаимныхъ отношеніяхъ шести участниковъ Грѣнландской экспедиціи, и нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ отличались довольно мрачнымъ, чтобы не сказать трагическимъ колоритомъ. Но мы имѣемъ возможность, на основаніи вѣрнѣйшихъ источниковъ, утверждать, что всѣ эти рассказы являются плодомъ народной фантазіи, которая, послѣ бурнаго взрыва восторговъ, по благополучномъ возвращеніи Нансена, непременно должна была поддаться потребности реакціи.

Вотъ перечень лицъ, участвовавшихъ въ грѣнландской экспедиціи Нансена: норвежцы — капитанъ Отто Нейманъ Свердрупъ (р. 1855 г.), лейтенантъ Олуфъ Христіанъ Дитрихсонъ (р. 1856 г.) и крестьянинъ Христіанъ Христіансенъ Трана (р. 1861 г.); за-

тѣмъ два лапландца—Самуель Юганнесенъ Балто 27-ми лѣтъ; и Оле Нильсенъ Равна, 45-ти лѣтъ. Всѣ эти имена стали теперь историческими; особенно много содѣйствовали успѣху экспедиціи, не говоря, конечно, о самомъ Нансенѣ, первые двое изъ поименованныхъ лицъ, заслужившіе великую признательность со стороны всего цивилизованнаго міра. „Людямъ свойственно“—говоритъ Нансенъ въ предисловіи къ своей книгѣ: „На лыжахъ черезъ Грѣнландію“—„сваливать всю вину, въ случаѣ неудачи экспедиціи, на голову начальника ея, равно какъ и всю честь за ея успѣхъ приписывать ему одному. Подобный пріемъ оказался-бы особенно несправедливымъ по отношенію къ такой экспедиціи, какъ настоящая, результаты которой всецѣло зависѣли отъ стойкости и вѣрности всѣмъ взятымъ на себя обязательствамъ каждаго участника и отъ его способности въ каждый данный моментъ находиться на высотѣ своей задачи“.

Отвѣтственность же за жизнь всѣхъ этихъ лицъ—насколько это вообще зависѣло отъ самого плана и веденія экспедиціи—всецѣло лежала на Нансенѣ и началась уже съ того самого момента, какъ было приступлено къ снаряженію экспедиціи. И всѣхъ перечисленныхъ нами выше качествъ Нансена оказалось-бы въ данномъ случаѣ мало, не обладай онъ еще нѣкоторыми, очень важными и очень рѣдкими среди ученыхъ: Нансенъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался крайней предусмотрительностью и наблюдательностью, не ограничивавшимся только областью спеціально занимавшей его науки, но распространявшимися и на область чисто практической жизни. Мальчикомъ онъ разобралъ швейную машину матери, желая проникнуть въ тайну ея конструкціи, молодымъ человѣкомъ онъ усердно занимался изученіемъ свойствъ и питательности различныхъ пищевыхъ продуктовъ. Вообще онъ рѣшительно былъ человѣкомъ практики и прекраснымъ механикомъ. Затѣмъ характерною его чертою была привычка подбирать всякую попадавшуюся на дорогѣ бездѣлушку, — какъ, дескать, знать? — можетъ, и пригодится! Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что онъ многому научился во время своего непродолжительнаго знакомства съ Норденшѣльдомъ, многочисленные экспедиціи котораго всегда отличались именно образцовымъ снаряженіемъ. Предстоявшая Нансену экспедиція потребовала, впрочемъ, совершенно особаго снаряженія. Въ

данномъ случаѣ, когда участникамъ экспедиціи нельзя было пользоваться при передвиженіи ни оленями, ни собаками, а предстояло самимъ изображать вьючныхъ животныхъ и таскать все необходимое, начиная съ сѣстныхъ припасовъ и кончая инструментами для научныхъ наблюденій, на себѣ, въ данномъ случаѣ особенно важно было придерживаться девиза Нансена: „довольствуйся малымъ“ и умѣть выбирать такіе пищевые продукты, которые при наибольшей питательности обладали-бы наименьшимъ вѣсомъ, и наиболѣе практичныя и мелкіе инструменты и орудія. Поэтому все, начиная съ сырыхъ матеріаловъ и кончая изготовленными изъ нихъ предметами, подвергалось самому тщательному осмотру и обсужденію; большинство изъ важнѣйшихъ предметовъ было даже изготовлено по рисункамъ самого Нансена. Изъ сдѣланнаго имъ подробнаго описанія снаряженія экспедиціи приведемъ здѣсь вкратцѣ наиболѣе существенныя подробности. Такъ, напримѣръ, для участниковъ экспедиціи были изготовлены особенныя ясные лыжи съ широкими полозьями, подбитыми сталью; длина лыжъ равнялась 3 метрамъ, ширина $1\frac{1}{2}$ метру, вѣсили-же онѣ всего $13\frac{3}{4}$ килограмма и вмѣстѣ съ тѣмъ были настолько прочно сдѣланы, что, не смотря на страшную носку, ни разу не сломались въ пути. Кромѣ того взяты были еще индійскія и норвежскія лыжи (Snesko, trug); послѣдними пользовались главнымъ образомъ при восхожденіи на плато и при переходахъ по мокрому снѣгу, когда нельзя было употреблять вышеописанныхъ лыжъ. Палатку доставилъ лейтенантъ Ридеръ изъ Копенгагена; величиной размѣровъ она не отличалась; въ ней всего на всего можно было помѣстить два спальныя мѣшка. Нижняя одежда участниковъ экспедиціи состояла изъ тонкой шерстяной фуфайки и такихъ-же панталонъ; сверху-же надѣвалась толстая исландская шерстяная фуфайка, затѣмъ куртка, вторые панталоны до колѣнъ и толстые байковые носки. Наконецъ, для защиты отъ вѣтра и выюги имѣлась еще верхняя одежда изъ тонкой парусины. Обувь состояла изъ толстыхъ башмаковъ, подбитыхъ гвоздями; головной уборъ изъ шерстяныхъ колпаковъ и байковыхъ капюшоновъ; на руки надѣвались шерстяныя вязаныя рукавицы, а въ большіе морозы рукавицы изъ собачьяго мѣха. Для защиты глазъ отъ снѣжнаго блеска служили очки съ

дымчатыми стеклами, снабженными сѣткой изъ стальной проволоки.

Провизія состояла главнымъ образомъ изъ пеммикана—мясного порошка, паштетовъ изъ печени, сухарей, мясныхъ бисквитовъ, масла, сыра, горохового супа въ порошокъ, шоколада, кофе, чая и сгущеннаго молока. Съ цѣлью пополненія запасовъ провизіи въ пути было взято два двухствольныхъ ружья. Кушанье должно было изготовляться на спиртовомъ приборѣ, устроенномъ Нансеномъ и механикомъ Шмелькомъ. Спиртъ былъ взятъ только для варки кушанья, а для личного употребленія его не полагалось: питьемъ служили только чай, кофе и шоколадъ. Табаку было взято очень не много, зато много инструментовъ для научныхъ наблюденій. Наконецъ, были взяты: брезенты, которые, при переходѣ черезъ материковый ледъ, служили отчасти парусами, бамбуковыя трости, масса мелкихъ инструментовъ и предметы ежедневнаго обихода, начиная со спичекъ и свѣчей и кончая штопальными иглами—все, разумѣется, въ возможно меньшемъ количествѣ. Относительно заготовленной провизіи, расчеты Нансена вполне оправдались. Исключеніемъ явился лишь одинъ продуктъ пеммиканъ, который какъ-разъ долженъ былъ служить путникамъ самой главной пищей. Оказалось, что фабрикантъ изготовилъ его безъ примѣси жира, о чемъ Нансенъ узналъ лишь въ послѣднюю минуту. Послѣдствіемъ явилось то, что участники экспедиціи все время „испытывали голодъ отъ недостатка жира, мученіе, о которомъ врядъ-ли возможно составить себѣ представленіе, не испытавъ его лично“. Даже подъ конецъ экспедиціи, когда имѣлось въ избыткѣ сушеное мясо, невозможно было добиться чувства сытости.

И какъ легко могли-бы объявиться и другія недочеты въ снаряженіи экспедиціи, отправлявшейся въ эту *terra incognita*! Довольно, на примѣръ, сказать, что никому въ голову не могло придти, что экспедиціи въ такое время года (лѣтомъ) грозили такіе страшныя морозы, которые встрѣтили ее, какъ это оказалось въ дѣйствительности, въ области материковаго льда. Экспедиціи открылись тамъ совершенно новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя климатическія условія. Остановись Нансенъ, выбирая мѣшки для спанья, на шерстяныхъ, вмѣсто мѣшковъ изъ

оленьихъ шкуръ—весьма мало вѣроятія, какъ признается онъ самъ, чтобы участники экспедиціи добрались живыми до западнаго берега Грѣнландіи.

Да мало-ли что могло случиться! Но счастье сопутствовало отважнымъ изслѣдователямъ. Геній судьбы Нансена и тутъ не лишилъ его своего покровительства. Въ концѣ-же концовъ тайна успѣха кроется, пожалуй, всетаки въ томъ, что если и везетъ тому, кому предстояла такая дьявольская поѣздка—какъ выразился кто-то въ свое время о Норденшѣльдѣ—то это главнымъ образомъ потому, что человѣкъ этотъ геній, которому и не можетъ не удасться его предпріятіе, если только онъ не столкнется съ безусловно непреодолимыми стихійными силами.

Нельзя закончить эту статью о приготовленіяхъ къ Грѣнландской экспедиціи, не упомянувъ о той пользѣ, которую оказалъ при этомъ Нансену одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ изслѣдователей Грѣнландіи, докторъ Г. Ринкъ. Выдающійся ученый съ перваго-же раза не преминулъ указать Нансену на всѣ опасности, грозящія его экспедиціи, и тѣмъ не менѣе, когда экспедиція была уже предпринята, этотъ до болѣзненности добросовѣстный человѣкъ упрекалъ себя въ томъ, что не достаточно упиралъ на эти опасности въ бесѣдахъ съ Нансеномъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ жена Ринка: „Сначала мужъ мой смотрѣлъ на планъ Нансена, какъ на какую-то фантастическую затѣю, но чѣмъ тщательнѣе онъ обдумывалъ планъ и чѣмъ дороже при этомъ становился ему самъ Нансенъ, тѣмъ опаснѣе казалось ему предпріятіе послѣдняго, и онъ не могъ простить себѣ, что недостаточно ясно нарисовалъ Нансену всѣ тѣ опасности, которыя, по всей вѣроятности, грозятъ экспедиціи. И вотъ, мы еще разъ пригласили Нансена исключительно съ цѣлью хорошенько напугать его. Но вечеръ прошелъ больше въ разсматриваніи видовъ Грѣнландіи, хотя общее настроеніе и было на этотъ разъ нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ въ предыдущій, когда безъ конца смѣялись надъ грозившими экспедиціи случайностями, включая сюда даже возможность стать людоѣдами. Все-же смѣху было довольно и въ этотъ вечеръ; не смѣялся лишь мой мужъ, и я хорошо помню, что послѣ того, какъ гости разошлись, мнѣ пришлось выслушать не мало нотацій по поводу неудавшихся попытокъ устрашить Нансена“.

Въ домѣ Ринка было также дано участникамъ экспедиціи нѣсколько уроковъ эскимосскаго языка. Первый началъ учиться Свердрупъ, но языкъ его не поддавался звукамъ эскимосскаго языка. Зато Дитрихсонъ дѣлалъ большіе успѣхи. „Я почему-то полагала“—пишетъ г-жа Ринкъ—„что нужно заниматься только съ ними двумя и даже не предлагала Нансену принять участіе. А мнѣ развѣ нельзя попытаться?—спросилъ онъ разъ какъ-то нерѣшительно. Затѣмъ и онъ сталъ заниматься и, какъ показало время, съ большой пользой.

О послѣднемъ вечерѣ, проведенномъ въ домѣ Ринка, г-жа Ринкъ пишетъ: „Провожая его до дверей, я высказала ему то, что часто вообще приходило мнѣ на умъ:—Надо вамъ когда нибудь отправиться и къ сѣверному полюсу! И онъ отвѣтилъ на мои слова рѣшительно, какъ на давно обдуманый вопросъ:—Такъ и будетъ!

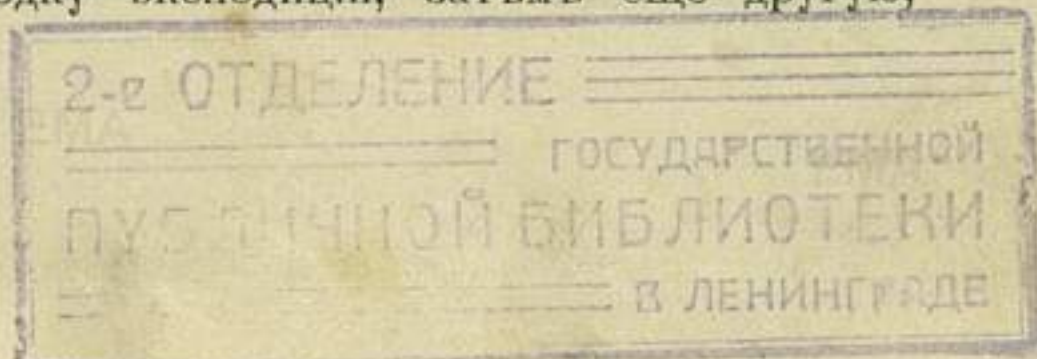
На лыжахъ черезъ Грѣнландію.

Второго мая 1888 г. Нансенъ уѣхалъ изъ Христіаніи черезъ Копенгагенъ и Лондонъ въ Лейчъ (Leith), гдѣ ему предстояло примкнуть къ остальнымъ членамъ экспедиціи, которые со всѣми припасами прибыли туда прямо изъ Христіаніи.

Изъ Шотландіи всѣ отправились на датскомъ пароходѣ „Тира“ въ Исландію, и только 4 іюня удалось имъ тамъ пересѣсть на промысловое судно „Язонъ“, которое взялось доставить ихъ къ восточному берегу Грѣнландіи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что промышленные интересы судна будутъ на первомъ планѣ.

11-го іюня вдали показались первыя очертанія восточнаго берега Грѣнландіи: высокія зубчатые скалы на сѣверъ отъ мыса Дана. Было это почти на той-же широтѣ, на которой въ 1883 г. Норденшѣльду на „Софіи“ удалось пробиться сквозь пловучій ледъ. Полоса льда между кораблемъ и берегомъ оказалась, однако, еще слишкомъ широкою — отъ 9 до 10 миль — чтобы можно было рискнуть на попытку пробраться здѣсь къ берегу. И прошелъ еще слишкомъ мѣсяць, прежде чѣмъ экспедиціи удалось оставить „Язона“, который ради ловли тюленей долженъ былъ больше держаться въ открытомъ морѣ. Все это время Нансенъ исправлялъ на суднѣ должность „настоящаго доктора“, терпѣливо поджидая подходящаго момента для высадки.

Наконецъ, 17 іюля, утромъ „Язонъ“ очутился отъ берега настолько близко—всего приблизительно въ $2\frac{1}{2}$ миляхъ, у фьорда Сермиликъ ($65\frac{1}{2}$ с. ш.), что Нансенъ рѣшилъ пробиться здѣсь черезъ неширокую сравнительно полосу пловучаго льда. Живо спустили съ корабля лодку экспедиціи, затѣмъ еще другую,

предоставленную путешественникамъ капитаномъ „Язона“, и въ 7 часовъ вечера все было готово къ отплытію. Нансенъ въ послѣдній разъ поднялся въ observaціонную бочку, чтобы высмотрѣть фарватеръ, и въ подзорную трубу ясно увидѣлъ свободную ото льда полосу воды у самаго берега за полосой пловучаго льда.

„Высаживаемся въ лодки съ несокрушимой надеждой на счастливый исходъ нашего плаванія“ — писалъ Нансенъ въ наскоро набросанномъ имъ передъ оставленіемъ корабля письмѣ для газеты „Morgenbladet“.

Скоро, однако, надежда эта подверглась весьма суровому испытанію. Вся первая ночь прошла въ тщетныхъ попыткахъ достигнуть въ дождь и непогоду фьорда Сермиликъ, и утромъ члены экспедиціи увидѣли свои лодки стиснутыми пловучими льдинами, которыя несло теченіемъ. Пришлось поспѣшно вытащить лодки на льдины. При этомъ одна изъ лодокъ такъ пострадала, что надо было хоть на скорую руку исправить ее, но какъ ни коротко было потраченное на это время, льдина на которой находились путешественники, успѣла попасть въ другое теченіе и съ неимовѣрной быстротой понеслась къ югу, удаляясь отъ берега. 19-го экспедиція оказалась уже въ 4 миляхъ отъ берега, т. е. вдвое дальше, нежели въ день высадки съ корабля.

Оставалось только продолжать нестись вмѣстѣ съ льдиной на югъ, пока не представится случая снова приблизиться къ берегу.

Цѣлыхъ 10 дней неслись члены экспедиціи вдоль восточнаго берега Грѣнландіи вплоть до острова Кудтлека (на 61°41' с. ш.) съ быстротой среднимъ числомъ почти 6 морскихъ миль въ сутки. Помимо того, что это продолжительное плаваніе подвергало Нансена и его отважныхъ товарищей тысячамъ серьезныхъ опасностей, оно еще удаляло экспедицію отъ выбраннаго ею пункта, откуда долженъ былъ начаться самый переходъ черезъ материковый ледъ, и заставляло ее даромъ тратить дорогое время. Только 29 іюля членамъ экспедиціи удалось, наконецъ, вступить на берегъ, и такимъ образомъ лучшая часть лѣта была уже для нихъ потеряна.

Нансенъ далъ весьма живое описаніе этого интереснаго пла-

ванія на хрупкой, бросаемой волнами и стискиваемой сосѣдками льдинѣ, вмѣсто судна. Въ ясную погоду они явственно могли видѣть рѣзкія очертанія скалистаго берега, отъ котораго—увы!—они все больше и больше удалялись во время этого долгаго и опаснаго плаванія.

Ночь на 20-ое іюля легко могла стать послѣднею для членовъ экспедиціи. Льдина ихъ подошла къ границѣ береговаго

Члены грѣнландской экспедиціи.

Нансенъ.	Равна.	Балто.	Христіансенъ.
	Дитрихсонъ.	Свердрупъ.	

теченія и касалась морского; море было взволновано, и шквалы одинъ за другимъ непрерывно окатывали льдину, доходя до самой палатки, разбитой посрединѣ. Тресни льдина посрединѣ, едва-ли удалось-бы членамъ экспедиціи спустить лодки въ такую непогоду, среди этого хаоса крутящихся льдинъ. Много-много, если имъ удалось-бы спустить одну изъ лодокъ, захвативъ лишь что самое необходимое изъ провіанта и матеріаловъ.

Читая описаніе этой ночи, не знаешь, кому больше удивляться: Свердрупу-ли, который въ качествѣ караульнаго расхаживалъ себѣ, жуя табакъ, взадъ и впередъ по льдинѣ между палаткой и лодками и все откладывалъ разстегнуть полы палатки и поставить всѣхъ на ноги, хоть и собирался не разъ—или Нансену съ Дитрихсономъ, которые спокойно почивали въ палаткѣ въ то время, какъ море бушевало и, съ шумомъ перебрасывая черезъ льдину мелкіе осколки льда, грозило смыть самую палатку. Но вотъ, въ ту минуту, когда, казалось, гибель была уже неизбѣжна, льдина вдругъ измѣнила направленіе и понеслась, словно управляемая невидимой рукой, обратно, къ берегу, по болѣе безопасному пути.

Круто приходилось Нансену и его товарищамъ въ эти дни ежеминутной опасности и душевнаго волненія. Хуже всего было, пожалуй, не то, что имъ приходилось выбиваться изъ силъ, стараясь въ дождь и бурю пробиться сквозь ледяные заторы въ свободный фарватеръ, не то, что имъ приходилось питаться сырымъ лошадинымъ мясомъ, и т. п. (горячую пищу они получили всего разъ за все время плаванія на льдинѣ), и даже не то, что смерть ежеминутно глядѣла имъ въ глаза—но то, что имъ угрожала опасность быть вынужденными совсѣмъ отказаться въ этотъ годъ отъ задуманнаго перехода черезъ материковый ледъ. Да, это были дни тяжелыхъ испытаній.

Послѣ того, какъ извѣстія о счастливомъ исходѣ экспедиціи дошли до Стокгольма, Норденшѣльдъ особенно выставлялъ на видъ проявленную во время упомянутаго плаванія членами экспедиціи достойную удивленія энергію и ихъ ревностное, настойчивое преслѣдованіе цѣли, заставившее ихъ, едва они выбились изъ полосы пловучаго льда, тотчасъ-же грести къ сѣверу, что-бы достичь того мѣста, откуда они рассчитывали начать переходъ черезъ материковый ледъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣднее обстоятельство свидѣтельствуешь объ удивительной энергіи, выдержкѣ и беззавѣтной преданности идеѣ. Такія осязательныя неудачи, какъ встрѣченныя Нансеномъ и его товарищами при самомъ-же началѣ экспедиціи, могли-бы обезкуражить хоть кого; кромѣ того, лѣто уже близилось къ концу, запасы провіанта, и безъ того небольшіе, порядкомъ поубавились, а соблазны культурной жизни были такъ

близки. Ближайшая датская станція, Фредериксдаль, находилась всего въ 270 километр. отъ Кекертарсуака, куда членовъ экспедиціи отнесло теченіемъ, тогда какъ до фьорда Сермилика, который долженъ былъ служить экспедиціи исходнымъ пунктомъ отправленія, предстояло плыть почти вдвое больше. Устоять противъ соблазна — отложить экспедицію до слѣдующаго лѣта, было истиннымъ геройствомъ, на которое оказались-бы способными немногіе. Но для Нансена и его спутниковъ не существовало никакихъ соблазновъ, у всѣхъ у нихъ была одна мысль — вернуться въ лодкѣ на сѣверъ, какъ только откроется малѣйшая возможность. И разъ они увидѣли передъ собой свободный ото льда фарватеръ, они сразу забыли всѣ опасности и наоборотъ, воспрянули духомъ.

Первая задача экспедиціи — пробиться цѣлой и невредимой черезъ полосу пловучихъ льдовъ у восточнаго берега Грѣнландіи была, такимъ образомъ, выполнена, хотя и съ большимъ трудомъ и потерей дорогого времени. Экспедиціи предсказывали неудачу подобнаго предпріятія и не удивительно. Множество прежнихъ попытокъ были неудачны и доказали почти полную невозможность пробиться черезъ полосу пловучихъ льдовъ южнѣе 66° ш. *) Лишь въ 1883 г. Норденшѣльду удалось на пароходѣ „Софія“ добраться до берега у мыса Дана (гавань короля Оскара). Тѣмъ больше уваженія заслуживаетъ поэтому подвигъ Нансена и его спутниковъ.

Членамъ экспедиціи приходилось теперь напрячь всѣ силы, чтобы поскорѣе добраться до фьорда Сермилика, если они не желали упустить и остальную часть лѣта. И вотъ, они приналегли.

Короткій отдыхъ въ Кекертарсуакѣ былъ ознаменованъ пиршествомъ: члены экспедиціи разрѣшили себѣ горячій шоколадъ и добавочныя порціи овсяныхъ бисквитовъ, швейцарскаго сыра и брусничнаго варенья! Затѣмъ, съ началомъ плаванія они перешли на обычное меню: холодную воду, бисквиты и сушеное мясо. На приготовленіе горячаго кушанья некогда было тратить время, — предстояло, вѣдь, грести изо всѣхъ силъ, чтобы навер-

*) Подробный перечень этихъ попытокъ данъ Нансеномъ въ его описаніи данной экспедиціи: «На лыжахъ черезъ Грѣнландію» гл. X.

стать упущенное время, проведенное на льдинѣ. Плаванье на лодкѣ, вдоль берега, оказалось также крайне тяжелымъ. На большихъ протяженіяхъ приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы продвинуть лодки между встрѣчавшимися льдинами, или же тащить лодки за собой по льду вдоль низкаго пустыннаго берега съ его снѣжными полями и ледниками, доходящими въ иныхъ мѣстахъ до самой воды. Тѣмъ не менѣе экспедиція счастливо миновала пресловутый ледникъ Пуисорстокъ (по близости его, у мыса Билле, экспедиція наткнулась на кочевье эскимосовъ-язычниковъ, быть которыхъ Нансенъ потомъ такъ интересно описалъ въ своемъ трудѣ „На лыжахъ черезъ Грѣнландію“) и прошла сплошное поле пловучихъ льдовъ, на югѣ отъ Ингеркайарфика, во время бури и ливня. У фьорда Могенъ Гейнесенъ видъ берега измѣнился; оттуда къ сѣверу идетъ большое пространство голой земли и затѣмъ цѣпь высокихъ горъ.

Постоянно борясь съ льдинами и теченьемъ, члены экспедиціи достигли 3-го августа до Нунарсуака (62°, 43' с. ш.). Отсюда они пытались плыть дальше, но вѣтеръ скоро перешелъ въ штормъ, который чуть не оказался для нихъ роковымъ: лодки грозило разбить о льдины, весла сломались, и въ довершеніе всего лодки разошлись. Но и тутъ члены экспедиціи не пали духомъ, напрягли всѣ силы и благополучно избѣгли бѣды. Зато, какъ сладокъ былъ отдыхъ послѣ такого дня на мягкомъ, зеленомъ травяномъ коврѣ на островѣ Гриффенфельдта, гдѣ они раскинули свою палатку! Чудный, горячій тминный супъ, „который не скоро забудешь“, былъ наградой за упорный и тяжелый трудъ.

5 августа лодки едва не были раздавлены скатившеюся съ горы ледяной глыбой. Поздно вечеромъ въ тотъ-же день послѣ почти невѣроятныхъ трудовъ члены экспедиціи достигли островка въ устьѣ фьорда Инугсуарміутъ, гдѣ предполагали переночевать. Но, прибывъ сюда, они увидѣли, что впереди вода свободна ото льда, и мысль объ отдыхѣ была оставлена. Опять за весла и впередъ! „Приналегги“ таки они!

У Сингіартуарфика, 6 августа, экспедиція снова встрѣтила эскимосовъ и затѣмъ неуклонно продолжала свой путь на сѣверъ, то плывя по свободному ото льда фарватеру, то борясь

съ пловучими льдами, и довольствуясь все той-же холодной сухой пищей, которая къ тому-же выдавалась весьма скудными порціями. Сытыми они въ сущности никогда себя не чувствовали, даже только что поѣвъ, но „Нансенъ сказалъ, что этихъ порцій достаточно, значитъ, и было достаточно“, — рассказывалъ Христіансенъ. Но даже двумъ лапландцамъ, которые конечно не могли себѣ раньше и представить, что ожидаетъ ихъ во время такой поѣздки, эта безконечная тяжелая борьба съ пло-

Пуисорстокъ.

вучимъ льдомъ, да еще впроголодь, стала казаться довольно таки невеселою.

Берегъ сталъ опять менѣе крутымъ, скалы болѣе отлогими, и члены экспедиціи уже стали подумывать — не пора-ли имъ перебраться на материковый ледъ и начать переходъ. 8-го августа они достигли фьорда Беристорфа, приблизительно у $63\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.; фьордъ былъ наполненъ обломками ледниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ обломковъ были настоящими ледяными горами самыхъ причудливыхъ формъ; верхняя часть ихъ, подымавшаяся надъ водой, имѣла въ вышину до 70 метровъ, а ниж-

няя подъ водой въ 6—7 разъ больше, ширина-же достигала одного километра; необозримыми массами лежали эти громады у самого устья залива, преграждая всякій дальнѣйшій путь. Съ вершины одной открывалась панорама пловучей „ледяной альпійской страны“.

Наконецъ, и тутъ нашлись проходы и открытые протоки между двухъ высочайшихъ ледяныхъ стѣнъ, позволявшихъ путникамъ видѣть надъ собою только сверху узенькую полоску неба.

Не разъ во время этого плаванія рушились передъ ними огромныя ледяныя горы, приводя море въ страшное волненіе, но смѣльчаки оставались цѣлыми и невредимыми и пробрались таки благополучно. Въ эту ночь они спали въ мѣшкахъ, разложенныхъ прямо на рифъ, до того ничтожныхъ размѣровъ, что даже нельзя было разбить на немъ палатку.

Но вотъ фарватеръ сталъ расширяться, и можно было уже безъ особенныхъ затрудненій продолжать путь къ сѣверу, если не считать того, что съ ледниковъ продолжали скатываться на ихъ путь огромныя ледяныя глыбы. 9-го августа, какъ разъ въ то время, какъ члены экспедиціи работали надъ тѣмъ, чтобы раздвинуть двѣ льдины, загораживавшія имъ путь, огромная глыба грохнулась на льдину, на которой они стояли, отбила отъ нея край и образовала настоящій водоворотъ. „Двинься мы этимъ путемъ нѣсколькими минутами раньше, какъ мы и предполагали, насъ навѣрно раздавило-бы на смерть. Это было бы уже третье приключеніе подобнаго рода!“ —отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Нансенъ и очень характерно прибавляетъ: „Приключеніе довольно странное!“ Еще бы! Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объясняется то, что нѣкоторые выходятъ цѣлыми и невредимыми изъ подобныхъ приключеній, вздятъ себѣ на льдинѣ среди пловучихъ льдовъ въ то время, какъ прибой ежеминутно грозитъ разбить эту хрупкую льдину, единственную границу, отдѣляющую ихъ отъ смерти, гребутъ въ лодкѣ подъ рушащимися ледяными горами и успѣваютъ проскользнуть за двѣ минуты передъ тѣмъ, какъ происходитъ обвалъ, проваливаются въ трещины материковаго льда, но такъ именно, что распростертыя руки и палка удерживаютъ ихъ на краѣ, гребутъ въ опасномъ мѣстѣ нѣсколько дней подрядъ въ импровизированной парусинной лодкѣ-скорлупкѣ и доплываютъ до мѣста

какъ разъ во время, чтобы уйти отъ бури и гибели, спать на льду при 45° мороза, не замерзая, десятки разъ падаютъ въ холодную какъ ледъ воду, не схватывая даже насморка, работаютъ какъ волы и голодаютъ какъ собаки по мѣсяцамъ и — все сходится имъ съ рукъ, между тѣмъ, какъ иные... да лучше, пожалуй, воздержаться отъ сравненій. Дѣйствительно, все приключенія по меньшей мѣрѣ таки „странныя“!

Но положимъ даже, что девяносто девять процентовъ этого „дурацкаго счастья“ приходится отнести на долю неусыпной бдительности, здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ, геніальной сообразительности и неуклонной энергіи избранныхъ натуръ, но на долю чего-же отнести остальной процентъ этого счастья? Просто они были въ союзѣ съ самой жизнью, наши грѣнландскіе путешественники.

Дальше путь оказался болѣе сноснымъ, и 10-го августа въ 8 ч. вечера экспедиція, наконецъ, высадилась при густомъ туманѣ на восточномъ берегу Грѣнландіи, на сѣверѣ фьорда Умивика. Тутъ насталъ конецъ плаванію на лодкахъ, и спутники Нансена съ радостнымъ усердіемъ принялись вытаскивать ихъ на берегъ, въ то время, какъ Нансенъ взялся сварить кофе. Это была „вторая теплая трапеза въ теченіе 12 дней“.

Послѣ предпринятой Нансеномъ и Свердрупомъ крайне тяжелой и трудной рекогносцировки, убѣдившей ихъ въ возможности подняться на плато въ мѣстности, прилегающей къ фьорду Умивикъ, члены экспедиціи принялись налаживать обувь, лыжи и проч., перекладывать багажъ, вообще тщательно готовиться къ предстоящему переходу по льду. Погода къ сожалѣнію все стояла мягкая и дождливая, что мало благопріятствовало выступленію въ путь.

16 августа въ 9 ч. вечера все было готово. Багажъ уложили на пять ручныхъ санокъ; на четырехъ было по 100 килогр. груза, а на пятыхъ вдвое больше, почему эти санки и потащили двое—Нансенъ и Свердрупъ вмѣстѣ.

Подъемъ былъ очень крутъ, и члены экспедиціи подвигались впередъ крайне медленно, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе долго стоявшей дождливой погоды, почва совершенно размокла, а ледъ былъ весь въ трещинахъ, къ счастью, небольшихъ размѣ-

ровъ, такъ что можно было шагать черезъ нихъ. Дождь продолжалъ лить, и путники промокли до костей. Въ теченіе 3 сутокъ, отъ полудня 17-го до утра 20-го шелъ настоящій ливень, сопровождаемый такимъ сильнымъ вѣтромъ, что Нансену и его спутникамъ не оставалось ничего другого, какъ сидѣть въ палаткѣ. Наступили невеселые дни, особенно въ виду того, что запасъ провіанта не позволялъ путешественникамъ ѣсть больше одного раза въ день.

20-го можно было опять двинуться. Медленно тащились путешественники по крутой, усѣянной трещинами мѣстности. 21-го погода, наконецъ, прояснилась, и подморозило настолько, что стало удобнѣе ходить по снѣгу. Съ этого дня и вплоть до того, когда члены экспедиціи достигли западнаго берега Грѣнландіи, они не находили воды для питья и все время страдали невыносимой жаждой. Единственнымъ средствомъ заготовить себѣ воды для питья было—набивъ небольшія плоскія бутылочки снѣгомъ, носить ихъ на груди, пока снѣгъ не таялъ отъ теплоты тѣла и не превращался въ воду. При морозахъ слишкомъ въ сорокъ градусовъ, которые настали потомъ, такое питье доставалось имъ такъ не легко.

Когда члены экспедиціи 22-го въ 2 часа утра вышли изъ палатки, морозъ былъ уже порядочный; находились они на высотѣ приблизительно 900 метровъ, и имъ казалось, что главныя трудности подъема остались позади. Но почва и дальше продолжала быть страшно неровной, такъ что путешественникамъ стоило ужасныхъ трудовъ тащить тяжелыя санки. „Все тѣло ломило, а плечи такъ и горѣли“.

Начиная съ 24-го они продолжали путь днемъ, а на ночь останавливались. Морозъ все крѣпчалъ; тѣмъ не менѣе по дорогѣ часто попадались мѣста съ растаявшимъ снѣгомъ, въ который санки глубоко проваливались, а 26-го членамъ экспедиціи пришлось выдержать настоящую пургу. Подъемъ все еще оказывался настолько крутымъ (до 1:4), что каждая санка приходилось втаскивать троимъ людямъ, и поэтому путешественники вынуждены были по нѣскольку разъ возвращаться и дѣлать тотъ-же самый конецъ. Не удивительно, что у Христіансена, рѣдко вообще раскрывавшаго ротъ, послѣ одного изъ такихъ возвращеній вырвалось такъ: „Господи! и охота-же людямъ са-

мимъ лѣзть на такія мученія!“ Экспедиція находилась въ это время на высотѣ 1990 м. (около 6000 фут.).

Вѣтреная и снѣжная погода продолжалась и въ слѣдующіе дни, и хотя путешественники старались пользоваться для облегченія движенія вѣтромъ, приспособивъ къ санкамъ брезентъ вмѣсто парусовъ, они подвигались впередъ всетаки довольно медленно. Нансену стало ясно, что такимъ образомъ имъ врядъ-ли достигъ Христіансхоба, особенно въ виду наступавшей уже зимы, и 28-го онъ объявилъ спутникамъ свое рѣшеніе измѣнить маршрутъ и идти прямо на западъ къ Готхобу, или вѣрнѣе, къ фьорду Амералику, находящемуся на $64^{\circ} 10'$ с. ш. (чуть къ югу отъ Готхоба), вслѣдствіе чего путь къ западному берегу значительно сокращался. Рѣшеніе это было встрѣчено всѣми членами экспедиціи съ радостью, и вотъ, они снова двинулись впередъ, хотя нѣсколько по иному направленію, борясь съ той-же вьюгой и съ тѣми-же непрерывными страшными трудностями пути.

Попадавшіяся имъ до тѣхъ поръ на пути черезъ материковый ледъ торчащія изо льда вершины скалъ (нунатаки), прекратились; послѣднюю такую скалу они видѣли вдали 31 августа, а затѣмъ взорамъ ихъ уже не представлялось ничего, кромѣ снѣжно-ледяной волнообразной равнины, вплоть до того, какъ они достигли западнаго берега.

Путь все еще шелъ ввысь, и дни проходили за днями все въ томъ-же безконечно тяжеломъ трудѣ съ утра до вечера. Поверхность, по которой шли члены экспедиціи, была совершенно гладкая, ровная, какъ зеркало, но выпадавшій снѣгъ былъ до того мелокъ и сухъ, что чрезвычайно затруднялъ передвиженіе санокъ, и ежедневные переходы были поэтому довольно небольшими — въ одну, двѣ мили, хотя путешественники и могли уже тутъ пользоваться лыжами.

По мѣрѣ углубленія путниковъ во внутрь страны (на плато), холодъ давалъ себя знать все сильнѣе и сильнѣе. Правда, при ясной погодѣ днемъ солнце пекло еще изрядно, такъ что снѣгъ таялъ, образуя слякоть, и члены экспедиціи промачивали ноги, но едва солнце заходило, наступалъ жестокой холодъ, и путешественники подвергались опасности отморозить себѣ мокрыя ноги. „Часто по вечерамъ, когда мы хотѣли снять сапоги, ока-

зывалось, что они представляли съ чулками одно смерзшееся цѣлое“.

11-го сентября ночью температура упала въ палаткѣ до -40°C ., а внѣ палатки до -45°C . Разница между дневною и ночью температурою часто превышала 20° . Даже въ закрытыхъ мѣшкахъ, въ которыхъ спали члены экспедиціи, было до того холодно, что къ утру головы ихъ оказывались всѣ обмороженными. „Постоянно испытывать такіе морозы не всегда пріятно“, — говорится въ описаніи экспедиціи. Каково-же пришлось ея участникамъ, когда къ морозамъ прибавилась еще вьюга! Всякій пойметъ, какъ тяжело было тащиться при такихъ условіяхъ впередъ, изо дня въ день, черезъ безконечную ледяную пустыню, на высотѣ 8—9000 метровъ надъ моремъ, да еще волоча за собой тяжелыя санки. Вьюга продолжалась съ 4-го по 8-е сентября при температурѣ -40°C .; весь день 7-го сентября пришлось держаться въ палаткѣ, которую возможно тщательно закрыли со всѣхъ сторонъ, чтобы вѣтеръ не разнесъ ее въ клочья; въ такомъ случаѣ счастію этой былъ-бы, пожалуй, конецъ. Но даже и при такихъ обстоятельствахъ, порядокъ жизни шелъ своимъ чередомъ, и экспедиція, не смотря на морозы и вьюгу, на жажду и голодъ отъ недостатка жира, на всѣ другія тяготы, неуклонно подвигалась впередъ къ западному берегу. 5-го сентября экспедиція перевалила черезъ наивысшую точку плато, на высотѣ 2716 метровъ (8860 фут.) надъ уровнемъ моря.

11-го и 12-го сентября экспедиція находилась уже на высотѣ только 2,600 м. (около 8,300 ф.), и съ этихъ поръ, хотя и не особенно замѣтно, путь пошелъ по наклонности внизъ. 16 сентября наклонъ сталъ довольно замѣтнымъ, и температура вечеромъ пала только до -18° , что всѣмъ показалось ужъ во все теплой погодой.

17-го путешественники увидали снѣжнаго воробья и заключили изъ этого, что „земля“ близка.

19-го подулъ попутный вѣтеръ; тотчасъ-же къ санямъ прикрѣпили паруса изъ брезентовъ, связавъ ихъ по два вмѣстѣ, и скоро затѣмъ понеслись во весь духъ — уже по наклону къ берегу. Послѣ обѣда взоръ ихъ впервые встрѣтилъ вдали „землю“! Продолжая „плыть на парусахъ по льду“ при свѣтѣ

мѣсяца, они чуть было не покончили поѣздку въ расщелинѣ, такъ какъ достигли уже усѣяннаго трещинами и расщелинами (часто въ нѣсколько сотъ метровъ глубины) края плато. Самъ Нансенъ отморозилъ себѣ въ этотъ вечеръ всѣ пальцы и „терпѣлъ почти невыносимую боль“ (вѣрно и впрямь ему плохо пришлось!). Къ тому-же и поѣсть-то имъ до-сыта не приходилось, но все было ни почемъ, разъ они знали, что теперь не далеко до западнаго берега.

Подъ парусами при лунномъ свѣтѣ. Впереди трещины.

Высунувшись на другое утро изъ палатки, они увидали передъ собой внизу всю мѣстность къ югу отъ фьорда Готхобъ. Легко представить себѣ, какія въ эту минуту волновали ихъ чувства. «Мы были словно дѣти. Что-то подступило намъ къ горлу въ то время, какъ глаза наши разсматривали очертанія долинъ и тщетно искали увидѣть море хоть мелькомъ».

На другой день они подвигались впередъ довольно быстро, хотя и соблюдая крайнюю осторожность изъ-за множества трещинъ, которыя не разъ грозили имъ бѣдой. 21 вечеромъ они впервые съ того дня, какъ покинули восточный берегъ, напали

на *воду*, и въ первый разъ за столько недѣль утолили свою жажду, какъ слѣдуетъ. И пили-же они! „Мы явственно ощущали, какъ раздувались у насъ желудки“ — говорится въ описаніи экспедиціи. Дни эти остались для всѣхъ незабвенными.

Теперь путь сталъ клониться къ фьорду Амералику, но путь съ препятствіями. Почва была до невѣроятности неровная, трещины попадались на каждомъ шагу, такъ что часто приходилось дѣлать большіе обходы; не разъ также то тотъ, то другой изъ членовъ экспедиціи проваливался въ трещину, но къ счастью всякій разъ успѣвалъ такъ повернуть свой посохъ (отъ лыжъ) или топоръ, служившій для раскалыванія льда, что онъ ложился поперекъ трещины и задерживалъ паденіе. „Замѣчательно, что не проваливались глубже.“

Не взирая на такія опасности и препятствія, путешественникамъ удалось въ теченіе слѣдующихъ дней пройти и этотъ послѣдній конецъ по истрескавшейся краевой полосѣ материковаго льда, и 24 сентября они достигли, наконецъ, настоящей земли; материковый ледъ остался позади.

„Словами нельзя выразить ни тѣхъ чувствъ, которыя волновали насъ, когда мы почувствовали подъ ногами землю и камни, ни того чувства несказаннаго блаженства, которое разливалось по всѣмъ нашимъ жиламъ, когда мы почувствовали подъ ногами мягкій коверъ вереска и вдохнули въ себя чудный ароматъ травъ и мховъ.“

Тѣмъ не менѣе трудностямъ еще не насталъ конецъ; до фьорда оставалось пройти еще порядочное пространство по долинѣ Аустмана, при чемъ весь багажъ предстояло нести на плечахъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ дней одолѣли и этотъ переходъ и достигли верховья фьорда.

Здѣсь Свердрупъ и Балто взялись смастерить лодку изъ парусины, служившей поломъ въ палаткѣ, а Нансенъ принялся срѣзывать вѣтки кустовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ шпангоуты. Весла изготовили изъ бамбуковыхъ тросточекъ и раздвоенныхъ вѣтвей, обвернутыхъ парусиной. Для скамеекъ-же не нашлось ничего другого, кромѣ подставки отъ одного изъ инструментовъ, да двухъ тоненькихъ бамбуковыхъ тросточекъ.

Вышла какая-то странная скорлупка, въ 2½ метра длины, 1½ метра ширины и лишь 61 сантим. глубины, еле-еле вмѣ-

стившая только Нансена и Свердрупъ съ самымъ необходимымъ багажомъ, да и то они не смѣли даже языкомъ пошевелить, чтобы она не опрокинулась.

Послѣ страшной возни доставили таки эту импровизированную лодку, вмѣстѣ съ багажомъ, къ открытому фарватеру фьорда, и 29 сентября Нансенъ и Свердрупъ могли, наконецъ, взяться за весла и начать грести по направленію къ устью фьорда Амералика. Хотя лодка само собой оказалась далеко не

Нансенъ и Свердрупъ плывутъ въ парусинной лодкѣ.

перваго сорта и къ тому-же скоро дала изрядную течь, требовавшую выкачиванія воды каждыя десять минутъ, смѣлые пловцы тѣмъ не менѣе благополучно добрались въ ней до намѣченнаго пункта.

Погода вообще благопріятствовала плаванію, и они, проработавши до седьмого пота 4 дня, прибыли 3 октября въ своей скорлупкѣ въ новый Гернгуть, откуда уже пѣшкомъ отправились въ Готхобъ. Едва они достигли цѣли, поднялась страшная буря съ юга.

Дитрихсонъ, Христіансенъ и оба лапландца оставались,

между тѣмъ, съ большею частью багажа, хотя съ очень малымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, у верховья фьорда. Какъ только погода позволила, за ними поѣхали и благополучно доставили и ихъ въ Готхобъ. Такимъ образомъ замѣчательная экспедиція эта безъ всякаго несчастія завершилась 16 октября.

„Работали мы шибко, вытерпѣли не мало невзгодъ, чтобы достичь этой, теперь столь близкой намъ цѣли. И что-же? Какія волновали насъ чувства? Чувства счастливыхъ побѣдителей? Нѣтъ, мы такъ долго стремились къ намѣченной цѣли, такъ нетерпѣливо ждали ее, что когда, наконецъ, она была достигнута, событіе это застало насъ какъ-то врасплохъ!“—вотъ какъ самъ Нансенъ описываетъ свои чувства вечеромъ, наканунѣ прибытія въ Готхобъ. Да и не трудно, пожалуй, согласиться съ нимъ. И онъ, и Свердрупъ были слишкомъ измучены продолжительной непосильной работой, чтобы непосредственное чувство чистой радости могло при достиженіи цѣли взять верхъ надъ другими ощущеніями, болѣе матеріальнаго характера, вызванными, напримѣръ, возможностью наѣсться до-сыта и лечь спать въ „настоящую постель“.

Да и кромѣ того, чувство радости были испытано ими уже не разъ во время самой экспедиціи; они испытали его, когда ступили, воодушевляемые смѣлой надеждой, на твердую почву восточнаго берега, послѣ того, какъ счастливо миновали плывучіе льды; они испытали его, впервые завидѣвъ „землю“ съ высоты ледяного плато, впервые послѣ долгой жажды напившись воды, впервые послѣ продолжительнаго перехода по льду ощутивъ подъ ногами твердую почву съ верескомъ и мхомъ, испытали его, достигнувъ на собственноручно изготовленной лодкѣ устья фьорда Амералика. Чувство радости лежало вѣдь въ самомъ выполненіи подвига, въ напряженной и трудовой жизни на вольномъ воздухѣ, въ борьбѣ за достиженіе цѣли! Разъ-же она была достигнута — она была достигнута, вотъ и все! И больше уже не было цѣли, къ которой надо было стремиться, прилагая всѣ силы, оставалась одна усталость—до тѣхъ поръ, пока на горизонтѣ не покажутся новыя цѣли. Да, такъ оно и должно быть съ каждымъ истинно-великимъ изслѣдователемъ; пока только у него есть силы и охота искать новыхъ

задачъ, радость, возбуждаемая въ немъ достиженіемъ цѣли, можетъ быть лишь очень непродолжительной. Она быстро должна уступить мѣсто помысламъ о новыхъ цѣляхъ, а Нансену-ли было долго искать этихъ новыхъ, болѣе значительныхъ цѣлей? Вѣрнѣе всего, что именно въ это пребываніе Нансена въ Грѣнландіи, по окончаніи экспедиціи, въ немъ успѣлъ зародиться планъ его слѣдующей, еще болѣе грандіозной экспедиціи къ сѣверному полюсу.

Когда экспедиція достигла, наконецъ, Готхоба, оказалось, что заходившій туда корабль уже отплылъ обратно. Нансену удалось, однако, послать ему въ догонку письма съ эскимосами на каякахъ; эскимосы захватили судно въ Ивигтутѣ (70 миль южнѣе Готхоба) и сдали письма. Судно это было пароходъ „Fox“, участвовавшій въ экспедиціи М'Клинтока, розыскивавшей Франклина. Такимъ образомъ, извѣстіе о счастливомъ исходѣ Грѣнландской экспедиціи пришло въ Европу той-же осенью; за недостаткомъ угля „Fox'у“ пришлось зайти въ Скуденэсъ и, благодаря этому случайному обстоятельству, родина отважныхъ путешественниковъ первая получила извѣстіе о ихъ судьбѣ.

Доставленные письма—одно отъ Нансена Гамэлю, другое отъ Свердрупъ отцу—скоро затѣмъ обошли по телеграфу весь міръ, всюду, какъ извѣстно, возбуждая всеобщій восторгъ.

Нансену и его спутникамъ пришлось, между тѣмъ, перезимовать въ Готхобѣ, гдѣ начальникъ колоніи Биструпъ, докторъ Бинзеръ, священникъ Балле съ семьями и другіе датскіе колонисты, оказывая имъ самое широкое гостепріимство, старались сдѣлать ихъ пребываніе возможно пріятнымъ. Нансенъ почти все это время посвятилъ изученію жизни и быта эскимосовъ. Онъ самъ жилъ съ ними въ ихъ юртахъ, изучая ихъ нравы и обычаи, способы ловли и охоты, и выучился говорить по эскимосски, править каякомъ, владѣть эскимосскими оружіями, словомъ, не остановился ни передъ чѣмъ, чтобы основательно изучить этотъ замѣчательный народъ, который скоро полюбилъ.

Кромѣ того, имъ было за это время предпринято съ эскимосами нѣсколько продолжительныхъ экскурсій. Онъ ѣздилъ на охоту во фьордъ Амераликъ и побывалъ въ Сардлокѣ и Кангекѣ, гдѣ по цѣлымъ недѣлямъ жилъ у эскимосовъ.

Плодомъ этимъ изученій явилась его книга „Жизнь эскимосовъ“, въ которой вылилась вся горячая симпатія Нансена къ этому обреченному на вымираніе первобытному народу; прекрасное описаніе быта и нравовъ упомянутого народа представляетъ большой интересъ не только само по себѣ, но и какъ характеристика самого автора *).

15-го апрѣля, въ ту минуту, когда Нансенъ съ товарищами сидѣлъ за кофе и веселой бесѣдой въ домѣ Биструпа, по всей колоніи раздались крики, скоро слившіеся въ одинъ вой: „Umiarsuit, umiarsuit!“ (корабль, корабль!) Дѣйствительно, явился давноожидаемый корабль „Hvidbjörnen“ (Бѣлый Медвѣдь) подъ командой лейтенанта Гарде.

Часъ разлуки насталъ. Члены экспедиціи живо собрались въ путь на родину. „Не безъ грусти мы расстались съ мѣстечкомъ и людьми, среди которыхъ чувствовали себя такъ несказанно хорошо!“—говорится въ описаніи Грѣнландской экспедиціи. И можно быть увѣреннымъ, что со стороны Нансена слова эти служили выраженіемъ искренняго чувства. Такая натура, какъ его, созданная для жизни на вольномъ воздухѣ, среди природы, не могла не чувствовать себя хорошо, живя одною жизнью съ этимъ милымъ, первобытнымъ народомъ. Описывая свой отъѣздъ, Нансенъ приводитъ трогательныя слова одного изъ своихъ друзей-эскимосовъ, въ домѣ котораго онъ часто бывалъ. Послѣдній сказалъ Нансену на прощаніе: „Теперь ты уѣзжаешь отъ насъ опять въ великій міръ, откуда пріѣхалъ; тамъ тебя встрѣтитъ много людей, много новаго и ты скоро позабудешь насъ; мы-же тебя никогда не забудемъ!“

Но тотъ, кто знаетъ Нансена, знаетъ, что и онъ не забылъ своихъ дорогихъ друзей-эскимосовъ, а тотъ, кто прочтетъ книгу объ ихъ жизни, пойметъ насколько онъ привязался къ нимъ.

21-го мая „Бѣлый Медвѣдь“, послѣ благополучнаго плаванія сталъ на якорь во внутреннемъ рейдѣ Копенгагена. Прошелъ годъ слишкомъ съ тѣхъ поръ, какъ Нансенъ на пути въ Грѣнландію, ненадолго завернулъ въ Копенгагенъ, ради послѣднихъ приготовленій къ экспедиціи. Много воды утекло за этотъ годъ, многое свершилось въ этотъ промежутокъ, и самъ Нан-

*) См. главу „Дома и на чужбинѣ“.

сень, хотя и остался въ сущности такимъ-же, какимъ былъ въ первый свой прїѣздъ, сталъ другимъ въ глазахъ свѣта. Тогда въ немъ видѣли только молодого отчаяннаго смѣльчака, стремившагося къ великой цѣли, теперь-же это былъ всемірно-извѣстный путешественникъ, счастливо достигшій цѣли.

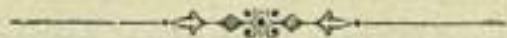
И вотъ, пошли торжества. Сперва недѣля празднествъ въ Копенгагенѣ, затѣмъ праздники по случаю возвращенія на родину, гдѣ Нансена чествовали, какъ врядъ-ли когда либо другого норвежца.

Въѣздъ экспедиціи въ Христіанійскій фьордъ былъ истинно триумфальнымъ въѣздомъ. День стоялъ прекрасный, лѣсъ только-что одѣлся молодой листвою, отовсюду сыпались цвѣты, раздавалась музыка, всюду развѣвались флаги... Цѣлый потокъ красокъ, звуковъ, свѣта и тепла несся на встрѣчу этимъ выходцамъ изъ страны льда.

Впереди плылъ почетный авангардъ военныхъ судовъ, а за ними пароходъ „М. Г. Мельхіоръ“ съ членами экспедиціи, конвоируемый миноносками; кругомъ-же и сзади, и спереди, и съ боковъ кружила, словно стая чаекъ, цѣлая флотилія пароходовъ, парусныхъ лодокъ и лодченокъ. Нансенъ стоялъ у борта въ своей сѣрой одеждѣ, успѣвшей изрядно запачкаться въ хижинахъ эскимосовъ. Выпавшіе на его долю почести были слишкомъ подавляюще-грандіозны, чтобы онъ могъ въ эти минуты испытывать чувство гордости. Вѣрнѣе всего, онъ просто радовался, какъ дитя, чувствуя, что сливается душою съ роднымъ народомъ. Онъ, вѣдь, явился какъ-бы почетнымъ вѣстникомъ отъ этого маленькаго народа къ остальному великому міру. На его долю выпало счастье и честь вынести на свѣтъ Божій мужество и самопожертвованіе этого народа, который выслалъ столько сыновъ на безвѣстную, темную гибель среди ночного мрака полярныхъ морей... Но многіе-ли изъ всѣхъ этихъ тысячъ людей, махавшихъ ему платками съ крѣпостныхъ валовъ Акерсхуса, прорывавшихъ полицейскія цѣпи на улицахъ, чтобы добраться до его экипажа, многіе-ли изъ нихъ думали въ эти минуты о наукѣ? Этихъ людей занималъ только совершонный подвигъ; въ ихъ глазахъ Нансенъ являлся вятземъ, связавшимъ саги отдаленнаго прошлаго съ сагой вчерашняго дня, съ сагою о лыжебѣжцѣ, скатывавшемся съ головоломной высоты въ до-

лину, съ сагою о сплавильщикѣ бревенъ, развязавшемъ свой плоть передъ самымъ водоворотомъ. Нансенъ являлся для нихъ олицетвореніемъ національнаго типа. И по своему они были правы. Онъ самъ въ эти минуты, навѣрное, глубоко ощущалъ крѣпкія узы, связывавшія его съ той почвой, на которой выросъ его подвигъ. Навѣрное въ душу ему хлынулъ цѣлый потокъ воспоминаній дѣтства, когда экипажъ его остановился передъ домомъ, гдѣ жили сестры Ларсенъ, и онъ вбѣжалъ туда поздороваться съ женщиной, бывшей когда-то эконошкой въ домѣ его родителей и перевязывавшей его окровавленное лицо послѣ того, какъ онъ впервые „расцѣловался со льдомъ.“

Мы-же, взявшіе на себя задачу дать полную картину жизни Нансена, не можемъ не отдать здѣсь должнаго и наукѣ, которая въ глазахъ всего цивилизованнаго міра является главнымъ условіемъ, придававшимъ этому торжественному возвращенію Нансена настоящее историческое значеніе.

Научное значеніе Грѣнландской экспедиціи.

По окончаніи Грѣнландской экспедиціи весь цивилизованный міръ единогласно отдалъ Нансену и его товарищамъ должное за ихъ подвигъ; большинство смотрѣло, однако, на этотъ подвигъ съ чисто спортсмѣнской точки зрѣнія, въ научномъ же значеніи экспедиціи мало кто, кромѣ настоящихъ ученыхъ, отдавалъ себѣ отчетъ *).

Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что главнымъ лозунгомъ экспедиціи, было „впередъ“. Объ отступленіи какого бы то ни было рода не могло быть и рѣчи. Сойдя съ „Язона“, члены экспедиціи, какъ бы сломали за собой всѣ мосты, и съ той минуты жизнь ихъ зависѣла отъ возможно быстрого, непрестаннаго, неуклоннаго движенія впередъ. Движеніе же это и на лодкахъ, и на льдинахъ, и на лыжахъ по материковому льду было сопряжено съ непомѣрнымъ трудомъ, требовавшимъ безпрерывнаго напряженія всѣхъ силъ до послѣдней возможности, если хотѣли достигнуть цѣли.

Мѣшкать, тратить время поѣтому нельзя было, даже на наблюденія; развѣ лишь въ такихъ случаяхъ, когда все равно приходилось останавливаться изъ-за другихъ причинъ. Собирать коллекціи также нельзя было, — багажъ и безъ того при-

*) Первые свѣдѣнія о научныхъ результатахъ Грѣнландской экспедиціи были даны въ видѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сообщеній Нансена (въ 1889 г.), затѣмъ въ сочиненіи его «На лыжахъ черезъ Грѣнландію» (въ 1890 г.) и, наконецъ, болѣе обстоятельныя въ статьѣ «Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. Nansens Durchgehung von Grönland 1888. Von Prof. H. Mohn und Dr. Fridtjof Nansen. Ergänzungsheft № 105 zu «Petermanns Mittheilungen» (Gotha 1892) P. I—III mit 6 Taf. und 10 Fig. in Text.

шлось сократить до минимума, взявъ только самое необходимое для насущныхъ потребностей. Итакъ, по отношенію къ наукѣ приходилось по самому ходу вещей ограничиваться тѣмъ, чего удавалось достигнуть, такъ сказать „на ходу“, не замедляя и не затрудняя чѣмъ либо самага движенія впередъ.

Что касается собиранія зоологическихъ и ботаническихъ матеріаловъ во время плаванія на кораблѣ, то это было и совсѣмъ исключено изъ программы въ силу условія, заключеннаго съ владѣльцами „Язона“, котораго нельзя было отвлекать отъ его главныхъ, чисто коммерческихъ цѣлей. Будь у Нансена въ то время собственный пароходъ, какъ у Норденшѣльда, когда послѣдній предпринялъ свою грѣнландскую экспедицію, условія были бы совсѣмъ иными.

Причина же того, что Нансенъ не собралъ никакихъ зоологическихъ или ботаническихъ коллекцій и матеріаловъ на самой аренѣ своего подвига—во внутренней Грѣнландіи—еще проще: въ этой области не оказалось и слѣда жизни. Засвидѣтельствованіе этого факта—первый важный и интересный результатъ экспедиціи, хоть и отрицательнаго свойства. Во время зимовки въ Готхобѣ также не было возможности ни собирать, ни сохранить какіе либо матеріалы за неимѣніемъ инструментовъ и другихъ пособій.

Неудивительно поэтому, что зоологическіе и ботаническіе результаты экспедиціи оказались незначительными. Да и какъ ни важно и полезно само по себѣ собираніе подобныхъ коллекцій, едва-ли эта работа соотвѣтствуетъ такой натурѣ, какъ Нансенъ. Ему гораздо больше по душѣ направлять всю свою энергію на рѣшеніе различныхъ великихъ задачъ общаго значенія.

Зато экспедиція Нансена имѣла тѣмъ болѣе важные результаты для географіи, геологіи и метеорологіи. Метеорологическія данныя собиралъ, главнымъ образомъ, Дитрихсонъ.

Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своей книгѣ „На лыжахъ черезъ Грѣнландію“ Нансенъ:

„Неутомимость и самопожертвованіе, съ которыми Дитрихсонъ выполнялъ свою задачу, достойны удивленія. Значеніе подобнаго труда, исполненнаго при данныхъ условіяхъ, можетъ понять лишь тотъ, кто испыталъ, что значитъ дѣлать наблюденія и съ безукоризненной точностью заносить ихъ изо дня въ

день въ тетрадь при 30 градусахъ мороза, когда пальцы распухаютъ отъ холода и едва держатъ карандашъ, когда чуть не падаешь отъ усталости, и когда въ глаза тебѣ отовсюду глядитъ гибель. Да, на это нужны недюжинный характеръ и недюжинная энергія!

Всѣ метеорологическія, астрономическія, магнитныя и тригонометрическія наблюденія экспедиціи разработаны профессоромъ Г. Мономъ (въ вышеназванной статьѣ въ „*Petermanns Mittheilungen*“). Огромный интересъ представилъ впервые вообще имѣвшій мѣсто рядъ наблюденій надъ температурой воздуха возвышенной снѣжно-ледяной пустыни. Особенно поразительно колебаніе суточной температуры: при холодахъ, которые преслѣдовали экспедицію отъ 11-го до 15-го сентября (на высотѣ 2600—2300 метр. надъ уровнемъ моря), температура ночью падала до -45° С. (12-го и 14 сент.), а среди дня поднималась до -20° , т. е. получалась разниа въ 25° С. Подобное сильное колебаніе температуры было наблюдаемо лишь во внутренней Сахарѣ и другихъ пустынныхъ областяхъ, гдѣ тепловое лучеиспусканіе, вслѣдствіе сухости воздуха, также очень велико.

Согласно наблюденіямъ экспедиціи, Монъ опредѣлилъ среднюю годовую температуру внутренняго плато Грѣнландіи на высотѣ 2000 метровъ въ -25° , среднюю температуру января мѣсяца въ -40° и іюля въ -10° С.

Затѣмъ съ приблизительной достовѣрностью можно сказать, что въ самое холодное время года температура внутри грѣнландскаго плато падаетъ до -65° (т. е. на 25° ниже средней температуры января) и, пожалуй, даже до -70° .

Такимъ образомъ, по наблюденіямъ экспедиціи, на материковомъ льду Грѣнландіи находится свой „полюсъ холода“, второй по счету на сѣверномъ полушаріи, притомъ на такомъ же разстояніи отъ сѣвернаго полюса, какъ и извѣстный прежде въ г. Верхоянскѣ, въ Сибири.

Всѣ эти данныя относительно температуры явились совершенно новыми. Изъ другихъ добытыхъ экспедиціей метеорологическихъ данныхъ можно отмѣтить, что горное снѣжно-ледяное плато Грѣнландіи отличается высокимъ атмосфернымъ давленіемъ, безусловно сухимъ воздухомъ, сильнымъ лучеиспусканіемъ и низкой температурой, представляющей значительныя суточные колебанія.

Предположеніе, что теплый сухой воздухъ—фень *) переносится съ одной стороны Грѣнландіи на другую, предположеніе, которое раздѣлялъ, между прочимъ, Норденшѣльдъ, этими новыми метеорологическими данными опровергается.

Географическо-геологическіе результаты экспедиціи сводятся, главнымъ образомъ, къ свѣдѣніямъ, добытымъ относительно самого материковаго льда. Прежде всего, благодаря экспедиціи Нансена, разъ навсегда опредѣлена область его распространенія и установленъ тотъ, имѣющій для науки крайне важное значеніе, фактъ, что Грѣнландія является довольно точной копіей сѣверной Европы въ ледниковый періодъ, т. е. въ наиболѣе важную эпоху исторіи земного шара.

И до экспедиціи Нансена имѣлись основанія полагать, что вся внутренняя часть Грѣнландіи покрыта льдомъ, но окончательно установить достовѣрность этого могъ только переходъ черезъ материковый ледъ. Даже такой опытный изслѣдователь, какъ Норденшѣльдъ, самъ предпринимавшій экспедиціи въ область материковаго льда Грѣнландіи, считалъ возможнымъ, — и послѣ своей послѣдней экспедиціи 1883 г., когда ему удалось проникнуть вглубь страны дальше, чѣмъ кому либо до тѣхъ поръ — высказывать предположеніе, что внутренняя область Грѣнландіи отчасти свободна ото льда; при этомъ ему еще сдавалось, что онъ въ 1883 г. „перешелъ черезъ широкую ледяную полосу, проходящую подъ 60°—70° поперекъ страны“. Послѣ же экспедиціи Нансена пришлось окончательно оставить всѣ прежнія предположенія относительно „оазисовъ“ или свободныхъ ото льда пространствъ внутри Грѣнландіи, и результаты экспедиціи Нансена вполне подтверждены впослѣдствіи экспедиціей Пири и Аструпа черезъ сѣверную часть Грѣнландскаго плато.

Установленіе экспедиціей факта существованія въ Грѣнландіи мощнаго ледяного покрова материковаго льда можно считать результатомъ высокаго научнаго значенія. Вокругъ же

*) Влажный морской вѣтеръ, ударясь о горные кряжи, охлаждается и осаждастъ на нихъ свои водяные пары, вслѣдствіе чего освобождается скрытая теплота водяныхъ паровъ, и вѣтеръ переносится на другую сторону горнаго кряжа въ видѣ теплаго сухого вѣтра, извѣстнаго въ Швейцаріи подъ названіемъ «Föhnwind».

этого главнаго результата группируется еще цѣлый рядъ результатовъ болѣе спеціального характера, благодаря которымъ окончательно измѣнились всѣ прежнія представленія о материковомъ лѣдѣ, о его поверхности, построеніи и метеорологическихъ свойствахъ, опиравшіяся по большей части на наблюденія надъ краевой полосой этого льда.

Относительно самой формы ледяного плато экспедиціей Нансена добыты слѣдующія свѣдѣнія: ледяной покровъ образуетъ надо всей Грѣнландіей — исключая окружности, образуемой ея узкой береговой полосой — нѣсколько заостренный къ югу, довольно правильный, выпуклый щитъ, при чемъ поперечные разрѣзы его приближаются къ дугамъ циркуля, радіусъ которыхъ все увеличивается съ юга къ сѣверу. Поверхность щита, болѣе выпуклая къ югу, становится все болѣе и болѣе плоской къ сѣверу. Наивысшая точка плато, достигнутая экспедиціей, возвышается на 2716 м. (около 8660 футовъ) надъ уровнемъ моря; отъ этой точки поверхность опускается на обѣ стороны (на востокъ и западъ) съ чрезвычайной симметричностью, точъ въ точъ какъ это можно было бы ожидать отъ расплавленной тягучей массы.

Тѣмъ не менѣе эта наивысшая точка оказалась нѣсколько ближе къ западному, чѣмъ къ восточному берегу. И весьма вѣроятно, что линія ледораздѣла въ Грѣнландіи (т. е. линія, раздѣляющая ледъ, сползающій на западъ, отъ льда, сползающаго на востокъ) должна идти приблизительно параллельно съ продольной осью материковаго льда; такимъ образомъ линія ледораздѣла можетъ не имѣть никакого соотношенія съ линіей водораздѣла, которая образовалась бы въ свободной ото льда Грѣнландіи *).

Исключая „нунатакъ“ береговой полосы, экспедиція нигдѣ не встрѣтила и слѣда горъ или скалъ, которыхъ и нѣтъ нигдѣ, кромѣ береговой области. Мощный покровъ материковаго льда, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пожалуй, двухъ, трехъ

*) Многими изслѣдователями, особенно-же Г. де-Геромъ доказано, что и въ Скандинавіи линія нынѣшняго водораздѣла не имѣетъ ничего общаго съ линіей ледораздѣла, имѣвшаго мѣсто въ продолженіи большей части ледниковаго періода (т. е. съ линіей, раздѣлявшей ледъ, сползавшій въ Сѣверное море отъ льда, сползавшаго въ Балтійское).

тысячъ метровъ въ толщину, совершенно скрываетъ подъ собой весь рельефъ страны, и на всемъ протяженіи этой ледяной коры нѣтъ и слѣда камней, песку или мелкой пыли *), какъ нѣтъ и слѣда животной жизни. Почти математически-правильная форма этого щита показываетъ, что она опредѣлена исключительно самымъ осажденіемъ атмосферныхъ осадковъ, вѣтрами и законами образованія поверхности на застывающихъ расплавленныхъ тягучихъ массахъ, а не особенностями „фундамента“. Самый фундаментъ материковаго льда—твердая скалистая почва представляетъ, по всей вѣроятности, и въ Грѣнландіи, какъ въ Скандинавіи, неправильную поверхность, изрѣзанную скалами и долинами **)

Выпуклая, щитообразная форма поверхности материковаго льда зависитъ, слѣдовательно — по мнѣнію Нансена — не отъ того, что будто-бы находящійся подъ нимъ твердый скалистый фундаментъ имѣетъ наибольшую высоту именно подъ осью высоты ледяного покрова, но отъ того, что расплавленная тягу-

*) Внутри плато не оказалось и мелкой пыли, найденной Норденшѣльдомъ въ краевой полосѣ материковаго льда и названной имъ «kryokonit'омъ». Ласо, Лоренценъ, Вюльфингъ и др. давно доказали, что пыль эта не космическая, а принесена туда вѣтромъ съ свободной ото льда береговой полосы страны.

**) Образованіе материковаго льда должно представлять себѣ такъ, что въ наиболѣе высоко расположенныхъ частяхъ страны, подымавшейся тогда, вѣроятно, значительно выше надъ уровнемъ моря, нежели теперь, годъ отъ года, скоплялись все большія и большія массы атмосферныхъ осадковъ въ видѣ снѣга, не таявшаго вслѣдствіе того, что климатъ страны становился все холоднѣе и холоднѣе, и сама страна, пожалуй, все подымалась надъ уровнемъ моря. Такимъ путемъ образовались — сначала въ наиболѣе высокихъ мѣстахъ страны — обычнымъ образомъ ледники, которые мало по малу распространились по всей странѣ заполнивъ всѣ углубленія и, наконецъ, одѣли страну сплошной ледяной броней. Какъ показываютъ ледники въ загроможденныхъ ими фьордахъ, ледъ ползетъ изнутри во *все* стороны; затѣмъ ледники также подтаиваютъ снизу, и изъ-подъ ледниковъ Грѣнландіи повсюду вытекаютъ рѣчки и ручьи даже зимою; этимъ сползаніемъ и таяніемъ оказывается противодѣйствіе постоянному на-ростанію ледяной коры, благодаря продолжающемуся накопленію снѣга на высотахъ. Уменьшается-ли вообще въ настоящее время толща материковаго льда вслѣдствіе сползанія ледниковъ и ихъ таянія, или увеличивается, благодаря новымъ атмосфернымъ осадкамъ, еще невозможно опредѣлить. Вѣрно только то, что въ прежнія времена ледяная кора въ Грѣнландіи была еще толще, чѣмъ теперь.

чая масса должна, застывая, сама по себѣ подняться всего выше тамъ, гдѣ сопротивленіе стеканію въ стороны всего сильнѣе, т. е. вообще посерединѣ. Поверхность материковаго льда внутри плато всюду снѣжная, а не ледяная; слой снѣга можно было вездѣ пробить палками отъ лыжъ, которыя и уходили въ снѣгъ цѣликомъ, т. е. на 3 метра. Общій составъ этого верхняго слоя—сверху рыхлый, а потомъ обледенѣлый снѣгъ, образовавшійся вслѣдствіе незначительнаго таянія снѣга на поверхности. Но хотя палки и уходили, какъ сказано, въ глубину покрова на три метра, до материковаго льда еще не доставали. Вѣтеръ сметалъ внутри плато снѣгъ въ длинныя, плоскія, почти незамѣтныя дюны, по направленію отъ сѣвера на югъ. Этотъ образовавшійся внутри Грѣнландіи надъ покровомъ материковаго льда верхній снѣжный покровъ доказываетъ, что тамъ на высотѣ болѣе 2000 м. снѣгъ во время лѣта хоть и таетъ, но не настолько, чтобы на поверхности образовалась гладкая ледяная кора; незначительное количество воды, образующееся при таяніи въ теплые дни верхняго слоя снѣга, не стекаетъ, но задерживается ночнымъ морозомъ *).

Всѣ эти важныя и интересныя свѣдѣнія о внутренней области материковаго льда оказались въ главныхъ чертахъ совершенно новыми, такъ какъ всѣ прежнія экспедиціи или не переступали за краевую полосу материковаго льда, или, если и переступали, то во всякомъ случаѣ не углублялись настолько во внутрь плато, чтобы имѣть возможность дать о немъ столь обстоятельныя свѣдѣнія. Нечего и говорить о томъ, какое значеніе представляетъ ознакомленіе съ климатическими и другими условіями, господствующими внутри области материковаго льда въ Грѣнландіи, для пониманія условій, господствовавшихъ въ сѣверной Европѣ и Сѣверной Америкѣ во время великаго ледниковаго періода.

О подробностяхъ-же отчета Нансена, касающихся самого строенія материковаго льда, его движенія, толщины, таянія, особенностей краевой полосы, образованія ледяныхъ горъ, по-

*) Стоитъ припомнить, ради сравненія, какъ Норденшѣльду пришлось въ 1883 г. отказаться отъ продолженія пути потому, что вся поверхность образовала пастоящую снѣжную кашу, въ которой опасались даже утонуть.

лярныхъ теченій, и пловучихъ льдовъ вдоль береговъ Грѣнландіи, здѣсь не мѣсто распространяться, тѣмъ болѣе, что подробности эти, не смотря на всю ихъ цѣнность, не представляютъ такого общаго значенія, какъ вышеприведенныя свѣдѣнія. По мѣрѣ того, какъ больше будутъ сознать значеніе, которое представляетъ для науки подробное ознакомленіе со всѣми условіями великаго ледниковаго періода, будутъ и больше цѣнить результаты, достигнутые Грѣнландскою экспедиціей Нансена.

Вѣдь, это безконечное, пустынное, ровное снѣжное поле, отличающееся почти математически-правильной выпуклой формой, обильнымъ лучеиспусканіемъ, страшными ночными морозами и ужасающими вьюгами, изображаетъ наиболѣе точную картину сѣверной Европы и Сѣверной Америки во время великаго ледниковаго періода.

Припомнивъ съ одной стороны простоту снаряженія экспедиціи Нансена и незначительность затраченныхъ на нее, въ сравненіи съ нѣкоторыми изъ прежнихъ экспедицій, средствъ, а съ другой стороны всѣ трудности и опасности, черезъ которыя пришлось пройти экспедиціи, чтобы достигнуть этихъ результатовъ—нельзя не отдать дани глубочайшаго уваженія лицамъ, совершившимъ этотъ научный подвигъ, переходъ черезъ материковый ледъ Грѣнландіи отъ одного берега до другого.

Дома и на чужбинѣ.

Эскизъ Е. Веренскѣольда.

Въ нашей книгѣ помѣщенъ цѣлый рядъ портретовъ Фритъофа Нансена различныхъ возрастовъ, и читателямъ, такимъ образомъ, дана возможность прослѣдить по фазисамъ развитія этого лица развитие самой личности знаменитаго путешественника. На портретѣ, снятомъ въ студенческіе годы, видно задумчивое, но ясное и округленное юношеское лицо; на портретѣ, сдѣланномъ Веренскѣольдомъ, по-

явилось сосредоточенное, пытливое выраженіе; на бюстѣ работы Лессинга — болѣзненно-напряженное, и на большомъ портретѣ изъ Лондона, помѣщенномъ въ началѣ этой книги, грустное. Глядя на послѣдній портретъ, на эти впалыя щеки, на ввалившіеся глаза, на морщины лба, не хочешь вѣрить, что это лицо тридцатилѣтняго человѣка. Черты эти говорятъ, какъ будто о

цѣлой прожитой человѣческой жизни, полной тревогъ и страданій. Между тѣмъ въ дѣйствительности портретъ изображаетъ молодого, тридцатидвухлѣтняго человѣка, не вѣдавшего въ жизни никакого особаго горя. Тревоги и волненія, положившія свою печать на это лицо, были тревогами и волненіями излѣдователя и путешественника, морщины, избороздившія лобъ, являются слѣдами рождавшихся въ головѣ грандіозныхъ плановъ и ихъ упорнаго всесторонняго обдумыванія. Прибавьте ко всему этому еще неопределимое влеченіе къ труду съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и—передъ вами истинный образъ человѣка, никогда въ сущности не знавшего безпечности, мечтательнаго покоя и беззаветной жизнерадостности молодости. Передъ нимъ уже на самомъ порогѣ жизни встали серьезныя задачи, и вся юная свѣжесть жизненной энергіи сразу перешла у него въ кипучую дѣятельность, въ завоевывающее мужество. Къ его юности вполне примѣнимо поэтическое опредѣленіе Бьёрнстьерне-Бьёрнсона:

Словно ястребъ въ небѣ рыщетъ,
Юность-удаль молодца!
Дѣла, битвы съ жизнью ищетъ:
Цѣлямъ, планамъ нѣтъ конца!

Послѣдняя строчка въ особенности какъ нельзя лучше можетъ служить эпиграфомъ къ юности Фритюфа Нансена. Въ ту эпоху, къ которой относится только что упомянутый портретъ, Нансенъ и готовился посвятить всѣ свои силы на достиженіе наиотдаленнѣйшей, наивысшей цѣли, о которой мечталъ уже много лѣтъ. Переходъ на лыжахъ черезъ материковый ледъ Грѣнландіи былъ для него только пробой силъ, подготовленіемъ къ великой полярной экспедиціи. Онъ задался этой грандіозной задачей еще задолго до того, какъ имя его стало извѣстнымъ хотя-бы на родинѣ. Оттого-то этотъ лондонскій портретъ Нансена и носитъ смѣшанный отпечатокъ напряженія, вызваннаго затратой силъ на уже совершенный подвигъ, и грусти, вызываемой мыслью о еще несовершенномъ, носитъ выраженіе, свойственное лицу женщины, готовящейся стать матерью, художника, страдающаго муками творчества, изслѣдователя, стремящагося къ цѣли.

Промежутокъ времени между Грѣнландской экспедиціей и

полярной прошелъ въ неустанномъ напряженномъ трудѣ даромъ что время это совпало съ періодомъ жениховства и счастливаго брака Нансена. Во первыхъ Нансенъ былъ занятъ составленіемъ подробнаго отчета о Грѣнландской экспедиціи, описаніемъ быта и нравовъ эскимосовъ, затѣмъ подготовленіемъ и разработкой плана полярной экспедиціи, чтеніемъ въ различныхъ европейскихъ городахъ рефераторовъ о ней и, наконецъ, снаряженіемъ ея.

Тутъ ужъ было не до медоваго мѣсяца, и на другой-же день послѣ свадьбы новобрачные отправились черезъ Гётеборгъ, Копенгагенъ, Флиссингенъ и Лондонъ въ Ньюкэстль на географическій съѣздъ, продолжавшійся съ недѣлю, въ теченіи которой молодая жена Нансена имѣла полную возможность обсуждать на досугѣ предпочтеніе, оказываемое ея мужемъ „географіи“ передъ „любовью“ *). Изъ Ньюкэстля молодые вернулись въ Лондонъ и тутъ ужъ, махнувъ рукой на землю со всѣми ея открытыми и неоткрытыми областями, отдались своему счастью, наслаждаясь уединеніемъ, широко предоставляемымъ жизнью въ огромномъ городѣ, и всѣми удовольствіями послѣдней. Затѣмъ промелькнули шесть счастливыхъ дней въ Парижѣ. Въ началѣ октября молодые вернулись на родину, но 16-го опять двинулись въ путь, на этотъ разъ въ Стокгольмъ, на засѣданіе „Шведскаго Антропологическаго и Географическаго общества“. Общество это еще въ январѣ 1889 г. постановило наградить Фритъофа Нансена медалью „Вега“, и, пріѣхавъ въ Стокгольмъ, Нансенъ получилъ ее изъ рукъ короля, являясь по счету шестымъ лицомъ, удостоеннымъ этой медали (первые пять: Норденшѣльдъ, Палландеръ, Стэнли, Пржевальскій и Юнкеръ). Секретарь общества, проф. Густавъ Реціусъ, высказалъ при этомъ слѣдующее:

„Доктору Нансену посчастливилось съ первой экспедиціей. Пожелаемъ-же ему, чтобы успѣхъ этотъ не сталъ для него второй „Нарвой“, которая-бы сдѣлала его слѣпымъ къ грозящимъ трудностямъ и привела его къ „Полтавѣ“. Пожелаемъ, чтобы за этой побѣдой онъ одержалъ и другія“.

*) Намекъ на комедію Бьёрнсона: «Географія и Любовь».

Примѣч. перев.

Далѣе ораторъ заявилъ, что Нансенъ, повидимому, и не сдѣлался черезчуръ самоувѣреннымъ, но остался такимъ-же, какимъ былъ два года тому назадъ, когда прѣзжалъ въ Стокгольмъ, чтобы посовѣтоваться съ Норденшѣльдомъ по поводу предстоявшей экспедиціи черезъ Грѣнландію. Радоваться-же совершонному имъ подвигу онъ вправѣ: подвигъ этотъ дѣлаетъ честь не только ему лично, но и всей его родинѣ. Ареной для маленькихъ націй должно быть не поле брани, но область культуры, цивилизаціи, науки и искусства, открытая для всѣхъ; вотъ гдѣ имъ надо стремиться стать въ первые ряды, принять участіе въ состязаніи, вотъ гдѣ имъ надо искать случая отличиться и завоевать себѣ уваженіе великихъ націй!“

Медаль „Вега“ явилась первымъ отличіемъ, выпавшимъ на долю Нансена. Семь лѣтъ тому назадъ онъ, въ качествѣ неизвѣстнаго охотника на тюленей, стоялъ среди Ледовитаго океана и глядѣлъ на знаменитое судно („Вега“), на которомъ совершилъ свое плаваніе вокругъ Азіи Норденшѣльдъ. Теперь онъ шагнулъ такъ далеко, что имя его произносится вслѣдъ за именемъ этого знаменитаго путешественника, и грудь его украсилась медалью имени знаменитаго корабля, которая выдается обыкновенно въ годовщину возвращенія „Веги“ на родину *).

Медаль „Вега“ не осталась единственнымъ знакомъ отличія; Нансена выбрали членомъ многихъ географическихъ и ученыхъ обществъ, которыя также прислали ему золотыя медали и другіе знаки отличія. Такъ, напримѣръ, онъ получилъ медаль „Карла-Риттера“ и медаль „Викторіи“ отъ Лондонскаго Королевскаго Географическаго общества въ началѣ 1891 г. Присужденіе Нансену послѣдней медали было мотивировано знаменитымъ обществомъ очень характерно:

„Медаль „Викторіи“ дается доктору Нансену за то: что онъ первый перешелъ черезъ материковый ледъ Грѣнландіи, совершилъ опасное и смѣлое предпріятіе, потребовавшее нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути, изъ которыхъ 37 дней были проведены на значительной высотѣ и въ климатическихъ условіяхъ арктической зимы.

*) Нансенъ въ свою очередь прочелъ въ «Обществѣ» докладъ о своей Грѣнландской экспедиціи. См. «Имеръ», журналъ изд. «Svenska sällskapet för antropologi och geografi» IX, 6.

За то, что онъ стоялъ во главѣ крайне опасной экспедиціи, во время которой не могло быть рѣчи объ отступленіи и была поставлена на карту, какъ его собственная жизнь, такъ и жизнь его спутниковъ. Для выполненія такой задачи надобно было обладать всѣми наилучшими качествами путешественника-ислѣдователя.

За то, что онъ при всѣхъ испытываемыхъ въ пути лишеніяхъ и трудностяхъ совершилъ цѣлый рядъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій, что требовало исключительной силы, выносливости и выдающихся способностей въ связи съ выдающимися качествами, отличающими дѣятеля науки.

За то, что онъ пролилъ свѣтъ на физическій характеръ внутренней Грѣнландіи и вообще достигъ своей экспедиціей многихъ цѣнныхъ научныхъ результатовъ“.

Одинъ изъ видныхъ датскихъ общественныхъ дѣятелей, другъ Нансена, поздравляя его, по поводу отличія со стороны Лондонскаго общества, прибавилъ: „А теперь Вамъ больше нечего ждать отъ меня поздравленій, даже если Васъ пожалуютъ въ командоры или кавалеры какого-нибудь крупнаго ордена. Отличія послѣдняго рода достаются на долю многихъ, медаль же „Викторіи“ дается не многимъ; получивъ ее, Вы очутились въ такой важной компаніи, что просто страсть!“

Кромѣ того Нансенъ былъ пожалованъ кавалеромъ орденовъ „Олафа“ и „Даннеброга“. Врядъ-ли будетъ нескромнымъ прибавить, что пожалованіе подобныхъ знаковъ отличія ему одному изъ всѣхъ членовъ Грѣнландской экспедиціи произвело на самого Нансена крайне тяжелое впечатлѣніе. Онъ живо сознавалъ, что товарищи его, наравнѣ съ нимъ ставившіе свою жизнь на карту и несшіе всѣ труды во время экспедиціи, достойны такихъ-же отличій. Дѣло это было, однако, не въ его власти.

„Христіанійское Общество наукъ“ выбрало Нансена своимъ членомъ еще до возвращенія его изъ Грѣнландіи. По возвращеніи-же на него посыпалась цѣлая масса почетныхъ дипломовъ и привѣтствій со стороны извѣстныхъ научныхъ дѣятелей въ области арктическихъ изслѣдованій. Приведемъ здѣсь одинъ отрывокъ изъ письма знаменитаго арктическаго путешественника Маркгама отъ 11-го марта 1891 г.

„Я съ своей стороны считаю Грѣнландскую экспедицію, съ

точки зрѣнія географа, однимъ изъ величайшихъ подвиговъ нашего времени, подвигомъ, соединившимъ въ себѣ высшую смѣлость предпріятія съ обширнымъ научнымъ значеніемъ“.

24-го Іюня 1891 г. „Institut de France“ избралъ Нансена въ члены-корреспонденты на мѣсто Норденшѣльда избраннаго тогда-же „associé étranger“.

Возвратившись изъ Стокгольма, Нансенъ съ женою поселился на два мѣсяца у Марты Ларсенъ, бывшей экономки родителей Фритъофа, нѣсколько разъ уже упомянутой въ этой книгѣ. Въ ея домѣ, гдѣ передъ нимъ какъ-бы оживали всѣ воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ, Нансенъ нашелъ точно мирную пристань. У Марты Ларсенъ жилъ онъ и той хлопотливой весной, когда въ потѣ лица готовился защищать диссертацию на доктора и возился съ приготовленіями къ Грѣнландской экспедиціи. Здѣсь онъ отдыхалъ, бесѣдуя съ доброй женщиной по вечерамъ о давно минувшихъ дняхъ дѣтства... „Помнишь, Марта“—обращался онъ къ ней вдругъ:—„какъ я пришелъ къ тебѣ однажды весь въ крови, порѣзавъ ногу?“ — „Какъ не помнить! Ты сказалъ, что упалъ и порѣзался о какіе-то осколки“. — „Нѣтъ, Марта! Теперь я расскажу тебѣ, какъ было дѣло. Мы съ Александромъ *) получили тогда новые матросскіе ножи; вотъ я и давай съ розмаха снимать своимъ ножомъ головки съ чертополоха, да вдругъ и всадилъ его себѣ прямо въ ногу. Только не могъ же я сказать этого тебѣ!“ — „А, вѣдь, ты вообще тогда не лгалъ!“... укоризненно говорила Марта. — „Ну знаешь, Марта, все въ мѣру! А новый матросскій ножъ чего нибудь да стоилъ!“...

Само собой разумѣется, что и на долю Марты Ларсенъ выпало „усладить“ жизнь полярныхъ путешественниковъ во время ихъ долгаго плаванія къ полюсу. Не то, что она сама поѣхала съ ними, но она явилась добровольной поставщицей варенья для „Фрама“. И Нансенъ, направляя курсъ на сѣверъ и посылая въ письмахъ послѣднія привѣтствія всѣмъ тѣмъ, кто былъ ему особенно близокъ или игралъ въ его жизни значительную роль, не забылъ и Марту Ларсенъ, своего вѣрнаго друга съ дѣтства. 3-го августа 1893 г. онъ писалъ ей изъ Хабаровова (на Югорскомъ шарѣ): „Готовясь оставить это послѣднее

*) Братъ Фритъофа.

мѣсто, откуда еще можно послать письма на родину, не могу не написать тебѣ нѣсколькихъ словъ на прощанье и не поблагодарить тебя за всю твою доброту и дружбу ко мнѣ“. Далѣе онъ называетъ эту дружбу „неутомимой“ и особенно выставляетъ на видъ готовность Марты Ларсенъ во всякое время приютить и приласкать и его и его жену. Нельзя было не остановиться на этомъ письмецѣ, хотя оно и очень незначительно и просто: не всѣ-то знаменитые люди и выдающіеся дѣятели отличаются въ подобныя серьезныя минуты жизни такой свѣжей и благодарной памятью.

Отъ Марты Ларсенъ Нансенъ съ женою переѣхали на собственную квартиру на „Драмменсвейенѣ“. Но тамъ было слишкомъ мало солнца, слишкомъ много городского шума и цивилизаціи. Вотъ они и рѣшили выстроить себѣ собственный домикъ и купили для этой цѣли мѣстечко у „Черной бухты“, гдѣ Нансенъ мальчикомъ сиживалъ, подкарауливая дикихъ утокъ. Пока же шла постройка, молодые жили въ павильонѣ близъ станціи желѣзной дороги; впослѣдствіи павильонъ этотъ былъ обращенъ художникомъ Отто Синдингомъ въ уютный артистическій уголокъ съ прекрасной мастерской, въ то же время онъ совсѣмъ не походилъ на жилое помѣщеніе. Полъ былъ выстланъ прямо на землѣ, и въ помѣщеніи царствовалъ такой холодъ, что по ночамъ замерзала вода въ умывальникѣ. „Въ ту зиму онъ отучилъ меня мерзнуть“, говоритъ Ева Нансенъ. И въ этой-то собачьей конурѣ, при такой температурѣ Нансенъ просиживалъ цѣлыми днями, работая надъ своей книгой о Грѣнландіи; кстати ему не трудно было вообразить себя вновь на материковомъ льдѣ.

Если-же ему случалось оторваться отъ работы и пожить по человѣчески какой-нибудь часъ, онъ ужъ тотчасъ-же и раскаявался въ этомъ. Постройка новаго дома, впрочемъ, порядкомъ отвлекла его; онъ самъ входилъ въ каждую мелочь по устройству помѣщенія. Почетное мѣсто и кровать были украшены рѣзьбою по его собственнымъ рисункамъ въ древне-сѣверномъ стилѣ; исполнялъ же работу извѣстный впослѣдствіи рѣзчикъ по дереву Боргерсенъ. Постройка дома велась по плану двоюроднаго брата Евы Нансенъ, архитектора Вельгавена, и окончилась въ мартѣ 1880 г., но переѣхали въ него супруги еще за-

долго до этого. Имя дому далъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ; поднявшись съ почетнаго мѣста въ новомъ домѣ съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ, онъ провозгласилъ: „Назовемъ его „Готхобъ“!“ (Добрая Надежда).

„Готхобъ“ — особнякъ, расположенъ на небольшомъ мысѣ, въ уютномъ и красивомъ мѣстечкѣ. Передъ домомъ лужайка съ разбросанными по ней деревьями, а дальше открытое море — широкое устье залива. Тутъ Нансену было полное раздолье и на сушѣ и на морѣ.

Но уже осенью того-же года онъ отправился съ женою въ большое путешествіе съ цѣлью читать доклады въ различныхъ городахъ Европы. Доклады были имъ прочитаны въ Копенгагенѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Гамбургѣ. О впечатлѣніи, которое Нансенъ производилъ своими докладами на специалистовъ, свидѣтельствуется весьма цѣнный отзывъ одного изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Европѣ авторитетовъ по географіи, проф. ф. фонъ Рихтгофена. Изъ письма его отъ 7-го мая 1897 г. къ издателямъ этой книги приведемъ слѣдующее:

„Не оправившись еще отъ болѣзни, не могу къ сожалѣнію дать Вамъ такого обстоятельнаго сообщенія о пребываніи Нансена въ Берлинѣ, какое-бы хотѣлось. Надѣюсь, что вы поэтому не посѣтуете на краткость изложенія.

Фритъофъ Нансенъ пріѣзжалъ сюда въ ноябрѣ 1890 г., т. е. два года спустя послѣ его достопримѣчательной Грѣнландской экспедиціи. Его уже не разъ приглашали пріѣхать въ Берлинъ, но онъ все откладывалъ свой пріѣздъ, желая предварительно закончить свой трудъ по описанію экспедиціи. 8-го ноября онъ прочелъ свой докладъ въ засѣданіи географическаго общества. Нечего и говорить о томъ, какъ сердечно онъ былъ встрѣченъ здѣсь, гдѣ съ такимъ увлеченіемъ слѣдили за выполненіемъ имъ его смѣлаго предпріятія. Чарующее впечатлѣніе, которое производитъ самая личность Нансена въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, дало себя знать и во время чтенія имъ доклада. Онъ сразу очаровалъ всѣхъ, произведя на всѣхъ впечатлѣніе чловѣка съ непреклонной волею, стремящагося къ исполнѣн обдуманной имъ цѣли, упорно отстаивающаго хорошо составленный и всесторонне разработанный имъ планъ. Особенно бросалось это въ глаза при описаніи имъ начала экспедиціи, когда онъ,

по собственному выраженію, „сжегъ свои корабли“, желая во что-бы-то ни стало совершить задуманный подвигъ, казавшійся тогда сумасбродствомъ. Собраніе съ всевозрастающимъ восторгомъ слѣдило затѣмъ за изложеніемъ докладчикомъ въ главныхъ чертахъ своего новаго грандіознаго плана сѣверной полярной экспедиціи. Многіе находили это предпріятіе черезчуръ смѣлымъ, считая предположенія докладчика, на которыхъ онъ основывалъ

Домъ Нансена.

успѣхъ, не достаточно основательными, зато никто не спорилъ противъ того, что если вообще можно рассчитывать на выполнение предпріятія по данному плану, то оно по плечу только одному Нансену. Отыскивая причины блестящаго исхода его перваго предпріятія, нельзя было не сознавать, что исходъ этотъ зависѣлъ отъ тщательной разработки Нансеномъ плана во всѣхъ его подробностяхъ, отъ полной готовности экспедиціи встрѣтить всевозможныя случайности, отъ физической выдержки, давшей

возможность побѣдить всѣ трудности, представляемыя условіями природы, отъ умѣнія пользоваться всѣми механическими средствами для передвиженія, главнымъ же образомъ отъ силы непреклонной воли предводителя. Новый проектъ его по грандіозности и смѣлости далеко превосходилъ первый, зато, насколько можно было судить, и всѣ мѣры, могущія обезпечить предпріятію благополучный исходъ, были приняты въ соотвѣтствующихъ болѣе обширному предпріятію размѣрахъ.

Вотъ, уважаемый другъ, впечатлѣніе, которое здѣсь оставилъ по себѣ Нансенъ. Никто изъ слушавшихъ его докладъ не забудетъ симпатичнаго молодого человѣка, такъ скромно рассказывавшаго о совершенномъ имъ подвигѣ и съ такой увѣренностью набрасывающаго основной планъ другого, еще куда болѣе смѣлаго подвига. Всѣ присутствовавшіе глубоко сознавали, что все, что только въ силахъ выставить для побѣдоносной борьбы съ силою природы полярныхъ странъ сильная воля, физическая мощь и просвѣщенный умъ,—все будетъ выставлено Фритъофомъ Нансеномъ. Правда, нельзя вполнѣ увѣровать въ положительность гипотезъ, относительно мѣстныхъ условій природы, гипотезъ, на которыхъ въ значительной мѣрѣ основанъ самый планъ, но зато нельзя не вѣрить въ то, что Нансенъ съумѣетъ разобраться въ существующихъ на дѣлѣ условіяхъ и разумно ограничится выполненіемъ того, что будетъ физически выполнимо, вмѣсто того, чтобы упорно держаться разъ принятаго въ основу плана. Уповая на это, мы твердо надѣемся, что Вашъ молодой, предпріимчивый землякъ вернется, достигнувъ богатыхъ результатовъ, и встрѣтитъ самое горячее сочувствіе всего образованнаго міра.

Скажу еще нѣсколько словъ о впечатлѣніи, производимомъ Нансеномъ. Особенно пріятно поражаетъ въ немъ счастливая смѣсь необычайной предпріимчивости и научнаго развитія. Эти драгоцѣнныя качества рѣдко идутъ рука объ руку, и въ наше время увлеченія спортомъ стало почти правиломъ, что наиболѣе выдающіяся проявленія физической мощи, какъ на прим. достиженіе наиболѣе доступныхъ горныхъ вершинъ и ледниковъ, совершаются исключительно ради удали, ради удовлетворенія жажды приключеній. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ отдать должное тамъ, гдѣ преодоленіе величайшихъ физическихъ трудностей совершается

во имя высшихъ цѣлей. Въ своемъ докладѣ Нансенъ проявилъ глубокое пониманіе всѣхъ проблемъ, связанныхъ съ изслѣдованіемъ арктическихъ странъ. Особенно видно это изъ того, что онъ старался всесторонне изучить Грѣнландію съ научной точки зрѣнія, и изъ того, что онъ ясно сознаетъ, какое значеніе представляетъ вообще для расширенія человѣческаго знанія изученіе полярныхъ странъ“.

По возвращеніи Нансена изъ его научнаго турнѣ по Европѣ, вышелъ въ свѣтъ послѣдній выпускъ его обширнаго труда: „На лыжахъ черезъ Грѣнландію“, обнимающаго слишкомъ 700 стр. большого формата. Этотъ трудъ вмѣстѣ съ книгой „Жизнь эскимосовъ“ главнымъ образомъ и занималъ его во время первой половины промежутка между двумя главными событіями его жизни: Грѣнландской экспедиціей и экспедиціей къ сѣверному полюсу. Поэтому уместно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ его авторской дѣятельности и объ ея отношеніи къ другимъ сторонамъ его личности, какъ научнаго дѣятеля и спортсмена.

Выше мы уже указывали на то, что Фритъофъ Нансенъ — натура поэтическая и въ высшей степени впечатлительная, не на столько, впрочемъ, чтобы онъ могъ быть рабомъ впечатлѣнія, ослабѣвать подъ его вліяніемъ и колебаться въ разѣ принятомъ рѣшеніи. Напротивъ, впечатлѣніе является, повидимому, для этой счастливо одаренной натуры только лишнимъ стимуломъ, побуждающимъ ее дѣйствовать. И, пожалуй, самымъ характернымъ доказательствомъ этого является то, что объ удивившія весь міръ экспедиціи Нансена только и могли быть задуманы творческой фантазіей. Взглядъ, высказанный однимъ нѣмецкимъ критикомъ по поводу бюста Нансена, поэтому, безъ сомнѣнія, вѣренъ. Критикъ этотъ сказалъ:

„Даже не слыхавъ раньше ни о цѣляхъ Нансена, ни о его предпріятіяхъ, даже не подозрѣвая, чья голова изображена здѣсь скульпторомъ, можно сразу высказать предположеніе, что черты эти принадлежатъ человѣку съ желѣзной волей и всепокоряющей энергіей, и притомъ не только способному идти на встрѣчу величайшимъ опасностямъ, но и одаренному прозорли-

вой фантазіей, внушающей ему и самыя смѣлыя мечты и твердую вѣру въ то, что онъ призванъ осуществить ихъ“.

Насколько намъ извѣстно, фантазія эта никогда не грѣшила какими либо поэтическими опытами. Наивныя слова въ одномъ изъ писемъ Нансена-юноши къ отцу: „Мнѣ, право, не о чемъ писать, а когда мнѣ не о чемъ писать, я и не могу писать“ характеризуютъ не только Нансена-юношу, но и Нансена-взрослаго и писателя. Какъ писатель, Нансенъ не можетъ создать что нибудь изъ ничего, не можетъ творить. Онъ берется за перо только тогда, когда есть о чемъ писать—будь то научное наблюденіе или предпріятіе. Тогда въ немъ сразу просыпается чрезвычайно живой рассказчикъ. Правда, воспоминанія иногда слишкомъ увлекаютъ его, такъ что изложеніе загромождается подробностями въ ущербъ художественной цѣлости. Зато сразу виденъ природный талантъ; видно, что молодой писатель успѣлъ уже пожить съ природой, и тамъ, гдѣ воспоминанія о ней захватываютъ его всецѣло, все несущественное отпадаетъ, изложеніе становится величественнымъ, подобно очертаніямъ покрытой снѣгомъ альпійской природы *).

Разсматривая его изложеніе въ книгѣ „На лыжахъ черезъ Грѣнландію“, безъ сомнѣнія, узнаешь всѣ характерныя особенности его прежней манеры писать. Для него эта жизнь съ природою, на вольномъ воздухѣ, такъ привлекательна во всѣхъ ея подробностяхъ, что онъ съ чисто дѣтской радостью останавливается на мельчайшихъ вещахъ. И здѣсь, всякій разъ, какъ онъ подходитъ къ изображенію сильно охватившаго его настроенія, слогъ его становится болѣе рельефнымъ, изложеніе еще болѣе талантливымъ. Извѣстно, что образъ лыжебѣжца вырисовывается типичнѣе всего въ „большихъ прыжкахъ“; то же можно сказать и о стилѣ Нансена. Лучше всего врѣзаются въ память изъ его описаній наиболѣе рельефныя мѣста, вдохновленныя молніеносной быстротой бѣга на лыжахъ и дышаніемъ изумительной силой и мѣткостью, но и, оцѣнивая весь трудъ въ цѣломъ, нельзя не признать за нимъ достоинствъ ровнаго и плавнаго изложенія. Трудъ этотъ выполненъ по широкому, даже

*) Ср. напр. приведенные въ этой книгѣ отрывки изъ его наброска «На лыжахъ изъ Восса въ Христіанію». Стр. 51—57.

слишкомъ широкому плану, если смотрѣть на него, какъ на художественное произведеніе. Если бы Нансенъ имѣлъ въ виду лишь драматическій интересъ читателя, ему пришлось бы отвести главное мѣсто описанію плаванія вдоль берега и самого перехода черезъ материковый ледъ, включивъ это въ тѣсныя рамки. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ имѣлъ въ виду не художественное произведеніе, а географическій трудъ и потому долженъ былъ дать подробное, обстоятельное описаніе совершеннаго ради науки подвига и всѣхъ его научныхъ результатовъ. Для поясненія прибѣгнемъ къ сравненію. Отъ писателя-художника требуется совершенно иное описаніе животнаго, нежели отъ зоолога. Писатель-художникъ можетъ отмѣтить только наиболѣе существенное, съ художественной точки зрѣнія необходимое для созданія эффектной картины. Отъ описанія же зоолога требуются всѣ мельчайшія подробности. Приблизительно съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на трудъ Нансена. Онъ не предназначается для развлеченія праздныхъ читателей, но долженъ служить извѣстнаго рода научнымъ руководствомъ, и то, что въ немъ можетъ показаться излишнимъ обыкновенному читателю, можетъ представить величайшій научный интересъ для будущихъ арктическихъ изслѣдователей. Читателю, ищущему въ книгѣ только художественнаго наслажденія или сильныхъ ощущеній, можетъ показаться излишнимъ подробное описаніе снаряженія экспедиціи, разъ что она уже окончена, и достоинства снаряженія проверены; для науки же и ея дѣятелей въ области изслѣдованія неизвѣстныхъ полярныхъ странъ важна каждая подробность. Съ перваго взгляда можетъ также показаться, что глава въ 60 страницъ о бѣгѣ на лыжахъ, излагающая историческое развитіе этого спорта, мѣшаетъ цѣльности всего труда, прерывая ходъ развитія главной темы. Но стоитъ только припомнить, что бѣгъ на лыжахъ именно благодаря Грѣнландской экспедиціи и приобрѣлъ всемірное значеніе (теперь признано и его значеніе для военныхъ цѣлей), какъ одно изъ наилучшихъ средствъ передвиженія при научныхъ изслѣдованіяхъ подобныхъ областей, тогда и глава о развитіи этого спорта покажется вполне уместной въ этой книгѣ. Еще съ большей справедливостью можно сказать то же самое о географическо-историческихъ обзорахъ, помѣщенныхъ въ той же книгѣ; они вполне

необходимы для того, чтобы выдвинуть, какъ должно, значеніе экспедиціи. И если Нансенъ, не смотря на спеціальный характеръ такихъ главъ, всетаки умѣетъ заинтересовать ими обыкновеннаго читателя, то это объясняется живостью и ясностью изложенія, талантливостью самого писателя, вообще обладающаго рѣдкимъ даромъ популярно излагать научный трудъ. Въ нашей литературѣ, крайне бѣдной подобными популярно изложенными трудами, Нансенъ занимаетъ поэтому весьма выдающееся мѣсто.

Въ концѣ своей книги о Грѣнландіи онъ помѣстилъ отрывки изъ своихъ дневниковъ, веденныхъ во время пребыванія его въ Сардлокъ и Кангекъ.

„Я веду здѣсь вовсе не дурную жизнь“, — говорится между прочимъ, въ одномъ изъ такихъ отрывковъ *). — „Скоро, пожалуй, я совсѣмъ превращусь въ эскимоса. Я живу ихъ жизнью, ѣмъ ихъ пищу, учусь цѣнить ихъ лакомства, вродѣ сырого сала, сырой кожи флетана (*hippoglossus*), замороженной голубицы съ прогорклымъ жиромъ и др. Я болтаю съ ними какъ умѣю, бываю съ ними на охотѣ, на рыбной ловлѣ, бѣгаю съ ними на лыжахъ, словомъ, все больше и больше осваиваюсь съ мыслью, что для европейца несовсѣмъ невозможно превратиться въ эскимоса, только бы хватило досуга“.

Между прочимъ онъ участвовалъ въ рыбныхъ ловляхъ и при морозахъ, отмораживавшихъ ему и носъ, и щеки, и подбородокъ. Въ концѣ февраля онъ находился въ Кангекѣ. „Пріятно“ — пишетъ онъ — „видѣть, какъ день все пребываетъ, какъ море начинаетъ блестѣть подъ лучами восходящаго солнца, чувствовать его чуть грѣющіе лучи, отправляться на ловлю на разсвѣтѣ, возвращаться къ вечеру и видѣть, что дню все еще не конецъ. Общество, сила пара, великія мысли и великія бѣдствія — все одинаково далеко... Остается только жить на волѣ, да радоваться жизни, вотъ и все! **).

Заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь и отзывъ самихъ грѣнландцевъ о Нансенѣ и его спутникахъ.

„Нансенъ выказалъ большіе успѣхи въ изученіи языка.

*) „На лыжахъ черезъ Гренландію“, стр. 632.

**) „На лыжахъ черезъ Гренландію“, стр. 635, 636, 646.

Прошло всего 6½ мѣсяцевъ съ того дня, какъ онъ высадился у насъ, а онъ уже почти все понималъ и, встрѣчая въ гавани возвращающіеся съ ловли каяки, или заходя къ намъ въ гости въ хижины, онъ объяснялся съ нами безъ особаго труда; и мы его легко понимали, и онъ насъ. Намъ очень жаль было разстаться съ ними, когда они уѣхали, и мы очень скучали по нихъ. Всѣ они были такіе красивые, что пріятно было смотрѣть на нихъ, да и они были довольны нами, такъ что мало по малу мы стали смотрѣть на нихъ, какъ на земляковъ. Мы также часто навѣщали ихъ совсѣмъ запросто, когда бывало вздумается, и они были вовсе не брезгливы, охотно пробовали нашу пищу, если только она не была изготовлена изъ плохой или испорченной провизіи“. Далѣе говорится, что Нансенъ скоро выучился управлять каякомъ и „одинаково хорошо справлялся съ нимъ и въ бурю и поздней ночью“.

Закончивъ описаніе своей грѣнландской экспедиціи, Нансенъ подробно описалъ и свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ совместной жизни съ эскимосами. Книга „Жизнь эскимосовъ“ (1891 г.) не только превосходно написана, и чрезвычайно занимательна по содержанію, но и представляетъ еще во многихъ отношеніяхъ крайне важный документъ въ смыслѣ освѣщенія самой личности Нансена. Онъ приводитъ въ предисловіи старое изреченіе: „Amicus Plato, amicus Socrates, magis amica veritas“ *). И надо признаться, что онъ высказываетъ то, что считаетъ истиной со свойственнымъ ему мужествомъ и не чуждымъ ему пренебреженіемъ къ общественной морали. Если-бы онъ хоть чуть заботился о своей популярности на родинѣ, онъ-бы смягчилъ, по крайней мѣрѣ, радикальность своихъ взглядовъ на цивилизацію и умѣрилъ-бы субъективность изложенія. Но это было не въ его характерѣ. Напротивъ, съ одной стороны онъ далъ полную волю своему восхищенію, съ другой — юношескому задору и пренебреженію. Его склонная къ вольной простой жизни первобытныхъ народовъ натура мѣшала ему смотрѣть на вещи вполне безпристрастно. Но какъ разъ поэтому-то книга „Жизнь эскимосовъ“ и предлагаетъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики Нансена.

*) Платонъ — другъ, Сократъ — другъ, но еще большій другъ — истина.

Онъ, впрочемъ, безъ сомнѣнія, правъ, выставляя на видъ преступленія, совершаемыя во имя такъ называемой цивилизаціи, противъ первобытныхъ народовъ. „Что изображаютъ теперь собой индійцы, гордые нѣкогда мексиканцы, высокоодаренные обитатели Перу? Куда дѣвалось первоначальное населеніе Тасманіи и въ какомъ положеніи находятся австралійскіе дикари? Скоро изъ нихъ не останется никого, чтобы возвысить голосъ для обвиненія расы, доведшей ихъ до гибели“ *).

Э.В.
Эскизъ Э. Веренскольда.

Нельзя не раздѣлять возмущенія Нансена, читая въ газетахъ чуть не ежедневныя извѣстія о насиліяхъ, творимыхъ надъ первобытными народами во имя цивилизаціи, но нельзя вполне согласиться съ нимъ, когда онъ всецѣло стоитъ за первобытное состояніе, считая грамотность несчастьемъ для эскимосовъ, такъ какъ ученіе отнимаетъ-де у нихъ понапрасну время и мѣшаетъ имъ оставаться такими-же искусными ловцами и охотниками, какъ прежде.

Чѣмъ-же объяснить столь враждебное отношеніе Нансена къ цивилизаціи, заставляющее его, научнаго дѣятеля и путешественника, одного изъ самыхъ отважныхъ пионеровъ цивилизаціи, говорить о ядовитомъ жалѣ цивилизаціи? Развѣ жизнь его сложилась такъ, что ему пришлось извѣдать какія нибудь печальныя столкновенія съ современной общественной жизнью и испытать всю горечь цивилизаціи? Намъ неизвѣстно о такихъ столкновеніяхъ, и напрасно стараться напасть на слѣдъ таковыхъ, опираясь на отдѣльныя выраженія, встрѣчаемыя въ его книгѣ, вродѣ напри- мѣръ такихъ:

*) Жизнь эскимосовъ стр. 285

„Наблюдая эти вѣчныя ссоры и отвратительную перебранку партій въ ежедневныхъ органахъ печати, я иногда невольно думаю: что-бы сказали эти господа политики, если-бы познакомились съ грѣнландскимъ обществомъ? Не покраснѣли-ли-бы они со стыда, поближе узнавъ этихъ людей, которыхъ строгій датскій священникъ Гансъ Эгgede нѣкогда обозвалъ „безчувственными идіотами, влачащими животную жизнь, не подозревая, что такое религія, порядокъ, дисциплина?“ *). Какъ низко мы стоимъ въ сравненіи съ ними, и какъ могли-бы они презирать насъ, узнавъ, какими гнусными, бранными словами ругаются у насъ даже въ газетахъ. Сами они не бранятся вовсе; да это и мудрено было-бы, такъ какъ въ самомъ языкѣ ихъ нѣтъ этого рода словъ, столь богато развитого въ нашемъ“.

Безъ сомнѣнія, говоря это, Нансенъ вполне искрененъ. Онъ самъ исто-норвежскій типъ, скорѣе, впрочемъ, приближающійся къ типу древнихъ норвежцевъ, чѣмъ къ типу нѣкоторыхъ современниковъ, въ которыхъ жажда борьбы выродилась въ потребность драться, и для которыхъ не столь важно панести ударъ, какъ „подползти и оцарапать“. Онъ — мощная и въ то же время кроткая натура, о какихъ мы знаемъ изъ сагъ: увѣренная въ себѣ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы идти собственной дорогой, но безъ слѣда мелочной придирчивости. Ему, какъ и грѣнландцамъ, „некогда тратить дорогое время попусту на ссоры, да на споры“.

Лично Нансенъ никогда не участвовалъ въ этой „войнѣ мышей съ лягушками“. И эта мелюзга въ сущности и не задѣвала его. Такъ что, когда онъ сѣлъ писать свою книгу объ эскимосахъ, онъ не былъ въ ссорѣ ни съ людьми вообще, ни съ норвежскимъ обществомъ въ частности. Но онъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ всегда чувствовалъ особое влеченіе ко всему первобытному, къ жизни съ природою. „Жизнь на волѣ“ для него тождественна съ жизнерадостностью. Намъ было-бы не по силамъ мириться съ условіями жизни въ хижинѣ эскимоса: господствующая тамъ грязь и неряшество испугали-бы насъ. Для него-же это все пустяки. Онъ уже съ дѣтства привыкъ подолгу голодать, а затѣмъ насыщаться чѣмъ попало. Для него

*) Жизнь эскимосовъ стр. 91.

и безразлично, гдѣ жить—въ домѣ-ли, въ палаткѣ-ли, разъ за дверью его ждетъ дѣло, плаванье на каякѣ въ бурю, охота на моржа, на бѣлаго медвѣдя—все среди величественной природы. Онъ любитъ этотъ народъ за его симпатичныя стороны, за его братскія, истинно христіанскія взаимныя отношенія и глубоко преклоняется передъ нимъ за его побѣду надъ такой жестокой природой *). „Подчиненіе себѣ природы, вотъ—великая задача человѣка. Сѣверные народы выдвинуты на самые крайніе аванпосты человѣчества въ его постоянной борьбѣ съ природою. Такимъ народомъ являются и эскимосы, и это одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ народовъ въ свѣтѣ. Онъ—живое, краснорѣчивое доказательство способности человѣка принаравливаться ко всякимъ условіямъ и размножаться на землѣ. Эскимось, какъ сказано, занимаетъ крайній аванпостъ на самой границѣ мертвыхъ ледяныхъ странъ; и куда-бы насъ ни занесло на дальнемъ сѣверѣ, почти вездѣ мы находимъ слѣды этого выносливаго народа. Онъ овладѣлъ мѣстностями, всѣми пренебрегаемыми, и, неустанно борясь и медленно, но вѣрно развиваясь, научился многому, чему никто не научился лучше его“.

Тутъ мы у самой сути дѣла. Огромная симпатія Нансена къ первобытнымъ народамъ внушена ему не человѣконенавистничествомъ, но какою-то особенною двойственною любовью къ природѣ: онъ любитъ природу и жаждетъ побѣдить ее. Большинство изъ насъ смотритъ на культуру, какъ на источникъ тѣхъ наслажденій, благодаря которымъ жизнь становится для насъ истинно человѣческой жизнью. Но и Нансенъ отнюдь не вандалъ; онъ служитъ наукѣ и умѣетъ цѣнить искусство. Тѣмъ не менѣе наслажденіе плодами культуры всегда отступаетъ у него на задній планъ въ сравненіи съ трудомъ—служеніемъ ей. Трудъ вообще для него альфа и омега, будь то трудъ ученаго, сидящаго за микроскопомъ, или гребца, правящаго каякомъ—все равно. Безграмотность эскимосовъ не представляется для него несчастьемъ потому, что онъ разсуждаетъ: тѣмъ болѣе остается у нихъ досуга закалять себя ради того, чтобы подчинить себѣ природу.

* * *

*) „Жизнь эскимосовъ“, предисловіе VI. См. дальше стр. 92—93.

Если принять во вниманіе всю ту литературу, которую пришлось изучить Нансену прежде, нежели онъ могъ написать упомянутые здѣсь два труда, то и самое изученіе это представится порядочнымъ трудомъ. Очень характерно также, что Нансенъ самъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ для „Petermanns Mittheilungen“, сообщеніе о своей Грѣнландской экспедиціи, и самъ сдѣлалъ англійскій переводъ своей книги объ эскимосахъ—такой трудъ, который вообще считается излишнимъ для автора *).

*) Приводимъ здѣсь кстаті полный списокъ трудовъ Нансена:

- 1884 г. Skitse af et isfjeld under kysten af Öst-Grönland. *Nyt Mag for Naturv.* b. 28 (1884) p. 54—56. Med. 1 pl.
- 1885 г. Bidrag til myzostomernes anatomi og histologi. P. 1—80 (folio) m. 9 pl. Udg. af. Bergens museum og belønnet med Ioach. Frieles guldmedalje.
- 1886 г. Foreløbig meddelelse om undersøgelser af centralnervesystemets bygning hos ascidia samt hos myxine glutinosa. *Bergens museums aarsberetning for 1885* p. 55—78.
- Preliminary communication on some investigations upon the histological structure of the central nervous system in the *Ascidia* and in *Myxine glutinosa*. *Ann. mag. nat. hist. London*. Ser. 5. Vol 18. p. 209—226.
- 1887 г. Den zoologiske station i Neapel. *Naturen* 1887 p. 39—46.
- Om hvirveldyrenes tredje øje, pandeøj. *Ib.* pag. 65—71.
- Om drivisen, dens dannelse og grustransport. *Ib.* pag. 213—216. (Sammen med I. Brunchorst desuden:
- Lavtstaaende dyrs og planters naturhistorie. I, II og III. *Ib.* p. 12—21, 106—112, 129—139).
- 1887 г. Nerveelementerne deres structur og sammenhaeng i centralnervesystemet. Med 1 pl. *Nord. med. archiv*. B. 19, nr. 24 (26 p.).
- The structure and combination of the histological elements of the central nervous system. *Bergens museums aarsberetning for 1886* (Bergen 1887) p. 28—215. Med. 9 of Nansen selv litograferede plancher. (Samme afh. paa norsk som afh. for doctorgraden).
- Ueber das Nervensystem der Myxostomen. *Iena'sche Zeitschr. für Naturwiss.*
- 1888 г. Grönlands indlandsis. Med. kart. *Naturen* p. 1—12.
- Grönlands indbyggere. *Ib.* p. 109—118.
- 1889 г. Den norske Grönlands-ekspedition. *Naturen* p. 208—215, 225—234.
- 1890 г. Plan til en ny polarekspedition. *Naturen* p. 65—92. Med. kart.
- Paa ski over Grönland. P. XII og. 1—704. 8 vo Med. 4 karter. og talrige ill. (Samme arbejde udgivet paa engelsk, tysk, fransk, svensk.).

Но литературный трудъ не былъ особенно обременительнымъ и изнурительнымъ. Изнурялъ Нансена въ эти годы главнымъ образомъ трудъ по подготовленію грандіозной полярной экспедиціи. Подготовленія эти потребовали огромнаго умственного напряженія; нужно было всесторонне взвѣсить и обсудить все, начиная съ постройки корабля и кончая мельчайшими подробностями провіанта. Самый выборъ личнаго состава экипажа подалъ поводъ къ огромной перепискѣ.

Но обо всемъ этомъ онъ разскажетъ самъ, и, не желая забѣгать впередъ него ни въ чемъ, отмѣтимъ только, что подготовительная работа была колоссальной. Не предвидѣлось конца всѣмъ тѣмъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ лежало на немъ. Въ сравненіи съ этимъ трудомъ возню съ санками при переходѣ черезъ грѣнландское плато можно было считать почти дѣтской забавой; настоящій трудъ не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, поглощалъ добрую половину даже тѣхъ немногихъ

1891 г. Fra Grönlandsfaerden. Det norske geogr. selsk. aarbog 1889—1890, p. 1—18. Med 1 kart.

— Eskimoliv. P. VIII og. 1—293. 8 vo. Med illustrationer af. O. Sinding. (Samme arbejde udgivet paa engelsk, tysk, fransk, svensk).

— Plan til en ny polarekspedition. Det norske geogr. selsk. aarbog 1889—1890, p. 53—82. Med. kart.

1892 г. Om den kommende norske polarekspedition og dens udrustning. Ib. 1891—1892, p. 91—118.

— Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. F. Nansens Durchquerung in Grönland 1888. Part I von H. Mohn, Part. II (pag. 53—101) von F. Nansen. 4-to Ergänzungsheft № 195 zu Petermanns Mittheilungen, 1892. 4-to.

1893 г. How can North polar region be crossed. Pag. 1—32. Med 2 pl. Proceedings of the Royal geographical society and monthly Record of geography. Jan. 1893. (London).

1894 г. On the development and structure of the whale. Part. I, Folio. (Главная часть этого труда принадлежитъ, какъ упомянуто выше, проф. Гульбергу.) Udg. af Bergens museum.

1896 г. Fram over Polarhavet; den Norske polarfaerd 1893 — 1896. Med et Tillaeg af Otto Sverdrup. (Kristiania).

Кромѣ того можно упомянуть статьи, напечатанныя въ «Norsk Idraetsblad», «Illustreret tidende for Børn», «Aftenposten» и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ статей упомянуты въ нашей книгѣ, для которой онѣ отчасти и послужили матеріаломъ.

часовъ, которые должны-бы были быть посвящены имъ домашней и семейной жизни, словомъ, требовалъ огромной затраты силъ и энергіи.

Въ началѣ 1892 г. Нансенъ опять предпринялъ турнэ, на этотъ разъ по Англіи, Шотландіи и Ирландіи съ цѣлью агитаціи въ пользу полярной экспедиціи. Читанные имъ въ Лондонѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ, какъ-то Ливерпуль, Манчестеръ, Шеффилдъ, Бирмингемъ, Гуллъ, Ньюкэстлъ, Эдинбургъ, Бельфасть, Дублинъ, Бристолъ и проч. доклады привлекали массу слушателей и возбуждали величайшій интересъ. Вотъ отзывъ объ этихъ лекціяхъ, присланный намъ изъ Англіи.

„Владѣть онъ англійскимъ языкомъ замѣчательно. Его вездѣ прекрасно понимали. Читая лекціи, онъ, конечно, чаще всего прибѣгалъ къ запискамъ, но наибольшее впечатлѣніе произвелъ онъ всетаки, по моему, по окончаніи своего послѣдняго доклада въ географическомъ обществѣ своимъ импровизированнымъ прости англійскому обществу, высказаннымъ съ такимъ чувствомъ, что слушатели пришли въ полный восторгъ. Могу завѣрить Васъ, что когда Нансенъ вернется, его ждетъ здѣсь грандіозный пріемъ“.

Осенью того-же года былъ спущенъ на воду корабль экспедиціи.

26 октября поѣздъ, идущій изъ Христіаніи въ Ларвикъ, былъ биткомъ набитъ приглашенными присутствовать при спускѣ. *) Ночью термометръ показывалъ $+10^{\circ}$, шелъ снѣгъ, и вся мѣстность была покрыта тонкою бѣлою пеленою. Утро было туманное, но затѣмъ солнце скоро разсѣяло туманъ. Нансенъ выѣхалъ на станцію Ларвикъ встрѣчать гостей. Въ гавани стояло промысловое судно, назначенное для гостей. На самомъ берегу, обращенный кормою къ морю, стоялъ новый корабль. Это и былъ новый корабль Фритъофа Нансена, большое, широкое судно, покрашенное внизу черной, а повыше бѣлой краской. Три огромныя мачты изъ американскихъ сосенъ лежали еще на набережной. На палубѣ были воздвигнуты три флагштока; на двухъ изъ нихъ уже развѣвались флаги, на третьемъ же долженъ былъ взвиться флагъ съ неизвѣстнымъ еще име-

*) См. описаніе Густава Рециуса («Aftonbladet» 3 Ноября 1892 г.).

немъ корабля. Имя это интриговало многихъ; будетъ-ли это: „Ева“, „Ливъ“, „Норвегія“, „Сѣверный полюсъ“?..

Тысячи людей собрались вокругъ верфи Колина Арчера, тысячи вскарабкались на окружающія ее скалы. А вокругъ большого судна, прикрѣпленнаго къ спусковому фундаменту желѣзными цѣпями, столпились группы сильныхъ, коренастыхъ людей въ рабочихъ костюмахъ. Тутъ были и промышленники, знакомые съ опасностями полярныхъ морей, и плотники, участвовавшіе въ постройкѣ судна; первые испытующе оглядывали судно со всѣхъ сторонъ, другіе съ гордостью любовались дѣломъ рукъ своихъ. Тутъ-же находился и главный строитель корабля, статный старикъ съ серьезнымъ благороднымъ лицомъ и длинной бѣлой бородой, Колинъ Арчеръ.

Но вотъ на подмости, устроенные около носа корабля, подымается Фритъофъ Нансенъ съ женой. Она подходитъ къ носу корабля, сильнымъ ударомъ разбиваетъ о него бутылку съ шампанскимъ и говоритъ громкимъ и яснымъ голосомъ: „Фрамъ *) имя ему!“ Въ ту-же минуту на пустомъ флагштокѣ взвивается флагъ съ именемъ корабля — бѣлыя буквы на красномъ полѣ. Быстро обрубаятъ всѣ канаты и подпорки, и большое, тяжелое судно начинаетъ скользить по наклону сначала медленно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, касается кормою воды, затѣмъ начинаетъ садиться все глубже и глубже. Одну минуту всѣхъ берегъ страхъ, какъ-бы оно не пошло ко дну, или не сѣло на мель. Но какъ только коснулся воды и носъ судна, корма поднялась, и корабль плавно двинулся впередъ. Въ ту же минуту на берегъ плеснулъ цѣлый валъ, обдавшій зрителей, примостившихся поближе къ водѣ. Видно было потомъ, какъ они, словно мокрыя мухи, поползли вверхъ, по обрызганному волнами скалистому берегу. Большую лодку, переброшенную валомъ на скалу, съ трудомъ удалось благополучно вывести изъ опаснаго положенія.

Фритъофъ Нансенъ, высокій и стройный, продолжалъ стоять на подмосткахъ; рядомъ съ нимъ стояла его жена. Глаза всѣхъ присутствовавшихъ были обращены на нихъ; всѣхъ невольно занималъ вопросъ: какія чувства должны волновать ихъ въ эту

*) «Впередъ».

минуту? Чувство радости по поводу счастливаго окончанія пролога великой драмы, которой еще предстояло разыгратъся среди долгой зимней ночи сѣвернаго полюса, чувство боли въ виду предстоящей долгой разлуки?..

Минута, когда „Фрамъ“, привѣтствуемый салютомъ орудій и раскатами „ура“, спустился и затѣмъ горделиво-свободно поплылъ по водѣ, захватила всѣхъ своей торжественностью. Многие говорили потомъ, что въ жизни не испытывали болѣе торжественной минуты. Корабль спокойно, увѣренно понесся впередъ по серебряному зеркалу моря, и передъ глазами всѣхъ какъ-бы промелькнула блестящая будущая судьба корабля, которому суждено было пролить свѣтъ на тѣ темные уголки нашей земли, куда еще не заглядывалъ глазъ человѣка, суждено бороздить волны, которыхъ не касался еще ни одинъ корабельный киль! Но свѣтлыя мысли должны были затѣмъ уступить мѣсто и серьезнымъ думамъ о тѣхъ опасностяхъ, которыя по всей вѣроятности ждутъ этотъ корабль и его экипажъ во время экспедиціи, о морозахъ, мракѣ, буряхъ, ледяныхъ горахъ и проч. На челѣ и въ свѣтломъ спокойномъ взорѣ Фритъофа Нансена не было, однако, и слѣда боязни или сомнѣнія. Онъ обладаетъ той вѣрой въ свое дѣло и той силой воли, „которыя двигаютъ горы“.

Колинъ Арчеръ, строитель „Фрама“, потомокъ шотландскаго рода. Имя его уже пользуется извѣстностью въ Норвегіи. Сравнительно недавно еще норвежская лоцманская лодка была очень далека отъ степени совершенства и по быстротѣ хода и по безопасности. Конструкція ея была не цѣлесообразна, постройка слаба, и потому не рѣдко случалось, что такія лодки тонули вмѣстѣ съ лоцманами. Арчеръ поставилъ себѣ задачей выработать для нашихъ лоцмановъ такой типъ лодки, которая бы и ходила лучше и была-бы вполнѣ безопасна въ бурю. Послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ работы, труды его увѣнчались такимъ успѣхомъ, что теперь лоцманы спокойно отправляются въ бурю на лодкѣ „Арчера“, и домашніе уже не трепещутъ за то, что „кормилецъ“ пойдетъ ко дну, когда буря разыграется во-всю.

Въ произнесенной Арчеромъ при спускѣ „Фрама“ рѣчи онъ сказалъ, между прочимъ, что ему не удалось-бы разрѣшить этой новой для него задачи безъ помощи самого Нансена. Съ другой

стороны, вѣроятно, былъ правъ и Нансенъ, сказавъ при этомъ случаѣ, что до сихъ поръ еще не было построено столь приспособленнаго къ полярной экспедиціи корабля, какъ этотъ.

* * *

Единственными часами отдыха для Нансена были въ эти годы тяжелыхъ трудовъ немногіе часы, посвященные друзьямъ. И эти праздничныя паузы останутся незабвенными для всѣхъ участниковъ ихъ. Кто изъ нихъ не помнитъ обѣда, когда по всему дому раздавались шутки и смѣхъ художниковъ: Веренскьольда, Эйлифа Петерсена, Скредсвига, Мунте и Синдинга, которые знать не хотѣли серьезныхъ рѣчей, и чуть кто выступалъ съ таковою, выскакивали въ кухню и принимались качать воду! Нансенъ, повидимому, чувствовалъ себя отлично въ обществѣ этихъ веселыхъ художниковъ; онъ самъ, вѣдь, по временамъ „мазалъ кистью“ и, когда жилъ въ Бергенѣ, работалъ нѣкоторое время подъ руководствомъ старика Шерца, видѣвшаго въ немъ задатки настоящаго художника *).

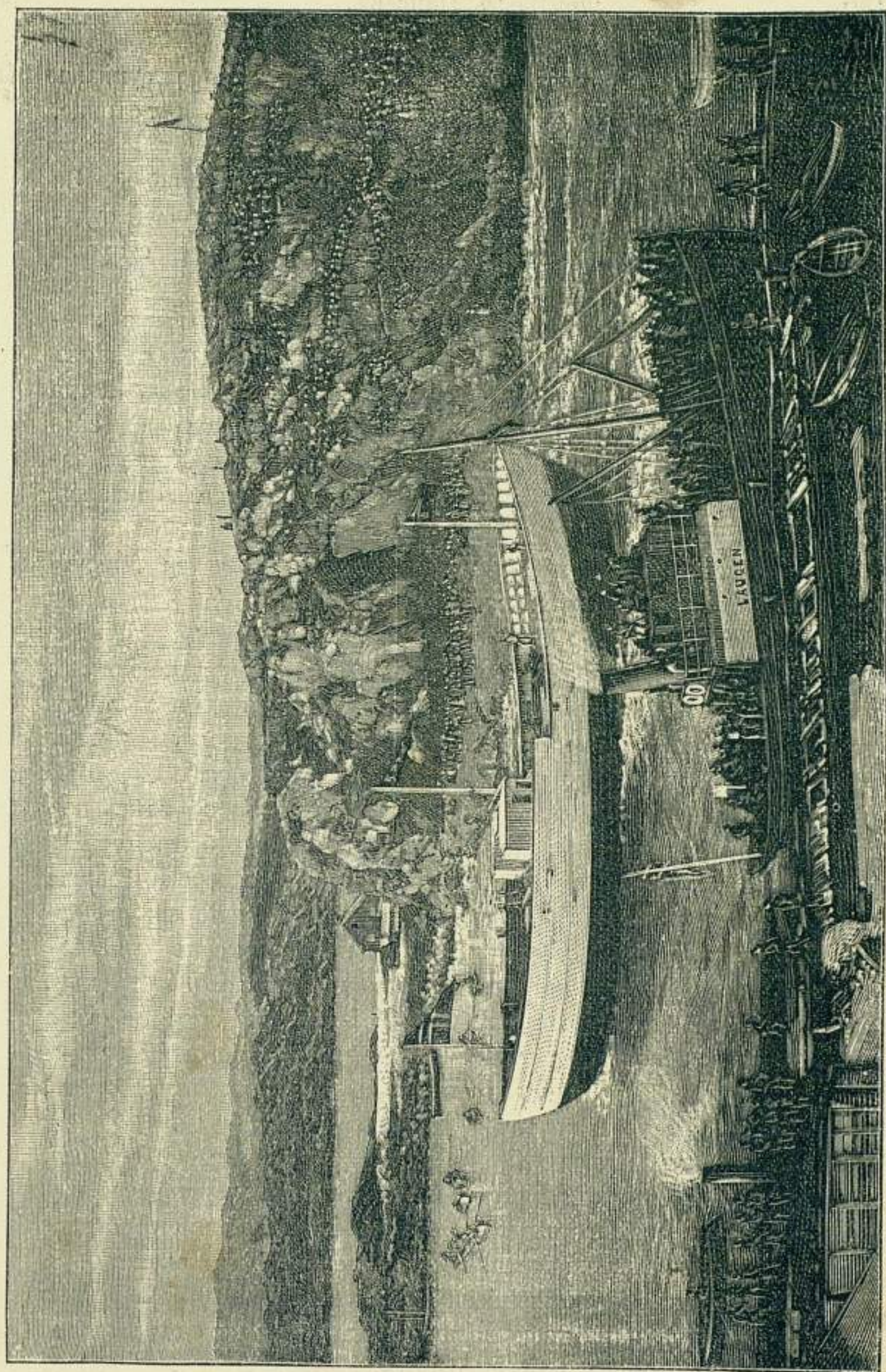
Не забудется и вечеръ, наканунѣ Иванова дня, когда Леммерсъ пѣлъ о великанѣ Роландѣ, а Нансенъ разложилъ на берегу костеръ.

Одному изъ составителей этой книги особенно памятенъ завтракъ въ домѣ Нансена на другой день послѣ спуска „Фрама“.

„Ночью шелъ дождь, и дороги превратились въ мѣсиво. Нансенъ выѣхалъ встрѣчать насъ на станцію и былъ въ отличномъ настроеніи. Когда мы доѣхали до дома, расположеннаго въ $\frac{1}{4}$ часа ѣзды отъ станціи Люсакера, опять пошелъ дождь. Фьордъ смотрѣлъ мрачно и печально, сѣрое осеннее небо хмурилось надъ вершинами сосенъ. Но въ „каминной комнатѣ“, собственной комнатѣ Нансена, гдѣ весело трещалъ огонь, было тепло и уютно.

Обстановка комнаты чисто сѣвернаго стиля; свѣтлая, рѣзная

*) Нансенъ прекрасно рисуетъ и самъ изготавилъ всѣ рисунки для своихъ научныхъ трудовъ. Характернымъ указаніемъ на его энергію является и то обстоятельство, что онъ, считая недостаточнымъ лично нарисовать всѣ рисунки для своихъ научныхъ трудовъ, выучился еще литографировать, такъ, что напр., атласъ, приложенный къ его главной статьѣ о нервной системѣ, литографированъ на камнѣ имъ самимъ.

Спускъ «Фрама».

сосновая мебель исполнена, какъ уже сказано, по рисункамъ самаго Нансена. Надъ почетнымъ мѣстомъ виситъ полотенце, вышитое древнимъ узоромъ.

Завтракъ былъ поданъ въ небольшой уютной столовой. За столомъ господствовало самое веселое настроеніе; гости отдавали должное стараніямъ хозяйки, а Нансенъ, съ своей стороны не преминулъ въ качествѣ хозяина, усладить бесѣду забавными рассказами. Онъ, конечно, еще находился подъ живымъ впечатлѣніемъ событія вчерашняго дня, и одинъ рассказъ смѣнялъ другой. Евѣ пришлось описать волновавшія ее чувства, когда она разбивала о носъ „Фрама“ бутылку шампанскаго со словами: „Фрамъ“ имя ему! Кто-то припомнилъ, какъ Арчеръ зажмурилъ глаза въ ту минуту, когда корпусъ судна зашевелился, и проч. и пр.

За шампанскимъ Нансенъ провозгласилъ тостъ за присутствовавшаго проф. Реціуса.

Отвѣтную рѣчь свою Реціусъ закончилъ словами:

„У тебя тутъ прекрасный уголокъ, Нансенъ, и я не могу не проникнуться глубокимъ удивленіемъ тому, что у тебя хватаетъ духу оторваться отъ него, чтобы отправиться въ долгую зимнюю ночь, на встрѣчу невѣдомой судьбы. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія, что ты вдобавокъ біологъ, — передъ тобой здѣсь цѣлое море съ самымъ соблазнительнымъ для нашего брата біолога содержаніемъ. У тебя передъ глазами вся богатая морская фауна, со всѣми твоими старыми друзьями: моллюсками и морскими червями. И вотъ, и я и собраты мои по наукѣ, высоко цѣня заслуги Нансена-біолога, который съ такимъ успѣхомъ направилъ свой курсъ въ невѣдомыя глубины біологіи, въ области столь важной, какъ область нервной системы—не въ состояніи примириться съ мыслью, что ты готовишься покинуть эту область, уѣхать такъ далеко и на такой долгій срокъ.

Но ты самъ рѣшилъ такъ, самъ „направилъ волю своей судьбы“.

Да и то сказать, когда полярный изслѣдователь вернется изъ своего сказочно-смѣлаго плаванія, біологъ найдетъ для себя столь же богатое поле дѣятельности, какъ и прежде. Ты можешь быть увѣреннымъ, что мы, остающіеся здѣсь, не снимемъ съ него всю жатву; останется и на твою долю довольно; мы находимся, вѣдь, еще только въ самомъ началѣ работы.

Одного, впрочемъ, опасаясь я—того, что Фритъофъ Нансенъ, по возвращеніи съ сѣвернаго полюса, догадается, что у земли остался *еще* одинъ полюсъ!“

Тутъ всѣ чокнулись и выпили. Но у всѣхъ зашевелились въ головѣ необычныя мысли. Вѣдь, *онъ* видѣлъ вокругъ себя этотъ близкій кружокъ друзей въ послѣдній разъ до своего возвращенія.

Нансенъ между тѣмъ былъ какъ всегда спокоенъ и простъ. И въ то время, какъ трапеза шла своимъ чередомъ, къ нему пристали съ просьбами разсказать что нибудь изъ своей жизни. Онъ обладаетъ недюжиннымъ талантомъ разсказчика; его разсказы очень живописны, пестрятъ мѣткими выраженіями и забавными подробностями. Сперва онъ разсказалъ о своихъ схваткахъ съ бѣлыми медвѣдями, затѣмъ кто-то навелъ рѣчь на экскурсію его съ Евой наканунѣ Новаго года на вершину скалы Норе.

„Да это было какъ разъ наканунѣ Новаго года, въ 1890 г. Ева и я поѣхали въ горы немножко провѣтриться и вотъ, порѣшили отправиться на скалу Норе; на вершину, конечно. Переночевали мы въ Ольбергѣ, съ утра что-то залѣнились и выбрались со двора только около полудня. Сначала мы не очень спѣшили, вотъ день-то и прошелъ. Трудненько добратъся до вершины и лѣтомъ, а зимой, когда дни короче, и вовсе надо приналечь, да приналечь, коль хочешь добратъся туда засвѣтло. А мы еще выбрали такую дорогу, которая хотъ и заставляла насъ изо всѣхъ силъ работать ногами, но далеко не была кратчайшей. Снѣгу вокругъ была масса, а проводника съ нами не было. Наконецъ, подъемъ сталъ такъ крутъ, что пришлось снять лыжи и тащить ихъ на плечахъ. Но добратъся до цѣли всетаки было надо; не вернуться же съ полдороги, сколько бы тутъ ни было сугробовъ! Послѣдній конецъ дороги былъ ужъ совсѣхъ плохъ: надо было шагъ за шагомъ вырубать ступеньки палкой отъ лыжъ. Я шелъ впередъ, Ева за мной, и каждый шагъ впередъ — какъ писала въ сочиненіи одна дѣвочка — стоилъ двухъ шаговъ назадъ. Наконецъ, мы таки достигли вершины!

Да, наконецъ, мы достигли ея ночью, послѣ того, какъ шли безостановочно съ 10 до 5 часовъ, не ѣвши. Но провизіи у

насъ было съ собой вдоволь — смѣси сыра съ пемиканомъ. И вотъ, мы принялись за нее тамъ въ темнотѣ.

— Благодарите Бога, — вставила Ева, — что васъ не угощаютъ сегодня этой смѣсью!

— Да, вотъ ты все твердишь, что это „жестокая смѣсь“, — заворчалъ на нее мужъ, — а право, къ ней надо только привыкнуть.

Затѣмъ, пока мы продолжали пить шампанское и лакомиться десертомъ, Нансенъ продолжалъ свой рассказъ.

„Вотъ мы и сидѣли вдвоемъ въ сугробѣ на вершинѣ скалы Норе, тамъ на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ моря. Морозъ и снѣгъ щипали насъ за щеки; мракъ все сгущался. Далеко на западѣ чуть виднѣлось точно слабое отраженіе дня — послѣдняго въ году. Пора была отправиться въ путь.

Главное дѣло было вѣрно выбрать направленіе къ долинѣ Эгге. Отъ Гегеварда *) до самой долины приблизительно съ милю, такъ что пройти это разстояніе днемъ сущій пустякъ. Теперь же, ночью, дѣло обстояло иначе. Но отправиться все-таки надо было, и мы отправились.

Мы ринулись впередъ, въ ночную тьму; я впереди, Ева за мной. Стрѣлой неслись мы по горамъ и по скаламъ, а надо было держать ухо востро. Когда освоишься съ мракомъ, кажется, что снѣгъ чуть чуть свѣтитъ; свѣтъ-то это, впрочемъ, не свѣтъ, а такъ что-то въ родѣ отблеска. Да, Богъ знаетъ, какъ иногда удается выпутаться изъ бѣды, и мы, наконецъ, почти спустились. Вдругъ мнѣ пришлось остановиться и крикнуть Евѣ. Скатъ сталъ слишкомъ крутъ для лыжъ, и оставалось одно: сѣсть да катиться внизъ на собственныхъ полозьяхъ. Такой способъ спуска отзывается на панталонахъ, но зато онъ вѣрнѣе — особенно въ темнотѣ.

Понеслись; вѣтеръ свисталъ въ ушахъ, а снѣгъ такъ и колоть ихъ, — нельзя, вѣдь, сказать, чтобы была оттепель.

Вдругъ, въ самый разгаръ нашего спуска, у меня слетѣла съ головы шапка — маленькая, сѣрая шапка, какую я обыкновенно ношу.

Пришлось мигомъ затормозиться и подняться на ноги. Да-

*) Вершина скалы Норе.

леко вверху что-то чернѣло. Я добрался туда ползкомъ, цапъ рукой и—ударился о камень. Такъ шапка гдѣ нибудь дальше. А! вотъ она! Цапъ и—опять рукой о камень. Потомъ, куда ни посмотрю—все шапки да шапки, а только хочу схватить да надѣтъ—опять камень. Камень вмѣсто хлѣба—худое дѣло, но и камень вмѣсто шапки не лучше.

Нечего дѣлать, пришлось пуститься дальше безъ шапки.

Ева все сидѣла на томъ же мѣстѣ. „Ева!“ крикнулъ я, „Ева!“ Откликнулось гдѣ-то далеко внизу.

Милѣ этой просто не было конца, но панталоны еще держались, и пришлось имъ выдержать до конца. Время отъ времени мы пользовались лыжами. Вдругъ опять стало такъ круто, что мы невольно остановились. И во-время—передъ самымъ обрывомъ. Но глубока ли онъ, было не видать. Кувыркнулись впередъ разъ, другой, третій. Снѣгъ къ счастью былъ глубокій, а тогда можно выйти цѣлымъ и невредимымъ изъ невѣсть какихъ кувырканий.

Того, что называется направлениемъ, для насъ не существовало; мы знали только одно, что надо было спускаться. Вдругъ мы застряли. Снова Евѣ пришлось сидѣть и дожидаться, пока я отыскивалъ выходъ. Я долго ходилъ ощупью въ потьмахъ. Вдругъ меня озарила мысль: „А если Ева заснетъ?“ Подобное бываетъ на морѣ, а она, вѣдь, успѣла умяться. „Ева, Ева!“ крикнулъ я. Ничего; она и на этотъ разъ отвѣтила, но откуда-то издалека. Засни она, не легко было бы мнѣ отыскать ее. Но на этотъ разъ я таки добрался до нея, да еще съ утѣшеніемъ, что нашелъ русло рѣки. Надо, впрочемъ, сознаться, что русло рѣки не изъ лучшихъ скатовъ для лыжъ, особенно во тьмѣ, на пустой желудокъ и—тяжелую совѣсть. Въ сущности это было, вѣдь, безбожное дѣло,—мы рисковали жизнью. Но просто невѣроятно, какъ иногда выпутываешься; въ концѣ концовъ мы благополучно миновали и русло.

Выбравшись на дорогу мы почувствовали себя совсѣмъ хорошо

Брели, брели, набрали на хижину. Мнѣ она показалась очень милой и уютной на видъ, но Ева нашла ее гадкой. Теперь она ужъ привередничала и спѣшила дальше. Женщины всегда такъ.

И долго еще шли мы, пока, наконецъ, не дошли до двора звонаря въ долину Эгге.

Пришлось разбудить хозяевъ. Звонарь скорчилъ ужасную гримасу, когда узналъ, что мы свалились къ нимъ съ вершины горы Норе.

Ева на этотъ разъ оказалась не особенно взыскательной на счетъ ночлега. Едва она успѣла опуститься на стулъ какъ тутъ же и заснула; вѣдь, она пробыла на ногахъ 14 часовъ.

— Парнишка твой, кажется, заморился! — сказалъ звонарь. На Евѣ былъ сѣрый костюмъ для бѣганья на лыжахъ — короткая юбка и панталоны.

— Это жена моя! — сказалъ я.

Вотъ смѣху-то было!

— Ай, ай, ай! Да неужто? Таскать съ собою жену на вершину Норе въ ночь подъ Новый годъ!

Но тутъ подали поѣсть, и какъ только Ева пронюхала, что здѣсь не пахнетъ сыромъ съ пемиканомъ — она живо проснулась.

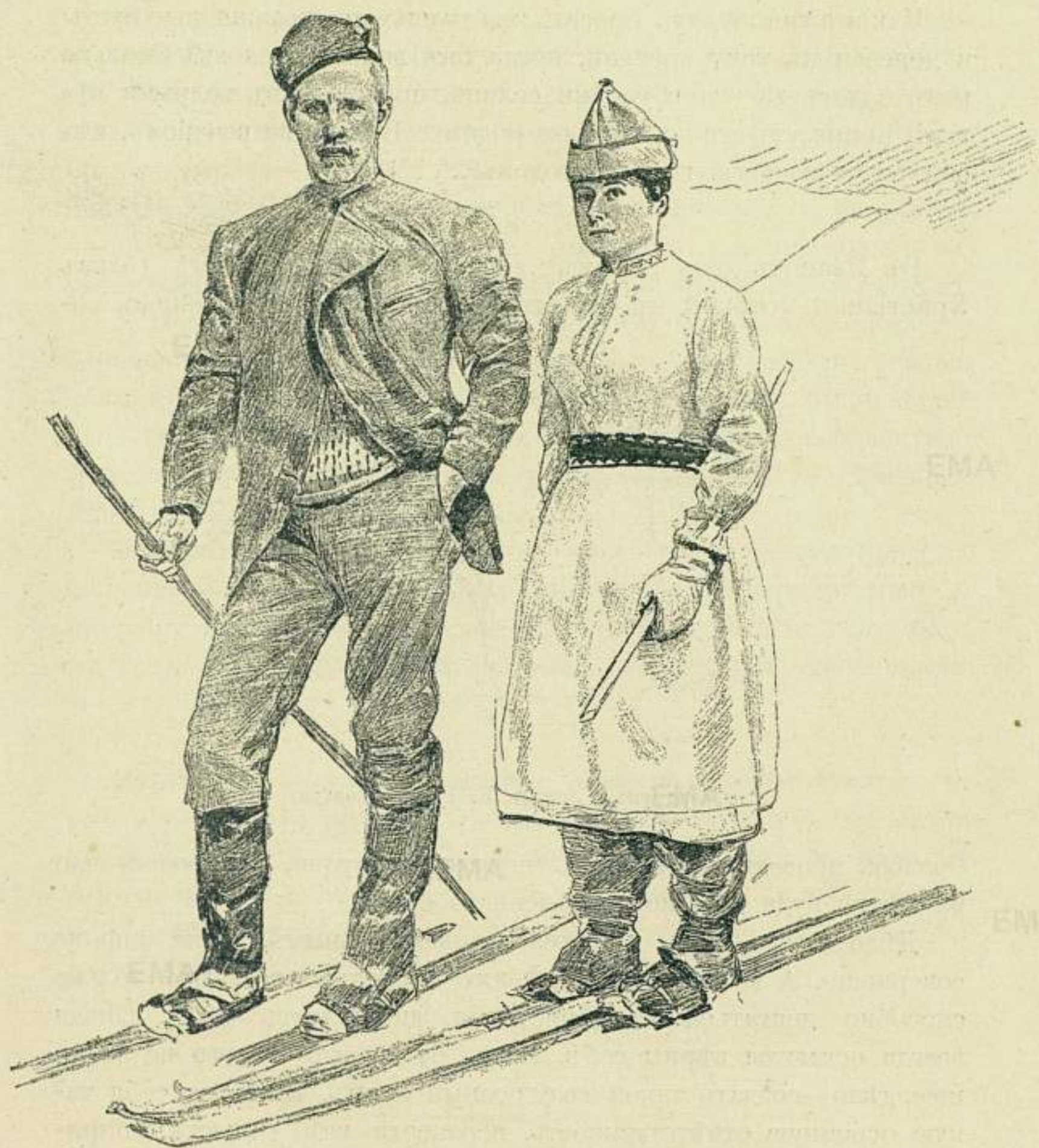
Послѣ того мы отдыхали у звонаря три дня. Да, вотъ вамъ и прогулка на Норе въ ночь подъ Новый годъ! По моему, это была славная прогулка; не знаю, что скажетъ Ева...

Назадъ мы съ „парнишкой“ поѣхали черезъ долину Нуме въ Конгсбергъ при 23 градусахъ мороза, и тутъ „парнишка“ чуть не замерзъ у меня.

Но послѣ труда — отдыхъ слаще. А не узнавши холода не узнаешь что такое тепло.“

* * *

Но срокъ отъѣзда въ дальній путь все близился. Настало и лѣто 1893 г. „По вечерамъ секретарь сидѣлъ по уши въ работѣ, самъ Нансенъ то и дѣло заходилъ къ нему съ разными указаніями, но находить время сбѣгать и на холмъ передъ домомъ. Тамъ шла посадка кустовъ крыжовника, смородины, яблонь и грушевыхъ деревьевъ. Нансенъ самъ указывалъ садовнику, куда посадить каждое деревцо, каждый кустъ. „Земля благодатная!“ — говорилъ работникъ, разгребая землю, смѣшанную съ водорослями. „Да, да, надѣюсь, что привьется!“ — отвѣчалъ на это Нансенъ. Мощные стволы сосенъ бросали при вечернемъ солнцѣ длинныя тѣни, волны фьорда медленно катились къ берегу... Дѣвушка пронесла въ домъ Ливъ, которую пора

С. Крюков

Напсенъ и его жена на лыжахъ.

укладывать спать. Дѣвочка миловидна, а имя *) ея наводитъ на разныя мысли...”

Какія тѣни будутъ бросать эти только-что посаженные кусты и деревья къ тому времени, когда онъ вернется вновь? Сколько разъ сядетъ за этими горами солнце, прежде чѣмъ волны и вѣтеръ принесутъ его корабль на родину? Вечеръ за вечеромъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ?..” **)

* * *

Въ Ивановъ день „Фрамъ“ стоялъ въ Пипервикенѣ (близъ Христіаніи), готовый къ отплытію. Немного христіанійцевъ со-

EW.

Свердрупъ. Эскизъ Е. Веренскьоьда.

бралось проводить взглядомъ неуклюжее судно, которое стояло на мѣстѣ куда дольше назначеннаго срока.

Дѣло всегда, вѣдь, кажется незначительнымъ, пока оно не совершено. А вотъ вернись „Фрамъ“ обратно—все, что только способно двигаться въ Христіаніи, приползетъ сюда. Люди всегда остаются вѣрны себѣ. Какъ будто это ничего не стоящее дѣло—создать такой грандіозный планъ, взять на себя такую огромную отвѣтственность, перенести всѣ тяжести, сопряженные съ подготовленіемъ плана и все-таки стоять такимъ стройнымъ и смѣлымъ на мостикѣ, какъ Фритъофъ Нансенъ! Да, немногіе въ этотъ день припомнили сказанное при спускѣ

*) «Ливъ» значитъ «жизнь».

**) Нансенъ у себя дома (В. С. Брэггера: «Verdens Gang» 24 Іюня 1893 г.)

„Фрама“ старое изреченіе: „Великихъ людей оцѣниваютъ по заслугамъ, а не по счастью“ *).

Но среди лицъ, пожаловавшихъ сюда, находились зато члены норвежскаго стортинга. Послѣ двухъ засѣданій народное собраніе вотировало на экспедицію Нансена 280,000 кронъ, сумму, весьма почтенную для такого маленькаго народа. Сегодня собраніе прервало занятія, чтобы проститься съ главой экспедиціи. Но Нансенъ не былъ предупрежденъ объ этомъ, не успѣлъ ио-время вернуться на судно, и, прождавъ его нѣсколько часовъ, члены стортинга такъ и отбыли не простившись съ нимъ.

У Нансена даже въ послѣднюю минуту оказалась масса неоконченныхъ дѣлъ. Все утро прошло, а ему едва-ли удалось обмѣняться съ женою и парой словъ. Прощанье было короткимъ. Когда онъ вошелъ въ домъ, ему поднесли улыбающуюся Ливъ. Онъ взялъ ребенка на руки: — „Да, да, ты смѣешься, Ливъ, а я!..“ И онъ зарыдалъ.

Затѣмъ онъ бросился въ свою маленькую паровую шлюпку, поплылъ по фьорду къ „Фраму“, пересѣлъ въ него, затѣмъ, не глядя ни на кого, взошелъ на мостикъ и приказалъ сняться.

Тотъ, кто видѣлъ тогда его лицо, не забудетъ его никогда!

* * *

За это долгое время ожиданія, намъ не разъ приходила на умъ картина изъ разсказа Нансена о его прогулкѣ съ женою на лыжахъ въ ночь подъ Новый годъ: *она* сидитъ одна на горѣ и долго, долго напряженно смотритъ въ непроницаемую мглу... И вдругъ, издалека, со снѣжнаго ската, раздается голосъ... Вотъ онъ! Онъ идетъ!..

*) *Magnos homines virtute mitimur, non fortuna.*

Ева Нансенъ.

Неудавшееся интервью. (*Нордала Рольфсена*).

Но

кто же она?

Въ ночь на 12 августа 1889 г., дождь такъ и барабанилъ въ окна квартиры сводной сестры Фритъофа Нансена, съ

которой онъ былъ очень друженъ. Вдругъ раздался сильный стукъ въ окно; мужъ сестры — тотъ самый родственникъ, что сопровождалъ мальчика Фритъофа въ его экскурсіяхъ по Нормаркену и научилъ его управляться съ ружьемъ и съ удочкой — вскочилъ съ постели и пріотворилъ окно. „Это еще что такое?“ — гнѣвно закричалъ онъ, стараясь разглядѣть, кто за окномъ. Тамъ виднѣлась высокая сѣрая фигура, настоятельно требовавшая, чтобы ее впустили въ домъ. Изъ окна посыпались бранныя слова, отличающія нормаркенцевъ, но сѣрая фигура все-таки настаивала на своемъ: „Впусти!“

И вотъ, въ спальнѣ сестры очутился Фритъофъ Нансенъ. Было уже 2 часа ночи. Онъ стоялъ, широко разставивъ длинныя ноги, заложивъ руки въ карманы брюкъ, и угрюмо поглядывалъ на сестру. Она сидѣла, приподнявшись на постели.

— Боже мой, Фритъофъ! Что случилось?

— Женюсь, матушка!

— На комъ-же?

— На Евѣ, конечно!

Затѣмъ онъ сообщилъ, что проголодался. Зятю пришлось отправиться въ кладовую за холоднымъ жаркимъ и слазить въ погребъ за шампанскимъ. И вотъ, за этимъ ночнымъ пиромъ освятили новую главу саги Фритъофа, причемъ онъ, конечно, не преминулъ пропѣть слова древней пѣсни изъ „Гавамола“:

„Любовь — никому не въ укоръ. Прекрасныя черты часто плѣняютъ мудрецовъ, невѣждъ-же никогда!“

И Фритъофъ написалъ о случившемся своему „Бьёрну“ *). Но Свердрупъ не отвѣтилъ ему словами Бьёрна: „Фритъофъ, дивлюсь твоему ослѣпленью“ *), а приблизительно такъ:

„Я не могъ заснуть всю ночь, раздумывая объ этомъ. Богъ знаетъ, съ чего я такъ обрадовался? Теперь, вѣдь, прощай сѣверный полюсъ!“

Но далѣе сага гласитъ, — и за справедливость ея ручаются вполне достойные довѣрія люди — что, сватаясь за Еву, Фритъофъ Нансенъ тутъ-же сказалъ: „Только мнѣ надо будетъ от-

*) См. стр. 49, гдѣ приводится вышеприведенная цитата изъ поэмы Тегнэра „Фритъофъ“. Бьёрнъ (медвѣдь) другъ поэтического Фритъофа. —

Примѣч. перев.

правиться къ сѣверному полюсу!“ — „Онъ, вѣдь, не хотѣлъ быть обманщикомъ!“ говоритъ то лицо, которому надлежитъ лучше знать все это.

Но кто-же была *она*?

Далѣе сага повѣствуетъ: жилъ былъ въ Норвегіи одинъ очень знаменитый человѣкъ, слава котораго достигла даже Америки и Австраліи. И случилось ему идти по улицѣ, до того углубившись въ свои мысли, что онъ не кланялся Евѣ Нансенъ. Она пеняла ему за это. И знаменитый поэтъ сказалъ: „Если это случится еще разъ, шепните мнѣ мимоходомъ: Да поклонись-же, чортъ!“ И она послѣдовала его указанію.

„Да поклонись-же, чортъ!“ Вотъ было мое первое внутреннее обращеніе къ госпожѣ Евѣ Нансенъ, когда я проходилъ мимо нея по улицѣ, почтительно обнажая голову, въ то время, какъ она хоть-бы кивнула мнѣ въ отвѣтъ. Я чувствовалъ только на своемъ обнаженномъ лбу ледяное вѣяніе ея горделиваго превосходства.

И ее-то предстояло мнѣ подвергнуть интервью!

Я трепеталъ. Разъ я уже побывалъ у нихъ въ Готхобѣ *) передъ отъѣздомъ Нансена. Тогда *она* выпустила на меня двухъ желтыхъ охотничьихъ собакъ. И онѣ всласть потеребили мои икры, но я не жаловался, отлично понимая, что бѣдныхъ собакъ тренируютъ, моря ихъ голодомъ; и я съ удовольствіемъ готовъ былъ принести свою довольно солидную лепту въ пользу экспедиціи на сѣверный полюсъ.

Теперь *она* была одна. И мнѣ предстояло проникнуть къ ней. Я не смѣлъ и пытался сначала обдѣлать дѣло по телефону, да и тутъ предварительно заручился посредникомъ. Послѣдній отправился къ ней отъ моего лица. Она отвѣтила, что теперь очень занята и не можетъ обѣщать ничего навѣрное, но такъ — недѣли черезъ три — по телефону.

Я вспомнилъ слова поэта: „Въ такіе холода теплѣе не бываетъ“, и понялъ кстати, что посвататься за *нее* могъ лишь тотъ, кто побывалъ на материковомъ льду Грѣнландіи и готовился отправиться на сѣверный полюсъ.

*) Усадьба Нансена, названная по имени той датской колоніи въ Грѣнландіи, куда экспедиція его прибыла по окончаніи перехода черезъ ледяное плато.

Примѣч. перев.

Черезъ три недѣли книга эта уже должна была быть готовой къ печати. Волей неволей пришлось поѣхать къ *ней* самому. У меня были санки, и я могъ слѣдовательно не дожидаться отхода поѣзда, а отправиться немедленно. Снѣгъ уже почти стаялъ, и я подвигался впередъ по холмистой мѣстности очень медленно. Глядя на таявшій ледъ и снѣгъ, я невольно вздыхалъ: „Дай-то Богъ, чтобъ и *она* растаяла!“ Увы! Словно въ отвѣтъ на мое пожеланіе изъ всѣхъ дворовъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ, раздавался отчаянный лай и вой дворняшекъ; въ тѣхъ краяхъ не ожидаютъ визитовъ — развѣ только со стороны воровъ.

Она приняла меня. Она велѣла покормить мою лошадь. Она сказала еще что-то, несовсѣмъ понятное, но, какъ мнѣ показалось, означавшее, что и мнѣ дадутъ поѣсть!

Я былъ совсѣмъ смущенъ такимъ ласковымъ пріемомъ и не зналъ какъ быть. Я скинулъ шубу и вынулъ карандашъ. Въ глазахъ ея сверкнула какая-то особенная искра, и мнѣ невольно вспомнилась сказочная принцесса, провожающая взглядомъ тѣхъ, кому послѣ неудачнаго искуса приходилось отираться во свояси со взрѣзанной и посыпанной солью спиною. Но она была безконечно вѣжлива. Вдругъ съ плачемъ и крикомъ вбѣжала Ливъ. Я вспомнилъ, что читалъ интервью одного англичанина, описывавшаго, какъ госпожа Нансенъ положила руку на голову дочери, говоря: „Вотъ мое единственное утѣшеніе“. На этотъ разъ Ливъ плакала и кричала, что было мочи. Ей, видите-ли, непременно нужны были ножницы, чтобы разрѣзать скатерть пополамъ. Ева Нансенъ съ сердцемъ сказала: „Ишь, какая гадкая дѣвчонка!“ И Ливъ выпроводили. Я былъ смущенъ, но сказалъ растроганнымъ голосомъ: „Да, да, знаю, что она ваше единственное утѣшеніе!“

Тогда она засмѣялась мнѣ прямо въ глаза. — Да ея въ тотъ день и дома-то не было!

— Когда англичанинъ интервьюировалъ васъ?

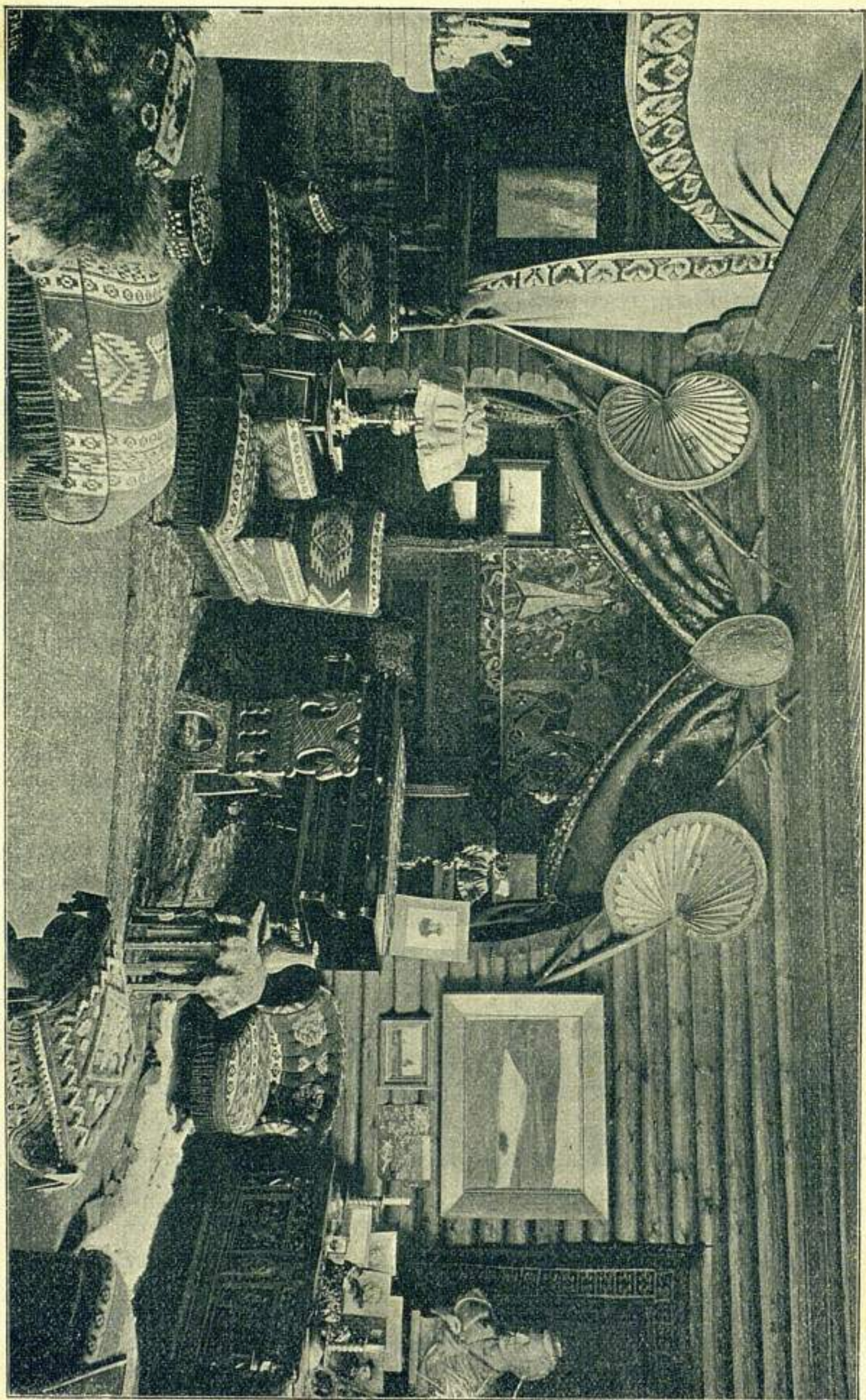
— Ея не было дома.

Я стоялъ, грызя карандашъ, и вдругъ бухнулъ:

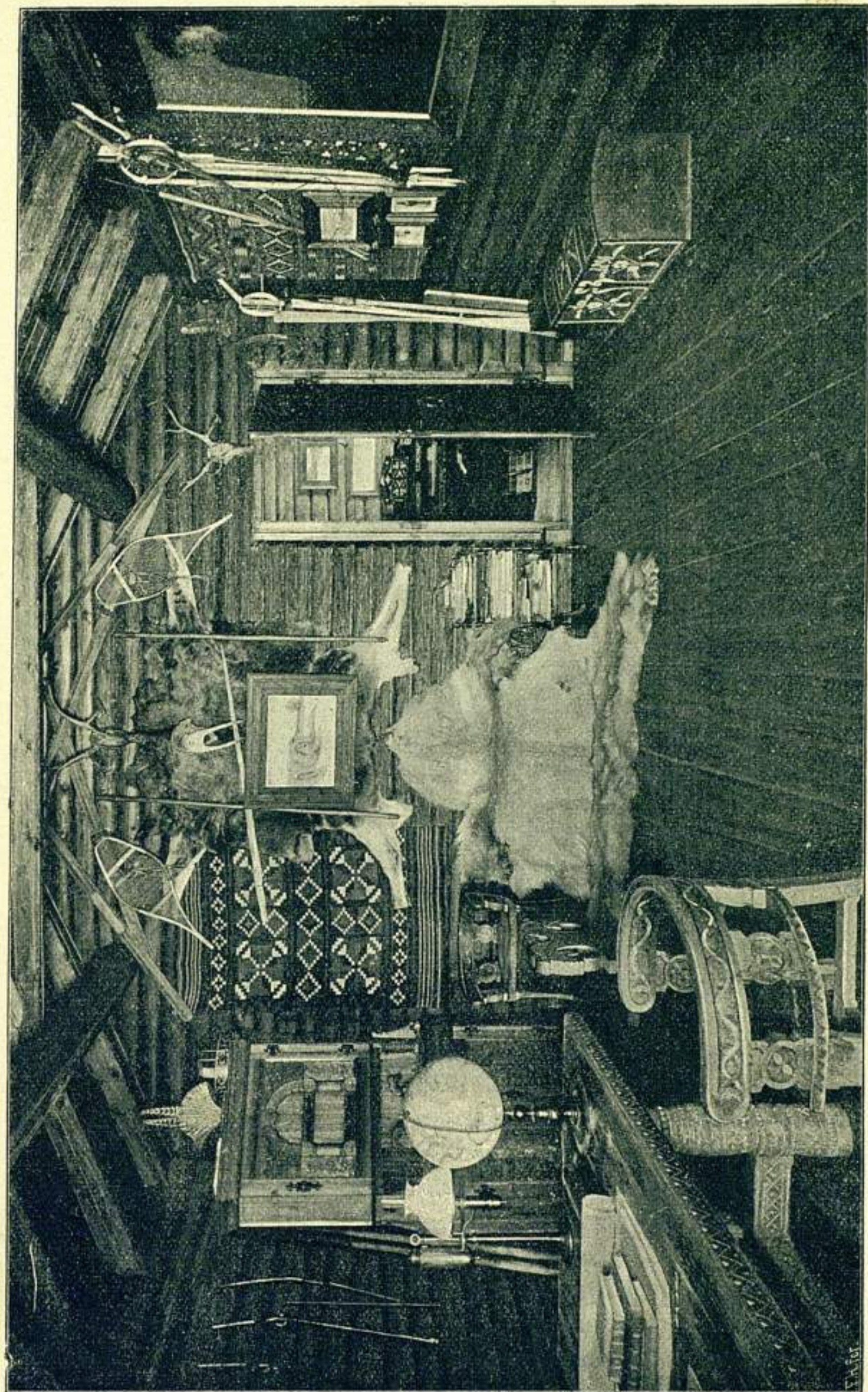
— Не расскажете-ли вы мнѣ чего-нибудь о Нансенѣ?

— О Нансенѣ? Я Нансена не знаю.

Но при этомъ въ ея глазахъ опять промелькнулъ какой-то огонекъ, точно проблескъ солнца въ дождливый день.

Гостиная въ «Гоголь».

Рабочій кабинетъ Фритъофа Нансена.

Я съ удовольствіемъ отмѣтилъ это.

— Пишете вы другъ другу?

— Нансенъ не охотникъ писать.

— Но всетаки иногда, вѣдь, пишетъ?

— Да, иногда.

— О чемъ нибудь, представляющемъ общій интересъ.

— Нѣтъ, о такихъ вещахъ мы не пишемъ.

Молчаніе. Я заходилъ по комнатѣ, тупо глядя на картины. Вдругъ мое вниманіе остановила одна, висѣвшая гдѣ-то въ углу. Это была прекрасная копія съ картины одного англійскаго художника. Подпись подъ ней гласила: „Надежда“. Последняя была изображена въ видѣ женщины, сидящей на земномъ шарѣ; глаза женщины завязаны, но нижняя часть лица озарена свѣтомъ.

Было это какъ-разъ въ тѣ дни, когда имя Нансена облетѣло этотъ самый земной шаръ вмѣстѣ съ загадочною вѣстью о томъ, что онъ дошелъ до сѣвернаго полюса и открылъ новую землю. Достоверно, однако, никто ничего не зналъ. И женщины всего цивилизованнаго міра, вѣрно, говорили другъ другу: „Каково-то теперь женѣ Нансена?“.

И я долго стоялъ въ углу растроганный, утирая глаза карандашомъ; наконецъ, я спросилъ глухимъ голосомъ:

— Когда вы приобрѣли эту картину?

— Когда были въ Лондонѣ. Мы съ Нансеномъ купили ее тамъ.

— Имѣла-ли... картина эта... какой-нибудь смыслъ... т. е. я хочу сказать—придавали-ли вы ей... какую нибудь особенную цѣну?...

— Нисколько.

Я такъ и сѣлъ на стулъ около камина, или очага, или какъ его зовутъ тамъ у нихъ въ „Готхобѣ“.

Она бросила мнѣ на столъ какія-то бумаги. Это было последнее сообщеніе норвежско-шведскаго посланника въ С.-Петербургѣ, содержащее все, что можно было сказать за и противъ письма Кушнарева. — „Самыя свѣжія новости!“ — сказала она при этомъ сухо. Съ большимъ пренебреженіемъ она не могла предложить мнѣ номера „Утренней Почты“.

— Какъ по вашему,—правдоподобность все уменьшается?—прибавила она небрежнымъ, слегка презрительнымъ тономъ.

Я внимательно прочелъ увѣсистый документъ и затѣмъ сталъ серьезно и съ искреннимъ убѣжденіемъ говорить въ пользу Кушнарева и его племянника.

— А по моему оба врутъ! — сказала она рѣзко.

Меня, наконецъ, просто взорвало. Я-то явился сюда узнать и рассказать потомъ всему свѣту, какъ жена Нансена сидитъ

Надежда.

и дрожить за него, что осиновый листъ, переходя отъ чувства радости къ страху, а тутъ...

Но прежде чѣмъ я успѣлъ сказать что-либо, я невольно весь вздрогнулъ, — морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. Это она отворила позади меня дверь: — Не угодно-ли вамъ посмотрѣть рабочій кабинетъ моего мужа?

Теперь мнѣ съ особенной ясностью вспомнилось, что сообщалъ объ этомъ самомъ рабочемъ кабинетѣ Нансена англичанинъ-интервьюеръ: „Тутъ все приводитъ на умъ слова Писанія о дѣвахъ, непрерывно поддерживающихъ огонь въ свѣтильникахъ въ ожиданіи жениха“.

— Все, что найдете тамъ — къ вашимъ услугамъ! — сказала она любезно, затѣмъ затворила за мной дверь и — усѣлась въ своей теплой комнатѣ у камина, очага или какъ тамъ его зовутъ у нихъ.

Я-же остался одинъ, едва переводя дыханье отъ холода. Должно быть, нѣчто подобное испытываютъ любители, погружаясь въ ледяной бассейнъ римскихъ бань, гдѣ вода доводится до температуры въ три градуса. И я отмѣтилъ въ своей книжкѣ:

„Нашелъ третій ледяной полюсъ земли“.

Больше тамъ и нечего было искать. Въ жизни своей я не видалъ подобнаго хаоса! Повсюду шкафы, сундуки, ящики, биткомъ набитые книгами, рукописями, письмами, инструментами, консервами... А изъ подъ кучи старыхъ стеколъ выглядывалъ — страшно сказать — дипломъ члена корреспондента самой парижской Academie des sciences!

Я принялся ворочать эти замерзшія глыбы книгъ, и мнѣ удалось — таки возстановить у себя кровообращеніе. Изъ кучихлама я вытащилъ старую испачканную фотографію, изображавшую какъ-разъ гостиную дома. Съ одной стороны камина сидитъ самъ Фритъофъ Нансенъ, слегка нагнувшись впередъ, съ другой виднѣется что-то демоническое, какая-то черная фигура, которая, какъ я догадался, должна была изображать его жену. Стоило-же мнѣ перестать возиться, я начиналъ дрожать отъ холода. И бормоча про себя сравненіе интервьюера — англичанина: „Это дѣва ожидаетъ своего жениха. Все готово и убрано по праздничному“ — я перебрался въ теплую комнату. Ева Нансенъ сидѣла, склонясь къ камину и смотрѣла какъ будто совсѣмъ другой. Щелканье моихъ зубовъ отъ холода привело ее въ себя.

— Прохладно тамъ? — спросила она вкрадчиво, затѣмъ усѣлась, скрестила руки на груди и сказала:

— Теперь задавайте вопросы. Можете не стѣсняться!

Не стѣсняться! Помилуй Богъ! Я даже не рискнулъ спросить, въ которомъ году она родилась. Такъ-таки и не рискнулъ. И теперь не знаю этого, а такія данныя все-же спрашиваются въ біографіи.

Я началъ спрашивать о разныхъ пустякахъ, — о чемъ могъ-бы узнать изъ любого энциклопедическаго словаря — и не коснулся ничего интимнаго, о чемъ спросили-бы въ подобномъ случаѣ другіе, болѣе опытные интервьюеры-спеціалисты, напр., о томъ: ласкалъ-ли онъ свою жену, часто-ли они дрались наединѣ и о тому подобныхъ щекотливыхъ и самыхъ интимныхъ вещахъ, о которыхъ поэтому — то именно и надлежитъ знать всѣмъ и каждому. Въ концѣ концовъ говорилъ я одинъ; я рассказывалъ ей о немъ различныя исторіи изъ его дѣтства и юности, которыя я успѣлъ насбирать въ свою нищенскую котомку и которыя не были еще извѣстны г-жѣ Нансенъ.

Явились гости, приглашенные къ чаю. Меня, кажется, не просили оставаться, но я остался, какъ будто такъ и надо было. Гости были веселы, сама хозяйка много смѣялась звонкимъ пріятнымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, всѣ на минуту замолчали. Свѣтъ отъ лампы падалъ на лицо Евы Нансенъ. Оно было блѣдно. Вдругъ она быстро встала. „Извините, дѣтки! Надо мнѣ руки вымыть“. Я невольно быстро взглянулъ на ея руки. Онѣ были бѣлѣ снѣга; ни одной пылинки.

— Вы вѣрно хотите проститься съ Ливъ? — началъ я съ участіемъ.

— Она давно храпитъ!

Я просидѣлъ съ минуту одинъ въ углу. Другіе гости ушли въ столовую, откуда и раздавались громкіе и веселые голоса. Сидя, какъ потерянный, одинъ въ углу и размышляя о своемъ пораженіи въ качествѣ интервьюера, я невольно перешелъ мыслію на эти бѣлыя ручки, которыя вдругъ понадобилось вымыть. Не оттого-ли, что она бесѣдовала съ интервьюеромъ? Но разъ онъ настолько чистъ, неиспорченъ и простоватъ, какъ я, была-ли въ этомъ надобность?..

Она вѣрно пошла все-таки проститься съ Ливъ. Интересно знать: скучала-ли она о ребенкѣ, во время своихъ артистическихъ турнэ? Да, конечно, скучала. Я, вѣдь, самъ слышалъ объ этомъ.

Извѣстно, что есть вещи, о которыхъ не знаешь хорошенько—самъ-ли пережилъ ихъ, слышалъ-ли о нихъ, или видѣлъ ихъ во снѣ. Такъ было и со мной на счетъ даннаго вопроса. Она, вѣдь, то и дѣло снилась мнѣ въ послѣднія ночи.

Было это въ Гётеборгѣ, въ гостинницѣ. Блѣдная и грозная стояла она передъ своимъ импрессаріо.

— Все еще нѣтъ телеграммы? Она спрашивала не о телеграммахъ, возвѣщавшихъ о ея новыхъ концертахъ, или о выпавшихъ на ея долю новыхъ оваціяхъ. Дѣло шло о телеграммѣ на счетъ Ливъ. Импрессаріо затруднялся отвѣтомъ.

— Еще рано...

— Уже десять часовъ!

— Да, вѣдь, Ливъ здорова — вы сами знаете.

— Нѣтъ. Я велѣла имъ каждое утро телеграфировать мнѣ. Сегодня они не смѣютъ, да, не смѣютъ.

Вечеромъ ей предстояло пѣть. Цѣлый день импрессаріо тихонько отъ нея посылалъ домой къ ней телеграмму за телеграммой. Она ходила по своему номеру взадъ и впередъ, не присаживаясь ни на минуту, не говоря ни слова. Въ пять часовъ она прилегла на постель. Тогда пришла телеграмма: „Ливъ здорова.“ И слезы брызнули у нея изъ глазъ.

Неужели это была галлюцинація, „second sight,“ какъ говорятъ англичане? Но если я обладалъ внутреннимъ зрѣніемъ, то у меня долженъ быть и внутренній слухъ. Такъ немудрено, что я въ данную минуту явственно слышалъ, какъ кто-то сказалъ въ корридорѣ: „Крѣпись!“ на что другой голосъ отвѣтилъ: „Развѣ я не крѣплюсь?“ — „Конечно, конечно!“ — Затѣмъ у кого-то словно вырвалось изъ груди: — „Если я терплю его, такъ это ради Фритъофа... Можетъ быть, онъ напишетъ хорошую книжку... Не то я давно выгнала-бы его!“

Въ ту-же минуту дверь въ гостиную отворилась, и съ веселымъ смѣхомъ вошла Ева Нансенъ, свѣжая и сіяющая, и предложила мнѣ руку, чтобы идти къ столу.

И я сидѣлъ рядомъ съ ней, очарованный ея жизнерадостностью, ея неподдѣльной веселостью, ея звонкимъ смѣхомъ, уносившимся въ ночную даль къ темному заливу.

Часъ спустя, я ѣхалъ обратно, совсѣмъ ошеломленный впечатлѣніями, и, проѣзжая опять вдоль залива, я слышалъ, какъ

вода тихо, жалобно шептала и плакалась въ глубинѣ подъ слоємъ таявшаго льда.

* * *

На другой день я опять поѣхалъ на приступъ, запасшись настоящей шубой. Изъ вчерашней нашей бесѣды я вывелъ заключеніе, что мнѣ предоставлялось сколько угодно мерзнуть въ „рабочей“, или какъ ее называли съ убійственной ироніей „каминной комнатѣ“, лишь-бы я не трогалъ большого ящика, гдѣ хранились письма Евы Нансенъ.

— Барыня уѣхала въ городъ?—спросилъ я отворившую мнѣ дверь горничную.

— Барыня спитъ.

Но, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, пока я перебирался изъ умѣреннаго пояса въ холодный, она уже успѣла одѣться и вдругъ очутилась *vis-à-vis* меня у противоположнаго конца большого стола. Она была въ утреннемъ капотѣ, собрала всѣ свои письма, кивнула мнѣ, засмѣялась и исчезла.

Итакъ, она не довѣряла моему честному слову. Я чувствовалъ себя польщеннымъ. Для мужчины всетаки предпочтительнѣе, чтобы его приняли за подлеца, нежели за идіота.

Но бѣльшаго я въ этотъ день и не добился отъ нея.

Три дня подъ-рядъ я продолжалъ свой приступъ. На третій день я попалъ на сеансъ: Веренскьольдъ рисовалъ съ нея портретъ для этой книги. И онъ и она смотрѣли довольно невесело. Веренскьольдъ былъ не въ духѣ, такъ какъ переѣзжалъ съ квартиры, а тутъ еще долженъ былъ возиться съ портретомъ. Ева Нансенъ, сидя спиной ко мнѣ и лицомъ къ нему (всякому подобающее) и отчеканивая каждое слово (нельзя было не согласиться съ рецензентами, восхвалявшими отчетливость ея пѣнія), говорила: „Вчера заходилъ отъ вашего имени одинъ молодчикъ. Я дала ему портретъ мужа. Чтобы онъ вернулъ мнѣ его немедленно! И дня не хочу быть безъ него!“

Она говорила, точно бесѣдовала съ безотвѣтнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Я бросился въ сани и задалъ тягу.

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда, я сидѣлъ у ея матери, почтенной старушки за восемьдесятъ, такъ что я, не нарушая пра-

вилъ скромности, могу сказать, что люблю ее. Она одна изъ первѣйшихъ разсказчицъ въ Норвегіи. И она ожидала меня. На столѣ уже стояли три кофейника и корзинка, наполненная до краевъ пирожными необычайной величины.

Тутъ-то, я думалъ, польется на меня потокъ разсказовъ о дочери. Но почтенная дама оказалась въ этотъ вечеръ какъ-то особенно неразговорчивой. На всѣ мои подходы она только радужно тыкала пальцемъ въ огромныя пирожныя. Ясно было, что отъ меня хотѣли отдѣлаться кормежкой. Не безъ нѣкоторой горечи всталъ я и простился, сказавъ при этомъ: „Мнѣ сдается, милостивая государыня, что вы, съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлся съ вами въ послѣдній разъ, позаимствовали у своей дочери нѣкоторыя неособенно симпатичныя свойства. Съ сожалѣніемъ вынужденъ буду поставить подъ ея портретомъ слова того датчанина, который собиралъ свѣдѣнія о предкахъ Нансена: „Въ семействѣ его въ Норвегіи я встрѣтилъ мало предупредительности“. Старуха стояла передо мной, выпрямившись, съ самымъ неприступнымъ видомъ, и лицо ея удивительно живо напомнило мнѣ аншлаги, которыхъ мнѣ столько приходилось видѣть на домахъ въ Германіи: „Bettelei und Hausieren ist hier verboten.“ (Нищимъ и разносчикамъ входъ воспрещенъ).

Оттуда я поѣхалъ прямо къ пѣвцу Ламмерсу, женатому, какъ мнѣ говорили, на сестрѣ Евы. Было это въ февралѣ мѣсяцѣ. Ламмерсъ сердечно пожалъ мнѣ руку, какъ умѣетъ пожимать только онъ, и своимъ прекраснымъ, внушительнымъ басомъ сталъ завѣрять меня, что какъ только покончить съ большимъ вокальнымъ празднествомъ—такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ—непремѣнно удѣлитъ мнѣ съ четверть часа. Такъ вотъ, каковъ тотъ матеріалъ, который послужилъ мнѣ для нижеслѣдующихъ біографическихъ данныхъ. Я ничего не знаю; пришлось догадываться обо всемъ. Поэтому я съ полнымъ правомъ могу рассчитывать на снисхожденіе, на которое вообще можетъ претендовать недостовѣрность.

* * *

Начну съ того, что возьму назадъ свои опрометчивыя слова, сказанныя почтенной старушкѣ. Не мать позаимствовала у дочери эти качества, а дочь у матери. Маренъ Сарсъ, сестра по-

Ливъ.

койнаго поэта Вельгавена и жена знаменитаго научнаго дѣятеля, врядъ-ли во всю свою жизнь написала хоть строчку или пропѣла хоть одну строфу — развѣ только убаюкивая своихъ

дѣтей — но она одна изъ тѣхъ женщинъ, что производятъ на свѣтъ художественныя натуры. Въ такихъ женщинахъ таится скрытый запасъ художественныхъ силъ, достаточныхъ для созданія истинно художественной активной личности во второмъ поколѣнїи.

Въ самой Маренъ Сарсъ не было потребности сознательнаго творчества, стремленія облечь свои художественныя инстинкты въ формы, предлагаемыя искусствомъ, не было никакихъ данныхъ для этого. Ей и въ голову никогда не приходило выступить публичною дѣятельницей въ какой бы то ни было отрасли искусства. Но послушали-бы вы ее въ воскресный вечеръ, когда она въ сумерки рассказываетъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ.

Что за глубина чувства, что за драматическая мощь и богатая фантазія, всегда выбирающая для произведенія должнаго эффекта надлежащее выраженіе, что за первокласное искусство устной передачи!

Маренъ Сарсъ говоритъ намъ, какимъ образомъ создались наши народныя пѣсни, сказки и саги. Она представляетъ крупный, непосредственный художественный талантъ, эпическо-драматическій темпераментъ. Въ сущности она импровизаторъ, но тѣмъ не менѣе никогда не бываетъ, чтобы она въ одинъ вечеръ упустила воспользоваться тѣми удачными оборотами, которые пришли ей въ голову въ предыдущій. Она всѣ ихъ удерживаетъ въ памяти, благодаря безсознательному художественному инстинкту. Говорятъ — мнѣ-то, вѣдь, гдѣ-же судить объ этомъ! — что Ева страстно любитъ мать. Въ такомъ случаѣ это одна изъ немногихъ, вполне объяснимыхъ страстей. Въ исполненіи Евой Нансенъ романсовъ замѣтенъ темпераментъ матери, перешедшій въ сознательное искусство. Въ манерѣ пѣнія дочери выступаетъ на свѣтъ эпическо-драматическій талантъ матери, обработанный и сглаженный, но вполне сохранившій тотъ священный внутренній огонь, который составляетъ душу пѣсни. Выступая на эстраду, эта знаменитая теперь пѣвица, однако, нисколько не напоминаетъ своей симпатичной, уже однимъ внѣшнимъ видомъ подкупающей рассказчицы-матери. Къ Евѣ Нансенъ видно перешло кое-что изъ Вельгавенской спѣси и холодности. Сразу видно, что она вовсе не намѣрена располагать публику въ свою

пользу внѣшнимъ своимъ видомъ, зная, что все равно побѣдитъ ее своимъ пѣніемъ.

Избалованная успѣхомъ съ юности, она не привыкла добиваться его униженіемъ. И пѣніе, навѣрно, много лѣтъ было для нея только любимой забавой, а никакъ не орудіемъ честолюбія. Публика сразу приняла ее съ расprostертыми объятіями. Что было-бы, если-бы ей, какъ многимъ изъ выдающихся артистокъ, предстояло подвигаться впередъ медленно, въ постоянной борьбѣ съ равнодушіемъ и холодностью публики, перенося униженіе, являющееся для весьма многихъ первой неизбежной ступенью къ успѣху — объ этомъ сага умалчиваетъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, она ни за что не согласилась-бы поставить ногу на эту ступень, но сразу повернулась-бы къ публикѣ спиной — навсегда. „Искусство“ — говорятъ эти нѣкоторые — „не было еще для нея тѣмъ рѣшающимъ участъ человѣка дѣломъ, за которое человѣкъ готовъ на все, готовъ даже отдать жизнь.“ Она одно время отдавалась двумъ искусствамъ за-разъ — пѣнію и живописи, но скоро оставила послѣднюю, найдя сама, что у нея нѣтъ настоящаго таланта.

Между тѣмъ, какъ пѣвица, она легко и незамѣтно переходила изъ семейнаго кружка въ общественныя гостиныя, а изъ гостиныхъ въ концертныя залы. Первыми учителями ея были, по всей вѣроятности, самые близкіе ей люди. Отъ матери она получила огонекъ, первые уроки, пожалуй, отъ сестры, а остальные отъ зятя.

Такъ я представляю себѣ исторію ея развитія, какъ пѣвицы, и надѣюсь, что г. Ламмерсъ, прочитавъ эти строки, подтвердитъ справедливость моихъ словъ. Говорятъ еще, что она брала уроки въ Берлинѣ у madame Арто.

Но не въ madame Арто главная суть, а въ Фритъофъ Нансенъ. Развѣ не благодаря ему въ пѣніи Евы Нансенъ появились новые звуки, вызванные любовью, материнскимъ чувствомъ, страданіемъ?...

Первая встрѣча ихъ произошла въ лѣсу Фрогне, когда еще не было и помину ни о переходѣ черезъ Грѣнландію, ни объ экспедиціи на сѣверный полюсъ. Молодой спортсмэнъ замѣтилъ тамъ однажды на снѣгу слѣды пары ногъ. Онъ поинтересовался узнать, кому принадлежатъ эти слѣды, приблизился и увидалъ

на вершинѣ сугроба напудренную инеемъ маленькую, но гордо закинутую назадъ головку. Головка эта принадлежала Евѣ. Но она нисколько не смутила душевнаго покоя Фритъофа, и такъ дѣло осталось на долго. Что-же въ сущности свело ихъ вмѣстѣ? Что извѣстно объ этомъ мнѣ? Да ровно ничего. Но я не думаю, чтобъ были правы люди, утверждающіе, будто онъ сватался за Еву въ первый разъ еще до своей грѣнландской экспедиціи и что отказъ ея именно и вселилъ въ него желаніе кончить свою жизнь въ трещинахъ материковаго льда. Такой поступокъ во всякомъ случаѣ мало соотвѣтствовалъ-бы столь практичной натурѣ, какова его, да и зачѣмъ въ такомъ случаѣ было-бы ему брать съ собою Дитрихсона, Свердрупа и прочихъ? Ради того развѣ, чтобы имѣть, подобно старому коннунгу, провожатыхъ въ царство Гелы? *)

Я-же думаю, что они сошлись, какъ родственныя натуры въ духѣ нашихъ древнихъ сагъ. Разница между обоими лишь въ томъ, что его душа открыта всему свѣту, благодаря совершаемымъ имъ подвигамъ; ея-же душа, святая святыхъ ея существа, сохраняется какъ-бы за семью печатями. Для нихъ обоихъ все мелочное является мелочнымъ, пожалуй, даже слишкомъ мелочнымъ. Эти вѣчныя соображенія и взвѣшиванія обстоятельствъ обыденной жизни, чѣмъ завоевываются обыденные друзья, имъ незнакомы. Вотъ почему образъ ихъ жизни и поступки возбуждаютъ раздраженіе, кажутся вызывающими, даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Какъ онъ, такъ и она, каждый самъ по себѣ, носить въ себѣ нѣчто великое, существенное; въ *ней* это ея страсть. Въ обыденной жизни *она* можетъ быть и шаловливой и сверкать холоднымъ блескомъ снѣжинокъ на солнцѣ, но въ глубинѣ ея души живетъ одностороннее и потому сильное чувство. *Она* похожа на Свангильду изъ „Комедіи любви“ **). *Она* не изъ тѣхъ женщинъ, которыя:

Добро свое роздали сотнямъ людей,—
Никто имъ не долженъ всей суммы сполна,
Имъ не съ кого требовать полной уплаты,
И некому всю свою жизнь посвятить.

*) Гела—по древне-сѣв. мнѣ. — богиня смерти и владычица ада.

**) Пьеса Генрика Ибсена.

Онъ — мужчина, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для него весь смыслъ въ трудѣ, въ подвигѣ. И, признаваясь въ любви, онъ не забываетъ указать на сѣверный полюсъ. Съ первой-же минуты на ихъ любовь какъ-бы падаетъ тѣнь полярнаго мрака, въ первой-же ихъ встрѣчѣ брезжитъ страхъ передъ разлукой.

Онъ любить ее со всей искренностью своей отзывчивой натуры. Когда она бываетъ больна, онъ бросаетъ все и просиживаетъ дни и ночи у ея постели. Но онъ мужчина, онъ не можетъ жить безъ дѣла, онъ жаждетъ дѣятельности.

Она женщина. Воспитанная въ любящей, богатой духовно семьѣ, избалованная общей любовью и поклоненіемъ, она идетъ за нимъ и безъ ропота раздѣляетъ его аскетическія привычки. Привыкаетъ не мерзнуть въ „собачьей конурѣ“, ѣстъ сердитую смѣсь сыра съ пемиканомъ, питательность которой нужно подвергнуть испытанію передъ полярной экспедиціей, или-же, если не въ силахъ ѣсть ея, голодаетъ по цѣлымъ суткамъ, сопровождая мужа въ его небольшихъ экскурсіяхъ. Свое дѣло, свою художественную личность она скромно отодвигаетъ на задній планъ. Она хоть и выступаетъ еще въ концертахъ, но очень рѣдко. Можетъ быть, она говорила ему: „И я хочу участвовать! И я хочу переносить все, хочу быть наравнѣ съ другими! Хочу стряпать для нихъ, играть для нихъ, пѣть для нихъ! Важнѣе всего, вѣдь, тамъ поддержать бодрость духа, — она поддерживаетъ самую жизнь! Я хочу быть радостью жизни среди полярнаго мрака!“ А что-же отвѣтилъ онъ на этотъ натискъ? Можетъ быть, у него хватило духу сказать непреклонно, что это невозможно? Или помѣхой явилась Ливъ?

Послѣ его отъѣзда она на цѣлыя недѣли заперлась у себя ото всѣхъ, какъ вдова. Она переживала великій кризисъ вѣчной трагедіи человѣческой жизни, трагедіи, разыгрывающейся въ отношеніяхъ мужчины и женщины. Онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Она и не желала бы, чтобы онъ былъ другимъ. Но она не была-бы той горячей, страстной натурой, какова она есть, если-бы изъ глубины ея души не вздымались при этомъ мятежныя мысли. Вѣдь, и у нея было свое призваніе, безконечно дорогое ей, и все-же, чтó оно для нея въ сравненіи съ любовью къ *нему*? Развѣ она могла-бы когда нибудь промѣнять на это призваніе *его*? Никогда!... Когда-же она вновь от-

перла свои двери для свѣта, она предстала передъ нимъ стройная, гибкая, улыбающаяся. Она похожа на женщину сагъ и вполне равна *ему*. Если у нея и бываютъ минуты слабости, то никто не увидитъ ее согнувшейся подъ ихъ бременемъ.

Лишь одно осталось у нея теперь, въ чемъ она вполне можетъ отвести душу. Это—искусство. Послѣ страшнаго кризиса, оно кротко, но властно заняло свое мѣсто у опустѣвшаго домашнего очага. Сидѣть, сложа руки, и ждать, значило-бы для нея сойти съ ума. И у нея, вѣдь, было свое дѣло и свои права. Она не только женщина, но и человѣкъ. Чувство окружающей пустоты порождаетъ потребность дѣятельности, независимости, потребность серьезно пробить себѣ дорогу, усовершенствоваться, подняться въ своей сферѣ до одной высоты съ *нимъ*, чтобы подать ему руку, какъ равная равному, если онъ когда нибудь вернется къ ней.

До сихъ поръ она только время отъ времени выступала въ родномъ городѣ, гдѣ знаютъ ея талантъ и привыкли цѣнить его. Теперь она отважилась перешагнуть границы родины и выступить на чужбинѣ, среди народа, гдѣ хорошіе голоса и умѣнье пѣть не въ рѣдкость. Появившись въ ноябрскій вечеръ 1895 г. въ первый разъ на концертной эстрадѣ въ столицѣ Швеціи, она чувствовала, что у нея въ глазахъ темнѣетъ отъ страха. Впервые въ жизни почувствовала она, что эстрада является подмостками, обозначающими свѣтъ, впервые сознала значеніе побѣды и пораженія. Но съ виду она осталась такою же, какъ всегда, гордою и замкнутою въ себѣ. И публика въ свою очередь приняла выжидающее положеніе. Но вотъ, полились волною чарующіе, душевные звуки, полные то грусти и печали, то яркой жизнерадостности и ликованія, публика почувствовала себя побѣжденной совершенствомъ искусства, почувствовала живую душу артистки, вложенную въ эти звуки, и—разразилась буря восторговъ, въ которой вылилось глубокое внутреннее чувство. Пѣвица начала колыбельной пѣсенкой для лошадки:

Спи, лошадка, почивай!
Грезь о стойлѣ, да о сѣнѣ,
Да о легкомъ сѣдокѣ—
О малюткѣ на спинѣ!

И какъ она спѣла эти слова, положенныя Григомъ на дивную музыку, какъ передала послѣднія двѣ строфы въ какомъ-то особенномъ темпѣ! Всѣ словно видѣли передъ собой эту веселую лошадку, слышали легкій топотъ ея копытъ, а сама пѣвица видѣла на ней свою Ливъ! Когда-же она пѣла „Erlkönig“ (Лѣсной царь), холодъ пробѣгалъ по спинамъ слушателей; она, вѣдь, сама испытала однажды эту погоню смерти за ребенкомъ и знала, о чемъ поетъ. А кто-жъ бы, кромѣ нея, сумѣлъ вложить столько чувства въ простыя слова народной пѣсни:

И не хочу крушиться, а все-же стонетъ грудь...
Вернется-же мой милый назадъ когда нибудь!
Когда цвѣты и травка луга украсятъ вновь,
Вернется другъ желанный,
Такъ долго, долго жданный!
Не скоро, знаю, вянетъ горячая любовь!

Историческій обзоръ полярныхъ экспедицій.

(Акселя Арсталя).

1896 г.

Первый вступилъ на порогъ арктическаго пояса — согласно дошедшимъ до насъ историческимъ даннымъ — современникъ Александра Великаго, отважный астрономъ и географъ Питей, изъ древняго Марсея, города, граждане котораго унаслѣдовали свое влеченіе къ странствованіямъ отъ своихъ предковъ — малоазійскихъ грековъ. Питей раздѣлилъ общую долю большинства піонеровъ въ области науки. Современные ему ученые географы только вознегодовали на него за „ложныя, ни на чемъ не основанныя свѣдѣнія“, когда онъ вернулся изъ своихъ странствованій, приведшихъ его къ величайшей пустынѣ земного шара.

Тысячу лѣтъ тому назадъ начали бороздить сѣверныя моря ладьи и корабли викинговъ-норманновъ. То носимые волею волнъ, то влекомые непреодолимымъ желаніемъ отыскать новыя заморскія страны, норманны совершали открытіе за открытіемъ; къ сожалѣнію, за отсутствіемъ у нихъ всякаго научнаго образованія, ихъ открытія не стали общимъ достояніемъ и тѣмъ лишились универсальнаго значенія.

Экспедиціями Лейва Эйриксена и Торфина Карлсевна въ „Винландію“ (древнее названіе Грѣнландіи), предпринятыми въ началѣ XI ст., была перейдена великая пограничная черта между Атлантическимъ и Сѣвернымъ океанами, черта, которая совпадаетъ вообще съ чертой средней годовой температуры въ нуль градусовъ. Пограничная черта эта, раздѣляющая холодный и умѣренный пояса, идетъ приблизительно отъ пролива между Ньюфаундлендомъ и Лабрадоромъ до моря, что между Норвегіей и Медѣжымъ островомъ. Только на востокѣ отъ Гринвичскаго

меридіана, а именно отъ точки пресѣченія его съ 70-й параллелью, пограничная черта пловучихъ льдовъ и только что названная нулевая изотерма приблизительно совпадаютъ на довольно большомъ протяженіи — между Норвегіей и Шпицбергенемъ. Между Азорскими и Фарѣрскими островами ледъ задерживается внутри большой дуги, оттиснутый къ Грѣнландіи и Исландіи; до Фарѣрскихъ острововъ пограничная черта пловучихъ льдовъ проходитъ на большомъ протяженіи параллельно — на 600 кил. южнѣе — изотермѣ съ показателемъ 0° .

На всемъ этомъ протяженіи тянется и пограничная черта, отдѣляющая Атлантическій океанъ отъ Сѣвернаго Ледовитаго, отъ Нордкапа и юго-восточнаго берега Лабрадора, захватывая 4—5 тыс. километровъ. И эта-то черта являлась приблизительно границей известной въ тѣ времена части земного шара. Въ теченіи слѣдующихъ 500 лѣтъ географическія свѣдѣнія

Бюстъ Фритъофа Нансена.
(Работа скульптора Лессинга).

человѣчества ничуть не подвинулись впередъ, точно тутъ сдѣланъ былъ привалъ. Да и имѣвшіяся-то свѣдѣнія принадлежали лишь тѣмъ, кто говорилъ на одномъ языкѣ съ людьми, совершавшими открытія; остальное человѣчество оставалось ни при чемъ. Весьма возможно, что древне-сѣверные викинги доходили и до тѣхъ полярныхъ странъ, которыя были вновь достигнуты лишь въ наши дни Девисомъ и Гудсономъ. Вѣдь, и открытую древними норманнами Америку пришлось открыть вновь.

О томъ, какой вообще малой извѣстности достигли морскія открытія древнихъ сѣверянъ, свидѣтельствуешь, между прочимъ, хоть то обстоятельство, что даже въ Англіи — гдѣ свѣдѣнія о путешествіи въ Бьярмеландъ Оттара Гологалэндинга записаны самимъ Альфредомъ Великимъ — считалось, что англичане Willoughby и Chancellor первые обошли въ срединѣ XVI ст. вокругъ мыса Нордкапа и проникли въ Бѣлое море, причемъ это плаваніе приравнивалось къ подвигу, достойному стать наравнѣ развѣ съ открытіемъ морского пути въ Индію и въ Америку.

Подобное пренебреженіе документальными данными находится въ связи съ довольно обычнымъ недоувѣріемъ къ рассказамъ мореплавателей, посѣщающихъ дальнія страны. Мореплаватели тѣхъ временъ часто сами не умѣли разобратъся во всемъ новомъ, видѣнномъ ими, а окружающіе ихъ, охотно слушая ихъ рассказы и безъ всякой критики принимая на вѣру самыя нелѣпыя подробности, часто все-таки, по свойственной тѣмъ непросвѣщеннымъ временамъ узости взгляда, отказывались вѣрить какъ-разъ такимъ подробностямъ, которыя являлись единственно вѣрными въ этихъ вообще сказочныхъ сообщеніяхъ.

Въ средніе вѣка, представленіе о дальнемъ сѣверѣ связывалось съ представленіемъ о „великомъ океанѣ, изображавшемъ конецъ земли“. Открытія новыхъ земель въ другихъ частяхъ свѣта заставили мало по малу измѣниться прежнія представленія о распредѣленіи суши и воды. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ являлись первоначально въ видѣ слуховъ, которые, по своей неясности и неполнотѣ, усваивались медленно и вначалѣ только способствовали еще большей путаницѣ въ представленіяхъ о все-ленной. Нѣкоторые представляли себѣ, что тамъ, на крайнемъ сѣверѣ, одно море, другимъ-же казалось, что тамъ должно быть больше земли. На одной картѣ того времени обозначенъ сѣверо-западный проливъ—путь къ Молуккскимъ островамъ, на другой сѣверо-восточный. Болѣе общимъ представленіемъ было, что сѣверный полюсъ окруженъ однимъ или двумя рядами острововъ. На картѣ 1587 г. проливы между этими островами показаны свободными ото льда, не замерзающими никогда, вслѣдствіе проходящихъ по нимъ сильныхъ теченій изъ океана, для котораго-

де проливы эти служатъ стоками. На картѣ 1570 г. показанъ длиннѣйшій проливъ, отдѣляющій главныя страны міра отъ острововъ сѣвернаго полюса, между которыми тамъ и сямъ проходятъ проливы къ самому полюсу.

* * *

Одновременно съ тѣмъ, какъ прекратились морскія поѣздки въ Грѣнландію и, быть можетъ, въ томъ-же году, когда Колумбъ проплылъ въ „100 льѣ“ отъ Исландіи, землякъ его Джіовани Кабо (John Cabot), высадився въ Бристолѣ и, нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ истинный сынъ генуэзско-венеціанской предпріимчивости задалъ недоразвитымъ еще тогда англійскимъ мореплавателямъ задачу — отыскать для англійскихъ купцовъ кратчайшій морской путь къ азіатскимъ рынкамъ, плывя на сѣверъ и кругомъ земли на западъ или на востокъ.

И вотъ, болѣе чѣмъ столѣтіе (впродолженіе всего XVI ст.) мысль Кабо воодушевляла первыхъ мореплавателей Англіи, пока, наконецъ, Баффинъ не объявилъ задачу, выставленную Кабо, невыполнимой. Но къ тому времени англійское мореходство уже заняло первенствующее положеніе, развившись съ небывалой въ лѣтописяхъ быстротой.

Въ 1517 г., когда Кабо Младшій (Sebastian Cabot) положилъ начало плаванію по непрерывному направленію на сѣверо-западъ, въ Лондонѣ имѣлось всего 4—5 кораблей, емкостью болѣе 120 тоннъ, во вторую-же половину XVI столѣтія, когда Фрэнсисъ Драке обошелъ землю вокругъ по слѣдамъ Магеллана — на обломкахъ „Непобѣдимой Армады“, выплыли изъ волнъ морскихъ первые ряды того всемірнаго флота, который емкостью своихъ судовъ представляетъ нынѣ величину, равную флотамъ всѣхъ другихъ націй вмѣстѣ взятыхъ.

Большая часть первыхъ полярныхъ экспедицій новѣйшаго времени была вызвана исключительно торговыми интересами. Экспедиціи эти дѣлятся на двѣ главныя группы; „экспедиціи сѣверо-западные“ и „экспедиціи сѣверо-восточныя.“ Съ одной стороны онѣ заканчиваются знаменитой франклинской экспедиціей и ея отголосками въ серединѣ нынѣшняго столѣтія, съ дру-

гой стороны наиболѣе удачною изъ всѣхъ полярныхъ экспедицій—плаваніемъ Норденшѣльда на „Вегъ“ въ 1878—79 г.г.

Рядъ первыхъ сѣверо-западныхъ экспедицій XVI ст., начало которымъ положилъ Кабо, отмѣченъ проходомъ Байлота (Bylot) и Баффина въ бассейнъ, названный „Баффиновымъ заливомъ“, въ предположеніи, что онъ закрытъ съ сѣвера. 5-го іюля 1816 г., т. е. въ эпоху тридцатилѣтней войны, Байлотъ и Баффинъ остановились на суднѣ „Дисковери“ передъ проливомъ Смита, южнымъ входомъ въ тотъ замѣчательный проливъ, 400—500 кил. въ длину, который соединяетъ Баффиновъ проливъ съ моремъ, принимаемымъ нами пока за крайнее полярное. Нѣсколько дней спустя, Байлотъ и Баффинъ, пересѣкая Баффиновъ заливъ отъ пролива Уэльскаго до пролива Джона, открыли острова, названные ими Карейскими; въ 1892 г. острова эти были мѣстомъ гибели экспедиціи, предпринятой двумя шведскими учеными Бьёрлингомъ и Кальстеніусомъ.

Практическими результатами сѣверо-западныхъ экспедицій XVI ст. были открытіе богатыхъ рыбныхъ промысловъ у Ньюфаундлэнда, звѣриныхъ (пушныхъ звѣрей) промысловъ около Гудсоноваго залива и китобойныхъ главнымъ образомъ около береговъ Грѣнландіи.

Баффинъ, не найдя выхода изъ названнаго его именемъ залива, объявилъ невозможнымъ разрѣшеніе задачи дойти этимъ путемъ до Японіи. Вслѣдствіе этого попытки пробраться упомянутымъ путемъ въ полярное море были пріостановлены на цѣлые два столѣтія; исключеніемъ явился проходъ Кука Беринговымъ проливомъ.

Предпринимавшіяся съ практической цѣлью сѣверо-восточныя экспедиціи берутъ свое начало также съ XVI столѣтія.

Распространеніе свѣдѣній объ европейско-азіатскомъ Ледовитомъ океанѣ шло довольно ровно и безъ особенно-значительныхъ перерывовъ; самыя свѣдѣнія пріобрѣтались гораздо проще и естественнѣе, нежели въ области сѣверо-западныхъ экспедицій, которымъ приходилось идти на авось, пускаться въ самыя рискованныя приключенія. 25 лѣтъ спустя послѣ того, какъ М'Клуръ обошелъ кругомъ Америки, Норденшѣльдъ обошелъ вокругъ Стараго свѣта и установленіе этимъ плаваніемъ факта существованія такъ называемаго „Сѣверо-восточнаго прохода“

явилось не результатомъ стеченія случайностей и догадокъ, но результатомъ тщательно разсчитанныхъ научныхъ соображеній и выводовъ изъ экспедицій цѣлыхъ трехъ столѣтій.

Неудачи англичанъ въ XVI столѣтіи надолго отняли у нихъ охоту продолжать попытки отыскать сѣверо-восточный проходъ, которыхъ и не предпринималось почти вплоть до нашихъ дней (капитанъ Виггинсъ). Англичанъ смѣнили на этомъ пути голландцы, въ лицѣ Виллима Баренца, положившаго своей геройской борьбой съ полярною зимою начало цѣлому ряду — если можно такъ выразиться — „арктическихъ походовъ“.

Въ наши дни зимовка въ арктическихъ странахъ перестала быть чѣмъ-то необычайнымъ и даже опаснымъ — конечно, при условіи тщательнаго подготовленія къ ней. Помимо огромныхъ преимуществъ, представляемыхъ въ наше время, въ сравненіи съ прежними временами, пользованіемъ пароходами и болѣе совершенными видами оружія, а также усовершенствованными способами заготовленія впрокъ провіанта, причиной успѣха нынѣшнихъ арктическихъ экспедицій является, конечно, болѣе близкое знакомство съ условіями арктическихъ странъ, знакомство, добытое опытомъ прежнихъ изслѣдователей, поплатившихся жизнью.

Баренца первая зимовка застала врасплохъ. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ онъ съ экипажемъ всего въ 17 человѣкъ былъ арестованъ льдами на сѣверо-восточномъ берегу Новой Земли. Тамъ онъ съ людьми построилъ для зимовки домъ, — главнымъ образомъ изъ выброшенныхъ моремъ на берегъ въ большемъ количествѣ бревенъ. Уже въ сентябрѣ мѣсяцъ настали сильныя холода; ледяная кора отвердѣла настолько, что нельзя было похоронить умершаго товарища; самая постройка дома также очень затруднилась. Стоило кому-нибудь взять по привычкѣ во время работы гвоздь въ ротъ, онъ тотчасъ же примерзалъ къ губамъ, и приходилось отдирать его вмѣстѣ съ кожей. Затѣмъ сильно донимали людей бѣлые медвѣди, такъ что имъ приходилось работать съ оружіемъ въ рукахъ, причемъ отбиваться отъ медвѣдей тѣми тяжелыми орудіями, которыя имѣлись у нихъ, было, разумѣется, очень не легко. Странно сказать, что они, повидимому, не пользовались мясомъ убитыхъ медвѣдей, а только саломъ, которое шло на освѣщеніе. Самымъ-же глав-

нымъ ужасомъ арктической зимы была, какъ и теперь, сплошная трехмѣсячная ночь. „Тогда весь міръ человѣка — въ окружности, освѣщенной лампой“. Внутреннія стѣны дома были покрыты двухвершковымъ слоемъ льда, а одежда людей напоминала „бѣлые кафтаны крестьянъ ихъ родины, когда послѣдніе подъѣзжаютъ рано утромъ къ городу, проѣхавъ всю ночь въ саняхъ“.

Во время вьюги у входа въ домъ накоплялось столько снѣгу, что обитателемъ дома приходилось пользоваться трубой вмѣсто дверей. Ванной служила имъ большая кадка изъ-подъ вина. Быть можетъ, экипажъ Баренца такъ терпѣливо сносилъ всѣ свои невзгоды отчасти потому, что флегматичные голландцы вообще по характеру склонны къ однообразію и легче другихъ націй переносятъ невзгоды. А гдѣ только расположеніе духа сносно, тамъ сносно и здоровье. Люди бросили между собою жребій—кому быть королемъ королевства Новой Земли и утвердили въ этомъ санѣ повара, вынужденнаго высшій нумеръ.

Смерть постигла Баренца вскорѣ послѣ того, какъ было рѣшено вернуться обратно на лодкахъ. Приближеніе смерти, однако, не убило въ немъ мужества; онъ скончался смертью героя, разложивъ передъ собой на льду карты и давая экипажу послѣдніе добрые совѣты относительно предстоявшаго имъ плаванія на родину подъ командой больного штурмана.

При совершенно иныхъ условіяхъ происходила въ тѣхъ-же мѣстахъ зимовка на кораблѣ австро-венгерской арктической экспедиціи 1672—73 гг. Пайеръ описываетъ ужасный напоръ льдовъ на судно: „Точно возмущенная народная толпа возстали на насъ ледяныя глыбы. Среди плоскихъ равнинъ вдругъ вздымались грозныя ледяныя горы, легкій трескъ переходилъ въ грохотаніе, разроставшееся въ какой-то бѣшеный гулъ“. Гроздившіяся подъ кораблемъ льдины мало-по-малу выпирали его изъ моря. Всѣ наскоро приготовились покинуть корабль, по первому знаку; высадка, благодаря окружавшимъ корабль льдамъ, казалась, впрочемъ, одинаково гибельнымъ исходомъ. Сила напора льдовъ была ужасна, и можно было предвидѣть, что если ледъ не выпретъ судна цѣликомъ, оно будетъ сокрушено въ щепки. То и дѣло раздавался трескъ и шипѣніе, точно на пожарѣ. Въ такомъ положеніи, притомъ при почти сплошной

тѣмъ, корабль пробылъ 130 сутокъ, въ теченіе которыхъ опасность казалась неминуемой по нѣскольку разъ въ день. Всѣ спали, не раздѣваясь, и по первому сигналу выбѣгали на палубу, готовые оставить корабль.

Однообразіе жизни на узкомъ пространствѣ корабля, невозможность удалиться по окружающему льду на значительное разстояніе отъ судна и, вслѣдствіе этого, недостатокъ движенія и разнообразнаго труда сильно давали себя чувствовать, особенно во время трехмѣсячной ночи: „Никакая привычка не въ состояніи примирить культурнаго человѣка съ мгlistой пустыней: онъ всегда будетъ чувствовать себя чужимъ среди природы, съ которой постоянно приходится бороться, и которая является родною только для немногихъ животныхъ и людей, проводящихъ свою жизнь въ ѣдѣ, да во снѣ, не мучась воспоминаніемъ о лучшихъ дняхъ. Привычка къ морозамъ и къ лишеніямъ является лишь средствомъ физической защиты. Истинное-же спасеніе въ неустанномъ трудѣ“.

Третью захватывающую картину арктической зимовки рисуетъ намъ Кэнь (Kane). Вторая Гриннельская экспедиція 1753—55 гг. тоже зимовала на кораблѣ; но корабль замерзъ въ гавани, у южнаго берега бассейна Кэна, въ проливѣ Смита. Образцовое описаніе Кэна, нѣсколько напоминающее по изложенію недавно появившееся сочиненіе Эйвинда Аструпа: „Blandt Nordpolens Naboer“ (Среди сосѣдей сѣвернаго полюса), знакомитъ читателя съ однообразной жизнью на кораблѣ. Передъ читателемъ воочію встаетъ картина, какъ ученый сидитъ на опрокинутомъ ящикѣ, въ тщательно устроенной на берегу астрономическо-магнетическо-метеорологической обсерваторіи, одѣтый въ штаны изъ тюленьяго мѣха, шапку изъ собачьяго, жилетъ изъ оленьяго, и сапоги изъ моржеваго; морозъ такъ силенъ, что инструменты покрываются тонкимъ слоемъ инея не только отъ дыханія, но отъ одной теплоты лица и тѣла. „London Brown Stout“ и „Old Brown Sherry“ замерзаютъ въ шкафахъ въ каютахъ, а съ потолоковъ каютъ висятъ ледяные сосульки, снабжающія насъ водой для питья. Лампы не горятъ, запасъ масла изсякъ, и приходится работать при тускломъ свѣтѣ ночниковъ-блюдецекъ съ плавающими въ жиру фитилями изъ пробки и ваты. У насъ не осталось ни фунта мяса и лишь одна бочка

картофеля. Изъ насъ всего двое не страдаютъ скорбутомъ, и уже одинъ видъ блѣдныхъ лицъ и робкихъ взоровъ моихъ товарищей даетъ мнѣ почувствовать, что мы изнемогаемъ въ борьбѣ за жизнь, и что арктическій день старитъ человѣка быстрее и неумолимѣе, нежели годъ въ другой области этого вообще полнаго печалей и невзгодъ земного міра“.

Морозъ и безпросвѣтная долгая ночь ведутъ за собой болѣзни: отмораживаніе, столбнякъ, скорбутъ, затѣмъ смерть и похороны, т. е. „перенесеніе въ ледяной склепъ“; вмѣсто земли „сыплютъ на гробъ горсточку снѣгу“.

Погибли: Гудсонъ, два брата Кортереаль (Cortereal), два брата Фробишеръ, Баренцъ, Берингъ; погибъ во главѣ небольшого отряда храбрецовъ Франклинъ, избѣгшій смерти вражьи пули подъ Копенгагеномъ и подъ Трафальгаромъ, спитъ двадцать пять лѣтъ вѣчнымъ сномъ на границѣ полярныхъ льдовъ, подъ звѣзднымъ знаменемъ и британскою могильною плитою, отважный Галль... Да кто перечтетъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ покончили морозы, мракъ, непосильные труды, голодъ или скорбутъ въ этихъ странахъ, непобѣдимая природа которыхъ не убиваетъ пигмея-человѣка открыто, какъ насыщенная лихорадкой тропическія страны, но какъ-то исподтишка, мало-по-малу, стискивая въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ.

Со смертью Баренца, исчезновеніемъ Гудсона и отказомъ отъ цѣли Баффина наступаетъ продолжительный перерывъ въ исторіи арктическихъ изслѣдованій. И только въ нашемъ столѣтіи изслѣдованія эти возобновляются съ новой силой отъ того пункта, на которомъ остановилась исторія арктическихъ изслѣдованій предыдущихъ двухъ столѣтій, отмѣченныхъ главнымъ образомъ лишь открытіями Челюскина, Беринга и Мэкензи.

Въ нашъ вѣкъ, лозунгъ котораго: „Къ сѣверному полюсу!“, вѣкъ научныхъ арктическихъ изслѣдованій, экспедицій, предпринимаемыхъ не ради сокращенія пути въ Японію или открытія золотыхъ россыпей, но, какъ сказано въ приказѣ англійскаго адмиралтейства капитану Нэрсу, „ради преуспѣянія науки и естествовѣдѣнія“, въ нашъ вѣкъ впервые воззвали къ рѣшенію великой полярной загадки два кабинетныхъ ученыхъ.

„Рано или поздно“, — пишетъ Норденшѣльдъ: — „жажда знанія, заставляющая людей измѣрять огромныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ неподвижныхъ звѣздъ, и узнавать составныя части свѣтилъ посредствомъ спектральнаго анализа, должна также пробудить въ насъ стремленіе не отступать ни передъ какими жертвами, ради всесторонняго изученія обитаемаго нами крошечнаго атома вселенной“.

Допустимъ, что эти „кабинетные географы“ и ошибались иногда. „Одно — разумѣть морскую карту, другое — править кораблемъ“ *) или, какъ говоритъ Мирабо: „Путешествующему у себя дома по картѣ все представляется совершенно иначе, нежели оказывается въ дѣйствительности“.

Во всякомъ случаѣ огромнымъ прогрессомъ нашего столѣтія — въ смыслѣ срыванія покрововъ съ тайнъ полярнаго міра — мы обязаны полярнымъ экспедиціямъ, начавшимся благодаря инициативѣ англійскаго географа Баррова, закончившимся рядомъ франклинскихъ экспедицій, начавшимся вновь, благодаря ревности къ наукѣ нѣмецкаго географа Петерманна и приведшимъ къ основанію обсерваціонныхъ станцій восьмидесятихъ годовъ. Первый изъ названныхъ географовъ подкрѣпилъ своимъ авторитетомъ возможность найти путь черезъ американскій Ледовитый океанъ, второй — путь черезъ европейско-азіатскій Ледовитый океанъ.

Наконецъ, мы дѣлаемся свидѣтелями произведшихъ такое огромное впечатлѣніе на весь міръ подвиговъ Фритъофа Нансена — перехода его черезъ Грѣнландію въ 1888 г., и — самого выдающагося — экспедиціи его на „Фрамъ“ къ сѣверному полюсу, предпринятой въ 1893 г.

Что-же это за міръ, этотъ полярный міръ, изъ за котораго столько людей ставило свою жизнь на карту?

Отвѣтъ: это невѣдомый міръ „*meta incognita*“, какъ назвала англійская королева Елизавета сѣверную часть Америки, въ тѣ дни, когда Фробишеръ, Дэвисъ и многіе другіе англійскіе море-

*) Изреченіе изъ комическаго эпоса Гольберга «Перъ Порсъ».

Примѣч. перев.

плаватели стяжали себѣ безсмертную славу, завоеывая для человѣческаго знанія и предприимчивости новыя области.

„*Meta incognita*“ королевы Елисаветы—вотъ первое, внесенное въ исторію указаніе на архипелагъ между Грѣнландіей и Америкой—„*a mark and bound hitherto (т. е. 1577 г.), utterly unknown*“ (совершенно неизвѣстная доселѣ страна). Название это „*meta incognita*“ и до сихъ поръ примѣняется къ прилегающей къ Гудсонову проливу части обширной Баффиновой земли.

Причиной того, что упомянутый опасный архипелагъ къ сѣверу отъ Америки явился не только первою и главною областью изслѣдованій, но и ареной наибольшихъ трудовъ и великихъ жертвъ, было во первыхъ то, что до открытія Кукомъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, проливовъ Дешнева и Берингова, воображали, будто можно значительно сократить путь къ богатымъ приморскимъ странамъ, находящимся по ту сторону открытой Колумбомъ земли, если обогнуть съ сѣвера именно Америку, а не Европу и Азію; во вторыхъ-же то, что на этомъ пути лежала Грѣнландія, представлявшая уже давно извѣстную береговую линію, доходящую до значительной сѣверной широты. Такъ напр. Баффинъ, плывя вдоль обращенной къ Америкѣ стороны Грѣнландіи, достигъ той-же сѣверной широты, до которой дошелъ только два съ половиною столѣтія спустя Пайеръ, предпринявшій экскурсію на саняхъ вдоль обращенной къ Европѣ стороны Грѣнландіи (германская экспедиція „Ганзы“).

Между Лабрадоромъ и Грѣнландіей открываются три пути.

Одинъ изъ нихъ названъ по имени знаменитаго Гудсона, который, послѣ многократныхъ плаваній по Ледовитому океану, вплылъ въ Іюль 1610 г. въ названный его именемъ проливъ. 3-го Августа у сѣверо-западнаго края Лабрадора взору его открылось широкое море, величина котораго допускала предположеніе, что это-то и былъ самый Тихій океанъ. Съ того дня Гудсонъ пропалъ безслѣдно; возмущившійся противъ него экипажъ рассказывалъ, по возвращеніи въ Англію на слѣдующій годъ, что высадилъ Гудсона съ сыномъ и семерыми изъ экипажа въ лодки, а самъ, послѣ тяжелой зимовки, отправился въ обратный путь.

Второй путь идетъ между сѣвѣрною частью обширной Баффиновой земли и Грѣнландіей по Дэвисову проливу, Баффинову

проливу и по проливамъ, служащимъ ихъ продолженіемъ на сѣверъ.

Третій-же путь идетъ по проливамъ, являющимся продолженіемъ Баффинова залива на западъ. Тамъ-то и находится „Сѣверо-западный проходъ“. Изученіе этихъ проливовъ началось съ розысками погибшей экспедиціи Франклина. Исходной точкой является здѣсь небольшой бассейнъ—заливъ Мельвилля, къ юго-востоку отъ котораго и разыгралась Франклинская драма.

Въ маѣ 1845 г., капитанъ Франклинъ отправился во главѣ двухъ испытанныхъ въ полярныхъ плаваніяхъ военныхъ кораблей, „Эребуса“ и „Террора“, снабженныхъ — что являлось въ тѣ дни сравнительно новизной — паровыми машинами.

Первыя свѣдѣнія о судьбѣ Франклина и его 130 спутниковъ послѣ того, какъ ихъ видѣли въ послѣдній разъ на сѣверѣ Баффинова залива, доставилъ снаряженный самой г-жей Франклинъ корабль „Принцъ Альбертъ“. Корабль этотъ доставилъ добытыя имъ свѣдѣнія въ 1850 г., и тогда-же было снаряжено на розыски еще около 14 кораблей, изъ нихъ 10—англійскимъ правительствомъ. Была найдена первая зимняя стоянка Франклина въ „Unions bai“ на юго-западѣ отъ острова „Сѣверный Девонъ“, при южномъ входѣ въ каналъ Веллингтона. Три могилы съ надписями были единственнымъ слѣдомъ, оставленнымъ здѣсь экспедиціей Франклина.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы были найдены слѣды экспедиціи на берегахъ двухъ сѣверо-американскихъ рѣкъ Мѣдной и Рыбной, что не мѣшало всетаки людямъ давать вѣру баснямъ вродѣ той, что экспедиція Франклина въ одинъ прекрасный день покажется около сѣверныхъ береговъ Сибири!

Въ томъ-же году, когда англійское адмиралтейство послѣ трехлѣтнихъ безуспѣшныхъ попытокъ прекратило высылку своихъ судовъ на розыски экспедиціи Франклина, и когда возвратился въ Англію М'Клуръ, открывшій сѣверо-западный проходъ и обошедшій весь сѣверо-американскій-грѣнландскій архипелагъ, не найдя и слѣда Франклина, получилось отъ агента общества „Гудсонова залива“ письмо, извѣщавшее о судьбѣ Франклина. Встрѣченный агентомъ въ апрѣлѣ 1854 г., на полуостровѣ Боотія у Рыбной рѣки эскимось заявилъ, что какіе-то

бѣлые люди умерли года четыре тому назадъ голодной смертью у большой рѣки на западѣ. „Нѣсколько семей эскимосовъ, занятыхъ ловлей тюленей на сѣверномъ берегу большого острова, называемаго нами островомъ короля Вильгельма“—говорится въ письмѣ— „видѣли сорокъ бѣлыхъ люлей, направлявшихся къ югу по льду съ лодками и санями. Эскимосы не могли понять ихъ языка, но заключили по ихъ жестамъ, что корабль ихъ разбился во льдахъ и что они теперь отправляются на охоту за звѣрями. Эскимосы продали имъ нѣсколько тюленей. Позже, весной, на материкѣ было найдено болѣе тридцати труповъ и нѣсколько могилъ, а на ближайшемъ островѣ еще пять труповъ. Нѣкоторые лежали въ палаткѣ, другіе подъ лодкой, перевернутой ради защиты кверху дномъ, третьи разбросанными тамъ и сямъ“. Въ донесеніи, адресованномъ англійскому адмиралтейству, перечислены были также различные предметы, которые агенту удалось достать у эскимосовъ, напр. серебряныя ложки, вилки и другія вещи съ инициалами нѣкоторыхъ изъ членовъ злополучной экспедиціи.

Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что члены экспедиціи дошли до устья Рыбной рѣки, т. е. спустились приблизительно на 7° къ югу отъ мѣста первой ихъ зимовки, и это разстояніе, равняющееся разстоянію отъ Шпицбергена до Тромсѣ, было пройдено въ три — четыре года. Устье большой Рыбной рѣки находится какъ разъ за полярнымъ кругомъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о судьбѣ экспедиціи были получены только въ 1859 г., когда знаменитый путешественникъ М'Клинтокъ достигъ на саняхъ зимовки эскимосовъ на западномъ берегу полуострова Боотіи, на югъ отъ сѣвернаго магнитнаго полюса. Отъ эскимосовъ узнали, впрочемъ, лишь то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, экипажъ большого корабля, застрявшаго во льдахъ, у находящагося противъ Боотіи большого острова „Короля Вильгельма“, направился къ Рыбной рѣкѣ, у устья которой и погибъ. Затѣмъ, М'Клинтокъ натолкнулся на южномъ берегу острова Вильгельма на одѣтый въ лохмотья человѣческій скелетъ, положеніе котораго указывало, что человекъ этотъ упалъ на ходу, направляясь на юго-востокъ. Другой отрядъ М'Клинтока нашелъ на сѣверо-западномъ берегу документъ, подписанный 28-го мая 1847 г. начальникомъ по-

гибшей экспедиціи, самимъ Франклиномъ. Въ документѣ говорилось, что экспедиція перезимовала на вышеупомянутомъ мѣстѣ; затѣмъ на поляхъ были еще замѣтки двухъ помощниковъ Франклина отъ 25-го апрѣля 1848 г., въ которыхъ говорилось, что экспедиція нѣсколько дней тому назадъ бросила оба корабля во льдахъ, гдѣ эти корабли застряли еще годъ и 8 мѣсяцевъ тому назадъ, что самъ Франклинъ уже годъ какъ умеръ, и что на слѣдующій день экспедиція отправится далѣе по направленію къ Большой Рыбной рѣкѣ. Другихъ никакихъ документовъ найдено не было ни М'Клинтокомъ, ни Галлемъ, искавшимъ слѣдовъ Франклинской экспедиціи въ 60-хъ годахъ. Последнею было только установлено, что всѣ результаты изслѣдованій экспедиціи Франклина, внесенные въ дневники, потеряны для насъ, такъ какъ дневники эти уничтожены эскимосами. Изъ разсказовъ эскимосовъ и расположенія найденныхъ могилъ и скелетовъ можно было вывести заключеніе, что корабли Франклина послѣ первой зимовки застряли во льдахъ на сѣверѣ отъ острова Вильгельма и что послѣ смерти самого Франклина, товарищи его оставили корабли, одинъ изъ которыхъ впослѣдствіи былъ унесенъ теченіемъ на югъ черезъ проливъ Викторіи и потонулъ въ восточной части маленькаго залива, въ который впадаетъ этотъ проливъ. Остатки экспедиціи тащились, словно странствующие мертвецы, изъ которыхъ то и дѣло падалъ то тотъ, то другой, вдоль западнаго края острова Вильгельма, пока, наконецъ, не добрались до материка, гдѣ слегъ и послѣдній человѣкъ, до конца берегшій драгоцѣнные дневники — увы! затѣмъ, чтобы ихъ изорвали дѣти эскимосовъ. Ужасы, претерпѣнные экспедиціей, усугублялись, какъ видно, еще случаями каннибализма; довольно вѣроятно также, къ сожалѣнію, и то, что многіе изъ несчастныхъ больныхъ путешественниковъ пали жертвою эскимосовъ.

„Сэръ Джонъ Франклинъ и его 130 смѣлыхъ спутниковъ отправились на розыски сѣверо-западнаго прохода и нашли его...“ говорится въ подробномъ отчетѣ о подвигѣ, который считается разрѣшеніемъ вопроса о сѣверо-западномъ проходѣ. Разъясненіе условій этого прохода, пройденнаго между 105-мъ и 115-мъ западными меридіанами (отъ Гринвича) только пѣшкомъ, приписывается М'Клуру, который вышелъ на розыски

этого прохода и слѣдовъ Франклина черезъ Беринговъ проливъ. 26-го октября 1850 г., тридцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Парри побывалъ, пройдя западные проливы, у южной части острова Мельвилля, М'Клуръ увидѣлъ съ высоты около пролива принца Уэльскаго, гдѣ корабль его „Investigator“ застрялъ въ льдахъ, въ направленіи острова Мельвилля сѣверо-западный проходъ—ледяной проливъ, который не соединялъ, а скорѣе раздѣлялъ и—пожалуй, навсегда—восточные и западные пути. Полтора года спустя, въ 1852 г. послѣ того какъ „Investigator“ давно высвободился изъ льдовъ и, отправляясь обратно на югъ вокругъ земли Банка, дошелъ до сѣвернаго берега этого острова, М'Клуръ примкнулъ къ экспедиціямъ, прибывшимъ съ востока, и отправился на саняхъ отъ новой своей зимней стоянки на сѣверномъ берегу острова Банка черезъ проливъ къ острову Мельвилля, котораго какъ Парри, такъ и М'Клинтокъ (въ 1851 г.) достигли съ востока.

Наконецъ, въ 1853 г. М'Клуръ встрѣтился съ экспедиціей послѣдняго, послѣ чего всѣ еще остававшіяся въ проливахъ экспедиціи отправились (въ 1854 г.) обратно на высланныхъ за ними особыхъ корабляхъ.

Въ послѣднюю половину нашего столѣтія былъ открытъ проливъ Смита; изслѣдованіе его подвигалось впередъ шагъ за шагомъ, изъ которыхъ одинъ обходился дороже другого.

Проливъ Смита видѣлъ, какъ говорилось выше, еще Баффинъ; 200 лѣтъ спустя Джонъ Россъ нашелъ, однако, этотъ проливъ закрытымъ. Въ 1852 г. одинъ изъ кораблей великой экспедиціи, отправленной на поиски Франклина, достигъ подъ начальствомъ Инглефильда до середины пролива и Инглефильду показалось, что далѣе шло открытое море вплоть до Берингова пролива и Сибири. По слѣдамъ Инглефильда отправился, годъ спустя, энергичный мореплаватель Кэнъ и высланные имъ санные отряды подъ начальствомъ Гейса (Hayes) и Мортонъ достигли названнаго именемъ Кэна расширенія пролива, (бассейнъ Кэна) откуда они увидѣли свободный ото льда проливъ Кэннеди; такимъ образомъ на этотъ разъ изслѣдованія подвинулись впередъ на цѣлыхъ 3 градуса широты. Мортонъ, впрочемъ, увидѣлъ еще больше того: онъ увидѣлъ и „услышалъ“ открытое море, простирающееся до самого сѣвернаго полюса. „Слухъ его

Фритъофъ Нансенъ. Съ рисунка карандашемъ Э. Веренскьоляда.

ласкала необыкновенная музыка плещущихъ волнъ“. Шестъ лѣтъ спустя, Гэйсъ добрался на саняхъ почти до того-же мѣста, которое видѣлъ издали Мортонъ. Затѣмъ, почти на одинъ градусъ широты сѣвернѣе, пробрался на корабль Галь (Hall) въ 1871 г., т. е. достигъ почти конца канала Робезона. Послѣ того, какъ корабль Галя „Polaris“ вернулся обратно черезъ бассейнъ Кэна и проливъ Смита, во время высадки экипажа у пролива Уэльскаго, часть экипажа — девятнадцать человекъ — была унесена въ море на льдинѣ. Съ 15 октября 1872 г. по 30 апрѣля 1873 г. плыли они на льдинѣ черезъ Баффиновъ заливъ и Дэвисовъ проливъ и достигли восточнаго угла Лабрадора, гдѣ были приняты на китобойное судно. Разстояніе, пройденное ими на льдинѣ, равняется разстоянію между южной частью Шпицбергена и Гамбургомъ! Столь-же продолжительное, хотя и не столь дальнее, плаваніе на льдинѣ совершили члены нѣмецкой полярной экспедиціи „Ганза“ вдоль другой стороны Грѣнландіи, года за три передъ тѣмъ.

Зимою 1875—1876 г. въ каналъ Робезона было, по увѣренію мореплавателя Де, затерто льдами трехмачтовое судно. Это былъ „Алертъ“, посланный подъ командой капитана Нэрса англійскимъ адмиралтействомъ съ приказаніемъ „дойти до наивысшей сѣверной широты, а если возможно, то и до сѣвернаго полюса!“ И если Нэрсъ не достигъ полюса, то лишь потому, что — какъ доносить онъ самъ — „этимъ путемъ черезъ проливъ Смита его достичь нельзя“.

Вначалѣ, когда „Алертъ“ разстался съ судномъ „Discovery“, оставленномъ для наблюденія въ заливѣ того-же названія, Нэрсъ полагалъ еще, что поставленная ему задача разрѣшима. При этомъ, однако, предполагалось, что каналъ Робезона является узкимъ проливомъ, соединяющимъ бассейнъ Галя съ подобнымъ-же сѣвернымъ бассейномъ.

„Алертъ“ шелъ впередъ на всѣхъ парахъ до $82^{\circ} 24'$, т. е. до самой сѣверной точки, достигнутой до тѣхъ поръ кораблемъ, но затѣмъ наткнулся на лёдъ, черезъ который уже невозможно было пробиться.

„Тотъ, кто серьезно предлагаетъ пробраться черезъ подобный лёдъ, или притворяется, или самъ не вѣдаетъ, на что идетъ... Безспорно, что пароходы могутъ пробиваться черезъ

некрѣпкій лёдъ, который капитаны парусныхъ кораблей принуждены были въ прежнія времена объявлять непроходимымъ... но не было еще построено такого судна, которое могло-бы выдержать напоръ и давленіе сплошного крѣпкаго льда“.

Вотъ что было написано въ 1878 г. Съ того времени построень „Фрамъ“.

„Алертъ“ остановился у мыса Шеридана Грантовой земли, т. е. сѣвернѣе находящейся на восточномъ берегу Грѣнландіи бухты Независимости. Зимовка продолжалась 11 мѣсяцевъ, причемъ температура падала иногда до $-58,75^{\circ}$ С.

Лейтенанты Бомонъ (Beaumont), Альдрихъ и др. предпринимали экскурсіи на саняхъ и доходили до 83° сѣв. широты, захватывая при этомъ приблизительно 30° долготы, такъ что въ общей сложности изслѣдованное ими пространство равнялось почти 400 километр. 12 мая 1876 г. Маркгамъ и Парръ достигли $83^{\circ} 20' 26''$ сѣв. шир. почти на 63° западной долготы отъ Гринвича.

Маркгамъ задался цѣлью пробраться на саняхъ со своимъ отрядомъ возможно дальше на сѣверъ. Ночуя на льдинахъ, пробивая себѣ дорогу черезъ непроходимыя дебри ледяныхъ глыбъ, падая въ расщелины, доходя почти до полной потери зрѣнія отъ блеска снѣговъ и льда, шелъ лейтенантъ Парръ съ авангардомъ, расчищая путь для остальныхъ людей, слѣдовавшихъ за нимъ съ санями, спотыкаясь, скользя и падая... „Единственнымъ утѣшеніемъ была мысль, что ужъ хуже не будетъ“ — пишетъ отважный морякъ. Сѣверный вѣтеръ при -55° С. „словно перерѣзывалъ ихъ пополамъ!“ А что приходилось имъ терпѣть при переменѣхъ погоды!

Берега земли Гранта само собой оказались загроможденными ледяными глыбами. Отъ мыса Юсифа-Генриха, гдѣ Маркгамъ, снабженный провіантомъ на 60 сутокъ, оставилъ берегъ, чтобы отправиться прямо на сѣверъ, видно было крайне неровное ледяное море изъ небольшихъ, но толстыхъ льдинъ и огромныхъ глыбъ, разбившихся другъ о друга, и образовавшихъ цѣлые валы и рвы. Путешественникамъ попадались и отдѣльныя огромныя льдины, изъ которыхъ одна напр. имѣла 10 кил. въ окружности и 2 кил. въ длину. Встрѣчались также глыбы съ приставшимъ къ нимъ иломъ и землей, „точно онѣ имѣли дѣло съ

сушей". На протяженіи почти 30 кил. отъ берега попадались еще слѣды волковъ, мышей, и даже зайца.

Страшно низкая температура при сѣверномъ вѣтрѣ заставила Маркгама отказаться отъ мысли найти на сѣверѣ или на сѣверо-западѣ открытое море.

Несходство описаній путешественниковъ, изъ которыхъ одинъ видѣлъ на сѣверѣ „открытое“ море, а другой „ледяное“, напоминаетъ несходство описаній Австраліи, гдѣ въ одномъ и томъ же мѣстѣ одинъ путешественникъ находилъ оазисъ, а другой, годъ спустя или за годъ до перваго, одну безотрадную пустыню.

Безконечныя трудности пути черезъ ледяныя дебри, болѣзнь, постигшая пятерыхъ изъ семнадцати участниковъ экскурсіи и полное изнуреніе еще четверыхъ заставили, наконецъ, Маркгама повернуть обратно. „Палатки наши во время ночного привала скорѣе походятъ на больничные бараки, нежели на помѣщенія людей, принужденныхъ работать изо всѣхъ силъ“. При развернутыхъ флагахъ и вымпелахъ была объявлена достигнутая полярная высота: 400 англійскихъ миль — 600 килом. отъ сѣвернаго полюса, 110 килом. отъ суши.

Видъ, представлявшійся въ ясный день съ высокой скалы на берегу, Нэрсъ описываетъ такъ: „На сѣверѣ нѣтъ и малѣйшаго слѣда суши. Нагроможденные другъ на друга ледяныя глыбы покрываютъ все пространство вплоть до самого горизонта; не видно даже ни единой полыньи. На протяженіи 130 километровъ къ сѣверу отъ мыса Іосифа Генриха не встрѣчается никакой крупной земли. Во всякомъ случаѣ полоса сплошныхъ льдовъ доходитъ до 84-го^о широты. Существуетъ-ли, нѣтъ-ли земля между достигнутой нами границей и сѣвернымъ полюсомъ — безразлично, такъ какъ при имѣющихся теперь орудіяхъ нельзя далѣе пробраться черезъ такія ледяныя преграды. Я, не колеблясь, утверждаю, что вообще невымыслимо достичь сѣвернаго полюса, слѣдуя по пути, предлагаемому проливомъ Смита“.

Приблизительно въ то-же время, полярный изслѣдователь Вейпрехтъ (Weyprecht) предложилъ предпринять съ различныхъ полярныхъ станцій общее одновременное международное изслѣдованіе полярныхъ областей.

Изъ снаряженныхъ съ этой цѣлью экспедицій одна окончилась трагически, именно американская экспедиція Грили.

Въ августѣ 1881 г., экспедиція эта остановилась въ гавани Дисковери на землѣ Гранта, вблизи канала Робезона.

11 сентября того-же года сопровождавшее экспедицію транспортное судно вернулось въ Ньюфаундлэндъ, и съ тѣхъ поръ прошло почти три года, прежде чѣмъ объ экспедиціи были получены какія нибудь извѣстія. Экспедиціи, отправленные на поиски Грили въ первые два года не добились ничего. Лишь на третьемъ году удалось отыскать семь изстрадавшихся членовъ злополучной экспедиціи, состоявшей изъ двадцати пяти, и доставить на родину шестерыхъ изъ нихъ въ томъ числѣ самого начальника экспедиціи.

Дать понятіе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ экспедиціей въ борьбѣ съ холодомъ, голодомъ, болѣзнями и лишеніями всякаго рода, возможно лишь, приведя дословныя выдержки изъ веденнаго Грили изо дня въ день дневника. 6 іюня 1884 г. Грили приказалъ разстрѣлять солдата Генри за покражу изъ запаса провіанта, т. е. за кражу имъ ремней изъ тюленьей кожи. „Подобные примѣры были-бы пагубными для отряда, и безъ того рѣдѣющаго отъ голода, — половина команды уже умерла; лишь полное единодушіе и честный дѣлежъ могутъ спасти еще остающихся въ живыхъ“. Нѣсколько дней спустя, умеръ военный врачъ Пэви, смерть котораго, безъ сомнѣнія, ускорило то обстоятельство, что онъ, какъ врачъ, имѣлъ въ рукахъ усыпляющія средства. „Всѣ люди по мѣрѣ силъ собираютъ разные съѣдобные мхи“. Одинъ изъ умершихъ, который при жизни также былъ заподозрѣнъ въ кражѣ провизіи изъ общаго запаса, очистилъ свою память заявленіемъ, сдѣланнымъ имъ въ своемъ дневникѣ и гласящимъ, что онъ съѣлъ только свои собственные сапоги и кусокъ своихъ старыхъ брюкъ!

Погибшій, не дождавшись спасенія, членъ той-же экспедиціи лейтенантъ Локвудъ водрузилъ, вмѣстѣ съ сержантомъ Брайнардомъ и эскимосомъ Христіансеномъ, въ маѣ 1882 г., американскій флагъ (the glorious Stars and Stripes) на островѣ Локвудъ, у сѣвернаго берега Грѣнландіи, на $83^{\circ} 24'$ сѣв. шир., дойдя такимъ образомъ до наивысшаго сѣвернаго пункта, достигнутаго когда либо человекомъ. Маркгамъ, за шесть лѣтъ до того, не дошелъ до этого пункта всего $6\frac{1}{2}$ километровъ. Въ описаніи экспедиціи Грили говорится со словъ Локвуда:

„На сѣверѣ до самаго горизонта разстилалось непрерывное пространство льда. Ни я, ни сержантъ Брайнардъ, сколько ни вглядывались, не видѣли передъ собой ни признака земли“. Брайнардъ прибавляетъ: „На сѣверѣ передъ нами разстилалось полярное море—огромное пространство разбитаго льда и снѣга. Мы могли видѣть безпрепятственно на 60 миль (100 кил.) впередъ, но и за этимъ предѣломъ не было видно и слѣда земли“.

О Грѣнландіи и ея значеніи въ исторіи полярныхъ изслѣдованій уже говорилось въ предыдущихъ статьяхъ, и здѣсь остается только сказать еще нѣсколько словъ о Шпицбергенѣ, о землѣ Франца-Иосифа и о сѣверо-восточномъ проходѣ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ аванпостовъ на пути къ сѣверному полюсу является Шпицбергенъ, который въ нынѣшнемъ году можетъ справить 300 лѣтній юбилей своего открытія Виллимомъ Баренцомъ. Помимо того, что группа острововъ Шпицбергенъ оказывалась до второй половины нашего вѣка однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ сѣверному полюсу пунктовъ, она представляла еще то преимущество, что являлась исходнымъ пунктомъ, достигъ котораго въ лѣтнее время можно было рассчитывать всегда навѣрняка.

Въ 1827 г. Парри отправился къ сѣверу отъ Шпицбергена на двухъ лодкахъ-санкахъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца отрядъ его шелъ по льду все впередъ; потомъ оказалось, что ледъ относилъ ихъ назадъ больше, чѣмъ они успѣвали подвинуться на своихъ лодкахъ-санкахъ впередъ. Находились они тогда почти на 3° ближе къ сѣверу, или на $82^{\circ}45'$ сѣв. шир., т. е. достигли такой близости къ сѣверному полюсу, которая была превзойдена лишь 50 лѣтъ спустя, а лейтенантомъ Локвудомъ въ 1882 г. превзойдена только на 1° . Экскурсія Парри была первою санною экскурсіей въ исторіи изслѣдованія областей сѣвернаго полюса.

Почти у того же градуса долготы (между 18-мъ и 19-мъ меридіаномъ къ востоку отъ Гринвича), у котораго удалось въ 1806 г. Скоресби (Scoresby), а въ 1827 Парри пересѣчь въ открытомъ морѣ 81° сѣв. широты, достигъ въ 1868 г. Норденшѣльдъ на шведскомъ пароходѣ „Софія“ $81^{\circ}42'$ сѣв. шир., —

т. е. „Софія“ зашла сѣвернѣе какого либо другого корабля. Удалось это лишь благодаря тому, что передъ пароходомъ постоянно расчищали путь, взрывая ледъ порохомъ. Пароходъ повернулъ обратно не раньше, чѣмъ „впереди оказалось такое пространство почти сплошного льда, по которому человѣкъ съ помощью багра могъ-бы пройти по крайней мѣрѣ съ милю“. Въ этой экспедиціи, кромѣ фонъ Оттера, Норденшѣльда и нѣсколькихъ шведскихъ естествоиспытателей, участвовалъ еще въ качествѣ помощника начальника экспедиціи столь извѣстный впослѣдствіи Паландеръ.

30 августа 1873 г. съ австро-венгерскаго военного корабля „Тегетгофа“, достигшаго $79^{\circ}43'$ сѣв. шир. и $59^{\circ}53'$ вост. долг. (на сѣверѣ отъ Новой Земли), увидѣли на сѣверо-западѣ землю. Изумленнымъ взорамъ экипажа открылась вдругъ въ туманной дали горная страна. „Тегетгофъ“, стиснутый льдами, плыль къ сѣверу отъ Новой Земли больше года. Снаряженіемъ этого корабля Австро-Венгрія внесла свою лепту въ совмѣстный международный трудъ по изученію полярныхъ областей. На кораблѣ находилась снаряженная на средства графа Вильчека экспедиція Пайера-Вейпрехта, имѣвшая цѣлью испробовать рекомендованный географомъ Петерманомъ путь къ сѣверному полюсу между Шпицбергеномъ и Новой Землей.

Лишь два мѣсяца спустя послѣ того, какъ съ „Тегетгофа“ завидѣли землю, удалось экипажу перебраться со скованнаго льдами судна на эту новую землю, названную „Землей Франца-Иосифа“. Открытіе послѣдней является однимъ изъ интереснѣйшихъ открытій послѣднихъ столѣтій.

На добрыхъ два градуса широты по направленію меридіана проникла австрійская экспедиція въ новооткрытую землю, состоящую изъ острововъ, раздѣленныхъ проливами, и дошла до $82^{\circ}5'$ сѣв. широты (мысъ Флигели на островѣ принца Рудольфа), слѣдовательно, почти до той широты, которой достигли въ сѣверной Грѣнландіи Пири и Аструпъ въ 1892 г.

У берега передъ мысомъ растилалось водное пространство. Но это было не открытое море, а только обширная огораживаемая старымъ льдомъ полынья. Пайеръ не вѣрять въ откры-

тое полярное море; оно для него — „устарѣвшая гипотеза“. На горизонтѣ, среди бѣлой равнины, вырисовывались далеко на сѣверѣ двѣ вершины: земля короля Оскара и земля Петермана.

Оставивъ корабль, экипажъ отправился съ новооткрытой земли по льду, взявъ съ собой лодки. Почти три мѣсяца шли путешественники по льду; затѣмъ, наконецъ, могли сѣсть въ лодки и послѣ двухнедѣльнаго плаванія вдоль берега Новой Земли наткнулись на замѣшкавшіяся русскія промысловыя суда, которыя и доставили ихъ въ Вардѣ.

Зимою 1882-83 г. по Карскому морю шли бокъ-о-бокъ два судна: норвежскій пароходъ „Варна“, везшій ученую голландскую экспедицію, и датскій пароходъ „Діймфна“ подъ командой лейтенанта Ховгора, участвовавшаго впоследствии въ экспедиціи Норденшѣльда на „Вега“. Теперь онъ отправился съ цѣлью оказать содѣйствіе экипажу исчезнувшей „Жанетты“, но, по полученіи по дорогѣ извѣстія о судьбѣ послѣдней, хотѣлъ ограничиться попыткой пройти мимо мыса Челюскина. Въ Карскомъ морѣ его, однако, затерло льдами, и ему пришлось удовольствоваться сдѣланными имъ во время этого невольнаго плѣна интересными наблюденіями надъ вѣтромъ и теченіемъ.

Въ 1874 г. началъ свои неутомимыя попытки установить торговыя сношенія между Англіей и Сибирью черезъ Карское море — капитанъ Виггинсъ.

21 іюля 1878 г. началась знаменитая экспедиція Норденшѣльда на „Вега“. Три недѣли спустя „Вега“ была въ гавани Диксона у устья Енисея, а 19 августа бросила якорь у самой сѣверной оконечности стараго свѣта, у мыса Челюскина, „самой однообразной и пустынной мѣстности, которая вообще попадалась мнѣ на сѣверѣ“ — пишетъ Норденшѣльдъ. Съ 27 сентября 1878 г. по 18 іюля 1879 г. „Вега“ стояла затертая льдами всего въ двухъ дняхъ пути отъ Берингова пролива, который затѣмъ и прошла 20 іюля.

Этимъ плаваніемъ былъ установленъ такъ называемый „сѣверо-восточный проходъ“ (Nordostpassage), и открыта для изслѣдованій сѣвернаго Ледовитаго океана и полярныхъ областей твердая и связная основная морская линія.

До прохода Норденшёльда черезъ Беринговъ проливъ и до гибели „Жанетты“, область сѣвернаго Ледовитаго океана, прилегающая къ сѣверной части Восточной Сибири, была извѣстна Европѣ очень мало. Между тѣмъ, еще за 200 лѣтъ до того, передовые піонеры цивилизованнаго человѣчества уже открыли расположенные въ этой области Ново-Сибирскіе острова, и со временъ тридцатилѣтней войны русскіе рыболовы и промышленники стали пробираться въ эту сѣверно-азіатскую *terra incognita* все дальше и дальше.

Въ томъ-же году (1742 г.), когда Челюскинъ достигъ на саняхъ самой сѣверной оконечности Азіи, сталъ извѣстнымъ и сѣверо-западный уголъ Америки — Аляска.

Всѣмъ извѣстны результаты большой Сѣверной экспедиціи, снаряженной русскимъ правительствомъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія и покрывшей безсмертіемъ имена Беринга и Челюскина. Съ затраченными на эту экспедицію средствами и трудами могутъ сравниться развѣ только затраты англійскаго правительства на отысканіе злополучной экспедиціи Франклина.

Экспедиціи, имѣвшія цѣлью изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Азіи, носили и научный и политическій характеръ, изслѣдованія-же береговъ сѣверной Америки вызывались чисто коммерческими интересами. Но въ то время, какъ изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Сибири и близъ лежащихъ острововъ и областей завершены въ главномъ изслѣдованіями Врангеля и Анжу въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, прошло уже сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы были первыя попытки точнѣе опредѣлить очертанія сѣверныхъ береговъ Америки. Съ тѣхъ поръ и здѣсь, какъ въ Азіи, отдѣльныя, вновь открытыя мѣста связаны общей линіей, благодаря одновременнымъ стремленіямъ Коллинсона и М'Клинтока проникнуть на востокъ, въ поискахъ за Франклиномъ, со стороны Берингова пролива.

Географическое значеніе Берингова пролива становится, впрочемъ, извѣстнымъ не ранѣе 1730 г. Дешневъ и Берингъ установили только восточныя границы Азіи и фактъ существованія водного пути изъ Ледовитаго въ Тихій океанъ, не зная, однако, что путь этотъ является проливомъ.

Какимъ въ сущности новымъ представляется намъ теперь міръ! Вѣдь, всего за сто лѣтъ до того, какъ „Вега“ прошла

Беринговымъ проливомъ въ Тихій океанъ, Джемсъ Кукъ въ свое послѣднее плаваніе безуспѣшно пытался проникнуть черезъ него и на востокъ и на западъ. Въ 1849 г. Келлетъ высадился на островъ „Геральдъ“, въ 1867 г. Лонгъ открылъ землю Врангеля.

Быть можетъ, для того, чтобы нація сплотилась для энергичнаго изслѣдованія географическихъ условій выше упомянутой обширной области, надобенъ такой призывъ, который-бы тронулъ всѣ сердца, заставилъ-бы отозваться всѣхъ, объединивъ всѣхъ какимъ нибудь общимъ чувствомъ, вродѣ наримѣръ чувства человеколюбивой тревоги, заставившей цивилизованный міръ въ теченіи тридцати двухъ лѣтъ отыскивать экспедицію Франклина, а затѣмъ положить столько трудовъ и силъ ради спасенія „Жанетты“.

Остается посвятить нѣсколько словъ только-что упомянутой злополучной „Жанеттѣ“. Купленный извѣстнымъ американскимъ богачомъ Гордономъ Беннеттомъ и названный по имени его сестры „Пандорой“ пароходъ этотъ предназначался первоначально для экспедиціи къ сѣверному полюсу черезъ Беринговъ проливъ, но когда въ 1879 г. возникъ тревожный вопросъ „что случилось съ „Вегой“ и Норденшѣльдомъ?“ — пароходъ былъ переименованъ въ „Жанетту“ и отправленъ съ цѣлью розыскать слѣды „Веги“.

Въ концѣ августа 1879 г. „Жанетта“, подъ командою 34 лѣтняго лейтенанта Де-Лонга и съ экипажемъ международного состава изъ 33 лицъ, прошла черезъ Беринговъ проливъ пять недѣль спустя послѣ того, какъ „Вега“ благополучно вышла въ Тихій океанъ!

Прошло слишкомъ два года, а о „Жанеттѣ“ не было ни слуха, ни духа. Но вначалѣ это обстоятельство не казалось тревожнымъ. Корабль былъ, вѣдь, снабженъ провіантомъ на три года, снаряженіе его было доведено до возможной въ тѣ времена степени совершенства, такъ какъ богатый владѣлецъ его не пожалѣлъ на это средствъ. Самъ Эддисонъ снабдилъ корабль электрическимъ освѣщеніемъ; при экипажѣ состояло еще два охотника-эскимоса съ семьёю санями и сорока собаками. Какія-же опасности могли угрожать этой столь тщательно обставленной первой серьезной попыткѣ проникнуть до сѣвернаго полюса по линіи меридіана отъ Тихаго океана?

Но въ декабрѣ 1881 г. изъ Якутска дошли тревожныя вѣсти о томъ, что люди Де-Лонга высадились въ сентябрѣ въ крайне изнуренномъ состояніи около устьевъ Лены; и только въ мартѣ 1882 г. были найдены трупы Де-Лонга и его, одиннадцати спутниковъ.

Пережившіе катастрофу сообщили, что „Жанетта“ была за-терта льдами еще въ сентябрѣ 1879 г. Образовавшаяся течъ заставляла экипажъ „Жанетты“ въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ работать помпами почти денно и нощно. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ корабль кружился вмѣстѣ съ сковывавшими его льдами около земли Врангеля, затѣмъ былъ унесенъ на сѣверо-западъ.

17 мая 1881 г. съ „Жанетты“ увидѣли новые неизвѣстные до тѣхъ поръ острова: Жанетту, Генриетту и островъ Беннетта (общее названіе этой группы: „Острова Де-Лонга“). Экипажъ вынесъ впечатлѣніе, что теченіе въ данныхъ мѣстахъ не бываетъ постояннымъ, а зависитъ отъ вѣтра, тѣмъ не менѣе люди все-таки надѣялись, что теченіе отнесетъ ихъ къ землѣ Франца-Иосифа и что, такимъ образомъ, имъ удастся выбраться въ открытое море около Шпицбергена *). Но уже 12 іюня экипажу пришлось оставить корабль, раздавленный льдинами.

Произошло это всего въ 700 килом. отъ земли, находившейся на югѣ и на нѣсколько сотъ килом. дальше отъ устьевъ Лены. Команда направилась на югъ къ устьямъ Лены, шла по льду уже съ недѣлю, какъ вдругъ оказалось по наблюденіямъ, что сѣверное теченіе отнесло ихъ съ льдомъ вмѣстѣ на 27 миль назадъ. Къ счастью, встрѣчаемые на пути островки оказались хорошими точками опоры. Въ сентябрѣ команда пустилась на трехъ лодкахъ въ открытое море; во время бури лодки разошлись, и одна изъ нихъ пропала безъ вѣсти.

* * *

Немалый вкладъ въ географію арктическихъ странъ внесли и норвежскія экспедиціи, не имѣвшія строго научнаго характера, а такъ называемыя промысловыя, отправлявшіяся подъ командой отважныхъ капитановъ-норвежцевъ, которые въ своемъ стремленіи отыскать новыя обильныя добычей мѣста для ловли китовъ

*) Кромѣ кораблей, искавшихъ въ 1881 г. „Жанетту“ въ области Берингова пролива, въ томъ-же году искала ее въ водахъ Грѣнландскаго полярнаго моря экспедиція Грили.

и тюленей, служили, такъ сказать, попутно и наукѣ. Ища новыхъ мѣстъ для ловли, они проложили новые пути на сѣверъ, къ Шпицбергену, въ Карское море и пр. и заслужили тѣмъ почетное мѣсто въ исторіи. Вниманіе, возбужденное первыми-же ихъ сообщеніями среди ученыхъ, разумѣется лишь увеличило въ этихъ моряхъ жажду новыхъ открытій и желаніе проникнуть въ невѣдомыя моря дальше, чѣмъ если-бы ихъ побуждали однѣ коммерческія цѣли.

Большинство наблюденій и изслѣдованій, сдѣланныхъ норвежцами въ области Сѣв. Ледовитаго океана, были разработаны норвежскимъ метеорологическимъ институтомъ и затѣмъ опубликованы. Въ „*Petermanns Mittheilungen*“ можно найти свѣдѣнія о всѣхъ норвежскихъ экспедиціяхъ и добытыхъ ими научныхъ результатахъ. Но, конечно, въ ученыхъ журналахъ и статьяхъ нечего искать полной картины тѣхъ опасностей, трудовъ и мужества, съ которыми было сопряжено добываніе упомянутыхъ результатовъ. А картина эта поистинѣ грандіозна. Отважные моряки-промышленники изо дня въ день должны были бороться съ пловучимъ льдомъ, съ туманами и бурями, шагъ за шагомъ защищать собственную жизнь, исполняя свои прямые обязанности по отношенію къ судовладельцамъ, и въ то же время они тихо, безшумно исполняли великую въ научномъ отношеніи работу, тѣмъ болѣе достойную удивленія, что она была совершенно безкорыстна. Имена Э. Карлсена, С. Х. Тобисена, Ренбэки, Э. Г. Юганнесена, Толькильсена, Ульве, Макка, Квалле, Недревгои, Дёрма, Исаксена, Алотманна, Нильсена, Іонсена, бр. Бьеркане, Кнудсена и Экреля занесены на скрижали исторіи арктическихъ путешествій, но сколько изъ отважныхъ моряковъ, изъ года въ годъ ходившихъ за китами, тюленями и научными наблюденіями, погибли, не успѣвъ дать и вѣсточки о своихъ подвигахъ, сколько тяжелыхъ зимовокъ кануло въ лету забвенія и сколько совершено во время этихъ экспедицій геройскихъ подвиговъ, оставшихся не занесенными въ лѣтописи?

Когда нибудь всѣ эти герои найдутъ своего историка, который прольетъ свѣтъ не только на ихъ службу наукъ, но и на нихъ самихъ, на ихъ жизнь и личные подвиги, и тогда имъ воздадутъ честь не одни земляки, а весь цивилизованный міръ, подобно тому какъ онъ отдалъ честь подвигамъ Фритъофа Нансена.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 г.

въ сокращенномъ изложеніи А. и П. ГАНЗЕНЪ.

I.

Нансенъ основательно изучилъ исторію арктическихъ изслѣдованій и полярныхъ экспедицій, но изученіе это не внушило ему страха передъ полярной ночью и ожидающими путешественниковъ въ арктическихъ областяхъ трудами, лишеніями и борьбой съ неумолимо-жестокой полярной природой. Напротивъ, повѣствованія о подвигахъ человѣческаго духа въ этой борьбѣ только будили дремавшій въ немъ самый геройскій духъ и жажду подвиговъ. Любовь къ наукѣ, стремленіе къ новымъ завоеваніямъ въ ея области довершили дѣло, и „кабинетный ученый“, какимъ Нансенъ сдѣлался за свое пребываніе въ Бергенѣ, уступилъ мѣсто выходящему изъ ряда отважному путешественнику-изслѣдователю. Уже первая экспедиція его—переходъ черезъ Грѣнландію явилась безпримѣрной и покрыла его славою, а вторая—такъ называемая экспедиція къ сѣверному полюсу сдѣлала имя Нансена извѣстнымъ всему цивилизованному міру.

Мысль о ней зародилась у Нансена еще до грѣнландской экспедиціи. Осенью 1884 г. онъ случайно прочелъ въ одной норвежской газетѣ статью профессора Мона по поводу найденныхъ на пловучемъ льду около западнаго берега Грѣнландіи вещей—повидимому, остатковъ погибшей „Жанетты“. Въ статьѣ этой Монъ высказывалъ мнѣніе, что упомянутыя вещи принесло вмѣстѣ со льдомъ полярнымъ теченіемъ, направляющимся отъ Ново-Сибирскихъ острововъ—близъ которыхъ погибла „Жанетта“—къ сѣверному полюсу и затѣмъ снова сворачивающимъ къ югу или юго-западу между Шпицбергенемъ и Грѣнландіей.

У Нансена тутъ-же и мелькнула мысль, что если льдина съ вещами могла переплыть невѣдомую полярную область, то этимъ же теченіемъ можетъ воспользоваться и корабль. Но прошло нѣсколько лѣтъ, пока у него созрѣлъ самый планъ экспедиціи къ сѣверному полюсу, и лишь въ февралѣ 1890 г. онъ изложилъ свои соображенія передъ Христіанійскимъ географическимъ обществомъ.

Сущность доклада Нансена сводилась къ слѣдующему. Сдѣлавъ краткій обзоръ арктическихъ экспедицій, онъ высказалъ, что вѣрнѣйшій путь къ сѣверному полюсу можно найти только, обративъ должное вниманіе на силы природы и попытавшись дѣйствовать совмѣстно съ ними, а не противъ нихъ. Мало пользы — доказывалъ Нансенъ — пытаться, какъ это дѣлало большинство предшествующихъ экспедицій, идти *противъ* теченія; надо слѣдовать *по теченію*, за существованіе котораго говорило столь многое и прежде всего судьба „Жанетты“.

Экспедиція Де-Лонга, отправившаяся на злополучной „Жанеттѣ“ въ 1879 г., имѣла цѣлью пройти изъ Берингова пролива къ сѣверному полюсу. Въ сентябрѣ „Жанетту“ затерло льдами и затѣмъ несло въ теченіе двухъ лѣтъ на западъ и сѣверо-западъ, пока она не погибла въ іюнѣ 1881 г. Три года спустя, на пловучемъ льду къ югу отъ западнаго берега Грѣнландіи были найдены вещи, несомнѣнно остатки погибшей „Жанетты“, напр. опись провіанта съ собственноручной подписью Де-Лонга, опись лодокъ „Жанетты“, пара брюкъ съ мѣткой одного изъ спасшихся матросовъ „Жанетты“ и проч. Извѣстіе объ этой находкѣ произвело огромное впечатлѣніе въ ученomъ мѣрѣ, и многіе ученые въ концѣ концовъ склонились къ тому заключенію, что льдины съ вещами были принесены къ Грѣнландіи теченіемъ, которое, начинаясь (какъ то показывалъ путь несшейся во льдахъ „Жанетты“) отъ Берингова пролива, идетъ къ Ново-Сибирскимъ островамъ, оттуда же, повидимому, направляется къ сѣверу, прямо черезъ полюсъ или между нимъ и землей Франца-Іосифа, затѣмъ сворачиваетъ снова къ югу или юго-западу, между Шпицбергенomъ и Грѣнландіей, идетъ вдоль всего восточнаго берега послѣдней, огибаетъ ея южную оконечность и сворачиваетъ въ Дэвисовъ проливъ. Вычисленія показали, что найденные предметы неслись со скоростью полумили въ сутки, что

и соотвѣтствовало скорости, съ какой неслась въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ затертая льдами „Жанетта“.

Другимъ подтвержденіемъ существованія упомянутаго теченія служила находка на пловучемъ льду около Готхоба (селеніе въ Грѣнландіи) метательнаго снаряда, судя по конструкціи, употребляемаго эскимосами Аляски и сѣверо-западной части Сѣверной Америки, граничащей съ Беринговымъ проливомъ.

Затѣмъ, большая часть строевого лѣса, прибываемаго къ берегамъ безлѣсной Грѣнландіи, принадлежитъ къ сибирскимъ породамъ и тоже должна приноситься вышеупомянутымъ теченіемъ, такъ какъ иного пути, по заключеніямъ ученыхъ, не существуетъ.

Наконецъ, во время своихъ плаваній до Датскому проливу, между Исландіей и Грѣнландіей, Нансенъ не разъ замѣчалъ на пловучихъ льдинахъ густой слой тины, и, по его предположенію, тина эта была сибирская (предположеніе это подтвердилось впоследствии изслѣдованіями упсальскаго проф. Клева и доцента Стокгольмскаго университета Тернеблома) и совершила такой же продолжительный путь на льдинахъ. Итакъ, всѣ эти данныя говорили за то, что между моремъ, находящимся къ сѣверу отъ Сибири и моремъ къ востоку отъ Грѣнландіи, существуетъ сообщеніе. Разумѣется, Нансенъ не рассчитывалъ въ данномъ случаѣ на постоянно открытый фарватеръ, но лишь на постоянное и сравнительно сильное теченіе, уносящее въ извѣстный промежутокъ времени и цѣлыя ледяныя поля и отдѣльныя ледяныя глыбы по указанному направленію. Разъ же ледъ со всѣмъ на немъ находящимся проплываетъ въ извѣстный промежутокъ времени изъ одного моря въ другое, минуя при этомъ полюсъ, то можетъ проплыть по теченію вмѣстѣ со льдинами и корабль. Стоитъ лишь запастись судномъ надлежащей конструкціи, которое могло бы противустоять ледянымъ тискамъ, выбиться съ нимъ въ Полярное море сѣвернѣе Сибирскихъ острововъ, и оно попадетъ въ то же теченіе, въ которое попала „Жанетта“. Поднявшись же возможно дальше къ сѣверу, надо дать льдамъ затереть судно и предоставить остальное дѣло теченію: вмѣстѣ со льдами судно пройдетъ тотъ же путь, который прошли вещи съ „Жанетты“.

Если же судно, затертое льдами, несмотря на всѣ мѣры пре-

досторожности, все-таки погибло-бы, люди могли-бы перенести багажъ и провіантъ на большую крѣпкую льдину и раскинуть на ней теплыя палатки. На льдинѣ можно уплыть далеко, какъ показываютъ примѣры нѣкоторыхъ бывшихъ полярныхъ экспедицій. Льдина, конечно, можетъ разбиться, но на случай такой бѣды имущество экспедиціи было-бы расположено не прямо на поверхности льдины, а на подстилкѣ изъ бревенъ, связанныхъ въ большой плотъ. Когда же экспедиція приблизилась-бы къ Грѣнландіи, и льдина или плотъ вышла въ открытое море, люди могли пересѣсть въ лодки, — норвежскимъ морякамъ не впервые пробираться между льдами въ лодкахъ. По мнѣнію Нансена, вся экспедиція могла быть завершена въ 2 года, но провіантомъ слѣдовало запастись на 5, притомъ такимъ, при которомъ нечего было бы бояться скорбута.

Но, если бы оказалось, что теченіе, унесшее „Жанетту“, идетъ не прямо черезъ полюсъ, а наискось, между полюсомъ и землей Франца-Иосифа? Это обстоятельство, по мнѣнію Нансена, не представляло особаго значенія. Главной цѣлью экспедиціи должно было являться *не достиженіе конечнаго сѣвернаго пункта земли, что само по себѣ не существенно, но изслѣдованіе великой неизвѣстной до сихъ поръ земной области, окружающей полюсъ*, а въ такомъ случаѣ безразлично, пройдетъ-ли курсъ экспедиціи черезъ самый полюсъ или гдѣ нибудь близъ него. „Хотя, конечно“ — заявилъ Нансенъ — „было бы довольно любопытно сознавать, что находишься на самомъ полюсѣ, вертишься вмѣстѣ съ землей вокругъ собственной оси, или наблюдать, какъ маятникъ проходить въ часъ уголъ ровно въ 15°!“

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ Нансенъ продолжалъ детально изучать вопросъ и находилъ все новыя и новыя подтвержденія правильности предположенія о существованіи упомянутаго полярнаго теченія, которыя и сообщилъ въ своемъ докладѣ Христіанійскому географическому обществу въ сентябрѣ 1892 года.

Въ Норвегіи соображенія Нансена и составленный имъ на основаніи ихъ проектъ снаряженія экспедиціи встрѣтили почти общее сочувствіе, начало которому положилъ профессоръ Монъ. Зато за-границей планъ Нансена вызвалъ не мало энергическихъ возраженій. Въ ноябрѣ того же 1892 г. Нансенъ изложилъ свой

планъ передъ Лондонскимъ Географическимъ обществомъ, среди членовъ котораго насчитывалось такъ много знаменитыхъ піонеровъ въ области арктическихъ изслѣдованій.

Первымъ открылъ пренія по окончаніи доклада Нансена старый адмиралъ сэръ Леопольдъ Макъ-Клинтонъ, начавшій свою рѣчь слѣдующими словами: „Полагаю, что выслушанный нами сейчасъ докладъ справедливо можно назвать самымъ фантастическимъ, сказочнымъ изъ всѣхъ, когда-либо представлявшихся на обсужденіе Лондонскаго Королевскаго Географическаго общества“. Затѣмъ онъ высказалъ, что хотя факты и говорятъ за правильность теорій Нансена, положенныхъ имъ въ основу плана, онъ, адмиралъ, лично сомнѣвается въ осуществимости этого плана, главнымъ образомъ, потому, что не вѣритъ въ возможность сооруженія такого судна, которое было бы въ силахъ сопротивляться напору полярныхъ льдовъ въ зимнее время. Судно будетъ раздавлено, а не приподнято льдами, какъ надѣялся докладчикъ, погибнетъ, а съ нимъ и люди.

Слѣдующій оппонентъ, адмиралъ Нэрсъ, особенно сомнѣвался въ томъ, чтобы судну удалось попасть въ это пресловутое полярное теченіе, проходящее около полюса, и вообще проникнуть къ сѣверу дальше, чѣмъ удалось „Жанеттѣ“. Самая идея Нансена прикрѣпить свой корабль къ пловучему льду и нестись вмѣстѣ съ послѣднимъ казалась адмиралу крайне рискованной и нецѣлесообразной.

Сэръ Алленъ Юнгъ полагалъ, что все пространство вокругъ полюса занято не моремъ, хотя бы и ледянымъ, а сушей, что сообщеніе между двумя морями, доказываемое находкой вещей съ „Жанетты“, можетъ существовать лишь въ видѣ узкихъ каналовъ, и что вообще кораблю пускаться намѣченнымъ путемъ значитъ идти на вѣрную гибель. Не вѣрилъ онъ и въ возможность сооруженія судна, которое оказалось бы несокрушимымъ для полярныхъ льдовъ.

Капитанъ Виггинсъ былъ также противъ курса, начертаннаго Нансеномъ, такъ какъ считалъ фарватеръ около Ново-Сибирскихъ острововъ крайне опаснымъ. Въ остальномъ же онъ одобрялъ планъ Нансена и отъ души желалъ ему успѣха.

Двое изъ присутствующихъ членовъ-путешественниковъ по полярнымъ странамъ: адмиралъ Инглефильдъ и капитанъ Вартонъ, оказались вполне на сторонѣ докладчика, а еще двое —

сэръ Джоржъ Ричардъ и знаменитый I. Д. Гукеръ прислали на засѣданіе письменныя заявленія, выражавшія полное ихъ сомнѣніе въ выполнимости плана Нансена и заканчивавшіяся предостереженіями по адресу послѣдняго.

Было уже поздно, когда слово, наконецъ, было опять предоставлено докладчику. Отвѣтъ его на всѣ эти сомнѣнія и боязливыя предостереженія былъ какъ нельзя больше похожъ на него. Выражая полную готовность принять къ свѣдѣнію отдѣльныя полезныя указанія, онъ въ главномъ не желалъ уступить ни на іоту и даже въ возраженіяхъ своихъ оппонентовъ находилъ новыя доказательства въ пользу выполнимости своего плана. Такъ, въ отвѣтъ адмиралу Нэрсу, настаивавшему на необходимости для каждой полярной экспедиціи обезпечить себѣ надежную линію отступленія, Нансенъ сказалъ: „Я держусь какъ разъ противоположнаго мнѣнія. Грѣнландская моя экспедиція доказала, что возможно сдѣлать кое-что, и не обезпечивъ себя такой возможностью отступленія. Мы тогда сожгли за собой всѣ корабли и все-таки перешли черезъ Грѣнландію. Надѣюсь, что счастье не покинетъ насъ и на этотъ разъ, когда мы ломаемъ за собой всѣ мосты“.

Особенно же энергическія возраженія вызвалъ планъ Нансена, по его опубликованіи, со стороны американскаго генерала Грили, начальника извѣстной неудачной экспедиціи 1881—84 года. Грили, какъ онъ высказалъ это въ печати, положительно отказывался вѣрить, чтобы планъ Нансена могъ встрѣтить сочувствіе и поддержку. По мнѣнію Грили, планъ этотъ былъ основанъ на совершенно ложныхъ теоріяхъ, и результатомъ приведенія его въ исполненіе могли быть только неисчислимыя страданія и гибель экспедиціи.

Къ немногимъ заграничнымъ авторитетамъ, раздѣлявшимъ взгляды Нансена и вѣрившимъ въ успѣхъ задуманной имъ экспедиціи, принадлежали еще профессоръ Зупанъ, редакторъ „*Petermanns Mittheilungen*“, докторъ Джонъ Муррей, шотландскій естествоиспытатель, и сэръ Клеменсъ Маркгэмъ, нынѣшній президентъ лондонскаго географическаго общества.

На родинѣ же Нансена смѣлый его планъ встрѣтилъ, какъ сказано, почти общее сочувствіе, которое и не осталось только

платоническимъ: норвежское народное собраніе (стортингъ) ассигновало на снаряженіе экспедиціи 280,000 кронъ *), король шведскій и норвежскій Оскаръ II пожертвовалъ для той же цѣли изъ личныхъ своихъ средствъ 20,000 кронъ, многіе состоятельные норвежцы отъ 20,000 кронъ до 1,000 кр., и, наконецъ, народная подписка дала болѣе 20,000 кр., сложившихся изъ мелкихъ пожертвованій. Всего въ Норвегіи было собрано свыше 425,000 кронъ; въ этой суммѣ находилась и лепта самого Нансена. Явились лепты и изъ за-границы (напр. Лондонское географическое общество пожертвовало на экспедицію Нансена 300 фунтовъ стерлинговъ), составившія въ общей сложности болѣе 9,000 кронъ. Въ общемъ, включая проценты, въ распоряженіи Нансена оказалось 444,339 кронъ 36 эре, которыя цѣликомъ и пошли на экспедицію. Самый крупный расходъ—271,927 кронъ, 8 эре—былъ вызванъ сооруженіемъ судна, являвшагося, согласно самому плану экспедиціи, главнѣйшимъ предметомъ въ снаряженіи экспедиціи, предметомъ, отъ котораго въ наибольшей степени зависѣлъ успѣхъ всего предпріятія.

Строитель корабля Коллинъ Арчеръ чертилъ одинъ планъ за другимъ и сооружалъ модель за моделью, все совершенствуя типъ судна, пока не установилъ его по взаимному соглашенію съ самимъ организаторомъ предпріятія. Прежде всего надо было придать судну форму, которая не позволяла-бы льдамъ сдавливать бока, а заставляла бы ихъ подходить подъ киль и приподымать или выпирать судно наверхъ. Затѣмъ, требовалось сообщить судну наибольшую устойчивость и такую прочность его корпусу, чтобы онъ могъ противостоятъ сильнѣйшему внѣшнему давленію во всѣхъ направленіяхъ, и, наконецъ, предстояло создать изъ судна для членовъ экспедиціи теплое, здоровое, удобное и уютное убѣжище среди жестокой и мрачной полярной природы. Всѣ эти условія и удалось соблюсти; „Фрамъ“, въ полномъ смыслѣ слова, явился единственнымъ въ своемъ родѣ судномъ, приспособленнымъ къ полярной экспедиціи такъ, какъ ни одно судно до него.

Длина „Фрама“ по верхней палубѣ 39 метр.; длина по ватерлиніи 34,5 м.; длина киля 31 м. наибольшая ширина 11 метр.

*) Приблизительно 140,000 рублей.

(по ватерлиніи, не считая обшивки). Высота 5,25 м. Въ маломъ грузу судно сидитъ 3,75 м. Водоизмѣщеніе 402 тонны брутто и 307 нетто. Всѣ контуры корпуса округленно-выгнутые, поверхность гладкая. Киль, изъ американскаго вяза, тоже округленный съ краевъ, выступаетъ изъ корабельной обшивки всего на 3 сантиметра. Большая часть самого корпуса сдѣлана изъ итальянскаго дуба, вылежавшаго въ складѣ на верфи 30 лѣтъ. Шпангоуты расположены въ два ряда. Обшивка судна тройная: внутренняя трехвершковая дубовая, затѣмъ четырехвершковая дубовая и, наконецъ, наружная, которая должна защищать отъ льдовъ, изъ greenheart'a, постепенно увеличивающейся отъ кили къ ватерлиніи толщины — отъ 3 до 6 вершковъ. Носъ и корма кромѣ того защищены стальной броней. Общая толщина боковыхъ стѣнъ судна равняется 70—80 сант. толстаго деревяннаго слоя. Достигаемая этимъ сила сопротивленія еще увеличивается большимъ количествомъ желѣзныхъ и дубовыхъ подпорокъ, балокъ и перекладинъ. Такимъ образомъ, все сооруженіе представляетъ какъ бы одинъ общій слитокъ, между тѣмъ при прежнихъ экспедиціяхъ довольствовались обыкновенно тѣмъ, что придавали особую прочность какимъ нибудь двумъ-тремъ опорамъ. Руль и винтъ устроены необыкновенно подвижные. Трюмъ раздѣленъ тремя водонепроницаемыми переборками. Оснащенъ „Фрамъ“, какъ трехмачтовая шкуна. Бочка для вахтеннаго прикрѣплена на вершинѣ мачты на высотѣ 32 метровъ надъ поверхностью воды, чтобы имѣть на случай, если ледъ преградитъ судну путь, возможно болѣе обширное поле зрѣнія. Машина корабля устроена съ особенной тщательностью, причемъ конструкція ея предусматриваетъ всевозможныя случайности и даетъ возможность извернуться въ случаѣ порчи какой-либо изъ частей.

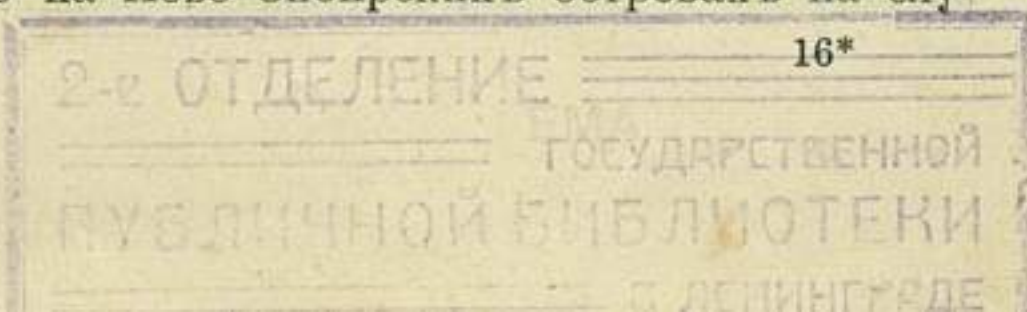
Жилое помѣщеніе находится на кормѣ, подъ шканцами и состоитъ изъ общаго салона или столовой посрединѣ и 6 каютъ вокругъ него. Для поддержанія въ нихъ необходимой теплоты былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ. Борта корабля подъ наружной тройной броней обшиты просмоленнымъ войлокомъ, подъ которымъ идутъ: пробковая обшивка, затѣмъ деревянная, опять войлочная, изъ линолеума и, наконецъ, внутренняя деревянная. Потолокъ жилыхъ помѣщеній подъ палубой также состоитъ изъ

нѣсколькихъ слоевъ: воздуха, войлока, дерева, линолеума, оленьей шерсти, дерева, линолеума, воздуха, дерева и линолеума, и толщина его равняется 40 сант. Полъ покрытъ пробковой настилкой въ 18 сант. толщины, затѣмъ идетъ второй деревянный полъ и наконецъ слой линолеума. Всѣ стѣны внутри жилыхъ помѣщеній обтянуты линолеумомъ. Въ единственномъ иллюминаторѣ (круглое окно) въ салонѣ вставлено тройное толстое корабельное стекло. Передъ салономъ помѣщается камбузь (кухня), а по обѣ стороны ея идутъ траппы (лѣстницы) на палубу. Каждый выходъ снабженъ четверными плотными дверями, а каждая дверь состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ дерева и войлока. Дверные пороги сдѣланы необыкновенно высокими. Освѣщеніе на „Фрамѣ“ устроено электрическое. Динамомашина во время работы корабельной машины приводится въ движеніе паромъ, во время же несенія судна льдами предполагалось пользоваться силой вѣтра или рукъ, для чего запаслись вѣтрянымъ колесомъ и конскимъ приводомъ. Затѣмъ можно было пользоваться для освѣщенія и керосиномъ, взятымъ главнымъ образомъ для кухни и отопленія (керосиновые печи).

Шлюпокъ на „Фрамѣ“ цѣлыхъ 8: двѣ очень большія—9 метр. въ длину и 2,8 м. въ ширину — которыя могли-бы въ случаѣ нужды вмѣстить весь экипажъ и запасъ провіанта на нѣсколько мѣсяцевъ, четыре меньшихъ размѣровъ, но столь же прочной и вмѣстѣ съ тѣмъ легкой конструкціи, затѣмъ одинъ маленькій боть и одна шлюпка съ керосиновымъ двигателемъ.

Не меньше заботъ и трудовъ потребовало отъ организатора экспедиціи обезпеченіе судна всякаго рода провіантомъ: съѣстными припасами, топливомъ, одеждой, оружіемъ, научными инструментами и приборами и пр. и пр. И тутъ Нансенъ, какъ показала самая экспедиція, оказался на высотѣ задачи.

Предвидя всевозможныя случайности во время теченія экспедиціи, Нансенъ счелъ нужнымъ запастись, между прочимъ, санными и хорошими ѣздовыми сибирскими собаками. Въ этомъ случаѣ ему оказалъ существенную помощь русскій ученый и путешественникъ баронъ Э. Толль, закупившій собакъ и устроившій ихъ доставку въ Хабарово, селеніе на Югорскомъ шарѣ, гдѣ ихъ и взялъ „Фрамъ“. Кромѣ того, баронъ Толль устроилъ три провіантныхъ депо на Ново-Сибирскихъ островахъ на слу-

чай, еслибы „Фрамъ“ въ этихъ опасныхъ мѣстахъ всетаки потерпѣлъ крушеніе.

Какъ только планъ экспедиціи былъ опубликованъ, Нансенъ былъ осыпанъ предложеніями сопровождать его со стороны лицъ всевозможныхъ національностей и профессій. Не легко было сдѣлать выборъ. Главными условіями выбора являлись: норвежская національность (экспедиція должна была быть *норвежскою*); физическая крѣпость, здоровье и выносливость. Всѣхъ кандидатовъ и подвергали тщательному медицинскому изслѣдованію. Въ концѣ концовъ составъ экспедиціи опредѣлился въ 13 человекъ, включая самого главу ея.

Достойнымъ капитаномъ „Фрама“ явился капитанъ *Отто Свердрупъ*, 38 лѣтъ, опытный морякъ и испытанный товарищъ, уже ранѣе совершившій вмѣстѣ съ Нансеномъ переходъ черезъ Грѣнландію. Уѣзжая на „Фрамъ“ онъ, какъ и Нансенъ, оставилъ на родинѣ жену съ ребенкомъ.

Въ завѣдующіе метеорологическими, астрономическими и магнетическими наблюденіями намѣченъ былъ лейтенантъ норвежскаго флота *Сигурдъ Скоттъ-Гансенъ*, 25 лѣтъ, вскорѣ ставшій общимъ любимцемъ на „Фрамъ“ за свою ревность къ дѣлу, юношескую жизнерадостность и привѣтливость.

Въ качествѣ корабельнаго врача и ботаника отправился кандидатъ медицины *Генрикъ Блессинъ* 27 лѣтъ.

Первымъ штурманомъ былъ назначенъ *Теодоръ Якобсенъ*, опытный морякъ, 37 лѣтъ отъ роду, плававшій съ 15 лѣтняго возраста по разнымъ морямъ, — между прочимъ 4 года по Ледовитому океану. И онъ былъ женатъ и имѣлъ одного ребенка.

Первому же машинисту „Фрама“, *Антону Амундсену*, 40 лѣтъ, приходилось оставить на родинѣ жену и шестерыхъ дѣтей. Онъ съ двадцати лѣтъ служилъ машинистомъ во флотѣ и „въ Ледовитомъ океанѣ былъ какъ у себя дома“.

Адольфъ Юль, 33 лѣтъ, по профессіи штурманъ, много лѣтъ управлявшій кораблями, рѣшился поступить на „Фрамъ“ провіантмейстеромъ и поваромъ. Уѣзжая, онъ также оставлялъ не маленькую семью: жену и четверыхъ дѣтей.

Въ качествѣ второго шкипера Нансенъ взялъ здоровеннаго весельчака и искуснаго кузнеца, бывшаго машиниста норвеж-

скаго флота, *Ларса Петерсена*, 33 лѣтъ. И этотъ былъ семейный, отецъ четверыхъ дѣтей.

Двадцатилѣтній поручикъ запаса *Яльмаръ Йогансенъ*, первый гимнастъ въ Норвегіи, получившій золотую медаль на гимнастическомъ состязаніи въ Парижѣ, не побрезговалъ поступить на „Фрамъ“ простымъ кочегаромъ, только бы принять участіе въ экспедиціи, — всѣ другія должности были уже замѣщены. Во время экспедиціи онъ, впрочемъ, перешелъ сначала на амплуа помощника Скоттъ-Гансена при метеорологическихъ и проч. научныхъ наблюденіяхъ, а затѣмъ явился спутникомъ Нансена въ знаменитой экспедиціи: „Самъ другъ на 84,16° сѣверной широты“.

Гарпунщикъ *Педеръ Гендриксенъ*, 34 лѣтъ, былъ настоящимъ атлетомъ. Онъ прошелъ предварительно суровую школу: въ теченіе 14 лѣтъ подрядъ ходилъ на промыслы въ Ледовитое море, лично уложилъ до полусотни бѣлыхъ медвѣдей, а въ 1888 году потерпѣлъ на своемъ суднѣ крушеніе около Новой Земли. И у него была жена и четверо дѣтей.

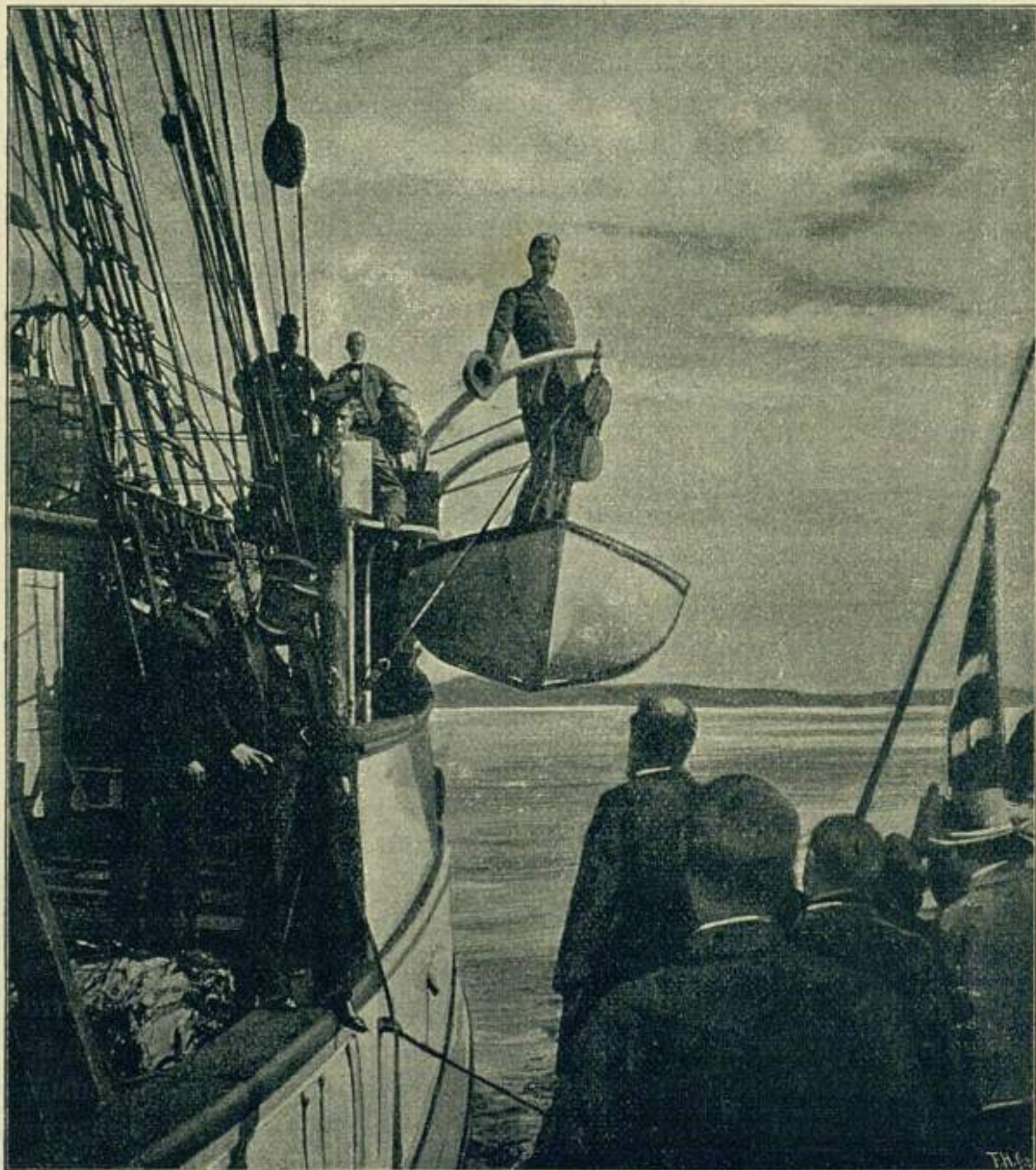
Въ лицѣ *Бернарда Нордала*, 31 года, „Фрамъ“ приобрѣлъ и электротехника, и механика, и метеоролога и даже кочегара. По числу дѣтей онъ уступалъ только одному Амундсену.

Иваръ Моистадъ, 37 лѣтъ, знаменитый „медвѣжникъ“, тоже оказался мастеромъ на всѣ руки, и несъ на „Фрамѣ“ всевозможныя обязанности, начиная съ надзора за часами и кончая надзоромъ и уходомъ за ѣздовыми собаками.

Тринадцатый участникъ экспедицій *Бернтъ Бентсенъ*, 33 лѣтъ, по профессіи штурманъ, много плававшій по Ледовитому океану, былъ завербованъ въ экипажъ „Фрама“ въ г. Тромсѣ всего за 2½ часа до отхода судна. Первоначально предполагалось, что онъ поѣдетъ лишь до Хабаровова, но затѣмъ онъ рѣшился принять участіе во всей экспедиціи, и его находчивость, ровный, веселый характеръ и замѣчательный даръ рассказчика сдѣлали его общимъ любимцемъ экипажа.

Объ отплытіи „Фрама“ изъ Пипервикена (гавани подъ Христианіей) какъ и о прощаніи Нансена съ семьей уже говорилось въ главѣ „Дома и на чужбинѣ“, и намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о прощаніи его съ родиной. Почти на всемъ пути, въ предѣлахъ родныхъ водъ, „Фраму“ устраивали самые

торжественные проводы, вслѣдъ ему летѣли самыя горячія и задушевныя привѣтствія и пожеланія — не только со стороны друзей участниковъ экспедиціи, ученыхъ и вообще интеллигент-

Отъѣздъ «Фрама».

ной части общества, но и со стороны простого народа. И это участіе народа, участіе, выразившееся также въ его посильной денежной лептѣ на экспедицію, увеличивало въ Нансенѣ, по его

словамъ, сознаніе лежавшей на немъ отвѣтственности. Самъ народъ высылалъ своихъ сыновъ на дѣло, которое должно было прославить имя Норвегіи въ семьѣ другихъ народовъ! И сыны эти во что бы то ни стало должны были оправдать надежды своей великой матери!

Въ Тромсѣ 13 іюля Нансенъ простился съ провожавшимъ его на „Фрамъ“ послѣднимъ представителемъ ученаго міра Норвегіи, профессоромъ Брэггеръ, а въ Вардѣ 21 іюля, послѣ тор-

Отъѣздъ «Фрама» изъ Бергена.

жественнаго прощальнаго торжества, устроеннаго городомъ въ честь отъѣзжавшихъ, — съ самой Норвегіей.

Курсъ былъ взятъ къ южной оконечности Новой Земли, чтобы избѣжать столкновенія со льдами при входѣ въ Югорскій шаръ. Въ полночь „Фрамъ“ попалъ въ густой туманъ и простоялъ на якорѣ 2 сутокъ, въ теченіе которыхъ члены экспедиціи занимались различными научными набюденіями и изслѣдованіями. 25-го іюля туманъ нѣсколько разсѣялся, и съ „Фрама“ увидали на го-

ризонть первый ледъ. Едва пройдя 20 миль, корабль снова попалъ въ густой туманъ и снова вынужденъ былъ отстаиваться на якорѣ. Когда же туманъ разсѣялся, „Фрамъ“ очутился въ широкой полосѣ сплошного льда, и произошло первое испытаніе его приспособленности къ плаванію въ области полярныхъ льдовъ. Судно выдержало испытаніе блестяще. Легко и свободно прорѣзывало оно волны, подымавшія при столкновеніи съ льдинами страшный шумъ; ходъ корабля не замедлялся ни на минуту даже тогда, когда фарватеръ казался совершенно непроходимымъ, вслѣдствіе скученности льдинъ. „Фрамъ“ врѣзывался

Первый ледъ.

Рисунокъ Отто Синдинга, по фотографіи.

въ ихъ средину своимъ мощнымъ стальнымъ носомъ, и льдины, вѣсомъ свыше 100 тоннъ, отлетали въ сторону, какъ мячики, между тѣмъ какъ на „Фрамъ“ не было замѣтно ни малѣйшаго сотрясенія. Казалось, что море чисто, и киль свободно скользитъ по волнамъ. 30-го іюля „Фрамъ“ бросилъ якорь въ виду селенія Хабарова на Югорскомъ шарѣ, гдѣ ждалъ Нансена А. И. Тронтгеймъ, доставившій сюда по порученію барона Толля 34 ѣздовыхъ собаки.

Здѣсь будетъ кстати познакомить читателей, со словъ Тронтгейма, съ впечатлѣніемъ, которое производили на посто-

ронныхъ лицъ глава экспедиціи, весь экипажъ „Фрама“ и самое судно.

„Нансенъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, высокаго роста. Каждое его движеніе, каждое слово говоритъ объ энергіи, силѣ воли и спокойствіи. Его обращеніе съ подчиненными, подобранными молодецъ къ молодцу, отличается душевностью и любовью. Повидимому, это одна семья, соединенная одною мыслью, страстно стремящаяся къ ея осуществленію. Весь тяжелый черный трудъ раздѣленъ между экипажемъ поровну, и тутъ уже нѣтъ различія между простымъ рабочимъ-мастеромъ, капитаномъ и самимъ начальникомъ экспедиціи, подающимъ всегда во всемъ первый примѣръ. Въ общей работѣ участвуетъ даже докторъ. И эта общность труда, это отсутствіе ранговъ является связующимъ звеномъ всего экипажа“.

Подобныя взаимныя отношенія, вѣра всѣхъ участниковъ въ главу экспедиціи и непоколебимая вѣра его самого въ удачный исходъ экспедиціи произвели на Тронтгейма самое благопріятное впечатлѣніе и внушили ему надежду, что въ трудныя минуты экипажъ сумѣетъ постоять за себя и выйдетъ таки побѣдителемъ.

Жилыя помѣщенія, по отзыву Тронтгейма, были уютны и обставлены съ большимъ комфортомъ. Для развлеченія членовъ экспедиціи на „Фрамѣ“ имѣлась превосходная библіотека, разные музыкальные инструменты—отъ органа до губной гармоніи, шахматы, шашки, карты и проч. Запасы провіанта также не оставляли по обилію, качеству и разнообразію желать лучшаго. Одно удивило Тронтгейма—пробѣлъ по части спиртныхъ напитковъ. Было взято лишь нѣсколько ящиковъ пива, да въ аптекѣ имѣлось десятка 2—3 бутылокъ „лучшаго коньяку“—чистѣйшаго спирта! Держась того мнѣнія, что употребленіе спиртныхъ напитковъ въ полярныхъ областяхъ вредно, Нансенъ предпочелъ вмѣсто горячительныхъ напитковъ запастись для услажденія экипажа разными лакомствами—сластями и фруктами въ консервахъ. Впослѣдствіи оказалось, впрочемъ, что глава экспедиціи и кое-кто изъ экипажа прихватили таки съ собой нѣсколько бутылочекъ водки и вина, которыя и появлялись на столѣ передъ „молдцами Фрама“, (какъ часто величаетъ своихъ товарищей Нансенъ въ своемъ дневникѣ) въ самые торжественные моменты путешествія.

3-го августа экспедиція простилась съ послѣднимъ населеннымъ людьми уголкомъ и послала съ сошедшимъ здѣсь съ „Фрама“ секретаремъ Нансена Христофферсеномъ послѣднія прости родинѣ. Всякая связь съ цивилизованнымъ міромъ порвалась на цѣлыхъ три года... На встрѣчу членамъ экспедиціи вздымалось неизвѣстное, чреватое опасностями будущее, новый, невѣдомый міръ, полный тайнъ и загадокъ.

II.

Въ ночь на 4-ое августа „Фрамъ“ снялся съ якоря и направился по проливу на сѣверо-западъ къ Карскому морю. Нан-

«Фрамъ» въ Карскомъ морѣ.

Рис. Отто Свиндинга.

сенъ шелъ впереди корабля на шлюпкѣ съ керосиновымъ двигателемъ, измѣряя глубину и отыскивая фарватеръ. Машина шлюпки, по обыкновенію, капризничала (эта шлюпка вообще доставила экспедиціи массу хлопотъ; машина портилась въ самые неподходящіе моменты), и Нансену то и дѣло приходилось подливать въ нее смазочнаго масла. Ударившая въ шлюпку волна пролила сосудъ съ масломъ, которое вспыхнуло, и Нансенъ чуть не обжегся на смерть. Едва-едва удалось ему затушить пожаръ. Изъ пролива, однако, выбрались благополучно и до 6-го августа плыли по морю, пробиваясь сквозь неплотный ледъ.

Съ 6-го августа до 9-го „Фрамъ“, изъ за тумана и преграждавшаго путь плотнаго льда, простоялъ на якорѣ близъ полуострова Яймала. Нансенъ, Свердрупъ, Скоттъ-Гансенъ, Блессингъ, Югансенъ, Могстадъ и Гендриксенъ побывали на полуостровѣ, поохотились, осмотрѣли мѣстность и сдѣлали кое-какія геологическія и географическія изысканія и провѣрочныя измѣренія. Оказалось, что на картахъ берегъ показанъ на полградуса западнѣе.

8-го августа къ „Фраму“ пристала лодка съ двумя самоѣдами. Ихъ хорошо приняли на кораблѣ, угостили и одарили. Это были послѣдніе видѣнные экспедиціей люди!

Въ слѣдующіе дни „Фрамъ“ попалъ въ полосу неплотнаго льда и шелъ на парусахъ и подъ парусами. Въ воскресенье 13-го корабль прошелъ открытымъ моремъ мимо сѣверной оконечности Яймала и острова Бѣлаго. Льда не было видно. Затѣмъ нѣсколько дней дулъ противный вѣтеръ, превращавшійся временами въ настоящій штормъ, и „Фрамъ“ все время лавировалъ подъ парусами, терпя здоровую качку. 18-го августа Свердрупъ, высматривавшій изъ вахтенной бочки медвѣдей и моржей, открылъ островъ, не помѣченный на картахъ. Островъ и окрестили именемъ Свердрупа. Зато экспедиція не нашла цѣпи острововъ, которая, согласно картѣ Норденшѣльда, должна была тянуться къ сѣверу отъ южнаго Каменнаго острова, а замѣтила лишь два почти прямо на востокъ, да одинъ гораздо дальше къ сѣверу.

20-го августа погода установилась на рѣдкость хорошая, ясная. 21-го „Фрамъ“ бросилъ якорь у Кельманскихъ острововъ, чтобы обновить запасъ воды для котла. Вахтенный замѣтилъ на самомъ большемъ изъ острововъ оленя, и многіе изъ экипажа, охваченные охотничьимъ пыломъ, отправились на лодкахъ на островъ. Убить удалось, однако, всего двухъ оленей, павшихъ отъ руки Нансена. Зато Югансену съ Гендриксеномъ посчастливилось уложить бѣлаго медвѣди—перваго въ теченіе экспедиціи. Отправившись за убитымъ медвѣдемъ, Нансенъ, Югансенъ и Гендриксенъ убили по пути еще второго. Убитые медвѣди лежали довольно далеко отъ берега, и троимъ измученнымъ уже охотникамъ стоило большихъ трудовъ дотащить тяжелыя шкуры и туши до лодки. Пока они возились съ этимъ, поднялся вѣтеръ, и шлюпку перевернуло и залило волнами. Вытащить ее изъ

воды и вычерпать воду было дѣломъ не легкимъ, но съ этимъ еще можно было бы помириться, а вотъ съ гибелью провіанта—! Это было горше всего! Голодные, какъ волки, злополучные охотники ловили въ водѣ куски хлѣба и съ жадностью поѣдали ихъ, мирясь съ пропитавшей ихъ морской водой и грязью. Повозившись еще съ нагрузкой шкуръ и мяса медвѣдей на шлюпку, которую такъ и трепало волнами, они сѣли на весла и направились было къ сѣверу къ бухтѣ, намѣреваясь взять убитыхъ оленей. Вѣтеръ и волненіе, однако, заставили утомленныхъ гребцовъ отказаться отъ этой мысли, и они рѣшили вернуться на судно. Но и тутъ ихъ ждала незадача. Вѣтеръ и теченіе оказались противъ нихъ, и они, не смотря на всѣ усилія, долго не могли подойти къ кораблю. Едва-едва удалось имъ поймать брошенный съ „Фрама“ конецъ буя и съ его помощью, не переставая изо всѣхъ силъ работать веслами, подтянуться къ судну. Зато, какъ пріятно было послѣ цѣлыхъ сутокъ бодрствованія, утомительной охоты, шлепанья по водѣ, и проч., переодѣться въ сухое платье, отогрѣться, плотно пообѣдать и растянуться отдыхать на мягкихъ койкахъ.

Когда вѣтеръ поутихъ, Свердрупъ, Нордаль, Бентсенъ и Амундсенъ съѣздили на берегъ за убитыми оленями.

22 августа сдѣлали попытку выбраться изъ пролива и сильного теченія, которое образовало около Кельманскихъ острововъ настоящій водоворотъ. Развели пары, но дѣло не выгорѣло, пришлось бросить якорь.

24 августа попытка увѣнчалась успѣхомъ; „Фрамъ“ благополучно выбрался изъ „пролива Тисковъ“, какъ окрестили его члены экспедиціи, и взялъ подъ парами и парусами курсъ на сѣверъ. 25 августа экспедиція открыла группу острововъ, названныхъ именемъ Скоттъ-Гансена. Въ теченіе слѣдующихъ дней съ „Фрама“ видѣли еще много неизвѣстныхъ острововъ. „Очевидно, — пишетъ Нансенъ — здѣсь достаточно дѣла для того, кто имѣлъ бы время заняться нанесеніемъ на карту этихъ береговъ. Наша цѣль была, однако, другая, и мы могли только производить случайныя измѣренія въ томъ же родѣ, какъ Норденшѣльдъ до насъ“. „Неизвѣстныхъ-же острововъ здѣсь такая масса, что того и гляди собьешься со счету“.

27 августа около 7 ч. вечера, когда застилавшій горизонтъ

съ утра туманъ разсѣялся, „Фрамъ“ очутился приблизительно въ одной морской милѣ отъ какого-то каменистаго берега. Виднѣлись скалы, мысы, острова, проливы и заливы, заполненные льдомъ. Члены экспедиціи были въ сомнѣніи—что это за земля: берегъ Таймырскаго пролива или мыса Паландера. Для выясненія дѣла рѣшено было направить курсъ къ сѣверу, съ тѣмъ, чтобы доплыть до острововъ Альмквиста, которые Норденшѣльдъ

У сѣверныхъ береговъ Азіи. Фотографія.

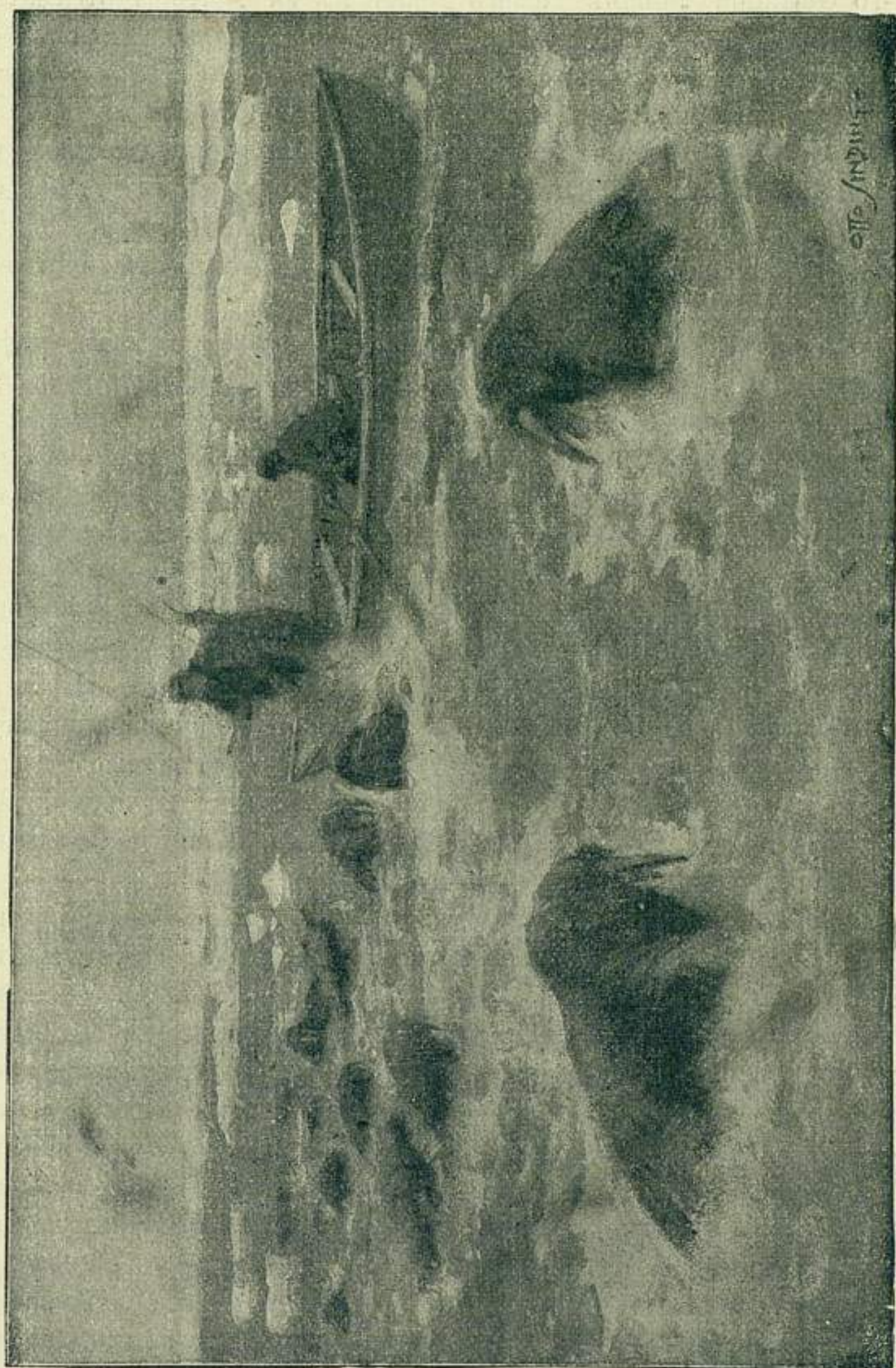
отмѣтилъ на картѣ передъ островомъ Таймырь. Но чѣмъ дальше, тѣмъ несоотвѣтствіе очертаній береговъ со всѣми извѣстными картами становилось замѣтнѣе и приводило Нансена въ смущеніе. Вечеромъ 28 августа стали держать курсъ вглубь ледяной бухты, которая тянулась къ самому сѣверному изъ острововъ, бывшихъ въ виду. Дальше прохода не было. Разбитый пловучій ледъ такъ тѣснился къ цѣльному береговому, что незамѣтно

сливался съ нимъ. На сѣверо-востокъ виднѣлись острова. Въ томъ же направленіи, судя по цвѣту неба, должна была находиться и открытая вода. Къ сѣверу тянулся чуть не сплошной ледъ, а къ западу, на сколько хваталъ глазъ, полоса воды. Дальше къ востоку тоже виднѣлся плотный ледъ. Нансенъ колебался, что предпринять; наконецъ, рѣшился повернуть обратно, пройти между берегомъ и островами и тогда уже опять направить курсъ на сѣверо-востокъ. Сначала все шло хорошо, потомъ путь опять былъ прегражденъ сплошнымъ льдомъ. „Фрамъ“ направился было къ краю льда, чтобы причалить, но очутился въ „мертвой водѣ“ и почти не двигался съ мѣста, хотя и шелъ полнымъ ходомъ.

Здѣсь экспедиція имѣла случай близко познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ явленіемъ. По мнѣнію Нансена, оно наблюдается лишь тамъ, гдѣ подъ слоемъ соленой морской воды находится слой прѣсной, и происходитъ отъ того, что прѣсная вода, увлекаемая судномъ, скользитъ по поверхности болѣе плотной соленой воды, какъ по твердому грунту. Въ данномъ случаѣ различіе между этими двумя слоями было очень велико; экипажъ „Фрама“ черпалъ изъ верхняго слоя воду для питья, а вода нижняго слоя, добытая черезъ кранъ въ днѣ машины, оказывалась слишкомъ соленой даже для котла. „Мертвая вода“ образовывала валы или волны большей или меньшей величины, которыя одна за другою пересѣкали слѣдъ корабля. Иногда онѣ доходили даже до середины судна. „Фрамъ“ всячески лавировалъ, кружилъ, поварачивалъ, чтобы выскользнуть изъ „мертвой воды“; не тутъ-то было. Судно точно отсасывалось назадъ. Такимъ образомъ, разстояніе, которое при обыкновенныхъ условіяхъ можно было бы пройти даже на веслахъ въ какіе нибудь полчаса, взяло цѣлыхъ четыре часа времени. Наконецъ, судно причалило къ краю ледяного поля.

Тутъ оказалась масса тюленей; замѣчено было также нѣсколько моржей и лисицъ, а на берегу и медвѣдей. Все это находилось въ замѣчательномъ противорѣчьи со свѣдѣніями, сообщаемыми Норденшѣльдомъ. Послѣдній въ своемъ описаніи экспедиціи на „Веѣ“ характеризуетъ это море, какъ чрезвычайно бѣдное животною жизнью.

Сентябрь начался тихой, унылой, снѣжной погодой. Вечеромъ

Охота на моржей около Таймырского полуострова.
Рисунокъ Отто Синдинга.

2-го сентября „Фрамъ“ взялъ курсъ къ югу, чтобы отыскать Таймырскій проливъ, но „мертвая вода“ продолжала преслѣдовать судно, и на переходъ приблизительно въ 20 морскихъ миль (судя по картѣ) пошла цѣлая ночь. Только въ шесть часовъ утра 3 сентября судно вошло въ рѣдкій ледъ. Переходъ вышелъ очень замѣтнымъ. „Фрамъ“ какъ будто сдѣлалъ прыжокъ, выйдя изъ „мертвой воды“, и съ этой минуты пошелъ обычнымъ своимъ ходомъ. Больше экспедиціи уже не случалось встрѣчать „мертвой воды“.

Проливъ, который, согласно картѣ, долженъ былъ быть Таймырскимъ, оказался непроходимымъ изъ-за сплошного льда, и судну пришлось продолжать путь къ югу, ища выхода въ открытое море. Въ концѣ концовъ стало совсѣмъ трудно ориентироваться по картамъ. Нѣсколько разъ бросали якорь въ разныхъ мѣстахъ. Дальше къ югу нашелся таки открытый проливъ, но въ туманѣ нельзя было различить, какъ далеко онъ идетъ и возможно-ли пройти черезъ него „Фраму“. Нансенъ съ Югансеномъ, Нордалемъ и Юлемъ и отправились на развѣдки въ шлюпкѣ. Экскурсія вышла крайне утомительной. Пришлось идти на веслахъ цѣлыхъ 17 часовъ, не имѣя для подкрѣпленія силъ ничего, кромѣ сухарей да малой толики вяленаго оленьяго мяса; масло позабыли захватить! Зато первый мысъ, къ которому развѣдчики пристали, чтобы отдохнуть и поѣсть, и получилъ названіе „Капъ Смёрлѣсъ“, т. е. мысъ „Безъ масла“.

Гребя, Нансенъ съ товарищами то и дѣло бросали лотъ. Нѣсколько разъ пришлось переволакивать шлюпку черезъ ледъ. Застрѣлили пять тюленей, которые, однако, всѣ пошли ко дну, видѣли много оленьихъ и медвѣжьихъ слѣдовъ, но некогда было заниматься охотой. Оказалось, что можно проплыть по проливу порядочный конецъ, но дальше выходъ въ море былъ прегражденъ льдомъ. Повернули обратно и только успѣли прибыть на „Фрамъ“, какъ разразился сильный штормъ, продолжавшійся весь день 5 сентября. Вѣтеръ гналъ мимо судна огромныя массы льда, и Нансенъ весь день провелъ въ тревогѣ и въ ожиданіи, что вотъ-вотъ ледъ станетъ, и „Фраму“ придется зазимовать здѣсь. Разумѣется, зима эта не пропала-бы даромъ для экспедиціи, снабженной собаками, санями и лыжами; можно было-бы заняться геологическимъ изслѣдованіемъ этихъ неизвѣстныхъ

областей, исправленіемъ картъ и т. п., но не этого хотѣлось Нансену. Его тянуло на сѣверъ, какъ можно скорѣе и дальше на сѣверъ!

7 сентября, однако, удалось пробиться сквозь ледъ, значительно разбитый и разрѣженный штормомъ, и, такимъ образомъ, избѣгнуть зимовки у Таймырскаго острова, которая затянула бы экспедицію на цѣлый годъ. Но вечеромъ опять пришлось стать на якорь изъ-за льда, и только 9 сентября, „Фрамъ“, пущенный на всѣхъ парахъ и парусахъ необыкновенно быстрымъ ходомъ (9 миль въ вахту), совсѣмъ выбрался изъ льда въ открытое море.

10 сентября совершилось событіе, составившее рѣшительный моментъ въ экспедиціи: въ 4 часа „Фрамъ“ обогнулъ самую сѣверную оконечность Стараго Свѣта—мысъ Челюскинъ. На суднѣ взвились флаги, грянули три пушечныхъ выстрѣла, и въ ту же минуту возшло солнце. Весь экипажъ былъ на ногахъ.

„Тотчасъ былъ сервированъ пуншъ“ — пишетъ Нансенъ — „поданы фрукты и сигары; салонъ освѣтился огнями. Разумѣется, такой торжественный случай требовалъ и соотвѣтственной торжественной рѣчи. Я схватилъ стаканъ и провозгласилъ: — Да, здравствуетъ мысъ Челюскинъ, ребята! — Заигралъ органъ, а я снова полѣзъ въ бочку, чтобы бросить прощальный взглядъ на землю“.

Теперь экспедиціи открывался свободный путь ко льду, плывущему по теченію отъ Ново-Сибирскихъ острововъ на сѣверъ.

12 сентября въ шесть часовъ Гендриксенъ разбудилъ Нансена сообщеніемъ, что на льдинахъ около судна много моржей. Отточили гарпуны, приготовили ружья, патроны, и Нансенъ съ Гендриксеномъ и Юлемъ отправились въ шлюпкѣ на охоту. Погода была прекрасная, тихая; дулъ слабый вѣтеръ съ юга, и гребцы, подбираясь къ животнымъ, держались подъ вѣтромъ. На льдинахъ неподвижно лежало множество молодыхъ и старыхъ моржей. Когда шлюпка была уже совсѣмъ близко, Юлю пришлось грести одному, такъ какъ Нансенъ держалъ на готовѣ ружье, а Гендриксенъ гарпунъ. „Вотъ шлюпка стукнулась о льдину“, — пишетъ Нансенъ — „Гендриксенъ всталъ и метнулъ гарпунъ, но прицѣлился слишкомъ высоко, гарпунъ скользнулъ по толстой кожѣ моржа и запрыгалъ дальше по спинамъ животныхъ. То-то они всѣ ожили! Съ десятокъ огромныхъ безо-

бразныхъ головъ обернулось въ нашу сторону, затѣмъ эти горы мяса заворочались и съ непостижимой быстротой, поднявъ головы, съ ревомъ заковыляли къ краю льдины, къ которому мы пристали. Зрѣлище, безспорно, получилось внушительное. Я приложился и выстрѣлилъ по одной изъ самыхъ громадныхъ головъ. Животное остановилось словно отъ толчка, закачалось и покатилось въ воду. Я пустилъ пулю въ голову еще одному; оно тоже упало, но докатилось таки до воды. Вслѣдъ за тѣмъ, и все стадо очутилось въ водѣ, только брызги полетѣли. Все произошло въ какія нибудь двѣ-три секунды. Но скоро изъ воды опять стали высовываться головы, одна больше и страшнѣе другой, окружая лодку. Молодые держались около стариковъ. Животныя высоко вскидывались изъ воды, ревѣли, фыркали, бросались на насъ, раскачивали туловищами, ныряли, снова высовывались и опять потрясали воздухъ ревомъ. Вода кругомъ такъ и кипѣла и пѣнилась. Каждую минуту можно было ожидать, что лодка наша будетъ пробита какимъ нибудь клыкомъ или цѣлой парой ихъ, или что ее по меньшей мѣрѣ перевернетъ и затопитъ въ этой сумятицѣ. Но шумъ все продолжался, а ничего такого не случалось. Я отыскалъ своихъ жертвъ; онѣ ревѣли и метались вмѣстѣ съ другими, но изъ носу и рта у нихъ текла кровь. Еще по пулѣ въ того и другого, и оба замерли, распластавшись на водѣ. Гендриксенъ не зѣвалъ съ гарпунами и во-время вонзилъ ихъ въ убитыхъ, не давъ имъ погрузиться. Застрѣлилъ я и еще одного, но гарпуновъ у насъ больше не было, и, чтобы удержать тушу надъ водой, мы всадили моржу въ голову топоръ, но топоръ сорвался, и моржъ таки погрузился въ воду. Такъ намъ и не удалось воспользоваться имъ. Пока мы тащили за собой по водѣ обѣ туши къ ледяному полю, остальные моржи такъ и шныряли вокругъ насъ. Но больше убивать ихъ не стоило, такъ какъ безъ гарпуновъ все равно нельзя было захватить ихъ съ собой". —

Въ теченіе слѣдующихъ дней судьба благопріятствовала экспедиціи: погода стояла хорошая, вѣтеръ попутный, льду почти не было. „Фрамъ“ подъ парусами отлично подвигался по открытому морю къ сѣверу и достигъ 76° сѣв. широты. Подъ датой „19 сентября“ въ дневникѣ Нансена значится слѣдующее:

„Плывемъ подъ парусами какъ нельзя лучше. Все къ сѣверу,

къ сѣверу, при хорошемъ вѣтрѣ, полнымъ ходомъ, по открытому морю, миля за милей, вахта за вахтой, къ невѣдомой области!... И море какъ будто становится все болѣе и болѣе свободнымъ ото льда. Какъ долго это продолжится?... Расхаживая назадъ и впередъ по командорскому мостику, я не свожу глазъ съ сѣвера, упорно гляжу въ будущее. Но впереди все то же темное небо, говорящее объ открытомъ фарватерѣ. Теперь наступаетъ первое серьезное испытаніе моего плана. „Пока впереди только чистая вода“, какъ отвѣтилъ на мой вопросъ Гендриксенъ, стоящій на вахтѣ въ бочкѣ. Немного же позже, стоя у руля, онъ вдругъ сказалъ мнѣ: „Они-то въ Норвегіи и не знаютъ, что мы теперь плывемъ себѣ на парусахъ прямо къ полюсу по открытой водѣ! Небось, и не думаютъ, что мы могли забраться такъ далеко“. Еще бы! Я и самъ не смѣлъ думать этого двѣ недѣли тому назадъ. А между тѣмъ, въ сущности такъ оно и должно было быть по всѣмъ моимъ соображеніямъ и заключеніямъ. Здѣсь именно и *должно* идти довольно далеко на сѣверъ открытое море!“...

„Скоро мы достигнемъ 78°, но какъ долго будетъ продолжаться такое безпрепятственное плаваніе? Я все время твержу, что радъ былъ бы достигнуть такимъ образомъ хотя 78°, но Свердрупъ не такъ умѣренъ и поговариваетъ о 80—85°!“ —

20-го сентября „Фрамъ“ достигъ 77°44' сѣв. шир., но и столкнулся со льдами, заставившими его нѣсколько отклонить курсъ къ западу, 21-го же густой туманъ принудилъ судно причалить ко льду. Въ этотъ день бросали лотъ, но и на глубинѣ 400 метр. не достали дна. Запись въ дневникѣ Нансена, помѣченная 22-мъ сентября, гласитъ между прочимъ:

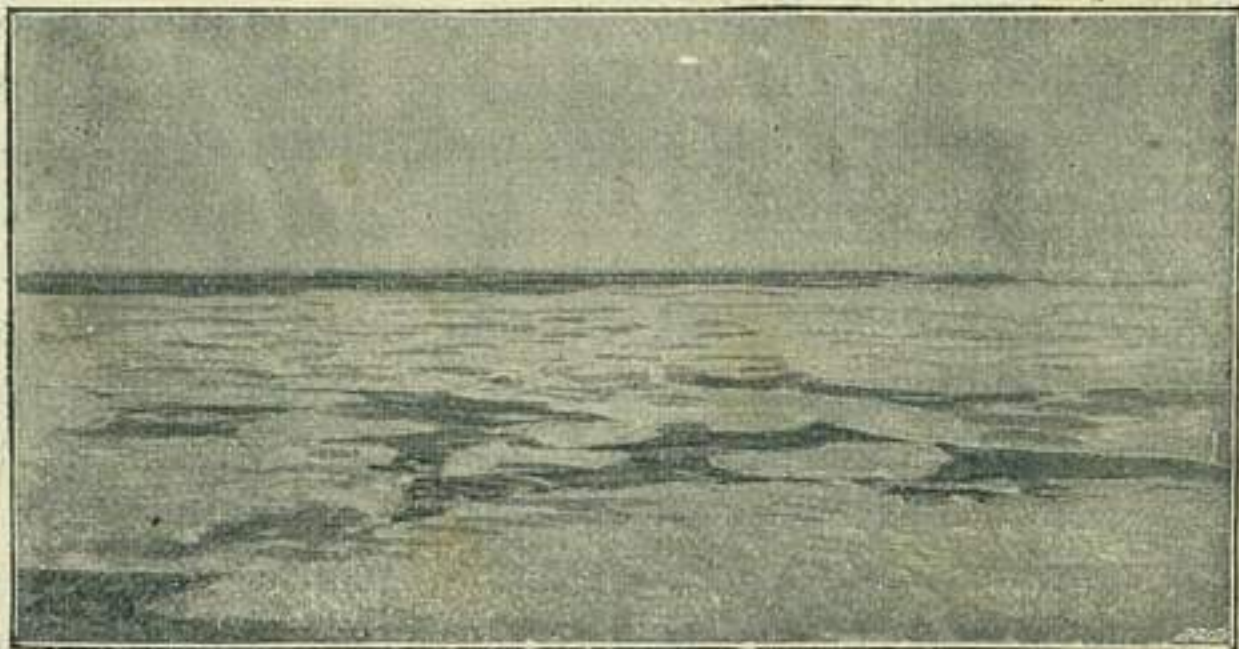
„Снова яркое солнце, освѣщающее бѣлоснѣжное, блестящее ледяное поле, идущее къ сѣверу. Сначала намъ пришлось стоять изъ за тумана, въ которомъ не различить было пути, теперь же горизонтъ открытъ, но мы по прежнему не знаемъ, куда править. Смахиваетъ на то, какъ будто мы уже достигли сѣверной границы открытаго полярнаго моря. Впереди на всемъ горизонтѣ небо блѣдноголубого цвѣта“ *).

*) Небо такого цвѣта указываетъ на присутствіе льда, тогда какъ темное небо на открытую воду. Разница въ цвѣтѣ зависитъ отъ блеска или отраженія льда въ воздушныхъ слояхъ.

„Прежнія полярныя экспедиціи считали необходимымъ держаться вблизи береговъ. Я напротивъ хочу попасть въ пловучій ледъ. И здѣсь именно мнѣ кажется самое подходящее мѣсто“.

„Вокругъ судна открытая вода, по которой плывутъ отдѣльныя мощныя льдины, но мнѣ сдается, что тутъ какъ разъ и есть настоящая гавань для „Фрама“. “ —

Дѣйствительно, тутъ, приблизительно на $78\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. и кончилось самостоятельное движеніе „Фрама“ къ сѣверу. Судно причалило къ одной изъ мощныхъ пловучихъ льдинъ, въ теченіе слѣдующихъ дней его плотно затерло льдомъ и съ тѣхъ поръ движеніе корабля зависѣло уже отъ движенія пловучаго льда.

Ледъ, которымъ былъ затертъ «Фрамъ».

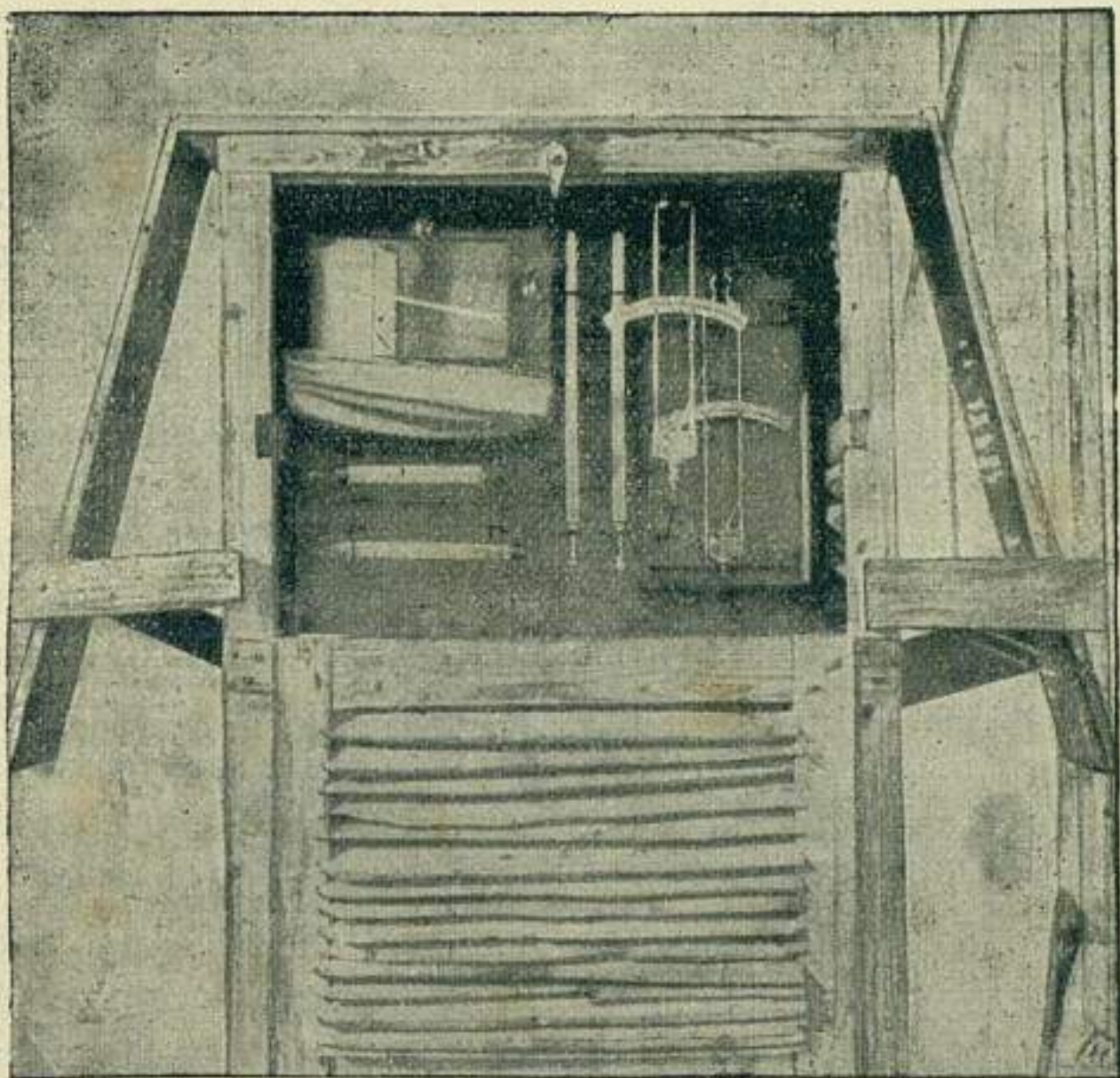
Фотографія, 24 сентября.

III.

Не надѣясь больше, что „Фрамъ“ высвободится изъ льда ранѣе, нежели очутится по ту сторону полюса и приблизится къ Атлантическому океану, Нансенъ сталъ готовиться къ зимовкѣ. Осень кончалась, солнце съ каждымъ днемъ подымалось надъ горизонтомъ все ниже и ниже, температура регулярно падала, — приближалась полярная ночь. Надо было встрѣтить ее во всеоружіи, обезпечивъ экипажу безопасное, здоровое и отрадное существованіе, — тогда и не страшна была эта ужасная, убійственная гостья съ ея спутниками: холодами, вѣчнымъ мракомъ, скорбутомъ и упадкомъ духа.

Прежде всего принялись за приспособленіе судна къ зимней „стоянкѣ“, бывшей въ сущности движеніемъ, но пассивнымъ. Цѣлыхъ два дня провозились съ переноской угля изъ трюма въ помѣщеніе около топки. Въ работѣ, по обыкновенію, участвовалъ весь экипажъ, и въ дневникѣ Нансена мы находимъ забавное описаніе этой въ буквальномъ смыслѣ „черной“ работы.

„Уфъ! Трудно представить себѣ болѣе мрачное событіе на кораблѣ, нежели возня съ углемъ. Обидно, что уголь, такой по-

Клѣтка для термометровъ. Фотографія.

лезный предметъ, такъ черенъ! Работать пришлось всѣмъ, и всѣ перемазались, какъ трубочисты. Кто стоитъ въ трюмѣ и наполняетъ углемъ ведра, кто подаетъ ихъ на верхъ. Тутъ особенно отличается Якобсенъ; своими могучими ручищами онъ перекидываетъ ведро за ведромъ, словно коробочки со спичками! Остальные снуютъ взадъ и впередъ съ ведрами и ссыпаютъ уголь въ люкъ, гдѣ занимается его укладкой Амундсенъ, чумазый,

грязный. Угольная пыль столбомъ стоитъ надо всей палубой; собаки прячутся по угламъ, всѣ черныя, вымазанныя, да и мы то хороши! Одно утѣшеніе—глядѣть на собственныя фізіономіи, черномазья, съ татуировкой изъ полосъ сажи вдоль и поперекъ. Только зубы да бѣлки глазъ такъ и сверкаютъ! Сходя внизъ, дотронешься рукой до бѣлой стѣны—такъ вся пятерня и отпечатается! Двери испещрены подобными мѣтками. Сидѣнье на диванахъ пришлось перевернуть нижней стороною кверху, не то на нихъ запечатлѣлись бы еще болѣе внушительныя отмѣтины отъ другой части тѣла, помассивнѣе. Скатертей у насъ, къ счастью, не водится!“ —

Руль былъ вынутъ изъ колодца, чтобы его не сломало напоромъ льда. Изъ машины вынули отдѣльныя части, тщательно смазали ихъ, и уложили на зиму, какъ слѣдуетъ. Съ машиной возился, главнымъ образомъ, Амундсенъ. Это было его любимое дѣтище. Въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ онъ не пропустилъ ни одного дня, когда бы не навѣстилъ ее, не постучалъ тамъ, не почистилъ здѣсь.

Трюмъ расчистили такъ, чтобы можно было устроить въ немъ столярную мастерскую. Механическую мастерскую помѣстили въ машинномъ отдѣленіи; кузницу сначала на верхней палубѣ, а позже на самомъ льду; „жестяныхъ дѣлъ мастера“ работали чаще всего въ рулевой рубкѣ, а сапожники, парусныхъ дѣлъ мастера и т. п. въ салонѣ. Всевозможная работа такъ и кипѣла на „Фрамъ“ въ теченіе всей экспедиціи.

„Не было такого предмета—пишетъ Нансенъ,—отъ простого топорика до самыхъ тончайшихъ приборовъ, котораго бы не могли сдѣлать на „Фрамъ“. Когда обнаружился недостатокъ въ линѣ для промѣра глубины, на льду была устроена и канатная фабрика!“ —

Дальнѣйшее повѣствованіе Нансена рисуетъ картину жизни участниковъ экспедиціи въ теченіе этого долгаго медленнаго несенія „Фрама“ льдами.

„Скоро мы взялись за установку вѣтряного двигателя для динамо-машины, которая должна была снабжать насъ электрическимъ свѣтомъ. Пока работала машина судна, динамо-машина пользовалась силой пара, но теперь намъ уже порядочное время

приходилось довольствоваться въ нашихъ темныхъ каютахъ *) керосиновыми лампами. Вѣтряная мельница была установлена на верхней палубѣ между главнымъ люкомъ и лѣвымъ бортомъ. Для надлежащаго устройства этого важнаго приспособленія потребовалось нѣсколько недѣль.

„У насъ, какъ говорилось раньше, былъ взять съ собой и ручной приводъ для динамо-машины. Я полагалъ примѣнять его въ видахъ моціона въ то время, когда у насъ не будетъ другого физическаго труда. Но такого времени такъ и не оказа-

Скоттъ-Гансенъ и ассистентъ. Магнетическія наблюденія. Фотографія.

лось, и приводъ остался безъ употребленія. У насъ всегда находилось чѣмъ заняться; сложа руки сидѣть никому не приходилось; у каждаго было довольно работы, которая давала ему и нужный моціонъ и развлеченіе, такъ что время проходило незамѣтно. Присмотръ за судномъ, содержаніе въ порядкѣ такелажа и т. п., розыскиванье въ трюмѣ разнаго провіанта и переноска его въ камбузъ, отыскиваніе чистаго прѣснаго льду, колка его, доставленіе въ кухню и превращеніе въ воду для питья,

*) Въ каютахъ не было иллюминаторовъ.

стряпни, умыванья и стирки — все это требовало не мало рабочихъ рукъ. Не переводилась и работа въ мастерскихъ. „Кузнецъ Ларсъ“ (Петерсенъ) то исправлялъ массивныя подпорки шлюпокъ, пострадавшія во время шторма въ Карскомъ морѣ, то выковывалъ по заказу крюки, ножи, медвѣжьи капканы и т. п., то запаивалъ жестяные резервуары для оттаиванья льда и пр. Механику Амундсену постоянно заказывали разные приборы вродѣ, напр. вновь придуманнаго измѣрителя силы теченія. Часовыхъ дѣлъ мастеру Могстаду то и дѣло приходилось осматривать да чистить термографы и вставлять новыя пружины въ часы. Парусника завалили заказами по части изготовленія сбруи для собакъ. Затѣмъ, каждому изъ экипажа пришлось быть собственнымъ своимъ сапожникомъ — сшить себѣ придуманные Свердрупомъ сапоги изъ парусины съ толстыми, теплыми деревянными подошвами. А тамъ, глядишь, механику поручалось изготовить новые цинковые листы съ нотами для нашего органа, — новѣйшее изобрѣтеніе самого главы экспедиціи! Электротехнику было много возни съ динамо-машиной; приходилось глядѣть въ оба, чтобы аккумуляторы не замерзли, да чистить ихъ. А, когда поставили вѣтряный двигатель, прибавился еще присмотръ за нимъ. То ставь его по вѣтру, то, если вѣтеръ задуетъ черезчуръ сильно, полѣзай собирать паруса. Не сладкая-то это была работа въ зимнюю стужу! Приходилось таки попрыгать, подуть въ кулаки, да потеревить кончикъ носа!“

„Временами нужно было еще выкачивать воду изъ „Фрама“. Но по мѣрѣ того, какъ вода вокругъ судна и просочившаяся въ пазы замерзала, въ этомъ встрѣчалось все меньше и меньше нужды. И съ декабря 1893 года по іюль 1895 г. помпы на кораблѣ совершенно бездѣйствовали. За это время обнаружилась течь лишь въ задней части машиннаго отдѣленія, да и то незначительная; каждый мѣсяцъ приходилось только скалывать со дна трюма и выносить вонъ нѣсколько ведерокъ льда.

„Къ этимъ разнообразнымъ работамъ надо прибавить еще самую важную — научныя наблюденія, которыя занимали время и силы значительной части экипажа. Особенно хлопотливы и сложны были, конечно, наблюденія метеорологическія, которыя приходилось производить днемъ и ночью, по крайней мѣрѣ черезъ каждые три часа, по большей же части черезъ часъ. На эту

работу ежедневно отражался одинъ, а то и двое изъ экипажа. Главнымъ метеорологомъ былъ Гансенъ, а постояннымъ ассистентомъ его Югансенъ, котораго затѣмъ смѣнилъ Нордаль. Ночью наблюденія велись вахтеннымъ. Почти черезъ день, если

Югансенъ у анемометра. Фотографія 1894 г.

погода была ясная, Гансенъ съ ассистентомъ производили еще астрономическія наблюденія для опредѣленія широты и долготы. За вычисленіемъ достигнутыхъ судномъ градусовъ широты со жгучимъ интересомъ слѣдилъ весь экипажъ; не въ рѣдкость

было, что каюту Гансена въ то время, когда онъ дѣлалъ эти вычисленія, осаждала цѣлая толпа праздныхъ зрителей, дождавшихся оповѣщенія результатовъ. Всѣхъ интересовало узнать — подвинулись-ли мы со времени послѣдняго вычисленія къ сѣверу или къ югу и на сколько именно. Общее настроеніе на кораблѣ существеннымъ образомъ и зависѣло отъ объявленныхъ результатовъ.

„Кромѣ того, въ опредѣленные промежутки времени необходимо было производить въ этихъ невѣдомыхъ до сихъ поръ областяхъ наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ. Магнетическія наблюденія велись въ теченіе первой зимы въ особой, приспособленной для этой цѣли палаткѣ, которую раскинули на льду. Въ слѣдующую же зиму нашли болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ сбить большую хижину изъ снѣгу“.

„У корабельнаго врача дѣла было меньше. Долгое время онъ напрасно искалъ себѣ практики и, наконецъ, потерявъ надежду найти пациентовъ среди людей, обратился къ собакамъ. Каждый мѣсяцъ онъ, однако, производилъ научныя наблюденія и надъ людьми, состоявшія во взвѣшиваньѣ всѣхъ участниковъ экспедиціи и въ изслѣдованіи взятыхъ у нихъ пробъ крови. Результаты этихъ наблюденій также ожидали всегда съ живѣйшимъ интересомъ: каждый думалъ судить на основаніи ихъ о томъ, когда именно предстоитъ ему стать жертвой скорбута“.

„Затѣмъ, къ производившимся научнымъ изслѣдованіямъ надо еще причислить опредѣленіе температуры воды (на различной глубинѣ) и содержанія въ послѣдней соли, собираніе и изслѣдованіе животныхъ и растительныхъ организмовъ, водящихся въ этихъ полярныхъ водахъ, опредѣленіе степени электризаціи воздуха, изслѣдованіе образованія и структуры льда, измѣреніе температуры льда въ различныхъ его слояхъ, изслѣдованіе морскихъ теченій подо льдомъ и пр. и пр. Этого рода работы лежали, главнымъ образомъ, на мнѣ. Кромѣ того, производились постоянныя наблюденія надъ сѣвернымъ сіяніемъ. Сначала занимался этимъ я, а затѣмъ докторъ Блессингъ. Ему же, покидая „Фрамъ“, поручилъ я веденіе остальныхъ лежавшихъ на мнѣ научныхъ наблюденій. Не менѣе существенную часть нашихъ научныхъ занятій составлялъ и постоянный промѣръ глубины и добываніе образцовъ породъ, слагающихъ дно морское. Работа эта, когда

глубина оказывалась очень значительной, оказывалась нелегкой и требовала участія всѣхъ наличныхъ силъ экипажа и большой затраты времени“.

„Дни на кораблѣ проходили болѣе или менѣе однообразно; стоитъ описать одинъ, чтобы дать понятіе о всѣхъ остальныхъ“.

„Вставали всѣ въ 8 часовъ утра и первымъ долгомъ завтракали. Завтракъ состоялъ изъ хлѣба (ржаного и пшеничнаго), масла, сыру разныхъ сортовъ, говядины или баранины, копченнаго языка или ветчины, тресковой икры, анчоуснаго масла и овсяныхъ или англійскихъ корабельныхъ сухарей, апельсинной

Скоттъ-Гансенъ и Югансенъ.

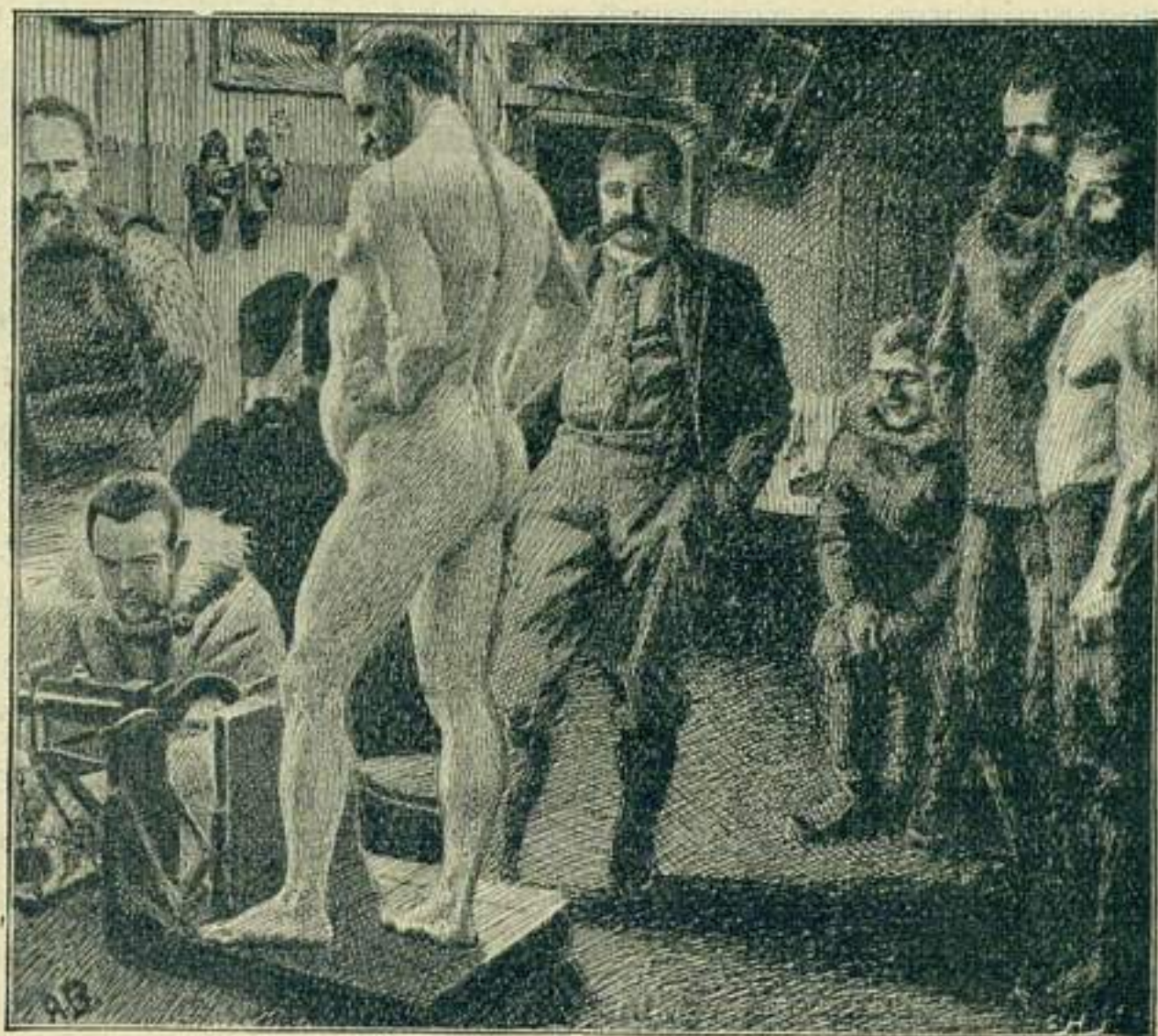
Провѣрка барометровъ въ салонѣ. Фотографія.

пастилы или желе. Свѣжій хлѣбъ пекли три раза въ недѣлю; часто пекли также разные печенья или пирожныя. Пили за завтракомъ вначалѣ одинъ день кофе, другой шоколадъ; потомъ стали чередовать такъ: два раза въ недѣлю кофе, два раза чай и три раза шоколадъ“.

„Послѣ завтрака одинъ изъ насъ шелъ взглянуть на собакъ, дать имъ корму — по полтрески или паръ собачьихъ сухарей на каждую—выпустить ихъ погулять или что-тамъ еще. Остальные люди шли каждый къ своему дѣлу. Каждый изъ экипажа

по очереди отбывалъ недѣльное дежурство въ кухнѣ, помогая повару мыть посуду, накрывать на столъ и прислуживать за столомъ. Самому повару тотчасъ послѣ завтрака приходилось заняться приготовленіемъ обѣда, который заказывался тутъ-же, если не былъ заказанъ съ вечера. Нѣкоторые изъ насъ охотно предпринимали прогулку по льду, чтобы провѣтриться и сдѣлать наблюденія надъ состояніемъ льда, напоромъ его и проч. Къ часу дня всѣ опять собирались за обѣденнымъ столомъ. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ трехъ блюдъ: супа, мясного блюда и сладкаго, а иногда и только изъ рыбы и мяса. Мясное блюдо всегда подавалось съ картофелемъ, зеленою или макаронами. Я думаю, что всѣ были довольны столомъ. Врядъ-ли у кого онъ былъ лучше и дома, а у многихъ изъ участниковъ экспедиціи даже навѣрное былъ хуже. Зато мы и смотрѣли упитанными поросятами, а кое-кто даже обнаруживалъ стремленіе обзавестись двойнымъ подбородкомъ и брюшкомъ. Приправой къ обѣду обыкновенно служила оживленная бесѣда и домашнее пиво. Послѣ обѣда, любители куренья, сытые, довольные, отправлялись въ кухню, которая служила „курилкой“. Въ салонѣ курить разрѣшалось лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ. Въ кухнѣ же можно было дымить вволю, языки развязывались, раздавался говоръ, смѣхъ, иногда и горячій споръ. Затѣмъ, большинство пользовалось случаемъ немножко прикурнуть. Остальное время до 6 ч. вечера каждый опять занимался своимъ дѣломъ, а въ 6 часовъ всѣ собирались къ ужину, и трудовой день считался оконченнымъ. Ужинъ состоялъ почти изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и завтракъ, съ тою лишь разницей, что по вечерамъ мы всегда пили чай. Послѣ ужина курильщики опять шли въ кухню, а салонъ превращался въ тихій читальный залъ. Цѣнною библіотекою, которою щедро снабдили насъ издатели и друзья, мы пользовались очень усердно. Если-бы благородные жертвователи видѣли эти наши вечернія собранія въ салонѣ, когда мы сидѣли вокругъ стола, уткнувшись носами въ книги и иллюстрированные изданія, если-бы знали, какъ мы дорожили этими безмолвными спутниками, они бы навѣрно почувствовали себя вознагражденными сознаніемъ, что сдѣлали доброе дѣло, превратили нашъ „Фрамъ“ въ оазисъ среди безграничной ледяной пустыни. Часовъ около 7½ или 8 на сцену выступали карты и другія игры, ко-

торыя и затягивались иногда до полуночи. Бывало, что одновременно кто нибудь брался за органъ, заставляя его исполнять лучшіе нумера изъ нашего великолѣпнаго репертуара, или Іогансенъ игралъ намъ на своей гармоникѣ какую нибудь красивую вещицу. Только послѣ полуночи всѣ, кромѣ очередного вахтеннаго, расходились по койкамъ. Вахтенные смѣнялись ночью каждый часъ, а весь трудъ ихъ сводился къ внесенію отмѣтокъ въ корабельный журналъ, да еще, пожалуй, къ высматриванью

Взвѣшиваніе молодцовъ «Фрама».

Рис. Блока.

нѣтъ-ли гдѣ вблизи медвѣдя, если собаки подымали лай. Черезъ каждые три часа, а то и черезъ часъ вахтеннымъ приходилось, впрочемъ, подыматься на верхъ въ бочку или спускаться на ледъ для метеорологическихъ наблюденій“.

„Въ общемъ, я думаю, можно сказать, что время у насъ проходило хорошо, и мы чувствовали себя безспорно отлично, ведя поневолѣ такую правильную, размѣренную жизнь“.

Устроивъ по возможности удобное и уютное существованіе

себѣ, члены экспедиціи позаботились и о собакахъ. До сихъ поръ бѣдныя животныя вели въ сущности невеселую жизнь. Съ самаго своего вступленія на палубу „Фрама“ въ Хабаровѣ они постоянно оставались на привязи, часто терпѣли жестокую качку, страдали отъ морской болѣзни, принимали холодные души волнъ и жалобно выли, такъ какъ короткая веревка приковывала ихъ къ мѣсту и душила. 28 сентября ихъ въ первый разъ пустили побѣгать на свободѣ по льду, и они просто ошалѣли отъ радости. Затѣмъ, ихъ устроили на льду, посадивъ на длинныя привязи, дававшія имъ достаточный просторъ движеній; кромѣ того, имъ часто стали предоставлять полную свободу, брать съ собой на экскурсіи, на охоту. Собаки вообще очень любили общество людей и выражали бурную радость, когда ихъ приходили провѣдать или брали съ собою гулять.

30-го сентября членамъ экспедиціи выпалъ на долю нелегкій день. Положеніе судна оказывалось не особенно благопріятнымъ на случай напора льдовъ: огромную льдину, къ которой причалилъ „Фрамъ“ лѣвымъ бортомъ, выперло кверху, одинъ ея край приподнялся надъ судномъ, и, въ случаѣ натиска льда, глыба эта угрожала обрушиться прямо на корму. Рѣшено было оттащить судно назадъ. Но это потребовало большихъ трудовъ и хлопотъ. Пришлось разбивать и расчищать ледъ вокругъ судна топорами, ломами и баграми; затѣмъ въ нѣкоторомъ разстояніи за кормой укрѣпили во льду два мертвыхъ якоря, и съ помощью цѣпныхъ канатовъ, разныхъ блоковъ и вѣрота вершокъ за вершкомъ протаскивали судно сквозь густой слой застывающаго „сала“. Хорошо еще, что морозъ былъ не особенно силенъ: — 12,6° Ц. Передохнувъ день (1 октября было воскресенье), экипажъ „Фрама“ продолжалъ свою трудную работу, и ему удалось таки обезпечить судну удобное и безопасное ложе во льдахъ. Забавно, что „Фрамъ“, когда засѣлъ во льдахъ, повернулся носомъ къ югу, и къ сѣверу неся затѣмъ уже все время кормой впередъ!

Этотъ же день отмѣченъ былъ еще однимъ событіемъ—схваткой съ медвѣдемъ.

„Послѣ обѣда—пишетъ Нансенъ — Свердрупъ, Юль и я сидѣли въ рулевой рубкѣ, суча веревки для лота, вдругъ прибѣ-

гаеть Педеръ (Гендриксенъ) съ крикомъ:—Медвѣдь! Медвѣдь!— Я схватилъ ружье и выскочилъ изъ дверей.

— Гдѣ же онъ?

— На льду около палатки, направо. Прямо на нашихъ пошелъ!

„Въ самомъ дѣлѣ, большой, желтоватый медвѣдь обнюхивалъ палатку, а Гансенъ, Блессингъ и Югансенъ со всѣхъ ногъ бѣжали къ судну. Я спрыгнулъ на ледъ и пустился къ палаткѣ. Оступался, падалъ, снова вскакивалъ и бѣжалъ. Медвѣдь тѣмъ временемъ покончилъ съ обнюхиваньемъ, нашелъ, вѣроятно, что

Собачій лагерь.

Рисунокъ Г. Эгедуса съ фотографіи.

желѣзный заступъ, ломъ, топоръ, колышки и парусина палатки слишкомъ тяжелыя блюда даже для медвѣжьего желудка и пустился за бѣглецами. Вдругъ онъ замѣтилъ меня и озадаченно остановился. „Что, молъ, это за козявка?“ Я подошелъ къ нему на хорошій выстрѣлъ, а онъ все стоялъ и таращился на меня въ упоръ. Наконецъ, онъ слегка повернулъ голову, и я всадилъ ему пулю въ шею. Онъ, какъ снопъ, свалился на ледъ. Я было отвязалъ нѣсколькихъ собакъ, чтобы сдѣлать попытку приучить ихъ къ охотѣ на медвѣдя, но онѣ обнаружили полную несо-

стоятельность. „Квикъ“*) — наша надежда и утѣшеніе вся оцѣтилась, поджала хвостъ, и даже къ убитому звѣрю подходила съ крайнею медлительностью и осторожностью. Нечего сказать, утѣшительно!“

„А съ товарищами, которые первые свели знакомство съ этимъ медвѣдемъ, дѣло было такъ. Гансенъ началъ устанавливать на льду въ нѣкоторомъ разстояніи справа отъ судна обсервационную палатку. Послѣ обѣда онъ взялъ себѣ на подмогу Блессинга и Югансена. Въ самый разгаръ работы они вдругъ увидали не далеко отъ „Фрама“ медвѣдя.—Смирно! Не спугнуть бы его!—сказалъ Гансенъ.—Да, да! — И вотъ, они притаялись, присѣвъ на корточкахъ. — А лучше, пожалуй, все-таки прокрасться къ судну, предупредить ихъ тамъ!—предложилъ Блессингъ. — Ладно! — прошепталъ Гансенъ, и Блессингъ на цыпочкахъ чтобъ не спугнуть звѣря, сталъ пробираться къ кораблю. Но Мишка уже увидалъ молодцовъ около палатки и пошелъ себѣ прямо на нихъ, потягивая носомъ. Тогда Гансенъ пересталъ опасаться спугнуть звѣря. А тотъ успѣлъ замѣтить Блессинга, легкими стопами кравшагося къ судну, и повернулъ на него. Тутъ и Блессингъ успокоился за состояніе нервовъ медвѣдя, остановился было въ раздумьѣ, но живо рѣшилъ, что въ сущности спокойнѣе держаться втроемъ, чѣмъ одному, и пустился назадъ къ товарищамъ куда быстрѣе, чѣмъ уходилъ отъ нихъ. Медвѣдь тоже измѣнилъ курсъ, рысью направившись къ палаткѣ. Положеніе вещей показалось Гансену нѣсколько сомнительнымъ, и онъ счелъ своевременнымъ прибѣгнуть къ средству, вычитанному имъ въ какой-то книгѣ: всталъ во весь ростъ, замахалъ руками и заоралъ во всю глотку. Остальные дружно поддержали его. Но медвѣдь невозмутимо продолжалъ свой путь. Положеніе становилось критическимъ. Молодцы поспѣшили схватиться за оружіе: Гансенъ вооружился ломомъ, Югансенъ топоромъ, а Блессингу ничего не осталось. И вотъ, они, крича изо

*) Эта собака—помѣсь эскимосской собаки съ нью-фаундлендомъ—была вывезена изъ восточной Гренландіи датской экспедиціей 1891—92 г. и подарена начальникомъ этой экспедиціи лейтенантомъ Ридигеръ Нансену. На суднѣ „Квикъ“ была общей любимицей и пользовалась особыми привилегіями не въ примѣръ прочимъ собакамъ.

всѣхъ силъ: Медвѣдь, медвѣдь!—припустились со всѣхъ ногъ къ судну. Медвѣдь же продолжалъ стремиться къ палаткѣ и, только изслѣдовавъ ее, пустился въ догонку за бѣглецами“.

„Это оказался тощій самецъ. Въ желудкѣ у него не нашлось ничего, кромѣ клочка оберточной бумаги со штемпелемъ „Люткенъ и Монъ“. Кто нибудь изъ насъ, воспользовавшись этой бумагой, бросилъ ее гдѣ-нибудь на льду“.

„Съ этихъ поръ рѣдко кто изъ членовъ экспедиціи осмѣливался отходить отъ судна, не вооружась съ головы до ногъ“.— —

„Среда 4 октября. Сегодня и вчера нордъ-вестъ. Температура вчера— 16° Ц., а сегодня— 14° . Я весь день провозился съ

Доставка медвѣдя на корабль.

лотомъ и храпцами *). Получилось почти 800 сажень глубины. Добытые со дна образцы почвы показали, что верхній слой изъ сѣрой глины, 10—11 сантим. толщиной, а нижній изъ бурой глины или ила. Довольно замѣчательно, что температура воды у самого дна равнялась $+0,18^{\circ}$ Ц., а 75-ью саженьми выше— $0,4^{\circ}$ Ц. Вотъ тебѣ и мелководный полярный бассейнъ, и ледяная вода въ немъ! Всѣ эти предположенія разсыпались прахомъ!“.—

Въ тотъ же день послѣ обѣда ледъ позади „Фрама“ началъ трескаться, и вечеромъ замѣчался нѣкоторый напоръ льда. Въ теченіе слѣдующихъ дней морозъ все крѣпчалъ, и напоръ льдовъ

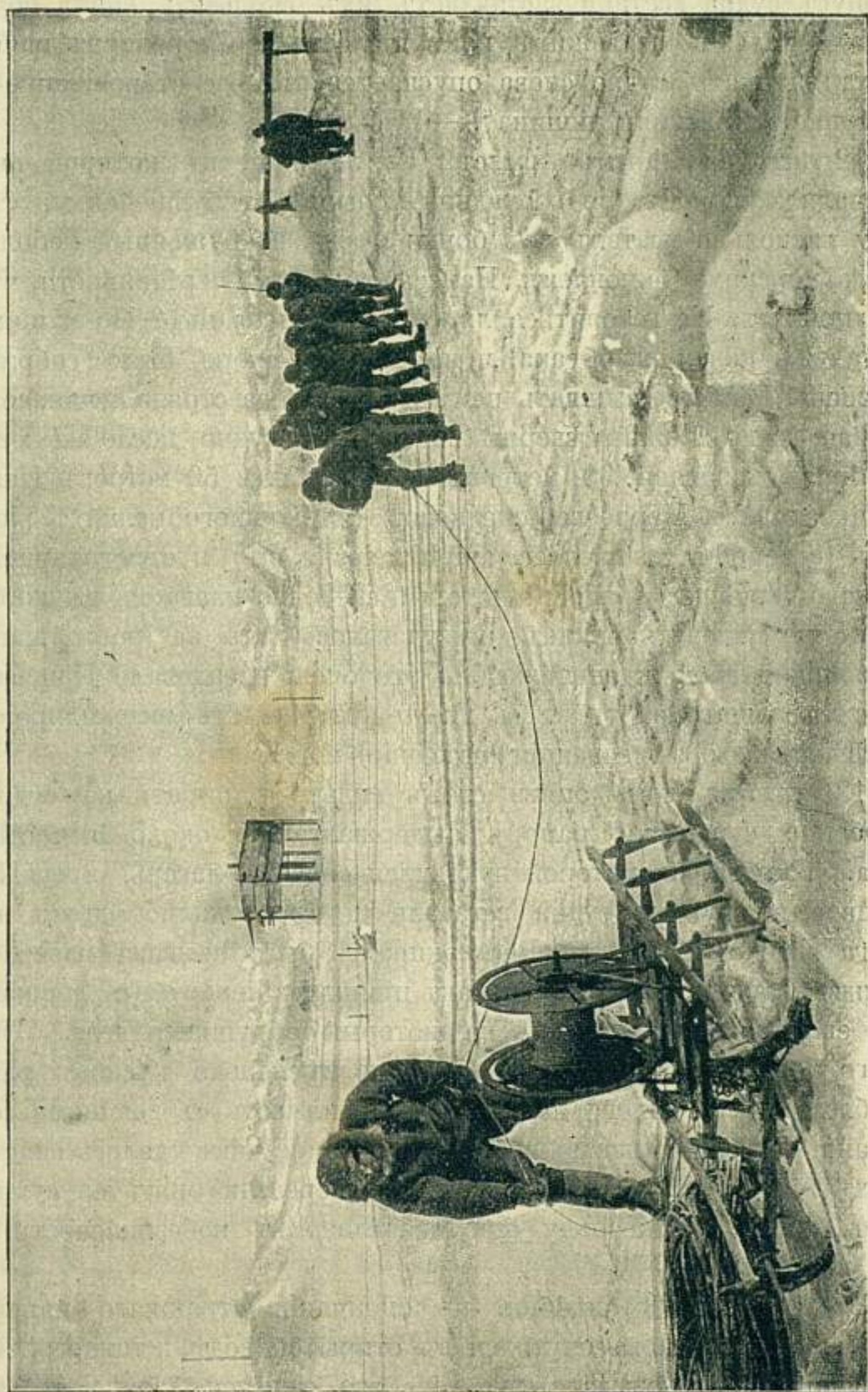
*) Инструментъ, которымъ доставать образцы почвы со дна морского.

становился все замѣтнѣй; къ сѣверу отъ „Фрама“ льдины такъ и громоздились одна на другую. Упорные-же сѣверный и сѣверо-восточный вѣтры предподнесли членамъ экспедиціи очень непріятный сюрпризъ, снеся „Фрамъ“ съ достигнутой уже широты опять къ югу до $78^{\circ} 35'$. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ служило лишь то обстоятельство, что судно въ то же время передвинулось къ востоку: тутъ ужъ вѣтеръ былъ ни при чемъ, и слѣдовательно теченіе существовало.

9 октября промѣръ показалъ очень незначительную глубину: 145 метровъ. Затѣмъ въ тотъ же день обнаружилось движеніе судна опять къ сѣверу и произошелъ первый сильный напоръ льда. Послѣ обѣда, когда всѣ сидѣли въ салонѣ за мирной бесѣдой, послышался вдругъ оглушительный трескъ, и „Фрамъ“ дрогнулъ. Всѣ кинулись на палубу: ледъ такъ и напиралъ на судно, но послѣднее показало себя, — льдинамъ приходилось таки подлѣзать подъ него и выпирать его наверхъ. „Фрамъ“ плавно, медленно приподымался. Напоръ продолжался до вечера, и временами бывалъ такъ силенъ, что „Фрамъ“ заразъ выпирало на нѣсколько футовъ кверху. Но тогда ужъ самъ ледъ не выдерживалъ, судно проламывало его своей тяжестью и опускалось. Вечеромъ напоръ прекратился, и судно очутилось въ большой открытой полыньѣ. Пришлось поторопиться причалить къ прежней льдинѣ, чтобы корабль не снесло куда нибудь въ сторону.

Въ слѣдующіе дни движеніе льдовъ продолжалось, и временами „Фраму“ приходилось выдерживать настоящій штурмъ. Вотъ какъ описываетъ эту борьбу судна со льдомъ самъ Нансенъ.

„Сначала слышится какой-то трескъ и стонъ вдоль боковыхъ стѣнъ судна. Дальше-больше, сильнѣй; слышатся всевозможные звуки: то какъ будто жалобные дискантовые стоны, то глухое рычанье, рокотъ, скрипъ... Вдругъ раздается трескъ, и корабль выпираетъ наверхъ. Звуки все растутъ... это ужъ какъ будто цѣлая органная fuga. Судно дрожить, сотрясается и выпирается толчками или плавно приподнимается кверху. То-то славно сидѣть и прислушиваться ко всему этому, сознавая, что „Фрамъ“ нашъ достаточно крѣпокъ. Другія суда давно были-бы раздавлены. Ледъ давить на стѣнки корабля, льдины трескаются,

Промѣръ глубины въ 1900 сажень. Фотографія.

2-е ОТДЕЛЕНИЕ

18*

ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ЛЕНИНГРАДЕ

дробятся, громоздятся одна на другую, но тяжелый неуязвимый корпусъ судна все-таки заставляетъ ихъ скользить внизъ подъ бока и киль, и мы лежимъ, какъ въ постели. Скоро шумъ начинается затихать, судно снова опускается въ свое старое ложе и наступаетъ прежняя тишина". —

12 октября „Фрамъ“ вмѣстѣ съ льдиной, къ которой онъ причалилъ, понесло по громадной полыньѣ, тянувшейся къ сѣверу насколько хваталъ изъ бочки глазъ, вооруженный небольшимъ морскимъ биноклемъ. Нансенъ былъ въ нерѣшимости, что предпринять. Не готовиться ли опять къ плаванью? Но машина была уже почти разобрана, и не такъ-то скоро было собрать ее вновь. Рѣшили выждать немножко. Погода стояла ясная, солнечная; дулъ свѣжій сѣверный вѣтеръ, и судно несло къ югу. Глубина оказалась 90 метровъ. На глубинѣ 50 метровъ Нансенъ наловилъ Мурреевой шелковой сѣтью много мелкихъ рачковъ (*copropoda*, *ostracoda*, *amphipoda* и пр.) и одного арктическаго червячка (*spadella*), который свободно плаваетъ въ морѣ. Рыбы же наловить никакъ не удавалось изъ за постоянного движенія и громозденія льда, и это очень досадовало Нансена, рассчитывавшаго найти здѣсь много интересныхъ экземпляровъ. Замѣчалась фосфоресценція (свѣченіе) моря.

13 октября ледъ опять сталъ сильно напирать на судно. Особенно страшный напоръ выдержало оно около 5 часовъ утра. Лыдина, на которой находился собачій лагерь, треснула на-двое, а кругомъ судна вставали и громоздились другъ на друга огромныя льдины. Весь экипажъ былъ вызванъ наверхъ. Одинъ якорь пропалъ, такъ какъ пришлось перерубить державшій его проволочный линь, на который обрушился ледъ. Немного погодя, ледъ снова подался, и нѣсколько кусковъ раздробленной „собачьей“ льдины стали уплывать съ воющими собаками. Устроили настоящую облаву, и кое-какъ удалось спасти всѣхъ животныхъ. Черезъ день ихъ перевели опять на судно, тѣмъ болѣе, что на льду они оказались въ небезопасности и отъ медвѣдей.

Въ полдень 13 октября, по окончаніи страшнаго напора льда, „Фрамъ“ снова очутился въ открытой водѣ, и темное небо впереди вновь указывало, что вода эта тянется далеко къ сѣверу. Нансенъ и отдалъ приказаніе вновь собрать машину. Ему

хотѣлось пройти на сѣверъ, посмотрѣть, что же это означаетъ. „Мнѣ казалось вѣроятнымъ“, — пишетъ онъ — „что именно тамъ находился водораздѣлъ между теченіемъ, несшимъ пловучій ледъ съ „Жанеттой“ и теченіемъ, сносившимъ насъ теперь къ югу. Или, быть можетъ, тамъ земля?“

Запись Нансена, помѣченная тѣмъ же числомъ, содержитъ также интересныя сообщенія о напорѣ льда и его причинахъ.

„Ясно, что напоръ льда здѣсь въ связи съ приливомъ и отливомъ или, быть можетъ, зависитъ отъ нихъ. За это говоритъ періодичность явленія. Напоръ происходитъ дважды въ сутки, въ опредѣленное время: около 4 — 5 — 6 часовъ утра и почти въ то же время послѣ обѣда. Въ промежутки мы почти всегда оказываемся въ открытой полыньѣ. То, что теперь именно напоръ особенно силенъ, зависитъ, повидимому отъ прилива; 9-го у насъ какъ разъ было новолуніе, и въ этотъ же день былъ первый напоръ. Въ тотъ день мы ощутили его послѣ полудня, но затѣмъ онъ съ каждымъ днемъ начинался позже, и теперь бываетъ около 8 ч. вечера“.

„Мысль, что напоръ льдовъ зависитъ въ значительной степени отъ прилива и отлива, уже не разъ высказывалась многими полярными путешественниками. Намъ во время несенія „Фрама“ льдами болѣе, чѣмъ кому либо, представлялась возможность прослѣдить это явленіе, и на основаніи нашего опыта можно считать несомнѣннымъ, что приливъ и отливъ — главнымъ же образомъ первый — вызываютъ движеніе и нагроможденіе льдовъ на большихъ пространствахъ, причемъ въ особенно сильной степени это наблюдается во время прилива въ новолуніе и — хотя нѣсколько слабѣе — въ полнолуніе. Въ промежутки напоръ льда обыкновенно бываетъ незначительнымъ или и вовсе незамѣтнымъ. Но такая зависимость напора льда отъ прилива и отлива наблюдалась не все время въ теченіе нашей экспедиціи, а главнымъ образомъ въ первую осень, когда мы находились вблизи открытаго моря, лежащаго къ сѣверу отъ Сибири, и въ послѣдній годъ, когда „Фрамъ“ приближался къ открытому Атлантическому океану. Внутри же полярнаго бассейна труднѣе было удостовѣриться въ этой зависимости. Напоръ льда повторяется тамъ не съ такою правильностью и существенно зависитъ отъ вѣтровъ и связаннаго съ ними движенія ледяныхъ

массъ. Положимъ, что несмѣтныя массы льда, несущіяся въ известномъ направленіи, встрѣтятъ вдругъ на своемъ пути препятствіе—напр. остановившіяся массы пловучаго льда или гонимыя встрѣчнымъ вѣтромъ въ противоположную сторону, легко представить себѣ, что въ такомъ случаѣ должно произойти: сильнѣйшее взаимное давленіе и борьба ледяныхъ массъ“.

„Подобная борьба представляетъ безспорно величественное зрѣлище. Чувствуешь, какъ будто стоишь лицомъ къ лицу съ великанами, и не диво, что робкіе люди бывають подавлены этой картиной и готовы думать, что никто не можетъ устоять противъ льдовъ. Когда напоръ начинается въ серьезъ, кажется, что на всей земной поверхности не можетъ остаться мѣстечка, которое бы не дрогнуло, не заколебалось бы. Сначала послышится громовой ударъ, словно отзвукъ далекаго землетрясенія въ этой великой пустынѣ, потомъ громовые раскаты посыплются со всѣхъ сторонъ, начнутъ приближаться, будя эхо въ безмолвномъ ледяномъ мірѣ... Это великаны природы пробуждаются къ битвѣ! Ледъ трескается повсюду, начинается ворочаться... еще минута, и вокругъ наступаетъ полный хаосъ. Въ воздухѣ свистъ, вой и грохотъ, ледъ дрожитъ и трещитъ у тебя подъ ногами, въ полумракѣ видно, какъ льдины дробятся, громоздятся въ настоящія горы и надвигаются на тебя все ближе и ближе. Льдины мощностью въ 10—12—15 фут. ломаются въ куски, вскидываются одна на другую, словно мячики, вотъ-вотъ подкатятся къ тебѣ... Надо спасаться, бѣжать отъ нихъ! Но тутъ прямо передъ тобой разверзается черная пропасть, гдѣ бѣжить вода. Бросаешься въ другую сторону, но сквозь мракъ видишь, что передъ тобой встаетъ новое ледяное нагроможденіе. Кидаешься въ третью—то-же самое. Грохотъ и гулъ, словно тебя со всѣхъ сторонъ окружають гигантскіе водопады, трескъ и раскаты точно отъ пушечной пальбы. Магическій кругъ около тебя все суживается, льдина, на которой ты стоишь, становится все меньше и меньше, черезъ нее перекатываются волны... Одно спасеніе перепрыгивать черезъ катящіяся ледяныя глыбы, пока не очутишься по ту сторону полосы ледяныхъ нагроможденій. Но вотъ, напоръ стихаетъ, грохотъ ослабѣваетъ и понемногу замираетъ вдали“.

„И такъ идетъ на далекомъ сѣверѣ мѣсяць за мѣсяцемъ,

Нагромождение льда близъ «Фрама». Фотографія.

годъ за годомъ. Ледъ трескается и громоздится въ различныхъ мѣстахъ и направленіяхъ. Если бы взглянуть на эту ледяную пустыню съ высоты птичьяго полета, она представилась бы словно накрытою рыболовною сѣтью, въ которой петли изображаются ледяными нагроможденіями — торосами. Съ перваго взгляда эти нагроможденія покажутся разбросанными какъ попало, но при болѣе внимательномъ изученіи ихъ, мнѣ показалось, что они, болѣею частью, идутъ на перерѣзъ линіи напора, вызвавшего ихъ“.

„Въ сообщеніяхъ полярныхъ путешественниковъ часто говорится о ледяныхъ нагроможденіяхъ или торосахъ, достигающихъ высоты 50 ф. Это басни. Такія фантастическія описанія вызваны, должно быть, тѣмъ, что путешественники эти не измѣряли высоты ледяныхъ нагроможденій. Въ теченіе всей нашей экспедиціи я только одинъ разъ видѣлъ торосъ выше 23 ф.; къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая измѣрить его, но имѣю всѣ основанія предполагать, что онъ былъ развѣ немногимъ ниже 30 ф. Самые высокіе торосы, которые мнѣ случалось измѣрять — а я измѣрялъ ихъ много — имѣли отъ 18 до 23 ф. высоты. Ледяное же нагроможденіе свѣше 25 ф. высоты приходится уже считать исключеніемъ“. —

14 октября машина „Фрама“ была приведена въ порядокъ, руль поставленъ, а 15-го „Фрамъ“ даже держался подъ парами, чтобы двинуться къ сѣверу, какъ только ледъ вскрыется въ серъезъ. Но ледъ снова плотно сомкнулся, и „Фрамъ“ нѣсколько разъ опять оказывался въ жесточайшихъ тискахъ. Открытая вода на сѣверѣ совершенно исчезла. Пришлось снова возложить всѣ упованія на движеніе льдовъ.

Въ четвергъ 19 октября Нансенъ въ первый разъ попытался поѣздить на собакахъ, и нельзя сказать, чтобы опытъ вышелъ блестящимъ. Съ трудомъ удалось запрячь собакъ въ сани; затѣмъ Нансенъ усѣлся и прикрикнулъ на свой собачій шестерикъ. Тотъ подхватилъ и понесъ отлично, но скоро на пути встали торосы, и пришлось повернуть обратно. Едва-же Нансенъ повернулъ собакъ, какъ онѣ стремглавъ понеслись прямо къ судну и принялись носиться взадъ и впередъ вдоль его бортовъ, отъ одной мусорной кучи къ другой. Какъ ни нахлестывалъ ихъ Нансенъ кнутомъ, какъ ни кричалъ, ничто не помогало. Онъ пытался затягивать возжи, но тогда собаки опрокидывали санки,

вываливали возницу и волочили его за собой по льду то на спинѣ, то на животѣ, то на боку. Хорошо, что онъ былъ въ брюкахъ изъ гладкой тюленьей кожи, отлично скользящей по льду. Наконецъ, ему удалось направить собакъ куда хотѣлось. Проѣхавъ порядочный конецъ, онъ остановилъ ихъ передохнуть, но какъ только затѣмъ шевельнулся, собаки снова помчались на-

Первая попытка Нансена покататься на собакахъ.

Рисунокъ А. Блока.

задъ по той же дорогѣ. Всѣ попытки повернуть оканчивались полной неудачей. Возница вдоволь навалялся по снѣгу, потерялъ сидѣнье изъ саней, кнутъ, шапку и рукавицы. — „Таковъ былъ мой первый опытъ самостоятельной ѣзды на собакахъ, и не скажу, чтобы я имѣлъ основанія гордиться имъ!“ — заключаетъ Нансенъ свое описаніе.

23 октября, наконецъ, вѣтеръ перемѣнился, и члены экспедиціи вздохнули полегче. Ихъ перестало нести къ югу, и „Фрамъ“ опять началъ подвигаться къ сѣверу. Напоры льда періодически повторялись. Въ четвергъ 26 октября была торжественно отпразднована первая годовщина „Фрама“. Измѣренія въ этотъ день показали 100 метр. глубины. Корабль подвигался быстро и прямо на сѣверъ, такъ что экспедиція могла отпраздновать этотъ вдвойнѣ торжественный день, — предстояло также распрощаться съ солнцемъ на всю долгую полярную ночь—со спокойной и радостной душой. Торжество началось стрѣльбой въ цѣль на призы. За завтракомъ уплетали горячія булки и яблочный пирогъ; обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ; за ужиномъ пили пуншъ—изъ лимоннаго сока съ земляничнымъ вареньемъ—и съ большой торжественностью, ко всеобщему веселью, раздавали призы за утреннюю стрѣльбу. Каждый участникъ получилъ вмѣстѣ съ призомъ аттестатъ, въ большинствѣ случаевъ, остроумно составленный Блесингомъ. Первый призъ достался Якобсену; это была звѣзда изъ бересты на бѣлой полотнянной лентѣ для ношенія на шеѣ. Послѣдній призъ—зеркальце, въ которомъ владѣлецъ могъ созерцать свое посрамленное величіе, получилъ Бентсенъ, кстати, и не стрѣлявшій вовсе.

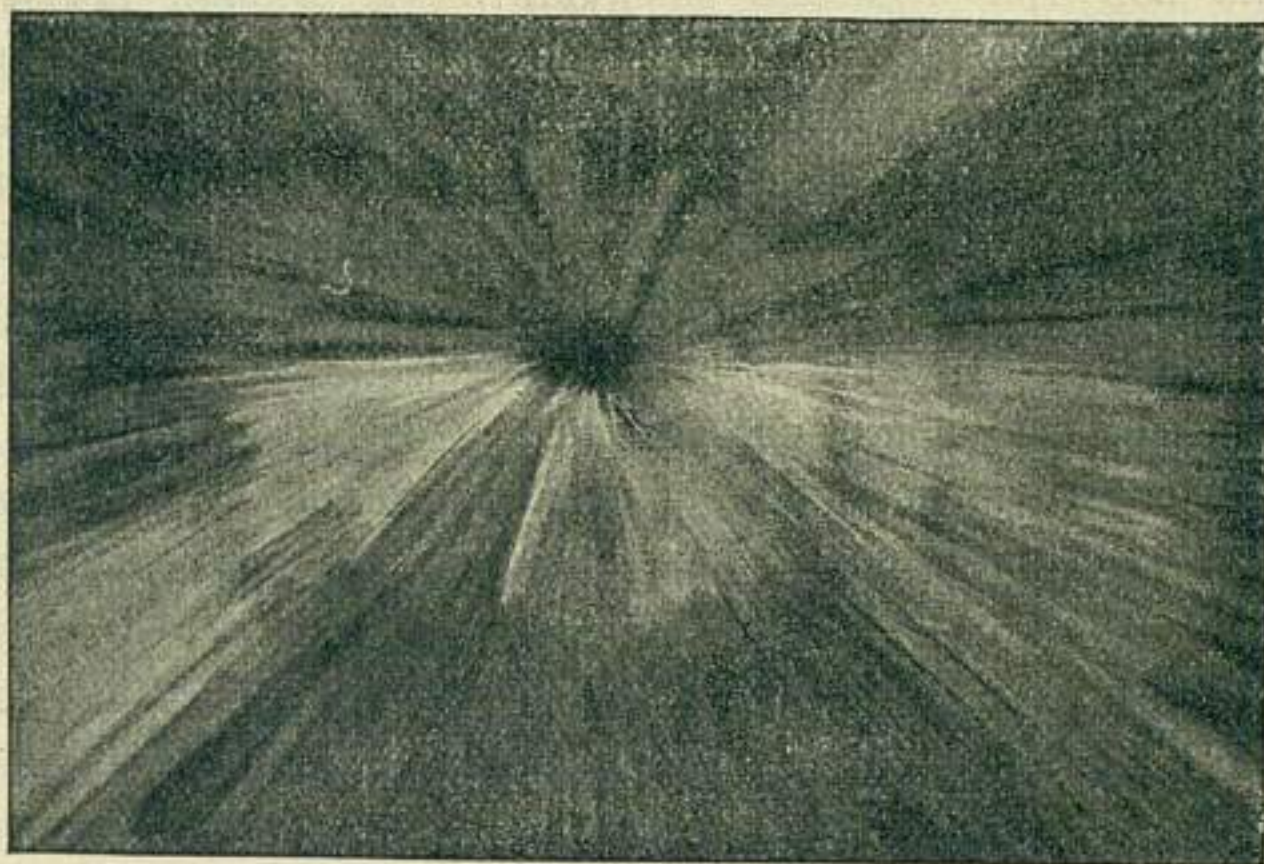
27 октября послѣ полудня члены экспедиціи были поражены яркимъ голубовато-бѣлымъ свѣтомъ, вдругъ озарившимъ окрестность. Оказалось, что пролетѣлъ большой метеоръ, уже второй, замѣченный во время экспедиціи.

Съ этого дня началась для членовъ экспедиціи первая полярная ночь, озаряемая лишь свѣтомъ луны, звѣздъ и сѣвернаго сіянія съ неба, да электричества съ „Фрама“. Послѣдній свѣтъ являлся настоящимъ благодѣяніемъ для экспедиціи, замѣняя хотя отчасти солнечный. Къ сожалѣнію, имъ можно было пользоваться лишь при условіи вѣтра,—въ безвѣтріе вѣтряный двигатель динамо-машины бездѣйствовалъ, и приходилось довольствоваться тусклымъ керосиновымъ освѣщеніемъ. Хорошо, что полное безвѣтріе бывало не часто.

Въ дневникѣ Нансена находимъ слѣдующее поэтическое описаніе полярной ночи.

„5 ноября. — Опять воскресенье. Какъ дни бѣгутъ! Я работаю: читаю; размышляю; мечтаю. Наигрываю на органѣ. Иду

прогуляться по льду въ темнотѣ. Низко на самомъ краю горизонта, на юго-западѣ брежитъ отраженіе солнца—густо-красное, словно насыщенное кровью, словно затаившее въ себѣ зародыши всѣхъ страстныхъ желаній жизни, далекой, какъ сказочная страна дѣтскихъ грезъ... Выше оттѣнокъ смягчается, переходитъ въ оранжевый, дальше въ зеленовато-голубой и, наконецъ, впадаетъ въ густую, усѣянную звѣздами синеву, уходя съ нею словно въ глубокую загадку жизни, въ безграничный просторъ, не знающій зари. На самомъ сѣверѣ слабо вспыхиваютъ дуги сѣвернаго сіянія, дрожатъ и трепещутъ, какъ только еще пробуждающаяся страсть, чтобы вдругъ, словно по мановенію вол-

Корона сѣвернаго сіянія.

Эскизъ 22 октября 1894 г.

шебнаго жезла, прорваться сквозь глубокую синеву неба цѣлыми снопами ослѣпительныхъ лучей!.. Вѣчное движеніе, вѣчная смѣна красокъ-настроеній, какъ въ душѣ человѣческой! Я могу сидѣть и смотрѣть, смотрѣть безъ конца. Взоръ такъ и вливается въ это сказочное горнило тамъ на западѣ... Тонкій, блѣдный серебряный серпъ луны купаетъ свой нижній острый край въ крови... Душа уносится по этому морю красокъ далеко, къ солнцу".—

А вотъ еще два описанія сѣвернаго сіянія, которымъ такъ часто приходилось любоваться „молодцамъ Фрама“.

Вечеромъ 28 ноября, Нансенъ въ мрачномъ настроеніи, удру-

ченный тѣмъ, что судно опять несло къ югу, вышелъ на палубу и—,остановился, какъ вкопанный. Вотъ *оно* гдѣ, сверхъестественное въ природѣ! Сѣверное сіяніе, необычайной силы и красоты, сверкало на небѣ всѣми цвѣтами радуги. Рѣдко, а то и никогда не видалъ я такой интенсивности красокъ. Сначала преобладалъ желтый цвѣтъ, потомъ онъ перешелъ въ зеленый, а подъ конецъ загорѣлся ослѣпительнымъ пурпуровымъ цвѣтомъ внутренней дуги у самаго основанія лучей, и скоро этотъ цвѣтъ разлился по всей дугѣ. На западномъ горизонтѣ вдругъ взвилась огненная змѣя, разгораясь все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ росла кверху... Вотъ она раздѣлилась на три. Сначала всѣ три отливали разноцвѣтными огнями, но затѣмъ цвѣта раздѣлились. Самая южная изъ змѣй стала почти рубиновой съ желтымъ отливомъ, средняя совсѣмъ желтой, а сѣверная скорѣе блѣдно-зеленой. Всѣ три перешли за зенитъ. Снопы лучей струились вдоль тѣла змѣй, какъ волны, гонимыя бурей, поднявшейся въ эфирѣ, колыхались, извивались, разгорались, меркли... Я былъ одѣтъ легко, и холодъ пронизывалъ меня насквозь, но я не могъ оторваться отъ этого чуднаго зрѣлища до самаго конца, когда уже только одна слабо тлѣющая огненная змѣя на краю горизонта, на западѣ, указывала откуда началось явленіе. Позже я опять вышелъ на палубу. Волны свѣта отхлынули къ сѣверу и перекинулись неполными дугами надъ сѣвернымъ краемъ неба. Вотъ гдѣ просторъ для тѣхъ, кто ищетъ мистическаго въ природѣ!“ —

Сѣверное сіяніе, видѣнное Нансеномъ вечеромъ 8-го декабря, почти не уступало первому. „Сверкающія, разноцвѣтныя витыя колонны, крутятся и извиваясь, пересѣкали небо и на югѣ и на сѣверѣ. Лучи горѣли чистѣйшими, какъ бы кристаллизированными цвѣтами радуги, среди которыхъ особенно выдѣлялись красновато-фіолетовый или карминовый и ярко-зеленый. Большею частью лучи, составлявшіе дугу, были краснаго цвѣта у основанія, а выше становились сверкающе-зеленаго и, наконецъ, темно-голубого или фіолетоваго, который сливался съ синевой неба. Нѣкоторые же лучи въ одной и той же дугѣ мѣняли свою окраску, становясь то ярко-красными, то ярко-зелеными, колебались и вспыхивали, словно раздуваемые бурей. Эта ослѣпительная игра красокъ превосходила всякія мечтанія. Порой

явленіе достигало такой мощи, что просто духъ захватывало; казалось, что вотъ-вотъ еще немножко, и что нибудь случится — небо что-ли рухнетъ?.. Но какъ разъ въ минуту сильнѣйшаго напряженія, все вдругъ быстро, точно по ступенькамъ, скатывалось внизъ, смѣшивалось и исчезало. Эти неожиданные скачки въ развертывающемся передъ вами огненномъ зрѣлищѣ крайне недраматичны, но совершаются съ такой поразительной смѣлостью, что нельзя претендовать. Передъ вами какъ будто играетъ великій маѣстеръ, въ совершенствѣ владѣющій своимъ инструментомъ. То онъ только слегка, какъ-бы шая, водить смычкомъ по струнамъ, то нѣсколькими ударами смычка достигаетъ величайшей силы пафоса, затѣмъ вдругъ однимъ ударомъ переходятъ въ другой тонъ — легкій, буднично-лирической, и опять двумя-тремя волшебными, манящими тонами уносятъ васъ въ міръ высокой трагедіи. Порой кажется, что онъ издѣвается, смѣется надъ вами! Морозъ въ 34°, 35° гонитъ васъ въ каюту, вы уже дѣлаете шагъ, но — тутъ вдругъ опять начинается такая божественная музыка красокъ, что вы остаетесь, пока у васъ не подмерзнутъ и носъ и уши. Кончается все бурнымъ фейерверкомъ... Все небо пылаетъ такъ, что кажется вотъ-вотъ займется пожаромъ самый ледъ!“ —

Кромѣ подобныхъ чудныхъ картинъ природы вносили разнообразіе и оживленіе въ монотонную жизнь „молодцовъ Фрама“ визиты лисицъ, медвѣдей и охота на нихъ. Медвѣди въ поискахъ пищи въ это голодное зимнее время становились иногда крайне дерзки, забирались по ночамъ на самое судно и таскали съ палубы собакъ, а 13 декабря медвѣдь даже напалъ на человѣка. Педеръ Гендриксенъ и Могстадъ, не взявъ съ собой никакого оружія, спустились на ледъ поискать трехъ пропавшихъ за ночь собакъ и наткнулись на медвѣдя, который, поживившись собаками ночью, пробирался къ судну за новой добычей. Молодцы пустились на утекъ, при чемъ Могстаду было легче спастись, такъ какъ онъ лучше зналъ дорогу и былъ обутъ въ комаги. Педеръ же былъ въ знаменитыхъ „Свердруповскихъ“ сапогахъ изъ парусины на толстѣйшихъ деревянныхъ подошвахъ и едва могъ двигаться по неровному, скользкому льду. Почти у самого судна медвѣдь чуть и не сцапалъ его. Къ счастью, Педеръ не потерялся — ткнулъ звѣря въ морду зажжен-

нымъ фонаремъ, бывшимъ у него въ рукахъ. Медвѣдь озадаченно присѣлъ на заднія лапы, а Педеръ давай Богъ ноги. Медвѣдь за нимъ, но по дорогѣ былъ отвлеченъ собакой, и Педеръ, еле пыхтя, но цѣлый и невредимый, взобрался на судно. Нансенъ, занимавшійся у себя въ каютѣ, услыхавъ отчаянный крикъ Педера у люка: „Идите скорѣй съ ружьями!“ выскочилъ въ салонъ, и въ ту же минуту туда ворвался Педеръ съ крикомъ: „Ружье! Ружье! Медвѣдь цапнулъ меня въ бокъ!“ Слыша

Педеръ и медвѣдь.

Рис. Г. Эгедіуса.

голосъ Педера, Нансенъ могъ только радоваться: очевидно съ нимъ не произошло особаго несчастья, если онъ еще въ состояніи былъ такъ голосить. Нансенъ схватилъ ружье, Якобсенъ другое, самъ Педеръ третье, и всѣ трое кинулись наверхъ. У праваго борта раздавались крики людей, а со льда доносился отчаянный лай. На бѣду ружья у первыхъ двухъ не были въ „боевой готовности“, и въ потьмахъ, да въ попыхахъ дѣло никакъ не хотѣло сладиться. Ружье же Педера, по обыкновенію,

слишкомъ щедро смазанное вазелиномъ, разъ за разомъ давало осѣчку. Педеръ отчаяннымъ голосомъ вопилъ по адресу другихъ: „Стрѣляйте, да стрѣляйте-же!“, тѣ возились со своими ружьями, Могстадъ, успѣвшій разстрѣлять всѣ патроны, только размахивалъ ружьемъ и тоже кричалъ, а Гансенъ застрялъ въ дверяхъ рулевой рубки, куда кинулся за патронами: дверь нельзя было растворить, какъ слѣдуетъ, изъ-за конуры „Квикъ“, притисну-

Медвѣдь у капкана.

Рис. Г. Эгедюса.

той къ двери чуть не вплотную. Медвѣдь же въ это время подмалъ подъ себя собаку и готовился ее съѣсть! Наконецъ, прибѣжалъ Югансенъ и выстрѣлилъ въ медвѣдя. Тотъ зарычалъ и выпустилъ собаку. Но понадобилось еще три выстрѣла Югансена, да четвертый Нансена, наконецъ, сладившаго съ ружьемъ, чтобы доконать звѣря. Онъ оказался только годовикомъ, а надѣлалъ столько хлопотъ, и трехъ собакъ какъ не бывало!

Тотъ же день 13 декабря былъ отмѣченъ еще однимъ событіемъ: „Квикъ“ принесла 13 щенятъ, по одному на каждого члена экспедиціи. Пятерыхъ щенковъ убили, а остальныхъ оставили матери вскармливать.

Противъ медвѣжьихъ визитовъ рѣшено было принять серьезныя мѣры: Свердрупъ съ „кузнецомъ“ Ларсомъ“ смастерили капканъ. Но первый же медвѣдь доказалъ, что звѣри не такъ-то глупы. 22 декабря Гендриксенъ, Могстадъ, Бентсенъ и Свердрупъ увидали съ палубы медвѣдя, подходившаго къ капкану. Звѣрь, видимо, любопытствовалъ узнать, что это за штука, три раза вставалъ на дыбы и тщательно разсматривалъ устройство, опираясь передними лапами о столбы капкана, обнюхивалъ сало, подвѣшенное посрединѣ, и озирался по сторонамъ. Потомъ, осторожно опустился на четверинки, прошелся вдоль проволоочнаго линя, которымъ капканъ былъ прикрѣпленъ къ тросу, обнюхалъ его, точно желая убѣдиться все-ли прилажено, какъ слѣдуетъ, и потомъ — трухъ-трухъ поплелся своей дорогой, махнувъ лапой на всю эту затѣю! Когда онъ подошелъ къ судну, его застрѣлили. Но стрѣлковъ было четверо, а когда стали снимать съ медвѣдя шкуру, она оказалась пробитой всего одной пулей, и вотъ начался оживленный споръ — чья же была эта счастливая пуля, не прекращавшійся, какъ свидѣтельствуемъ Нансенъ, въ теченіе всей экспедиціи.

Первое Рождество во льдахъ было встрѣчено какъ нельзя болѣе торжественно. Обѣдъ и ужинъ не оставляли желать лучшаго, послѣ ужина подали пуншъ и сигары — въ торжественные дни разрѣшалось курить въ салонѣ — и розданы были подарки „на елку“ отъ матери и невѣсты Скоттъ-Гансена. Каждый членъ экспедиціи получилъ по какой нибудь вещицѣ отъ той и отъ другой, и „трогательно было видѣть“ — пишетъ Нансенъ — „съ какой дѣтской радостью каждый принималъ свои подарки — трубку, ножикъ, или какую нибудь игрушку. Вѣдь, это была какъ бы вѣсточка съ родины!“ — Вечеръ закончился веселой болтовней, чтеніемъ „Фрамсъ“ — иллюстрированной юмористической газеты, издаваемой Блессингомъ, пѣніемъ и музыкой.

„Фрамъ“ находился въ сочельникъ подъ 79° 11' сѣв. широты.

Новый годъ „молодцы Фрама“ встрѣтили такъ же торжест-

венно и весело. Нансенъ въ великій моментъ разставанія со старымъ годомъ сказалъ небольшую рѣчь, въ которой напомнилъ товарищамъ обо всемъ хорошемъ, что далъ имъ этотъ годъ, выразилъ надежду, что и новый будетъ не хуже, и поблагодарилъ товарищей за дружную и хорошую совмѣстную жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь на „Фрамъ“ складывалась отлично, если судить по замѣткамъ въ дневникѣ Нансена, написанной за три дня до наступленія новаго года.

„Мы почти совѣстно за ту жизнь, которую мы ведемъ. Мы знать не знаемъ никакихъ изъ тѣхъ описываемыхъ черными красками страданій, которыя считаются неизбѣжными въ тягостной полярной экспедиціи. Намъ не о чемъ будетъ и писать, когда мы вернемся домой! О товарищахъ моихъ, какъ и о себѣ самомъ, я могу сказать одно: всѣ мы смотримъ здоровыми, сытыми, упитанными. Ни одной традиціонной блѣдной, изможденной фізіономіи. Ни слѣда упадка духа. Послушалъ бы кто смѣхъ, раздающійся у насъ въ салонѣ, поглядѣлъ, какъ мы „рѣжемся въ карты!“ Да и откуда у насъ взяться обычнымъ болѣзнямъ? Ъдимъ отлично, вкусно, до-сыта, притомъ пища настолько разнообразная, что не пріѣлась-бы даже самому привередливому человѣку. Одежда у насъ тоже прекрасная, жилище тоже, воздухъ, благодаря образцовой вентиляціи, тоже. И движенія на вольномъ воздухѣ сколько душѣ угодно. Работой мы себя не надрываемъ; хорошаго разнообразнаго чтенія и развлеченій у насъ вдоволь: къ нашимъ услугамъ и карты, и шахматы, и домино, и хальма, и музыка, и бесѣда. Какъ тутъ не чувствовать себя хорошо? Я часто и слышу отъ окружающихъ выраженія полного довольства и благополучія. Весь же секретъ—въ установленіи разумнаго образа жизни и, въ особенности, въ обеспеченіи хорошаго питанія. Еще, я думаю, благоприятно вліяетъ на насъ то, что мы живемъ тѣсной истинно-товарищеской жизнью. У насъ все—и работа и веселье—общее. Насколько я знаю, это первый опытъ въ такомъ родѣ, и онъ заслуживаетъ быть рекомендованнымъ впредь“. —

Надо, впрочемъ, принять во вниманіе, что вышеприведенная выдержка изъ дневника главы экспедиціи, написана въ минуту особеннаго равновѣсія душевнаго, въ самый разгаръ рождест-

венскаго благодушія и, главное, подѣ вліяніемъ только перечитаннаго Нансеномъ описанія страданій злополучной, плохо снаряженной экспедиціи Кэна (1853—1855 г.). А то изъ того-же дневника видно, что на долю „молодцовъ Фрама“ выпадало и не

Лунное сіяніе. Фотографія.

мало томительныхъ, тяжелыхъ часовъ, упорнаго труда, борьбы и опасностей всякаго рода, даже смертельныхъ. Но, разумѣется, весь этотъ трудъ и борьба были значительно облегчены образ-

цовымъ снаряженіемъ экспедиціи, организаторъ которой въ буквальномъ смыслѣ слова предусмотрѣлъ все до послѣдней мелочи, позаботился обо всемъ, что могло сдѣлать жизнь во льдахъ здоровою и пріятною. Сдѣланный же имъ выборъ спутниковъ довершилъ дѣло: болѣе разумнаго и счастливаго выбора нельзя было бы представить себѣ. Каждый изъ членовъ экспедиціи несъ свои обязанности съ самымъ примѣрнымъ усердіемъ и любовью къ дѣлу, при которыхъ только и возможенъ успѣхъ. Зоркій глазъ Нансена безошибочно угадалъ достойнаго спутника и товарища даже въ такомъ неиспытанномъ юношѣ, какимъ являлся лейтенантъ Скоттъ-Гансенъ, казавшійся многимъ слишкомъ юнымъ для столь серьезной и трудной экспедиціи. И вотъ, этотъ-то юноша заставилъ весь экипажъ удивляться своей энергіи и удивительной стойкости. Часъ за часомъ стоялъ онъ на льду, на морозѣ, въ темнотѣ со своими инструментами, наблюдая за колебаніями магнитной стрѣлки и отсчитывая сквозь лупу мельчайшія подраздѣленія градусовъ, причемъ еще приходилось удерживать дыханье, чтобы инструменты не обледенѣли. Удивительно, что онъ не отморозилъ себѣ рукъ и ногъ серьезнѣе, чѣмъ ему случилось.

Не отставалъ отъ него и его ассистентъ Йогансенъ. Нансенъ въ своемъ дневникѣ отдаетъ обоимъ полную справедливость, упоминая кстати, что въ описаніяхъ многихъ полярныхъ экспедицій говорится о невозможности производить наблюденія на открытомъ воздухѣ при подобной температурѣ (свыше 40° Ц.). „Но на нашихъ молодцовъ нуженъ, видно, не такой еще морозъ и вѣтеръ (а вѣтеръ дулъ со скоростью 10—12 метровъ въ секунду) чтобы заставить ихъ отказаться отъ дѣла!“—заключаетъ Нансенъ.

IV.

Въ началѣ наступившаго новаго года (1894 г.) „Фрамъ“ опять понесло къ югу, но теперь это уже не производило на Нансена и его товарищей прежняго угнетающаго впечатлѣнія. Нансенъ былъ увѣренъ, что это лишь временное, преходящее явленіе, и что какъ бы тамъ ни было „Фраму“ предстоитъ совершить тотъ же путь, какой совершаетъ сибирскій лѣсъ, пригоняемый къ берегамъ Грѣнландіи. Зато вождемъ экспедиціи все

больше и больше овладѣвало сомнѣніе, что путь этотъ продолжается *вблизи полюса*, и у Нансена сталъ зарождаться новый планъ: покинуть корабль, взявъ съ собой одного спутника, всѣхъ собакъ и нѣсколько саней съ провіантомъ, и попытаться достигъ полюса пѣшкомъ, а затѣмъ направиться назадъ черезъ землю Франца-Иосифа, Шпицбергенъ или западную Грѣнландію. Нансенъ, впрочемъ, не думалъ торопиться съ приведеніемъ этого плана въ осуществленіе. Съ 8 января корабль опять сталъ подвигаться къ сѣверу, и 14-го находился уже подъ $79^{\circ} 19'$ сѣв. шир. и $137^{\circ} 31'$ вост. долготы. Слѣдовало выждать еще, по-

Отраженіе солнца 16 февраля 1894 г. Эскизъ.

смотрѣть, какъ станетъ подвигаться судно лѣтомъ. Затѣмъ, Нансенъ не рѣшилъ еще, имѣлъ-ли онъ право покинуть товарищей? „Подумать“ — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ 15 января — „вдругъ, я-то вернусь домой, а они нѣтъ? Съ другой же стороны: для чего же я поѣхалъ, какъ не для того, чтобы изслѣдовать невѣдомыя полярныя области? На то, вѣдь, народъ норвежскій и жертвовалъ свои деньги! И поэтому первый и главный мой долгъ сдѣлать все, что только я въ силахъ, для достиженія этой цѣли или хотя возможнаго приближенія къ ней. Я посмотрю; это будетъ крайнимъ средствомъ“. —

23 января „Фрамъ“ достигъ $79^{\circ} 41'$ сѣв. ш.; глубину нельзя было измѣрить точно, такъ какъ спущенный на линѣ въ 240 метр. длины лотъ не досталъ дна. И вотъ, подъ такой то широтой, среди плотнаго льда пустыннаго моря, глубиною въ тысячу футовъ, въ глухую, темную зимнюю пору, экспедиція къ крайнему своему изумленію встрѣтила моржа. Убить животное, къ досадѣ экипажа, впрочемъ, не удалось.

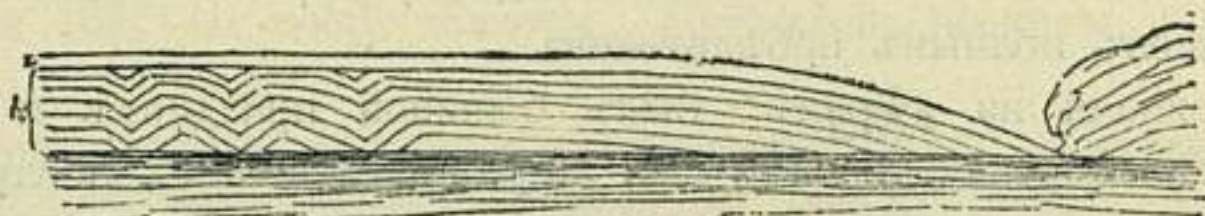
Въ концѣ января „Фраму“ пришлось выдержать нѣсколько особенно жестокихъ схватокъ со льдомъ, но, по обыкновенію, онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ.

2 февраля на „Фрамѣ“ былъ большой праздникъ и пиръ по случаю перехода за 80° сѣв. шир. Развлеченіемъ послужило громогласное чтеніе въ салонѣ всѣхъ возраженій и предостереженій по адресу экспедиціи передъ ея отправленіемъ въ путь; нѣкоторыя изъ нихъ вызывали теперь у членовъ экспедиціи взрывы громкаго смѣха. „Но оставшіеся дома“ — замѣчаетъ Нансенъ — „пожалуй, не смѣются, если перечитываютъ теперь все это вновь“.

По мѣрѣ того, какъ дневной свѣтъ прибывалъ (27 января въ полдень уже можно было читать при немъ газету) члены экспедиціи предпринимали все болѣе и болѣе далекія экскурсіи по льду — пѣшкомъ, на лыжахъ и на саняхъ, запряженныхъ собаками, которыя понемногу обѣзжались. Пробовали примѣнять и парусныя сани. Изслѣдуя окрестности, знакомясь съ состояніемъ льда, и упражняясь въ различныхъ способахъ передвиженія по льду, Нансенъ составлялъ планы на будущее.

10 февраля впервые послѣ долгой полярной ночи экспедиція увидѣла отраженіе солнца въ воздушныхъ слояхъ, но самое солнце должно было въ первый разъ взойти надъ горизонтомъ лишь 20 февраля, когда на „Фрамѣ“ и состоялся „большой праздникъ солнца — безъ солнца“, по выраженію Нансена. Горизонтъ былъ окутанъ облаками, и солнца нельзя было видѣть, но это не помѣшало торжеству. Да и было что торжествовать: страшная полярная ночь миновала для членовъ экспедиціи вполне благополучно, не нанеся ни малѣйшаго ущерба ихъ здоровью — физическому и духовному. Морозы, впрочемъ, не испугались появленія солнца и не пошли на убыль, а напротивъ все крѣпчали. Въ мартѣ мѣсяцъ температура падала до 50 съ лишкомъ

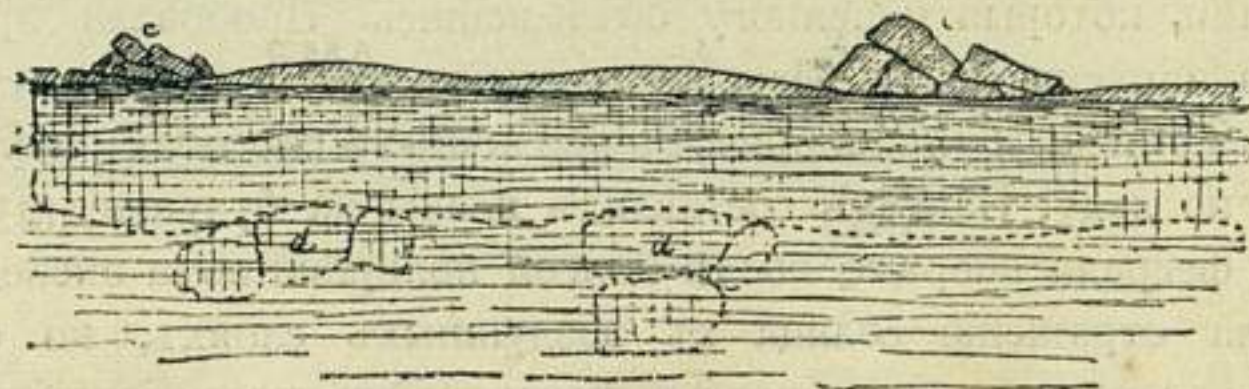
градусовъ ниже нуля. Члены экспедиціи, однако, и въ усь не дули. Въ жилищѣ у нихъ было тепло, [въ салонѣ, на примѣръ, бывало $+22^{\circ}$ Ц. ($17,6^{\circ}$ Р.)], а отъ холодовъ на открытомъ воздухѣ они были защищены легкими, но теплыми шерстяными и мѣховыми одеждами, самаго удобнаго, цѣлесообразнаго покроя. Въ особенно лютый морозъ и вѣтеръ надѣвались еще маски изъ красной фланели. Случаи легкаго отмороженія разныхъ частей лица, рукъ и ногъ, впрочемъ, бывали, но объяснялись исключи-

Расположеніе слоевъ пловучаго льда: а) снѣгъ, б) ледъ. Направо торось.

тельно неосторожностью самихъ потерпѣвшихъ. „Молодцы Фрама“ несмотря на громадную разницу температуръ внутри судна и снаружи, нерѣдко выбѣгали на палубу или на ледъ въ самыхъ легкихъ одѣянiяхъ! По поводу чувствительности человѣческой къ холоду Нансенъ пишетъ:

„Удивительно, какъ измѣняется чувствительность! Дома, бывало, ежишься отъ какихъ нибудь 20° мороза, даже безъ вѣтра.

а) ледъ надъ водою, б) ледъ подъ водою, с) торосы, д) ледяныя глыбы подо льдомъ.

И здѣсь мнѣ не кажется холоднѣе, даже когда я выскакиваю наверхъ neodѣтый въ 50-ти градусный морозъ, да еще при вѣтрѣ. Сидя въ теплой комнатѣ, имѣешь преувеличенное представленіе о холодѣ!“ —

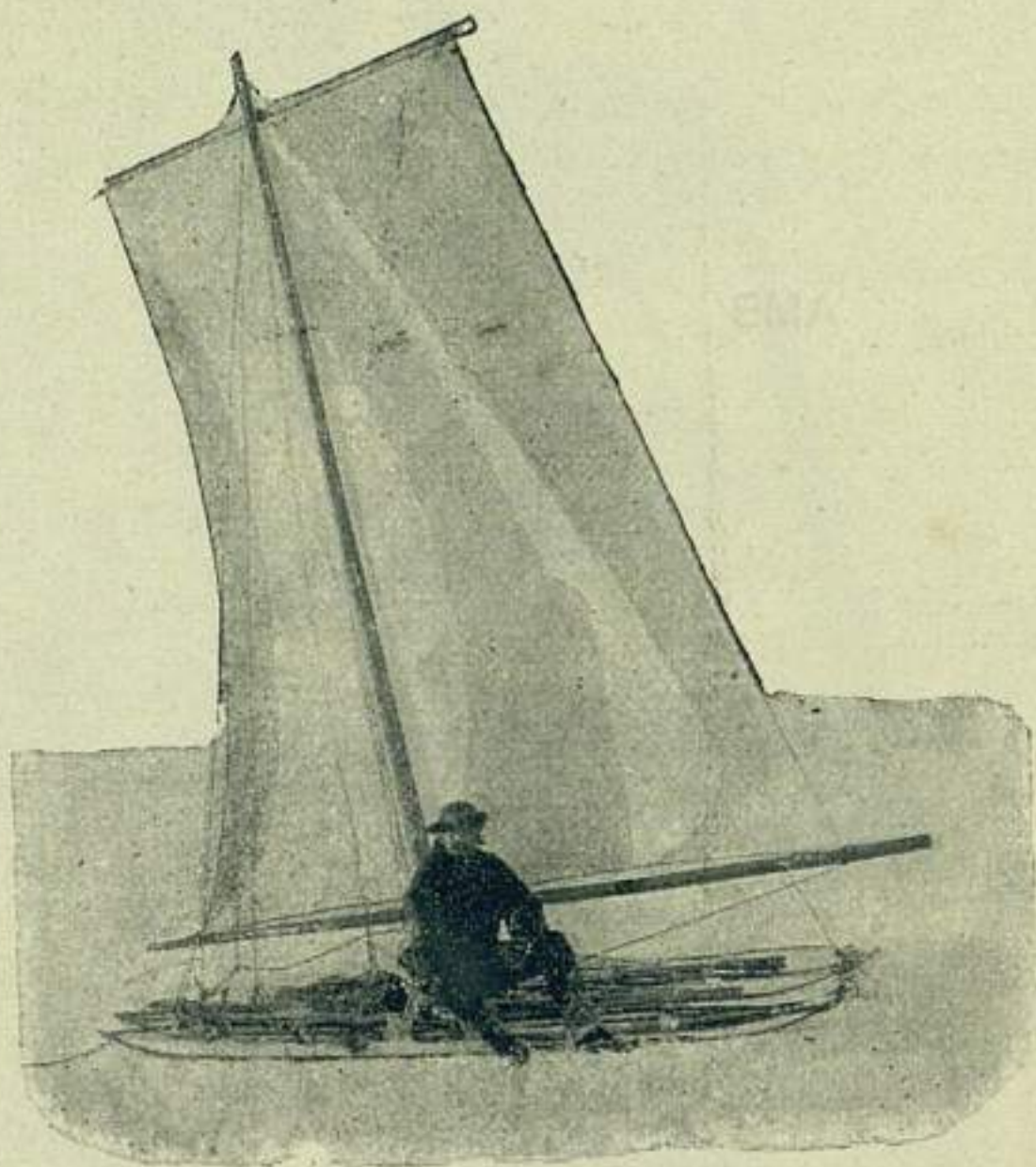
Для прогулокъ на лыжахъ, члены экспедиціи обыкновенно облекались въ исландскія шерстяныя фуфайки, суконные панталоны и верхнюю одежду изъ плотной непроницаемой для вѣтра

Наблюденіє сонечнаго затмѣнія въ 1894 г. Фотографія.

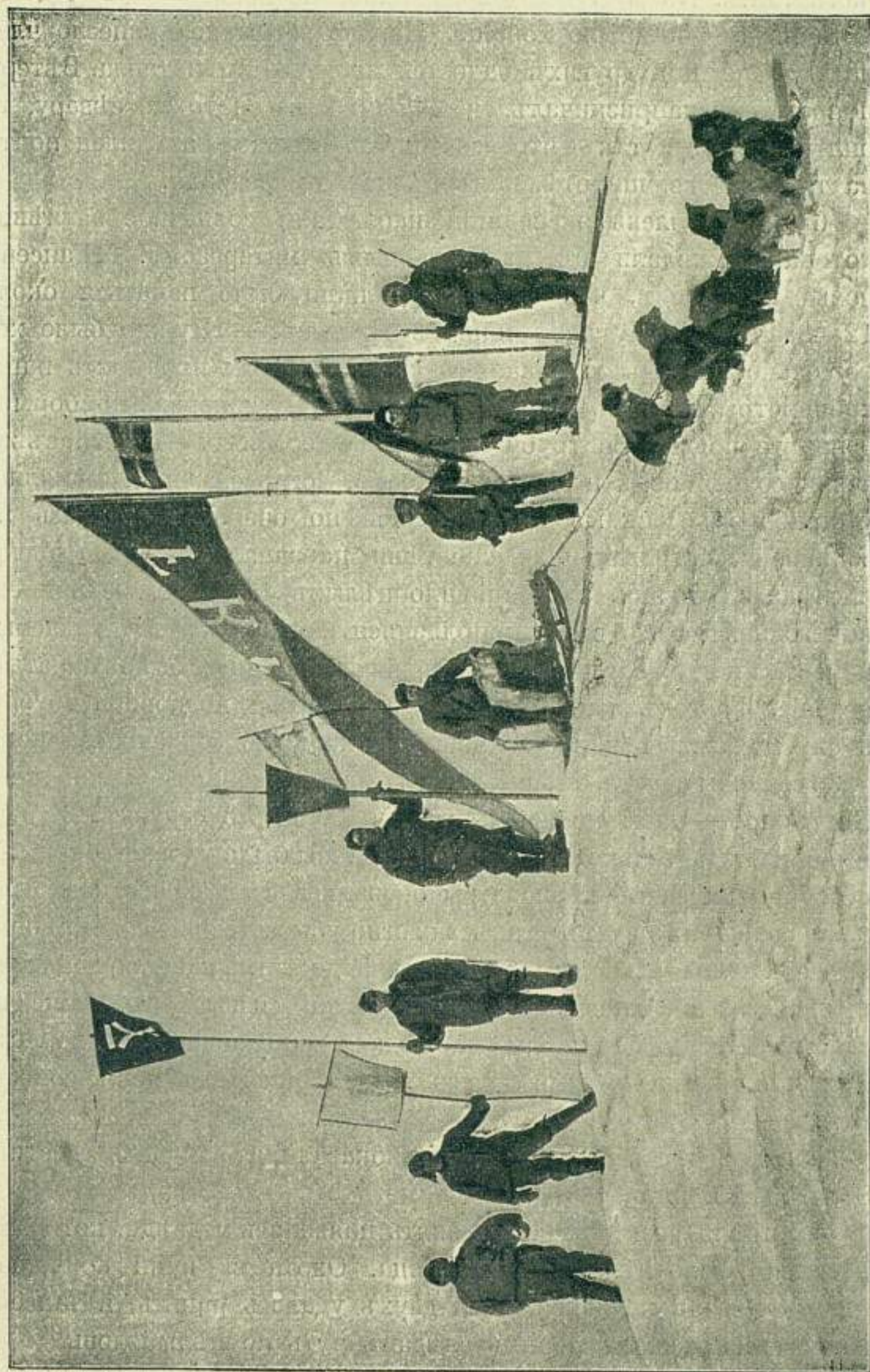
бумажной матеріи. Одежда эта состояла изъ широчайшихъ шароваръ, которые удобно было надѣвать поверхъ другихъ, и балахона, вродѣ самоѣдскаго, съ кашошономъ. Для производства же долгихъ научныхъ наблюденій на льду приходилось одѣваться потеплѣе, навьючивая на себя еще волчьи шубы.

14 марта видѣли еще моржа и опять подивились, какимъ образомъ эти животныя могутъ существовать здѣсь, среди пустыннаго толстѣйшаго пловучаго льда, почти на 80° сѣв. широты.

Попытка пользоваться парусными санями. Фотографія.

24 марта въ великую субботу на „Фрамъ“ произошло немаловажное событіе: въ салонъ былъ впущенъ яркій весенній, солнечный свѣтъ. Всю зиму иллюминаторъ оставался ради тепла заваленнымъ снѣгомъ, и кромѣ того былъ кругомъ обставленъ зимними конурами собакъ. Теперь снѣгъ счистили, самыя стекла промыли, а конуры убрали. Весеннее солнце въ исходѣ марта грѣло днемъ уже такъ сильно, что снѣгъ у носа „Фрама“ на-

Празднованіе молодцами «Фрама» 17-го мая.

чалъ таять. Въ воздухѣ было, однако, не меньше — 32° Ц., но и то послѣ — 50° было хорошо. Начало весны не принесло членамъ экспедиціи другихъ радостей кромѣ свѣта и тепла. Вѣтеръ попрежнему капризничалъ, и „Фрамъ“ неся то къ сѣверу, то опять къ югу, такъ что къ апрѣлю мѣсяцу находился почти на той же сѣв. широтѣ, какъ въ началѣ февраля.

6 апрѣля члены экспедиціи наблюдали солнечное затмѣніе, котораго ожидали съ напряженнымъ интересомъ. „Гансенъ ночью вычислилъ, что затмѣніе должно было начаться около 12 часовъ 56 минутъ“, — пишетъ Нансенъ. — „Нужно было хорошенько слѣдить за началомъ явленія, чтобы провѣрить наши хронометры. Поэтому мы заблаговременно установили приборы — большую подзорную трубу и большой теодолитъ — и сейчасъ же взяли солнце подъ надзоръ. Гансенъ, Югансенъ и я смѣнялись у приборовъ каждая пять минутъ, по очереди таращась на солнце, высматривая появленіе тѣни на западномъ краю диска, и слѣдя за часами. Такъ прошло цѣлыхъ два часа, не принеся ничего новаго. Но вотъ, приблизился и столь жадно ожидаемый моментъ, когда, согласно вычисленіямъ, должно было начаться явленіе. Гансенъ какъ разъ сидѣлъ передъ подзорной трубой, и ему показалось какое-то мерцаніе на краю солнечнаго диска, а, 33 секунды спустя, онъ и Югансенъ одновременно воскликнули: — Вотъ оно! — Часы показывали 12 ч. 56 м. 7,5 секундъ. Итакъ, мы ошиблись только на $7\frac{1}{2}$ секундъ. Мы были удовлетворены, — особенно Гансенъ — хронометры оказались въ порядкѣ. Мало-помалу солнечный свѣтъ сталъ замѣтно убывать, и мы сошли внизъ обѣдать. Около 2 часовъ дня затмѣніе достигло наибольшей силы, и исчезновеніе дневного свѣта замѣтно сказывалось даже въ салонѣ. Послѣ обѣда мы наблюдали еще послѣдній моментъ затмѣнія, когда темный дискъ луны сошелъ съ края солнечнаго“. —

Въ тотъ же вечеръ измѣренія показали, что „Фрамъ“ достигъ $80^{\circ} 15'$ сѣв. шир.

8 апрѣля возлѣ „Фрама“ опять появились медвѣди, которыхъ не видно было цѣлыхъ три мѣсяца. Охота за ними кончилась на этотъ разъ неудачей, хотя двухъ удалось ранить, и Нансенъ гонялся на лыжахъ по ихъ слѣдамъ чуть не цѣлый день.

29 апрѣля „Фрамъ“ оказался на $80^{\circ} 42'$ сѣв. шир., а 30-го

Свердрупъ.

Блессингъ.

Якобсенъ.

Юль. Могстадъ.

Гендриксенъ.

Бентсенъ.

Нордаль.

Нансенъ.

Скоттъ-Гансенъ. Югансенъ. Петтерсенъ. Амундсенъ.

За ужиномъ.

ча $80^{\circ} 44'$. Погода установилась прекрасная, хотя еще и холодноватая, около -20° Ц. На корабль началась весенняя уборка; судно было совсѣмъ освобождено отъ зимняго своего одѣянія — толстой коры снѣга и льда, облѣпившей его съ боковъ и поверхъ палубы. А „молодцы Фрама“ могли уже попечься на солнышкѣ; на солнечной сторонѣ около пригрѣваемыхъ весеннимъ тепломъ стѣнъ судна, ртуть въ термометрѣ подымалась выше нуля. Зато для собакъ въ ихъ лохматыхъ тяжелыхъ шубахъ уже становилось порой слишкомъ жарко; онѣ бѣгали, высунувъ языкъ, и искали прохлады, зарываясь въ сугробы.

Въ маѣ погода стала мягче, и вѣтеръ дулъ большею частью попутный, такъ что въ теченіе мая экспедиція миновала $81^{\circ} 31'$ сѣв. шир.

17 мая состоялось небывалое во льдахъ торжество: экипажъ „Фрама“ праздновалъ національный праздникъ Норвегіи — объявленіе норвежской конституціи. Торжество началось съ самаго утра. Членовъ экспедиціи разбудили въ это утро веселые звуки органа, и къ роскошному завтраку всѣ явились украшенные розетками національныхъ цвѣтовъ. Даже собачій староста „Великанъ“ удостоился таковой — на хвостъ. На мачтѣ „Фрама“ гордо развѣвался національный флагъ. Около же 12 ч. утра и при 20° мороза состоялась торжественная процессія.

Впереди шелъ самъ глава экспедиціи съ „чисто-норвежскимъ“ флагомъ на древкѣ гарпуна; за нимъ капитанъ Свердрупъ съ вымпеломъ „Фрама“ — трехсаженнымъ кускомъ матеріи краснаго цвѣта, на которомъ огромными, бѣлыми буквами красовалось, „Фрамъ“. Затѣмъ слѣдовали запряженные парой собакъ сани съ музыкантомъ Йогансеномъ, исполнявшимъ на гармоникѣ торжественный маршъ, и кучеромъ Могстадомъ. За санями шествовали штурманъ Якобсенъ съ ружьемъ и гарпунщикъ Гендриксенъ съ гарпуномъ; за ними Амундсенъ и Нордаль съ большимъ знаменемъ: на красномъ полѣ сѣверный викингъ, ломающій копье, а вокругъ надпись: „Впередъ! Впередъ (Fram! Fram), норвежецъ! Свой корабль въ этой области! Все что мы сдѣлаемъ, сдѣлаемъ ради Норвегіи!“ Затѣмъ шелъ докторъ съ чрезвычайно оригинальнымъ и демонстративнымъ знаменемъ — фуфайкой, распяленной въ плечахъ палкой и надѣтой на древно отъ гарпуна; на груди-же фуфайки вышиты были буквы N. A., т. е.

„Normal Arbeidsdag“ (нормальный, рабочий день). За докторомъ слѣдовалъ поваръ Юль съ котломъ отъ „Пейка“ *) на спинѣ и замыкалъ шествіе метеорологъ Гансенъ съ особаго рода знаменемъ—жестянымъ листомъ, поперекъ котораго была протянута красная лента съ буквами: Al. St., т. е. Almindelig Stemmeret (всеобщее голосованіе).

Бентсенъ и Петерсенъ въ процессіи не участвовали; они жертвовали собой, стряпая обѣдъ для остальныхъ. Процессія, сопровождаемая собаками, торжественно обошла вокругъ „Фрама“ два раза и направилась къ такъ называемому большому торосу, возлѣ котораго было провозглашено „ура“ въ честь „Фрама“. Затѣмъ шествіе вернулось къ судну. Нансенъ взошѣлъ на командорскій мостикъ и держалъ оттуда привѣтственную рѣчь родной Норвегіи, покрытую девятикратнымъ ура присутствующихъ и шестью ружейными выстрѣлами. Результатомъ было, что нѣсколько собакъ, перепугавшись, задали стрекача, попрятались между торосами и не показывались въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. А „молодцы Фрама“ отправились въ изукрашенный флагами салонъ обѣдать. Обѣдъ и ужинъ соотвѣтствовали торжественности дня, и общее настроеніе не оставляло желать лучшаго.

Съ іюнемъ пришло и полярное лѣто—съ туманами, дождями и тепломъ въ 4° и таяніемъ снѣга и льда на поверхности. Вѣтеръ по преимуществу дулъ южный, и судно подвигалось къ сѣверу. Къ 18 іюня оно достигло 81° 52' сѣв. шир., послѣ чего опять началось движеніе вспять. Во всякомъ случаѣ въ теченіе весны и начала лѣта „Фрамъ“ подвинулся къ цѣли больше, чѣмъ въ теченіе всей зимы.

Для Нансена, однако, становилось все очевиднѣе, что „Фрамъ“ не пройдетъ вблизи полюса и поэтому планъ санной экспедиціи къ полюсу сталъ занимать его все сильнѣе и сильнѣе. Постоянно предпринимая экскурсіи и въ одиночку и съ товарищами, то на лыжахъ, то на саняхъ, Нансенъ внимательно изслѣдовалъ свойства льда и испытывалъ возможность болѣе или менѣе успѣшнаго передвиженія по нему. Въ апрѣлѣ ледъ былъ особенно удобенъ для бѣганья на лыжахъ и ѣзды на саняхъ. Путь стоялъ

*) Такъ назывался на „Фрамѣ“ керосиновый аппаратъ для варки кушаній

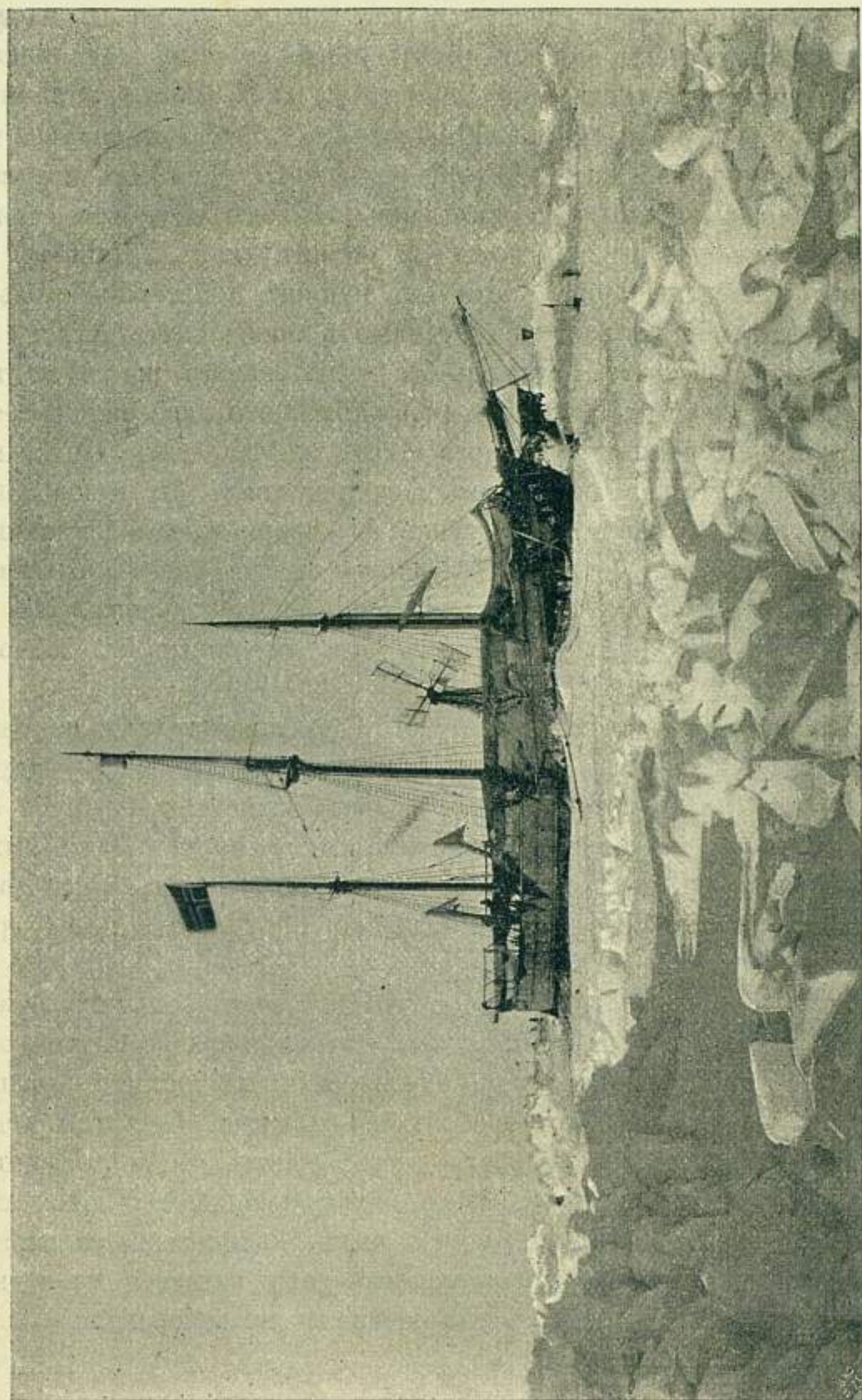
отличный,—подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей снѣгъ сталъ гладкимъ, скользкимъ. Кромѣ того, вѣтеръ нѣсколько уравнилъ торосы, взметая снѣгъ и наполняя имъ углубленія между нагроможденіями льда. Трещинъ и полыній тоже оставалось не много, такъ что можно было нестись на лыжахъ или на саняхъ цѣлыя версты, не встрѣчая серьезныхъ препятствій. Въ маѣ началась переменна. Уже 8 мая вѣтеръ сильно взломалъ ледъ, и по всѣмъ направленіямъ пошли трещины и полыньи, которыя испортили Нансену предпринятую имъ въ этотъ день экскурсію на саняхъ съ собаками. Температура, однако, стояла еще настолько низкая, что полыньи скоро опять замерзли, и путь исправился. Но затѣмъ температура понемногу стала подниматься, и число полыній стало прибывать.

20-го мая въ дневникѣ Нансена записано слѣдующее: „Бѣгалъ на лыжахъ утромъ. Ледъ сильно потрескался по различнымъ направленіямъ отъ непрерывно дувшаго въ послѣднюю недѣлю вѣтра. Черезъ полыньи перебираться очень трудно, такъ какъ онѣ заполнены мелкимъ разбитымъ льдомъ. Сверху же онѣ часто бываютъ предательски запорошены снѣжкомъ. Думаешь передъ тобой твердый ледъ, ткнешь посохомъ—онъ и погрузится весь“. —

Нансенъ много разъ и рисковалъ попасть въ бѣду во время своихъ экскурсій; ступить лыжей на такой запорошенный снѣгомъ мелкій ледъ въ полыньѣ, тотъ такъ и подастся внизъ. „Едва-едва выкарабкаешься назадъ на твердый ледъ“—пишетъ Нансенъ.

Въ іюнѣ путь былъ самъ по себѣ хорошъ, но торосы и трещины портили все дѣло. Затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ пошло хуже.

Въ дневникѣ Нансена отъ 13 іюня записано слѣдующее: „Ледъ становится рыхлѣе съ каждымъ днемъ. Кругомъ повсюду большія лужи или цѣлые пруды. Путь окончательно испорченъ. Лыжи то и дѣло проваливаются и попадаютъ въ воду. Самый невозможный путь! Не далеко бы мы ушли, если бы пришлось теперь пробираться по льду. Для насъ какъ будто закрылись всѣ пути и выходы; сиди на мѣстѣ и все тутъ. Иногда мнѣ и кажется просто удивительнымъ, какъ это никого изъ моихъ молодцовъ не возьметъ страхъ, что мы все дальше и дальше

«Фрамъ» во льдахъ. Лѣто. Фотографія.

забираемся къ сѣверу, въ невѣдомыя области. Просто диво! Когда насъ начинаетъ нести къ югу или слишкомъ къ западу, всѣ вѣшаютъ носы, а, когда несетъ прямо къ сѣверу, всѣ сіяютъ. Чѣмъ дальше, дескать, тѣмъ лучше. А, вѣдь, никто изъ нихъ въ то же время не закрываетъ глазъ на то обстоятельство, что тутъ пахнетъ гибелью, если сбудется хоть одно изъ предсказаній, которыми осыпали насъ при отъѣздѣ. Ну, что еслибы льды теперь раздавили и потопили „Фрамъ“, какъ „Жанетту“ *), и намъ не удалось-бы спасти изъ нашихъ пожитковъ столько, чтобы имѣть возможность продолжать нашъ путь вмѣстѣ со льдомъ къ сѣверу? Пришлось-бы, вѣдь, сейчасъ же пуститься къ югу, и нечего и сомнѣваться въ томъ, что насъ ожидало-бы. Экипажу „Жанетты“ пришлось плохо, а, вѣдь, ихъ судно погибло на 77° сѣв. шир. Намъ же предстоялъ бы вдвое длиннѣйшій путь до ближайшей суши, не говоря уже о ближайшей обитаемой землѣ. До мыса Челюскина отсюда больше 70 миль, да оттуда до людскихъ поселеній еще добрый конецъ. Но въ томъ-то и дѣло, что никто изъ насъ не вѣритъ въ возможность гибели „Фрама“! —

Въ іюлѣ путь сталъ еще хуже. Ледъ повсюду былъ покрытъ настоящею топью изъ снѣга и мелкихъ льдинокъ, подъ которой шла вода, а между торосами, гдѣ были наметены глубокіе сугробы снѣга, можно было провалиться по поясъ. Даже лыжи не спасали. Въ концѣ же іюля опять стало лучше, такъ какъ снѣгъ понемногу совсѣмъ растаялъ, обнаруживъ твердую бугристую поверхность льда.

Зато на поверхности льда образовалось много большихъ лужъ. Еще въ началѣ іюня такая лужа начала образовываться вокругъ „Фрама“, и судно скоро очутилось въ настоящемъ прѣсноводномъ озеркѣ. Чтобы перебраться съ судна на сухой ледъ, не замочивъ ногъ, приходилось перебрасывать сходни. Нѣкоторыя изъ такихъ лужъ или озеръ были очень значительной глубины и величины. По одному изъ нихъ, находившемуся вправо отъ „Фрама“, члены экспедиціи могли даже кататься на лодкѣ. Это и было ихъ любимымъ развлеченіемъ по вечерамъ.

*) „Жанетта“, какъ извѣстно, погибла какъ разъ въ іюнѣ.

Однажды имъ вздумалось испытать, подыметъ-ли одна изъ шлюпокъ „Фрама“ ихъ всѣхъ. Собаки, увидавъ, что весь экипажъ покинулъ судно и направляется къ водѣ, пришли въ полное недоумѣніе и кинулись за людьми. Когда же послѣдніе успѣлись въ шлюпку и отчалили, бѣдные псы принялись жалобно выть, воображая, что ихъ бросили. Нѣкоторые попытались догонять своихъ хозяевъ вплавъ, а двѣ умныя головушки—„Панъ“

«Фрамъ» лѣтомъ.

и „Квикъ“ догадались пуститься галопомъ вокругъ озера, чтобы встрѣтить хозяевъ на противоположномъ берегу.

Веселыя прогулки на лодкѣ, впрочемъ, длились не долго,—въ одинъ прекрасный день озеро исчезло. Въ днѣ его, на льду, образовалась трещина, и вся прѣсная вода ушла туда.

Кромѣ такихъ лужъ или озеръ, лѣтомъ было много и трещинъ и настоящихъ полыней, разбросанныхъ по всѣмъ направлениямъ. Но черезъ нихъ обыкновенно легко было перепрыгнуть

или перебраться по отдѣльнымъ плававшимъ въ нихъ льдинамъ. По цвѣту неба можно было судить, что по близости отъ судна находились и довольно значительныя пространства открытой воды, а изъ бочки даже видны были таковыя. Но въ общемъ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы судно могло высвободиться изъ пловучаго льда и въ серьезъ направиться къ сѣверу по открытому морю.

По мнѣнію Нансена, эти пространства открытой воды, полыньи и трещины были того же происхожденія, какъ и нагро-

Торосы передъ правымъ бортомъ «Фрама».

Фотографія 6 іюля 1894 г.

можденія льда, т.-е. ихъ порождали переменчивыя вѣтры, приливы и отливы. Вообще весь полярный океанъ слѣдовало, по его мнѣнію, разсматривать, какъ одну сплошную массу льдинъ, вѣчно находящихся въ движеніи, и то смерзающихся вмѣстѣ, то опять отдѣляющихся одна отъ другой или дробящихся одна о другую.

Постоянныя измѣренія мощности этихъ льдинъ показали, что она увеличивается непрерывно, даже лѣтомъ, не смотря на таяніе снѣга и льда на поверхности. Нансенъ объясняетъ это

явленіе тѣмъ, что получающаяся отъ таянія снѣга прѣсная вода, стекая внизъ сквозь трещины въ старомъ льду, по легкости своей не смѣшивается съ соленой-морской водой, но образуетъ слой поверхъ нея; между тѣмъ морская вода вообще имѣетъ болѣе низкую температуру, и вотъ, прѣсная, приходя съ нею въ соприкосновеніе, замерзаетъ, увеличивая такимъ образомъ мощность стараго льда снизу. Затѣмъ, мощность льда увеличивалась еще тѣмъ, что во время напора льдины громоздились одна на другую и такъ смерзались.

Гансенъ.

Югансенъ.

Измѣреніе температуры льда. Фотографія.

Юль и Гендриксенъ разъ поспорили о мощности ледяного ложа „Фрама“. Педеръ увѣрялъ, что она, по крайней мѣрѣ, равняется 20 фут., а Юль побился объ закладъ, что этого не можетъ быть. Послѣ многихъ споровъ приступили къ буренію льда возлѣ судна. На глубинѣ 12 ф. оказалась вода, но неглубокая, и подъ нею опять толща льда. На глубинѣ немногимъ меньше 20 фут. буравъ снова очутился въ водѣ. Спустили лотъ, и на глубинѣ 30 ф. онъ досталъ дно—новую толщу льда! Отъ дальнѣйшаго буренія отказались.

Температура льда лѣтомъ держалась приблизительно на нулѣ, по мѣрѣ же наступленія холодовъ понижалась—особенно быстро на самой поверхности, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ дальше въ глубину, вплоть до пласта льда, уже соприкасающагося съ водой и имѣющаго одну температуру съ послѣдней. Самая низкая температура льда наблюдалась въ мартѣ и началѣ апрѣля, а именно на глубинѣ 1,2 метра она равнялась почти— 16° Ц., а на глубинѣ 0,8 метр.— 20° . Затѣмъ она начала медленно повышаться.

Югансенъ. Гансенъ.

Измѣреніе высоты солнца. Фотографія.

При низкой температурѣ ледъ становился очень твердымъ и хрупкимъ, легко ломался или дробился отъ давленія. Лѣтомъ же, при температурѣ близкой къ нулю, онъ, напротивъ, становился мягкимъ, пластичнымъ. Вслѣдствіе такой разницы, напоръ льдовъ зимою всегда сопровождался страшнымъ грохотомъ и трескомъ, тогда какъ лѣтомъ напоръ происходилъ безшумно, и во льдахъ могли совершаться величайшія пертурбаціи въ непосредственной близости къ „Фраму“, не давая знать о себѣ экипажу ни малѣйшимъ звукомъ.

Кромѣ измѣреній температуры льда, производились, какъ уже упоминалось выше, измѣренія температуры самой воды. На поверхности она держалась выше нуля (напримѣръ въ августѣ: $+1,02^{\circ}$), затѣмъ чѣмъ глубже, тѣмъ становилась ниже—до глубины 80 метр. ($-1,50^{\circ}$), послѣ чего опять начинала подыматься

Наansenъ.

Гендриксенъ.

Измѣреніе температуры воды на различныхъ глубинахъ. Фотографія.

до глубины 280 м. ($-0,42^{\circ}$), снова понижалась до глубины 300 м. ($-0,34^{\circ}$), опять повышалась до глубины 325 м. ($+0,49^{\circ}$), снова понижалась до глуб. 400 м., затѣмъ снова подымалась до глуб. 450 м., опять постепенно понижалась до глуб. 2,900 м. и, на-

конецъ, медленно подымалась вплоть до самаго дна. Разница въ температурѣ слоевъ воды въ различные мѣсяцы была крайне незначительна, равняясь какимъ нибудь сотымъ долямъ градуса.

Весной и лѣтомъ члены экспедиціи къ немалому своему удивленію видѣли въ этихъ пустынныхъ мертвыхъ полярныхъ областяхъ много птицъ. Первая вѣстница весны—чайка показалась тамъ въ день Троицы 13 мая и произвела большую сенсацию. Затѣмъ пернатые гости стали такъ часты, что экипажъ „Фрама“ пересталъ обращать на нихъ вниманіе. Чаше всего прилетали снѣжныя или бѣлыя чайки (*larus eburneus*), трехпалыя (*tridactula*) арктическіе буревѣстники (*procellaria glacialis*), иногда полярныя чайки (*l. glaucus*), серебристыя (*l. argentatus*) или нырки (*uriga grylle*), а нѣсколько разъ показывались и чайки-разбойники, и снѣжные воробьи. Въ августѣ же Нансену удалось застрѣлить три экземпляра рѣдкой розовой чайки Росса (*rodosthetia rosea*).

Въ теченіе лѣта на „Фрамѣ“ было нѣсколько случаевъ снѣжной слѣпоты. Первый подвергся ей самъ докторъ. Но, какъ онъ, такъ и заболѣвавшіе ею другіе члены экспедиціи, отдѣлались отъ нея довольно легко.

Весной и лѣтомъ околѣло нѣсколько молодыхъ собакъ (изъ приплода „Квикъ“), а одну изъ лучшихъ старыхъ, „Уленьку“, разбилъ параличъ. Вообще для собакъ лѣто, видимо, было не лучшимъ временемъ года, и онѣ, по мнѣнію Нансена, не были имъ довольны. На льду, куда ихъ снова перевели съ палубы съ началомъ лѣта, было и сыро и жарко, и бѣдныя животныя обливались потомъ. На палубѣ оставили лишь больную „Уленьку“, которая поправлялась очень медленно, да четырехъ уцѣлѣвшихъ дѣтищъ „Квикъ“. Этимъ было не житье, а масленица. Остальныя вели на льду такой образъ жизни. Спускали ихъ съ привязи утромъ, около половины девятаго, и онѣ съ дикимъ нетерпѣніемъ ожидали этого часа, когда имъ также выдавались обычныя порціи рыбы или сухарей. Остальную часть утра онѣ проводили, роясь въ мусорныхъ кучкахъ около „Фрама“ и грызя и облизывая пустыя жестянки изъ подъ консервовъ. Утомившись, онѣ растягивались на солнышкѣ отдохнуть, а когда ихъ начинало ужъ очень припекать, прятались въ конуры. Передъ обѣдомъ ихъ снова привязывали, но нѣкоторые, похитрѣе, скоро

нашли болѣе цѣлесообразнымъ заблаговременно прятаться между торосами, гдѣ ихъ едва розыскивали. Остальную часть сутокъ онѣ проводили въ своихъ конурахъ—попросту деревянныхъ ящикахъ, разбитыхъ перегородками на отдѣленія. Въ концѣ іюля „Квикъ“ обогатила „Фрамъ“ еще одинадцатью щенками. Одного—уродца немедленно убили, еще нѣсколько оклѣло позже, остальные уцѣлѣли.

23 іюня погода выдалась прескверная—сѣверный вѣтеръ со снѣгомъ и холодомъ, и „молодцамъ Фрама“ не удалось встрѣтить Ивана Купалу по обычаю родины купальными огнями. 24-го

Собачьи конуры на льду. Фотографія.

іюня погода была такая же, такъ что первую годовщину со дня отъѣзда изъ дому отпраздновали только роскошной трапезой.

Въ дневникѣ Нансена за лѣтніе мѣсяцы звучать невеселыя ноты, вызывавшіяся несбывшимися надеждами. Дѣло въ томъ, что всѣ на „Фрамѣ“ ожидали, что лѣто особенно подвинетъ ихъ впередъ; до 19 іюня такъ оно и было, но затѣмъ опять пошло по прежнему—„шагъ впередъ, два шага назадъ“, какъ выражается Нансенъ. Однообразіе такого плаванія и жизни на

затертомъ льдами суднѣ начали не на шутку утомлять энергичнаго, предприимчиваго главу экспедиціи. Да, кажется, и не его одного. Далекія прогулки по льду стали почти невозможными изъ-за плохого состоянія пути, и единственнымъ спасеніемъ было уйти въ научныя работы и наблюденія, которыя въ теченіе весны и лѣта и производились съ особенной энергіей. Промѣры глубины дѣлались безпрестанно, и все больше и больше разрушали предположенія относительно существованія мелководнаго полярнаго океана и суши около полюса. 1 іюня при промѣрѣ глубины спустили въ воду всѣ имѣвшіяся на лицо

«Фрамъ» ранней весной.

Фотографія, мартъ 1894 г.

4,400 метровъ стального линя, а вытащили обратно только 3,200 м. Остальные вмѣстѣ съ хrapцами застряли на днѣ. 7-го же августа промѣръ показалъ 3,850 м. глубины.

Затѣмъ, предметомъ тщательнаго изученія явился органическій міръ, открытый Нансеномъ и Блессингомъ на льду въ прѣсноводныхъ лужахъ, а также „бурый“ ледъ. Цвѣтъ этотъ, оказалось, вызывался покрывавшею ледъ пылью минеральнаго происхожденія, смѣшанной съ частицами органическаго происхожденія. Прѣсноводныя лужи на льду кишѣли организмами не

только растительнаго міра (діатомей и водоросли), но и животнаго (всякія инфузоріи и даже бактеріи!). Нансенъ и просиживалъ цѣлые дни за микроскопомъ, изучая эти организмы. „Работа эта въ высшей степени интересная“ — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ отъ 22 іюня. „Передъ тобой открывается цѣлый новый міръ организмовъ, которые уносятся льдомъ съ какихъ нибудь береговъ въ невѣдомый полярный океанъ, и тутъ каждое лѣто пробуждаются къ жизни, расцвѣтають. Разумѣется, все это интересно. Но во мнѣ уже нѣтъ прежняго пыла естествоиспытателя, хотя запасъ гвоздичнаго масла, канадскаго баль-

Въ поискахъ водорослей. Фотографія.

зама и ксилота всякій разъ и пробуждаетъ во мнѣ милыя старыя воспоминанія о тихой кабинетной жизни тамъ, на родинѣ, а микроскопъ, стеклянки, банки и краски, разставленные на столѣ, манятъ къ работѣ, какъ только я войду въ свою рубку“. (Съ наступленіемъ болѣе теплой и свѣтлой погоды Нансенъ перебрался изъ своей „гробницы“-каюты, гдѣ день и ночь надо было жечь огонь, въ рубку на палубу). „Я и работаю неустанно день за днемъ, иногда засиживаюсь до поздней ночи, но работаю скорѣе какъ бы по обязанности, и всегда радуюсь наступленію ночи, когда наконецъ можно оставить работу и по-

валяться еще съ часокъ на койкѣ съ какимъ нибудь романомъ и сигарой. Съ какимъ восторгомъ бросилъ бы я все это для настоящей жизни и борьбы, проложилъ бы себѣ путь по льду или по морю на саняхъ или на лодкахъ! Какая святая истина, что „жить въ борьбѣ—легко“. Тутъ нѣтъ ни бурь, ни борьбы, а я жажду ихъ, жажду пустить въ ходъ всѣ силы, въ борьбѣ проложить себѣ путь. Вотъ что значить, по моему, жить! А то велика радость чувствовать въ себѣ силы, если нѣтъ случая примѣнить ихъ? Насъ несетъ то впередъ, то назадъ; вотъ уже два мѣсяца, какъ мы чуть-ли не на томъ же мѣстѣ!“

„Мы, однако, готовимся къ возможной экспедиціи или на случай необходимости покинуть судно. Всѣ наши сани приводятся въ порядокъ, ставятся новыя полозья. Еще шесть собачьихъ саней изготовляются вновь. Кромѣ того завтра начнемъ мастерить каяки. По льду ихъ легко будетъ везти на саняхъ. Сначала попытаемся смастерить каяки, которые бы могли подымать двухъ человѣкъ. Я думаю сдѣлать ихъ почти 12 ф. длины, 3 ф. ширины и 18 вершк. глубины. Такихъ будетъ шесть. Обтянемъ ихъ оленьими шкурами или парусиной; палуба будетъ сплошная всего съ двумя отверстіями для гребцовъ.—Я чувствую, что у насъ на лицо или, вѣрнѣе, будутъ на лицо, всѣ условія къ блестящему отступленію. Порой мнѣ почти хочется потерпѣть настоящее пораженіе, чтобы получить возможность испытать, на что мы годимся! По крайней мѣрѣ, пришелъ бы конецъ этой отупляющей бездѣтельности!“ —

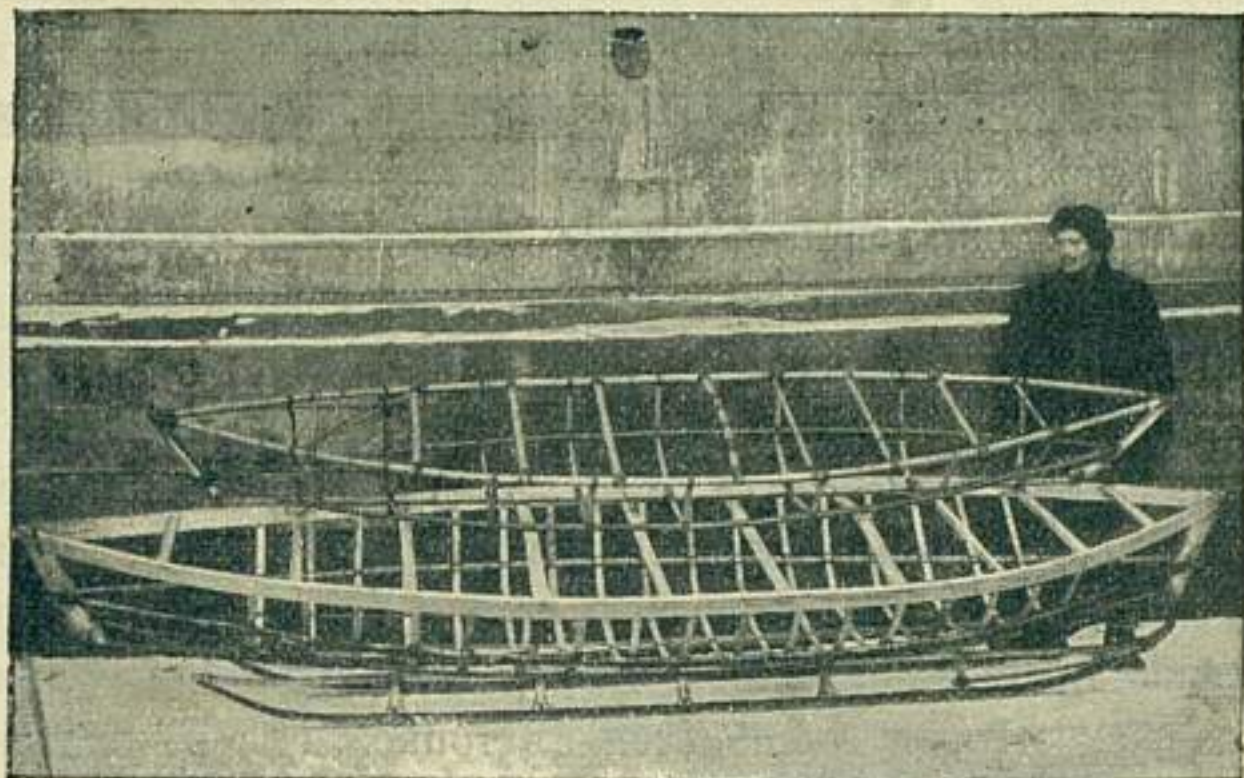
Въ началѣ августа погода установилась чисто лѣтняя, ясная, солнечная и теплая, такъ что картежники „Фрама“ предавались по вечерамъ своему любимому занятію на открытомъ воздухѣ.

Когда же были готовы первые каяки, начались упражненія въ плаваніи въ нихъ по озеркамъ на льду. Особенно усердствовалъ въ этомъ отношеніи юный Скоттъ-Гансенъ. Не довольствуясь обыкновеннымъ плаваніемъ, онъ забралъ себѣ въ голову выучиться по эскимосски опрокидываться съ каякомъ вмѣстѣ и снова подыматься. Попытки его окончились тѣмъ, что онъ нырнулъ съ головой въ воду и никакъ не могъ подняться, а каякъ наполнился водой. Пришлось Нордалю, наблюдавшему за нимъ со льда, шлепать по водѣ на помощь неудачнику, къ великой забавѣ остальныхъ зрителей.

Въ концѣ августа уже потянуло осеннимъ холодомъ, пошелъ снѣгъ, лужи и полыньи подмерзли, и путь опять поправился. Для „Фрама“ наступала вторая осень во льдахъ, и снова надо было готовиться къ полярной ночи.

V.

„Итакъ лѣто прошло“, — пишетъ Нансенъ, — и началась вторая осень. Но теперь мы уже люди закаленные, къ терпѣнію намъ не привыкать стать, и время проходить быстро. Я въдобавокъ занятъ разработкой своего новаго плана и приготовленіями къ его выполненію“.

Остовы каяковъ изъ бамбука; одиночный каякъ и парный каякъ на саняхъ.
Фотографія.

„Въ теченіе лѣта, какъ было уже говорено, мы подготовились къ возможной необходимости покинуть судно и пробираться назадъ по льду. Шестъ парныхъ каяковъ готовы, сани налажены, нужный провіантъ, одежды, топливо и прочее снаряженіе тщательно высчитаны и взвѣшены. Теперь же я втихомолку готовлюсь къ задуманной мною экспедиціи къ сѣверу. Я еще въ августѣ принялся мастерить одиночный каякъ изъ бамбука. Съ другими я пока не дѣлился своимъ планомъ, если не считать двухъ-трехъ словъ, въ видѣ намека, Свердрупу. Я, вѣдь, не знаю, какъ далеко еще занесетъ насъ къ сѣверу, да и мало ли что еще можетъ случиться до весны“.

„Жизнь на кораблѣ идетъ осенью прежнимъ порядкомъ: обычные научныя наблюденія и всякаго рода работа. И я самъ не настолько поглощенъ моими планами и приготовленіями, чтобы не находить возможности заняться кое-чѣмъ другимъ. Напримѣръ, я очень горжусь новымъ изобрѣтеніемъ для кухни. Мы все время стряпали на керосиновой кухнѣ. Дѣло шло отлично, одно горе — слишкомъ много уходило керосину въ день, и меня озабочивала мысль, что такъ у насъ, пожалуй, не хватитъ его для освѣщенія, если экспедиція наша продолжится дольше, чѣмъ рассчитано. Я все и ломалъ себѣ голову, чѣмъ бы замѣнить керосинъ; придумать что-ли какое приспособленіе для топки горнымъ дегтемъ или „чернымъ масломъ“, какъ мы его называли? Его взято двадцать бочекъ, собственно для машины. Наконецъ, мнѣ таки удалось смастерить такое приспособленіе, и 30 августа въ моемъ дневникѣ говорится: „Сегодня испытывалъ свое новое приспособленіе для топки чернымъ масломъ, и опытъ превзошелъ все ожиданія. То-то хорошо будетъ жечь для стряпни черное масло! Нѣтъ больше надобности экономить на освѣщеніи. У насъ, вѣдь, 20,000 литр. черного масла, и весь нашъ керосинъ цѣликомъ можетъ идти теперь на освѣщеніе: хватитъ на много лѣтъ, какъ бы мы ни роскошествовали. 20-ти же бочекъ черного масла хватитъ, по моему, для кухни на 4 года. Самое приспособленіе крайне несложное. Изъ резервуара съ масломъ идетъ внизъ труба, которая сообщается съ топкой, гдѣ находится желѣзная чашка. Въ нее то и стекаетъ по трубѣ масло и всасывается тамъ слоемъ асбеста или каменноугольной золы. Поступаніе масла въ трубу регулируется маленькимъ краномъ. Для тяги же проведена въ топку еще труба съ верхней палубы, гдѣ передъ отверзтіемъ трубы укрѣпленъ парусъ, который, надуваясь отъ вѣтра, гонитъ воздухъ въ трубу и раздуваетъ пламя въ топкѣ. Масло и горитъ яркимъ, бѣлымъ пламенемъ“.

„Нѣсколько дальше я пишу въ дневникѣ о томъ же приспособленіи слѣдующее:

„Черное масло въ кухнѣ пошло въ ходъ. Третьяго дня кухня перенесена внизъ *), и вчера начали жечь въ ней черное масло.

*) Лѣтомъ кухня была устроена въ рулевой рубкѣ, гдѣ можно было пользоваться дневнымъ свѣтомъ; камбузъ же внизу надо было кромѣ того вычистить и выкрасить.

Дѣло идетъ отлично“. Еще дальше: „Третьяго дня сижу въ салонѣ, вдругъ слышу глухой трескъ въ камбузѣ и говорю товарищамъ, что это похоже на взрывъ. Немного погодя, Петерсенъ *) суетъ голову въ дверь — черный какъ трубочистъ, все лицо въ сажѣ — и говоритъ, что печку взорвало у него на глазахъ. Онъ только хотѣлъ поглядѣть — хорошо-ли горить, какъ вдругъ вся эта дьявольщина полетѣла ему прямо въ физию! Вообще онъ не скупился на брань и проклятія, и сыпалъ словами, какъ горохомъ. Мы же хохотали во все горло. Придя въ камбузъ, я нашелъ его полнымъ сажи и копоти и сразу понялъ въ чемъ дѣло. Безъ сомнѣнія, тяга была плохая, и, вслѣдствіе неполнаго сгорания, образовались газы, которые и взорвало, когда Петерсенъ впустилъ воздухъ, открывъ дверцы топки, чтобы „поглядѣть“. Вечеромъ я и сказалъ Петерсену, что на другой день, когда они вздумаютъ начать топить чернымъ масломъ въ серьезъ, я самъ приду стряпать. Но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Неужто жъ онъ самъ не сумѣетъ справиться! И у него дѣло сладится! И дѣйствительно сладилось. Съ того дня я не слыхалъ ничего кромѣ похвалъ новому изобрѣтенію, и оно примѣнялось все время, пока „Фрамъ“ опять не вышелъ въ открытое море“.—

Въ записи Нансена отъ 6 сентября говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Послѣднее время я усиленно занятъ приготовленіями къ экспедиціи. Я высчитываю нужный провіантъ и соображаю все снаряженіе. И чѣмъ больше я разсматриваю мой планъ со всѣхъ сторонъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что онъ долженъ удасться, только бы „Фрамъ“ подвинулся впередъ во время, не слишкомъ поздно весной. Если-бы онъ добрался до 84°, 85° и я могъ-бы пуститься въ путь въ концѣ февраля или началъ марта, какъ только покажется дневной свѣтъ послѣ долгой зимней ночи — все пошло-бы какъ по маслу. Еще какихъ нибудь четыре, пять мѣсяцевъ, и — настанетъ время дѣйствовать. Что за радость! Стоитъ мнѣ теперь взглянуть на ледъ, такъ весь и загорисься желаніемъ скорѣе пуститься по нему въ путь!.. Труды, лишенія кажутся мнѣ наслажденіемъ! Можетъ показаться нелѣпымъ, что

*) Онъ изъ кузнецовъ былъ произведенъ въ повара и чередовался съ Юлемъ каждыя двѣ недѣли.

я хочу предпринять эту экспедицію. Здѣсь на кораблѣ, пожалуй, найдется работа не менѣе важная. Но полюсь, вѣдь, такъ давно манить человѣчество! Если не сдѣлать попытки теперь, когда мы находимся такъ далеко на сѣверѣ, пройдетъ, пожалуй, много времени прежде, чѣмъ опять представится случай. На кораблѣ ежедневныя научныя наблюденія будутъ идти своимъ чередомъ и безъ меня. На крайнемъ же сѣверѣ мнѣ есть чѣмъ заняться!“

„Отпраздновалъ сегодняшній день устройствомъ моей рубки на зиму. Поставилъ керосиновую печку и думаю, что съ нею у меня будетъ достаточно тепло даже въ самый разгаръ зимы, если вдобавокъ окопать стѣны рубки снѣгомъ и прикрыть имъ крышу потолще. Дѣло у меня пошло бы по крайней мѣрѣ вдвое успѣшнѣе, если бы мнѣ удалось работать зимою въ этомъ помещеніи, а не въ моей каютѣ внизу, среди постоянного шума и гама. Здѣсь у меня такъ уютно, тихо, спокойно; никто и ничто не мѣшаетъ теченію моихъ мыслей.“ —

Во вторую половину сентября дѣло явно пошло къ зимѣ, температура упала до—17° Ц. Начались серьезныя приготовленія ко второй зимовкѣ. Между прочимъ были устроены великолѣпныя зимнія жилища для четвероногихъ пассажировъ „Фрама“—рядъ конуръ изо льда и снѣга, расположенныхъ на льду вдоль лѣваго борта судна.

22 сентября исполнился ровно годъ съ того дня, какъ „Фрамъ“ засѣлъ во льдахъ, и Нансенъ представилъ экипажу начерченную имъ карту движенія судна въ теченіе этого года. Оказалось, что, несмотря на всѣ вилянья и повороты то назадъ, то впередъ, „Фрамъ“ подвигался впередъ въ опредѣленномъ направленіи: N 36° W, и въ общемъ прошелъ 3° 9' по широтѣ. Нансенъ писалъ въ своемъ дневникѣ по этому поводу слѣдующее:

„Нашъ курсъ слѣдовательно значительно сѣвернѣе курса „Жанетты“. Мы этого и ожидали. Курсъ „Фрама“ пересѣкаетъ курсъ „Жанетты“ подъ угломъ 59°. Если продолжить мысленно линію нашего курса, она пересѣчетъ Сѣверо-Восточный островъ Шпицбергена и приведетъ насъ къ 84° 7' (на 75° в. д.) приблизительно на NNO отъ земли Франца Іосифа. Разстояніе отъ того пункта, гдѣ мы теперь находимся, до о. Сѣверо-Восточнаго равняется по этому курсу 327 милямъ, и, если мы будемъ подвигаться со скоростью 189 м. миль въ годъ, какъ въ теченіе ми-

нувшего года, намъ понадобится на этотъ путь 4 года 146 дней. Если же считать, что мы можемъ пройти въ теченіе года 305 м. миль *), намъ понадобится только 2 года 255½ дней. И такая скорость весьма вѣроятна. Врядъ ли насъ впредь будетъ такъ сносить назадъ, какъ въ октябрѣ прошлаго года, когда на югъ отъ насъ находилась открытая вода, а вся масса льдовъ на сѣверѣ. Лѣто, мнѣ кажется, вполне доказало, что ледъ теперь весьма туго поддается движенію вспять и, напротивъ, обнаруживаетъ необычайную податливость къ стремленію на сѣверо-

Фотографъ на экскурсіи.

Фотографія 2 Іюля 1894 г.

западъ и сѣверъ при малѣйшемъ восточномъ вѣтрѣ, не говоря уже о южномъ. Полагаю поэтому, какъ и всегда полагалъ, что движеніе наше во льдахъ будетъ становиться все быстрѣе по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ въ сѣверо-западномъ направленіи, и, вѣроятно, черезъ два года „Фрамъ“ вернется въ Норвегію, то есть экспедиція наша продолжится три

*) Опираясь на скорость движенія судна, начиная съ 7 ноября предыдущаго года.

года, какъ я и предчувствовалъ. Въ виду того, что курсъ нашъ гораздо сѣвернѣе курса „Жанетты“ и что земля Франца-Иосифа должна отгѣснять ледъ къ сѣверу, а также оставаясь при томъ предположеніи, что ледъ идущій изъ этого огромнаго бассейна огибаетъ землю Франца Иосифа съ сѣвера, можно надѣяться, что нашъ курсъ будетъ становиться все сѣвернѣе по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ, пока минуемъ землю Франца-Иосифа. Вслѣдствіе этого мы и достигнемъ высшихъ градусовъ сѣв. широты, нежели какихъ можемъ рассчитывать достигнуть, основываясь на теперешнемъ нашемъ курсѣ. Во вся-

Упражненіе въ бѣгѣ на лыжахъ.

Рис. Г. Эгедіуса съ фотографіи.

комъ случаѣ я рассчитываю на 85° . До сихъ поръ все складывалось хорошо. Курсъ нашъ параллеленъ пути, по которому, по моему, должны были нестись вещи съ „Жанетты“ и который я опредѣлилъ въ своемъ докладѣ въ Лондонѣ. Этотъ путь почти заходилъ за $87\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. ш. Я не смѣю рассчитывать на курсъ, болѣе сѣверный, и не имѣю права не быть довольнымъ, если мы достигнемъ хоть такой сѣв. шир. Наша цѣль, какъ я уже много разъ ставилъ на видъ, вовсе не та, чтобы достигнуть того пункта, „гдѣ кончается земная ось“, но пересѣчь и изслѣдовать невѣдомый полярный океанъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ хотѣ-

лось бы достигнуть самага полюса, и я надѣюсь, что это удастся, только бы мы въ мартѣ достигли 84° или 85° , а почему же бы этому и не сбыться? —

Въ концѣ сентября глава экспедиціи ввелъ обязательныя для всего экипажа упражненія въ бѣгѣ на лыжахъ, и спорту этому весь экипажъ предавался ежедневно отъ 11 до часу дня, пока было свѣтло. Нѣкоторые члены экспедиціи уже были замѣчательными лыжебѣжцами, а другимъ крайне нужно было подучиться на случай нужды покинуть „Фрамъ“ и пѣшкомъ пробираться домой. При этомъ кстати испытывались и различныя системы лыжъ.

1-го октября былъ предпринятъ первый опытъ ручной тяги саней съ грузомъ въ 120 килогр. Сани скользили по льду легко, но тащить ихъ, благодаря буграмъ и неровностямъ пути, было всетаки настолько тяжело, что Амундсенъ, наприимѣръ, заявилъ, напрямикъ, что если человѣку придется тащить за собой такую тяжесть, пусть себѣ лучше сразу ложится и умираетъ, — все равно конецъ будетъ одинъ. Когда же въ сани впрягли трехъ собакъ, онѣ повезли ту же тяжесть, какъ ни въ чемъ не бывало. Это обстоятельство явно указывало на важную роль собакъ въ санной экспедиціи, а также на необходимость приспособить сани для человѣческой тяги, устроивъ особыя лямки

10-го октября торжественно справили 33-ью годовщину дня рожденія Нансена. Салонъ былъ весь изукрашенъ флагами, поваръ Петерсенъ превзошелъ себя самого въ стряпнѣ, Блессингъ угостилъ всѣхъ настоящей Люсгольмской водкой, а самъ виновникъ торжества сигарами. 30-ти градусный морозъ не помѣшалъ обществу совершить веселую прогулку на лыжахъ, и вообще весь день прошелъ превесело.

12-го и 13-го октября свирѣпствовалъ страшный ураганъ съ OSO. Вѣтеръ дулъ со скоростью 12—13 метр., но и такая погода не въ состояніи была помѣшать Гансену произвести измѣренія, показавшія 13-го, что „Фрамъ“ достигъ $81^{\circ} 32,8'$ сѣв. шир. и $118^{\circ} 28'$ вост. долготы. 17-го же октября „Фрамъ“, благодаря продолжавшемуся попутному вѣтру, былъ уже на $81^{\circ} 47'$ сѣв. шир.

Помѣченная тѣмъ же числомъ запись въ дневникѣ Нансена содержитъ любопытныя данныя относительно стойкости и вынос-

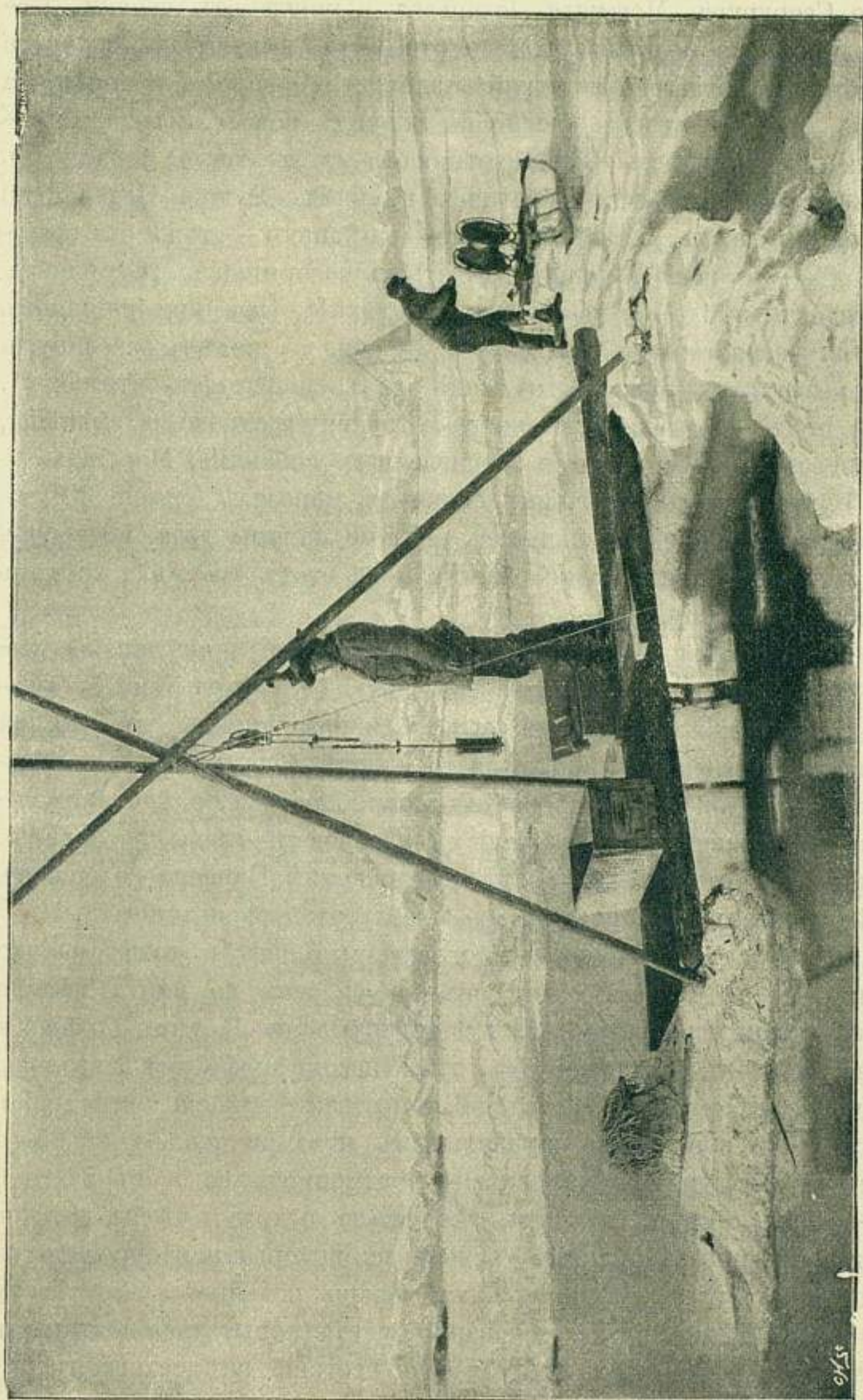
ливости членовъ экспедиціи въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось научныхъ наблюденій.

„Занимаемся измѣреніемъ температуры воды на различной глубинѣ. Сомнительное удовольствіе въ эту пору года. То черпакъ обледенѣетъ еще прежде, чѣмъ его спустятъ въ воду, и не хочетъ тамъ закрываться, такъ что приходится держать его въ водѣ очень долго, то уже вытасченный наверхъ покроется сверху ледяной корой, которая мѣшаетъ перелить воду въ испытательную стклянку, не говоря уже о томъ, что чертовски трудно держать приборъ въ состояніи пригодномъ для спуска въ воду. Нужно особое счастье, чтобы не приходилось каждый разъ относить его въ камбузъ оттаивать. Къ этому надо еще прибавить, что цифры градусовъ иногда можно разобрать лишь съ фонаремъ, да еще то, что всю работу приходится вести очень быстро: разъ замерзшія въ черпакѣ пробы уже не заслуживаютъ довѣрія“.

Въ записи отъ 18-го октября о той же работѣ говорится: „Продолжаемъ измѣренія температуры воды. Прохладное занятіе при 29⁰ мороза и вѣтрѣ. Не обходится безъ того, что пальцы иной разъ деревенеютъ и теряютъ чувствительность, когда голыми руками завинчиваешь и развинчиваешь мокрые металлические винты, разбираешь сквозь лупу мельчайшія подраздѣленія градусовъ, и переливаешь пробы воды въ стклянки, которыя приходится держать за пазухой, чтобы вода въ нихъ не замерзала. Цокорно благодарю!“

Въ послѣдній день октября 1894 г., который въ противоположность октябрю 1893 г., вообще оказался очень благопріятнымъ въ смыслѣ поступательнаго движенія къ сѣверу, на „Фрамъ“ торжественно отпраздновали переходъ за 82⁰ сѣв. шир. Вечеромъ даже состоялся балъ: Нансенъ и Петерсенъ исполнили подъ звуки органа вальсъ и польку — „нѣсколько граціозныхъ *pas de deux*“, какъ выражается самъ глава экспедиціи. Подъ конецъ увлекли въ плясъ и Амундсена, не признававшего картъ. Остальные предпочитали играть въ карты.

Воскресенье 4-го ноября ознаменовалось удачной охотой: были убиты медвѣдица и два медвѣжонка, доставившіе экипажу новый запасъ свѣжаго мяса. Первый увидалъ лохматыхъ гостей Педеръ Гендриксенъ, а преслѣдовать ихъ пустились, кромѣ него,

Нансенъ.

Измѣреніе температуры воды на глубинѣ.

Генриксенъ.

еще Свердрупъ, Могстадъ, Югансенъ и почти всѣ собаки. Последнія, пока медвѣди уходили отъ нихъ, выказывали большую храбрость; когда же медвѣдица вдругъ обернулась и пошла на нихъ, онѣ всѣ разомъ словно по командѣ показали тылъ и принялись улепетывать. Зато охотникамъ стало легче попасть въ цѣль, когда медвѣдица двинулась къ нимъ. Ружье Педера, по обыкновенію, не хотѣло стрѣлять, и бѣднягѣ — тоже по обыкновенію — оставалось только взывать къ товарищамъ: „Стрѣляйте, стрѣляйте же! Мое не хочетъ стрѣлять!“ Онъ уже слишкомъ всегда усердствовалъ при смазкѣ ружья, не жалѣлъ вазелину, и въ результатѣ ружье его всякій разъ „не хотѣло стрѣлять“. Свердрупъ и Югансенъ уложили медвѣдицу и одного медвѣжонка, а другого, окруженного и затравленного собаками, Могстадъ.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ (свыше 30°) въ началѣ ноября опять начались шумные напоры льда, но теперь члены экспедиціи уже не обращали на этотъ трескъ и грохотъ особаго вниманія.

16-го ноября Нансенъ во время утренней прогулки на лыжахъ имѣлъ со Свердрупомъ серьезную бесѣду на тему о будущемъ движеніи „Фрама“ во льдахъ, и о задуманной имъ санной экспедиціи. Вечеромъ же, сидя въ каютѣ Свердрупа, они обсудили планъ экспедиціи во всѣхъ подробностяхъ, и капитанъ согласился со всѣми соображеніями и доводами главы экспедиціи. Запись-же отъ 16-го ноября въ дневникѣ Нансена содержитъ слѣдующія его соображенія по поводу этой экспедиціи:

„Въ послѣднее время я много размышлялъ о томъ, на что рѣшиться въ случаѣ, если насъ не унесетъ до марта мѣсяца такъ далеко къ сѣверу, какъ я рассчитывалъ. И чѣмъ больше я разсматривалъ этотъ вопросъ, тѣмъ несомнѣннѣе мнѣ казалось, что во всякомъ случаѣ слѣдовало отважиться на экспедицію. Вѣдь, если я находилъ правильнымъ предпринять ее съ 85-го градуса сѣв. шир., то правильно предпринять ее и съ 82-го и 83-го. Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о томъ, чтобы достичь болѣе сѣверныхъ областей, нежели тѣ, которыя намъ предстоитъ пройти на суднѣ. И даже, чѣмъ меньше подвинется къ сѣверу „Фрамъ“, тѣмъ больше основаній будетъ попытаться достигнуть болѣе сѣверныхъ областей. А если все-таки не достигнемъ полюса — и не надо. Суть, какъ я постоянно твержу, не въ томъ,

чтобы достигнуть полюса, а въ томъ, чтобы изслѣдовать невѣдомыя еще области полярнаго океана—у самаго полюса или подальше — безразлично. Это я говорилъ еще до начала нашей экспедиціи и этого не слѣдуетъ забывать. Конечно, можно сдѣлать еще много важныхъ наблюдений и оставаясь на суднѣ, между прочимъ много такихъ, которыя я охотно сдѣлалъ бы самъ, но, вѣдь, во всякомъ случаѣ всѣ эти важныя наблюденія будутъ сдѣланы не хуже отъ того, что двоихъ изъ насъ не будетъ на суднѣ. И развѣ наблюденія, которыя мы можемъ сдѣлать въ болѣе сѣверныхъ областяхъ не могутъ оказаться гораздо важнѣе тѣхъ, которыя я могъ бы сдѣлать на кораблѣ? Итакъ, пока все говоритъ за то, что *санная экспедиція желательна*.

„Дальше выступаетъ вопросъ о наиболѣе подходящемъ моментѣ для отправленія въ путь. Нѣтъ сомнѣнія, что вообще весна — самое позднее мартъ мѣсяцъ—единственное подходящее время. Но *ближайшая-ли* весна? Предположимъ худшее: что мы не зайдемъ къ веснѣ 1895 г. сѣвернѣе 83° и восточнѣе 100° ,—ждать-ли весны 1896 г.? Какъ ни рассматриваю этотъ вопросъ, не могу не видѣть, что ждать — значитъ пропустить настоящій моментъ. Несеніе судна льдами не можетъ стать настолько медленнымъ, чтобы мы въ теченіе года съ лишкомъ не оставили далеко позади того пункта, откуда слѣдуетъ отправиться въ путь на саняхъ. Отмѣривъ по циркулю разстояніе, пройденное нами съ ноября прошлаго года до нынѣшняго и отмѣривъ по картѣ еще такое-же разстояніе, я вижу, что въ будущемъ ноябрѣ мы уже должны быть къ сѣверу отъ земли Франца Іосифа и нѣсколько дальше къ западу за нею. Можетъ, конечно, случиться, что мы не уйдемъ дальше того и въ февралѣ 1896 г., но вѣроятнѣе, что скорость движенія судна все будетъ увеличиваться, а не уменьшаться по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться къ западу, а въ такомъ случаѣ мы въ февралѣ 1896 г. окажемся слишкомъ далеко къ западу, на пути домой. Итакъ, хотя, пожалуй, и можно представить себѣ болѣе благопріятный пунктъ для наступленія въ путь, нежели тотъ, гдѣ, повидимому, окажется „Фрамъ“ 1 марта 1895 г., вѣрнѣе будетъ *не дожидаться слѣдующей весны*.

„Теперь: что говоритъ за успѣхъ задуманной экспедиціи?

Разстояніе отъ предполагаемаго пункта выступленія до мыса Флигели, на землѣ Франца Іосифа, ближайшей извѣстной земли, равняется приблизительно 80 милямъ *), слѣдовательно не многимъ больше пройденнаго нами въ грѣнландскую экспедицію. И никто не станетъ сомнѣваться, что не трудно пройти этотъ путь по такому льду, какой мы видимъ теперь, хотя бы онъ и сталъ похуже ближе къ землѣ. А, разъ достигнувъ земли, каждый путный человѣкъ можетъ прокормиться охотой на крупнаго или на мелкаго звѣря—на медвѣдей или на ракушекъ. Направить курсъ къ мысу Флигели или землѣ Петтермана, лежащей сѣвернѣе, слѣдовательно всегда въ нашей власти, если намъ придется ужъ очень круто. Разумѣется, разстояніе до этихъ земель увеличится, и тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы заберемся къ сѣверу отъ пункта выступленія, но во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы мы не могли добраться до нихъ съ помощью собакъ съ какого бы то ни было пункта между исходнымъ и самымъ полюсомъ. Итакъ, „линія отступленія“ у насъ обезпечена. Правда, многимъ можетъ показаться, что пустынный берегъ, гдѣ человѣку, прежде чѣмъ поѣсть, надо самому добыть себѣ что поѣсть, плохой ресурсъ для голодныхъ людей. Что-жъ, въ сущности это еще преимущество, — отступленіе не будетъ особенно соблазнять! Вообще „линія отступленія“ скверная выдумка для людей, желающихъ пробиться впередъ. Вѣчно оглядываться назадъ, когда впору только глядѣть впередъ!“

„Теперь самое снаряженіе экспедиціи. Отправятся двое людей, взявъ съ собой 28 собакъ и 1050 килогр. провіанта и прочихъ припасовъ. Разстояніе отъ 83° с. ш. до полюса 105 миль. Слишкомъ-ли смѣло рассчитывать пройти это разстояніе въ 50 дней? Я не знаю, какъ велика выносливость нашихъ собакъ, но считаю вполне вѣроятнымъ, что онѣ могутъ дѣлать по 2,1 мили въ день, таща каждая грузъ въ 37,5 килогр.—въ первые дни—особенно съ помощью еще двухъ людей. Мнѣ кажется такого расчета нельзя назвать легкомысленнымъ; разумѣется, онъ окажется правильнымъ лишь въ томъ случаѣ, если ледъ вездѣ та-

*) Здѣсь, какъ видно, я ошибся; разстояніе отъ предполагавшагося пункта выступленія 83 с. ш. 110° в. д. до мыса «Флигели» равняется 100 милямъ. Вѣроятно, я взялъ долготу въ 100° вмѣсто 110°.

ковъ, какъ здѣсь, но нѣтъ основаній предполагать иное. Онъ становился все лучше, чѣмъ дальше мы подвигались къ сѣверу, а также всегда улучшался съ приближеніемъ весны. Такимъ образомъ, черезъ 50 дней мы будемъ на полюсѣ (во время Грѣнландской экспедиціи мы прошли 75 миль въ 65 дней, находясь на высотѣ 8,000 ф., не имѣя собакъ и страдая отъ недостатка провіанта). Въ теченіе 50 дней на насъ двоихъ пойдетъ 100 килогр. провіанта, считая по 1 к. въ день на каждого; прибавить къ этому по $1\frac{1}{2}$ килогр. въ день на каждую собаку *), т. е. 700 килогр.

Плаванье по прѣсноводному озеру.

Фотографія 12 Іюля 1894 г.

выйдетъ всего 800 килогр. Затѣмъ, въ теченіе того же срока выйдетъ и часть взятаго съ собой топлива, такъ что грузъ нашъ во всякомъ случаѣ будетъ меньше 250 килогр., а такой грузъ—шутка для 28 собакъ. Последнюю часть пути онѣ, слѣдовательно (по мѣрѣ уменьшенія груза), могутъ бѣжать быстрее и совершить весь путь меньше, нежели въ 50 дней. Но положимъ

*) Въ дѣйствительности собакамъ пришлось довольствоваться куда меньшимъ пайкомъ; онъ едва превышалъ 300—350 граммъ.

Примѣч. автора.

даже, что въ 50. Если все пойдетъ хорошо, мы направимъ отъ полюса курсъ къ Семи Островамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Шпицбергена. Разстояніе равняется 9° или 135 милямъ. Но, если экспедиція окажется въ мало-мальски неблагопріятныхъ условіяхъ, вѣрнѣе будетъ направиться къ мысу Флигели или къ землѣ, лежащей къ сѣверу отъ него“.

„Представимъ, что мы выбрали именно этотъ путь. Съ „Фрама“ мы, положимъ, отправимся 1 марта (если обстоятельства будутъ благопріятствовать, мы выступимъ и раньше), полюса достигнемъ 20 апрѣля, и у насъ останется еще 100 килогр. провіанта для людей, т. е. на 50 дней; для собакъ же ничего. Придется начать убивать собакъ въ пищу другимъ собакамъ или себѣ, чтобы имѣть возможность удѣлять собакамъ изъ своего провіанта. И даже при скромныхъ расчетахъ можно предполагать, что, когда будутъ убиты 23 собаки, пройдетъ по крайней мѣрѣ 41 день. Какъ же далеко къ югу пройдемъ мы за это время? Въ началѣ обратнаго пути грузъ будетъ вѣсить меньше 250 килогр., значить на каждую собаку придется меньше 9 килогр.; черезъ 41 день грузъ этотъ убавится во всякомъ случаѣ до 140 килогр. путемъ потребленія провіанта и топлива и выбрасыванія становящихся излишними предметовъ снаряженія, какъ то: спальныхъ мѣшковъ, палатки и проч. Выйдетъ по 28 килогр. на каждую изъ оставшихся 5 собакъ—если предполагать, что сами мы не будемъ имъ помогать; но въ случаѣ нужды можно будетъ и еще облегчить наше снаряженіе. Съ такимъ грузомъ отъ 9 килогр. — для начала — и до 28 килогр. — только въ концѣ—на каждую, собаки могутъ дѣлать по 3 мили въ день, даже если путь ухудшится. Значить, мы подвинемся къ югу на 123 мили, или будемъ 1 іюня 4 милями дальше мыса Флигели, сохранивъ при этомъ еще 5 собакъ и провіанта на 9 дней. Но во первыхъ, мы къ этому времени, вѣроятно, давно уже достигнемъ земли, а во вторыхъ австрійцы въ первую же половину апрѣля находили у мыса Флигели открытую воду и массу птицъ, такъ что въ маѣ-то и въ іюнѣ, у насъ и подавно не можетъ оказаться недостатка въ пищѣ. Въ третьихъ, странно было-бы, если бы мы еще до того времени не повстрѣчали на льду медвѣдей или тюленей или какихъ нибудь птицъ“.

„Итакъ, мы будемъ вполне обеспечены провіантомъ и мо-

жемъ выбирать какой угодно путь: или вдоль сѣверо-западнаго берега Земли Франца-Иосифа, мимо Земли Гилли, къ Сѣверо-Восточному острову и Шпицбергену (если обстоятельства окажутся благопріятными, я непременно и выберу этотъ путь) или къ югу, черезъ Австрійскій проливъ къ южному берегу Земли

Лѣтній вечеръ. Полынья передъ «Фрамомъ». Фотографія.

Франца-Иосифа и оттуда къ Новой Землѣ или Шпицбергену — лучше къ послѣднему — если не встрѣтимъ на Землѣ Франца-Иосифа англичанъ, на что нельзя рассчитывать навѣрное“.

„Таковы мои расчеты. Можно ли назвать ихъ легковѣсными? По моему, нѣтъ. Единственное, что можетъ сильно усложнить

нашу задачу, это задержка въ пути, неизбежная въ томъ случаѣ, если мы попадемъ на такой плохой ледъ, какой видѣли здѣсь въ концѣ мая. Но, если это и случится, то лишь въ концѣ путешествія, по близости отъ земли, и совершенно непроходимымъ ледъ все-таки оказаться не можетъ. Въ общемъ странно было-бы, если бы нельзя было дѣлать въ теченіе всего путешествія въ среднемъ по $2\frac{1}{2}$ мили въ день съ грузомъ отъ 15 до 20 килогр. на каждую собаку. Наконецъ, въ случаѣ, если расчеты мои окажутся ошибочными, мы всегда, какъ сказано, можемъ повернуть обратно“.

„Какія же могутъ намъ встрѣтиться вообще непредвидѣнныя препятствія?

„1. Ледъ можетъ окажется болѣе непроходимымъ, чѣмъ я рассчитываю.

„2. Можемъ встрѣтить на сѣверѣ землю.

„3. Собаки могутъ не выдержать, заболѣть, замерзнуть.

„4. Мы сами можемъ схватить скорбутъ.

„1 и 2. Разумѣется, нельзя категорически отрицать возможности крайне дурного состоянія льда на сѣверѣ, но по моему нѣтъ и никакихъ основаній предполагать возможность этого, если на сѣверѣ нѣтъ невѣдомаго материка. Но пусть даже такъ — примиримся съ этимъ. Ледъ во всякомъ случаѣ не можетъ оказаться совершенно непроходимымъ; даже Маркгэмъ пробирался впередъ со своими больными скорбутомъ людьми. Вдобавокъ, можетъ быть, берега такого материка еще сослужатъ намъ службу — это зависитъ отъ ихъ направленія и протяженія. Вообще трудно сказать что нибудь заранѣе кромѣ того, что движеніе льда и глубина, какую мы встрѣчаемъ здѣсь, ручается за невозможность существованія сколько-нибудь значительной земли болѣе или менѣе близко отсюда. Во всякомъ случаѣ, гдѣ нибудь да найдется же около земли путь для самаго льда, мы и можемъ въ крайности воспользоваться имъ“.

„3. Нельзя отрицать возможности, что собаки обманутъ наши ожиданія, но она не слишкомъ вѣроятна. Какъ видно изъ моихъ расчетовъ, я не предполагаю изнурять ихъ. Да и, наконецъ, не заболѣютъ же онѣ всѣ заразъ! До сихъ поръ онѣ отлично переносили у насъ и зиму и морозы, а кормъ имъ во время экспедиціи будетъ идти еще лучшій. Прибавьте къ этому, что въ расчеты

мои еще не входила наша личная помощь; а, вѣдь, мы двое тоже чего нибудь стоимъ! и даже если-бы *всѣ* собаки мало-по-малу пали, мы справились-бы съ грузомъ“.

„4. Самое худшее было-бы безспорно, если бы мы сами заболѣли скорбутомъ. И, не смотря на превосходное состояніе нашего здоровья, такой случай не кажется невозможнымъ, если вспомнить, что всѣ члены англійской полярной экспедиціи, исключая офицеровъ, заболѣли скорбутомъ, какъ только началась весна и санныя экспедиціи, даромъ что пока они были на кораблѣ не было и признаковъ ничего подобнаго. И все-таки, что касается насъ, я плохо вѣрю въ возможность подобной болѣзни. Прежде всего англійской экспедиціи крайне не везло вообще; врядъ-ли какая другая подвергалась такимъ печальнымъ испытаніямъ, хотя и другія экспедиціи предпринимали такія же дальнія путешествія на саняхъ, на-примѣръ экспедиція Макъ-Клинтока. Экипажъ „Жанетты“, насколько извѣстно, тоже не страдалъ на обратномъ пути отъ скорбута. Пири и Аструпъ также и т. д. Затѣмъ, провіантъ нашъ подобранъ куда съ большей осмотрительностью, и болѣе разнообразенъ, чѣмъ имѣвшійся въ распоряженіи какой-либо изъ прежнихъ экспедицій. Ни одна экспедиція и не отличалась поэтому такимъ возжелѣннымъ здоровьемъ, какъ наша. Не думаю поэтому, чтобы мы унесли съ собой съ „Фрама“ малѣйшее расположеніе къ скорбуту, что же до провіанта для самой санной экспедиціи, я позабочусь о томъ, чтобы взять съ собой самые питательные и долго сохраняющіеся продукты, и сомнѣваюсь, чтобы они могли вызвать скорбутъ. Но, разумѣется, нѣкоторый рискъ все-таки будетъ“.

„Остается принять въ соображеніе еще одинъ вопросъ. Имѣю-ли я право лишать судно съ находящимися на немъ людьми тѣхъ средствъ, которыхъ требуетъ снаряженіе подобной экспедиціи? То обстоятельство, что экипажъ лишится двухъ человѣкъ имѣетъ мало значенія. На „Фрамѣ“ управятся и 11 человѣкъ. Большее значеніе имѣетъ то, что мы заберемъ съ собой всѣхъ собакъ, кромѣ семи щенятъ. Но на кораблѣ такой богатый запасъ для снаряженія первоклассной сухопутной экспедиціи, что невѣроятно, чтобы экипажъ въ случаѣ какой бѣды съ „Фрамомъ“ и безъ собакъ не добрался до земли Франца-Иосифа или Шпицбергена. Едва-ли можно предполагать, чтобы экипажу

пришлось покинуть корабль сѣвернѣе 85°, скорѣе же гораздо южнѣе. Но представимъ себѣ, что ему пришлось покинуть судно на 85° с. ш.; это будетъ, вѣроятно, почти напрямикъ къ сѣверу отъ земли Франца-Иосифа, и до мыса Флигели придется пройти всего 45 миль; если же это случится восточнѣе — 60 миль до Семи Острововъ. Трудно предполагать, чтобы товарищи мои не одолѣли такого разстоянія съ имѣющими у нихъ въ распоряженіи средствами! Я, впрочемъ, крѣпко держусь того мнѣнія, что „Фрамъ“ пересѣчетъ полярный бассейнъ и выйдетъ изъ него вполне благополучно. Если же и случится что, я увѣренъ, что экипажъ, будучи заранѣе готовъ ко всякаго рода случайностямъ, благополучно выберется изъ бѣды. На основаніи всего этого я и думаю, что могу взять на себя отвѣтственность—предпринять подобную экспедицію, а такъ какъ ею можно достигнуть многого, то она безусловно и *должна* быть предпринята“.

„Еще одинъ послѣдній вопросъ: кто долженъ отправиться? Мы со Свердрупомъ уже испытали другъ друга, и отлично справились бы и тутъ. Но обоимъ намъ нельзя оставить „Фрамъ“, это ясно. Одинъ долженъ остаться и принять на себя отвѣтственность за доставленіе домой остальныхъ товарищей здоровыми и невредимыми. Но ясно также, что одинъ изъ насъ долженъ руководить санной экспедиціей, такъ какъ лишь мы двое обладаемъ необходимою для этого опытностью. Свердрупу очень хочется пуститься въ путь. Но я не могу не видѣть, что гораздо рискованнѣе оставить „Фрамъ“, нежели оставаться на немъ. Если я отпущу Свердрупа, я позволю ему избрать болѣе трудный жребій, а себѣ оставлю болѣе легкій. Если онъ погибнетъ, развѣ я прощу себѣ самому, что отпустилъ его, хотя бы и по его собственному желанію? Онъ на девять лѣтъ старше меня, и такая отвѣтственность навѣрно легла бы на меня тяжелымъ бременемъ. Затѣмъ, относительно экипажа судна — кто изъ насъ двухъ ему нужнѣе? Я полагаю, что товарищи наши имѣютъ одинаковое довѣріе къ намъ обоимъ, и думаю, что каждый изъ насъ двоихъ одинаково сумѣетъ благополучно доставить всѣхъ домой — на „Фрамъ“ или безъ „Фрама“. Но Свердрупу ближе роль хозяина на суднѣ, тогда какъ мнѣ общее руководство экспедиціей и главное — научными изысканіями. Съ этой точки зрѣнія мнѣ и ближе взять на себя руководство санной

Зимняя ночь. Фотографія, снятая 14 января 1895 г.

экспедиціей, во время которой предстоитъ сдѣлать много важныхъ наблюденій. Наблюденія, которыя остается сдѣлать во время несенія судна льдомъ, будутъ, какъ сказано, сдѣланы на кораблѣ и безъ меня. Итакъ мой долгъ идти, а Свердрупъ оставаться. Онъ самъ согласенъ съ этимъ“.

„Въ спутники я выбралъ Югансена, который кажется мнѣ подходящимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ отличный лыжебѣжецъ, выносливъ удивительно и славный малый. Я еще не спрашивалъ его, но собираюсь скоро переговорить съ нимъ, чтобы онъ имѣлъ время приготовиться. Блессингъ и Гансенъ тоже не отказались бы идти со мной, но Гансенъ долженъ продолжать наблюденія, а Блессингъ необходимъ на суднѣ, какъ врачъ. Изъ остальныхъ тоже многіе годились бы и согласились бы“.

„Однимъ словомъ, экспедиція къ сѣверу дѣло рѣшеное. Посмотримъ теперь, что принесетъ намъ зима. Если будетъ достаточно свѣтло, я предпочту выступить уже въ февралѣ“.—

Дня черезъ два Нансенъ переговорилъ съ Югансеномъ, причемъ не только изложилъ ему всѣ вышеприведенныя соображенія, но и нарисовалъ возможно яркую картину опасностей, которыя могутъ ихъ ожидать въ экспедиціи, въ заключеніе-же прибавилъ, что желалъ бы получить отъ него отвѣтъ лишь по зрѣломъ обсужденіи имъ вопроса. Дѣло это такого рода, что пахнетъ смертью! Югансенъ, однако, сразу выразилъ полную готовность сопутствовать Нансену и заявилъ, что сколько бы еще ни думалъ, рѣшенія не измѣнить. Онъ уже заранѣе обсуждилъ дѣло, такъ какъ Свердрупъ намекалъ ему на возможность подобной экспедиціи.

20 ноября Нансенъ изложилъ свой планъ передъ всѣми товарищами, которые выслушали его съ большимъ вниманіемъ и согласились со всѣми его доводами, включая и тотъ, которымъ онъ хотѣлъ предупредить главное возраженіе съ ихъ стороны, возраженіе противъ ограниченія числа участниковъ новой экспедиціи двумя. Отчего-бы и имъ не принять въ ней участія? Нансенъ выяснилъ въ своей рѣчи, что, конечно, прекрасная задача проникнуть какъ можно дальше на сѣверъ, но не менѣе важная задача и провести „Фрамъ“ цѣлымъ и невредимымъ черезъ полярный океанъ и доставить домой—если не „Фрамъ“, то хоть самихъ себя, не потерявъ ни одного человѣка. Только

тогда получают члены экспедиціи право утверждать, что экспедиція велась, какъ слѣдуетъ, и закончена съ честью.

Съ этого времени начались серьезныя приготовленія къ экспедиціи, работа закипѣла.

Прежде всего Нансенъ позаботился о каякахъ, которыхъ и было изготовлено два. Остовы каяковъ были сдѣланы изъ бамбука, а обтянули ихъ парусиной. Длина каяковъ равнялась 3,70 м., ширина посрединѣ 0,7 м., а вѣсъ около 15 килогр. Въ общемъ это были необыкновенно прочныя, легкія и удобопереносимыя

Лунныя кольца, видѣнныя 12 января 1895 г.

Набросокъ карандашомъ.

суда, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшія цѣлямъ экспедиціи. Устройствомъ они походили на эскимосскія, со сплошной палубой и однимъ отверстіемъ посрединѣ нея для гребца. Отверстіе это охватывалось деревяннымъ обручемъ, къ которому можно было такимъ образомъ прикрѣпить подолъ шубы гребца изъ тюленьихъ шкуръ, что внутренность каяка оказывалась наглухо закрытой для волнъ, какъ бы онѣ ни бушевали. Кромѣ отверстія посрединѣ, на носу и на кормѣ были сдѣланы еще не-

большіе съ герметическими крышками люки, въ которые гребцу стоило только просунуть руку, чтобы достать что нибудь изъ спрятаннаго внутри каяка провіанта или другихъ припасовъ. Самые каяки были очень вмѣстительны: внутри ихъ можно было уложить запасъ провіанта и прочихъ припасовъ по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. Для непромокаемости парусинная обтяжка каяковъ была пропитана смѣсью парафина съ саломъ, что увеличило вѣсъ каяковъ до 18 килогр.

Второй заботой Нансена было изготовленіе легкихъ, прочныхъ и хорошо скользящихъ по льду саней.

Затѣмъ пошли испытанія разныхъ одѣяній, шелковой палатки, походной кухни, спальныхъ мѣшковъ и пр. И, наконецъ, Нансенъ углубился въ соображенія и расчеты относительно качества и количества нужнаго провіанта для людей и для собакъ.

Въ приготовленіяхъ принималъ посильное участіе почти весь экипажъ. Могстадъ налаживалъ сани, Свердрупъ шилъ спальные мѣшки и мѣховыя одѣянія, Юль мастерилъ сбрую для собакъ и лямки для людей, Блессингъ составлялъ походную аптечку. Затѣмъ, самъ Нансенъ переписывалъ на тонкую прочную бумагу самымъ убористымъ почеркомъ корабельный журналъ и всѣ замѣтки по научнымъ наблюденіямъ. Гансенъ составлялъ таблицы для будущихъ наблюденій экспедиціи, провѣрялъ хронометры, которые предстояло Нансену взять съ собой, а также чертилъ для него подробную карту движенія „Фрама“ до и послѣ того, какъ онъ засѣлъ во льдахъ.

Приготовленія къ санной экспедиціи какъ ни были серьезны не заставляли, однако, экипажъ „Фрама“ пренебрегать своими текущими обязанностями. Всѣ прочія работы и, главное, научныя наблюденія велись своимъ чередомъ.

Гансенъ еще осенью сбилъ съ помощью Югансена на льду хижину изъ снѣга, замѣнившую палатку, въ которой прежде производились разныя научныя наблюденія. Большая керосиновая лампа, подвѣшенная къ потолку хижины, давала достаточно и свѣта и тепла, такъ что работать Гансену стало гораздо удобнѣе и пріятнѣе. При температурѣ — 20°, державшейся въ хижинѣ, онъ могъ свободно брать инструменты голыми руками.

Несколько октябрь этого года оказался въ противоположность прошлогоднему благопріятнымъ въ смыслѣ движенія „Фрама“

впередъ, настолько же ноябрь, опять таки въ противоположность прошлогоднему, неблагоприятнымъ. Судно все сносило назадъ.

Зато декабрь исправилъ погрѣшности ноября, и 13 декабря члены экспедиціи устроили блестящее торжество въ честь „Фрама“, какъ судна побившаго рекордъ въ достиженіи наивысшихъ градусовъ сѣв. широты. Измѣренія въ этотъ день показали $82^{\circ} 30'$ с. ш. Веселое настроеніе достигло апогея, когда послѣ ужина былъ поданъ вишневый пуншъ, *настоящій* пуншъ. Ощущая вкусъ и запахъ спиртного, экипажъ недоумѣвалъ откуда оно взялось, — на „Фрамъ“, какъ извѣстно, не было запасовъ спиртного. Но

Сооруженіе обсерваторіи изъ снѣга.

Рис. Гюрге по фотографіи, снятой въ октябрѣ 1894 г.

ларчикъ открывался просто: Нансенъ воспользовался для пунша чистымъ спиртомъ, взятымъ для научныхъ препаратовъ! За пуншемъ начались тосты. Первый былъ, конечно, въ честь „Фрама“, единственнаго въ мірѣ корабля, который оказался способнымъ доставить людямъ вполне надежное и уютное убѣжище въ грозныхъ полярныхъ областяхъ и зайти въ недосягаемыя доселѣ для кораблей широты!

За этимъ тостомъ грянула музыка, и „кузнецъ Ларсъ“ исполнилъ ко всеобщему веселью какой-то танецъ. Затѣмъ провоз-

глашенъ былъ тостъ за оставшихся на родинѣ, терпѣливо ожидающихъ и вѣрящихъ въ возвращеніе экспедиціи, а также за гѣхъ, кто способствовалъ ея снаряженію.

Во вторую половину декабря начались опять сильнѣйшіе напоры льда, заставлявшіе судно дрожать какъ при землетрясеніи, сопровождавшіеся страшнымъ шумомъ. Погода стояла чисто зимняя—лютый морозъ, страшный вѣтеръ, снѣжная выюга и тьма.

Вотъ настало для членовъ экспедиціи и второе Рождество среди полярныхъ льдовъ, принесшее въ видѣ подарка достиженіе 83° с. ш. По этому поводу за ужиномъ въ сочельникъ на столѣ появилось „Полярное шампанское“ марки „83“. Нансенъ и Блессингъ сами состряпали его (изъ сока морошки, спирта, воды и дрожжей!), провозившись съ этимъ цѣлый день. Шампанское, разумѣется, произвело соотвѣтственное впечатлѣніе. Вечеромъ въ первый день Рождества состоялся грандіозный балъ. Нансенъ и Гансенъ фигурировали въ качествѣ дамъ. Особенно же отличались: Петерсенъ, который былъ положительно неутомимъ въ танцахъ, и Могстадъ-музыкантъ, съ азартомъ до полного изнеможенія вертѣвшій ручку органа.

Не менѣе весело встрѣтили и Новый годъ. Въ числѣ прочихъ тостовъ былъ провозглашенъ Свердрупомъ и тостъ за успѣшный исходъ новой экспедиціи, предстоявшей въ наступившемъ году.

Новый годъ поспѣшилъ, однако, принести „молодцамъ“ „Фрама“ небывалый и, нельзя сказать, чтобы пріятный сюрпризъ. Въ чемъ онъ состоялъ узнаемъ изъ записки въ дневникѣ Нансена отъ 3 января.

„Вчера еще мы были полны надеждъ на будущее, а сегодня какая переменна судьбы! Того и гляди очутимся на льду безъ пріюта, безъ крыши надъ головой! Утромъ въ половинѣ пятаго началось сжиманье льда въ полыньѣ за кормой судна, а въ пять въ полыньѣ за лѣвымъ бортомъ „Фрама“. Около 8 ч. утра я проснулся и услыхалъ трескъ и шумъ, указывавшіе на начало напора. Затѣмъ „Фрамъ“ слегка содрогнулся, и раздался продолжительный грохотъ. Выйдя на палубу, я къ своему изумленію увидалъ, что вдоль всей полыни у лѣваго борта „Фрама“ тянется въ разстояніи какихъ нибудь тридцати шаговъ отъ судна огромный торосъ, а трещины пододвинулись къ намъ ша-

говъ на восемнадцать. Скорѣе принялись спасать всѣ предметы находившіеся на льду съ этой стороны, въ томъ числѣ доски, изъ которыхъ былъ сколоченъ лѣтній шалашъ метеорологовъ. Мы не такъ были богаты древеснымъ матеріаломъ, чтобы терять изъ него хоть что нибудь! Но линь съ храпцами, остававшийся въ полыньѣ, уже былъ погребенъ подо льдомъ. Вернулся я на судно передъ обѣдомъ, и скорѣе снова начался напоръ. Я вышелъ взглянуть. Грохотъ снова исходилъ со стороны полыньи за лѣвымъ бортомъ, ледъ тамъ сильно сжимался, и торось медленно приближался къ намъ. Немного погодя, вышелъ посмотреть Свердрупъ, но тотчасъ же вернулся сообщить, что торось подвигается быстро и что нужно кому нибудь пойти перетаскать сани съ приборами для промѣра глубины на правую сторону, такъ какъ ледъ треснулъ какъ разъ возлѣ нихъ. — Гмъ! — подумалъ я — если торось обрушится на „Фрамъ“ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ подняться изо льдовъ, будетъ довольно скверно! Онъ и безъ того уже сильно накренился на лѣвый бортъ.“

„Послѣ обѣда начались приготовленія на случай необходимости покинуть судно, если дойдетъ до бѣды. Всѣ сани выставили на палубу, каяки приготовили, двадцать ящиковъ съ собачьими сухарями спустили на ледъ съ правой стороны судна, а девятнадцать ящиковъ съ хлѣбомъ, четыре жестянки съ 200 литр. керосина, десять жестянокъ поменьше съ 100 литр. и нѣсколько сосудовъ съ чернымъ масломъ вынесли изъ трюма на палубу.“

„Сидя за ужиномъ, мы опять услышали знакомый трескъ и грохотъ. Онъ все приближался и, наконецъ, сталъ раздаваться словно у насъ подъ ногами. Я выбѣжалъ на верхъ. Оказалось, что это сжимался ледъ въ полыньѣ подальше, которая шла перпендикулярно правому борту судна, и я вернулся продолжать ужинъ. Педеръ, вышедшій прогуляться на ледъ, вернулся вслѣдъ за мной и со своимъ обычнымъ юморомъ сообщилъ, что ледъ очень не любезенъ,—треснулъ чуть не у самыхъ ящиковъ съ собачьими сухарями, и трещина эта идетъ за корму судна. Я вышелъ и нашелъ трещину не маленькой. Пришлось перетаскать ящики съ сухарями ближе къ носу „Фрама“. Вокругъ судна оказалось вообще немало трещинъ. Потомъ я спустился

внизъ и, закуривъ трубку, принялся бесѣдовать со Свердрупомъ въ его каютѣ.“

„Спустя порядочно времени, трескъ и напоръ начались снова, и, хотя они и не казались мнѣ сильнѣе обыкновеннаго, я все-таки крикнулъ въ салонъ товарищамъ, игравшимъ въ хальму, есть ли кто на палубѣ, а если нѣтъ, пусть ктонибудь возьметъ на себя трудъ подняться наверхъ посмотрѣть, что тамъ творится. Въ это время наверху слышались торопливые шаги, потомъ сбѣжалъ внизъ Нордаль и доложилъ, что напоръ происходитъ у самой кормы. Я и Педеръ бросились наверхъ, и многіе послѣдовали за нами. Когда я спустился на ледъ, Педеръ крикнулъ мнѣ:—Надо выпустить собакъ! Тамъ вода!—Мы пришли во-время. Вода уже заливала конуры. Педеръ пошлепалъ по водѣ, доходившей ему до колѣнъ, и открылъ дверцы каютъ. Нѣкоторыя собаки выскакивали оттуда опрометью, и прыгали по водѣ такъ, что брызги летѣли вокругъ, а другія, напротивъ, забивались въ самые дальніе углы конуръ, и приходилось ихъ тащить оттуда силой... Когда собаки были спасены, я обошелъ вокругъ „Фрама“. Ледъ треснулъ вдоль судна съ правой стороны ближе къ носу; вода изъ этой трещины разливалась назадъ къ кормѣ и вдоль лѣваго борта, такъ какъ ледъ съ этой стороны осѣлъ подъ тяжестью тороса, который все надвигался. Трещина прошла и подъ нашу кузницу на льду; надо было ее спасти. Мы и отвезли ее на саняхъ къ Большому торосу, находившемуся подальше направо отъ судна. Туда же свезли 11 ящичковъ съ пеммиканомъ, ящички съ собачьими сухарями и 19 ящичковъ съ хлѣбомъ. Такимъ образомъ, около Большого тороса у насъ образовался настоящій складъ, находящійся, повидимому, въ безопасности. Я полагаю, что ледъ тамъ настолько толстъ, что едва ли скоро треснетъ. То-то забѣгали теперь мои молодцы! Мы перенесли въ складъ еще четыре жестянки съ керосиномъ, а на палубу вынесли изъ трюма слѣдующіе припасы: 21 ящикъ съ хлѣбомъ, ящички въ пеммиканомъ, мукой, шоколадомъ, масломъ, всякими консервами и пр. Этого продовольствія должно было хватить намъ на 200 дней. Затѣмъ приготовили палатки, походную кухню и пр. и пр., и могли лечь спать со спокойной совѣстью. И пора было: провозились мы со всѣмъ этимъ за полночь. Я, впрочемъ, увѣренъ, что все это лишь

«Фрамъ» послѣ напора льда 5 января 1895 г. Фотографія.

пустая тревога, но долгъ велить быть готовымъ ко всякимъ, даже невѣроятнымъ случайностямъ. Вахтенному отданъ приказъ наблюдать за собаками и глядѣть въ оба — не начнетъ-ли ледъ трескаться подъ нашими ящиками. Въ случаѣ новаго напора вахтенный долженъ немедленно вызвать всѣхъ наверхъ. Лучше пусть потревожатъ слишкомъ рано, чѣмъ слишкомъ поздно.“

„Въ то время, какъ я пишу все это, трескъ и шумъ свидѣтельствуютъ, что напоръ продолжается. Люди, однако, всѣ въ отличномъ настроеніи, словно все это лишь пріятное развлеченіе въ нашей однообразной жизни. Но — половина второго, пора и на боковую! Я усталъ, а какъ знать, какъ скоро придется опять вскочить?“ —

Ночь, однако, прошла спокойно. Но днемъ 4 января напоръ продолжался и вечеромъ сталъ опять угрожающимъ. Торось все росъ и надвигался на судно. Къ часу ночи онъ былъ въ какихъ нибудь 5 футахъ отъ края сугроба со стороны лѣваго борта; отъ сугроба же до самого судна было не больше десяти фут. разстоянія. Трещины на льду вокругъ „Фрама“ все увеличивались, и самое судно все сильнѣе накренилось налѣво. Весь день прошелъ въ напряженномъ ожиданіи. Были приготовлены еще мѣшки, помѣченные именами членовъ экспедиціи и содержавшіе всѣ ихъ необходимыя пожитки. Нансенъ улегся только въ 2 часа утра, а въ 5½ ч. Свердрупъ разбудилъ его, сообщая, что торось достигъ судна и сильно напираетъ на него, высота же тороса вровень со снастями. Въ ту же минуту раздался такой грохотъ, какъ будто настало свѣтопредставленіе. Всѣхъ подняли на ноги, и началась бѣготня и перетаскиванье остального провіанта съ палубы на ледъ въ „складъ“. Шубы, мѣшки, и тому подобные предметы оставили на палубѣ, — въ случаѣ нужды ихъ можно было прямо перебросить за бортъ на ледъ. Къ вечеру въ „складъ“ была доставлена даже шлюпка съ керосиновымъ двигателемъ.

Подъ вечеръ напоръ совсѣмъ стихъ, всѣ уже успокоились, какъ вдругъ въ 8 ч. раздался грохотъ пуще прежняго. Нансенъ первый выскочилъ на палубу — снѣгъ и обломки льда такъ и сыпались на снасти „Фрама“ и на тентъ, натянутый надъ палубой въ защиту отъ снѣга и вѣтра. Гендриксенъ, схвативъ заступъ, выбѣжалъ на открытую носовую часть палубы и при-

нялся сбрасывать съ тента обрушившіеся на него снѣгъ и ледъ. Нансенъ, однако, не замедлилъ убѣдиться, что это несвоевременно и отозвалъ Педера. Едва тотъ успѣлъ уйти, на тентъ обрушилась новая масса.—„Чуть не смело меня къ чорту вмѣстѣ и съ заступомъ“!—со смѣхомъ объявилъ весельчакъ главѣ экспедиціи. „Фрамъ“ тяжело кряхтѣлъ, а тентъ трещалъ и обвисалъ подъ тяжестью обрушившихся на него льда и снѣга, которые грозили прорвать его и засыпать входной люкъ. Нансенъ, не теряя времени, и вызвалъ всѣхъ наверхъ, предупредивъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они выходили не изъ люка, приходившагося ближе къ лѣвому борту, а черезъ рулевую рубку и направо. Затѣмъ онъ поспѣшилъ выпустить жалобно вывшихъ собакъ изъ конуръ, расположенныхъ на палубѣ вдоль лѣваго борта, и бѣдныя животныя опрометью кинулись къ правому борту. Люди тѣмъ временемъ перетаскивали на ледъ мѣшки съ пожитками, подгоняемые трескотнею льда и зловѣщимъ кряхтѣніемъ „Фрама“. Сумятица была порядочная, такъ какъ Якобсенъ въ попыхахъ потушилъ всѣ лампы, и всѣ носились, какъ угорѣлые, въ потемкахъ.

Когда всѣ пожитки были уже въ безопасности, „Фрамъ“, выдержавъ послѣдній натискъ, приподнялся, самый напоръ прекратился—на этотъ разъ окончательно—и экипажъ могъ спокойно осмотрѣть судно и разобраться во всемъ произошедшемъ.

Оказалось, что весь лѣвый бортъ корабля былъ засыпанъ льдомъ и снѣгомъ. Непосредственной опасностью такое положеніе вещей, однако, не угрожало, тентъ, видимо, былъ достаточно крѣпокъ, и члены экспедиціи собрались въ каютѣ капитана отдохнуть, покурить и подсластить горькую чашу, испитую ими сегодня, разными лакомствами. Каждый описывалъ при этомъ свои ощущенія во время недавней суматохи. Свердрупъ слышалъ зовъ Нансена: „Всѣ наверхъ!“ какъ разъ въ ту минуту, когда раздѣлся чуть не до нага, собираясь помыться въ кухнѣ. Можно себѣ представить, какъ ему пришлось спѣшить одѣться! Амундсенъ не понялъ или не слышалъ приказанія выходить направо, вышелъ налѣво и, пробираясь тамъ ощупью, свалился. Да это еще бы не бѣда,—падать ему было не привыкать стать—но, когда онъ хотѣлъ встать, надъ головой у него начался такой трескъ, что онъ остался лежать пластомъ, ожидая каждую

минуту, что вотъ-вотъ тентъ обрушится на него со всей ледяной массой! Тутъ-то онъ и припомнилъ и понялъ предостереженіе Нансена не выходить на лёво. Зато всю остальную часть вечера бравый штурманъ проходилъ вполне готовый спастись—съ мышкомъ, перекинутымъ на спину, и весь обвѣшанный разными предметами: рукавицами, ножами, чашками и т. п.

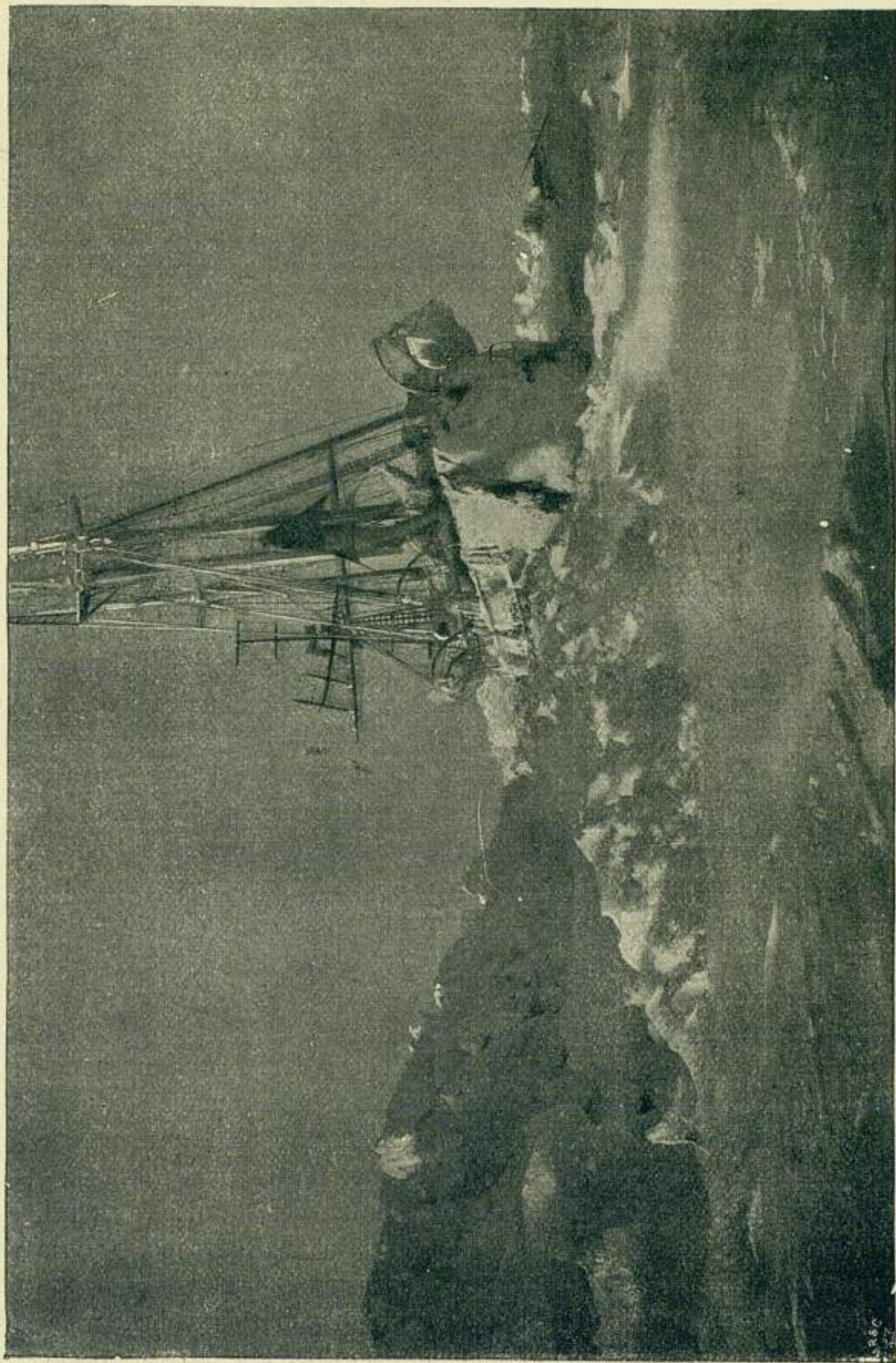
Эту ночь всѣ спали, не раздѣваясь и имѣя подъ рукою все нужное. Нансенъ собралъ въ желѣзные ящики всѣ дневники и замѣтки и поставилъ ихъ на полъ рядомъ со своей койкой. Всѣ двери были раскрыты, проходъ къ правому люку, загороженный книжными шкафами, освобожденъ, — словомъ, всѣ пути къ спасенію обезпечены.

Ночь, однако, прошла вполне спокойно, и слѣдующій день не принесъ никакихъ новыхъ бѣдъ. Экипажъ славно выспался послѣ трудовъ праведныхъ и послѣ обѣда принялся очищать отъ снѣга и льда лѣвый бортъ судна, дивясь, какъ только могъ тентъ выдержать такую тяжесть.

Въ этотъ же день, 6 января, Гансенъ, произведя измѣренія, объявилъ, что „Фрамъ“ находился на $83^{\circ} 34'$ с. ш. Итакъ, экипажъ судна достигъ такихъ градусовъ сѣверной широты, до которыхъ до сихъ поръ еще не доходилъ ни одинъ человѣкъ. Столь славное событіе было, разумѣется, отпраздновано самымъ торжественнымъ образомъ, и Нансенъ, берясь за дневникъ, не могъ опять не отмѣтить измѣнчивости судьбы.

„Вчера вечеромъ мы съ мышками за плечами трепетали за свою жизнь, а сегодня вечеромъ пьемъ пуншъ и ликуемъ—вотъ какъ измѣнчива судьба! Быть можетъ, весь этотъ шумъ былъ лишь салютомъ льда въ честь достиженія нами такихъ градусовъ широты! Въ такомъ случаѣ, надо сказать, ледъ таки постарался почтить насъ! Ну, да пусть себѣ трещитъ, только бы мы подвигались на сѣверъ. Теперь то ужъ „Фрамъ“ выдержитъ! Онъ приподнялся носовой частью почти на футъ, а кормовой на полфута, и кромѣ того нѣсколько подался назадъ. Онъ ничуть не пострадалъ; мы не нашли даже ни единой поломанной снасти. Тѣмъ не менѣе всѣ люди спятъ теперь въ полной боевой готовности“.

Но, „довольно замѣчательно“ — какъ пишетъ дальше самъ Нансенъ — съ тѣхъ поръ подобныя напоры льда уже не повто-

«Фрамъ» при лунномъ свѣтѣ послѣ большаго натиска льдовъ въ январѣ 1895 г. Фотографія.

рялись. Причину этихъ страшныхъ напоровъ Нансенъ видѣлъ въ томъ, что курсъ „Фрама“ съ новаго года, какъ то показали измѣренія, былъ неуклонно сѣверо-западный, вѣтеръ же дулъ какъ разъ съ юго-запада. Немудрено, что ледъ, подъ вліяніемъ этого вѣтра, такъ и притиснулъ судно. Напоры льда, продолжавшіеся въ теченіе января, были слабыми и никакой опасностью не грозили. Члены экспедиціи, однако, продолжали быть на сторожѣ и приняли еще рядъ мѣръ предосторожностей. Нѣсколько человѣкъ подъ руководствомъ Свердрупъ скололи порядочную верхушку тороса, притиснувшись къ лѣвому борту судна. Затѣмъ, экипажъ занялся устройствомъ „склада“ на льду. Всѣ спальные мѣшки, запасы обуви и одежды, были завернуты въ лодочные паруса и сложены на льду подальше къ западу. Провіантъ раздѣленъ на шесть кучекъ, сложенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и также прикрытыхъ парусиной. Въ трехъ изъ этихъ кучекъ находились и ружья съ запасомъ патроновъ. Еще одну кучку образовали ящики съ научными приборами и ящикъ съ патронами. На верхушкѣ Большого тороса устроили складъ саней и лыжъ. Еще въ одномъ мѣстѣ были сложены перевернутые кверху дномъ каяки и подъ ними кухонныя принадлежности. Все это имущество было разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ съ тою цѣлью, чтобы не лишиться всего заразъ, въ случаѣ, если и это пространство льда начнетъ трескаться и ломаться. Къ счастью, всѣ эти предосторожности оказались лишними, и остальная часть января прошла спокойно въ усиленныхъ приготовленіяхъ къ санной экспедиціи, — время выступленія ея въ путь было не за горами.

VI.

Къ 26 февраля, экспедиція, наконецъ, была вполне снаряжена. Каяки, сани, лыжи, палатка, спальные мѣшки, одѣяла, запасъ одежды и обуви, походная кухня, провіантъ и прочіе припасы—все было налажено, осмотрѣно, провѣрено, взвѣшено, распредѣлено. Каяковъ, какъ уже упоминалось, Нансенъ бралъ съ собою два; саней же предполагалось взять четверо. Самые сани, спеціально изготовленные мастерами „Фрама“ для предстоящей экспедиціи, соединяли въ себѣ прочность съ легкостью. Широкіе полозья ихъ, напоминавшіе норвежскія лыжи, были

подбиты пластинками новаго серебра и поставлены на тонкіе кленовые подполозья, пропитанные, чтобы лучше скользили, составомъ изъ дегтя, сала и стеарина. Отъ двойныхъ полозьевъ сани очень выигрывали въ прочности. Въ случаѣ, если бы деревянные подполозья стерлись, ихъ можно было оторвать, и

Розовая чайки. (*Rhodosthetia rosea*).

Фотографія, августъ 1894 г.

сани оказались бы на полозьяхъ съ новенькой, нержавеющей металлической подбивкой, на которой также могли отлично скользить. Лыжъ было заготовлено нѣсколько паръ различныхъ системъ и изъ разнаго дѣрева — и березовыя, и кленовыя, и ясе-

невыя; и онѣ всѣ были пропитаны тѣмъ же составомъ изъ дегтя, сала и стеарина. Складная палатка изъ плотнаго шелка-сырца, напоминавшая конструкціей походныя военныя, была также очень легка и удобна, довольно быстро ставилась и снималась. Желая по возможности уменьшить вѣсъ предметовъ снаряженія, Нансенъ рѣшилъ первоначально взять съ собой два спальныхъ мѣшка изъ легкихъ шкуръ молодыхъ оленей, но по испытаніи оказалось, что легкіе одиночныя мѣшки давали слишкомъ мало тепла. Пришлось сшить одинъ двуспальный мѣшокъ изъ толстыхъ оленьихъ шкуръ.

Опытъ также заставилъ Нансена и Югансена отказаться отъ одеждъ изъ волчьихъ шкуръ, которыя вызывали страшную испарину во время движенія, становились мокрыми, а снятыя затѣмъ на ночь смерзались такъ, что ихъ потомъ трудно было натянуть на себя. Рѣшено было остановиться на шерстяной одеждѣ, пропускающей испаренія человѣческаго тѣла. Самая одежда эта состояла изъ: двухъ Іегеровскихъ фуфаекъ, куртки изъ верблюжьей шерсти и, наконецъ, такъ называемой исландской куртки (у Нансена) или „анорака“ (у Югансена)—одежды, вродѣ эскимосской, изъ толстаго крестьянскаго сукна съ капюшономъ; затѣмъ, изъ шерстяныхъ кальсонъ, толстыхъ суконныхъ брюкъ, доходившихъ до колѣнъ, и суконныхъ гетръ. Сверхъ же всего этого надѣвались еще широкія „вѣтряныя брюки“ и „вѣтряный“ балахонъ съ капюшономъ, о которыхъ говорилось въ предыдущей главѣ. На ноги надѣвались шерстяныя носки и шерстяныя гамашы, а затѣмъ или финскіе башмаки *) (въ очень холодную и сухую погоду) изъ шкуръ, снятыхъ съ заднихъ ногъ самца-оленя, или же „комаги“ (въ болѣе теплую, сырую погоду) изъ недубленной воловьей кожи съ подошвами изъ тюленьей шкуры; эта послѣдняя обувь была, ради большей мягкости, прочности и непромокаемости, пропитана смѣсью ворвани съ дегтемъ. Въ финскіе башмаки для тепла вкладывались стельки изъ сухой травы „сѣнне“, которая отлично вбираетъ въ себя испарину и помогаетъ держать ноги сухими. Этой травы Нансенъ и Югансенъ брали съ собой большой запасъ. Въ послѣд-

*) Башмаки эти шьются изъ одного цѣльнаго куска оленьей шкуры, обращенной шерстью наружу.

нее же время въ теченіе экспедиціи они вмѣсто носковъ стали употреблять подвертки изъ сукна. На руки надѣвались сначала шерстяныя перчатки, а сверху толстѣйшія рукавицы изъ волчьихъ шкуръ. Головы прикрывались войлочными шапками съ козырьками, поверхъ которыхъ накидывался одинъ или даже пара шерстяныхъ капюшоновъ, да въ случаѣ нужды еще капюшонъ отъ „вѣтрянаго“ балахона.

Въ походной кухнѣ главную роль игралъ приборъ для варки пищи, состоявшій изъ трехъ котелковъ, вкладывавшихся одинъ въ другой. Самый внутренній изъ новаго серебра служилъ собственно для варки пищи, второй для снѣга или льда, которые надо было растопить и превратить въ воду, и третій самый наружный для сохраненія теплаго воздуха въ приборѣ. Для той же цѣли служили еще: колпакъ изъ алюминія, покрывавшій весь приборъ вмѣстѣ съ источникомъ тепла—керосиной лампой „Примусъ“, и надѣваемый сверхъ этого колпака чехоль изъ волчьяго мѣха. Такимъ образомъ не упускалось даромъ ни одной частички тепла, вырабатываемаго „Примусомъ“. Керосину путешественники брали съ собой 20 литровъ.

Въ запасахъ провіанта главную роль игралъ пеммиканъ, т. е. мясной порошокъ, приготовленный изъ лучшаго сорта мяса, тонко нарезаннаго, тщательно провяленнаго, высушеннаго, смолотаго и смѣшаннаго съ такимъ же первосортнымъ говяжьимъ жиромъ *). Еще былъ взятъ приготовленный такимъ же способомъ порошокъ изъ печени, и пеммиканъ, сдобренный растительнымъ масломъ вмѣсто жира, но этотъ сортъ пеммикана оказался не такъ хорошъ. Прекрасную и сытную пищу должна была также доставить рыбная мука профессора Воге, изъ которой выходила, съ прибавкой масла и сушеннаго картофеля, отличная похлебка. Затѣмъ, кромѣ варенаго и сушеннаго картофеля, въ составъ провіанта вошли: горохое пюре въ консервахъ, обработанная паромъ овсяная крупа, маисовая мука, „vril-food“ — нѣчто вродѣ сладкой муки, которую стоило чуть согрѣть на огнѣ, чтобы получить вкусное и питательное кушанье, сахаръ,

*) Во время грѣнландской экспедиціи Нансенъ и его спутники очень страдали отъ недостатка жира, такъ какъ взятый ими пеммиканъ оказался очень «постнымъ».

шоколадъ, простой и смѣшанный съ мяснымъ порошкомъ, порошокъ изъ сгущеннаго кислаго молока, изъ котораго Нансенъ и Югансенъ варили себѣ теплое питье на ночь, хлѣбъ, конечно самый сухой, двухъ сортовъ: изъ обыкновенный и изъ аллеуронной муки, и, наконецъ, масло, изъ котораго была отжата по возможности вся вода, отъ чего оно и меньше вѣсило и меньше подвергалось вліянію мороза.

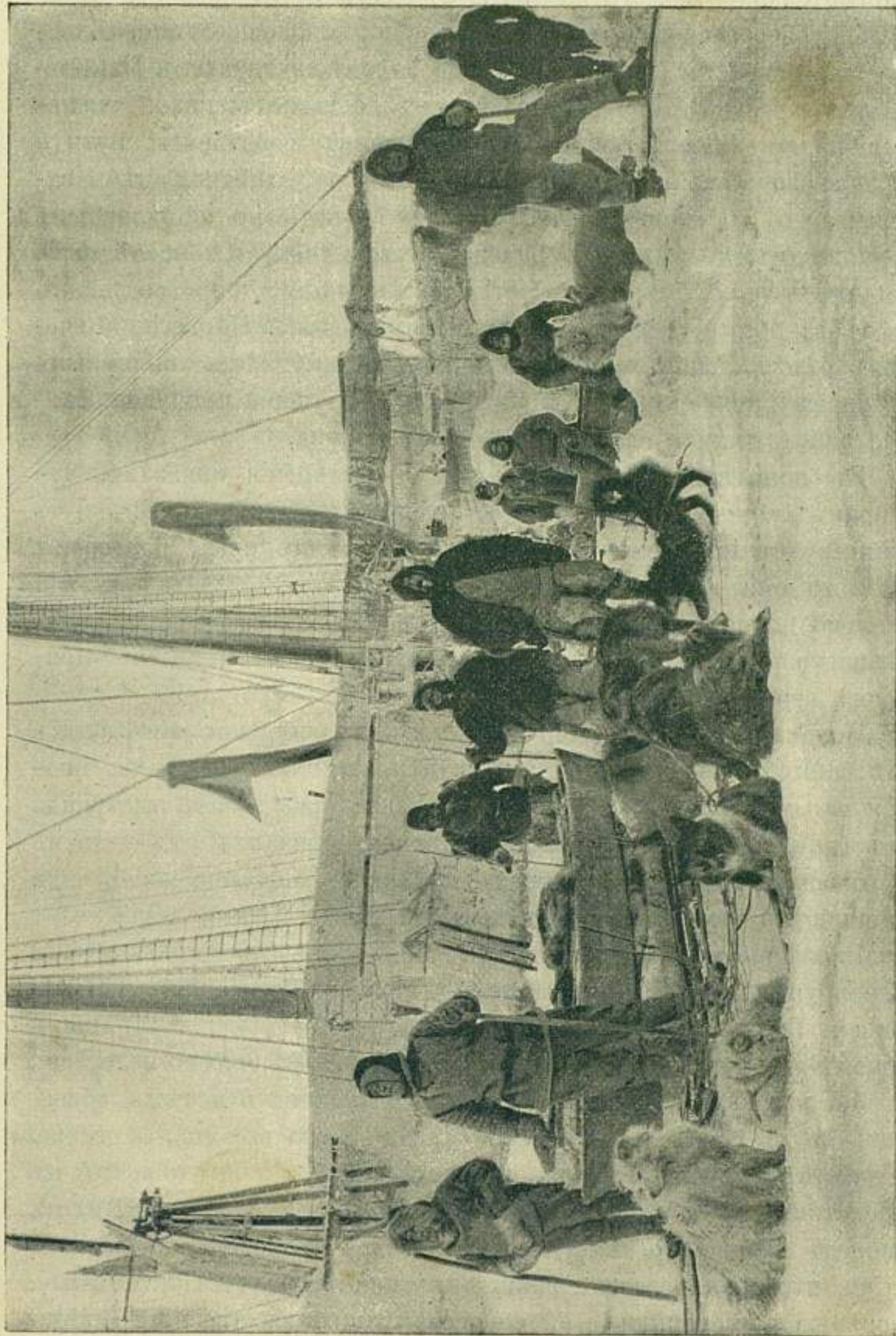
Всѣ съѣстные припасы, кромѣ пеммикана, были уложены внутри каяковъ, пеммиканомъ же было плотно набито нѣсколько длинныхъ мѣшковъ изъ парусины, которые и послужили подкладными подушками подъ каяки, имѣвшими цѣлюю обезпечить каякамъ устойчивое и удобное положеніе на саняхъ и предохранить отъ толчковъ при движеніи саней по неровному льду.

Боевое снаряженіе экспедиціи было ограничено двумя двухствольными ружьями (одинъ стволъ 20 калибр. для дробы и другой 360 калибр. для пуль), 180 патронами съ пулями и 150 съ дробью, запасомъ капсуль и пороха и порядочнымъ количествомъ топоровъ и ножей — охотничьихъ и карманныхъ.

Походная аптечка изъ самыхъ необходимыхъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, запасъ научныхъ приборовъ и инструментовъ для опредѣленія мѣстонахожденія экспедиціи и пройденнаго ею разстоянія, для метеорологическихъ, астрономическихъ и магнетическихъ наблюденій, да фотографическій аппаратъ завершали мертвый инвентарь экспедиціи. Живой составляли 28 собакъ.

Выступленіе экспедиціи въ путь было назначено на 20-ое февраля, но, какъ водится, въ послѣднюю минуту нашлось еще множество недодѣланныхъ дѣлъ, сборы затянулись, и срокъ выступленія отодвинулся. Нансенъ въ послѣдніе дни ложился спать не раньше половины четвертаго, половины пятаго утра, столько у него было заботъ и хлопотъ. Однимъ изъ послѣднихъ его дѣлъ, было составленіе подробной инструкціи командиру „Фрама“ капитану Свердрупу, становившемуся съ уходомъ Нансена главой экспедиціи на „Фрамъ“ и отвѣтственнымъ лицомъ за благополучный исходъ ея.

24-е февраля должно было явиться послѣднимъ воскресеньемъ, которое экспедиція проводила на „Фрамъ“ въ полномъ своемъ составѣ, и по этому случаю состоялся парадный обѣдъ. Скоттъ-

Свердрупъ, Нансенъ,

Гендриксенъ, Петерсенъ, Могстадъ,

Гансенъ,

Юль,

Амундсенъ, Югансенъ, Якобсенъ.
Отправленіе санной экспедиціи 14 марта 1895 г. Фотографія.

Гансенъ пожертвовалъ на тосты въ честь отъѣзжавшихъ тщательно сберегавшееся имъ до сихъ поръ красное вино, Блессингъ произнесъ рѣчь, въ которой заранѣе поздравилъ Нансена съ тѣми результатами, которыхъ онъ достигнетъ новой экспедиціей, и пожелалъ обоимъ отъѣзжавшимъ счастливаго пути и радостнаго возвращенія домой. Нансенъ въ отвѣтной рѣчи заявилъ, что оба они, конечно, будутъ скучать по оставленнымъ товарищамъ, но выразилъ надежду, что никому изъ послѣднихъ не придется жалѣть объ участіи въ экспедиціи, и провозгласилъ тостъ за общее радостное свиданіе въ родимой Норвегіи. Вечеромъ отъѣзжавшіе въ послѣдній разъ полакомились „полярнымъ пуншемъ“, конфектами и фруктами и выслушали прочувствованное напутственное слово капитана Свердрупа.

Въ понедѣльникъ, 25-го февраля измѣренія показали, что „Фрамъ“ находился подъ 83, 47' с. ш. Выступить же въ путь Нансену съ Югансеномъ удалось только во вторникъ 26 февраля, да и то они на этотъ разъ недалеко ушли, — сломалось нѣсколько подпорокъ и перекладинъ въ однѣхъ изъ саней, налетѣвшихъ на острый уголъ тороса, и путешественникамъ пришлось вернуться вспять.

Поломанныя сани были приведены въ порядокъ, и затѣмъ всѣ сани были снабжены длинными и широкими досками, положенными поперекъ подъ перекладины; края досокъ выступали изъ саней и должны были предохранять бока ихъ отъ ударовъ о торосы. Кромѣ того, Нансенъ прибавилъ еще двое саней, ради уменьшенія груза, приходящагося на каждыя сани.

Вновь выступили въ четвергъ, 28 февраля, въ сопровожденіи Свердрупа, Блессинга, Могстада, Гансена, Гендриксена, Якобсена и Бентсена, которымъ хотѣлось пробыть съ товарищами денекъ-два лишнихъ вмѣстѣ. У каждаго саней шло по человѣку, чтобы направлять ихъ, а иногда и подталкивать и тѣмъ облегчать трудъ собакамъ, но, несмотря на такую помощь, а также на то, что собаки, повидимому, были хорошо подготовлены къ предстоящимъ трудамъ обильнымъ питаніемъ, сани подвигались впередъ очень туго. Иногда собаки прямо останавливались. Ясно было, что грузъ всетаки слишкомъ значителенъ, и Нансенъ распорядился уменьшить его, сбросивъ съ саней нѣсколько мѣшковъ съ собачьимъ кормомъ. Якобсенъ и Бентсенъ помѣтили

мѣсто, воткнувъ въ снѣгъ сломанную лыжу, и, распростившись съ Нансеномъ и Югансеномъ, повернули къ судну за санями, на которыхъ можно было доставить обратно оставленный провіантъ. Остальные товарищи разстались съ Нансеномъ и Югансеномъ только послѣ полудня слѣдующаго дня, проводивъ ихъ на порядочное разстояніе. Прощаніе, конечно, было самое трогательное.

И вотъ, двое отважныхъ путниковъ остались самъ-другъ среди необозримой снѣжной пустыни. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы они ушли особенно далеко и на этотъ разъ. Въ теченіе слѣдующаго же дня (суббота 2-го марта) Нансену стало ясно, что съ такимъ тяжелымъ грузомъ и количествомъ саней имъ не справиться и что слѣдуетъ опять вернуться на корабль. Сдѣлали привалъ, отдохнули хорошенько, и утромъ въ воскресенье 3-го марта Нансенъ съ однѣми санями, въ которыя былъпряженъ двойной комплектъ лучшихъ собакъ, двинулся назадъ за подмогой, оставивъ Югансена съ остальными собаками и грузомъ. Преимущество болѣе легкаго груза, приходившагося на каждую собаку, не замедлило сказаться: Нансенъ въ нѣсколько часовъ проѣхалъ въ обратный конецъ то разстояніе, на которое передъ тѣмъ понадобилось три дня.

Первое, что услыхалъ Нансенъ, вернувшись на „Фрамъ“, было извѣстіе о достиженіи судномъ $84^{\circ} 4'$ с. ш. Послѣ обѣда Гансенъ и Нордаль на саняхъ Нансена съ тѣми же собаками помчались къ Югансену и черезъ часъ двадцать минутъ подѣхали къ его палаткѣ. Правда, Югансенъ не сидѣлъ на мѣстѣ, а потихоньку подвигался да подвигался съ оставшимися собаками впередъ, перепрягая ихъ изъ однѣхъ саней въ другія; только пройдя порядочный конецъ на пути назадъ къ „Фраму“, онъ остановился и разбилъ палатку, чтобы дождаться тутъ подмоги съ корабля.

На слѣдующее утро къ троицѣ товарищамъ, переночевавшимъ вмѣстѣ въ палаткѣ, прикатили на лыжахъ самъ Нансенъ, Свердрупъ и Гендриксенъ и „санная экспедиція“ вернулась на „Фрамъ“ въ третій разъ.

Послѣ новыхъ обсужденій и расчетовъ Нансенъ рѣшилъ взять съ собой только 3 саней съ 220 килом. груза на каждомъ: экономія въ грузѣ была достигнута уменьшеніемъ провіанта, котораго Нансенъ бралъ теперь: для себя съ товарищемъ а

сто дней, а для собакъ всего на 30. Эти трое саней были сооружены по возможности прочно.

Только 14 марта „санная экспедиція“ выступила въ четвертый и послѣдній разъ, напутствуемая ружейнымъ салютомъ товарищей. Свердрупъ, Могстадъ, Скоттъ-Гансенъ, Гендриксенъ и Петерсенъ отправились провожать ее. Первые двое, впрочемъ, скоро вернулись обратно, а остальные разстались съ Нансеномъ и Югансеномъ только на слѣдующій день. Петерсенъ долго упрашивалъ предводителя взять и его съ собой, обѣщая нести какія угодно обязанности, и былъ глубоко огорченъ, когда Нансенъ рѣшительно заявилъ, что это невозможно.

Въ первый день пути Нансену съ Югансеномъ удалось сдѣлать около $1\frac{1}{2}$ мили *), во второй $1\frac{3}{4}$ м. Это была далеко не та скорость, на какую рассчитывалъ Нансенъ, но онъ надѣялся, что дальше дѣло пойдетъ успѣшнѣе, — и ледъ будетъ ровнѣе, и грузъ станетъ уменьшаться.

Дѣйствительно, въ слѣдующіе дни удавалось иногда подвигаться впередъ на 2 и болѣе миль въ день, если не встрѣчалось трещинъ и другихъ задержекъ. Дорогу выбиралъ самъ Нансенъ; онъ шелъ впереди съ санями, на которыхъ помѣщался его каякъ; въ эти сани было впряжено 9 собакъ; затѣмъ слѣдовали среднія сани со всякой всячиной, запряженные тоже 9-тью собаками, и наконецъ шелъ Югансенъ съ третьими, на которыхъ находился его каякъ; эти сани тащилъ десятокъ собакъ. Первые и третьи сани подвигались довольно хорошо, но со средними, остававшимися безъ присмотра и подмоги, то и дѣло случалась бѣда, — собаки шли неровно, путали построики, и самая сани опрокидывались на бокъ. Югансенъ, конечно, сейчасъ же кидался на помощь, но въ это время часто та-же бѣда постигала его сани. Во время одной изъ такихъ аварій и былъ сначала попорченъ, а затѣмъ и вовсе утраченъ приборъ, показывавшій пройденное разстояніе. Съ тѣхъ поръ путешественники могли лишь приблизительно опредѣлять, насколько они подвигались за день впередъ. Въ этотъ же день (20 марта), со-

*) Здѣсь, какъ и вездѣ дальше, разстоянія приводятся въ норвежскихъ морскихъ или географическихъ миляхъ; одна такая миля равняется 24,000 фут.

Примѣч. Нансена.

гласно пословицѣ, „одна бѣда не ходитъ“, случилась и другая непріятность: одна изъ собакъ „Лейбъ-егерь“ настолько обезсилила, что пришлось выпрячь ее и предоставить ей бѣжать на свободѣ.

Самое путешествіе въ первое время представляло мало пріятнаго. Правда, путь большею частью былъ хорошъ, но трудовъ и хлопотъ путешественникамъ всетаки было немало. Ничинались они съ ранняго утра, когда товарищамъ приходилось вылѣзть изъ теплаго спальнаго мѣшка на жестокой холодъ (свыше — 40° Ц.). Одежда ихъ быстро покрывалась инеемъ и затѣмъ превращалась въ настоящую ледяную броню. Приготовление утренняго завтрака, кормленіе собакъ, сниманіе палатки, запряжка и выступленіе въ путь — все дѣлалось на морозѣ медленно и съ большимъ трудомъ; застывшіе пальцы и руки плохо слушались, а собаки иной разъ еще упрямилась или перепутывали постромки. Идти весь день было невозможно, и обыкновенно путешественники дѣлали небольшой роздыхъ днемъ, но не разбивали палатки, а просто присаживались на свои санки и закусывали холодной пищей (мяснымъ шоколадомъ, хлѣбомъ съ масломъ). Такой отдыхъ длился обыкновенно очень недолго; холодъ заставлялъ торопиться продолжать путь, чтобы согрѣться движеніемъ. Подъ вечеръ-же дѣлался настоящій приваль. Путешественники разбивали палатку, выпрягали собакъ, привязывали ихъ къ натянутому между двумя санями двумъ стальнымъ перелинямъ съ прикрѣпленными къ нимъ короткими двойными смычками, кормили ихъ, готовили горячую пищу, съ наслажденіемъ забирались въ спальныи мѣшокъ, ѣли, затѣмъ затягивали мѣшокъ возможно плотнѣе, — только, чтобы не задохнуться — и погружались въ тяжелый сонъ до утра, когда опять начиналось то же самое. Ложиться спать приходилось нераздѣваясь, а лишь набрасывая на себя сверху еще шерстяные балахоны, сшитыя изъ одѣялъ. Между тѣмъ затвердѣвшее на ходу платье рѣзало до крови запястья рукъ и ноги у щиколодокъ. Руки вообще сильно страдали отъ холода, такъ какъ часто приходилось снимать рукавицы на морозѣ: то собаки путали постромки и ихъ надо было распутывать, то приходилось выгребать изъ мѣшка пеммиканъ для собакъ, то доставать пищу для себя, то разбивать палатку. Ноги удавалось лучше уберечь; зато путники и

нянчились съ ними! Вечеромъ разувались, выворачивали финскіе башмаки на изнанку, вынимали оттуда траву „сэне“ и прятали ее себѣ за пазуху, чтобы она высохла къ утру, потомъ надѣвали на ноги вмѣсто носковъ чулки изъ волоса и овечьей шерсти или обвертывали ноги суконными подвертками и сверху уже надѣвали вывернутые на изнанку финскіе башмаки. Утромъ же переобувались опять.

Спальный мѣшокъ былъ лучшимъ другомъ путешественниковъ, но и онъ съ каждымъ днемъ становился все жестче и тяжелѣе. Время отъ времени его приходилось выворачивать и выколачивать палкой, чтобы сдѣлать его помягче. Когда они забирались въ него вечеромъ, мѣшокъ и самыя одѣянія ихъ мало-по-малу оттаявали и становились мягче, но оттаиваніе это производилось за счетъ теплоты ихъ собственнаго тѣла и дыханія, и немало приходилось имъ расходовать этой теплоты! Только согрѣвъ одежду и мѣшокъ, начинали бѣдняги согрѣваться сами и только мало-по-малу переставали дрожать. Разумѣется, замерзшія рукавицы, носки и мокрая трава, которыя они клали себѣ за пазуху сушить, не особенно способствовали согрѣванію!

Когда же путь ухудшился (съ 23 марта), пришлось еще труднѣе. Путешественники то и дѣло должны были помогать собакамъ тянуть сани, а то и вовсе приподымать послѣднія и переволакивать черезъ бугры и неровности. Немудрено, что къ вечеру оба такъ уставали, что просто шатались и чуть не падали, не засыпали на ходу.

21 марта была убита первая собака, злополучный, негодный къ работѣ „Лейбъ-егерь“. Многіе изъ его товарищей на первый разъ пренебрегли „собачиной“, предпочитая остаться голодными. Впослѣдствіе же, почувствовавъ, вѣроятно, что голодъ не тетка, собаки пожирали своихъ убитыхъ собратьевъ съ большимъ аппетитомъ, хотя Нансенъ и Югансенъ, перестали даже свѣжевать убитыхъ животныхъ, а прямо такъ и отдавали ихъ на съѣденіе со шкурой.

Обоихъ товарищей крайне удручало это постепенное избіеніе собакъ, но такова была печальная необходимость, заставлявшая путешественниковъ — какъ пишетъ самъ Нансенъ — „систематически убивать въ себѣ лучшія свои чувства и проникаться самымъ жестокосерднымъ эгоизмомъ“... „Какъ подумаю только“—пишетъ

онъ дальше— „объ этихъ славныхъ животныхъ, работавшихъ на насъ до тѣхъ поръ, пока только въ силахъ были таскать ноги, служившихъ намъ вѣрой и правдой, безъ малѣйшаго ропота, никогда не получавшихъ за это благодарности и даже рѣдко слышавшихъ доброе слово, ежедневно извивавшихся подъ ударами кнута—пока не наставала минута полного изнеможенія, и смерть не освобождала ихъ отъ ихъ мученій, когда вспомню, какъ онъ одна за другой лишались жизни въ ледяной пустынѣ,

Черезъ торосы.

Рис. Г. Эгедіуса съ фотографіи.

бывшей свидѣтельницей ихъ вѣрной службы—въ душѣ у меня зашевелится горькій упрекъ самому себѣ!”

Убивать собакъ приходилось Югансену, на которомъ вообще лежала главная забота о собакахъ. Онъ запрягалъ ихъ утромъ, распрягалъ вечеромъ, привязывалъ на ночь и задавалъ имъ кормъ. Нансенъ же въ это время ставилъ палатку, набивалъ котелъ кухоннаго прибора льдомъ, зажигалъ лампу и готовилъ ужинъ. Одинъ день варился „лабскаусъ“—нѣчто вродѣ похлебки

изъ пеммикана, пшеничной муки, масла и сушеннаго картофеля; другой день „фискегратинъ“ — похлебка изъ рыбной и пшеничной муки съ масломъ; третій — супъ изъ гороховаго пюре или чечевичная похлебка съ пеммиканомъ, которыя ѣлись съ сухимъ хлѣбомъ. Любимыми блюдами были „лабскаусъ“ и „фискегратинъ“.

Какъ только Югансенъ кончалъ свое дѣло, въ палатку вносились маленькіе мѣшки съ провіантомъ, нужнымъ на завтрашній день для утренней трапезы, два небольшихъ мѣшка съ разными разностями *) и спальный мѣшокъ. Послѣдній развертывался, откидная пола палатки наглухо пристегивалась, и товарищи залѣзали вмѣстѣ въ спальный мѣшокъ — согрѣться немножко въ ожиданіи горяченькаго. Югансенъ могъ пока и вздремнуть немножко, Нансену-же, бывшему за повара, приходилось слѣдить за варившимся кушаньемъ. Наконецъ, послѣднее поспѣвало, каждый бралъ свою порцію и по обыкновенію смаковалъ ее съ наслажденіемъ. Бывало иногда, впрочемъ, по свидѣтельству Нансена, и такъ, что усталые глаза закрывались сами собой, и путешественники засыпали, не донеся ложки до рта!

Вечернимъ напиткомъ служилъ обыкновенно кипятокъ съ распущеннымъ въ немъ порошкомъ кислаго молока. Это питье считалось настоящимъ лакомствомъ; главнымъ образомъ потому, что „согрѣвало все тѣло до самыхъ пятокъ“ — какъ пишетъ Нансенъ.

Насытившись и согрѣвшись, товарищи плотно затягивали мѣшокъ и, прижавшись другъ къ другу, засыпали. Но и во снѣ продолжалъ давать себя знать беспокойный, полный трудовъ день: имъ снились бугры, торосы, собаки и возня съ ними, и путешественники иногда даже вскрикивали во снѣ. Особенно беспокойный сонъ былъ у Югансена, который часто и будилъ Нансена своими криками: „Панъ! Варрава! Гремучая змѣя! **) Пойдешь ли ты впередъ, дьяволъ! Тпру! Тпру, чортова ско-

*) Въ этихъ мѣшкахъ было по перемѣнѣ шерстяного бѣлья, рукавицъ, перчатокъ, по войлочной шапкѣ, по парѣ подвертокъ, снѣжныхъ очковъ, затѣмъ, вуали, дневники и проч. мелочь. Эти же мѣшки служили товарищамъ подушками для сна.

**) Имена собакъ.

тина!..“ Не особенно благопріятствовалъ крѣпкому спокойному сну и холодъ; несмотря на то, что товарищи спали въ мѣшкахъ вдвоемъ и отчасти согрѣвали другъ друга, по ночамъ имъ становилось иногда очень холодно, и разъ Нансенъ даже приморозилъ себѣ пальцы рукъ.

Утромъ Нансену, какъ повару, приходилось вставать первому и готовить завтракъ. Послѣдній состоялъ изъ горячаго шоколада, хлѣба съ масломъ, пеммикана или кашицы съ масломъ и горячаго питья изъ порошка кислаго молока. Приготовление завтрака брало съ часъ времени. Когда онъ поспѣвалъ, пробуждался Югансенъ, и товарищи завтракали, сидя въ мѣшкахъ, затѣмъ брались за свои дневники и, только покончивъ съ записями, прощались съ мѣшкомъ.

„Какъ часто“ — пишетъ Нансенъ — „хотѣлось мнѣ опять заползти въ самую глубь мѣшка и спать, спать цѣлые сутки! Это казалось мнѣ наивысшимъ блаженствомъ въ свѣтѣ. Но надо было идти впередъ, впередъ, къ сѣверу. Мы справляли свой туалетъ и вылѣзали на холодъ, готовили сани, запрягали собакъ и скорѣе пускались въ путь. О, какъ въ эти холодные дни мы вздыхали по нашимъ теплымъ волчьимъ шубамъ, оставленнымъ на „Фрамъ“!

Хорошо еще, что къ страданьямъ отъ холода не присоединялись страданія отъ такъ называемой „арктической“ жажды, на которую такъ жаловалось большинство арктическихъ санныхъ экспедицій и которая считалась почти неизбѣжнымъ зломъ, сопровождающимъ продолжительныя путешествія по снѣжнымъ равнинамъ. Многіе путешественники ѣли снѣгъ, и это еще увеличивало жажду. Самъ Нансенъ испыталъ ее во время грѣнландской экспедиціи и на этотъ разъ запасся для себя и своего спутника особыми карманными фляжками изъ чернаго дерева. Оба наполняли свои фляжки по утрамъ водой, полученной изъ растопленнаго въ кухонномъ приборѣ льда, и держали ихъ у себя весь день за пазухой на случай жажды. Скоро, однако, оказалось, что обильная жидкая пища и питье утромъ и вечеромъ достаточно предохраняли обоихъ товарищей отъ жажды въ течение дня, и они перестали запасаться водой. Если же изрѣдка случалось, что имъ хотѣлось пить въ неурочное время, они уто-

ляли жажду кусочкомъ прѣснаго льда, который всегда можно было отыскать по дорогѣ *).

Первый мѣсяцъ путешествія мартъ закончился крайне злополучными днями. Вотъ какъ описываетъ ихъ самъ Нансенъ. „Суббота 30 марта. Сначала попали на скверный путь и принуждены были дѣлать всевозможные крюки, чтобы подвигаться впередъ, такъ что подвинулись за день немного, даромъ что шли очень долго. Подъ конецъ выбрались таки на хорошій путь — старый, плотный ледъ, и такой ровный, какого мы давно не видали. Но вдругъ, путь нашъ преградилъ цѣлый рядъ торосовъ, полоса самаго невозможнаго, исковерканнаго льда. Послѣдній торось пришелся намъ солонѣе всѣхъ; за нимъ оказалась большая трещина въ толстомъ льду и, когда первыя сани переѣзжали черезъ нее, собаки провалились. Пришлось ихъ вытаскивать, а трещина-то была глубиной въ двойной ростъ человѣка. „Гремучая змѣя“ при этомъ сумѣла выскочить изъ упряжи и задала стрекача. При переправѣ слѣдующихъ саней онѣ сами угодили въ трещину. Счастье еще, что не разбились въ дребезги! Пришлось разгружать ихъ до чиста, чтобы вытащить оттуда, и потомъ нагружать снова, на что ушло, конечно, не мало времени. Затѣмъ пришлось спустить собакъ съ одной стороны трещины и снова вытащить ихъ съ другой. Послѣднія сани переправили довольно благополучно. Когда мы проѣхали небольшой конецъ, бѣглянка вернулась. Еле-еле добрались мы до удобнаго мѣста, гдѣ можно было разбить лагерь. Оказалось — 43° Ц. При такой температурѣ не сладко было распутывать собачьи построшки израненными, обмороженными, голыми пальцами, съ которыхъ чуть-ли не цѣликомъ слѣзла кожа. Но, наконецъ, мы были въ нашемъ миломъ мѣшкѣ, и „Примусъ“ уже сталъ ласкать нашъ слухъ своимъ пріятнымъ шипѣньемъ, какъ вдругъ, пламя погасло! Я принялся разслѣдовать дѣло, а Югансенъ отправился къ каяку за новымъ запасомъ керосина. Наконецъ, я открылъ, что подъ крышку забился ледъ. Живо справилъ дѣло, и къ

*) Снѣгъ увеличиваетъ жажду, и кромѣ того употребленіе его можетъ вызвать и другія непріятныя послѣдствія, кусочкомъ же льда всегда можно утолить жажду, особенно если предварительно погрѣть его въ рукахъ. Въ этомъ, вѣрно, имѣли случай убѣдиться многіе путешественники.

5 ч. утра намъ таки удалось дождаться порціи гороховаго супа, который показался намъ прямо восхитительнымъ. И только въ три часа пополудни я снова выльзъ изъ мѣшка, чтобы взяться за приготовленіе утренняго завтрака. Слава Богу, что хоть въ мѣшкѣ-то бываетъ тепло и уютно, а то просто хоть пропадай!“

„Воскресенье 31 марта. Вчера, наконецъ, наступила долгожданная переменѣна погоды; подулъ южный вѣтеръ, и температура поднялась. Сегодня рано утромъ было всего — 30° Ц. Чуть не лѣто! Въ силу такихъ многообѣщающихъ обстоятельствъ, мы выступили въ путь въ восторженномъ настроеніи. Вѣтеръ дулъ въ спину, ледъ былъ хорошъ! Подвигались впередъ быстро, и все шло отлично, пока на нашемъ пути не вскрылась полынья. И какъ разъ во время переправы черезъ нее нашихъ первыхъ саней! Ихъ то намъ всетаки удалось переправить, но, когда мы стали перебираться черезъ нее назадъ за другими санями, льдина подъ Іогансеномъ перевернулась, онъ угодилъ обѣими ногами въ воду и едва выкарабкался. Прескверная исторія! А полынья все разширялась и разширялась. Я пошелъ вдоль нея въ одну сторону, потомъ въ другую, ища мѣстечка для переправы, — нѣтъ да и только. Вотъ мы и стояли: одинъ человѣкъ и однѣ сани по одну сторону трещины, и одинъ человѣкъ и двое саней по другую, причемъ этотъ человѣкъ былъ еще мокрешенекъ, а полынья, раздѣлявшая насъ все увеличивалась. Каяковъ нельзя было пустить въ ходъ немедленно: сани съ каяками столько разъ опрокидывались и наталкивались на выступы торосовъ, что въ парусинной обшивкѣ каяковъ образовалось немало дыръ. Веселая рисовалась перспектива; мнѣ провести ночь въ палаткѣ одному по одну сторону полыньи, а Іогансену, пожалуй, замерзнуть на другой сторонѣ. Только послѣ долгихъ поисковъ я обрѣлъ далеко отъ мѣста крушенія мѣстечко, гдѣ мнѣ удалось перебраться самому и перетащить назадъ сани съ палаткой. Устраивать новую переправу намъ уже не въ моготу было, и мы разбили лагерь. Нижняя часть тѣла Іогансена была покрыта сплошной ледяной броней, а „вѣтряныя“ брюки его такъ пострадали, что необходимо было заняться ихъ починкой“. —

Не веселѣе начался для путешественниковъ и апрѣль. Температура, правда, все повышалась, но южный вѣтеръ перешелъ въ настоящій буранъ, а ледъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: без-

конечныя трещины, полыньи и торосы. Какъ ни напрягали товарищи свои силы, имъ удавалось за день проходить весьма немного. Приходилось поэтому отнимать отъ отдыха часть ночи — благо было свѣтло — а, если этого было мало, и часть слѣдующаго дня.

Выступить въ путь 1-го апрѣля удалось лишь около 2 час. пополудни, такъ какъ пришлось предварительно заняться перегрузкой саней Югансена: одинъ изъ подкладныхъ мѣшковъ съ пеммиканомъ опустѣлъ, и вмѣсто него надо было подложить подъ каякъ мѣшокъ съ хлѣбомъ. Другой мѣшокъ понадобилось зашить, чтобы пеммиканъ изъ него не сыпался, а при дальнѣйшемъ осмотрѣ провизіи оказалось, что и мѣшокъ съ рыбной мукой и мѣшокъ съ картофелемъ нуждаются въ починкѣ. Шитье же при 24 градусовъ мороза и вѣтрѣ шло не такъ то скоро! Выступивъ въ этотъ день такъ поздно, Нансенъ съ Югансеномъ зато и остановились, чтобы передохнуть и перекусить, лишь въ 9 ч. утра на другой день. Нансенъ былъ такъ утомленъ, что, забравшись въ мѣшокъ, уснулъ съ кускомъ въ рукахъ, и вотъ что ему приснилось:

„Я какъ будто былъ въ Норвегіи въ гостяхъ у какихъ-то людей, которыхъ я видѣлъ всего разъ въ жизни, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Венеціи. Они были очень ласковы и радушны. Дѣло было какъ будто въ первый день Рождества, и я находился въ какой-то огромной, пустой залѣ. Предстоялъ обѣдъ. Въ комнатѣ было холодно, и я дрожалъ. Но на столѣ уже стояло нѣсколько горячихъ, дымящихся блюдъ, между прочимъ чудный, жирный гусь! Ахъ, у меня просто слюнки текли! Стали собираться еще гости; я видѣлъ въ окошко, какъ они вѣзжали во дворъ. Я хотѣлъ выйти имъ на встрѣчу, но вдругъ провалился въ глубокій снѣгъ. Какъ такъ это могло случиться посреди комнаты? Хозяинъ весело захохоталъ, и я проснулся — въ мѣшкѣ посреди пловучаго льда, на дальнемъ сѣверѣ, дрожа отъ холода!.. Брр! Какимъ несчастнымъ я показался самому себѣ! Мы встали, молча привели сани въ порядокъ, выступили и шли безъ отдыха до 4 ч. дня. Я все время шелъ въ самомъ мрачномъ настроеніи, не въ состояніи примириться съ разочарованіемъ по поводу чудеснаго обѣда. Чего не далъ бы я за одинъ часокъ, проведенный въ комнатѣ, какъ бы она ни была холодна. Тутъ вѣтеръ пронизывалъ прямо насквозь!“ —

И немудрено, что мрачное настроеніе не проходило: путь выдался крайне трудный.—„Торосы и замерзшія полыньи съ исковерканнымъ льдомъ по краямъ становились все хуже и хуже. Чертовски трудно пробираться по этимъ вновь образовавшимся

Напсенъ въ поискахъ пути. Фотографія.

нагроможденіямъ и отыскивать путь для саней. Лыжами пользоваться нельзя, слишкомъ мало снѣгу между этими навороченными глыбами льда. При томъ же погода такая, что ничего не разберешь; все сливается въ бѣломъ туманѣ; и бугры, и впадины,

и промежутки между нагроможденіями—все запорошено бѣлымъ предательскимъ снѣжкомъ, такъ что то и дѣло оступаешься, проваливаешься и падаешь. Приходится еще считать за счастье, что не ломаешь себѣ при этомъ ногъ! То и дѣло дѣлаешь длинные концы впередъ одинъ, чтобы розыскать дорогу: суешься то въ одну сторону, то въ другую, наконецъ отыщешь проходъ—надо назадъ за санями. Такимъ образомъ, часто приходится одинъ и тотъ же конецъ смѣрять взадъ и впередъ нѣсколько разъ. Вчера когда мы, наконецъ, остановились, я былъ совсѣмъ измученъ. А хуже всего было то, что мы шли вчера безъ отдыха такъ

Югансенъ въ ожиданіи Нансена.

Рис. Г. Эгедіуса съ фотографіи.

долго, что часы Югансена успѣли остановиться. Мои, къ счастью, еще тикали, и я успѣлъ завести ихъ прежде, чѣмъ они остановились, такъ что надѣюсь, съ этой стороны, все въ порядкѣ. Теперь 12 ч. дня; температура— $31,5^{\circ}$ Ц. Погода ясная; вѣтеръ съ юго-востока; скорость 4 метра. Виднѣющійся впереди ледъ смотритъ еще хуже оставшагося позади, и я начинаю задумываться надъ тѣмъ — продолжать ли намъ держаться сѣвернаго курса“. —

Слѣдующій переходъ оказался не менѣе, если еще не болѣе тяжелымъ, и Нансенъ опять писалъ въ своемъ дневникѣ:

„Эти нагроможденія льда просто могутъ довести до отчаянія, и нѣтъ надежды, что впереди будетъ лучше. Я вычислилъ въ полдень широту; оказалось всего $85^{\circ} 59'$. Просто поразительно, что мы не ушли за это время дальше.

Всѣ наши труды какъ будто пропадаютъ задаромъ. Начинаю въ серьезъ сомнѣваться въ благоразуміи упорнаго стремленія къ сѣверу. До земли Франца-Иосифа путь втрое длиннѣй, нежели пройденный нами теперь отъ пункта нашего выступленія въ санную экспедицію. И каковъ-то окажется ледъ въ томъ направленіи? Наврядъ-ли можно рассчитывать, что онъ лучше, такъ что и на болѣе быстрые переходы по нему мало надежды. Къ этому надо прибавить, что очертанія и протяженіе береговъ этой земли неизвѣстны, и потому мы должны приготовиться ко всякаго рода случайностямъ, препятствіямъ и задержкамъ, которыя не такъ-то скоро, пожалуй, дадутъ намъ добраться до мѣстъ, гдѣ можно существовать охотой. Я уже давно вижу, что самого полюса или ближайшихъ къ нему областей не достигнешь по такому льду и съ такимъ количествомъ собакъ. Будь у насъ ихъ побольше! Чего бы я теперь не далъ за Оленекскихъ собакъ! Что-жъ, придется сдаться. Немного раньше, немного позже, но придется. А разъ вопросъ объ отступленіи только вопросъ времени, то является вопросъ другого рода—не можемъ-ли мы съ большею пользою употребить это время на самой Землѣ Франца-Иосифа, чѣмъ тратить его тутъ на пловучемъ льду? У насъ уже было достаточно времени изучить послѣдній, и врядъ ли онъ можетъ предоставить что-либо новое вплоть до самаго полюса. А разъ мы не можемъ надѣяться подняться къ сѣверу значительно выше въ тотъ промежутокъ времени, который остается въ нашемъ распоряженіи до того момента, когда мы во всякомъ случаѣ принуждены будемъ повернуть обратно, то не лучше ли не тянуть напрасно?“...

„Но меня все больше и больше мучитъ вопросъ—почему-же мы такъ мало подвинулись къ сѣверу? Я все вычисляю и вычисляю, провѣряю прежнія вычисленія и, принимая во вниманіе наши ежедневные переходы, все выходитъ, что мы уже должны были бы теперь быть гораздо сѣвернѣе 86° —при условіи, что ледъ неподвиженъ. Увы! Скоро я перестану сомнѣваться въ томъ,

что онъ движется и движется къ югу! Всѣ наши труды и стремленія парализуются этимъ капризнымъ движеніемъ льда, зависящимъ отъ вѣтровъ и теченій. Вотъ они наши злѣйшіе враги".—

Тѣмъ не менѣе Нансенъ еще нѣсколько дней боролся съ этими почти непреодолимыми препятствіями въ видѣ вѣтра, теченія и непроходимаго льда. Но ледъ становился все хуже и хуже, а силы собакъ положительно таяли, и 5 апрѣля Нансенъ уже писалъ:

„Нѣтъ, положительно я все болѣе убѣждаюсь, что мы должны

Черезъ торосъ.

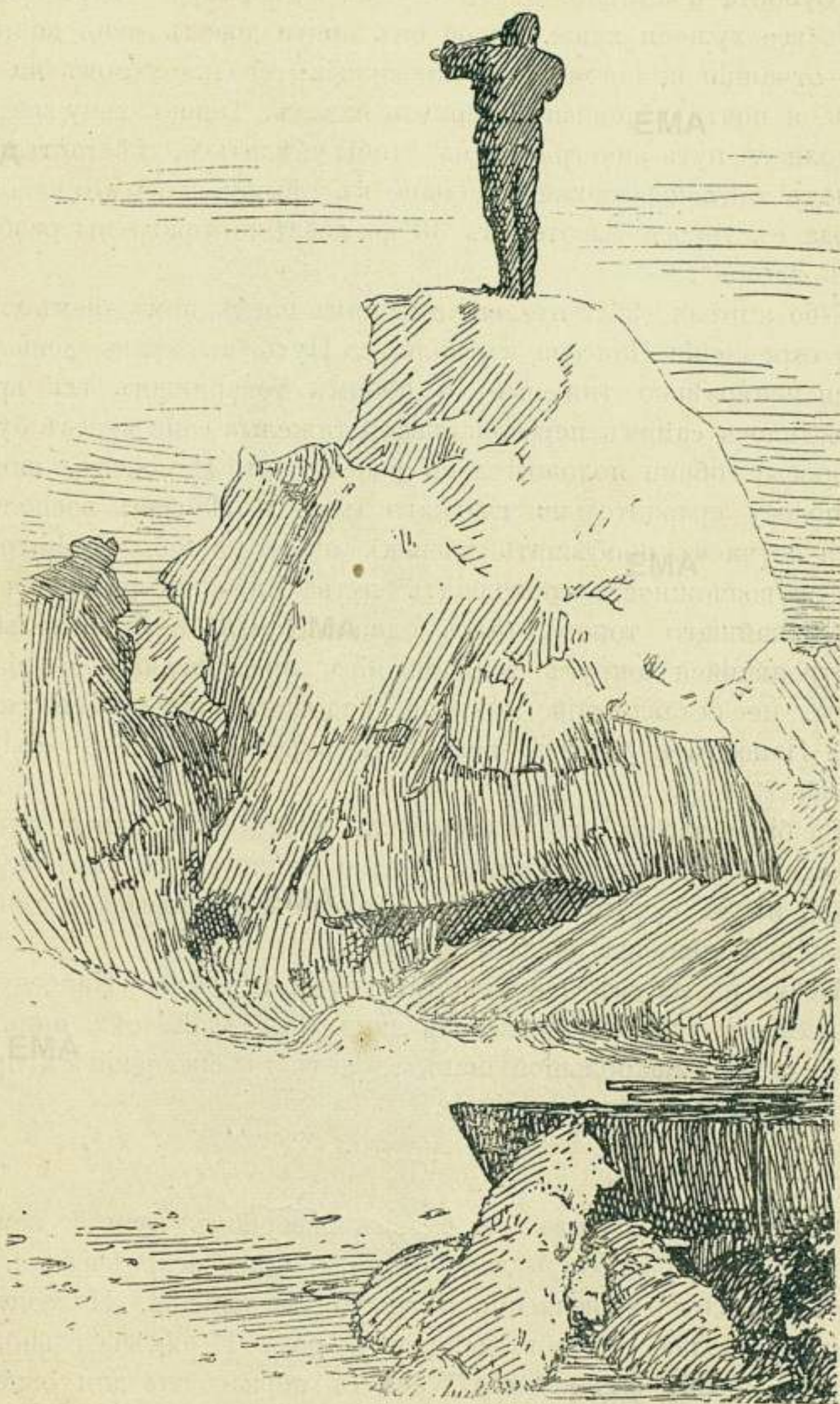
Рис. А. Эйсбакке съ фотографіи.

повернуть назадъ раньше назначеннаго нами самимъ себѣ срока *). До Земли Петермана около 60 миль **), но они, пожалуй, здорово растянутся для насъ! Вопросъ теперь только въ томъ: слѣдуетъ-ли намъ во что бы то ни стало стремиться достигнуть хотя бы 87° с. ш.? Сомнѣваюсь, однако, чтобы мы выдержали, если путь не станетъ лучше".

*) Покидая «Фрамъ» я рассчитывалъ идти впередъ къ сѣверу въ теченіе 30 дней; на этотъ срокъ мы и запаслись провіантомъ для нашихъ собакъ.

**) Въ дѣйствительности было свыше 90 миль до мыса Флигели.

Примѣч. Нансена.

Ледъ, ледъ до самаго горизонта, куда ни обернись!

Рис. Э. Веренскѣольда.

„Суббота 6 апрѣля. Два часа утра; температура—24, 2°. Ледъ идетъ все хуже и хуже. Вчера онъ почти довелъ меня до полного отчаянія и, когда мы остановились сегодня утромъ на отдыхъ, я почти рѣшился повернуть назадъ. Теперь хочу все-таки продолжать путь еще *одинъ* день, чтобы убѣдиться, действительно ли ледъ такъ невозможенъ дальше къ сѣверу, какъ это кажется отсюда съ тороса высотой въ 30 ф., возлѣ котораго мы разбили нашъ лагерь“. —

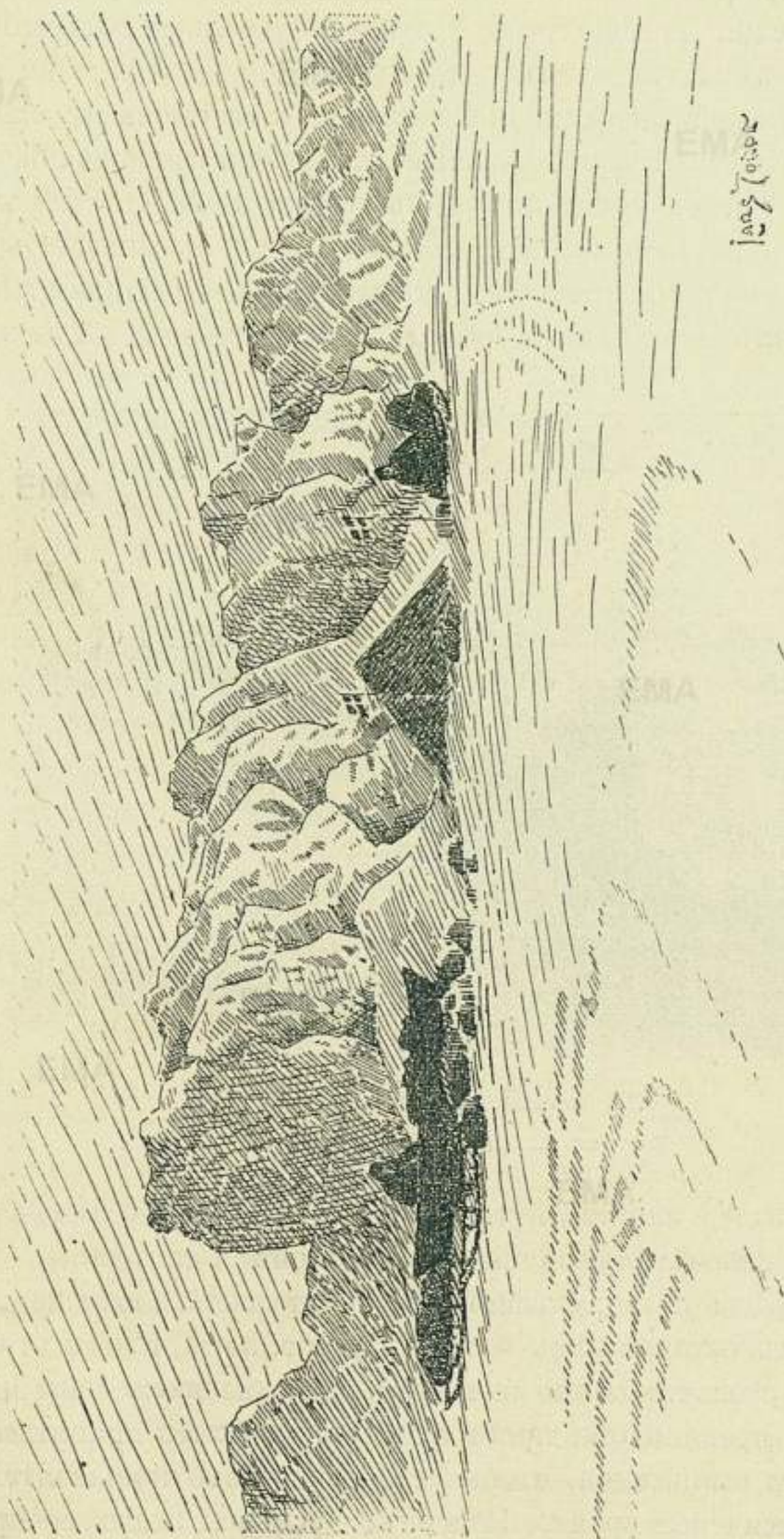
7-ое апрѣля действительно и явилось послѣднимъ днемъ упорнаго стремленія Нансена къ полюсу. Путь въ этотъ день выдался неимоверно тяжелый, и обоимъ товарищамъ все время приходилось самимъ переволакивать тяжелыя сани черезъ бугры и торосы; собаки положительно изнемогали. Наконецъ, напали на полосу сравнительно гладкаго льда, и Нансенъ воспользовался случаемъ пробѣжать впередъ одному, чтобы высмотрѣть, есть-ли возможность продолжать путь. Видъ, открывшійся ему съ ближайшаго тороса, былъ однако самый неутѣшительный: разстилавшійся вокругъ ледяной мѣрь представлялъ настоящий хаосъ, не оставлявшій никакой надежды пробраться сквозь него. Нансенъ и рѣшилъ направить курсъ къ Землѣ Франца-Иосифа.

Разбили лагерь и ознаменовали этотъ поворотный пунктъ экспедиціи настоящимъ пиромъ, состоявшимъ изъ „лабскауса“, хлѣба, масла, сухого шоколада, брусничнаго киселя и теплаго питья изъ порошка кислаго молока.

Несмотря на всѣ неимоверныя труды и усилія, Нансену съ Югансеномъ удалось достигнуть лишь 86, 13, 36' сѣв. шир., но и это былъ уже большой шагъ впередъ въ сравненіи съ прежними полярными экспедиціями.

VII.

8 апрѣля, водрузивъ на самомъ сѣверномъ пунктѣ земного шара, на который когда либо ступала нога человѣческая, два флага: шведско-норвежскій и чисто норвежскій, Нансенъ съ Югансеномъ повернули въ обратный путь. И замѣчательно, что путь въ новомъ направленіи WSW съ перваго же дня оказался отличный. Ледъ шелъ все сравнительно ровный, гладкій, такъ что можно было по долгу спокойно скользить на лыжахъ за

Самый северный лагерь. $86^{\circ} 13' 36''$.

Рисункъ Горде по фотографіи, снятой 8 апрѣля 1895 года.

санями. 9-го апрѣля вечеромъ, впрочемъ, чуть не приключилось бѣды: одни сани благополучно переѣхали черезъ только-что затянувшуюся тонкимъ льдомъ полынью, другіе были уже на полпути, какъ вдругъ собаки провалились, и ледъ подъ санями сталъ поддаваться. Къ счастью, Нансенъ съ Югансеномъ, бывшіе на лыжахъ, успѣли круто повернуть собакъ и сани и выбрались таки съ ними на твердый ледъ по ту сторону полыни. Съ послѣдними же санями пришлось повозиться и предпринять для переправы ихъ порядочный обходъ. Зато ночной отдыхъ въ

По довольно гладкому льду.

Рисунокъ А. Эйсбакке съ фотографіи.

мѣшкѣ показался нашимъ путешественникамъ слаще, чѣмъ когда либо. Этому способствовала необычайно мягкая погода.

12-го апрѣля путешественниковъ постигла большая неспріятность: у нихъ остановились часы. Конечно, какъ только это досадное обстоятельство было замѣчено, часы были заведены вновь, но—сколько времени они простояли? Приходилось приняться за наблюденія и вычисленія, чтобы установить хоть приблизительно вѣрное Гринвичское время. Нансенъ и занялся этимъ вечеромъ 13 апрѣля въ страстную субботу, когда большая полынья, которую никакъ нельзя было обойти, принудила нашихъ путеше-

ственниковъ къ продолжительной стоянкѣ. Собственно говоря, они ничего не имѣли противъ того, чтобы встрѣтить Пасху не „на ходу“, а болѣе или менѣе по человѣчески.

Первый день Пасхи товарищи и провели довольно пріятно, уютно расположившись въ палаткѣ. Іогансенъ чинилъ одежду, а Нансенъ занимался провѣркою своихъ вычисленій и выборомъ курса.

Въ слѣдующіе дни опять хорошо подвигались впередъ по выбранному направленію, дѣлая въ сутки иногда четырнадцати-часовые переходы; разумѣется съ небольшимъ роздыхомъ. Собаки понемногу убывали въ числѣ, но провіантъ тоже убывалъ довольно быстро, и грузъ становился все легче, такъ что убыль собакъ не отражалась на быстротѣ передвиженія. Убивалъ собакъ Іогансенъ; орудіемъ служилъ ножъ; разъ только была сдѣлана попытка обойтись посредствомъ петли, но не удалась. Іогансенъ скоро такъ наловчился, что закалывалъ животныхъ почти моментально, не причиняя имъ лишнихъ страданій. Убивать ихъ изъ ружья было бы, конечно, еще лучше, но путешественники не рисковали тратить на это свой сравнительно небольшой запасъ зарядовъ, приберегая ихъ для болѣе важныхъ случаевъ.

21 апрѣля Нансенъ съ Іогансеномъ обрѣли удивительную находку—огромный стволъ дерева, торчавшій наискось изъ льда. Нансенъ опредѣлилъ, что это былъ стволъ сибирской лиственницы. Очень заманчиво было взять съ собой такой богатый запасъ топлива, но, къ сожалѣнію, онъ былъ слишкомъ тяжелъ для истощенныхъ усталыхъ собакъ, и путешественники удовольствовались тѣмъ, что вырѣзали на деревѣ свои инициалы и „85° 30' с. ш.“

25 апрѣля товарищи сдѣлали еще болѣе удивительное открытіе: наткнулись на свѣжій слѣдъ лисицы, направлявшійся отъ WSW къ NO. „Что за чертовщина“—писалъ Нансенъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ—„откуда взятъ лисицѣ тутъ, среди пустыннаго замерзшаго моря? И чѣмъ она могла тутъ питаться? А что она питалась—показывали экскременты, разбросанные по слѣду. Неужели земля близко? Я невольно сталъ озираться вокругъ. Но погода весь день вчера стояла такая туманная, что все равно нельзя было ничего различить, будь даже земля со-

всѣмъ близко. Могло, однако, быть и такъ, что лисица бѣжала по слѣдамъ медвѣдя. Во всякомъ случаѣ: теплокровное млекопитающееся подъ 85° с. ш.! И не успѣли мы отойти далеко, какъ наткнулись на второй лисій слѣдъ. И этотъ шелъ почти въ томъ же направленіи, какъ первый, слѣдуя вдоль полыни, которая преградила намъ путь и заставила разбить лагерь. Положительно непонятно, чѣмъ могутъ питаться здѣсь на льду эти животные? Быть можетъ, ловятъ какихъ нибудь ракушекъ и т. п. въ открытыхъ полыняхъ? Но зачѣмъ они покидаютъ берега и

Югансенъ вырѣзываетъ на стволѣ лиственницы свои и Нансена инициалы.

Рис. Г. Эгедуса съ фотографіи.

забираются сюда? Вотъ это удивляетъ меня больше всего. Заблудились что-ли? Врядъ ли. Теперь я съ нетерпѣніемъ жду— не наткнемся ли мы на медвѣжій слѣдъ. То-то было-бы хорошо! Это означало-бы, что мы приблизились къ обитаемымъ областямъ“. —

Въ слѣдующіе дни Нансенъ съ Югансеномъ видѣли еще два лисьихъ слѣда, но надежда увидѣть землю сбылась не такъ то скоро! Въ концѣ апрѣля дневные переходы очень замедлились, благодаря все чаще и чаще встрѣчавшимся открытымъ полы-

По исковерканному льду. Фотографія

нямъ и трещинамъ. Такія препятствія очень досадовали путешественниковъ, но въ то же время видъ открытой воды, красиво рябившей на солнцѣ, доставлялъ имъ не малое удовольствіе, напоминая родину и лѣто въ иныхъ, болѣе гостепріимныхъ областяхъ. Черезъ нѣкоторыя полыньи и трещины оказывалось возможнымъ перебраться по отдѣльнымъ плавающимъ въ нихъ льдинамъ, другія заставляли путешественниковъ дѣлать обходы, а третьи и вовсе стать лагеремъ, да ждать у моря погоды, т. е. или пониженія температуры, которое бы заставило полынью или трещину подмерзнуть хорошенько, или же новаго движенія льдовъ, въ силу котораго края полыньи или трещины вновь сдвинулись бы вмѣстѣ. Чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ подобныя препятствія должны были учащаться, и это соображеніе нѣсколько озабочивало Нансена. Надо было торопиться достигнуть земли. „Только бы намъ достигнуть земли“—писалъ онъ—„тогда пусть себѣ образуются трещины и полыньи, сколько имъ угодно! Если же станетъ ужъ очень плохо прежде, чѣмъ мы доберемся до земли, дѣлать нечего, придется заняться основательной поправкой нашихъ каяковъ“.

Работа эта отняла бы порядочно времени, поэтому то Нансенъ, торопясь достигнуть земли, и не хотѣлъ браться за нее раньше, чѣмъ это станетъ безусловно необходимымъ. Къ тому же при державшейся еще довольно низкой температурѣ трудно было бы выполнить работу такъ аккуратно, какъ слѣдовало, и, затѣмъ, эта же температура вызывала опасеніе, что вода, попавшая въ каякъ (сдѣлать ихъ совершенно непромокаемыми было всетаки невозможно), замерзнетъ, удалить этотъ ледъ будетъ трудно, и каяки будутъ становиться все тяжелѣе и тяжелѣе, увеличивая тяжесть саннаго груза.

Въ маѣ, какъ и надо было ожидать, дѣло пошло все хуже и хуже: погода становилась все мягче, и полыньи и трещины росли на льду, какъ грибы, причемъ направленіе ихъ въ большинствѣ случаевъ было какъ разъ на перерѣзъ курсу путешественниковъ.

„Полынья на полыньѣ, одна хуже другой!“—читаемъ мы въ замѣткѣ Нансена отъ 4 мая.—„То и дѣло приходится задавать крюку, дѣлать безконечные обходы. Просто можно въ отчаяніе придти, а южный вѣтеръ все крѣпчаетъ и сулитъ намъ мало

хорошаго. Такому положенію конца не предвидится! Чего бы я ни далъ за то, чтобы имѣть подъ ногами твердую землю, путь, по которому можно было бы шагать съ увѣренностью, не терпя постоянныхъ разочарованій и непредвидѣнныхъ остановокъ. А какъ знать, сколько же хлопотъ принесутъ намъ эти полыньи, и сколько трудностей и опасностей предстоитъ намъ преодолѣть прежде, чѣмъ мы достигнемъ земли? Собаки же все убываютъ, да убываютъ! Онѣ изъ кожи лѣзутъ, бѣдняжки, а что толку? Я самъ такъ усталъ, что шатаюсь на лыжахъ, а, когда упаду, такъ и вставать не хочется. Но—всему бываетъ конецъ! Доберемся и мы до земли!“ —

7 мая Нансенъ вычислилъ широту и долготу, согласно наблюденіямъ, произведеннымъ въ воскресенье 5 мая. Оказалось $84^{\circ} 31'$ с. ш. и $66^{\circ} 15'$ в. д. *). Пришлось съ грустью убѣдиться, что не столько удалось подвинуться къ югу, какъ къ западу. Въ этомъ снова сказывалось, по мнѣнію Нансена, вліяніе теченія и вѣтра, относившихъ пловучій ледъ къ западу. Опасаясь невольно слишкомъ отклониться къ западу, онъ и рѣшилъ взять курсъ гораздо южнѣе. Подвигаться впередъ и съ переменой курса не стало, однако, легче. Кромѣ полыней и трещинъ часто попадались большія пространства неровнаго, исковерканнаго льду, пробираться по которому было чистымъ мученіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ покрытъ болѣе глубокимъ и рыхлымъ снѣгомъ, чѣмъ встрѣчавшійся прежде. Безъ лыжъ на немъ просто невозможно было удержаться, а лыжи путешественникамъ то и дѣло приходилось снимать, чтобы помогать собакамъ переволакивать сани черезъ торосы. Собакъ къ срединѣ мая оставалось всего одиннадцать, да и тѣ были такъ истощены, что останавливались, встрѣтивъ малѣйшее препятствіе.

13-ое мая Нансенъ и рѣшилъ сдѣлать днемъ отдыха, въ которомъ и люди и собаки такъ нуждались. Къ тому же съ утра поднялась сильная выюга, ледъ впереди виднѣлся страшно неровный, да еще предстояло перегрузить кладъ со среднихъ саней на двое другихъ, чтобы совсѣмъ развязаться со средними санями и получить возможность усилить запряжки двухъ другихъ саней.

*) Путешественники, сами того не зная, были въ этотъ день, какъ оказалось впоследствии, на одной широтѣ съ „Фрамомъ“, всего въ 28 миляхъ отъ него.

Опустѣвшія сани вмѣстѣ съ другимъ деревяннымъ хламомъ—сломанными лыжами, посохами и т. п. сулили было путешественникамъ экономію въ керосинѣ, но первая же попытка сварить кушанье на древесномъ топливѣ доказала имъ всю тщету такихъ надеждъ. Разложенный ими на льду вечеромъ въ тотъ же день огонь поглотилъ почти всѣ сани цѣликомъ и далъ всего одинъ котелокъ кипятку! Вдобавокъ путешественники чуть не растопили ледяную почву подъ своими ногами и потратили невѣроятное количество времени. „Примусъ“, такимъ образомъ, оказывался незамѣнимымъ.

15 мая товарищи отпраздновали день рожденія Йогансена доброй порціей „лабскауса“, которую заѣли порціей „vril-food“ съ масломъ и хлѣбными крошками, а запили горячимъ лимоннымъ сокомъ съ сахаромъ.

16 мая Нансенъ вычислилъ широту и долготу по наблюденіямъ, сдѣланнымъ наканунѣ, и оказалось: $83^{\circ} 36'$ с. ш. и $59^{\circ} 55'$ в. д. Полученная долгота опять не могла не встревожить Нансена. Какъ ни старались они, слѣдовательно, править курсъ на югъ, ихъ все-таки сильно относило къ западу. О землѣ же все не было и помину, и это очень удивляло путешественниковъ. Судя по расчетамъ, Земля Петермана, видѣнная австрійской экспедиціей съ мыса Флигели на Землѣ Франца-Иосифа, не могла теперь находиться отъ нихъ далѣе 9 миль, но какъ ни высматривали они въ бинокль, взбираясь на самые высокіе торосы, нигдѣ не видѣлось и признаковъ земли. Исчезли даже слѣды животныхъ. Но это обстоятельство могло еще быть объяснено мятелями.

17 мая, день національнаго праздника, столь торжественно справляемаго въ Норвегіи, путешественники поэтому провели не особенно весело. Все торжество ограничилось водруженіемъ національныхъ флаговъ на каяки. День этотъ, впрочемъ, принесъ товарищамъ сюрпризъ въ видѣ открытія ими въ полыньѣ стада нарваловъ. Убить, однако, ни одного не убили: нарвалы очень пугливы, и, чтобы добиться чего нибудь, пришлось бы, пожалуй, продежурить цѣлый день у полыньи, такъ что Нансенъ, несмотря на весь свой охотничій пылъ и желаніе запасть свѣжимъ мясомъ, махнулъ на эту охоту рукой. Въ тотъ же день Нансенъ распорядился снять съ саней стертые деревянные под-

полозья, и сани на новенькихъ подбитыхъ серебромъ полозьяхъ заскользили по льду гораздо быстрее, давъ путешественникамъ возможность сдѣлать съ вечера 17-го къ полудню 18-го числа добрый переходъ мили въ двѣ и добраться по предположенію Нансена, до $83^{\circ} 20'$ сѣв. шир. Курсъ съ 13 мая былъ ими взятъ болѣе восточный.

Попадавшіяся на пути полыньи изобиловали нарвалами, а 19 мая путешественники впервые наткнулись и на медвѣжій слѣдъ. Итакъ, они добрались, повидимому, до широтъ, обитаемыхъ если не людьми, то хотя теплокровными животными, и слѣдовательно могли думать, что и земля не такъ уже далека. Въ сущности, если бы не было основаній (вслѣдствіе остановки часовъ) предполагать нѣкоторыя неправильности въ вычисленіяхъ долготы и, наоборотъ, можно было бы быть увѣренными въ непогрѣшимости наблюденій Пайера, то Нансенъ съ Югансеномъ уже должны были дойти до земли Петермана. Немудрено, что чѣмъ дальше, тѣмъ отсутствіе всякихъ признаковъ ея несомнѣнной близости все больше и больше волновало двухъ товарищей, истомленныхъ нескончаемыми трудностями пути.

26-е мая для Нансена было грустнымъ днемъ: распростилась съ жизнью его любимица „Квикъ“, съ которой у него было связано столько дорогихъ воспоминаній о родинѣ и семьѣ.

28-е мая ознаменовалось появленіемъ первой птицы—глупыша (*procellaria glacialis*) и смѣной зимней обуви—финскихъ башмаковъ на лѣтнюю — комаги, а 29-го мая путешественники увидѣли вторую птицу кайру (*uria grylle*), затѣмъ тюленя и нѣсколькихъ нарваловъ. Но земля все не показывалась! Нансенъ и восклицаетъ въ своемъ дневникѣ въ замѣткѣ отъ 31 мая:

„Удивительно! Послѣдній день мая! Мѣсяцъ прошелъ, а мы не только не добрались до земли, но даже и въ глаза ея не видали. Неужели и іюнь такъ пройдетъ? Нѣтъ, теперь земля не можетъ быть уже далеко. Все какъ будто указываетъ на ея близость. Ледъ становится все тоньше и тоньше, окрестности все больше оживаютъ, а впереди виднѣется темное небо, говорящее или объ открытой водѣ или о землѣ. Вчера я видѣлъ въ двухъ небольшихъ полыньяхъ двухъ тюленей, птицу, должно быть глупыша, пролетѣвшую надъ полыньею, и еще мы наткнулись на свѣжіе слѣды медвѣдицы съ двумя медвѣжатами. Они шли вдоль одной полыньи“.

„Измѣрилъ вчера широту. Вышло, что мы должны находиться на $82^{\circ} 21'$ с. ш., а между тѣмъ земли не видно! Это становится все болѣе и болѣе загадочнымъ. О, чего бы я ни далъ за то, чтобы имѣть, наконецъ, возможность поставить ногу на твердую почву! Но терпѣнье, терпѣнье и терпѣнье!“—

Да, терпѣніе путешественникамъ дѣйствительно понадобилось: прошло *еще* почти два мѣсяца до того момента, когда они могли сказать себѣ съ увѣренностью, что видятъ землю, и болѣе двухъ мѣсяцевъ до того дня, когда они, наконецъ, добрались до нея.

Въ самомъ началѣ іюня товарищамъ пришлось цѣлую недѣлю простоять на одномъ мѣстѣ, на ледяномъ островкѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ полынями. Путешественники и пользовались вынужденной остановкой, чтобы привести въ порядокъ каяки. Эта работа потребовала много и времени и усидчивости, такъ какъ чинить приходилось не только парусиновую обтяжку каяковъ, но и самые остовы, въ которыхъ были поломаны ребра. Кромѣ того, Нансенъ занялся провѣркой и взвѣшиваньемъ оставшихся запасовъ провіанта. До сихъ поръ путешественники ѣли, сколько хотѣли, теперь же, въ виду уменьшенія запасовъ и неопредѣленности видовъ на будущее, время было подумать о распредѣленіи провіанта на порціи или пайки. На охоту пока нельзя было возлагать особенныхъ расчетовъ! 7-го іюня Нансену въ Іогансеномъ въ первый разъ удалось полакомиться свѣжимъ мяснымъ блюдомъ изъ 2 убитыхъ ими чаекъ.

8-го іюня, наконецъ, опять можно было пуститься въ путь—на саняхъ и лыжахъ. Дувшій въ теченіе двухъ дней сильный юго-восточный вѣтеръ заставилъ полыни закрыться, а снѣгъ покрылъ гладкой, ледяной корой, что обѣщало хорошій путь. Правда, начавшаяся въ тотъ же день мокрая снѣжная выюга и туманъ сильно затруднили путь, но всетаки подвигаться впередъ было можно. И вотъ, снова потянулась полоса тѣхъ же сѣрыхъ томительныхъ дней съ трудными переходами, грозною убылью собакъ и еще болѣе грозной убылью провіанта, заставлявшею путешественниковъ крѣпиться въ теченіе сутокъ безъ пищи до тѣхъ поръ, пока окончательно становилось не въ терпежъ. Тогда они закусывали 50 гр. обыкновеннаго хлѣба и столькими-же пеммикана, или 600 грам. хлѣба изъ алеуронной муки и 30 гр.

масла. Лишь время отъ времени позволяли они себѣ подкормиться основательно горячей трапезой. Температура держалась на нулѣ, такъ что прежней настоятельной потребности въ горячей пищѣ дважды въ день не было. Пайки собакъ были давно

Неровный ледъ.

Рис. А. Эйебакке съ фотографіи.

доведены до минимума, отчего, разумѣется, во первыхъ силы животныхъ падали еще быстрѣе, а во вторыхъ убитыя собаки давали оставшимся въ живыхъ лишь очень скудный запасъ корма.

Въ половинѣ іюня у путешественниковъ осталось только 3 собаки, и они уже сами должны были непрерывно тянуть лямки, чтобы какъ нибудь подвигаться впередъ съ санями. Только виднѣвшееся на югѣ темно-синее небо и поддерживало еще бодрость духа товарищей, вселяя въ нихъ надежду добраться до открытой воды, которая должна была избавить ихъ отъ этой становившейся положительно непосильною тяги саней то по глубокому, мокрому снѣгу, то по ледяной топи. Только бы добраться до открытой воды, — мечтали наши путешественники, — тогда можно будетъ смѣло идти на веслахъ до самой земли! Да въ открытой водѣ можно было надѣяться и обрѣсти добычу въ видѣ тюленя, которая подкрѣпила бы ихъ запасы и позволила съ большей увѣренностью глядѣть въ будущее. Тутъ на льду надъ путешественниками то и дѣло вились птицы (чайки). Но „для того, чтобы пропитаться такой мелюзгой болѣе или менѣе продолжительное время, у насъ, пожалуй, не хватитъ патроновъ“ — писалъ Нансенъ въ своемъ дневникѣ отъ 15 іюня. Въ этотъ же день путешественники въ первый разъ отвѣдали, если не собачины, то собачьей крови, сдобривъ ею (вмѣсто мясного порошка) свой скудный ужинъ.

16-го іюня Нансенъ привелъ въ извѣстность имѣвшіеся на лицо огнестрѣльные снаряды. Оказалось, что у товарищей есть еще въ запасѣ 148 патроновъ для дробы и 195 патроновъ для пуль. Нансенъ и писалъ въ своемъ дневникѣ по этому поводу слѣдующее:

„Съ такимъ запасомъ боевыхъ снарядовъ мы будемъ въ состояніи обезпечить себѣ пропитаніе на долгое время здѣсь на льду. Если не попадется ничего болѣе существеннаго, будемъ стрѣлять птицъ. 148 зарядовъ хватитъ всетаки надолго. А, если употреблять половинные заряды, то мы еще выиграемъ въ числѣ выстрѣловъ. У насъ есть также полфунта пороху, запасъ пуль для ружей и капсули для того, чтобы заряжать патроны. Да, этотъ осмотръ привелъ меня въ хорошее настроеніе, а то я было уже приунылъ, считая наши виды на будущее не очень-то блестящими. Теперь я вижу, что три мѣсяца мы во всякомъ случаѣ можемъ просуществовать, а за это время должно же что нибудь случиться. Затѣмъ, кромѣ стрѣльбы, насъ можетъ выручить ловля чаекъ на удочку, и, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ,

На югъ! Нансенъ и Югансенъ на возвратномъ пути въ маѣ 1896 г. Съ фотографинъ.

мы возьмемся за ловлю сътью разныхъ ракушекъ и мягкотѣлыхъ. Можетъ статья, что мы доберемся до Шпицбергена въ этомъ году слишкомъ поздно, чтобы застать тамъ судно. Въ такомъ случаѣ можемъ и перезимовать. Перебьемся какъ нибудь! Во всякомъ случаѣ на землѣ насъ ждетъ роскошная жизнь въ сравненіи съ той, какую мы теперь ведемъ на этомъ пловучемъ льду, не зная, гдѣ мы, куда идемъ, не видя цѣли своихъ стремленій. Такого времени не хотѣлъ бы я пережить вторично. Жестоко мы платимся за то, что плохо слѣдили за своими часами, дали имъ остановиться! —

20-го іюня путешественникамъ пришлось убѣдиться, что дальше тащиться такъ невозможно и что необходимо принять радикальныя мѣры для ускоренія и облегченія передвиженія. Прежде всего представлялось нужнымъ освободиться отъ всѣхъ предметовъ снаряженія, безъ которыхъ только возможно было обойтись, и затѣмъ такъ уложить весь грузъ и приладить каяки къ санямъ, чтобы можно было спускать ихъ на воду безъ проволочекъ и затѣмъ опять продолжать путь по суху, не прибѣгая къ перегрузкамъ и въ томъ и другомъ случаѣ. Съ какой потерей времени и съ какими хлопотами была сопряжена такая перегрузка, путешественники убѣдились въ этотъ день вечеромъ, когда огромная полынья заставила таки ихъ рѣшиться пустить въ ходъ каяки. Покончивъ съ перегрузкой, товарищи скрѣпили каяки вмѣстѣ посредствомъ лыжъ, продѣтыхъ въ придѣланные къ палубамъ петли и поставили сани поперекъ этого импровизированнаго парома, однѣ на носу, другія на кормѣ. Уцѣлѣвшія еще собаки сами чинно вошли на паромъ, гребцы взялись за весла и поплыли. Во время плаванія то и дѣло, однако, приходилось браться за помпы, такъ какъ каяки, особенно каякъ Іогансена, дали течь.

До другого берега полыньи добрались всетаки благополучно и благополучно бы и высадились, не подвернись имъ тутъ подъ руку тюлень. Нансенъ уже успѣлъ выйти на ледъ и наполовину вытащить однѣ сани, когда тюлень, словно дразня нашихъ охотниковъ, въ третій разъ вынырнулъ около самыхъ каяковъ. Іогансенъ, еще сидѣвшій въ каякѣ, выстрѣлилъ и попалъ прямо въ голову животному. Тогда Нансенъ, бросивъ сани, метнулъ въ тюленя гарпунъ и еще свой охотничій ножъ, чтобы вѣрнѣе не

дать животному погрузиться. Тутъ то и разыгралась весьма оживленная сцена. Каяки стало относить отъ берега, наполовину вытащенные на ледъ сани съѣхали въ воду, собаки принялись лаять, а Югансенъ не зналъ, что дѣлать, ухватившись

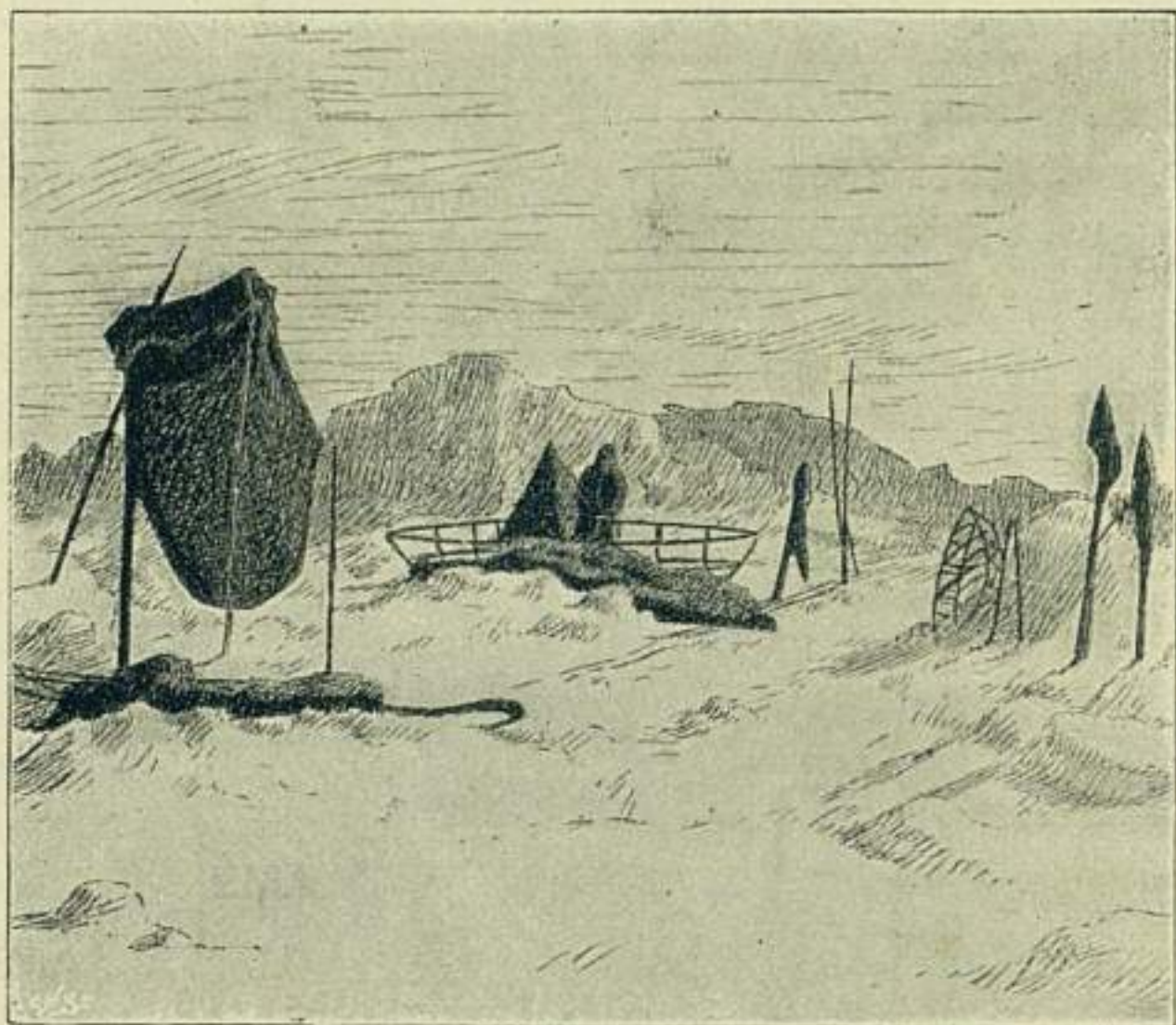

На каякахъ въ одиночку.

Фотографія снятая близъ мыса Флоры въ Іюль 1896 г.

за сани обѣими руками: и выпустить ихъ не рѣшался, и боялся приветать, чтобы втащить ихъ опять на палубу, такъ какъ его каякъ и безъ того все больше и больше наполнялся водой и погружался. Нансенъ же лежалъ на краю льда, уцѣпившись

обѣими руками за рукоятку гарпуна и боясь выпустить ее, чтобы тюлень не ушелъ въ воду. Убѣдившись, наконецъ, что животное мертво и не погрузится, Нансенъ рѣшился кинуться на помощь Югансену; и пора было. Наскоро вытащивъ на берегъ полынны сани и каякъ Югансена, товарищи поспѣшили опять взяться за тюленя. Вытащить его на ледъ оказалось, однако, не такъ-то легко, и пока они возились съ этимъ, чуть было не уплылъ каякъ Нансена. Пришлось порядочно похло-

Починка каяковъ; сушка спального мѣшка.

Рис. Г. Эгедіуса, по фотографіи снятой 4 Іюня 1895 г.

потать, пока и каяки, и все добро экспедиціи, и неожиданная добыча оказались въ полной безопасности на льду. Да и послѣ того товарищи пережили еще нѣсколько тревожныхъ минутъ, пока не убѣдились, что во время этого крушенія не пострадали ихъ боевые снаряды и спички.

Пока Нансенъ занимался свѣжеваньемъ тюленя, Югансенъ разбилъ палатку, вылилъ и выжалъ воду изъ побывавшаго въ водѣ разнаго имущества экспедиціи и привелъ все въ порядокъ.

Послѣ того товарищи задали себѣ настоящій пиръ и, наѣвшись по горло супомъ изъ тюленины и тюленьимъ мясомъ, завалились спать.

Въ лагерѣ, ознаменованномъ столь счастливою охотою, рѣшено было отдохнуть нѣсколько дней въ ожиданіи пока или полыньи совсѣмъ очистятся ото льда, что должно было послѣдовать въ случаѣ продолженія теплой погоды, или же санный путь улучшится — въ случаѣ пониженія температуры. Этими нѣсколькими днями и предполагалось воспользоваться для осуществленія благого намѣренія относительно облегченія клади и новаго способа ея нагрузки. Ни одинъ изъ путешественниковъ не предвидѣлъ, что на этомъ мѣстѣ имъ придется простоять цѣлый мѣсяцъ и что „лагерь отдыха“ обратится для нихъ въ „станъ томленія“. Зато пища у нихъ все время имѣлась въ избыткѣ, и это вначалѣ очень скрашивало для нихъ время выжиданія.

Подъ датой 23 іюня въ дневникѣ Нансена читаемъ между прочимъ слѣдующее:

„Во всякомъ случаѣ очень пріятно послѣ того, какъ мы были принуждены дрожать надъ остатками нашего провіанта и топлива, получить возможность кутить во всю, ѣсть до отвала, когда вздумается. Право, даже какъ-то не вѣрится, что все это такъ, въ дѣйствительности. А ѣда по истинѣ отличная и мы все больше и больше входимъ во вкусъ ея. Тюлений жиръ (ворвань) превосходная вещь и въ сыромъ и въ поджаренномъ видѣ и отлично можетъ замѣнить масло. А мясо — да лучшаго и быть не можетъ. Вчера мы завтракали супомъ, варенымъ мясомъ и сырымъ жиромъ; на обѣдъ я поджарилъ великолѣпный кусокъ мяса, — если бы еще запить его кружкой добраго пива! — и наконецъ къ ужину я подалъ кровяныхъ лепешекъ, поджаренныхъ на тюленьемъ жирѣ вмѣсто масла. Лепешки, по увѣренію Югансена, вышли первый сортъ. Обо мнѣ и говорить нечего. Только вотъ жарить въ палаткѣ надъ лампой, въ которой горитъ ворвань вмѣсто керосина, плохое удовольствіе. Если даже сама лампа не чадитъ, то идетъ такой чадъ отъ жаркого, который способенъ выѣсть всѣ глаза у бѣднаго повара. А не то можетъ случиться и еще кое-что похуже. Однажды лампа или плошка, которую я смастерилъ изъ листа новаго серебра *), и

*) На фитили пошли бинты изъ походной аптечки!

самая сковорода такъ накалились, что жиръ и въ лампѣ и на сковородкѣ вспыхнулъ, и пламя поднялось высоко въ воздухъ. Я попытался затушить его, но оно только разгоралось все пуще и пуще. Лучше всего было бы сразу выкинуть всю эту штуку вонъ изъ палатки, но теперь было уже поздно. Вся палатка наполнилась удушливымъ чадомъ и дымомъ. Я и прибѣгъ къ крайнему средству—схватилъ горсть снѣгу и бросилъ на горящій жиръ. Но лучше бы мнѣ этого не дѣлать. Произошелъ настоящій взрывъ, горящій жиръ брызнулъ во всѣ стороны, а надъ лампой поднялся огромный столбъ пламени, сжигавшій все, что было близко. Полузадохшись отъ дыму, бросились мы къ застегнутой двери палатки, сорвали ее съ крючковъ и выскочили, сломя голову, на вольный воздухъ. Мы рады были, что уцѣлѣли! Послѣ этого взрыва лампа, однако, потухла. Мы осмотрѣли палатку и нашли огромную прожженную дыру надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла лампа. Пришлось употребить на заплатку одинъ изъ нашихъ санныхъ парусовъ. Большихъ хлопотъ стоило опять развести огонь, на которомъ я и дожарилъ послѣднюю лепешку. Тѣмъ не менѣе настроеніе наше не испортилось, и мы съ большимъ аппетитомъ съѣли ихъ всѣ съ сахаромъ. Вкуснѣе мы, право, ничего не ѣдали! Для хорошаго расположенія духа у насъ была впрочемъ, особая причина: согласно наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ этотъ день, мы должны были находиться на $82^{\circ} 4,3'$ с. ш. и $57^{\circ} 48'$ в. д. Значитъ, несмотря на западные и юго-западные вѣтры, мы въ теченіе пяти дней подвинулись на $14'$ къ югу и почти не уклонились къ востоку. Это былъ въ высшей степени неожиданный и пріятный сюрпризъ. На дворѣ же дулъ сѣверный вѣтеръ, и слѣдовательно насъ продолжало нести къ югу, къ болѣе гостепріимнымъ областямъ".—

24 іюня наши путешественники справили тройной праздникъ: во первыхъ минуло два года со дня отплытія „Фрама“ въ экспедицію, во вторыхъ 102 дня съ момента разлуки двухъ товарищей съ „Фрамомъ“, и въ третьихъ былъ Ивановъ день. Справили обычнымъ способомъ—отдыхомъ и обильной вкусной ѣдой.

На другой день Нансену удалось увеличить свои съѣстные припасы еще однимъ тюленемъ, такъ что путешественники могли теперь совсѣмъ успокоиться относительно пропитанія, но зато тѣмъ больше стала ихъ томить неопредѣленность положенія

Время ожиданія возможности продолжать путь тянулось для нихъ невыносимо медленно, хотя они и старались скоротать его работой. Между прочимъ, они смастерили деревянные валики подъ каяки и выкрасили каяки, чтобы сдѣлать ихъ непромокаемыми. Самое приготовленіе краски оказалось дѣломъ очень сложнымъ. Вотъ какъ описываетъ его Нансенъ.

„Я въ теченіе нѣсколькихъ дней занимался обжиганіемъ костей, такъ что вся окрестность провоняла. Затѣмъ мы тщательно истолкли кости въ мельчайшій порошокъ, смѣшали его съ ворванью и попробовали этой смѣсью красить каяки. Смѣсь оказалась никуда не годною. Тогда я рѣшилъ прибѣгнуть къ сажѣ, о чемъ уже и раньше думалъ. И вотъ теперь я усердно развожу копотъ и добываю сажу, но увы, сколько ни стараюсь, въ результатѣ получается какая нибудь щепотка сажи, тогда какъ дымище я устраиваю такой, что его, кажется, со Шпицбергена видно. Да, плохо, когда нѣтъ поблизости лавочки! Чего бы я ни далъ теперь за ведерочко масляной краски, хоть бы самой простой! Въ концѣ то концовъ мы добьемся своего, но скоро превратимся въ настоящихъ трубочистовъ!“ —

Дѣйствительно, Нансену удалось добиться своего; онъ таки выкрасилъ каяки, примѣнивъ къ дѣлу запасъ пастельныхъ красокъ, взятыхъ имъ, впрочемъ, совсѣмъ съ иною цѣлью. Кромѣ того, каяки были смазаны смѣсью стеарина, смолы и канифоли, запасъ которой былъ взятъ на тотъ случай, если бы понадобилось запаять въ дорогѣ кухонный приборъ или подбивку изъ новаго серебра подъ полозьями.

6 іюня былъ застрѣленъ первый медвѣдь въ теченіе этой экспедиціи „самъ-другъ“, и даже ни одинъ, а цѣлыхъ три: медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Такимъ образомъ, столъ у путешественниковъ могъ быть не только обильнымъ, но и разнообразнымъ. Двухъ остававшихся еще въ живыхъ собакъ „Кайфаса“ и „Великана“ тоже кормили теперь до отвалу. Замѣчательно, что употребленіе исключительно мясной и притомъ очень жирной пищи нисколько не отзывалось на здоровьѣ путешественниковъ. По свидѣтельству Нансена, они даже и не чувствовали особенной потребности въ мучной пищѣ.

Съ наступленіемъ второй половины іюня путь настолько сталъ улучшаться, что можно было начать подумывать о вы-

ступленіи въ путь. Товарищи тщательно перебрали всѣ свои пожитки и, выбросивъ изъ багажа все лишнее, уложили все въ каяки и на сани самымъ удобнымъ и практичнымъ образомъ. Лишними были признаны такія, на примѣръ, вещи, какъ почти половина всѣхъ медикаментовъ и бандажей изъ походной аптечки, запасныя горѣлки для „Примуса“, запасной кранъ для сосуда съ керосиномъ, разныя поношенныя части одежды и обуви, запасныя части саней и пр. и пр. и, наконецъ, даже спальный мѣшокъ! Путешественники рѣшили, что въ такую теплую погоду могутъ обходиться и безъ него, но послѣ перваго же опыта спать безъ мѣшка, оказались вынужденными состряпать новый мѣшокъ изъ двухъ своихъ шерстяныхъ одѣялъ. Зато запасы провіанта были увеличены порядочнымъ количествомъ вяленаго медвѣжьяго и тюленьяго мяса, медвѣжьяго сала и ворвани.

Выступили изъ „стана томленія“, какъ они окрестили этотъ послѣдній лагерь, 21 іюля, впрягшись въ сани вмѣстѣ съ собаками (по одному человѣку и одной собакѣ въ каждыя сани), и, противъ ожиданія, дѣло сразу пошло хорошо. Дорога оказалась сносной, сани скользили довольно легко, и путешественники подвигались впередъ съ ободряющею духъ скоростью, а не прошло и четырехъ дней, какъ испытали настоящій подъемъ духа, завидѣвъ, наконецъ, вдали столь долгожданную и желанную землю!

VIII.

„Наконецъ, чудо совершилось!“—писалъ Нансенъ въ своемъ дневникѣ 24 іюля. „Чудо, въ возможность котораго мы почти перестали вѣрить! Видна земля! Въ первый разъ, по истеченіи почти двухъ лѣтъ, находимъ точку опоры для глаза надъ этой безконечной линіей горизонта, надъ этой бѣлой линіей, которая въ теченіе тысячъ тысячелѣтій охватывала это море и будетъ охватывать его еще тысячелѣтія. Теперь мы готовы перешагнуть черезъ нее, оставивъ только слабый слѣдъ нашего каравана въ этой безконечной ледяной пустынѣ, да и тотъ скоро исчезнетъ. Теперь для насъ начинается новая жизнь, ледъ же есть и будетъ всегда одинъ и тотъ же“.

„Давно загадывали мы объ этой землѣ, и она явилась намъ

словно какое-то видѣнье изъ царства грезъ. Надъ краемъ горизонта вздымается что-то движущееся, бѣлое, похожее на гряды далекихъ облаковъ, которые, того и гляди, исчезнутъ. Всего удивительнѣе то, что мы давно видѣли эту землю, сами того не сознавая. Мы принимали ее за гряды облаковъ. Я много разъ разсматривалъ ее въ бинокль изъ „стана томленія“, надѣясь, что она окажется цѣпью ледниковъ, но всегда въ концѣ концовъ приходилъ къ тому заключенію, что это облака: я не могъ открыть тамъ ни единого темнаго пятнышка и, кромѣ того, гряда эта мѣняла очертанія. Должно быть, это происходило отъ тумана, постоянно окутывавшаго гряды. Самая же гряда упорно появлялась все на томъ же мѣстѣ, сохраняя въ общемъ тѣ же правильныя очертанія, что всякій разъ и поражало меня, заставляя вновь и вновь всматриваться въ нее. Теперь я припоминаю также, что мы разъ видѣли на востокѣ темную вершину, которую я принялъ за ледяную гору. А это, должно быть, былъ небольшой возвышенный островокъ“.

„Ледъ вчера попался намъ, пожалуй, хуже, исковерканнѣе, чѣмъ когда либо, такъ что чистое мученье было тащиться по нему, но мы не теряли хорошаго расположенія духа и подвигались таки впередъ. Послѣ обѣда, мнѣ пришлось предпринять впередъ маленькую рекогносцировку одному, а Іогансенъ, пользуясь этимъ временемъ, взобрался на торось изслѣдовать горизонтъ. Когда я вернулся, онъ сказалъ, что замѣтилъ какую-то странную темную линію надъ горизонтомъ, но потомъ рѣшилъ, что это не болѣе, какъ облака. Я въ свою очередь тоже не придалъ этому обстоятельству особаго значенія. Немного позже, когда я самъ взобрался на торось, чтобы высмотрѣть путь, я замѣтилъ ту же самую темную линію. Она тянулась наискось отъ горизонта къ краю бѣлой гряды — облаковъ, какъ я полагалъ все время. Но чѣмъ дольше я глядѣлъ на эту линію и эту гряду облаковъ, тѣмъ подозрительнѣе онѣ казались мнѣ и, наконецъ, я спустился внизъ за биноклемъ. Не успѣлъ я затѣмъ, какъ слѣдуетъ, наставить его на черную линію, меня какъ молніей озарило: да, вѣдь, это земля, и она не такъ далеко! Ясно, что это былъ большой ледникъ, изъ котораго выглядывала черная скала. Скоро и Іогансенъ, приложившись глазами къ биноклю, убѣдился въ томъ, что теперь мы дѣйствительно видимъ

передъ собою землю. То-то была радость! Потомъ я разглядѣлъ также подобную бѣлую гряду немного восточнѣе, но она была на половину окутана бѣлой пеленой тумана, который все время мѣнялъ очертанія, и изъ за него трудно было различить очертанія самой гряды. Скоро она, однако, выступила изъ тумана вся и оказалась значительно выше и больше первой замѣченной нами. Но на ней нельзя было различить ни единой черной точки“.

„Такъ вотъ какой видъ имѣетъ земля, къ которой мы стремились. Я мечталъ о ней въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и рисовалъ ее себѣ съ высокими вершинами и сверкающими ледниками, совсѣмъ, совсѣмъ не такою! Не очень то у нея привлекательный видъ, тѣмъ не менѣе она остается столь же желанной. Да, въ сущности мы и не могли ожидать ничего, кромѣ такого ледника, — подумать только, сколько выпадаетъ здѣсь снѣгу!“

„Разумѣется, мы тотчасъ разбили палатку и устроили цѣлое пиршество изъ „лабскауса“, ломтей вяленаго медвѣжьяго и тюленьяго мяса, медвѣжьяго языка и картошки; это была наша предпоследняя порція картошки, которую мы все приберегали для такого праздника. На десертъ же мы получили vril-food, масло, хлѣбныя крошки, поджаренныя въ медвѣжьемъ жиру и по кусочку шоколада“.

„Земля кажется намъ такой близкой, что мы полагаемъ добраться до нея очень скоро, по крайней мѣрѣ не позже завтрашняго вечера. Югансенъ же увѣряетъ, что гораздо раньше“.—

На самомъ дѣлѣ путешественникамъ пришлось тащиться по пловучему льду еще цѣлыхъ тринадцать дней!

25 іюля Нансенъ открылъ новую землю на западѣ. Она имѣла правильную щитовидно-выпуклую форму, напоминавшую форму первой открытой земли, но она не такъ высоко подымалась надъ горизонтомъ и казалась очень отдаленною.

Въ субботу 27 іюля Нансенъ заподозрилъ, что они удаляются отъ земли, благодаря дувшему весь день сильному вѣтру SSW, во вторникъ же 30 іюля писалъ въ своемъ дневникѣ: „Подвигаемся къ землѣ невѣроятно туго, но всетаки подвигаемся *).“

*) Въ дѣйствительности мы удалялись отъ нея.

Всевозможныя препятствія точно нарочно! Теперь у меня адски болить спина (пострѣлъ?) и вчера я лишь съ невѣроятнымъ усиленіемъ воли могъ принудить себя тащиться впередъ. Въ сколько нибудь трудныхъ мѣстахъ Югансену приходилось помогать мнѣ переволакивать сани. Началась эта боль третьяго дня, и въ концѣ нашего перехода Югансену пришлось идти впередъ и выбирать путь вмѣсто меня. Вчера мнѣ стало еще хуже. Каково будетъ сегодня, не знаю, пока не попробую идти; но надо еще радоваться, если вообще будетъ возможность тащиться, хотя бы и съ неимоверными мученіями. Вчера намъ пришлось стать лагеремъ около трехъ часовъ утра изъ за дождя; шли же мы всего девять часовъ. Успѣли промокнуть до костей прежде, чѣмъ нашли мѣсто для привала и разбили палатку. Такимъ образомъ, простояли тутъ цѣлыя сутки, а дождь то все поливалъ себѣ. Какъ тутъ высохнуть? Подъ нами цѣлое болото, и спальныя мѣшочки нашъ (изъ шерстяныхъ одѣялъ) совсѣмъ промокъ снизу. Теперь, наконецъ, вѣтеръ задулъ съ запада и дождь перестаетъ. Мы сварили себѣ кашицы, позавтракали и собираемся выступить. Но, если дождь опять пойдетъ, придется опять остановиться. Опять промокнуть насквозь вамъ вовсе не хочется, разъ у насъ нѣтъ больше сухой перемѣны платья. Куда какъ не сладко, вѣдь, лежать мокрому съ какими-то ледышками вмѣсто ногъ“. —

Вообще не сладко приходилось путешественникамъ и безъ дождя,—ледъ шелъ все отвратительный, весь въ буграхъ и полыньяхъ, причемъ послѣднія были переполнены мелкимъ льдомъ и саломъ. Переправляться черезъ нихъ въ каякахъ было невозможно. Приходилось дѣлать обходы, отыскивая мѣстечко, сколько нибудь годное для переправы, или баграми сдвигать мелкія льдины вмѣстѣ, чтобы устроить изъ нихъ мостъ, или, наконецъ, ставить сани на льдину покрупнѣе и переплывать на ней черезъ полыню, какъ на плоту. Спина же у Нансена все еще продолжала болѣть, и поэтому обоимъ товарищамъ приходилось вдвое труднѣе.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Нансенъ лишній разъ могъ убѣдиться въ прекрасныхъ качествахъ избраннаго имъ спутника. „Югансену приходится идти все время впереди,“ — писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, — „а вечеромъ и утромъ разу-

вать и обувать меня, — самъ я не въ силахъ. Онъ проявляетъ самое трогательное самопожертвованіе, няньчится со мной, какъ съ малымъ ребенкомъ, и втихомолку дѣлаетъ все, что только можетъ, по его соображеніямъ, облегчить трудъ мнѣ. Бѣднягѣ и приходится трудиться за двоихъ, причемъ онъ не знаетъ даже, когда это кончится! Сегодня, впрочемъ, мнѣ уже лучше, и надо надѣяться, что скоро я совсѣмъ поправлюсь". —

Къ счастью, надежда эта и сбылась, а то дѣйствительно положеніе угрожало стать трагическимъ. Самъ Нансенъ высказывается по этому поводу такъ: „Да, теперь я имѣю маленькое представленіе о томъ, что было-бы, если бы одинъ изъ насъ захворалъ серьезно. Боюсь, что въ такомъ случаѣ судьба наша была бы рѣшена“!

Дальше приведемъ подъ рядъ нѣсколько выписокъ изъ дневника Нансена, которыя даютъ яркое представленіе о тяжести послѣднихъ дней, проведенныхъ путешественниками на льду.

„2 августа. Все какъ будто сговорилось мѣшать намъ раздѣлаться съ этимъ пловучимъ льдомъ. Спина моя, впрочемъ, совсѣмъ прошла, и ледъ былъ вчера проходимѣе, такъ что намъ удалось отмахать порядочный конецъ, но зато вѣтеръ и теченіе отнесли насъ отъ земли, и мы теперь опять дальше отъ нея, чѣмъ были. Боюсь, что борьба съ этими двумя врагами будетъ бесполезной. Насъ отнесло далеко къ юго-востоку. Сѣверная оконечность земли теперь находится у насъ почти на западѣ, а мы сами почти на $81^{\circ} 36'$. Единственная надежда теперь, что это движеніе льда къ востоку отъ земли остановится, или же измѣнитъ курсъ и опять приблизитъ насъ къ ней. Бѣда также, что полыньи снова затянулись ледкомъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакой возможности пользоваться каяками. Если положеніе вещей еще ухудшится, то намъ придется совсѣмъ плохо. Пока же остается только тащиться изо всѣхъ силъ. И, если насъ все будетъ такъ носить со льдомъ изъ стороны въ сторону, то... то...“

„Суббота 3 августа. Дѣлаемъ невѣроятныя усилія. Намъ бы ни за что и не выдержать, если бы это не было безусловно необходимо. По моему, мы подвигаемся къ землѣ дьявольски медленно, если вообще подвигаемся. Въ послѣдніе дни у насъ нѣтъ другого корма для собакъ, кромѣ чаекъ и глупышей, которыхъ намъ удастся застрѣлить, а больше двухъ птицъ въ день мы

не стрѣляемъ. Вчера же на долю собакъ пришлось всего лишь по кусочку тюленьяго жира“.

„Понедѣльникъ 5 августа. Хуже вчерашняго льда мы еще не видывали, но всетаки мы отмахали по нему порядочный конецъ, и кромѣ того вчерашній день ознаменовался для насъ двумя удачами: первая заключалась въ томъ, что медвѣдь не съѣлъ Югансена, а вторая въ томъ, что мы увидали открытую воду у края ледника на землѣ“.

„Мы выступили вчера утромъ около 7 ч. и попали на такой ледъ, хуже котораго, какъ уже сказано, быть не могло“.—„Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій стоялъ такой густой туманъ, что во ста шагахъ почти ничего не было видно. Съ безконечнымъ трудомъ дотащились мы, наконецъ, до полыньи, черезъ которую пришлось переправляться въ каякахъ. Мы очистили край полыньи отъ вновь образовавшагося льда и ледяныхъ осколковъ, и только я приготовился спустить на воду мой каякъ съ санями, какъ слышу позади себя какую-то возню и голосъ Югансена, только что направившагося къ своему каяку: „Берите ружье!“ Я обернулся, смотрю—на него бросился большой медвѣдь, и Югансенъ упалъ навзничъ. Я потянулся за ружьемъ, лежавшимъ въ чехлѣ на носу каяка и упустилъ каякъ въ воду. Первымъ моимъ побужденіемъ было броситься въ каякъ и стрѣлять оттуда, но я во время спохватился, понялъ, насколько это рискованно и принялся вытягивать каякъ обратно на ледъ. Но каякъ былъ тяжело нагруженъ и не поддавался. Я стоялъ на колѣняхъ, таща изо всѣхъ силъ и стараясь въ то же время дотянуться рукой до ружья. Оглянуться на то, что творилось позади меня, мнѣ уже некогда было. Вдругъ слышу Югансенъ такъ спокойно говорить: „Поторопитесь, не то будетъ поздно“. Поторопитесь, еще бы! Наконецъ-то я добрался до кабуры, вытащилъ ружье, повернулся, сидя на льду, и въ попыхахъ взвелъ курокъ у ствола съ дробью. Медвѣдь уже стоялъ всего въ аршинѣ отъ меня, готовясь разорвать „Кайфаса“. Некогда было взводить другой курокъ, я нажалъ собачку, и медвѣдь, получивъ за ухо полный зарядъ дроби, покатился мертвымъ“.

„Медвѣдь, должно быть, какъ кошка, крался по нашимъ слѣдамъ, и пока мы, очищая край полыньи ото льда, стояли спиной къ нему, подобрался, прикрываясь торосами, къ намъ

вплотную. Мы могли прослѣдить по отпечаткамъ на снѣгу, какъ онъ переползъ на брюхѣ черезъ хребетъ торосовъ позади насъ и спрятался за кучей льда у самого каяка Югансена. Когда Югансенъ, ничего не подозрѣвая и не оглядываясь по сторонамъ, вернулся къ своему каяку и нагнулся, чтобы ухватиться за лямку, ему бросился въ глаза какой-то звѣрь, свернувшийся клубкомъ за кормой каяка. Югансенъ подумалъ было, что это нашъ „Великанъ“ и не успѣлъ еще сообразить, что звѣрь этотъ

«Поторопитесь, не то поздно будетъ!»

Рисунокъ Г. Эгедіуса.

слишкомъ великъ для собаки, какъ медвѣдь уже кинулся на него и далъ ему такую затрещину по правому уху, что небу жарко стало, и Югансенъ опрокинулся на спину. Онъ, однако, принялся отбиваться отъ медвѣдя кулаками, даже вцѣпился звѣрю въ глотку одной рукой и сталъ стискивать ее изо всѣхъ силъ. Когда медвѣдь разинулъ ротъ, готовясь укусить его въ голову, Югансенъ и обратился ко мнѣ съ знаменательными словами о томъ, что мнѣ слѣдуетъ поторопиться. Въ эту минуту

звѣрь заглядѣлся на меня—чего, дескать, онъ тамъ возится, а потомъ увидалъ собакъ и повернулся къ нимъ. Тогда Югансенъ выпустилъ глотку медвѣдя и поторопился отползти подальше. Медвѣдь же сначала закатилъ оплеуху „Великану“, который такъ и завылъ,—точно, когда мы его бьемъ,—а потомъ „Кайфасу“. Югансенъ тѣмъ временемъ успѣлъ вскочить на ноги и уже досталъ изъ каяка свое ружье, когда прогремѣлъ мой выстрѣлъ. Такимъ образомъ, Югансенъ отдѣлался тѣмъ, что Мишка сцарапнулъ съ его правой щеки слой грязи (спутникъ мой теперь и ходитъ съ бѣлой полосой на чумазомъ, закоптѣвшемъ отъ грязи и сажи лицѣ) да немножко поранилъ ему руку. „Кайфасъ“ тоже сохранилъ на память царапину на носу“. —

Убитый медвѣдь оказался медвѣдицей, съ которой ходило двое большихъ уже медвѣжатъ. Они и не замедлили показаться, находя, вѣроятно, что мать слишкомъ замѣшкалась на охотѣ. Югансенъ пытался застрѣлить хоть одного изъ нихъ, но не удалось, и эти двое сиротъ долго надрывали путешественникамъ сердце своимъ жалобнымъ воемъ, слѣдуя за ними въ нѣкоторомъ разстояніи или бродя вокругъ ихъ лагеря.

Еще два дня напряженныхъ трудовъ, изнурительной тяги саней по рыхлому, пропитанному водой снѣгу и разбитому, растрескавшемуся льду съ полыньями, набитыми саломъ и осколками льда, и товарищи могли, наконецъ, вздохнуть полной грудью: они стояли на краю пловучаго льда у открытой воды. Стоило переплыть эту небольшую полосу воды, и — они у самого ледника, у самой земли! Немудрено, что путешественниковъ охватилъ восторгъ. Нансенъ, добравшись до воды первый, замахалъ шапкой, Югансенъ отвѣчалъ ему тѣмъ-же, крича ура.

Наскоро отпраздновавъ знаменательное событіе тѣмъ, что съѣли по кусочку шоколада, бывшего ихъ любимымъ лакомствомъ въ дорогѣ, товарищи свели послѣдніе счета съ пловучимъ льдомъ и странствованіемъ по нему, застрѣливъ своихъ вѣрныхъ спутниковъ и работниковъ, двухъ уцѣлѣвшихъ отъ всей стаи собакъ — „Великана“ (изъ запряжки Югансена) и „Кайфаса“ (изъ запряжки Нансена). Теперь они стали бесполезными и могли только сильно стѣснять путешественниковъ, поэтому, какъ ни грустно было, они сочли необходимымъ отдѣлаться отъ обѣихъ собакъ. Чтобы хоть немножко облегчить себѣ эту не-

обходимость, они пожертвовали на „Великана“ и „Кайфаса“ по заряду, и каждый застрѣлилъ при этомъ не свою собаку, а собаку товарища. Затѣмъ, каяки по обыкновенію были скрѣплены вмѣстѣ, и импровизированный плотъ поплылъ къ землѣ.

Было туманно, но вѣтеръ дулъ попутный, товарищи поставили паруса, и скоро были у самаго ледника. Пристать къ нему, однако, оказалось невозможнымъ,—онъ возвышался надъ водой отвѣсною стѣною футовъ въ полтораста, и они поплыли по теченію, вдоль стѣны ледника, къ западу. Заночевать пришлось, высадившись на большую льдину, съ которой вмѣстѣ ихъ, пока они спали, и пронесло еще дальше къ западу вдоль береговъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ льдину эту затерло другими льдинами, и путешественникамъ пришлось, когда они 7-го августа хотѣли продолжать путь, переволакивать свои каяки опять на саняхъ. Скоро, впрочемъ, они снова пробились къ открытой водѣ и поплыли на своемъ паромѣ—на этотъ разъ на веслахъ, которыя смастерили себѣ тутъ же изъ лыжныхъ посоховъ, привязавъ къ нимъ вмѣсто лопастей сломанныя лыжи. Отъ взятыхъ ими съ собой съ „Фрама“ остроумно-придуманныхъ веселъ изъ бамбука съ парусиновыми лопастями, было мало толку. Съ часъ путешественники гребли вдоль стѣны ледника, потомъ имъ пришлось забрать немного къ сѣверу, такъ какъ на пути встрѣтился твердый, береговой ледъ. Въ животной жизни тутъ, по видимому, не было недостатка: изрѣдка виднѣлись тюлени, а надъ каяками то и дѣло вились птицы. Пространство открытой воды становилось все шире и скоро перешло въ настоящее море, тянувшееся къ юго-западу. Самая земля округлялась все больше и больше въ томъ же направленіи. Подъ вечеръ путешественники высадились на край неподвижнаго берегового льда и только успѣли разбить палатку, какъ пошелъ дождь.

За ночь къ краю береговаго льда прибило много пловучихъ льдинъ, и товарищамъ снова пришлось повозиться съ перетаскиваніемъ каяковъ черезъ этотъ ледъ къ открытой водѣ. Зато плыли они въ этотъ день довольно быстро, подгоняемые попутнымъ вѣтромъ. Землю, береговъ которой они держались, было плохо видно изъ-за тумана, но, все-таки, Нансенъ могъ съ достаточнымъ основаніемъ заключить, что она представляетъ группу острововъ. Что это были собственно острова, однако, оставалось

для него географической загадкой. Главнымъ образомъ, его сбивало съ толку то обстоятельство, что береговая линія заворачивала все къ югу, вмѣсто того, чтобы заворачивать къ западу. Скорѣе всего онъ склонялся къ тому предположенію, что это западные берега Земли Франца-Иосифа *). 9 августа путешественники побывали на одномъ изъ островковъ, покрытомъ щитовиднымъ льдомъ; туманъ разсѣялся, и они могли теперь убѣдиться, что дѣйствительно передъ ними была группа изъ четырехъ острововъ, и Нансенъ окрестилъ ее „Бѣлой землей (Hvidtenland), а островамъ присвоилъ имена: „Евы“, „Ливъ“, „Аделаиды“ и „Мира“.

Итакъ, надо было искать „настоящую землю“, которая бы разрѣшила всѣ сомнѣнія и указала путешественникамъ, какого направленія имъ держаться, чтобы добраться до мѣстъ, посѣщаемыхъ судами. Они направились по уходившему вдаль (S. W.) открытому фарватеру и плыли съ попутнымъ вѣтромъ съ трехъ часовъ пополудни до самого вечера, когда встрѣтили массу отдѣльныхъ плоскихъ льдинъ и высадились на одну изъ самыхъ крупныхъ. За ночь ее совсѣмъ затерло пловучимъ льдомъ, черезъ который на другой день и пришлось перетаскиваться. Весь этотъ пловучій ледъ былъ плоскимъ, характернымъ фьордовымъ льдомъ, и это обстоятельство въ связи съ открытымъ фарватеромъ заставляло подозрѣвать близость большихъ пространствъ суши, но гдѣ же она была? Досадный туманъ мѣшалъ путешественникамъ ориентироваться, и они плыли въ сущности на угадъ.

11 августа съ ними чуть было не случилось катастрофы. Ихъ принялся преслѣдовать огромный моржъ, то и дѣло грозившій пробить своими клыками жалкія парусиновыя скорлупки нашихъ мореплавателей. Иогансенъ пустилъ ему зарядъ прямо въ морду. Чудовище заревѣло, сдѣлало огромный прыжокъ и исчезло подъ водой, окрасившейся кровью. Черезъ нѣкоторое время, когда путешественники уже успокоились, думая, что совсѣмъ отдѣлались отъ врага, Иогансенъ вдругъ такъ и подпрыгнулъ отъ сильнѣйшаго толчка въ дно каяка, и вслѣдъ за тѣмъ изъ воды, около самого каяка, вновь вынырнула свирѣпая морда съ длинными клыками, обдавъ гребцовъ брызгами. Тогда Нансенъ по-

*) Земля эта представляетъ группу многочисленныхъ острововъ.

слалъ чудовищу въ морду вторую пулю, и оно распласталось на водѣ мертвымъ. Путешественники съ трудомъ проткнули толстенную шкуру моржа и вырѣзали изъ него нѣсколько ломтей мяса и жира, послѣ чего спокойно поплыли дальше.

Подъ вечеръ въ тотъ же день фарватеръ оказался прегражденнымъ льдомъ, погода стояла ненадежная, и Нансенъ рѣшилъ высадиться на береговой ледъ да заняться дѣломъ, о которомъ товарищи давно уже подумывали. Имъ обоимъ казалось, что они могли-бы подвигаться впередъ куда быстрее, если бы гребли

Ледяныя скалы.

Фотографія снятая 15 августа 1896 г.

каждый отдѣльно въ своемъ каякѣ. Къ сожалѣнію, сани были слишкомъ длинны и не умѣщались иначе, какъ на скрѣпленныхъ вмѣстѣ каякахъ. Нансенъ и рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ укоротить сани, а изъ отрѣзанныхъ частей ихъ сдѣлать настоящія цѣльныя весла. Такой случай и представился теперь. Товарищи усердно принялись за работу и пока занимались ею, туманъ мало-по-малу разсѣялся, и взорамъ ихъ открылась земля—цѣлая цѣпь острововъ, тянувшихся S.O.—W.N.W. Острова эти были раздѣлены проливами и покрыты большею частью лед-

никами. Кое-гдѣ виднѣлись и отвѣсныя темныя, голыя скалы. Путешественниковъ очень радовало такое обиліе земли, но печаливало предположеніе, что острова эти весьма вѣроятно окажутся восточною частью земли Франца-Иосифа. Въ такомъ случаѣ двумъ товарищамъ предстояло еще продолжительное путешествіе къ западу до мыса Флигели, откуда они должны были направить курсъ на Шпицбергенъ, и слѣдовательно надежды вернуться на родину въ текущемъ году почти не оставалось.

Обрѣзавъ сани, путешественники могли плыть въ каякахъ въ одиночку и подвигаться быстрѣе, если-бы, на бѣду, фарватеръ не сталъ все чаще и чаще преграждаться пловучимъ льдомъ, черезъ который и приходилось перебираться пѣшкомъ, таща за собою каяки на саняхъ.

15 августа Нансенъ и Югансенъ миновали огромную ледяную гору футовъ въ 50—60 высотой. Они хотѣли было взобраться на нее, но она оказалась слишкомъ крутой. Вечеромъ въ тотъ же день они, наконецъ, добрались до одного изъ этихъ острововъ, къ которымъ стремились въ теченіе цѣлыхъ четырехъ дней и въ первый разъ за послѣдніе два года ступили ногой на „голую“ землю, т. е. непокрытую корой льда и снѣга.

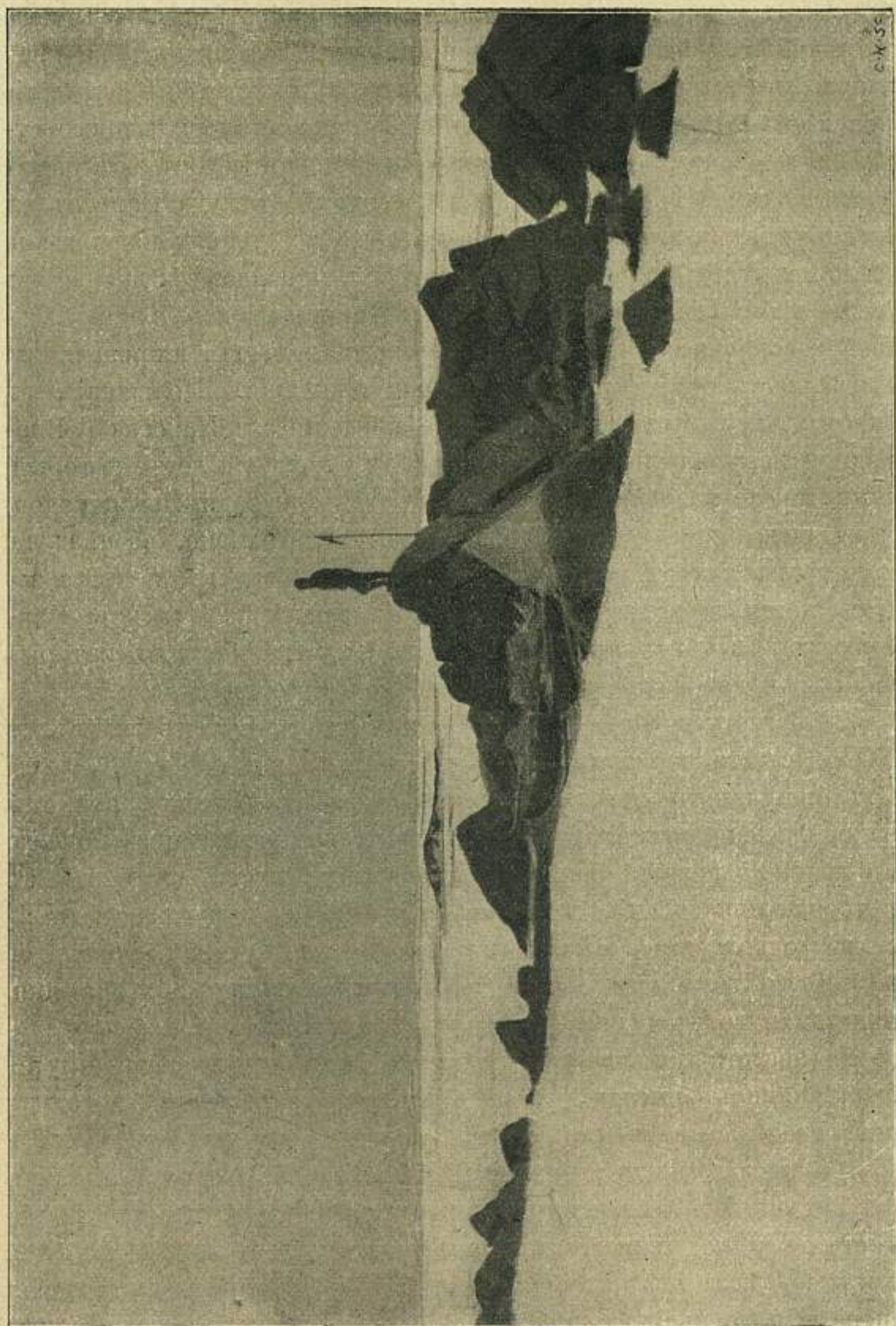
„Невозможно описать словами, что мы чувствовали, перепрыгивая съ одной гранитной глыбы на другую!“ — говорится въ дневникѣ Нансена. Когда же товарищи открыли въ одномъ уютномъ уголкѣ между скалами свѣжій зеленый мохъ и цвѣты (*paraver nudicaule*, *saxifraga nivalis* и *stellaria*), они прямо таки не могли устоять на ногахъ, подавленные нахлынувшимъ на нихъ блаженствомъ и, усѣвшись на землю, погрузились въ созерцательное раздумье. Когда они опять пришли въ себя, то первымъ дѣломъ водрузили на „землѣ обѣтованной“ норвежскій флагъ и затѣмъ задали себѣ пиръ, не пожалѣвъ для него послѣдней своей порціи сушеной картошки. Керосинъ у нихъ весь вышелъ еще нѣсколько дней тому назадъ, и пришлось для приготовленія кушаній приспособить новую лампу, въ которой могла горѣть ворвань.

Осмотрѣвъ, насколько было возможно, самый островъ, на которомъ они находились, и обозрѣвъ съ возвышеннаго пункта окружающіе, путешественники ничуть не подвинулись къ разрѣшенію вопроса, куда собственно попали. Если нѣкоторые

данныя и позволяли имъ остановиться на какомъ либо рѣшеніи, то другіе зато прямо опровергали его. 16 августа они осмотрѣли другой островъ, лежавшій къ западу отъ перваго. Новый островъ показался Нансену прелестнымъ уголкомъ земного шара. Красивый, отлогій берегъ окаймлялся полосой открытой воды; въ воздухѣ перекликались снѣжные воробы, чистики и голубыя чайки; въ водѣ кишѣли бородатые тюлени и разныя мягкотѣлыя и водоросли; подъ скалами, тамъ и сямъ, алѣли пятна розоваго снѣга, и все это было залито яркимъ солнцемъ. Нансенъ взобрался на одну изъ скалъ, чтобы ориентироваться, но тутъ какъ на зло опять палъ туманъ, и Нансенъ успѣлъ только рассмотреть на западѣ большое пространство открытой воды, до которой предстояло добираться по льду. Когда же путешественники добрались до нея, оказалось, что эта полоса открытой воды шла изъ пролива къ ледниковому мысу, которымъ оканчивался одинъ изъ большихъ острововъ и который закрывалъ отъ глазъ путешественниковъ дальнѣйшій фарватеръ и береговую линію. Надо было обогнуть этотъ мысъ, чтобы узнать, идетъ ли за нимъ береговая линія къ юго- или сѣверо-западу. Въ первомъ случаѣ Нансенъ могъ съ большимъ основаніемъ предполагать, что они у западной части земли Франца-Іосифа, а во второмъ, что они у восточной и, слѣдовательно, отложить попеченіе въ томъ же году вернуться на родину. Къ радости путешественниковъ оказалось, что земля тянулась къ юго-западу, а прямо на западъ шла открытая вода! Они и продолжали путь впередъ, держась береговой линіи, и плыли, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, весь вечеръ и всю ночь напролетъ. Только утромъ 17-го, когда вѣтеръ стихъ, они пристали къ краю берегового льда и расположились на отдыхъ.

Вотъ какъ заключилъ Нансенъ въ своемъ дневникѣ описаніе этого богатаго событіями дня: „Я счастливъ, какъ ребенокъ, при мысли, что мы таки дѣйствительно на западномъ берегу земли Франца-Іосифа и передъ нами открытая вода, въ которой мы будемъ уже независимы и отъ льда и отъ теченія“.—

Такому радужному настроенію, однако, не суждено было долго длиться. Разочарованіе наступило слишкомъ скоро. Всего одну ночь еще (съ 17 на 18) довелось имъ наслаждаться открытымъ фарватеромъ, а тамъ имъ преградило дорогу такое коли-

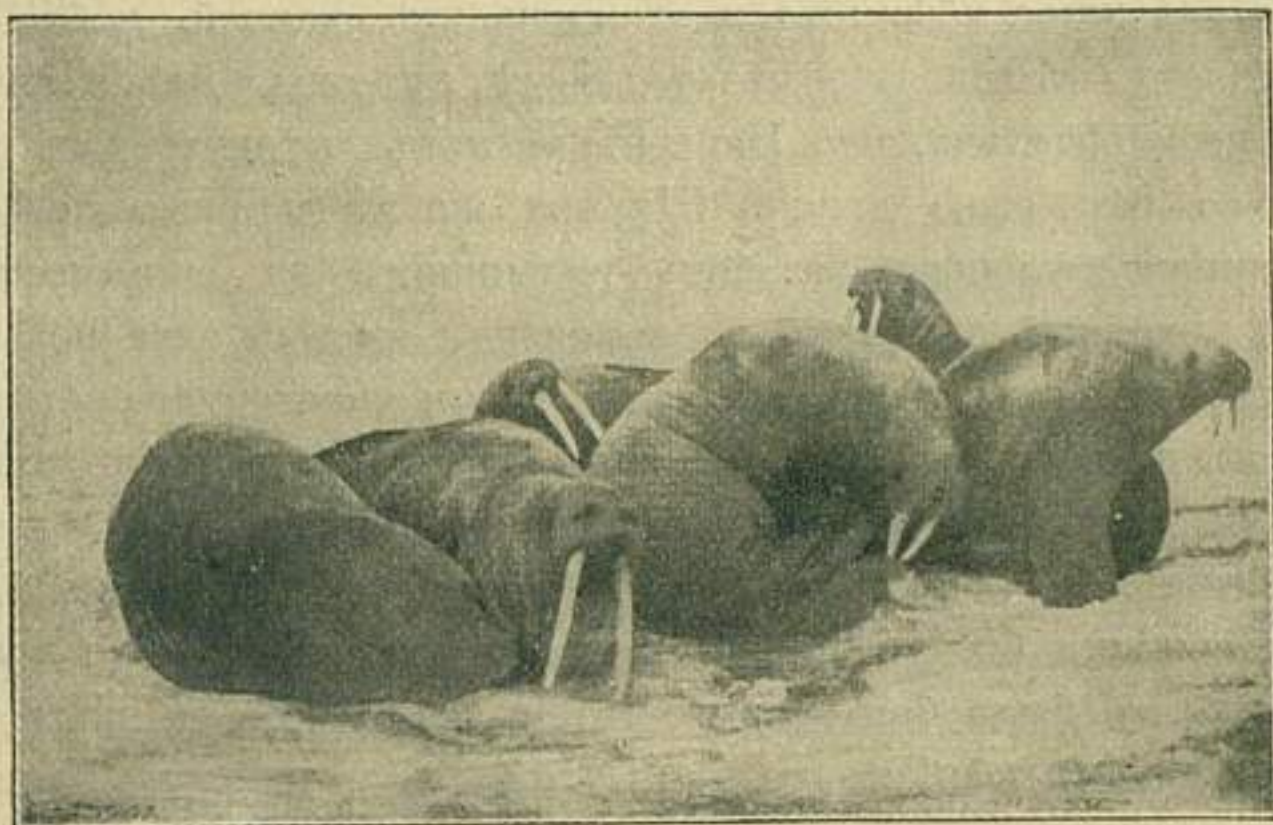
Нашъ первый привалъ на «голоой» землѣ.
Фотографія снята 16 августа 1895 г.

чество плотно сбитаго пловучаго льда, которое заставило ихъ бросить всякую мысль о возможности пробраться сквозь него къ открытой водѣ. Товарищи и рѣшили, высадившись на край этого льда, подождать пока фарватеръ очистится, вслѣдствіе переменъ погоды и вѣтра. Погода, однако, становилась все суровѣе, и скоро весь горизонтъ заполнился льдомъ, открытой воды не стало видно даже въ той сторонѣ, откуда Нансенъ съ Югансеномъ приплыли. Они, впрочемъ, не теряли надежды и, желая выждать еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ принять какое-нибудь окончательное рѣшеніе, перебрались, ради большей безопасности, на твердый береговой ледъ, гдѣ и провели цѣлыхъ шесть сутокъ въ томительномъ ожиданіи. Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, было „незавидное“,—какъ писалъ Нансенъ. „Впереди у насъ плотно сбитый, массивный морской ледъ, который, Богъ вѣсть, разойдется-ли въ этомъ году; позади, на порядочномъ разстояніи, земля (островъ), которая, однако, совсѣмъ не манитъ къ зимовкѣ; вокругъ почти непроходимый ледъ, а запасы наши подходятъ къ концу!“ Къ счастью, 21 августа Нансену удалось убить подкрававшегося къ палаткѣ медвѣдя, который надолго и избавилъ товарищей отъ заботъ о пищѣ.

24 августа погода, наконецъ, измѣнилась. Вѣтеръ задулъ съ NO и съ такой силой, что взломалъ даже береговой ледъ. Отъ послѣдняго между прочимъ отломился и тотъ край, гдѣ находилась палатка нашихъ путешественниковъ, и ихъ понесло въ море. 25 августа они сдѣлали попытку пуститься опять въ путь на каякахъ, и это удалось, хотя не безъ труда, вслѣдствіе сильнаго волненія. Вскорѣ въ виду у нихъ опять появились острова, и товарищи плыли съ перерывами еще полтора дня, приставая то къ одному, то къ другому острову.

26 августа подъ вечеръ надвигавшаяся буря заставила путешественниковъ высадиться на одинъ изъ островковъ, довольно привлекательный съ виду. Едва ступили они на землю, какъ судьба послала имъ подъ выстрѣлъ медвѣдя. Содравъ съ него шкуру, они отправились осматривать островъ и невдалекѣ отъ мѣста высадки увидали на прибрежномъ льду двухъ моржей. Тутъ на глазахъ путешественниковъ разыгралась интересная сцена. Около льдины, на которой возлежали моржи, вынырнулъ еще моржъ и, вонзивъ свои клыки въ ледъ, приподнялся надъ

краемъ, намѣреваясь взобраться. Тутъ вдругъ одинъ изъ лежавшихъ, старый, огромный самецъ завокнулся — грозно захрюкалъ и завокнулся. Пришлецъ почтительно припалъ головой ко льду, затѣмъ, выждавъ немного, снова приподнялся, осторожно положилъ на ледъ обѣ лапы и успѣлъ уже втащить на ледъ переднюю часть туловища, какъ тотъ же огромный самецъ гнѣвно сдвинулся съ мѣста и заковылялъ къ нему, потрясая клыками. Пришлецъ, хотя и не уступалъ послѣднему ни величиной всей туши, ни клыками, снова смиренно распростерся ницъ передъ нимъ, какъ рабъ передъ султаномъ. Сердитый вернулся на свое мѣсто и снова улегся. Но, какъ только

Моржи.

Фотографія снятая 28 мая 1896 г.

пришлецъ снова пошевелился, повторилось то же самое, и такъ нѣсколько разъ. Только мало-по-малу, съ поклонами и отступленіями направо и налево, удалось пришельцу окончательно взобраться на льдину и улечься около первыхъ двухъ моржей. Нансенъ полагалъ, что сердитый моржъ былъ вожакомъ стада, и всѣ его маневры имѣли цѣлью поддержать его авторитетъ. Вѣроятно, онъ встрѣчалъ такимъ образомъ всѣхъ вновь прибывающихъ, но путешественникамъ не пришлось этого наблюдать — на этотъ разъ. Когда они опять пришли посмотреть на моржей, ихъ было уже цѣлыхъ шестеро.

Ночью сонъ товарищей былъ нарушенъ какими-то странными звуками: словно кто стоналъ, плакалъ и всхлипывалъ невдалекѣ. Нансенъ выглянулъ изъ палатки. Оказалось, что около освѣженной туши убитаго наканунѣ медвѣдя стояла медвѣдица съ медвѣженкомъ, и оба они какъ будто оплакивали дорогого покойника. Нансенъ схватилъ ружье, чтобы выстрѣлить, но медвѣдица, замѣтивъ его, кинулась вмѣстѣ съ дѣтенышемъ бѣжать, и онъ не сталъ ихъ преслѣдовать.

Продолжать плаванье на другой день оказалось невозможнымъ: фарватеръ былъ сплошь запруженъ пловучимъ льдомъ. Буря не утихала, вѣтеръ такъ рвалъ и трепалъ палатку, что товарищи сочли нужнымъ устроить себѣ на слѣдующую ночь болѣе надежное убѣжище и сложили изъ камней, найденныхъ неподалеку въ ущельѣ, что-то вродѣ хижины. Длина ея была такъ незначительна, что Нансенъ не могъ вытянуться въ ней на полу во всю свою длину. Ширина же какъ разъ позволяла товарищамъ улечься на ночь рядышкомъ да еще поставить возлѣ кухонный приборъ, и, наконецъ, высота едва позволяла Нансену сидѣть согнувшись. Крышу они смастерили изъ парусовъ и многострадальной палатки. Входное отверстіе заткнули верхнимъ платьемъ, а щелей въ стѣнахъ уже не чѣмъ было законопатить, и хижину продувало насквозь. Тѣмъ не менѣе путешественники были довольны и такой квартирой, — по крайней мѣрѣ нечего было бояться, что вѣтеръ снесетъ ее — и, подложивъ подъ спальный мѣшокъ медвѣжью шкуру, отлично выспались на новосельѣ.

И на другой день 29 августа картина моря не измѣнилась; фарватеръ не думалъ очищаться ото льда, который, напротивъ, становился все плотнѣе. Нансенъ подумалъ, подумалъ и рѣшилъ готовиться къ зимовкѣ на этомъ островѣ. Въ самомъ дѣлѣ, осень была уже на дворѣ, и, если бы даже фарватеръ очистился и далъ путешественникамъ возможность продолжать путь, далеко имъ все равно уже было не уйти. Правда, Нансенъ все мечталъ добратъся до южныхъ береговъ Земли Франца-Иосифа и, главное, до бывшей зимовки Лейча Смита (на островѣ Белля), гдѣ они могли, по крайней мѣрѣ, найти готовое сносное жилище. Но, подумавъ серьезно, онъ счелъ рискованнымъ тратить время на поиски этой зимовки. Зима была, вѣдь, не за горами, а при-

готовленія къ ней требовали не мало времени и трудовъ. Самый островъ, къ тому же, смотрѣлъ вполне подходящимъ мѣстомъ для зимовки, главнымъ образомъ, по обилію дичи.

IX.

Итакъ, благоразумнѣе всего было не медля, взяться за дѣло затовленія обильныхъ запасовъ пищи и топлива, да сооруженія болѣе человѣческаго жилья. Сложенная изъ камней хижина или „пещера“, какъ товарищи ее называли, годилась только въ качествѣ временнаго убѣжища. Въ каменномъ матеріалѣ для возведенія стѣнъ новаго жилья недостатка не предвидѣлось, а вотъ насчетъ крыши приходилось поломать себѣ голову. Нансену посчастливилось найти на берегу солидный сосновый стволъ, выброшенный моремъ; онъ какъ-разъ годился для матицы, но, несмотря на самые тщательные поиски, больше на островѣ не нашлось ни единого годнаго куска дерева. Тогда Нансену пришло въ голову соорудить крышу изъ моржевыхъ шкуръ, и 29 августа была предпринята охота на моржей.

На льду ихъ въ этотъ день не оказалось, и путешественники, скрѣпивъ оба каяка вмѣстѣ, выѣхали въ море. Скоро они подплыли на выстрѣлъ къ одному моржу, но застрѣлить его оказалось не такъ легко. Товарищи посылали ему въ голову пулю за пулей, но все не попадали въ слабое мѣсто—за ухомъ, и моржъ, обливаясь кровью, все нырять, кружился и неистовствовалъ въ водѣ, ежеминутно грозя перевернуть или пробить каяки. Товарищамъ приходилось глядѣть въ оба и во время увертываться отъ клыковъ звѣря со своимъ „паромомъ“. Во время этой возни у Нансена разрядилось ружье, и пуля пробила декъ и бортъ въ носовой части егѣ каяка, къ счастью, выше ватеръ-линіи. Наконецъ, чуть ли не девятая пуля доконала чудовище, но не успѣлъ Нансенъ метнуть въ него гарпунъ, какъ оно погрузилось въ воду. Всѣ труды и, главное, драгоцѣнные заряды пропали даромъ. Повѣсивъ носы, охотники направились къ берегу.

Счастье, однако, опять улыбнулось имъ въ тотъ же день. Немного погодя, они увидали, что два моржа вылѣзли на береговой ледъ. Товарищи, занявшись уборкой мяса и шкуръ убитыхъ въ этотъ день утромъ медвѣдицы съ медвѣжонкомъ, дали чудовищамъ угомониться и заснуть крѣпкимъ сномъ, а затѣмъ

подкрались къ нимъ и уложили ихъ четырьмя пулями, послѣ чего сбѣгали къ „пещерѣ“ за санями, да кстати прихватили съ собой и каяки. Нансенъ опасался, что поднявшійся вѣтеръ усилится и взломаетъ ледъ. Дѣйствительно, охотники и наполовину еще не содрали шкуры съ одного моржа покрупнѣе, какъ замѣтили, что ледъ между ними и землей вскрылся, и ихъ вмѣстѣ съ моржами несетъ въ море. Поспѣшно вырѣзавъ нѣсколько кусковъ мяса и жиру и отрѣзавъ четвертую часть шкуры, они усѣлись и поплыли, съ досадой глядя, какъ ихъ богатой добычей овладѣваютъ чайки. Товарищи хотѣли приблизиться къ краю берегового льда, идя на веслахъ противъ вѣтра, но вѣтеръ все крѣпчалъ и взламывалъ ледъ; оторванные льдины неслись навстрѣчу каякамъ и преграждали путь. Чтобы удобнѣе пробираться между льдинами, товарищи разъединили каяки, причемъ вынуждены были бросить и взятую съ собой часть шкуры моржа, и началась упорная борьба съ вѣтромъ, волненіемъ и льдомъ. Путешественники то лавировали между льдинами на каякахъ съ санями, поставленными на корму, то пробирались пѣшкомъ по самымъ льдинамъ, перепрыгивая съ одной на другую и таща за собой сани съ поставленными на нихъ каяками. Ледъ же двигался и крутился, словно въ водоворотѣ, и товарищамъ то и дѣло грозила опасность быть раздавленными; они проваливались, брали холодныя ножныя ванны, ихъ обдавало цѣлымъ дождемъ брызгъ со всѣхъ сторонъ, а хуже всего было то, что ихъ все относило къ сѣверо-западу отъ того мѣста, гдѣ находилась ихъ „пещера“, и грозило совсѣмъ унести въ море этимъ ненавистнымъ льдомъ! Наконецъ, имъ удалось попасть въ довольно длинный заливъ въ береговомъ льду, подходившій почти къ самому берегу острова, и они, собравъ послѣднія силы, налегли на весла. Пришлось еще потрудиться немало, пока они добрались до берега, въ значительномъ разстояніи отъ своей „пещеры“. Но тутъ волненіе и вѣтеръ были уже не такъ сильны, и они сравнительно легко дошли до нея на веслахъ, держась берега.

То-то сладокъ показался имъ отдыхъ въ пещерѣ послѣ такихъ приключеній! Подкрѣпившись медвѣжьимъ окорокомъ, они заснули, но проспали недолго. Югансенъ проснулся отъ какого-то подозрительнаго шума и, разбудивъ Нансена, высказалъ ему предположеніе, что возлѣ пещеры ходитъ медвѣдь. Выползши

изъ нея, товарищи увидѣли даже цѣлыхъ трехъ — матку съ двумя дѣтенышами. Медвѣдицу уложили немедленно, а медвѣжата исчезли между прибрежными камнями и затѣмъ показались въ морѣ на пловучей льдинѣ, которая готова была погрузиться подъ ихъ тяжестью. Надъ водой торчали однѣ головы медвѣжатъ. Нечего было и думать попасть въ нихъ на такомъ разстояніи, и товарищи стали поджидать, не принесетъ-ли льдину къ берегу. Но ее, напротивъ, уносило въ море. Тогда Нансенъ рѣшилъ преслѣдовать медвѣжатъ, и товарищи отправились къ своимъ каякамъ. Оказалось, что медвѣди успѣли порядочно похозяйничать въ нихъ, повытаскали оттуда куски моржоваго мяса, часть съѣли, часть расшвыряли, самый каякъ Нансена стащили въ воду, а въ каякъ Югансена сломали нѣсколько реберъ. Для плаванья онъ все-таки еще годился, и охотники вышли въ море. Что-же увидали они, немного отъѣхавъ отъ берега? Убитаго ими наканунѣ моржа, который погрузился тогда въ воду прежде, чѣмъ они успѣли зацѣпить его гарпуномъ. Теперь онъ таки всплылъ на поверхность! На этотъ разъ наши охотники зѣвать не стали, воткнули въ тушу гарпунъ и, подведя ее къ краю берегового льда, прикрѣпили ко льду веревкой. Затѣмъ, они пустились догонять медвѣжатъ, обогнули льдину, на которой тѣ плыли, и заставили ихъ броситься въ воду и спастись вплавъ къ берегу. Слѣдуя за ними по пятамъ, охотники дали медвѣжатамъ выйти на берегъ и тутъ уже уложили обоихъ. Теперь у путешественниковъ былъ хорошій запасъ и мяса и жиру и шкуръ!

Только 2 сентября принялись они за сдиранье шкуры съ моржа. Онъ лежалъ въ небольшомъ узкомъ заливчикѣ въ береговомъ льду у довольно отлогого края послѣдняго, и Нансенъ надѣялся, что ему съ Югансеномъ удастся втащить чудовище на самый ледъ, но это оказалось имъ не подъ силу. Пришлось снимать шкуру въ водѣ, лежа на тушѣ. Это была крайне непріятная работа. Въ первыхъ путешественники промокали насквозь, во вторыхъ одежда ихъ такъ пропиталась саломъ, что не было уже никакой возможности отчистить ее.

Во время ихъ возни съ моржомъ, въ заливчикъ вошелъ другой, чудовищной величины; повидимому, крайне заинтересовался происходящимъ и подплылъ къ охотникамъ чуть не вплотную, таращась на нихъ во всѣ глаза. Товарищи и не замедлили на-

казать его за любопытство—застрѣлили. Вообще, по свидѣтельству Нансена, моржи крайне любопытны и отнюдь не пугливы. Часто они подплывали къ самому берегу, зацѣплялись клыками за ледъ и проводили въ такой позѣ подолгу, любопытно и безбоязненно слѣдя за всѣмъ, что дѣлали путешественники. И это не одни самцы моржи. Однажды, когда Нансенъ съ Югансеномъ сдирали шкуру съ медвѣжата, къ краю льда подплыла даже моржиха съ дѣтенышемъ, и оба принялись глазѣть. Подъ конецъ моржиха такъ заинтересовалась зрѣлищемъ, что легла на ледъ всей передней частью туловища, какъ бы рассчитывая на долгое созерцаніе и желая устроиться поудобнѣе. Нансенъ направился къ ней, она даже не двинулась и только, когда онъ подошелъ къ ней чуть не вплотную, прицѣливаясь изъ ружья, она вдругъ очнулась и нырнула.

И со второго моржа пришлось сдирать шкуру такимъ-же способомъ, какъ съ перваго. Дѣло подвигалось медленно и взяло нѣсколько дней. Зато мѣсто, гдѣ происходило свѣжеванье моржей, стало очень оживленнымъ. Здѣсь скопилась цѣлая куча отбросовъ—жира, мяса и внутренностей, которая и привлекала стаи чаекъ и лисицъ. Крикъ и гамъ стоялъ тутъ непрерывный. Буревѣстники держали себя настоящими хозяевами; красивыя, снѣжныя или серебряныя чайки громко роптали, но не смѣли вступить съ ними въ споръ и довольствовались ихъ объѣдками. Трехпалыя же чайки пренебрегали падалью и день-деньской носились надъ водой, высматривая живую добычу—какуюнибудь ракушку или рыбку, причемъ часто работали не на себя, а на чаекъ-разбойницъ или скуй, промышляющихъ грабежомъ. Налетитъ разбойница на чайку съ добычей и начнетъ долбить ту въ голову, пока бѣдняжка не выпуститъ изо рта добычи. Тогда разбойница подхватитъ послѣднюю на лету и была такова. Путешественники часто отрывались отъ работы, чтобы полюбоваться кишачей вокругъ нихъ жизнью. Скоро, вѣдь, имъ предстояло распрощаться съ нею на всю долгую полярную ночь, погрузиться вмѣстѣ съ природой въ мракъ и безмолвіе.

7 сентября путешественники приступили къ возведенію зимняго жилища. Выбрали ровное мѣстечко, покрытое землей и мхомъ и примыкавшее къ самой скалѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она выступала изъ ледника, отмѣрили 6 футовъ въ ширину и почти

10 въ длину и принялись таскать каменные глыбы съ горы. Когда каменнаго матеріала скопилось достаточно, товарищи вырыли во все отмѣренное пространство четырехугольную яму, глубины, равной предположенной высотѣ каменныхъ стѣнъ надъ землею, т. е. въ 3 фут., и, сложивъ самыя стѣны, какъ умѣли, законопатели всѣ щели землей и мхомъ. Затѣмъ, къ ямѣ съ юго-западной стороны былъ прорытъ съ поверхности земли узкій проходъ, въ видѣ трубы, и выложенъ и прикрытъ сверху камнями, а впослѣдствіи еще снѣгомъ и льдинами. Пробираться по этой трубѣ можно было лишь ползкомъ.

Работа, конечно, не особенно спорилась при наличности такихъ примитивныхъ инструментовъ, какіе имѣлись въ распоряженіи нашихъ мастеровъ. Главнымъ орудіемъ служили имъ собственные пятерни. Отрѣзки санныхъ полозьевъ превратились въ ломы для выворачиванья изъ земли крѣпко вмерзшихъ въ нее камней; лыжными посохами съ желѣзными наконечниками путешественники разрыхляли мерзлую землю; лопатка моржа, привязанная къ сломанному лыжному посоху замѣняла заступъ, а моржовый клыкъ, привязанный къ вынутой изъ саней перекадинѣ, кирку. Еще немало замедляла работы холодная погода. 12 сентября, однако, неожиданно наступила оттепель при 4° тепла, (по свидѣтельству Нансена, это была наивысшая температура за все время экспедиціи) и земля и камни нѣсколько оттаяли опять. Особенно пришлось повозиться съ крышей. Стволъ сосны, предназначенный для матицы, глубоко вмерзъ однимъ концомъ въ землю, и товарищамъ едва удалось вырубить и вытащить его оттуда. Еще труднѣе оказалось притащить этотъ массивный стволъ на мѣсто постройки и поднять на стѣны. Послѣ того оставалось натянуть сверху моржевыя шкуры, но онѣ успѣли затвердѣть и примерзнуть къ кучкамъ моржеваго мяса и жира, которыя были ими прикрыты. Большихъ трудовъ стоило соскоблить съ нихъ весь жиръ и нѣсколько размягчить ихъ, а еще большихъ трудовъ — доставить ихъ съ берега на мѣсто постройки. Товарищи, разрѣзавъ шкуры на половины, перепробовали всѣ способы доставки: и катили ихъ на саняхъ, и несли на плечахъ, и волочили волокомъ; насилу-насилу дотащили. Врядъ-ли, впрочемъ, оказалось легче и натянуть мерзлыя шкуры надъ жильемъ. Три половины шкуръ еще удалось при-

ладить довольно скоро, а четвертую пришлось таки спускать въ воду, чтобы она оттаяла и поотмякла.

Постройка жилья вообще велась нашими работниками весьма энергично. Обыкновенно они выходили на работу съ самаго утра и работали съ небольшимъ роздыхомъ весь день. Перерывы въ работѣ вызывались только появленіемъ „дичи“, на которую немедленно устраивалась охота. Чѣмъ обильнѣе запасы удалось бы заготовить на зиму, тѣмъ лучше! Къ полному удовольствію путешественниковъ, „дичь“ въ видѣ медвѣдей и жаловала къ нимъ довольно часто, привлекаемая запахомъ имѣвшихся уже у товарищей запасовъ медвѣжьего и моржоваго мяса и жира. Одинъ изъ такихъ визитеровъ даже забрался въ строящуюся хижину и испортилъ крышу изъ моржевыхъ шкуръ, показавшуюся ему довольно аппетитной. Разумѣется, онъ поплатился за дерзость собственной шкурой, но моржовыя шкуры, представлявшія крышу, пришлось таки совсѣмъ снять и вновь отмачивать въ морѣ, чтобы онѣ оттаяли и возможно было снова натянуть ихъ, какъ слѣдуетъ. Когда это было сдѣлано, путешественники отрѣзали отъ шкуръ нѣсколько широкихъ ремней, сдѣлали на концахъ послѣднихъ петли, вложили въ петли тяжелые камни и прикрѣпили ремни къ концамъ шкуръ, спускавшимся вдоль стѣнъ.

24 сентябрю товарищамъ посчастливилось убить еще парочку моржей. Выйдя въ этотъ день утромъ осмотрѣть термометры, Югансенъ увидалъ на льду около заливчика цѣлое стадо этихъ морскихъ великановъ. Самый заливчикъ успѣлъ уже затянуться ледяной корой, но это не могло служить помѣхой моржамъ, которые пробиваютъ своими толстыми неуклюжими головами даже довольно толстый ледъ, когда имъ захочется вылѣзть изъ воды, подышать „сухимъ“ воздухомъ. И на этотъ разъ Югансену пришлось наблюдать ту же оригинальную манеру вожака принимать каждаго вновь прибывающаго собрата, о которой говорилось выше. По приходѣ Нансена товарищи стали, прячась за буграми, подкрадываться къ стаду на выстрѣлъ. Затѣмъ, осталось только намѣтить себѣ жертвъ. Моржи лежали, развались, и подремывали. Время отъ времени сосѣдъ угощалъ сосѣда ударами клыковъ въ спину, если тотъ въ дремотѣ какъ нибудь переваливался и нарушалъ его величественный покой. Хорошо что шкуры у этихъ животныхъ толстенныя, а то не поздоро-

вилось бы отъ такихъ привѣтствій! У многихъ, впрочемъ, спины были окровавлены.

Намѣтивъ нѣсколько молодыхъ моржей, охотники дали въ нихъ по выстрѣлу. Моржъ, подстрѣленный Югансеномъ, однако, ушелъ въ воду, и одинъ изъ подстрѣленныхъ Нансеномъ тоже. Другой остался на мѣстѣ. Одно за другимъ бултыхались встревоженные чудовища головой внизъ въ воду. Только два взрослыхъ моржа, не сразу двинулись съ мѣста, и Югансенъ убилъ одного на повалъ первымъ же выстрѣломъ. Другой не обра-

Югансенъ колебался — стрѣлять въ него или нѣтъ. Фотографія.

тился въ бѣгство и тутъ, любопытно-недоумѣвающе посматривая то на охотниковъ, то на мертваго товарища. Югансенъ колебался — стрѣлять въ него или нѣтъ, а Нансенъ воспользовался случаемъ сфотографировать эту группу. Наконецъ, моржъ опомнился и тоже бултыхнулся въ воду. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ водная поверхность была тиха и неподвижна, затѣмъ забурлила, запѣнилась, и изъ нея, разбрызгивая воду во всѣ стороны, выставились чудовища съ длинными клыками и злю-

щими, налитыми кровью глазами, вытаращенными на охотниковъ. Особенно бѣсновался вожакъ. Онъ вцѣпился клыками въ край льда, приподнялся изъ воды до половины туловища, опять нырнулъ въ воду и, подплывъ подъ береговой ледъ, принялся биться о него головой какъ разъ подъ ногами охотниковъ. Хорошо, что этотъ ледъ былъ очень массивенъ, не то онъ разлетѣлся бы вдребезги. Мало-по-малу всѣ моржи ушли въ море, и оварищи спокойно принялись свѣжевать убитыхъ. Вдругъ вожакъ опять съ такимъ ревомъ вынырнулъ у самого края льда,

Затѣмъ, водная поверхность забурлила, зашумѣла... Фотографія.

что охотники такъ и присѣли. Онъ, видно, никакъ не могъ забыть случившагося и показывался еще раза два.

Итакъ у путешественниковъ еще прибавилось и шкуръ для крыши и запаса ворвани для топлива. Последняго должно было теперь хватить на всю зиму. Что же до запасовъ съѣстнаго, то имъ удалось, со времени высадки на островъ до наступленія зимы, обезпечить себя 18 медвѣжьими тушами. Этого тоже, казалось, было довольно.

28 сентября вечеромъ путешественники, наконецъ, могли перебраться на новоселье, о которомъ давно вздыхали. Температура пала уже до -20° Ц., и житье въ „пещерѣ“ становилось все болѣе и болѣе непріятнымъ. Однимъ изъ послѣднихъ приготовленій къ новоселю было устройство въ новой квартирѣ каменныхъ коекъ. Путешественникамъ очень улыбалась мысль обзавестись, наконецъ, отдѣльными постелями, чтобы имѣть возможность спать въ свое удовольствіе, не стѣсня другъ друга.

Вдругъ вожакъ опять съ ревомъ вынырнулъ у самого края льда. Фотографія.

Удовольствія этого они были лишены съ самого начала экспедиціи „самъ-другъ“. Надѣясь, что въ хижинѣ вообще будетъ достаточно тепло, а тѣмъ болѣе при отопленіи ея двумя ворванными лампами, товарищи и приготовили двѣ отдѣльныя койки, постлали на нихъ медвѣжьи шкуры и распороли свой спальный мѣшокъ на два одѣяла. За то и померзли они въ первую ночь! Рады-радехоньки были, когда она, наконецъ, минула, и тотчасъ же принялись варить себѣ супъ изъ медвѣжатины, чтобы хоть

2-2 ОТДЕЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ

ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В ЛЕНИНГРАДѢ

немножко согрѣться горячей пищей. Затѣмъ, они немедленно снова сшили изъ одѣялъ мѣшокъ и принялись устраивать себѣ общее ложе. Къ несчастью, время было уже позднее, камни успѣли такъ плотно вмерзнуть въ землю, что товарищамъ съ ихъ примитивными инструментами не удалось добыть для новой койки болѣе или менѣе гладкихъ каменныхъ плитъ. Пришлось удовольствоваться тѣми, какія попались, угловатыми, острыми, и всю зиму расплачиваться своими боками за легкомысленную попытку посибаритствовать!

Въ одномъ углу хижины путешественники устроили маленькій очагъ, на которомъ надъ ворванной лампой готовились кушанья; въ крышѣ, т. е. въ моржевой шкурѣ надъ нимъ была прорѣзана кругая дыра, а изъ шкуры медвѣдя былъ устроенъ вытяжной колпакъ. Но этого оказалось мало, хижина такъ переполнялась дымомъ, что скоро путешественники были вынуждены соорудить и трубу на крышѣ. Матеріаломъ для нея послужили куски мерзлаго моржоваго мяса, кости и, главное, снѣгъ и ледъ. Въ теченіе зимы трубу эту приходилось, конечно, не разъ подновлять, такъ какъ она обтаявала отъ проходившаго черезъ нее горячаго дыма и воздуха.

Вообще не сразу-то удалось товарищамъ устроиться въ своей хижинѣ, какъ слѣдуетъ, на зиму. Къ числу уже упомянутыхъ передѣлокъ и перемѣнъ, вызывавшихся горькимъ опытомъ, надо еще прибавить задѣлку „окна“, которое они оставили въ стѣнѣ хижины, обращенной къ морю. Они надѣялись затянуть его медвѣжьимъ пузыремъ или кишкой, но изъ этого ничего не вышло, и холодъ скоро заставилъ ихъ поплотнѣе задѣлать это отверстіе. Довольно было съ нихъ и такихъ отверстій, безъ которыхъ уже нельзя было обойтись—трубы и двери. Последняя была плотно занавѣшена изнутри хижины медвѣжьей шкурою, пришитой къ крышѣ. Другая шкура закрывала снаружи выходное отверстіе изъ прохода-трубы. Вѣтеръ часто наметалъ къ этой импровизированной наружной двери сугробы снѣга, и тогда трудненько становилось отворить ее. Особенно Нансену, который при своемъ ростѣ, не могъ въ этой низенькой трубѣ даже присѣсть на корточки и спиной оттолкнуть шкуру.

15 октября путешественники простились съ солнцемъ, и для нихъ началась третья полярная ночь.

X.

Эта третья ночь и оказалась, пожалуй, самой томительной для наших путешественниковъ. Во время зимовки „самъ-другъ“ на пустынномъ островкѣ, въ самодѣльной хижинѣ, имѣвшей всего 10 ф. въ длину и 6 въ ширину, они были лишены всѣхъ тѣхъ ресурсовъ, которые помогали пріятно и разнообразно коротать время въ теченіе долгой, унылой полярной ночи на „Фрамѣ“. Они, впрочемъ, утѣшали себя сознаніемъ, что относительно всетаки устроились недурно; могло быть и гораздо хуже! Чего стоила, напримѣръ, одна обезпеченность по части пищи. Кладовая ихъ въ снѣжномъ сугробѣ была переполнена медвѣжьимъ мясомъ. Окорока, лопатки и цѣлыя туши покоились рядами въ снѣгу вокругъ хижины. Товарищи закопали въ снѣгъ и послѣдніе остатки провіанта, взятаго съ „Фрама“, рѣшившись оставить ихъ нетронутыми до весны, когда снова отправятся въ путь, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда здоровье ихъ потребуетъ смѣны однообразной мясной пищи. Этого, однако, не случилось; медвѣжатина шла путешественникамъ впрокъ.

Бли они ее два раза въ сутки: утромъ готовили изъ нея супъ и съѣдали въ вареномъ видѣ, а вечеромъ въ жареномъ. Медвѣжій желудокъ, наполненный кровью и поджаренный на сковородѣ, медвѣжій языкъ и особенно жареные медвѣжьи мозги, разнообразившіе меню, считались особенными деликатессами. Затѣмъ, товарищи еще лакомились иногда кусочками поджареннаго хрустящаго жира; это блюдо считалось у нихъ „пирожнымъ“, къ которому не доставало только сахара. Да и соли у нихъ давно не было, и они иногда недѣлями не получали ни крупинки ея ни въ видѣ соленого льда, ни въ видѣ соленой воды.

Поварскія обязанности несли теперь поочередно, по недѣлѣ, то тотъ, то другой изъ товарищей. Очередной поваръ ложился въ мѣшкѣ съ краю ложа, такъ какъ на его обязанности лежало день и ночь поддерживать огонь на очагѣ. Онъ же долженъ былъ заблаговременно приносить въ хижину кусокъ свѣжаго мяса — окорокъ, лопатку или даже цѣлую тушу, если медвѣдь былъ изъ маленькихъ — чтобы оно, повисѣвъ надъ очагомъ, немного оттаяло. Свободный отъ поварскихъ обязанностей товарищъ заботился о доставленіи для стряпни и прочихъ надобностей прѣс-

наго и соленого льда, а еще лучше воды, если только была возможности раздобыть ее. Надъ очагомъ постоянно висѣлъ сосудъ изъ подъ керосина, набитый льдомъ, который, понемногу тая, и доставлялъ нужную въ теченіе дня воду.

Выходили путешественники изъ хижины въ продолженіе зимы только въ случаѣ крайней надобности, а коротенькія прогулки ради моціона предпринимались ими лишь при абсолютномъ безвѣтріи и ясной погодѣ. Ужъ слишкомъ пробирало бѣднягъ въ ихъ насквозь просаленныхъ, изношенныхъ до нельзя одѣяніяхъ! „Вѣтряной“ одежды и вовсе невозможно было надѣть; она нуждалась въ радикальной починкѣ, а между тѣмъ запасъ нитокъ у путешественниковъ былъ такъ незначителенъ, что приходилось прибегать его до весны, когда предвидѣлась насущная необходимость въ обновленіи гардероба. Сначала Нансенъ рассчитывалъ сшить новыя зимнія платья изъ медвѣжьихъ шкуръ, но это не удалось. Съ каждой шкурой была страшная возня, пока удавалось очистить ее отъ подкожного жира и, главное, просушить. Сушить приходилось въ самой хижинѣ, гдѣ шкуру подвѣшивали подъ потолкомъ. Больше одной заразъ сушить нельзя было, — мѣста не хватало, — сохла же каждая очень долго, такъ что къ тому времени, когда успѣли высохнуть двѣ первыя, успѣли настолько загнить шкуры, служившія путешественникамъ подстилкой (онѣ пошли въ дѣло прямо въ сыромъ видѣ), что пришлось замѣнить ихъ этими двумя новыми. Слѣдующія шкуры по мѣрѣ ихъ очистки и просушки тоже шли на подстилку, а затѣмъ понадобилось еще сшить новый спальный мѣшокъ потеплѣе имѣвшагося въ распоряженіи товарищей шерстяного, такъ что для обновления гардероба въ теченіе всей зимы свободныхъ шкуръ и не оказалось. Старыя платья, впрочемъ, были достаточны теплы для пребыванья въ хижинѣ, гдѣ удавалось съ помощью двухъ ворванныхъ лампъ поддерживать температуру приблизительно на уровня нуля — то есть, въ серединѣ помѣщенія. У стѣнъ же было значительно холоднѣе (-7°), и камни сплошь и рядомъ бывали покрыты не только налетомъ инея, но и ледяной корой. Во время же оттепели на дворѣ или во время усиленной стряпни въ хижинѣ, стѣны оттаивали, и съ нихъ текли ручейки на полъ и на ложе путешественниковъ, на которомъ они проводили большую часть сутокъ.

Куда въ самомъ дѣлѣ было имъ дѣвать время при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они были принуждены проводить свою третью полярную зиму? Надеждѣ Нансена, что ему удастся за зиму сдѣлать много: привести въ порядокъ путевыя замѣтки, разработать научныя данныя и составить болѣе подробный отчетъ объ экспедиціи—не суждено было сбыться. Тусклый, дрожащій свѣтъ ворванныхъ лампъ и крайне неудобное положеніе тѣла при работѣ (писать или читать приходилось или лежа на спинѣ или сидя все на томъ же невозможномъ ложѣ изъ угловатыхъ, торчащихъ кверху ребрами камней), сильно тормозили послѣднюю, да и вся обстановка мало располагала къ ней.

„Мозгъ работалъ чрезвычайно вяло“ — пишетъ Нансенъ — „и меня никогда даже и не тянуло записать что нибудь. Одной изъ причинъ являлось, пожалуй, то обстоятельство, что невозможно было сохранить написаннаго чистымъ. Стоило намъ дотронуться до бумаги, какъ на ней уже появлялись темныя жирныя пятна отъ пальцевъ; стоило задѣть листокъ бумаги кончикомъ нашей одежды, какъ на немъ вырисовывалась грязная полоса. Страницы нашихъ дневниковъ, относящіяся къ этому времени, имѣютъ отвратительный видъ. Это „мазня“ въ буквальномъ смыслѣ слова. Ахъ, какъ мы мечтали тогда о томъ времени, когда снова получимъ возможность писать на чистой бѣлой бумагѣ чернилами! Часто я едва могъ разобрать въ своемъ дневникѣ записанное не далѣе, какъ наканунѣ“. —

Итакъ, писать у нихъ не было охоты, а весь матеріалъ для чтенія заключался въ ихъ собственныхъ дневникахъ, научныхъ замѣткахъ, навигаціонныхъ таблицахъ, да въ календарѣ. Товарищамъ и оставалось только фантазировать вслухъ на тему о возвращеніи на родину, да спать. Въ послѣднемъ искусствѣ они, наконецъ, изощрились такъ, что могли, по свидѣтельству Нансена, иногда проводить во снѣ до 20 часовъ въ сутки! Встанутъ утромъ, поѣдутъ, выйдутъ на воздухъ провѣрить термометръ, барометръ, иногда, если погода позволяетъ, сдѣлаютъ еще какое нибудь нужное научное наблюденіе, занесутъ результаты въ дневникъ и опять на боковую до вечера. Самые дневники ихъ иногда за цѣлыя недѣли не содержали ничего, кромѣ такихъ научныхъ отмѣтокъ, настолько однообразно и вяло тянулась жизнь. Однообразіе ея нѣсколько нарушалось лишь визитами

полярныхъ лисицъ, которыя стаями бродили вокругъ хижины, словно какія-то домашнія животныя, и глодали мерзлыя медвѣжьи туши. Иногда цѣлая компанія лисицъ забиралась на крышу и топотала надъ головами дремавшихъ товарищей. Послѣдніе пытались спугнуть нахальныхъ гостей, стуча палками въ потолокъ, но тѣ и ухомъ не вели. Чтобы прогнать ихъ, путешественникамъ приходилось выползать изъ хижины, откидывать наружную дверь-шкуру и выскакивать на поверхность земли. Тогда лисицы подымали громкій, негодующій вой, словно желая выразить свой протестъ противъ этихъ незванныхъ - непрошенныхъ двуногихъ гостей, вторгнувшихся въ предѣлы, находившіеся дотолѣ въ безраздѣльномъ владѣніи ихъ, лисицъ, да медвѣдей. Таскали лисицы у путешественниковъ все, что только могли, даже самые непригодные для себя, но крайне важные для нихъ предметы. Такъ Нансенъ положилъ въ шелковую сѣть Муррея разныя мелкія вещи, свернулъ ее и спряталъ подъ камень. Какая-то длиннохвостая воровка и стащила изъ сѣтки гарпунную веревку, мѣшочекъ съ образцами каменныхъ породъ, собранныхъ Нансеномъ на первомъ встрѣченномъ имъ свободномъ отъ льда и снѣга островѣ, и — что хуже всего — клубокъ тонкихъ бичевокъ, изъ которыхъ товарищи собирались надергать нитокъ для шитья весной! Минимальный термометръ, всегда находившійся возлѣ хижины, лисицы утаскивали три раза, и въ третій путешественникамъ такъ и не удалось розыскать его. Затѣмъ, сдѣлана была попытка утащить драгоцѣнный парусъ, съ которымъ было связано столько надеждъ на успѣшное плаваніе весною къ берегамъ Шпицбергена. Путешественники просто не знали, какъ избавиться отъ этихъ досадныхъ гостей. Стрѣлять въ нихъ — жаль было зарядовъ. Наконецъ, придумали западни сначала изъ камней, потомъ изъ моржовой шкуры, но лисаньки были достаточно хитры, чтобы всякій разъ оставлять двуногихъ затѣйниковъ съ носомъ.

Куда больше, впрочемъ, раздражала и даже прямо угнетала путешественниковъ невозможность избавиться отъ грязи. Описывая, какъ они съ Югансеномъ коротали время, фантазируя вслухъ другъ передъ другомъ, Нансенъ сообщаетъ, что чуть-ли не главную роль въ своихъ фантазіяхъ они отводили чистому, свѣжему бѣлью и платью. „Мы не могли себѣ представить, что-

Зимовье Нансена и Югансена.
Рис. Лорса Юрде, фотография.

либо восхитительнѣе чистыхъ подштанниковъ, рубашекъ, мягкихъ и теплыхъ шерстяныхъ фуфаякъ, панталонъ, чулокъ, войлочныхъ туфель и т. п. Лежа въ мѣшкѣ рядышкомъ, мы были въ состояніи цѣлыми часами предаваться разговорамъ обо всѣхъ этихъ чудесныхъ вещахъ. И намъ просто казалось невѣроятнымъ, что когда нибудь онѣ дѣйствительно будутъ въ нашемъ распоряженіи. Подумать только, что можно будетъ, наконецъ, сбросить съ себя наши тяжелыя, просаленныя насквозь рубища, такъ и прилипавшія къ тѣлу. Хуже всего доставалось ногамъ. Заскорузлыя нижніе панталоны плотно обхватывали колѣни и при ходьбѣ стирали кожу. Изъ ляшекъ такъ и сочилась кровь. Я съ трудомъ могъ содержать эти раны хоть въ относительной чистотѣ, обмывая ихъ пригоршней теплой воды, которую удавалось согрѣть въ чашкѣ надъ лампой, и обтирая мхомъ и лоскуткомъ бинта изъ нашей аптечки. Никогда прежде не понималъ я такъ, какъ теперь, что за превосходное изобрѣтеніе мыло! Мы предпринимали всевозможныя попытки избавиться отъ облекавшей наши тѣла слоя жирной грязи, но всѣ онѣ плохо удавались. То малое количество теплой воды, которымъ мы располагали для мытья, было почти что безсильно справиться со всѣмъ этимъ жиромъ. Лучшаго результата можно было достигнуть, прибѣгая къ моху и песку. Въ послѣднемъ недостатка не было, стоило только сколоть ледъ съ земляныхъ стѣнъ хижины; въ нихъ содержалось достаточно песку. Самою же дѣйствительною мѣрою оказывалось хорошенько вымазать руки теплой медвѣжьей кровью или ворванью, а затѣмъ покрѣпче потереть ихъ мхомъ. Тогда онѣ дѣлались бѣлыми и мягкими, какъ дамскія ручки, и просто не вѣрилось даже, что онѣ составляютъ часть нашего грязнаго тѣла. Когда же у насъ оказывался недостатокъ въ подобныхъ средствахъ омовенья, мы съ успѣхомъ прибѣгали прямо къ ножу, которымъ соскабливали грязь съ кожи“.

„Но если такъ трудно было держать въ чистотѣ наше тѣло, то ужъ о платьѣ и говорить нечего. Мы перепробовали всѣ способы, мыли его и на эскимосскій ладъ и на свой собственный—толку не выходило. Мы кипятили наши рубашки въ котлѣ и часъ, и два, но извлекали ихъ оттуда все такими же сальными. Тогда мы принимались выжимать изъ нихъ жиръ. Это давало нѣсколько лучшіе результаты. Вѣрнѣе же всего оказывалось со-

скабливать съ прокипяченныхъ рубашекъ жиръ ножомъ, пока онѣ еще не успѣвали остыть“.

„Въ теченіе зимы мы также неимоვნно обросли бородами и волосами. Правда, у насъ имѣлись ножницы, и мы могли подстригаться, но такъ какъ одѣяніе-то у насъ было плоховато, то мы и рѣшили, что съ волосами, лежащимися по плечамъ, намъ будетъ теплѣе. Волосы, конечно, такъ же закоптѣли отъ сажи, какъ и лица, и весной, когда мы опять увидали другъ друга при дневномъ свѣтѣ, зубы и бѣлки глазъ показались намъ на этомъ черномъ фонѣ какой-то неестественной, непріятной бѣлизны“.

„Да, вообще довольно таки своеобразную жизнь пришлось намъ вести въ эту зиму, и терпѣніе наше подвергалось въ теченіе ея немалымъ испытаніямъ. Но всетаки она далеко не была столь невыносимой, какъ это, пожалуй, многимъ можетъ показаться. Въ сущности намъ жилось даже не дурно. Настроеніе духа у насъ все время было хорошее, и мы съ радостью думали о будущемъ. Югансена какъ-то разъ спросили впослѣдствіи, „какъ мы прожили эту зиму вдвоемъ, и неужели могли обойтись безъ ссоръ?“ Да, — отвѣтилъ Югансенъ, „до ссоръ у насъ никогда не доходило. Самое большее было, если Нансенъ давалъ мнѣ толчка въ спину, когда я, бывало, по своей дурной привычкѣ начну храпѣть“. Въ самомъ дѣлѣ это случалось; я угощалъ его хорошими толчками по этому поводу, но онъ мало обращалъ на это вниманія — повернется и продолжаетъ себѣ храпѣть въ другомъ тонѣ“. —

Удивляться тому, что участники этой почти небывалой зимовки въ полярныхъ областяхъ могли вынести 9-ти мѣсячное пребываніе съ глазу на глазъ въ тѣсной полутемной хижинѣ, не ссорясь, однако, нечего, если принять во вниманіе величіе характера и души Нансена, столь ярко рисующееся во всей этой книгѣ. Да и товарища онъ, видимо, подобралъ себѣ подъ пару! Такіе люди не могли унизиться до мелочности и сварливости. Куда больше надо удивляться тому обстоятельству, что здоровье товарищей въ эту послѣднюю зимовку оставалось все время въ наилучшемъ состояніи, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія жизни. Это обстоятельство какъ бы опровергало всѣ ходячія теоріи о причинахъ скорбута. Ни однообразная, исключительно

мясная пища, ни недостатокъ свѣжаго воздуха и моціона не вызвали въ нашихъ путешественникахъ и малѣйшаго расположенія къ этой страшной болѣзни, бичу полярныхъ экспедицій.

Зима минула, и наступавшая весна нашла все тѣхъ же здоровыхъ, бодрыхъ и тѣломъ и духомъ людей, которые и не замедлили энергично приняться за приготовленія къ продолженію путешествія—домой, на родину. Въ душѣ товарищей не было и слѣда унынія или сомнѣнія въ благополучномъ исходѣ этого путешествія, хоть они и попрежнему не знали, гдѣ собственно находятся и какъ далекъ предстоящій имъ путь.

„Я много разъ провѣрялъ наши осеннія, лѣтнія и весеннія наблюденія и вычисленія“—пишетъ Нансенъ—„но загадка продолжаетъ оставаться загадкой. Ясно, что мы должны находиться гдѣ-то далеко на западѣ. Можетъ быть, на западномъ берегу земли Франца-Иосифа, къ сѣверу отъ мыса Лофлея, какъ я предполагалъ осенью? Но, если такъ, что же за землю видѣли мы къ сѣверу и на какой землѣ мы сдѣлали первую нашу высадку? Островъ, гдѣ мы теперь находимся, отстоитъ отъ первой видѣнной нами группы острововъ Бѣлой Земли приблизительно на 7 градусовъ западнѣе; такъ выходитъ по нашимъ наблюденіямъ. Если же мы теперь находимся на одной долготѣ съ мысомъ Лофлея, группа Бѣлой Земли должна приходиться на такомъ меридіанѣ, который проходитъ между Землей Короля Оскара и Землей Кронпринца Рудольфа. И, однако, хотя мы забирали курсъ гораздо восточнѣе Бѣлой Земли, мы не видали и признака этихъ земель. Какъ объяснить все это? И, наконецъ, первая земля, видѣнная нами на югѣ, имѣла протяженіе къ юго-востоку, но дальше къ востоку мы не могли открыть острововъ. Нѣтъ, мы не можемъ находиться по близости какой-либо известной земли. Должно быть, мы забрались далеко на западъ и сидимъ гдѣ нибудь въ проливѣ между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергенемъ. Не на загадочной-ли землѣ Гилли? Но и тутъ есть закорючка. Невольно думается, что такая вытянутая по долготѣ группа острововъ, какъ данная, не могла бы помѣститься въ этомъ относительно узкомъ проливѣ на такомъ далекомъ разстояніи отъ Сѣверо-Восточнаго острова (изъ группы Шпицбергенъ), что ея даже не было бы видно съ послѣдняго? Впрочемъ, съ о. Сѣверо-Восточнаго вѣдь, и видѣли какъ разъ въ

этомъ направленіи какую-то землю. Значить...? Вообще, это наиболѣе правоподобное предположеніе. Отъ надежды, что наши часы хоть приблизительно вѣрны, мы давно отказались, такъ какъ иначе выходитъ, что мы пересѣкли открытую Пайеромъ землю Вильчека и ледникъ Дове, не замѣтивъ этого,—вещь совершенно невозможная!“

„Съ другой стороны меня смущаетъ еще многое. Если мы находимся на какой-то новой землѣ близъ Шпицбергена, то почему-же на послѣднемъ никогда не видать этихъ розовыхъ чаекъ Росса, которыя мы встрѣчали здѣсь въ такомъ изобиліи? И потомъ это сильное отклоненіе магнитной стрѣлки, наблюдаемое нами здѣсь? Къ сожалѣнію, я не захватилъ съ собой карты магнитныхъ отклоненій, и не помню также съ точностью, гдѣ проходитъ нулевой меридіанъ, разграничивающій области отклоненія магнитной стрѣлки на востокъ и на западъ, но думаю, что вблизи о. Сѣверо-Восточнаго. Здѣсь же отклоненіе равняется уже почти 20° . Опять неразрѣшимое противорѣчіе“.—

Въ теченіе весны, съ наступленіемъ болѣе свѣтлыхъ и ясныхъ дней, Нансенъ сдѣлалъ открытіе, которое еще увеличило общую путаницу. Ему показалось, что онъ различаетъ въ двухъ мѣстахъ на горизонтѣ, приблизительно на юго-западѣ и на западѣ, очертанія земли. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ убѣждался въ томъ, что не ошибается, и, наконецъ, могъ даже съ извѣстной увѣренностью опредѣлить отдѣлявшее ихъ отъ этой земли разстояніе. Онъ полагалъ, что она миляхъ въ 15. (Въ дѣйствительности оказалось въ 12-ти). Но это уже окончательно разрушало гипотезу о томъ, что путешественники попали на группу острововъ, находящуюся въ относительно узкомъ проливѣ между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергенемъ,—данная группа, оказывалось, имѣла еще большее протяженіе по долготѣ, если причислить къ ней и эту видимую въ 15 миляхъ разстоянія землю. А могла-ли послѣдняя оказаться пресловутымъ о. Сѣверо-Восточнымъ изъ группы Шпицбергенъ? Нѣтъ. По соображеніямъ Нансена видимая имъ земля должна была лежать на 81° с. ш. или даже еще сѣвернѣе, тогда какъ о. Сѣверо-Восточный чуть лишь заходитъ за 80-ую параллель. Во всякомъ случаѣ—рѣшилъ Нансенъ—земля эта должна оказаться островами, которые не могутъ уже находиться особенно далеко отъ о. Сѣ-

веро-Восточнаго, и только бы достигнуть ихъ, недалеко будетъ и до самаго Шпицбергена. А, можетъ быть, путешественникамъ еще и раньше удастся выбратъся въ открытыя фарватеръ, и онъ наведетъ ихъ на какое-нибудь норвежское промысловое судно, о которомъ они мечтали вотъ уже больше года и которое отвезетъ ихъ на родину.

Въ существованіи же этого открытаго фарватера убѣждало товарищей прежде всего темно-синее небо, виднѣвшееся на юго-западѣ и уходившее вдаль, насколько хваталъ глазъ. Затѣмъ о близости открытаго моря говорило и то обстоятельство, что на островъ, гдѣ зимовали товарищи, почти каждый день прилетали снѣжныя чайки, глупыши, а иногда и трехпалыя чайки.

Какъ сказано, съ наступленіемъ весны путешественники энергично начали готовиться къ продолженію пути. Работа такъ и закипѣла. Дѣла предстояло не мало: нужно было запастись провіантомъ, сшить новыя одѣянія, починить старыя, изготовить новый, теплый и легкій спальный мѣшокъ изъ медвѣжьихъ шкуръ, новыя рукавицы, онучи, починить комаги, привести въ порядокъ каяки, паруса, сани и пр. и пр.

Изъ стараго спального мѣшка, сшитаго, какъ извѣстно изъ двухъ шерстяныхъ одѣялъ, вышло обоимъ товарищамъ по парѣ „великолѣпныхъ“ брюкъ и по такой же курткѣ. „Вѣтряную“ одежду удалось кое-какъ реставрировать, и всѣ прочія портняжныя и сапожныя затѣи удались на славу. Такимъ образомъ, путешественники могли быть вполне довольны состояніемъ своего гардероба.

Не столь довольны были они состояніемъ запасовъ съѣстнаго. Вырывъ остатки провіанта съ „Фрама“, зарытые осенью въ снѣгъ, они, къ большому огорченію своему, убѣдились, что большая часть его испортилась отъ сырости. Овсяную муку, шоколадъ и даже пеммиканъ пришлось выбросить. Въ распоряженіи путешественниковъ и оказалась только малая толика рыбной муки, альбуминной да отсырѣвшаго затхлаго хлѣба, который они прокипятили въ жиру, чтобы онъ сталъ вкуснѣе и питательнѣе. Главную роль въ пропитаніи путешественниковъ должна была, слѣдовательно, попрежнему играть медвѣжатина. Въ медвѣдяхъ и не было недостатка съ самаго начала весны; товарищи уложили ихъ нѣсколько и могли бы обезпечить себя

запасомъ мяса на очень продолжительный срокъ путешествія, да на бѣду мясо нельзя было какъ слѣдуетъ провялить изъ за сырой и холодной погоды, а такое полусырое мясо вѣсило гораздо больше и при скудости „перевозочныхъ средствъ“ экспедиціи, его можно было взять съ собой гораздо меньшее количество, чѣмъ слѣдовало-бы. Къ счастью, исправное состояніе оружія и наличный запасъ снарядовъ позволяли надѣяться на соотвѣтствующее надобности пополненіе съѣстныхъ припасовъ во время пути. Не совсѣмъ утѣшительно было еще то обстоятельство, что путешественникамъ предстояло во все время пути не имѣть „кровли надъ головой.“ Старая палатка износилась еще во время пяти-мѣсячнаго странствованія товарищей по пловучему льду, а остатки ея были изодраны, изгрызены и отчасти растащены лисицами по осени,—путешественники прикрывали этими остатками сложенные въ кучи запасы мяса и жира. Думали-думали товарищи какъ быть, чѣмъ замѣнить палатку и, наконецъ, остановились на такой комбинаціи: ставить сани съ каяками параллельно одинъ другому на разстояніи человѣческаго роста, окапывать пространство между ними снѣгомъ, протягивать надъ нимъ поперекъ лыжи и бамбуковые шесты и на нихъ накидывать два скрѣпленныхъ вмѣстѣ паруса такъ, чтобы концы ихъ спускались съ обѣихъ сторонъ каяковъ до земли. Конечно, это было далеко не то, что палатка, но все-таки!

Къ 19 мая всѣ приготовленія къ путешествію были закончены. Въ этотъ послѣдній день товарищи сняли нѣсколько фотографій наружного вида и внутренности хижины (они разобрали крышу, чтобы выручить поддерживавшія ее лыжи, посохи и весла, и въ хижинѣ стало свѣтло), затѣмъ Нансенъ написалъ краткое сообщеніе объ экспедиціи, которое было положено въ металлическую трубку отъ воздушнаго насоса „Примуса“, а самая трубка закупорена кусочкомъ дерева и подвѣшена на проволоку къ массивной матицѣ хижины. Послѣ этого экспедиція „Самъ-другъ“ выступила, направивъ курсъ по льду на юго-западъ.

XI.

Больше двухъ недѣль пришлось путешественникамъ тащиться сухимъ путемъ (который, впрочемъ, часто оказывался мокрымъ), волоча за собой сани съ тяжелымъ грузомъ, и борясь почти съ

тѣми же невзгодами и трудностями, какими было отмѣчено ихъ долгое странствованіе по льду до того, какъ они остановились на зимовку. Только въ ночь съ 4 на 5 іюня впервые могли они воспользоваться своими каяками и немножко отдохнуть отъ утомительной ходьбы и возни съ санями. Открытая вода направлялась къ югу къ покрытой ледникомъ землѣ и вдоль стѣны ледника. Черезъ два часа плаванья дальнѣйшій путь оказался, однако, прегражденнымъ твердымъ льдомъ, открытый же фарватеръ продолжался къ западу, гдѣ путешественники также видѣли раньше землю, но теперь ее заволакивалъ туманъ. Товарищи и стали колебаться—продолжать-ли путь къ югу по льду

Къ землѣ.

Рис. А. Эйсбакке, съ фотографіи 24 мая 1896 г.

или плыть въ этомъ туманѣ на западъ, а такъ какъ вдобавокъ время было отдохнуть, то и разбили на льду лагерь, въ которомъ провели весь день 5-го іюня.

Туманъ не разсѣялся и на слѣдующій день; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ съ сѣвера, и товарищи не рискнули выйти въ море на каякахъ, а предпочли держать путь къ югу по льду. Въ данномъ случаѣ этотъ вѣтеръ даже сослужилъ имъ службу, подгоняя ихъ сани, на которыя они поставили паруса. Такимъ образомъ, они безъ особыхъ усилій подвигались впередъ въ теченіе двухъ дней до 8-го іюня, когда ихъ принудила остановиться страшная буря. Въ дневникѣ своемъ Нансенъ сдѣ-

лалъ въ этотъ день слѣдующую помѣтку: „Открываемъ все новые и новые острова или земли по направленію къ югу. На западѣ у насъ покрытая снѣгомъ земля, которая, повидимому, имѣетъ значительное протяженіе къ югу.“ На востокѣ путешественники также видѣли много острововъ, раздѣленныхъ проливами и изрѣзанныхъ фьордами, добросовѣстно наносили все это на карту, но все такъ же мало знали о томъ, гдѣ въ сущности находятся, какъ и прежде.

Вдоль края льда. Фотографія.

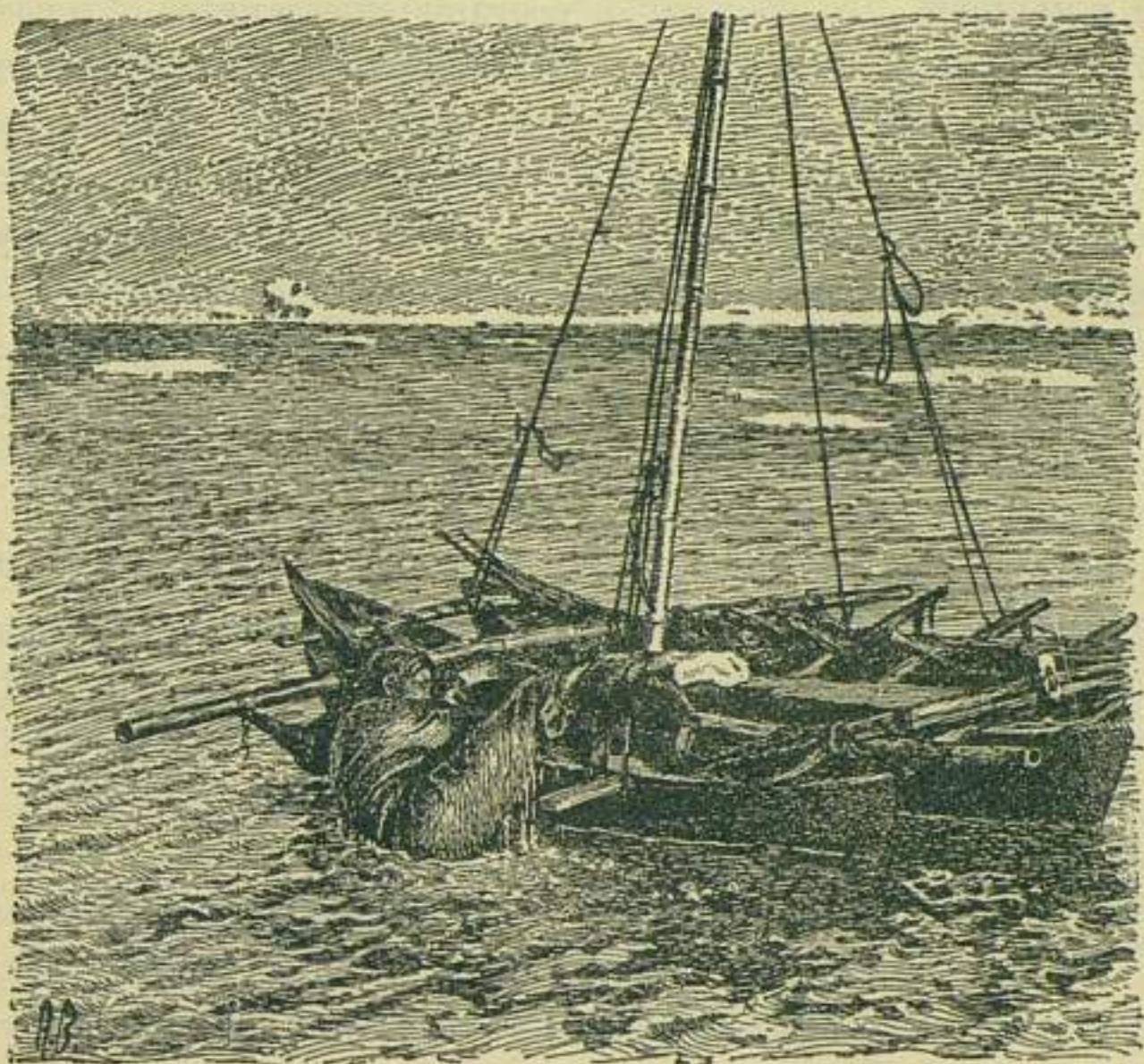
Въ теченіе слѣдующихъ дней товарищи продолжали путь по льду попрежнему пользуясь попутнымъ вѣтромъ и держа съ 10-го іюня курсъ къ южной оконечности земли, находившейся на юго-западѣ. 12-го іюня утромъ опять добрались до открытаго фарватера, направлявшагося къ юго-западному мысу земли. Живо связали каяки вмѣстѣ, поплыли подъ парусами и скоро миновали мысъ, на который въ теченіе нѣсколькихъ дней

держали курсъ, и открыли, что земля заворачиваетъ къ западу. Въ томъ же направленіи заворачивалъ и крайній берегъ твердаго берегового льда. Фарватеръ продолжалъ оставаться открытымъ, и товарищи въ самомъ радостномъ настроеніи продолжали путь, придерживаясь края этого льда. Вечеромъ они пристали къ нему для отдыха, и тутъ съ ними чуть было не приключилось ужаснѣйшаго несчастія. Прикрѣпивъ каяки ко льду посредствомъ причала изъ довольно тонкаго ремешка, путешественники взобрались на торосъ, чтобы обозрѣть окрестность. Вдругъ Югансенъ какъ крикнетъ: — Каяки уносятъ! — и оба стремглавъ бросились внизъ. Каяки, однако, уже успѣли отнести на нѣкоторое разстояніе отъ берега. — Возьми мои часы! — сказалъ Нансенъ Югансену, поспѣшно сбросилъ съ себя лишнюю одежду и бросился вплавъ догонять каяки. Вотъ какъ онъ описываетъ самъ эту отчаянную погоню:

„Вѣтеръ дулъ со льда и такъ и подгонялъ легкіе каяки съ ихъ высокой оснасткой. Они уже были порядочно далеко и быстро уплывали еще дальше. Вода была ледяная, одежда сильно стѣсняла мои движенія, и каяки все уплывали да уплывали, подвигаясь временами быстрѣе меня. Крайне сомнительно было, чтобы мнѣ удалось ихъ поймать.

Но, вѣдь, съ ними вмѣстѣ уплывали всѣ наши надежды, все наше имущество до послѣдняго ножа, и поэтому — что зачѣнѣть въ этой ледяной водѣ и пойти ко дну, что вернуться на ледъ, не догнавъ каяковъ, было для меня одно и то же, я и напрягалъ всѣ силы до послѣдней возможности. Уставъ, я перевернулся и поплылъ на спинѣ. Тутъ я увидалъ Югансена, метавшагося по льду. Бѣднягѣ не стоялось на мѣстѣ; сознаніе, что онъ ничѣмъ не можетъ помочь бѣдѣ, приводило его въ отчаяніе. Онъ не очень надѣялся, что мнѣ удастся нагнать каяки, но зналъ также, что мало толку будетъ, если и онъ еще кинется въ воду. Впослѣдствіе онъ говорилъ, что никогда не переживалъ минутъ ужаснѣе. Когда я опять повернулся на грудь, то увидалъ, что немножко приблизился къ каякамъ. Это придало мнѣ духу, и я пустился впередъ съ обновленными силами. Съ каждой секундой я, однако, чувствовалъ, что коченѣю все больше и больше, и сознавалъ, что скоро уже не буду въ состояніи шевельнуть ни однимъ членомъ. Но и до кая-

ковъ уже было недалеко. Продержаться бы еще немножко, и мы спасены — мелькало у меня въ головѣ, и я напрягалъ послѣднія усилія. Все медленнѣе и слабѣе остановились взмахи моихъ рукъ, но и разстояніе все сокращалось. Я началъ надѣяться, что мнѣ удастся нагнать каяки. Наконецъ, я могъ ухватиться рукой за конецъ лыжи, скрѣплявшей кормовыя части каяковъ, подтянулся къ борту одного каяка и подумалъ уже, что дѣло сдѣлано, мы спасены. Но надо было еще взобраться въ каякъ, а между тѣмъ

«Мнѣ удалось закинуть ногу за край саней и вскарабкаться въ каякъ».

Рис. А. Блока.

все тѣло мое такъ заоченѣло, что я не могъ заставить его повиноваться. Одно мгновеніе я считалъ даже, что все пропало; догнать-то каяки я догналъ, а взобраться въ нихъ нѣтъ силъ. Но черезъ минуту мнѣ всетаки удалось закинуть одну ногу за край саней, стоявшихъ на палубѣ, и затѣмъ уже понемножку вскарабкаться и самому въ каякъ. Теперь надо было скорѣе грести къ берегу, а я еле могъ шевелить руками. Да и трудно

было управиться одному съ двумя каяками, скрѣпленными вмѣстѣ бортъ о бортъ. Но распутывать ихъ некогда было; я успѣлъ бы окончательно окоченѣть, если бы занялся этимъ. Скорѣе, скорѣе грести изо всѣхъ силъ, чтобы согрѣться! И вотъ я понемножку сталъ подвигаться противъ вѣтра къ берегу льда. Верхняя оболочка моего тѣла уже почти потеряла отъ холода всякую чувствительность, но налетавшіе порывы вѣтра положительно пронизывали меня насквозь. На мнѣ была только тонкая, мокрая, шерстяная фуфайка. Я дрожалъ и щелкалъ зубами, почти теряя всякое ощущеніе. Но весломъ я всетаки еще двигалъ. Только бы добраться до льда, — тамъ ужъ согрѣюсь! Вдругъ передъ самымъ носомъ каяка показалась на водѣ пара чистиковъ. Мысль заполучить ихъ на ужинъ показалась мнѣ слишкомъ соблазнительной, — насчетъ провизіи у насъ было туговато — я схватилъ ружье и уложилъ обоихъ однимъ выстрѣломъ. Югансенъ такъ и подпрыгнулъ при звукѣ выстрѣла. Онъ въ толкъ взять не могъ, что я такое тамъ творю, и подумалъ, что случилось несчастіе. Когда же онъ увидалъ, что я опять гребу и затѣмъ наклоняюсь, что-то ловя въ водѣ, то рѣшилъ, что я рехнулся. Наконецъ, я подплылъ къ краю льда, но теченіе отнесло меня далеко отъ мѣста нашей высадки. Югансенъ прибѣжалъ ко мнѣ по льду, прыгнулъ въ каякъ, и скоро мы добрались до прежняго мѣста. Я еле имѣлъ силы вылѣзть на ледъ, а ужъ мокрую одежду стащилъ съ меня Югансенъ. Онъ же надѣлъ на меня все, что оставалось въ нашемъ гардеробѣ сухого, раскрылъ спальный мѣшокъ, а, когда я заползъ туда, прикрылъ меня сверху еще напусами и всѣмъ, что только нашлось подъ рукою годнаго. Долго лежалъ я, тряся всѣмъ тѣломъ, но затѣмъ всетаки мало-по-малу согрѣлся и, пока Югансенъ устраивалъ нашу импровизированную палатку, да варилъ ужинъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Югансенъ оставилъ меня въ покоѣ, пока я самъ не проснулся. Ужинъ давно былъ готовъ, я поѣлъ горячаго супу изъ чистиковъ, вареной птицы, и — слѣдовъ холодной ванны какъ не бывало!“

Путешественники могли продолжать свое плаванье только вечеромъ на другой день и плыли благополучно до утра 14 іюня, когда завидѣли на льду стадо моржей. Съѣстные припасы экспедиціи „Самъ-другъ“ совсѣмъ истощились, да и топливо, т. е. жиръ былъ на исходѣ; медвѣдей что-то давно не встрѣчалось. Товарищи и

рѣшили не побрезговать моржами. Подобравшись къ одному стаду на выстрѣлъ, они намѣтили двухъ дѣтенышей, такъ какъ маленькихъ моржей легче было свѣжевать, и застрѣлили ихъ сразу. Взрослые моржи при звукѣ перваго выстрѣла встрепнулись и принялись озираться, а послѣ второго начали одинъ за другимъ бултыхаться въ воду. Только матери не хотѣли покинуть своихъ мертвыхъ дѣтенышей. Не понимая, что такое съ ними приключилось, онѣ обнюхивали ихъ, тормошили, потомъ принялись жалобно ревѣть и стонать, толкая ихъ въ то же время къ водѣ. Нансенъ, боясь, что добыча уйдетъ, кинулся было къ одной маткѣ, чтобы помѣшать ей утащить съ собой дѣтеныша, но она оказалась проворнѣе, подхватила дѣтеныша подъ переднюю ласту и увлекла въ воду. Нансенъ къ другой—и другая сдѣлала то же. „Я и опомниться не успѣлъ!“—пишетъ Нансенъ—„И вотъ, стоялъ на краю льда съ розинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами, глядя вслѣдъ нырнувшимъ моржамъ. Мнѣ казалось, что убитые должны были всплыть, но они такъ и не всплыли. Я пошелъ къ другому стаду; тамъ тоже было нѣсколько дѣтенышей, и я застрѣлилъ одного, но, проученный опытомъ, застрѣлилъ вслѣдъ за тѣмъ и матку. Трогательно было видѣть, какъ она наклонилась надъ убитымъ дѣтенышемъ, прежде чѣмъ сама получила смертельный свинецъ въ голову, и такъ и застыла, прикрывъ его передней ластой“.

Итакъ, запасы путешественниковъ получили существенное подкрѣпленіе, и они могли спокойно продолжать путь. Такъ они и сдѣлали раннимъ утромъ 15 іюня. Каяки пришлось опять связать вмѣстѣ, ради большей безопасности,—море такъ и кишѣло моржами, а товарищи уже знали по опыту назойливость и безстрашіе этихъ животныхъ. И теперь Нансенъ съ Югансеномъ не разъ вынуждены были причаливать къ подводнымъ льдинамъ, ища болѣе вѣрной позиціи на тотъ случай, если бы простое преслѣдованіе со стороны моржа перешло въ нападеніе. Плыли путешественники все время, придерживаясь направленія береговой линіи. Къ сожалѣнію, туманъ мѣшалъ имъ хорошенько различать очертанія земли и, главное, отличать—проливы или ледники были заключены между виднѣвшимися на землѣ темными скалистыми ущельями. Нансенъ, не смотря на это, всетаки все больше и больше склонялся къ убѣжденію, что находится поблизости зимовки Лейчъ-Смита.

Мало-по-малу моржи какъ-то скрылись изъ виду, и путешественники, по прошествіи нѣкотораго времени, сочтя себя въ полной безопасности, пошли на веслахъ въ одиночку. Вдругъ впереди вынырнулъ огромный моржъ; Югансенъ тотчасъ присталъ къ подводной льдинѣ, Нансенъ собирался было сдѣлать то же, но моржъ предупредилъ его, метнулся къ каяку, ухватился передней ластой за бортъ и пырнулъ въ бокъ каяка клыкомъ. Нансенъ, балансируя изо всѣхъ силъ, чтобы сохранить равновѣсіе каяка, ударилъ животное по головѣ весломъ. Моржъ еще разъ качнулъ каякъ такъ, что вся палуба чуть не ушла подъ воду, затѣмъ выпустилъ бортъ и высоко приподнял изъ воды верхнюю часть туловища. Нансенъ схватилъ ружье, но въ ту же минуту чудовище нырнуло и исчезло разомъ, словно провалилось. Нансенъ уже хотѣлъ было подѣлиться съ товарищемъ радостью по поводу того, что отдѣлался вполне благополучно, какъ почувствовалъ, что ноги его мокры. Онъ прислушался и услышалъ журчанье воды, вливающейся въ каякъ. Нансенъ мигомъ причаилъ къ подводной льдинѣ и затѣмъ съ помощью Югансена выбрался на высокій береговой ледъ, Увы! Все достояніе экспедиціи, находившееся въ каякѣ Нансена, вымокло. Пришлось расположиться на льду лагеремъ и сушиться. Затѣмъ, пришлось чинить каякъ: моржъ пробилъ въ немъ дыру вершковъ въ шесть. Хорошо еще, что не ранилъ самого Нансена въ ногу.

17 іюня путешественники были готовы продолжать плаванье. Оставалось только основательно позавтракать. Нансенъ, бывший очереднымъ поваромъ, зажегъ „Примусъ № 2“ (по просту ворванную лампу), на которомъ готовилось кушанье, поставилъ на огонь котелокъ съ водой и мясомъ молодого моржа и, въ ожиданіи пока супъ сварится, взлѣзъ на торось, чтобы оріентироваться. Вдругъ до его слуха донеслось нѣсколько звуковъ до такой степени похожихъ на собачій лай, что онъ весь вздрогнулъ. Онъ сталъ напряженно прислушиваться, но уже не могъ больше различить ничего, кромѣ птичьяго гама. Нансенъ рѣшилъ, что ошибся, и продолжалъ осматривать проливы и острова на западѣ. Вдругъ опять послышались тѣ же звуки, сначала глухіе, отрывистые, потомъ настоящій непрерывный громкій собачій лай. Нансенъ не могъ больше сомнѣваться и вспомнилъ кстати, что слышалъ на-

канунѣ два выстрѣла, которые, однако, принялъ за трескъ громаздящагося льда. Тогда онъ крикнулъ Югансену, дремавшему въ мѣшкѣ, что слышитъ на землѣ лай собакъ. Югансенъ опрометью кинулся на торось, чтобы услышать лай собственными ушами, и прислушивался все время, пока Нансенъ готовилъ завтракъ. Нѣсколько разъ и ему чудилось что-то похожее на лай, но всетаки онъ склонялся къ тому убѣжденію, что это просто птичій гамъ. Нансенъ же объявилъ, что во всякомъ случаѣ отправится послѣ завтрака на землю на рекогносцировку. За завтракомъ товарищи обсуждали—какихъ людей могли они встрѣтить на этой землѣ—соотечественниковъ или англичанъ? Что, если это окажется англійская экспедиція, снаряжавшаяся, когда „Фрамъ“ покидалъ Норвегію, на землю Франца-Иосифа? Югансенъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ они проведутъ съ нею день другой и отправятся дальше на Шпицбергенъ, — а то ужъ больно долго пришлось бы дожидаться возвращенія на родину. Нансенъ былъ того же мнѣнія и только прибавилъ, что надо будетъ позаимствоваться у экспедиціи провіантомъ.

Послѣ завтрака Нансенъ снарядился въ путь: подвязалъ лыжи, взялъ бинокль, ружье и — маршъ. Югансенъ остался караулить каяки и пожитки. Прежде, чѣмъ пуститься по льду къ землѣ, Нансенъ взобрался на тотъ-же торось, чтобы прислушаться, не раздастся-ли опять собачій лай, который бы указалъ, какого направленія надо держаться; но все было тихо, и Нансенъ двинулся наугадъ. Далѣе предоставимъ рассказывать ему самому.

„Я шелъ нѣкоторое время въ сомнѣніи. Вдругъ, вижу свѣжіе слѣды на снѣгу. Судя по величинѣ, они врядъ ли могли быть лисьими. Неужели собачьи? Но могла ли собака побывать ночью въ какихъ нибудь двухстахъ шагахъ отъ нашего лагеря и не залаять? И могли ли мы не услышать ея лая? Что-то невѣроятно. Но чьи же это тогда слѣды? Волчьи?... Волнуемый самыми противурѣчивыми мыслями, то надѣясь, то снова впадая въ сомнѣнія, шелъ я дальше. Неужели же нашимъ трудамъ, лишеніямъ, заботамъ, страданіямъ пришелъ конецъ? Мнѣ все не вѣрилось. Но тутъ снова слышался собачій лай, гораздо явственнѣе прежняго. И число слѣдовъ увеличилось. Теперь уже не могло быть сомнѣнія — это собачьи слѣды. Виднѣвшіеся между ними лисьи рѣзко отличались отъ нихъ своей миниатюрностью.

Затѣмъ прошло опять долгое время — ничего не было слышно, кромѣ птичьяго гама. Меня снова взяло сомнѣніе. Можетъ быть, мнѣ все только померещилось? Но тутъ я вспомнилъ собачьи слѣды; они то ужъ во всякомъ случаѣ не были миражемъ. Если, однако, тутъ были люди, мы едва ли могли находиться на землѣ Гилли или какой другой новой землѣ, какъ полагали зимою. Въ такомъ случаѣ мы должны находиться на южномъ берегу Земли Франца-Иосифа, и, должно быть, я правъ былъ, заподозривъ нѣсколько дней тому назадъ, что мы прошли къ югу по неизвѣстному проливу, между ледяной землей Гукера и ледяной землей Нордбрука и достигли послѣдняго южнаго острова группы, — какъ это ни шло въ разрѣзъ съ картой Пайера“.

„Въ головѣ и въ сердцѣ у меня былъ настоящій хаосъ мыслей и чувствъ, и я какъ-то бессознательно выбиралъ дорогу между торосами и буграми. Вдругъ мнѣ почудился окрикъ мужского голоса... такой странный, чужой... Первый чужой голосъ за три года! Сердце забилося, кровь хлынула въ голову, я взбѣжалъ на торосъ и откликнулся во всю силу своихъ легкихъ. Этотъ чужой мужской голосъ, раздавшійся среди ледяной пустыни, говорилъ мнѣ о жизни, о родинѣ, обо всемъ, что я оставилъ тамъ... И я, не думая ни о чемъ другомъ, не помня себя, понесся на лыжахъ впередъ по буграмъ и между торосами, какъ вѣтеръ. Скоро я опять услыхалъ мужской окликъ и увидалъ съ тороса низенькую темную фигуру, пробирающуюся между буграми. Это была собака. Но дальше, за нею подвигалась другая фигура... человѣкъ! Кто онъ былъ? Джексонъ или одинъ изъ его товарищей? А, быть можетъ, и мой землякъ?...

„Мы быстро приближались другъ къ другу; я замахалъ шапкой; онъ отвѣтилъ тѣмъ-же. Я услыхалъ, какъ онъ говоритъ что-то собакѣ. Прислушался — говоръ англійскій. Когда я подошелъ еще ближе, мнѣ показалось, что я узнаю мистера Джексона, котораго видѣлъ однажды. Я приподнялъ шапку, мы сердечно протянули другъ другу руки и обмѣнялись вопросомъ: *How do you do?* (Какъ поживаете?). Надъ нами нависъ туманъ, скрывавшій горизонтъ и весь окружающій міръ; подъ нами былъ неровный, исковерканный пловучій ледъ; вдали виднѣлся клочокъ земли, покрытый льдомъ, окутанный туманомъ, а тутъ, другъ передъ другомъ стояли: съ одной стороны — цивилизован-

ный европеецъ въ англійскомъ костюмѣ, въ высокихъ резиновыхъ ботикахъ, гладко выбритый, причесанный, такъ и благоухающій душистымъ мыломъ (обостренное чутье дикаря почуяло этотъ запахъ издалека!), съ другой стороны—дикарь въ рубищѣ, измазанномъ ворванью и сажей, косматый, съ длинной всклокоченной бородой и лицомъ, натурального цвѣта котораго нельзя было угадать подъ толстымъ слоемъ жирной грязи и копоти, слоемъ, съ которымъ безуспѣшно боролись въ теченіе зимы и теплая вода, и мохъ, и тряпки и даже ножъ. Ни одинъ не зналъ ничего о другомъ—кто онъ, откуда взялся. И вотъ, начался разговоръ:

Джексонъ.—Очень радъ васъ видѣть.

Я.—Благодарю. Я также.

— У васъ здѣсь корабль?

— Нѣтъ, мой корабль не здѣсь.

— Сколько людей съ вами?

— У меня одинъ товарищъ тамъ на льду.

Разговаривая, мы подвигались къ землѣ. Я былъ увѣренъ, что собесѣдникъ мой узналъ меня, или во всякомъ случаѣ догадался, кто скрывался подъ этой наружностью дикаря. Я не думалъ, чтобы онъ такъ радушно встрѣтилъ совершенно неизвѣстнаго ему человѣка. Но вдругъ, когда я обронилъ какое-то замѣчаніе, онъ остановился, воззрился на меня и быстро спросилъ:—Да вы не Нансенъ ли?

— Да.

— Клянусь Юпитеромъ! Я радъ васъ видѣть!—И онъ схватилъ мою руку и еще разъ крѣпко пожалъ ее. Все лицо его сіяло при этомъ, а въ темныхъ глазахъ свѣтилась радость по поводу неожиданной встрѣчи.

— Откуда вы сейчасъ?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Я оставилъ „Фрамъ“ на 84° сѣверной широты послѣ двухлѣтняго несенія его льдами, добрался до $86^{\circ} 14'$, потомъ намъ пришлось повернуть обратно и направиться къ Землѣ Франца-Юсифа. Мы, однако, вынуждены были зазимовать къ сѣверу отсюда, а теперь мы собираемся отправиться на Шпицбергенъ.

— Поздравляю васъ отъ всего сердца! Славную вы совершили прогулку, и я ужасно радъ, что я могу первый поздравить васъ по вашему возвращеніи!

„И онъ въ третій разъ горячо пожалъ мнѣ руку. Сердечнѣе встрѣчи быть не могло. Рукопожатія эти, видимо, были не пустой формальностью. Съ обычнымъ англійскимъ гостепріимствомъ Джексонъ (это оказался онъ) вслѣдъ за тѣмъ заявилъ, что у нихъ „пропасть мѣста“ для насъ, и прибавилъ, что ожидаетъ прибытія своего корабля со дня на день. „Пропасть мѣста“ означало, какъ оказалось, что въ общей комнатѣ въ хижинѣ экспедиціи оставалось по ночамъ еще нѣсколько свободныхъ квадратныхъ аршинъ на полу. Но, „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“. Когда очередь въ разговорѣ опять дошла до меня, я спросилъ, не знаетъ-ли онъ, что дѣлается у меня дома, и онъ рассказалъ, что и жена моя и дочка были вполне здоровы два года тому назадъ, когда экспедиція выѣзжала. Тогда я спросилъ, что дѣлается въ самой Норвегіи, но онъ ровно ничего не могъ сказать мнѣ о ходѣ норвежской политики, и я рѣшилъ, что это добрый знакъ, — значитъ, ничего дурного не случилось. Джексонъ спросилъ, нельзя-ли намъ сразу отправиться за Югансеномъ, но я полагалъ, что втроемъ намъ будетъ слишкомъ тяжело тащить всѣ наши пожитки по этому неровному льду. Лучше было, разъ что у Джексона здѣсь много товарищей, послать ихъ къ Югансену. Чтобы предупредить его о нашей встрѣчѣ, мы дали два выстрѣла.

„Скоро мы встрѣтили трехъ людей: помощника Джексона, мистера Эрмitedжа, химика и фотографа мистера Чайльда и доктора Кэтлица. Когда они приблизились, Джексонъ сообщилъ имъ кто я, и меня сердечно привѣтствовали. Дальше дорогой мы встрѣтили еще нѣсколькихъ лицъ: ботаника Фишера, мистера Бургесса и финляндца Бломквиста. Фишеръ впослѣдствіи рассказывалъ мнѣ, что, увидавъ меня издали, сразу подумалъ, что это Нансенъ, но, когда встрѣтился со мной лицомъ къ лицу, отказался отъ этой мысли: онъ слыхалъ, что Нансенъ блондинъ, а тутъ, передъ нимъ очутился какой-то темнокожій съ черными, какъ вороново крыло, бородой и шевелюрой. Когда всѣ члены экспедиціи оказались въ сборѣ, Джексонъ объявилъ, что я достигъ $86^{\circ} 14'$ сѣверн. шир., и изъ семи здоровыхъ глотокъ вырвалось троекратное англійское ура, прокатившееся эхо между торосами“.

„Джексонъ немедленно отрядилъ нѣсколькихъ товарищей забрать сани и отправиться за Югансеномъ, мы же продолжали

путь къ жилищу экспедиціи на мысъ Флора. Джексонъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ для насъ письма изъ дому, которыя и бралъ съ собой въ экскурсіи къ сѣверу и прошлой весной и нынѣшней, предвидя возможность встрѣчи со мной. Изъ бесѣды нашей выяснилось, что въ мартѣ мѣсяцѣ онъ былъ не такъ далеко къ югу отъ нашей зимовки. Открытая вода вынудила его вернуться, — та самая вода, которую мы всю зиму угадывали по синему небу надъ нею. Только когда мы приблизились къ дому, Джексонъ освѣдомился подробнѣе о „Фрамѣ“ и нашемъ плаваньи, и я вкратцѣ разсказалъ ему обо всемъ. А онъ то предположилъ, что судно наше погибло и что спаслись только мы двое. Ему показалось, что по лицу моему пробѣжала тѣнь, когда онъ въ первый разъ освѣдомился на счетъ корабля. Послѣ того онъ уже боялся спрашивать дальше и даже потихоньку предупредилъ товарищей, чтобы они удержались отъ распросовъ“.

„Мы подошли къ дому — низенькой русской бревенчатой избѣ, расположенной на плоской террасѣ, старой береговой полосѣ, у подножія скалы, на высотѣ 50 ф. надъ уровнемъ моря. Кромѣ жилого дома тутъ виднѣлись конюшня и четыре круглыя палатки, служившія складами. Мы вошли въ домъ, и я словно попалъ въ теплое, уютное гнѣздышко среди этого пустыннаго зимняго ландшафта. Потолокъ и стѣны были оклеены зелеными обоями, кругомъ развѣшаны были фотографіи, гравюры, фототипіи, полки съ книгами и инструментами. Подъ потолкомъ подвѣшены было для просушки платье и обувь, въ маленькой печкѣ, стоявшей посреди помѣщенія, привѣтливо пылали уголья. Какое-то странное чувство овладѣло мною, когда я усѣлся въ удобное кресло среди этой необычайной для меня обстановки. Одинъ поворотъ колеса судьбы, и — съ души снята тяжелая отвѣтственность, всѣ заботы, давившія ее въ теченіе трехъ долгихъ лѣтъ. Теперь я былъ въ надежной пристани, хотя и среди льдовъ, и три года лишеній и трудовъ таяли и погружались въ забвеніе при золотомъ сіяніи зари наступающаго свѣтлаго дня. Долгъ былъ выполненъ, трудъ законченъ, оставалось только отдыхать, отдыхать и ждать. Только бы „Фрамъ“...!

„Мнѣ вручили тщательно обвернутый свинцомъ пакетъ, въ которомъ находились письма — двухлѣтней давности — съ родины. Дрожащими руками развернулъ я ихъ и съ бьющимся сердцемъ

принялся читать... Вѣсти были самыя хорошія, и дивное чувство умиротворенія снизошло мнѣ въ душу."

„Понемногу меня познакомили со всѣмъ, что случилось новенькаго въ мірѣ за первый годъ моего отсутствія. Затѣмъ подали обѣдъ. Какое наслажденіе было ѣсть хлѣбъ, масло, пить молоко, кофе съ сахаромъ — все, безъ чего мы привыкли обходиться въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ и о чемъ всетаки тосковали! Но верхомъ блаженства было сбросить съ себя это засаленное тряпье, взять теплую ванну и смыть съ себя, насколько было возможно для перваго раза, накопившуюся грязь. Затѣмъ, я облекся съ головы до ногъ въ чистыя, мягкія одежды, остригся, сбрилъ бороду, и мало по малу изъ дикаря вновь вышелъ европеецъ. Какое невыразимое наслажденіе испытывалъ я, касаясь руками своей одежды и не пачкаясь объ нее, двигаясь и не чувствуя прилипанья одежды къ тѣлу!"

„Не замедлили прибыть и остальные члены экспедиціи съ Югансеномъ и всѣми нашими пожитками. Югансенъ разсказалъ, что добродушные англичане привѣтствовали его и норвежскій флагъ громогласнымъ ура. Товарищъ мой водрузилъ этотъ флагъ, привязанный къ лыжному посоху, рядомъ съ поставленнымъ по моему совѣту высокимъ бамбуковымъ шестомъ, къ которому была привязана грязная фуфайка и который долженъ былъ помочь мнѣ вновь отыскать нашъ лагерь. Англичане не позволили Югансену дотронуться до саней, онъ шелъ себѣ рядышкомъ настоящимъ бариномъ и признался мнѣ, что *этотъ* способъ путешествія по пловучему льду показался ему наилучшимъ изъ всѣхъ перепробованныхъ имъ раньше. Югансена ожидалъ на мысѣ Флора такой же радушный пріемъ, какъ и меня, и скоро и съ нимъ произошло то же превращеніе. Я глядѣлъ и не узнавалъ своего товарища и сожителя въ теченіе долгой полярной зимы. Да, теперь напрасно искать въ немъ черты смуглаго цыгана, бродившаго по берегу передъ нашей землянкой. Грязный пещерный житель исчезъ; вмѣсто него на удобномъ креслѣ воссѣдаетъ благообразный европейскій негоціантъ, покуривая трубку или сигару, читая книгу или стараясь выучиться по англійски. Замѣчательно, что мы оба значительно прибавились въ вѣсѣ съ тѣхъ поръ, какъ покинули „Фрамъ“. Я прибавился почти на 10 килограм. а Югансенъ на 6. Вотъ,

Напсенъ передъ зимовьемъ Джексона.
Фотографія 17 іюня 1896 г.

значить къ чему ведетъ въ полярномъ климатѣ питанье въ теченіе всей зимы исключительно медвѣжатиной и жиромъ! Это что-то не похоже на прежніе опыты! Должно быть, причина скорѣе въ нашей лѣности“.

„И вотъ, живемъ теперь здѣсь въ полномъ довольствѣ и покоѣ, дожидаясь корабля, который отвезетъ насъ на родину“.—

Корабль этотъ пришелъ, однако, не такъ скоро, и Нансенъ съ Югансеномъ пользовались гостепріимствомъ англійской экспедиціи на мысѣ Флора больше мѣсяца. Джексонъ раздѣлилъ съ Нансеномъ свой кабинетикъ, а докторъ Кэтлицъ уступилъ Югансену мѣсто въ комнаткѣ, которую дѣлилъ съ м. Эрмitedжемъ, самъ же перешелъ къ остальнымъ товарищамъ въ общую комнату.

Вообще радушію англичанъ по отношенію къ двумъ норвежскимъ странникамъ не было предѣловъ, и самъ Нансенъ отзывался о своихъ хозяевахъ такъ: „Трудно было намъ попасть въ лучшія руки; гостепріимство и привѣтливость, съ какой относятся здѣсь къ намъ всѣ, и благополучіе, какое мы ощущаемъ, не поддаются описанію“.—

Одной изъ первыхъ заботъ Нансена послѣ того, какъ онъ вполне пришелъ въ себя въ новой обстановкѣ, было провѣрить

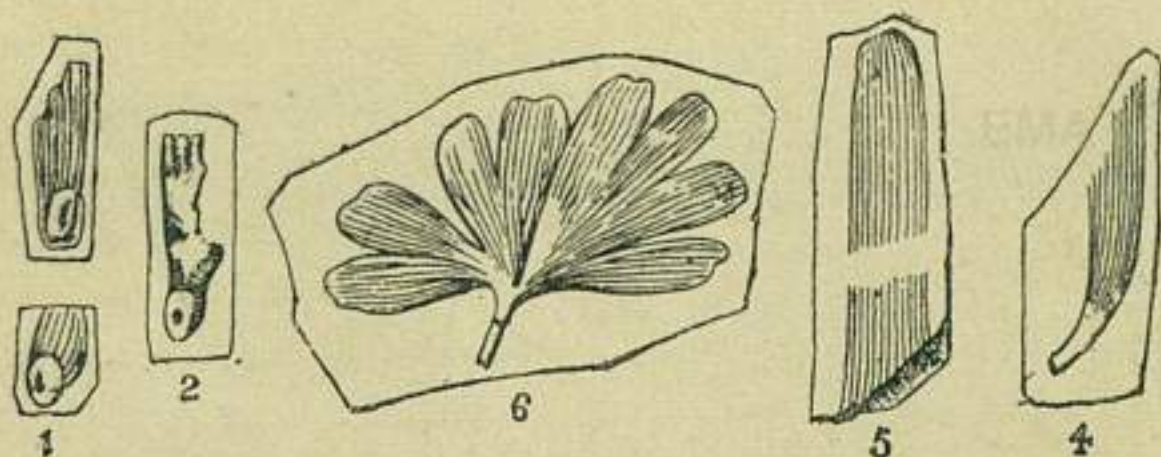

Югансенъ.

свои часы и набросать карту Земли Франца-Иосифа, согласно своимъ наблюденіямъ. Оказалось, что ошибка во времени была не такъ значительна — всего около 26 минутъ, что давало разницу въ $6\frac{1}{2}^{\circ}$ долготы. И вообще тщательная провѣрка хронометровъ нашихъ путешественниковъ мистеромъ Эрмitedжемъ показала, что Нансенъ, принимая при своихъ вычисленіяхъ во вниманіе неточность своихъ часовъ, приблизительно вѣрно опредѣлялъ самую неточность. Причины же сомнѣній, смущавшихъ Нансена минувшей осенью и зимою и сбивавшихъ его съ толку при опредѣленіи имъ своего мѣстонахожденія, пришлось, главнымъ образомъ, отнести на счетъ неточности карты Пайера.

Кромѣ картографическихъ работъ Нансенъ занимался на мысѣ Флора геологическими изслѣдованіями острова въ компаніи съ докторомъ и геологомъ Кэтлицемъ, сопровождалъ въ ботаническихъ и зоологическихъ экскурсіяхъ мистера Фишера и принималъ участіе въ охотахъ членовъ экспедиціи на медвѣдей и на птицъ. Югансенъ же занимался приведеніемъ въ порядокъ и переписываньемъ на бѣло изъ „чумазныхъ“ дневниковъ метеорологическихъ записей, веденныхъ въ теченіе 15-ти мѣсячной экспедиціи „Самъ-другъ“, и также участвовалъ въ экскурсіяхъ и охотахъ.

Въ ночь съ 25-го на 26-ое іюля, наконецъ, прибылъ корабль англійской экспедиціи „Уиндвортъ“, а 7-го августа Нансенъ и Югансенъ отплыли на немъ на родину. Плаваніе было самое спо-

Окаменѣлыя растенія, найденныя на мысѣ Флора.

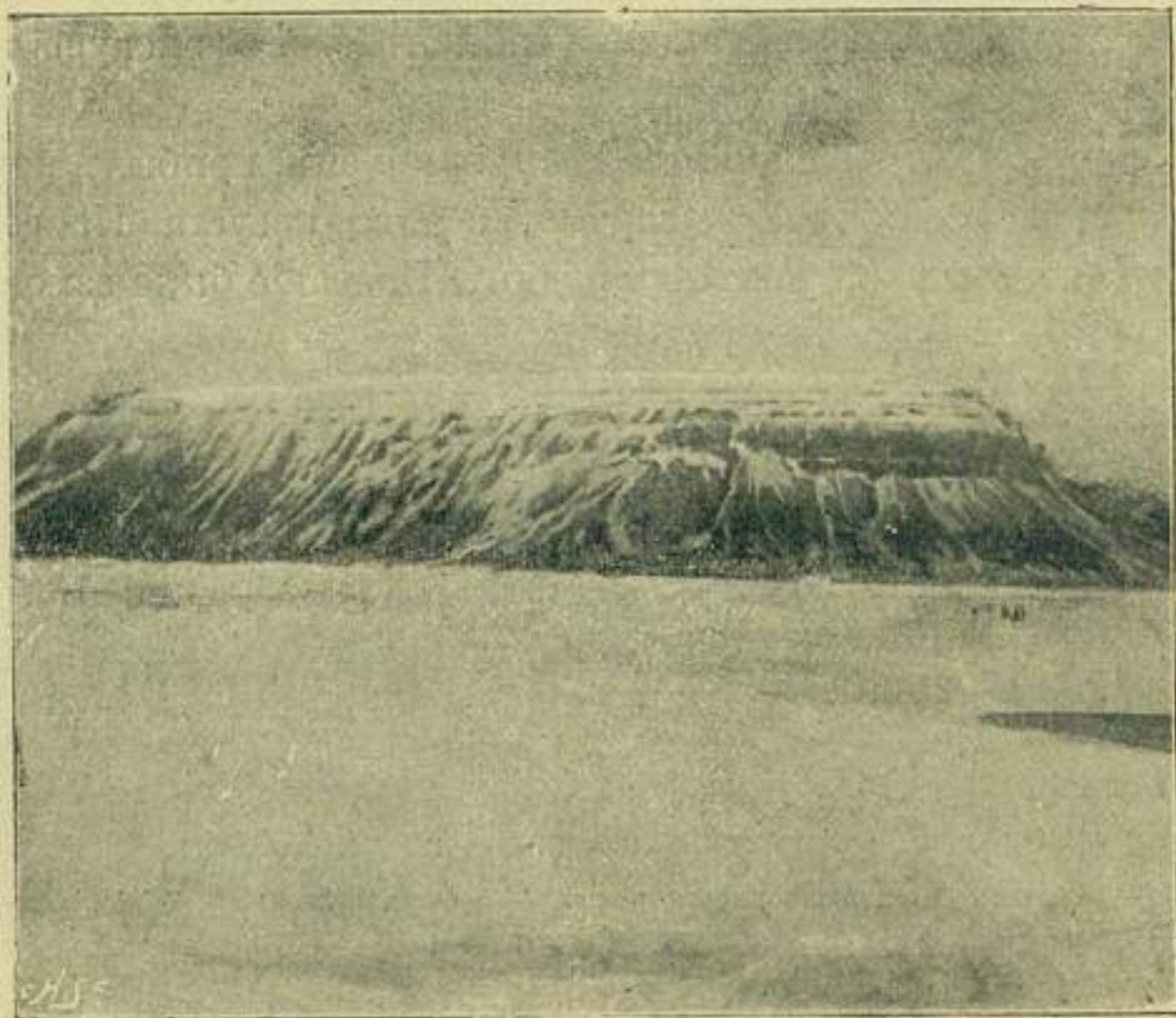
1—3 сѣмена различныхъ видовъ *pinus*. 4—5 остатки листьевъ *Feildenia*.
6 листокъ *ginkgo polaris*.

койное, благополучное, и 13 августа 1896 г., два члена норвежской полярной экспедиціи послѣ трехлѣтней разлуки съ родиною опять ступили на ея почву въ г. Вардѣ.

Едва корабль бросилъ якорь въ гавани, Нансенъ и Югансенъ кинулись въ лодку и поплыли къ пристани, чтобы скорѣе попасть на телеграфную станцію и дать знать о своемъ возвращеніи всѣмъ, кто ждалъ ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ. И задали же они работу телеграфу! Телеграммъ составлено было нѣсколько десятковъ, и нѣкоторыя были въ нѣсколько тысячъ словъ. Первыя телеграммы понеслись къ женѣ Нансена, матери Югансена, ближайшимъ родственникамъ остальныхъ товарищей, королю и норвежскому стортингу. Послѣдняя гласила слѣдующее:

„Министру-президенту Гагерупу.

„Имѣю удовольствіе сообщить Вамъ и норвежскому правительству, что экспедиція выполнила свой планъ, пересѣкла неизвѣстное полярное море въ области къ сѣверу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ и изслѣдовала область къ сѣверу отъ Земли Франца-Іосифа до $86^{\circ} 14'$ с. широты. Сѣвернѣе 82° не открыто земли.

Капъ Флора. «Послѣднее прости».

Фотографія 7 августа 1896 г.

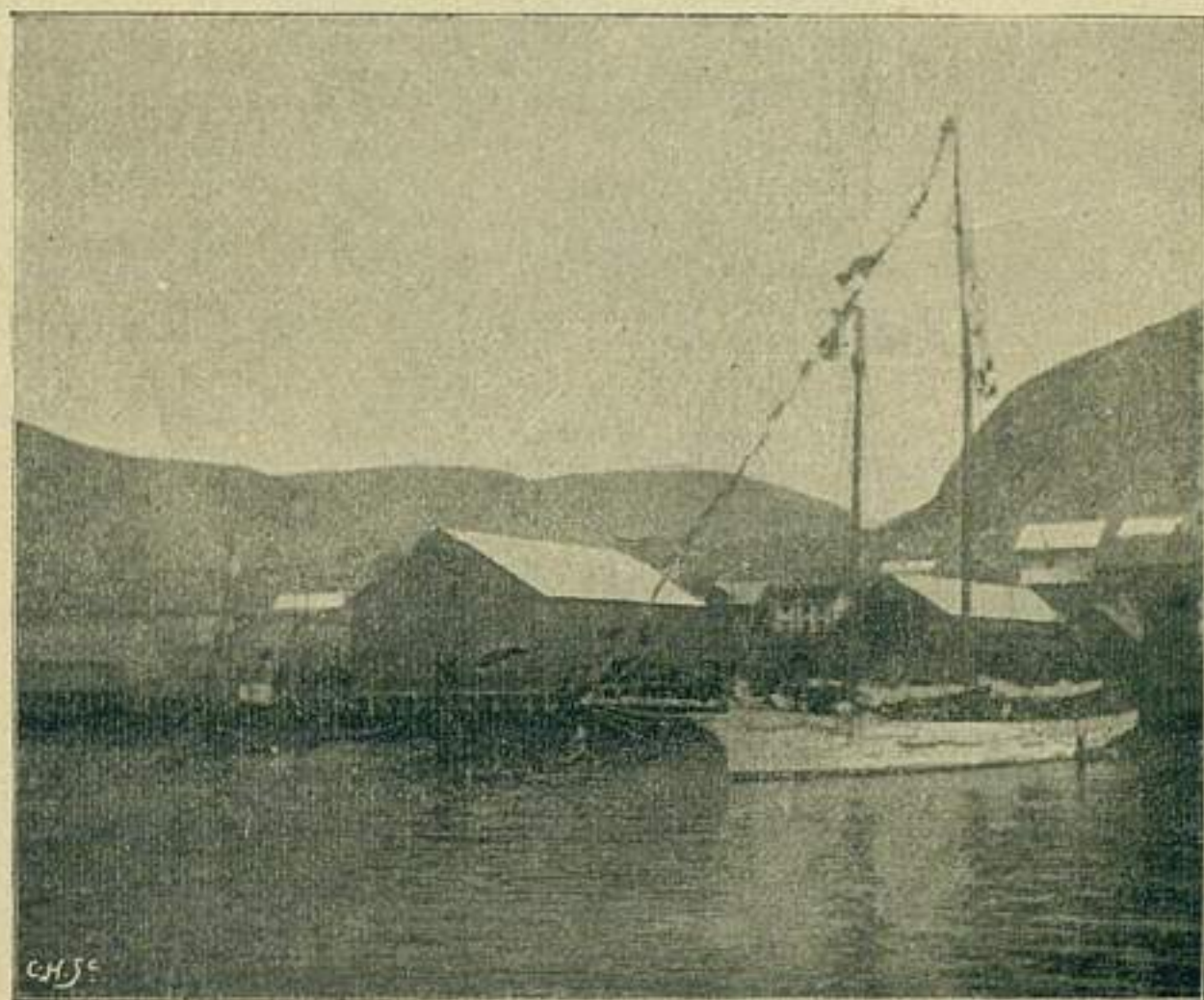
„Лейтенантъ Іогансенъ и я оставили „Фрамъ“ и остальныхъ членовъ экспедиціи 14 марта 1895 г. на 84° с. ш. и $102^{\circ} 27'$ в. д. Мы отправились къ сѣверу, чтобы изслѣдовать море сѣвернѣе курса „Фрама“, затѣмъ направились къ Землѣ Франца-Іосифа, откуда и прибыли съ „Уиндвортомъ“.

„Фрамъ“ ожидаемъ въ этомъ году.

Фритъофъ Нансенъ“.

Начальникъ телеграфной станціи сообщилъ Нансену, что въ городѣ какъ разъ находится профессоръ Монъ, и Нансенъ по-

спѣшилъ въ гостинницу обнять друга, принимавшаго ближайшее участіе въ снаряженіи экспедиціи. Монъ сначала глазамъ своимъ не повѣрилъ при видѣ долговязой фигуры, неожиданно выросшей на порогѣ его комнаты, гдѣ онъ возлежалъ на диванѣ съ трубкой и книгой. Потомъ трубка упала на полъ, лицо профессора передернулось, и у него вырвалось: — Возможно-ли? Фритъофъ Нансенъ!.. Услыхавъ же хорошо знакомый голосъ, онъ со слезами бросился въ объятія Нансена. Югансенъ былъ принятъ не менѣе задуще, и закипѣла бесѣда, состоявшая изъ пере-

Прибытіе «Отаріи» въ Гамерфестъ.

Фотографія 18 августа 1897 г.

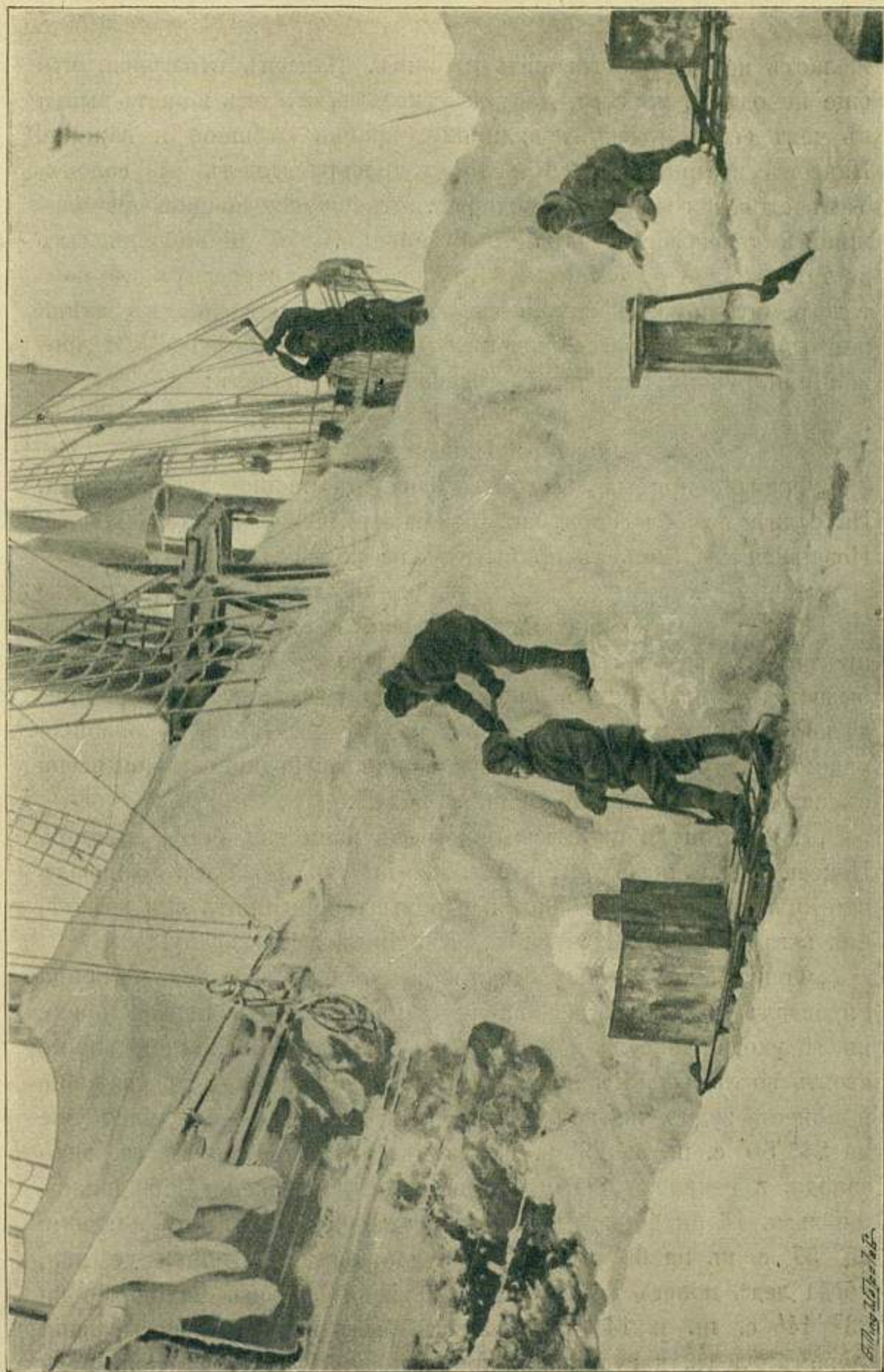
крестныхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Появилось шампанское, а съ улицы стали доноситься привѣтственные клики народа. Вѣсть о возвращеніи Нансена уже успѣла облетѣть городокъ, къ гостинницѣ повалили толпы, а всѣ мачты въ гавани украсились флагами. Такъ было положено начало встрѣчѣ, оказанной Норвегіей своимъ доблестнымъ сынамъ, встрѣчѣ, состоявшей изъ цѣлаго ряда небывалыхъ по грандіозности и задущевности истинно-національных торжествъ и праздниковъ.

18 августа Нансенъ свидѣлся въ Гаммерфестѣ съ женой. Теперь для полноты его счастья не хватало лишь одного—возвращенія „Фрама“. Правда, Нансенъ имѣлъ всѣ основанія быть спокойнымъ за судьбу этого славнаго судна и бывшихъ на немъ

Отто Свердрупъ.

товарищей, но всетаки сердце у него болѣло. И вотъ, утромъ 20-го августа хозяинъ яхты „Отаріа“, на которой находился Нансенъ съ женой, сэръ Джоржъ Бэденъ-Поуэлль, постучалъ въ дверь каюты Нансена, говоря, что какой-то человѣкъ, прибывшій съ берега,

Висвобождене «Фрама» изъ ледяныхъ объятій.

Фотографія снята въ мартѣ 1895 г.

В. Л. М. 1895 г.

желаетъ немедленно говорить съ нимъ. Нансенъ отозвался, что еще не одѣтъ, но сэръ Джоржъ сказалъ, что онъ можетъ выйти въ чемъ есть, — дѣло, повидимому, крайне спѣшное и важное. Нансенъ все-таки одѣлся и тогда только вышелъ въ салонъ. Тамъ стоялъ господинъ, который, отрекомендовавшись начальникомъ телеграфной станціи и заявивъ, что лично пожелалъ доставить „доктору Нансену“ эту особенно интересную для него телеграмму, вручилъ ему послѣднюю. — „Только одно въ свѣтѣ могло теперь интересоваться меня!“ — пишетъ Нансенъ. — „Я дрожащими руками развернулъ телеграмму и прочелъ:

„Скъэрве“. 20/viii, 1896 г.

„Докторъ Нансенъ!

„Фрамъ“ прибылъ сюда сегодня въ полной исправности. На суднѣ все благополучно. Выходимъ немедленно въ Тромсѣ. Поздравляемъ Васъ съ прибытіемъ на родину.

Отто Свердрупъ“.

Радость едва не задушила Нансена, и онъ съ трудомъ могъ проговорить вслухъ: — „Фрамъ“ вернулся! Разумѣется, эта вѣсть была встрѣчена общимъ ликоваіемъ; но высшихъ своихъ предѣловъ она достигла на другой день, когда въ Тромсѣ произошла радостная, трогательная встрѣча вождя экспедиціи и Югансена съ остальными товарищами на „Фрамъ“.

„Я не стану и пытаться описывать наше свиданіе“, — пишетъ Нансенъ. — „Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь изъ насъ сознавалъ что-либо ясно, кромѣ одного: что мы теперь опять все вмѣстѣ, опять въ Норвегіи, вернулись, выполнивъ свою задачу!“

„Фрамъ“, какъ стало извѣстно изъ отчета Свердрупа, до конца оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Въ первое время послѣ ухода Нансена и Югансена, судно продолжало неподвижно стоять во льдахъ. Въ концѣ апрѣля ледъ пришелъ въ движеніе и понесъ судно на западъ. 22 іюня „Фрамъ“ находился уже на $84^{\circ} 50'$ с. ш. и 73° в. д. Затѣмъ, вѣтеръ задулъ съ юго-запада, и началось благопріятное для цѣлей экспедиціи движеніе льда. 16 октября была отмѣчена наивысшая широта, а именно $85^{\circ} 57'$ с. ш. на 66° в. д. Тутъ судно простояло почти до мая, когда ледъ понесъ его къ югу. 19 іюля „Фрамъ“ находился на $83^{\circ} 14'$ с. ш. и 14° в. д. Здѣсь былъ взорванъ сковывавшій „Фрамъ“ ледъ, и судно при крикахъ „ура“ экипажа скользнуло

въ окружавшую ледяное поле открытую воду. Плаванье „Фрама“ продолжалось только до августа, когда, Свердрупъ, выбравъ,

Свердрупъ въ своей каютѣ.

удобное мѣсто, опять далъ льдамъ затереть судно, и послѣднее снова стало подвигаться къ югу вмѣстѣ со льдомъ.

Съ наступленіемъ лѣта 1896 г. окружающій судно ледъ началъ расходиться, но изъ непосредственно охватывавшихъ судно ледяныхъ объятій ему удалось высвободиться не такъ то скоро. Экипажу пришлось усиленно потрудиться въ теченіе нѣсколькихъ дней и снова прибѣгнуть къ подводнымъ минамъ, чтобы выбраться въ открытый фарватеръ. Послѣ того съ 19 іюля по

Скоттъ-Гансенъ.

Нордаль.

Метеорологическая обсерваторія.

Фотографія 1895 г.

13 августа „Фрамъ“ плылъ, все время пробиваясь сквозь довольно плотный пловучій ледъ, а 20-го уже прибылъ въ Скъэрвѣ.

Напоры льда за эти 16 мѣсяцевъ повторялись часто и отличались значительной силой, но ничего подобнаго напору, происхо-

дившему около Нового года (1895 г.) еще въ бытность Нансена на „Фрамъ“, уже не повторялось.

Во все время продолженія экспедиціи на „Фрамъ“ члены ея строго держались установленнаго Нансеномъ порядка научныхъ и другихъ работъ и образа жизни. Больныхъ не было, самое судно вернулось въ такомъ видѣ, что никто и не сказалъ бы, что оно 3 года выдерживало борьбу съ полярнымъ льдомъ, и,

Скоттъ-Гансенъ.

если еще прибавить къ этому цѣнные научные результаты, добытые во время экспедиціи, то Нансенъ, въ качествѣ организатора и вождя ея, имѣлъ полное право гордиться и своимъ планомъ и его выполненіемъ.

Каковы же были научные результаты экспедиціи? Самъ Нансенъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ своемъ описаніи экспе-

диціи такъ: „Матеріаль научныхъ наблюденій экспедиціи настолько разнообразенъ и богатъ, что понадобится много времени для полной обработки его специалистами; до того-же нельзя и составить себѣ сколько нибудь вѣрнаго представленія о размѣрахъ результатовъ. Поэтому придется опубликовать эти результаты въ видѣ отдѣльныхъ научныхъ сообщеній; здѣсь же, прежде чѣмъ закончить это мое описательное сообщеніе, я попытаюсь лишь указать на нѣкоторыя главныя сдѣланныя экспедиціей наблюденія“.

Указанія Нансена, однако, уже даютъ возможность составить себѣ общее понятіе о научномъ значеніи экспедиціи. Даже его

Блессингъ.

Нордаль.

сжатый отчетъ свидѣтельствуесть, что по географіи, океанографіи, гидрографіи, метеорологіи, астрономіи, земному магнетизму, геологіи и біологіи экспедиціей добыты весьма цѣнныя новыя данныя.

Вкратцѣ главныя научныя результаты экспедиціи сводятся къ слѣдующему.

По географіи и океанографіи.—Въ противоположность общему мнѣнію, установленному многими полярными экспедиціями, подтвердилось мнѣніе Нансена о существованіи обширнаго полярнаго бассейна значительной глубины къ сѣверу отъ Ново-Сибирскихъ

острововъ, и явилось достаточно оснований предполагать, что по сую сторону полюса, вблизи отъ него, не можетъ находиться суши — по крайней мѣрѣ сколько нибудь значительныхъ пространствъ ея — а только покрытое льдомъ море. Затѣмъ, также въ противоположность мнѣнію многихъ ученыхъ и путешественниковъ, подтвердилось мнѣніе Нансена, что Земля Франца-Иосифа не простирается особенно далеко къ полюсу и что самая „земля“ эта ни что иное, какъ группа многочисленныхъ довольно мелкихъ острововъ. Земля Вильчека, такъ волновавшая умы съ легкой руки Пайера, оказалась островкомъ, а открытая имъ же Земля Зичи цѣпью мелкихъ островковъ и скалъ, къ западу отъ

Могстадъ.

Юль.

которыхъ простирается море. Кромѣ того, во время плаванья вдоль сѣверо-западныхъ береговъ Сибири экспедиціей было открыто много новыхъ острововъ и констатировано, что вся береговая линія гораздо болѣе изрѣзана, чѣмъ это предполагалось раньше.

Подтвердилось также въ главныхъ чертахъ предположеніе Нансена о существованіи теченія или пассивнаго движенія льда черезъ полярный бассейнъ отъ моря, находящагося къ сѣверу отъ Сибири и Берингова пролива къ морю, находящемуся между Шпицбергеномъ и Грѣнландіей, и болѣе или менѣе установлены причины, управляющія этимъ движеніемъ: вѣтры и морскія те-

ченія подо льдомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнута гипотеза о мощной неподвижной ледяной корѣ въ области полюса. Затѣмъ, добыто много новыхъ данныхъ объ образованіи, структурѣ, мощности и громажденіи льда въ полярномъ бассейнѣ. Удостоверенъ интересный фактъ довольно значительной разницы въ температурѣ между различными слоями воды въ полярномъ бассейнѣ, а также разницы процентнаго содержанія въ нихъ соли.

По метеорологіи. — Опровергнута гипотеза о жестокихъ, непереносимыхъ человѣкомъ холодахъ и вѣтрахъ въ полярной области, и удостоверено существованіе въ этой области даже болѣе мягкой зимней температуры, нежели въ нѣкоторыхъ обла-

Амундсенъ.

Гендриксенъ.

стяхъ Сибири (самая низкая температура отмѣченная въ теченіе всей экспедиціи равнялась — 52,6 Ц., тогда какъ напр. въ г. Верхоянскѣ бываетъ и — 63 Ц.).

По біологіи. — Удостоверено существованіе животной и растительной жизни даже въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ (во всякомъ случаѣ за 84-ой параллелью).

Въ заключеніе этого краткаго резюме, приведемъ слова самого Нансена, которыми онъ заканчиваетъ свой отчетъ о значеніи экспедиціи.

„Какія же указанія можно извлечь изъ нашего опыта для послѣдующихъ полярныхъ экспедицій?

„Прежде всего, я думаю, наша экспедиція вполнѣ доказала цѣлесообразность примѣненнаго нами способа путешествія. Теперь нечего больше сомнѣваться въ возможности построить судно, которое въ состояніи выдержать любой напоръ льдовъ въ полярныхъ областяхъ, а также въ возможности, при надлежащей подготовкѣ, благополучнаго продолжительнаго плаванья на подобномъ суднѣ и по нашемъ способу по всему полярному бассейну. Опасности, конечно, возможны, но онѣ не больше, а меньше, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ передвиженія. Нашъ же способъ представляетъ еще особыя преимущества. Судно, подобное „Фраму“, и примѣняющее тотъ же способъ плаванья во льдахъ, образуетъ въ сущности первоклассную

Петерсенъ.

Якобсенъ.

подвижную обсерваторію, дающую полную возможность производить самыя разнообразныя научныя наблюденія въ теченіе очень продолжительнаго срока времени. Такое же продолжительное пребываніе въ этихъ областяхъ должно дать возможность собрать богатый матеріалъ, который раскроетъ передъ нами полную картину физическихъ условій въ этихъ областяхъ. Нашъ опытъ поможетъ другимъ экспедиціямъ поставить упомянутыя наблюденія еще цѣлесообразнѣе. Можно устроить на суднѣ лабораторіи, въ которыхъ будутъ производиться самыя тончайшія научныя изслѣдованія. Лучше всего было бы, если бы новая подобная экспедиція проникла въ такую часть поляр-

наго океана, которая остается еще неизвѣстной. Если бы ей удалось на своемъ суднѣ направиться на сѣверъ изъ Берингова пролива и застѣсть во льдахъ къ сѣверу или сѣверо-востоку отъ него, то, я думаю, судно пересѣкло бы полярный бассейнъ гораздо сѣвернѣе нашего курса, и въ результатѣ экспедиція, безъ сомнѣнія, вернулась бы съ богатымъ и цѣннымъ научнымъ матеріаломъ, съ цѣлымъ запасомъ новыхъ свѣдѣній, которыхъ упорно добивается пытливый человѣческій умъ. Но такая экспедиція затянется дольше нашей; я думаю, она продлится лѣтъ пять. Многіе скажутъ, можетъ быть, что это невозможно, что никакое здоровье не выдержитъ столь продолжительнаго пребыванія въ этихъ широтахъ. Но я, на основаніи собственнаго опыта, могу заявить, что, напротивъ, арктическія области необыкновенно здоровое мѣстопробываніе. Въ теченіе 15 мѣсяцевъ, проведенныхъ мной и Югансеномъ среди льда и снѣга на широтѣ 84° — 86° , я прибавился въ вѣсѣ на 10 килогр., даромъ, что мы сидѣли на самой однообразной пищѣ. И воротился я въ Норвегію въ наилучшемъ состояніи здоровья. Тѣ же самые благопріятные результаты пребыванія въ полярныхъ областяхъ наблюдалъ я на „Фрамѣ“. И фізіологическія изслѣдованія, предпринимавшіяся врачомъ на „Фрамѣ“, подтверждаютъ это. По разработкѣ этихъ фізіологическихъ изслѣдованій, получится прекрасный матеріалъ для освѣщенія гигиеническихъ условій нашей экспедиціи въ назиданіе послѣдующимъ экспедиціямъ. Для меня теперь нѣтъ сомнѣнія, что страшный бичъ полярныхъ экспедицій—скорбуть вызывается исключительно употребленіемъ въ пищу недоброкачественной, не свѣжей провизіи — мяса и рыбы, въ которыхъ уже развелись яды, близкіе къ птомаинамъ. Простѣйшій способъ избѣжать скорбута обезпечить себя консервами безукоризненной заготовки и свѣжести.

„Еще одному можетъ, пожалуй, научить наша экспедиція, тому, что и съ небольшими средствами можно достигнуть въ смыслѣ изученія полярныхъ областей многого. Подражая эскимосскому образу жизни и пользуясь каяками, санями и собаками, можно проникнуть далеко къ сѣверу и проходить значительныя разстоянія въ областяхъ, считавшихся до сихъ поръ почти недоступными. Придерживаясь такого способа изслѣдованія, можно пройти отъ земли по пловучему льду очень далеко

и не только по неподвижному, но и по находящемуся въ движеніи и, по моему мнѣнію, такимъ именно образомъ и должна быть изслѣдована великая неизвѣстная область между Сѣверо-Американскимъ арктическимъ архипелагомъ и полюсомъ. Тамъ ждетъ разрѣшенія много важныхъ вопросовъ. И эти области должна пройти нога человѣческая!“ — —

Норвежцы, устраивая своему знаменитому земляку Нансену и его товарищамъ во всѣхъ городахъ небывалую по торжественности и задушевности встрѣчу, руководились не столько научнымъ значеніемъ экспедиціи, о которомъ и не могли еще имѣть надлежащаго представленія, сколько національнымъ и общечеловѣческимъ значеніемъ самаго подвига, какимъ по справедливости была признана экспедиція.

Особенно ярко сказалась эта точка зрѣнія въ привѣтственныхъ рѣчахъ Нансену короля Оскара II, маститаго норвежскаго поэта Бьёрнстjerne-Бьёрнсона и профессора Брэггера.

За параднымъ обѣдомъ въ Христіанійскомъ дворцѣ, даннымъ въ честь членовъ экспедиціи, король сказалъ между прочимъ слѣдующее:

„Сегодняшній день воистину достопамятный день. Память о немъ вѣрнется глубокими золотыми рунами въ гранитныя скрижали исторіи. Великія географическія открытія, безъ сомнѣнія, стоятъ на ряду съ величайшими побѣдами науки вообще, являясь событіями, принадлежащими, какъ по своимъ косвеннымъ выгодамъ, такъ и по прямымъ послѣдствіямъ, не исключительно какой нибудь отдѣльной странѣ, но всему человѣчеству. — Это общее значеніе не исключаетъ, однако, того, чтобы та страна, тотъ народъ, сыны котораго совершили такой подвигъ, не имѣли права привѣтствовать ихъ съ особой гордостью и радостью. Поэтому-то наше привѣтствіе теперь, когда тебя, Фритъофъ Нансенъ, и твоихъ отважныхъ товарищей привѣтствуетъ весь свѣтъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, нежели привѣтствія другихъ, а именно восторгъ, основанный на любви къ родинѣ, воодушевляющій насъ потому, что подвигъ совершонъ сынами Норвегіи и такимъ образомъ въ полномъ значеніи слова является норвежскимъ. — „Фрамъ“ поднялся сѣвернѣе всѣхъ другихъ судовъ, когда либо прорѣзавшихъ полярныя льды, а еще дальше къ сѣверу проникъ безстрашный вождь экспедиціи съ однимъ

лишь товарищемъ, перенеся съ нимъ въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ такія лишенія, преодолевъ такія опасности, одна мысль о которыхъ вызываетъ въ насъ и ужасъ и безусловное преклоненіе. Всемогущее Благое Провидѣніе бодрствовало надъ нашими земляками, странствующими вдали отъ насъ, и Податель всѣхъ благъ даровалъ имъ счастье вернуться обратно. Въ эти дни много говорятъ о счастьѣ, объ удачѣ, сопровождавшихъ экспедицію. Я не отрицаю удачи, но не слѣдуетъ придавать ей преобладающаго значенія. Удача чаще всего присоединяется къ уму и мужеству, и гораздо справедливѣе было бы въ данномъ случаѣ упирать не на удачу, а на изумительную точность расчетовъ, въ силу которыхъ „Фрамъ“ и его вождь достигли родныхъ береговъ почти въ одинъ день. И вотъ, среди норвежскихъ скалъ раздался двойной взрывъ радости и привѣтствій возвратившимся славнымъ землякамъ. Слѣдованіе „Фрама“ вдоль береговъ Норвегіи стало триумфальнымъ шествіемъ столь же единственнымъ въ своемъ родѣ, сколь и заслуженнымъ, и завершоннымъ сегодня, когда „Фрамъ“ бросилъ якорь въ Христіанійской гавани, изъ которой отплылъ три съ лишкомъ года тому назадъ. Вернулся онъ обратно съ полнымъ составомъ экипажа и съ такимъ остаткомъ провіанта, котораго хватило бы еще на долгій срокъ, что одно уже служитъ яркимъ доказательствомъ той предусмотрительности, которая проявляясь, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, явилась причиной успѣха экспедиціи. Теперь, вы, сыны нашей старой Норвегіи, собрались здѣсь въ королевскомъ дворцѣ, и король Норвегіи считаетъ своей священной обязанностью, какъ и неотъемлемымъ правомъ, выразить волнующія въ эту минуту весь норвежскій народъ чувства. Итакъ, примите черезъ меня искреннюю и горячую благодарность отъ всего народа за то, что вы сдѣлали, за ту радость, которую доставили норвежскимъ сердцамъ, за тотъ блескъ славы, который, благодаря вамъ, отражается теперь на нашемъ отечествѣ. Эта народная благодарность не умретъ вмѣстѣ съ народнымъ восторгомъ, она переживетъ насъ, будетъ передаваться изъ рода въ родъ, пока стоятъ норвежскія скалы“!

Торжества въ столицѣ Норвегіи въ честь членовъ экспедиціи продолжались пять дней и закончились грандіознымъ народнымъ праздникомъ на площади передъ крѣпостью. Народу собралось

свыше 40,000. На этомъ праздникѣ маститый норвежскій поэтъ Бьёрнсонъ и произнесъ свою пламенную патріотическую рѣчь, извлеченія изъ которой мы приводимъ здѣсь.

— „Частенько спрашиваютъ: гдѣ норвежскій народъ, что изображаетъ собой норвежскій народъ? Но тутъ онъ явился на лицо. Совершилось нѣчто такое, что поняли и дѣвушки, и парни, и старики, и старухи, и къ чему, казалось имъ, и они всѣ были причастны малую толику. Теперь я и спрошу молодежь, пережившую все это, не прониклась-ли она бѣльшимъ уваженіемъ къ мужеству, выдержкѣ и самообладанію, не поставитъ-ли себѣ теперь болѣе великихъ цѣлей, нежели до сихъ поръ? Если-же горячность ея намѣреній превратится въ національное богатство, не увеличится-ли благосостояніе родины? Норвегіи принадлежит огромная доля заслуги въ подвигѣ, совершенномъ экспедиціей. Добросовѣстность снаряженія ея и глубокое чувство долга, проявленное ея участниками—порожденіе многихъ поколѣній. Много поколѣній должны были участвовать въ созданіи этихъ качествъ. Не одинъ отдѣльный родъ, а много. Добросовѣстность и чувство долга — самыя драгоцѣннѣйшія, благороднѣйшія украшенія народа. И норвежскій народъ вправѣ принять на свою долю часть похвалъ, сыплющихся теперь на Нансена и его товарищей за добросовѣстное выполненіе ими долга. Когда читаешь пять шесть строкъ описанія Нансена о томъ, какъ имъ пришлось убавить себѣ дневные пайки, перепрыгивать съ льдины на льдину, почти не видя выхода и видя передъ собою лишь выполненіе долга во что бы то ни стало, или сообщеніе Свердрупа о томъ, что впереди, насколько можно было видѣть въ лучшую подзорную трубу, громоздился одинъ ледъ, а они все-таки шли впередъ, потому что этого требовалъ *долгъ* — понимаешь, что *такая* выдержка, *такая* настойчивость въ выполненіи долга ведутъ свое начало не со вчерашняго дня, а имѣютъ глубокіе корни. Въ любой хижинѣ, и среди шхеръ, и въ скалахъ, вездѣ вы найдете кое-что родственное. Вынесенные *этими* людьми невзгоды, претерпѣнныя ими опасности и страданія далеко не всѣ еще намъ извѣстны, но намъ довольно знать и того, что, по утвержденію старыхъ опытныхъ полярныхъ мореходовъ, прожить и одну зиму въ полярныхъ пустыняхъ почти превышаетъ человѣческія силы, а эти молодцы прожили три и готовы про-

жить и четвертую и пятую. Довольно прочесть описаніе того, какъ выглядѣли Нансенъ и Югансенъ, когда наткнулись на людей на Землѣ Франца-Иосифа, чтобы судить о томъ, что они вынесли ради чести Норвегіи и пользы науки. Довольно остановиться на томъ моментѣ, когда Нансенъ со своимъ спутникомъ покинули твердую точку опоры—свое судно и своихъ товарищей и ринулись навстрѣчу невѣдомому; довольно, говорю я, взять этотъ моментъ, чтобы понять, что такое мужество. Напомню здѣсь еще объ одномъ. Иное дѣло выказать мужество среди бѣлаго дня, иное среди мрака. Иное дѣло выказать мужество, когда теплота сообщаетъ твоему тѣлу гибкость, душѣ бодрость, иное — выказать мужество среди льдовъ, гдѣ все стынетъ отъ холода. Иное дѣло выказать мужество, когда знаешь, что, преодолевъ опасности, найдешь знакомый уголь, теплую постель, и иное — выказать мужество на такомъ пути, какъ они, зная, что, преодолевъ опасность, они проберутся въ мѣста, еще болѣе неизвѣстныя, холодныя, пустынные! Вотъ это *мужество*! И смѣю сказать, эти *двое* достигли наивысшихъ градусовъ человѣческаго мужества, какіе вообще могутъ быть достигнуты!—Не буду говорить о научныхъ результатахъ экспедиціи. Намъ довольно знать, что они, по отзывамъ авторитетовъ, принадлежатъ къ такимъ, которые дѣлаютъ эпоху. Нансенъ указалъ путь къ сѣверному полюсу, и теперь достиженіе его—лишь собачій *) вопросъ. Но вотъ что я хочу сказать: если бы теперь, по возвращеніи, Нансенъ и его спутники не могли рассказать ничего другого, кромѣ того, что они проникли на сѣверъ до такихъ-то и такихъ-то градусовъ широты, то экспедиція его не имѣла бы значенія для всего человѣчества. Мы и тогда приняли бы его съ восторгомъ, но не съ такимъ, какъ теперь. Такъ вотъ, чтобы выразить этимъ людямъ свою благодарность, обнажимъ головы. Примите наше спасибо за то, что вы по мѣрѣ силъ потрудились во славу и честь Норвегіи, за то, что умножили богатство страны, умноживъ въ народѣ любовь къ ней и вѣру народа въ собственные силы; за все то, что вы сдѣлали для науки и за то, что превратили насъ на время какъ бы въ одну семью, счаст-

*) Юмористическій намекъ на недостатокъ собакъ, задержавшій Нансена въ его стремленіи къ полюсу.

Изданія А. Ф. ДЕВРІЕНА:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. Остр., Румянцевская площ., соб. домъ.

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

Памиръ.—Тибетъ.—Восточный Туркестанъ.

Путешествіе, совершенное въ 1893—1897 гг. СВЕНОМЪ ГЕДИНОМЪ.

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ. Съ разрѣшенія автора.

Два тома въ 61 печатный листъ, 951 стран. текста съ 257 рис. и 3 картами.

Съ Всемилостивѣйшаго соизволенія изданіе это посвящено авторомъ Имени
Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Цѣна 6 руб. 50 коп., въ переплетѣ 8 руб.

Учен. Комит. Мин. Народн. Просв. одобрена для фундамент. библіотекъ всѣхъ средн. учебн. заведеній Министерства, для ученич. старш. возр. библ. мужскихъ гимназій и реальн. училищъ и для раздачи ученикамъ этихъ учебн. заведеній въ награду, а также допущена въ бесплатныя читальни.

Сочиненіе молодого шведскаго изслѣдователя, Свена Гедина, не представляетъ сухого труда, исключительно ученаго характера; напротивъ, С. Гединъ рассказываетъ простымъ, яснымъ языкомъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ всего пережитаго, о своихъ сказочныхъ странствованіяхъ по пустынямъ, совершенныхъ съ необыкновеннымъ мужествомъ, о страданіяхъ отъ голода и жажды и нападеніяхъ враждебныхъ туземцевъ; о восхожденіяхъ на высоты, никѣмъ до него не достигнутыя и о переходахъ съ караваномъ въ снѣжные бураны и песочные ураганы — и тѣмъ рисуетъ картины, полныя живого интереса для каждаго образованнаго читателя..

Изъ отзывовъ печати: Новое Время. — «Дѣйствительно, по богатству достигнутыхъ результатовъ, путешествіе Свена Гедина должно быть признаннымъ однимъ изъ болѣе выдающихся, не говоря уже о его во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ и обильныхъ приключеніями странствованіяхъ по безызвѣстнымъ мѣстностямъ, куда ранѣе не ступала нога свропейца».

НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

Три года въ Уссурійскомъ краѣ.

Съ 36 рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края. Д. И. Шрейдера.

Цѣна въ обложкѣ 3 р. 50 к., въ роскошн. коленкор. пер. 4 р. 25 к.

Рекомендовано: 1) Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для учительскихъ и ученическихъ старшаго возраста библіотекъ сред. учебн. завед. и городск. училищъ, для библіотекъ учит. институтовъ и семинарій и для безпл. народн. библіотекъ и читаленъ. 2) Главн. Военнымъ Упр. военно-учебн. завед. для ротн. библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ книгѣ «Нашъ Дальній Востокъ», авторъ которой во время своего трехлѣтняго пребыванія въ краѣ находился въ условіяхъ, дававшихъ ему возможность познакомиться съ наиболѣе выдающимися сторонами жизни далекой окраины, читатель найдетъ разнообразный матеріалъ: историческій, географическій, этнографическій, бытовой, экономическій и т. п.

КИТАЙ и КИТАЙЦЫ.

Жизнь, бытъ и нравы современнаго Китая, Эрнста ф.-Гессе-Вартега.

Переводъ со 2-го испр. и дополн. нѣмецк. изд. А. и П. Ганзенъ.

Съ 32 отд. гравюр. и 114 рис. въ текстѣ.

ЦѢНА 4 руб. 50 коп., въ коленк. перепл. 5 руб. 50 коп.

Изъ отзывовъ печати: «Восточный Вѣстникъ». — «Среди нашей большой публики свѣдѣнія о Китаѣ и его населеніи распространены весьма смутныя, причемъ отрывочныя данныя, появившіяся на страницахъ газетъ послѣдняго времени, въ связи съ вызвавшими ихъ появленіе событіями, пожалуй, сдѣлали эти свѣдѣнія еще болѣе смутными и превратными. Приводимыя въ этой книгѣ свѣдѣнія отличаются полной безпристрастностью, довольно полны и являются результатомъ многосторонней наблюдательности автора. Переводъ очень хорошъ, грамотенъ, книга читается легко и съ удовольствіемъ».

«Амурскій Край». — «Для человѣка, незнакомаго съ Срединной Имперіей, книга эта представляетъ не малый интересъ. Она даетъ свѣдѣнія о всѣхъ социальныхъ условіяхъ этой своеобразной страны; она знакомитъ съ экономической ея жизнью, промышленностью, культурой и религиозными воззрѣніями народа. Въ ней также живо описывается жизнь городовъ и ихъ промышленное значеніе. Книга эта предназначена для обширнаго круга читателей; въ ней дается правдивое и ясное представленіе о жизни, нравахъ и обычаяхъ современнаго Китая; написана она изящнымъ легкимъ языкомъ, къ тому же издана прекрасно, снабжена иллюстраціями, снимками и картой Китайской Имперіи».

По Средней Азіи.

Записки художника. Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго.

Съ 199 рис. автора на отдѣльн. листахъ и въ текстѣ.

Въ оригинальной хромолитографированной обложкѣ. ЦѢНА 5 руб.

ВОСТОКЪ.

Страны креста и полумѣсяца и ихъ обитатели.

Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе Левантскаго міра.

Составилъ П. А. Стенинъ,

дѣйствит. членъ Имп. Русск. Географ. Общества.

Одинъ большой томъ, болѣе 200 полиטיפажей въ текстѣ и 64 отд. гравюрь.

ЦѢНА въ обложкѣ 5 руб., въ перепл. 6 руб.

Русскіе мореплаватели.

Арктическіе и кругосвѣтные.

1-ая серія «Русскихъ путешественниковъ-ислѣдователей». Путешествіе В. Беринга, Г. Сарычева, Ф. П. фонъ-Врангеля, графа Ф. П. Литке, П. Пахтусова, А. Норденшельда, И. Ф. фонъ-Крузенштерна и Ф. Ф. фонъ-Беллингсгаузена.

Обработано по подлиннымъ ихъ сочиненіямъ **М. А. Лялиной**. 2-е изд.
Со многими рис. и картою. ЦѢНА 2 руб. 75 коп., въ перепл. 3 руб. 25 коп.

1-е изданіе одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. какъ для библиотекъ средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и для раздачи воспитанник. младшаго возраста въ видѣ подарка.

Русскіе мореплаватели

Головинъ, Коцебу, Невельской.

2-ая серія «Русскихъ путешественниковъ-ислѣдователей». Головинъ въ плѣну у японцевъ. Плаваніе Коцебу на «Рюрикъ». Присоединеніе Амурскаго края. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ **М. А. Лялиной**.
Съ рис. Въ иллюстр. перепл. ЦѢНА 3 руб.

Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старшаго и средняго возрастовъ, библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для ученическихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнъ.

Путешествія по Туркестану

Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки.

Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ **М. А. Лялиной**.
Съ 81 рис. и картою. Въ иллюстр. перепл. ЦѢНА 2 руб. 50 коп.

Книга эта одобрена Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ институтовъ.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго

въ восточной и центральной Азіи.

Уссурийскій край. — Монголія и страна тангутовъ. — Лобъ-Норъ. — Тибетъ. —
Верховья и источники Желтой рѣки.

Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ **М. А. Лялиной**. 2-е просм. изд.
Съ 60 иллюстр. и 2 картами. ЦѢНА 2 р. 25 к., въ коленкор. пер. 2 р. 75 к.

1-е изданіе одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и учительскихъ институтовъ.

Путешествія Г. Н. Потанина

по Китаю, Тибету и Монголіи.

Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ **М. А. Лялиной**.
Съ 48 рис., портр. и картою. ЦѢНА 1 р. 75 к., въ коленкор. пер. 2 р. 50 к.

Одобрено для ученич. средняго и старшаго возрастовъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ, а также для ученическихъ библиотекъ учительск. институтовъ и семинарій и допущено въ бесплатныя народн. читальни и библиотеки.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ.

Изложены **Э. Ю. Петри**, профес. Императ. С.-Петербургск. университета.

Съ 158 рис. въ текстѣ, портретомъ и картою. 2-е изд.

ЦѢНА 1 руб. 50 коп., въ перепл. 2 руб.

1-е изданіе этой книги рекомендовано Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и для ученическихъ старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

❖ РОССІЯ. ❖

Полное географическое описаніе нашего отечества.

Настольная и дорожная книга для русскихъ людей.

Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова, вице-презид. Имп. Русск. Геогр. Общ. и академика проф. В. И. Ламанскаго, пред. Отд. Этвогр. Имп. Русск. Геогр. Общ. Подъ редакціею В. П. Семенова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ И ВЕРХНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ.

Описаніе губ.: Московской, Калужской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Костромской и Нижегородской.

Составили: А. П. Нечаевъ, И. П. Семеновъ, А. В. Томинъ, П. Ю. Шмидтъ, А. А. Достоевскій, А. П. Педашенко, С. А. Адрияновъ, И. Н. Сырневъ, В. В. Морачевскій и В. П. Семеновъ.

Съ 74 политипажами, 24 діаграмм., картограмм., схематическ. профилями, 1 большой справочной и 6 малыми картами.

ЦѢНА 1 р. 75 к., въ мягкой папкѣ 2 р., въ коленкор. пер. 2 р. 25 к.

Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. рекомендованъ для фундамент. и ученич. старш. возр. библіотекъ средн. учебн. заведеній и для раздачи воспитанникамъ сихъ заведеній въ награду, а также и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для ученич. библіотекъ низшихъ училищъ и сверхъ того допущенъ въ безплатны читальни.

Учен. Комит. Мин. Землед. и Госуд. Имуществъ рекомендованъ для библіотекъ подѣл. домовственныхъ Министерству учебн. заведеній.

Учен. Комит. Мин. Финансовъ рекомендованъ, какъ пособие для преподавателей географіи и учениковъ старш. клас. коммерческихъ учебн. заведеній Вѣдомства Мин. Финансовъ, а равно и для награжденія наиболее успѣвающихъ по географіи учениковъ.

Главн. Упр. Военно-Учебн. завед. рекомендовано для фундамент. и ретн. библ. военныхъ и юнкерскихъ училищъ и для фундамент. библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ОЗЕРНАЯ ОБЛАСТЬ.

Описаніе губ.: Петербургской, Псковской, Новгородской и Олонецкой.

Составили: Б. Г. Карповъ, Н. И. Ильинъ, Я. Ф. Ставровскій, В. В. Морачевскій, А. М. Рыкачевъ, Н. А. Соколовъ и А. Н. Успенская.

Съ 119 полит., 37 діагр., картогр., схемат. проф., 1 больш. справочн. и 8 мал. карт.

ЦѢНА 1 р. 90 к., въ мягкой папкѣ 2 р. 15 к., въ переплетѣ 2 р. 40 к.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

СРЕДНЕЕ И НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И ЗАВОЛЖЬЕ.

Описаніе губ.: Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской.

Составили: Н. А. Ососковъ, Н. А. Коростелевъ, Н. Г. Гавриловъ и И. Н. Сырневъ.

Съ 98 полит., 35 діагр., картогр., схемат. проф., 1 больш. справочн. и 10 мал. карт.

ЦѢНА 2 р. 50 к., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 к., въ переплетѣ 3 р.

Сочиненіе это распадается на 22 отдѣльныхъ тома, а именно: 1) Московская промышленная область и Верхнее Поволжье, 2) Средне-русская черноземная область, 3) Озерная область, 4) Сѣверная область, 5) Прикамскій край, 6) Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье, 7) Малороссія, 8) Подѣл. Поволжье, 9) Верхнее Подѣл. Поволжье и Бѣлороссія, 10) Литва, 11) Привислянскій край, 12) Прибалтійскій край, 13) Финляндія, 14) Новороссія, 15) Кавказъ, 16) Западная Сибирь, 17) Средняя и Восточная Сибирь, 18) Гиргизскій край, 19) Средне-азиатскія владѣнія, 20) Приамурская и Тихоокеанская окраины, 21) Русскія моря, 22) Общій.

Томы этого сочиненія выходятъ въ свѣтъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ потому, что, вслѣдствіе обширности программы всего изданія, составленіе и обработка матеріала поручена редакціей многочисленнымъ сотрудникамъ, живущимъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Выходить изъ печати ранѣе тотъ томъ, матеріалъ коего былъ ранѣе собранъ. Отъ такого порядка все изданіе ничуть не пострадаетъ, такъ какъ каждый отдѣльный томъ представляетъ собой самостоятельное цѣлое.

Изданія А. Ф. ДЕВРИЕНА въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПТИЦЫ ЕВРОПЫ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ОРНИТОЛОГІЯ СЪ АТЛАСОМЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПТИЦЪ.

СОСТАВИЛИ:

профессоръ Н. А. Холодковскій, и ассистентъ А. А. Силантьевъ,
преподоват. зоологіи въ Слб. Лѣсн. Инстит. преподоват. охотовѣденія въ Слб. Лѣсн. Инст.

867 страницъ текста in 4°, съ 237 политипажами, 4 картами и 60 таблицами въ краскахъ изображеній 575 птицъ, 133 типичныхъ яицъ и способовъ препаровки птичьихъ шкурокъ и набивки чучель. Цѣна съ пересылкой 18 рублей, въ полукожанномъ переплетѣ 21 рубль.

Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для учител. и ученич. старш. возр. библиотѣкъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительск. институт. и семинарій Министерства.

Эта книга представляетъ собою попытку дать общедоступное руководство по орнитологіи, подготовляющее къ научному изученію птицъ и дающее притомъ возможность опредѣлить ихъ съ помощью подробныхъ описаній, аналитическихъ таблицъ и раскрашенныхъ рисунковъ.—Большая часть хромолитографированныхъ таблицъ взяты изъ нѣмецкой книги Арнольда „Die Vögel Europas“, что же касается текста, то онъ весь написанъ вновь, по самостоятельно выработанной программѣ. Сочиненіе въ русскомъ изданіи распадается на два отдѣла: общій и спеціальный. Общій отдѣлъ, въ свою очередь, распадается на двѣ части; изъ нихъ первая заключаетъ въ себѣ анатомофизиологическій очеркъ организма птицъ и главы о размноженіи, классификаціи, географическомъ распространеніи и перелетахъ птицъ; вторая часть даетъ рядъ практическихъ свѣдѣній, подробно уясняющихъ любителю и начинающему цѣли и приемы изученія орнитологіи, равно какъ и способы коллектированія и препаровки птицъ и составленія всестороннихъ орнитологическихъ коллекцій. Въ концѣ второй части приложенъ аналитическій опредѣлитель птицъ. Въ спеціальному отдѣлѣ, наконецъ, разсматриваются въ систематическомъ порядкѣ отдѣльные виды европейскихъ птицъ, причѣмъ особенное вниманіе обращено на русскую фауну. Предлагаемая книга, давая наглядное представленіе о европейской и русской фаунѣ птицъ, сообщаетъ въ то же время обильный запасъ практическихъ свѣдѣній, полезныхъ для любителя, охотника и сельскаго хозяина.

Опредѣлитель европейскихъ птицъ.

Составилъ А. А. Силантьевъ, преподаватель охотовѣденія и ассистентъ по кафедрѣ зоологіи при Слб. Лѣсномъ Институтѣ, и. д. старшаго спеціалиста Департамента Земледѣлія по прикладной зоологіи, членъ бюро Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по промысловой зоологіи, рыбоводству и рыболовству. (Перепечатано изъ сочиненія «Птицы Европы» Н. А. Холодковского и А. А. Силантьева). Съ 75 политипажами въ текстѣ, изъ коихъ 70 оригинальныхъ. Цѣна 1 руб. 20 коп.

АТЛАСЪ БАБОЧЕКЪ ЕВРОПЫ

И ОТЧАСТИ

РУССКО-АЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Э. ГОФМАНЪ.

Обработалъ и дополнялъ примѣнительно къ русской фаунѣ Н. А. Холодковскій, профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи. Большой томъ in folio 355 стр. текста, съ 54-мя политип. и 72-мя раскраш. таблиц. 2000 видовъ бабочекъ и гусеницъ. Цѣна сброшюр. экз. 15 р., въ роскош. полукож. перепл. 17 р. 50 к. Рекомендованъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для приобрѣтенія въ фундаментал. библ. реальн. училищ.

Изданія А. Ф. ДЕВРІЕНА въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ЖИЗНЬ ПРѢСНЫХЪ ВОДЪ.

Животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространеніе и значеніе для человѣка.

Сочиненіе Проф. Д-ра **К. Ламперта**.

Переводъ съ нѣмецкаго, съ дополненіями примѣнительно къ русской фаунѣ и флорѣ подъ редакціею д-ра зоологін Н. А. Холодковскаго, проф. Имп. Военно-Медицинской Академіи и канд. ест. наукъ И. Д. Кузнецова, дѣйств. членъ Имп. Росс. Общ. Рыбовод. и Рыболовства. Одинъ большой томъ въ 2-хъ частяхъ, 880+XXXVII стран. текста, съ 12 табл. въ краскахъ и фототипіяхъ, 16 таблицами изображеній прѣсноводныхъ рыбъ и 380 политипаж. въ текстѣ.

ЦѢНА 8 руб., въ полукожанномъ перепл. 9 руб. 50 коп.

Рекомендовано Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для учит. библ. тѣхъ средн. учебн. заведеній, въ которыхъ преподается естествовѣд., и для библиотекъ учительск. инстит. и семинарій и Учен. Комит. Мин. Землед. и Госуд. Имущ. для библиотекъ подѣдомствен. М-ву учебныхъ заведеній.

БОТАНИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ,

По системѣ де-Кандоля, **К. Гофмана**. Съ измѣненіями и дополненіями примѣнит. къ Россіи. Подъ редакціею Н. А. Монтеверде, главнаго ботаника Имп. Спб. Ботаническаго Сада. Большой томъ in-4° съ 80-ю табл., изображ. 459 раст. въ краск., 42 листа текста съ 735 полит. Изд. 2-е, соверш. вновь обработ. и значит. дополи.

ЦѢНА 12 руб., въ полукож. перепл. 14 руб. 50 коп.

Рекомендовано для учительск. библиот. среднеучебн. заведеній Мин. Нар. Просв., учительск. институтовъ и семинарій и городск. училищъ, а также для ученическихъ библиот. реальныхъ училищъ и для раздачи ученикамъ этихъ училищъ въ награду.

КОМНАТНОЕ САДОВОДСТВО.

Уходъ за комнатными растеніями, ихъ выборъ и размноженіе.

Приспособленіе комнатъ для культуры въ нихъ растений. Практич. руководство для любителей и садоводовъ. Соч. **М. Гесдерфера**. Перев. съ нѣмец. со многими дополнен. и измѣнен. примѣнит. къ условіямъ, встрѣчаемымъ въ Россіи, **А. Семенова**. Съ 16-ю отдѣльн. грав. таблиц. и 340 полит. въ текстѣ. Больш. томъ 630 стран.

ЦѢНА 5 руб., въ переплетѣ 6 руб. 25 коп.

ОРНАМЕНТЪ

всѣхъ временъ и стилей. 100 таблицъ (in folio), исполненныхъ хромолитографіею въ богатыхъ краскахъ, изображающихъ болѣе 1200 орнаментальныхъ мотивовъ. Съ объяснител. текстомъ (22 листа съ 235 черными политип.) **Н. Ѳ. Лоренца**, преподавателя искусствъ въ Спб. реальномъ училищѣ К. Мая, въ Спб. Елизаветинск. и Николаевск. Сиротскомъ институтахъ и друг. учебн. заведеніяхъ.

ЦѢНА сброш. экз. 16 руб., въ портфелѣ 16 руб. 50 коп., въ коленкор. перепл. 18 руб. 50 коп., въ полукож. перепл. 19 руб.

Изданія эти продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столичныхъ и провинціальныхъ городовъ; лица же, не имѣющія сношеній съ ближайшими книжными магазинами, благоволятъ направлять свои требованія непосредственно къ издателю **А. Ф. Девріену**, С.-Петербург., Вас. Остр., Румянц. площ., соб. домъ.
